

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ
в СССР.

ОТНЫНЕ НАСТУПАЕТ НОВАЯ ПОЛОСА В ИСТОРИИ РОССИИ, И ДАННАЯ ТРЕТЬЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА В СВОЁМ КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПРИВЕСТИ К ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА.

ЛЕНИН.

25 октября 1917 года.

1917—1922

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

М. ГОРЬКОГО

В. МОЛОТОВА

К. ВОРОШИЛОВА

С. КИРОВА

А. ЖДАНОВА

И. СТАЛИНА.

МОСКВА.

СЕКРЕТАРИАТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

1943.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР.

2

ТОМ ВТОРОЙ.

ВЕЛИКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ 1917 ГОДА).

СОСТАВИТЕЛИ ТОМА:

АЛЕКСАНДРОВ Г. Ф., МИНЦ И. И., ПОСПЕЛОВ П. Н., ЯРОСЛАВСКИЙ Ем., ГЕНКИНА Э. Б., ГОРОДЕЦКИЙ Е. Н., РАЗГОН И. М.

ТОВСТУХА И. П.

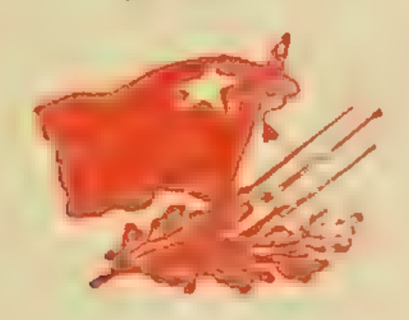
ОГИЗ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1943.

ВЕЛИКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В. И. ЛЕНИН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРИЗИС НАЗРЕЛ.

1.

ПРИЗЫВ ЛЕНИНА К ВОССТАНИЮ.

Стояла поздняя осень 1917 года. В окопах — грязно и сыро. Миллионы солдат на фронте, проклиная Временное правительство, с тоской думали: неужели и четвёртую зиму придётся провести в окопах? В деревне по ночам небо озарялось огнём пожарищ. Тревожно гудел набат. Трудящиеся крестьяне, потеряв надежду получить землю из рук буржуазного Временного правительства, жгли дворянские имения, захватывали помещичьи земли, делили инвентарь. В городах рабочие забастовки следовали одна за другой, нарастая, как волны во время прибоя. Приближалась новая революция, которую предсказывал, ждал и готовил Ленин.

После расстрела июльской демонстрации 1917 года Ленин, преследуемый контрреволюцией по пятам, ушёл в подполье. Первые дни он скрывался в Петрограде у старого большевика С. Я. Аллилуева в скромной квартире по 10-й Рождественской улице в доме № 17а. Вождь партии большевиков занимал маленькую, в одно окно, комнату в пятом этаже. Временное правитель-

«Перед последним звонком Владимир Ильич вышел на заднюю площадку последнего вагона».
Рисунок И. М. Лебедева.

ство объявило награду за поимку Ленина. Шпионы следили за всеми видными работниками, державшими связь с Лениным, и легко могли напасть на след. 11 июля Владимир Ильич перебрался за город, в дачную местность близ Сестрорецка. Проводили его на вокзал в Петрограде товарищи Сталин и Аллилуев.

> «Перед последним звонком, — рассказывает товарищ Аллилуев, — Владимир Ильич вышел на заднюю площадку последнего вагона. Поезд тронулся. Мы с товарищем Сталиным стояли на платформе и следили глазами за дорогой фигурой» [1].

Поселился Ленин неподалеку от станции Разлив. Возле станции стоял маленький домик с сараем. Чердак сарая служил сеновалом, туда вела крутая лестница. На чердак втащили стол и стул. Здесь-то и поместился Ленин. Однако и за городом было небезопасно. Вокруг бродили дачники, чиновники и офицеры, злобно сплетничая о бегстве Ленина в Германию. Владимир Ильич решил укрыться в более надёжном месте — в лесу. За станцией, на берегу небольшого озера, находился луг. Место было пустынное, глухое. Дачники редко заглядывали туда. Жили поблизости одни лишь косари. Под видом такого косаря, с удостоверением на имя Константина Петровича Иванова, про-

брался сюда Ленин. На лесной поляне в стогу сена устроили подобие шалаша. Здесь поселили Ленина ближайшие его соратники. Сюда ему доставляли газеты и письма. За большим кустом у горящего костра, на котором грелся котелок с чаем, Ленин писал статьи, регулярно пересылаемые в Петроград. Иногда под вечер раздавался плеск вёсел. Пересекая озеро, пробирались к Ленину на лодке представители Центрального Комитета.

По поручению товарища Сталина однажды приехал к Ленину за директивами Серго Орджоникидзе. Он переправился через озеро и пошёл сквозь густой кустарник. Вышел на поляну. Из-за стога сена появился невысокий человек, поздоровался. Орджоникидзе собирался было пройти мимо, но незнакомец вдруг хлопнул его по плечу:

— Что, товарищ Серго, не узнаёте?

Без бороды и усов Ленин был неузнаваем [1].

В шалаше у Ленина Серго провёл несколько часов, подробно рассказав о работе Центрального Комитета.

Владимир Ильич через товарища Орджоникидзе переслал ряд указаний, как вести дальнейшую работу.

«—Что, товарищ Серго, не узнаёте?» (Приезд Серго Орджоникидзе к В. И. Ленину.)

Рисунок А. Н. Малиновского.

Серго Орджоникидзе.

Из своего убежища Ленин неустанно руководил работой VI съезда партии большевиков.

Но и тут, в лесу, Ильича не оставляли в покое. Агенты правительства рыскали по соседству в рабочем районе. Раз ночью Ленин проснулся от близкой перестрелки. По лесу гулко прокатывались выстрелы. «Выследили», решил Ленин и, покинув шалаш, спрятался в чаще. Но тревога была ложной. Оказалось, юнкера окружили Сестрорецкий завод, требуя у рабочих сдачи оружия.

В конце июля Центральный Комитет партии постановил перевезти Ленина в Финляндию. Организацию переезда возложили на товарища Орджоникидзе. Он привлёк к этому делу опытных конспираторов.

Стали разрабатывать план переезда. Из-за постоянной слежки перевезти Ленина было не легко. Сначала предполагали перейти пешком через границу. Отправились вдоль линии границы на разведку. Проверка паспортов на границе оказалась повсюду крайне строгой. Пришлось отказаться от первоначального плана. Решили тогда перебраться через границу на паровозе дачного поезда с помощью машиниста Финляндской железной дороги Хуго Ялава. Сообщили этот план Ленину. Владимир Ильич согласился.

Проект был такой: добраться до станции Разлив, оттуда доехать поездом до Удельной, близ Петрограда, а там посадить Ленина в качестве кочегара на паровоз и ехать по другой — Финляндской — дороге. Однако в самый последний момент, чтобы сократить путь, решили пешком пройти километров двенадцать до станции Левашово. Итти нужно было лесом. Двинулись гуськом по узкой, еле заметной тропинке.

Смеркалось. Наступала ночь. В темноте сбились с пути и попали в полосу лесного пожара. Удушливо запахло гарью. Горел торф. Долго блуждали, ежеминутно рискуя провалиться в горящий торф. Кое-как выбрались к речке. Разувшись, по колено в холодной воде перешли реку вброд. Но вот из темноты донёсся свисток паровоза. Станция. Было уже около часу ночи. На перроне уныло горел одинокий фонарь. Возле вокзала тол-

пились вооружённые гимназисты и юнкера. Ленин притаился в придорожной канаве. Сопровождавшие Владимира Ильича пошли на разведку. Одного задержали. Патруль потребовал документы и повёл задержанного в станционное помещение. За арестованным гурьбой повалили неопытные охранники. Перрон опустел. В это время подошёл поезд. Ленин быстро вскочил в последний вагон. Следом за ним прыгнул его спутник Эйно Рахья, финский большевик. После проверки документов юнкера отпустили задержанного.

Поздно ночью Ленин и его спутник добрались до станции Удельная. Совсем близко виднелось зарево огней ночного Петрограда. Переночевали у знакомого финна. На другой день, как было условлено, отправились на станцию. Подошёл идущий в Финляндию поезд. На паровозе — машинист Ялава. Он провёл состав далеко за станцию и остановил у железнодорожного переезда. Ленин взобрался на паровоз и, немедленно взявшись за лопату, принялся исполнять обязанности кочегара.

В Белоострове — пограничной станции — поезд встретили милиционеры Временного правительства. Стали обходить вагон за вагоном, тщательно проверяя паспорта и присматриваясь к пассажирам. Вот ищейки правительства уже подходят совсем

«В темноте сбились с пути и попали в полосу лесного пожара... Горел торф». (В. И. Ленин на пути к станции Левашово при переезде в Финляндию.)

Рисунок И. М. Лебедева.

Удостоверение на имя Константина Петровича Иванова, по которому жил В. И. Ленин после июльских дней 1917 года.

близко к паровозу. Ещё минута-другая и сыщики захватят Ленина, но машинист Ялава быстро нашёлся: он отцепил паровоз, заявив, что едет набирать воду. Проходит несколько томительных минут. Прозвучал уже второй звонок. Кондуктор бегает по перрону, суетится, свистит, а паровоза всё нет и нет. Только после третьего звонка Ялава примчал паровоз обратно, наскоро прицепил его и быстро повёл поезд через финляндскую границу. Так и не успели побывать на паровозе ищейки Керенского.

Некоторое время Ленин прожил в финляндской деревушке Ялкола, в двенадцати километрах от станции Териоки. В деревне Ленину трудно было поддерживать связь с партийными центрами. Надо было подыскать убежище в городе. В Гельсингфорсе нашли надёжную квартиру у начальника рабочей милиции, который по своей должности был утверждён старшим помощником полицеймейстера, а позже стал полицеймейстером города. Вряд ли кто мог заподозрить в таком крупном правительственном чиновнике укрывателя вождя большевиков.

Хозяин встретил приехавшего Ленина на улице. Вместе подошли к дому. Владимир Ильич предусмотрительно оглядел улицу. Только убедившись, что за ним никто не следит, он вошёл в подъезд. Прежде всего Ленин стал расспрашивать, как можно получать газеты. Он поручил доставать ежедневно все петроградские газеты и наладить регулярную посылку писем в Петроград. Ленин набросился на свежие газеты, быстро их прочитал и принялся писать. Усталый хозяин заснул, а в тишине комнаты ещё долго раздавался скрип пера и шелест газеты. Перед Лениным лежала тетрадь с заголовком «Государство и революция». Владимир Ильич писал книгу, которая стала одним из важнейших документов большевизма.

С большим трудом создали Ленину обстановку для работы. Установили надёжную почтовую связь с Центральным Комитетом и наладили регулярную доставку газет.

В тяжёлых условиях подполья, преследуемый шпионами, Ленин внимательно следил за ходом событий, за каждым шагом противника. Ленин сразу заметил поворот в тактике буржуазии. Контрреволюция потерпела поражение в августе 1917 года, но она не была разбита. Попытка генерала Корнилова восстановить монархию в стране провалилась, и сам Корнилов со своими

Чердак сарая, в котором нелегально жил и работал В. И. Ленин около станции Разлив.

сообщниками были арестованы, но они не расстались с мыслью вновь выступить против народа. Напротив, потерпев поражение, корниловцы спешили исправить свою ошибку: в августе против революционного Петрограда был брошен один конный корпус, а сейчас стали готовить несравненно больше сил. Этому не мешал даже «тюремный режим». «Тюрьмой» Корнилову служила женская гимназия в Быхове, а охрану мятежного генерала нёс тот же Текинский полк «Дикой дивизии», который в недавнем прошлом нёс охрану Корнилова в Ставке. При таком режиме и столь «бдительной» охране контрреволюционные генералы Корнилов, Лукомский, Марков, Деникин, Романовский и другие участники недавнего мятежа могли спокойно разрабатывать планы нового заговора. Из Быхова в Ставку — она находилась в Могилёве — непрерывно мчались курьеры, доставлявшие необходимые сведения. В Быхов к Корнилову приезжали представители буржуазии, банковских кругов, обещая финансовую помощь. Под видом подготовки к судебному процессу Корнилов имел возможность вызывать к себе любого командира из любой части фронта. Прибывших знакомили с планом подготовки заговора, давали поручения подобрать нужных людей. За короткий период Корнилов сумел подготовить в десять раз больше сил, чем в августе: почти четверть миллиона вооружённых людей можно было бросить в новый поход против народа. Среди них, как об этом уже писалось в I томе «Истории гражданской войны», было больше 40 специально созданных так называемых «ударных батальонов». В каждом из них по 1 100 хорошо вооружённых солдат, тщательно отобранных командирами. Эти батальоны располагались крайне удачно для контрреволюции: большая часть — на Северном и Западном фронтах. Они могли быстро выдвинуться вперёд и отрезать фронты от столиц, если бы там вспыхнуло большевистское восстание. Корнилов мог опереться на юнкерские школы и школы прапорщиков, в которых числилось около 50 тысяч вооружённых бойцов, преданных буржуазному Временному правительству. В соответствующих местах были подготовлены кавалерийские и казачьи дивизии — в Финляндии, Брянском районе, в Донбассе. Эти дивизии могли быстро притти на помощь Временному правительству.

В планах Корнилова серьёзное место отводилось корпусу чехословаков, стоявшему на Правобережной Украине. Под его прикрытием можно было вызвать войска с Юго-западного и Румынского фронтов, да и сам корпус хотели использовать против большевиков. В Белоруссии формировался польский корпус генерала Довбор-Мусницкого, который мог отрезать Белоруссию от столиц.

Разумеется, Ленин не знал и не мог знать об этих подробностях заговора, — детали эти стали известны много лет спустя

после победы революции, — но в том и состоял гений Ленина, что он разгадал планы врагов: контрреволюция тайно и спешно создавала второй корниловский заговор. Буржуазия готовилась к гражданской войне против рабочих и крестьян.

Гражданская война — это *высшая* форма классовой борьбы, при которой все противоречия обостряются и переходят в вооружённую схватку. Гражданская война — *самая острая* форма классовой борьбы, когда всё общество раскалывается на два враждебных лагеря, силой оружия решающих вопрос о власти.

Маркс, изучая июньское восстание парижского пролетариата в 1848 году, дал такую характеристику гражданской войны:

«Июньская революция впервые расколола всё общество на два враждебных лагеря — на восточный и западный Париж. Единения февральской революции не существует больше... Февральские бойцы сражаются теперь друг с другом, и — чего ещё никогда не бывало — не существует больше прежнего равнодушия, и каждый человек, способный носить оружие, сражается по эту или по ту сторону баррикады» [1].

Ленин, продолжая и развивая учение Маркса, писал о сущности гражданской войны:

«...опыт... показывает нам, что гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса» [2].

Именно к такому обострению подошла русская революция в сентябре — октябре 1917 года. Общество разделилось на два резко противоположных лагеря. В одном — буржуазия, помещики, кулацкие верхи деревни и казачества под руководством партии кадетов в союзе с эсеро-меньшевиками. Это — лагерь контрреволюции, спешно готовящий гражданскую войну против пролетариата. В другом — пролетариат и беднейшее крестьянство, руководимые партией большевиков. К ним всё явственнее склонялась и основная масса среднего крестьянства.

В народе произошли огромные сдвиги, свидетельствовавшие о приближении революции. Прежде всего коренным образом изменилась форма борьбы всех классов общества. Ленин неоднократно требовал *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. В различные моменты, в зависимости от различных условий — политических, национальных, бытовых и т. д. — различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы. После корниловского мятежа в рабочем движении появились новые элементы: рабочие не только бастовали, не только организовывали экономические и политические стачки, но и нередки были случаи, когда рабочие про-

гоняли предпринимателей с фабрик и заводов и брали в свои руки управление предприятиями. Это говорило о том, что рабочее движение упирается в проблему власти.

Коренным образом изменилось и крестьянское движение в стране. Корниловское движение показало широким крестьянским массам, что в «дворянские гнёзда» возвращаются помещики и вновь прибирают к рукам всю землю. После корниловского мятежа в деревне усилилось разгромное движение. Крестьяне жгли имения, выкуривали помещиков, разбирали инвентарь. Главной формой борьбы становилось разгромное движение. Борьба крестьян также упиралась в проблему власти. Крестьянское движение превращалось в крестьянское восстание.

Новая форма борьбы выдвинулась и в солдатских массах. Солдаты отказывались подчиняться распоряжениям своих командиров. Во многих полках солдаты прогоняли своих нелюбимых командиров и избирали на их место других, более близких по духу, а чаще — из среды самих солдат. В сентябре в Балтийском флоте моряки на некоторых кораблях выбросили за борт своих офицеров. Борьба солдат превращалась в восстание. И в армии движение вплотную подходило к вопросу о власти.

Наконец, заметный сдвиг произошёл и в среде трудящихся угнетённых наций. Через голову своих буржуазно-националистических организаций трудящиеся массы стали всё чаще связываться с большевистскими организациями. Трудящиеся угнетённых национальностей начали понимать, что свободу они могут получить не от своих буржуазных организаций, а из рук победившего народа.

Во всех слоях трудящегося населения изменилась форма борьбы. Всё движение подходило вплотную к вооружённому восстанию.

В лагере революции — подавляющий перевес сил. Но, как это не раз показывал опыт, буржуазия, располагая организованной военной силой, командным составом, сетью белогвардейских организаций, могла разгромить этот лагерь революции. Русская буржуазия вновь собирала для этого силы. Предупредить выступление контрреволюции можно было только вооружённым восстанием рабочих и солдат.

Между 12 и 14 сентября Ленин написал *два* директивных письма Центральному Комитету, Петербургскому и Московскому комитетам большевиков. Он отмечал, что

> «получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки» [1].

Ленин с исключительной чёткостью объяснил, почему именно сейчас восстание стало в порядке дня.

«Восстание, — писал Владимир Ильич, — чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъём народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей* революции»[1].

Эти три условия были налицо.

Пролетариат полностью поддерживал партию большевиков. Это показал провал авантюры генерала Корнилова, когда на призыв большевиков поднялся весь рабочий класс. Это подтвердили Советы обеих столиц, приняв резолюции большевиков. Об этом говорили перевыборы Советов в промышленных центрах, где руководство переходило в руки пролетарской партии.

«За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы»[2], — писал Ленин.

Широкие слои крестьянства высвобождались из-под влияния помещиков и буржуазии. Политически это выразилось в развале партии эсеров. Усиливались «левые» эсеры. Меньшевики искали новую опору и цеплялись за земцев, кооператоров, представляющих кулацкие группы деревни. Солдаты изживали последние остатки доверия к соглашателям.

Это подтвердил рост влияния большевистской партии на армию. Исстрадавшийся и изголодавшийся народ понял, что мир, землю, хлеб он может получить только из рук пролетариата.

«...за нами *большинство* народа»[3], — писал Ленин.

В лагере ближайших союзников буржуазии — среди эсеров и меньшевиков — чувствовались неуверенность в своих силах, разброд, появились всякие «левые» течения как среди меньшевиков, так и среди эсеров.

Колебание было и в лагере контрреволюции. Хотя кадеты и крепко сколачивали все буржуазные элементы в единый блок, однако им не удалось устранить противоречия между отдельными группами. Черносотенцы тянули назад, к старому режиму. Левые кадеты всё ещё держались за соглашение с эсеро-меньшевиками.

Колебанием прежде всего пытался воспользоваться германский империализм. Германское правительство в начале сентября 1917 года тайно обратилось к Франции с предложением заключить мир. Германия соглашалась пойти на уступки Франции и Англии на Западе при условии получить свою долю на Востоке. Германские дипломаты при этом спекулировали угрозой грядущей революции, ибо к осени 1917 года во французской армии начались волнения. Солдаты требовали мира. Движение охва-

тывало целые корпуса и проникало даже и в английские части. Угрожая возможностью революции, Германия пыталась добиться мира на Западе, чтобы развязать себе руки на Востоке и покончить с Россией.

Но переговоры затянулись. Маневр немцев не достиг цели. Тогда германская дипломатия, никогда не брезговавшая никакими средствами, быстро переменила фронт и обратилась к буржуазному Временному правительству с предложением начать переговоры о сепаратном мире. Временное правительство непрочь было пойти на переговоры: это позволяло всеми силами обрушиться на большевиков. Но когда в большевистской печати появились сведения о сговоре империалистов, вся буржуазная и соглашательская печать подняла крик о «большевистской клевете». Кадетские газеты трубили об «особой осведомлённости большевиков», намекая, что сведения якобы почерпнуты из немецких источников.

Между тем слухи о закулисной сделке появились в иностранной прессе. В кругах Антанты заговорили о попытке Временного правительства пойти на сепаратный мир с Германией. Министры Временного правительства вспомнили, что такая попытка однажды ускорила падение одного правительства: положение Николая II оказалось очень затруднительным, когда стало известно о его попытке заключить сепаратный мир с Германией. Временное правительство стало заметать следы.

Министр иностранных дел Терещенко, вчера ещё отрицавший «слухи» о сговоре, вынужден был заявить в печати, что Германия действительно предлагала заключить мир. Американский посол в России Френсис признавался уже после гражданской войны:

> «Терещенко, прежний министр финансов и министр иностранных дел, прибыл в Архангельск и дважды обедал у меня...
>
> Терещенко уверял меня, что около 1 августа он получил выгодные предложения о мире от Германии. Он показал их только Керенскому»[1].

Русская буржуазия принимала участие в грабительском сговоре. За удушение революции имущие классы России готовы были продать часть страны.

Колебания в стане контрреволюции сковывали инициативу буржуазии. Наоборот, в лагере революции под руководством партии большевиков силы увеличивались и крепла готовность к борьбе. В дни корниловщины большевики показали всему народу своё умение руководить борьбой с контрреволюцией и решительно отстаивать интересы трудящихся.

Письмо Ленина в Центральный Комитет, Петроградский и Московский комитеты заканчивалось следующими словами:

«Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только наша* победа в восстании *сорвёт* игру с сепаратным миром против революции, сорвёт её тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции»[1].

Ленин призвал партию к восстанию. Но речь шла пока не о самом дне восстания, не о точном его сроке. Этот вопрос, по мнению Ленина, могли решить те, кто соприкасался с рабочими и солдатами, с массами. *Назрел кризис — это надо было сделать ясным для партии.* В порядок дня всей работы партии должна была стать подготовка вооружённого восстания.

Но такая задача требовала от большевиков соответствующего изменения тактики.

Прежде всего необходимо было порвать с так называемым Демократическим совещанием, которое открывалось 14 сентября. Напуганное народным движением против корниловского мятежа, Временное правительство пыталось укрепить своё положение. Решено было расширить базу, на которую опиралось правительство. В Петрограде было созвано совещание, названное эсеро-меньшевиками в целях обмана народа Демократическим. В состав совещания были приглашены представители городских дум, земств, кооперативов, Советов рабочих и солдатских депутатов, армейских организаций, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов. При этом думы и земства получили несравненно больше представительства, чем организации рабочих, солдат и крестьян. Временное правительство предполагало, что Демократическое совещание при таком подтасованном представительстве выскажется за поддержку буржуазного правительства. Таким путём соглашатели думали предупредить революцию и перевести страну с пути советской революции на путь буржуазно-конституционного развития. Кстати, даже такое искусственно подобранное совещание высказалось за создание коалиционного правительства, но без участия в нём кадетов, — настолько сильно было недовольство правительством в народных массах.

Партия большевиков приняла участие в Демократическом совещании не для органической работы, как клеветал Троцкий, а для разоблачения эсеро-меньшевистских маневров.

«...деятельность в Предпарламенте, — читаем мы в резолюции Центрального Комитета от 24 сентября, — должна носить лишь вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам массовой борьбы»[2].

Но по мере нарастания революционного подъёма, в условиях

подготовки вооружённого восстания, даже такая вспомогательная работа в Демократическом совещании была бы ошибочной. Участие большевиков в Демократическом совещании могло создать впечатление в массах, что через совещание можно добиться мира, земли, рабочего контроля над производством. Оставаться в совещании — значило создавать иллюзии мирного развития революции и отвлекать массы от революционного пути. Ленин потребовал сплотить большевистскую фракцию, оставить колеблющихся и уйти с совещания.

> «Прочтя эту декларацию, — писал Ленин, — призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть* на *заводы и в казармы:* там её место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания»[1].

Ленин особенно подчёркивал, что сосредоточение всей большевистской фракции на заводах и в казармах позволит нам правильно выбрать момент для начала восстания.

От *участия* в совещании к *бойкоту* совещания — такого изменения в тактике партии требовал курс на восстание.

Второе своё письмо в Центральный Комитет большевиков Ленин так и назвал: «Марксизм и восстание». Ленин собрал всё, что говорили о тактике восстания Маркс и Энгельс и что в продолжение многих лет скрывали от массы оппортунисты всех стран. Учение Маркса и Энгельса о восстании выросло на опыте революций 1848 года и на опыте героической Парижской коммуны. Великие учители марксизма следили за каждым взрывом революции, ища в них новые уроки, делая новые выводы. Ленин обобщил высказывания Маркса и Энгельса и свёл их в стройную систему руководящих правил и положений. В письмах, в статьях Ленин неустанно требовал подхода к восстанию, как к искусству. Он указывал, что, решившись на восстание, надо итти до конца. Он убеждал, что для проведения этого плана необходимо собрать решающие силы в решающем пункте и в ходе восстания сохранить моральный перевес над врагом, а для этого ежедневно, ежечасно закреплять успех за успехом, ибо оборона — смерть вооружённого восстания.

Ленин требовал, наконец, чтобы партия большевиков со всей серьёзностью отнеслась к делу *технической* подготовки восстания. Он писал:

> «...чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку (театр, где заседало Демократическое совещание. — *Ред.*), занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и

к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооружённых рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооружённой борьбы и т. д.»[1]

Это ещё не было планом выступления. Все эти замечания, как писал Ленин, являлись лишь иллюстрацией того, что к восстанию надо отнестись, как к искусству. Но если сравнить фактический ход последующих событий с этой иллюстрацией, можно видеть, как глубоко Ленин продумал организацию восстания, как тщательно изучил он условия победы. Ленин не только восстановил и обобщил высказывания Маркса, но и развил его учение, блестяще применив его к конкретным условиям нашей революции.

Свой смелый призыв к партии Ленин закончил выражением бодрой уверенности в победе:

«Взять власть сразу и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнёт; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно* и *несомненно*»[2].

2.

КУРС НА ВОССТАНИЕ.

Письма Ленина обсуждались в Центральном Комитете большевиков 15 сентября. На этом заседании Каменев, впоследствии расстрелянный как враг народа, резко выступил против Ленина. Он доказывал, что Ленин оторвался от жизни. Каменев требовал сжечь письма, называл их «бредом сумасшедшего». Боевой призыв вождя партии испугал тех, кто давно уже вёл борьбу против партии, против Ленина.

Центральный Комитет дал решительный отпор перепуганному предателю. Сталин предложил обсудить письма и разослать их наиболее крупным организациям большевистской партии.

Тогда Каменев зачитал резолюцию, в которой пытался противопоставить Ленина и Центральный Комитет:

«Центральный Комитет, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, при-

зывает все организации следовать только указаниям Центрального Комитета и вновь подтверждает, что Центральный Комитет находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу»[1].

Каменев пытался создать впечатление, что Ленин не отражает мнения Центрального Комитета большевиков.

Но подлый маневр не удался. Центральный Комитет отверг предложение Каменева.

Письма Ленина были разосланы по крупнейшим организациям большевистской партии.

Работа Центрального Комитета с момента получения этих писем пошла в духе указаний Ленина.

«Уже с конца сентября, — писал в первую годовщину Великой пролетарской революции Сталин, — Центральный комитет партии большевиков решил мобилизовать все силы партии для организации успешного восстания»[2].

Был выделен ряд членов Центрального Комитета, которые занялись проверкой сил Красной гвардии, её вооружением, выявлением складов оружия, учётом воинских частей и настроения их. Была активизирована военная организация большевиков, которая усилила связи с военными частями, создавала там свои ячейки, вела большую пропагандистскую и агитационную работу среди солдат и матросов.

Вся работа по подготовке восстания проходила в самых конспиративных условиях. Дело решалось не на обычных заседаниях с резолюциями и протоколами. Условия работы партии, самые задачи подготовки восстания определяли и своеобразный характер этой работы. Исходя из указаний Владимира Ильича, члены Центрального Комитета устанавливали связи с местными работниками, инструктировали наиболее испытанных из них. Иногда важнейшие решения и организационные меры принимались на ходу, передавались через доверенных людей лично и устно. Всячески избегали писаных инструкций и письменной информации.

В доме Сергиевского братства на Фурштадтской улице — под флагом издательства «Прибой» — помещалась нелегальная штаб-квартира большевиков. Она была расположена в непосредственном соседстве с церковью, почему её в шутку называли «под крестами». Сюда ежедневно со всех концов России являлись представители местных большевистских организаций за помощью и указаниями. Здесь был опорный пункт работы Я. М. Свердлова, державшего в своих руках все организационные связи Центрального Комитета большевиков.

В этот знаменательный период жизни партии, как и всегда вместе с Лениным, организовывал победу товарищ Сталин. На VI съезде партии Сталин выступил как политический руково-

И. В. СТАЛИН.

дитель съезда, ближайший помощник Ленина, которому Владимир Ильич доверял осуществление политической линии. Находясь в Центральном Комитете и в редакции центрального органа «Рабочий путь», — так пришлось из-за преследования правительства переименовать «Правду», — Сталин вёл и организаторскую работу и работу по проведению и разъяснению ленинской линии партии большевиков. Роль центрального органа в тех условиях была огромна. Основную политическую ориентировку партийные организации находили в статьях Ленина и Сталина.

Центральный Комитет твёрдо и уверенно взял курс на восстание. Это нашло немедленное отражение в «Рабочем пути».

Уже 17 сентября, т. е. через день после первого обсуждения ленинского письма, Сталин, редактор центрального органа большевистской партии, писал в «Рабочем пути»:

> «Революция идёт. Обстреляиная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую власть. Первая линия окопов контрреволюции взята. Вслед за Корниловым отступает Каледин. В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы.
>
> «Вся власть Советам» — таков лозунг нового движения...
>
> На прямой вопрос, поставленный жизнью, требуется ясный и определённый ответ.
>
> За Советы или против них!»[1]

Тут не было прямого призыва к восстанию — он был невозможен в легальной печати. Но вся статья дышала ленинским духом и звала к решительной борьбе. Чрезвычайно искусно обходя цензурные препятствия, Сталин дал блестящий образец широкой агитации в открытой печати за вооружённое восстание.

> «... в России происходит решающий процесс вырастания новой власти, действительно народной, действительно революционной, ведущей отчаянную борьбу за существование, — писал Сталин в следующем номере «Рабочего пути». — С одной стороны — Советы, стоящие во главе революции, во главе борьбы с контрреволюцией, которая ещё не разбита, которая только отступила, благоразумно спрятавшись за спиной правительства. С другой стороны — правительство Керенского, которое покрывает контрреволюционеров, которое сговаривается с корниловцами (кадеты!), которое объявило войну Советам, стараясь их разбить, чтобы самому не быть разбитым.
>
> Кто победит в этой борьбе — в этом теперь вся суть... Основное теперь не в выработке общей формулы «спасения»

революции, — а в прямой поддержке Советов в их борьбе с правительством Керенского»[1].

Сталин прекрасно выполнил пожелание Ленина, высказанное в первом письме о вооружённом восстании:

«Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати»[2].

В статьях Сталина мы не найдём слова «восстание». И всё же каждая строка этих статей дышит простой, убедительной и открытой агитацией за захват власти.

Проведение ленинской линии в центральном органе снова вызвало протесты Каменева. На следующем заседании Центрального Комитета, 20 сентября, Каменев протестовал против слишком резкого, по его мнению, тона газеты и возражал против отдельных выражений в статьях. Центральный Комитет вынес по этому поводу специальное решение:

«... откладывая подробное обсуждение вопроса о ведении центрального органа, Центральный Комитет признаёт, что общее направление его целиком совпадает с линией Центрального Комитета»[3].

Центральный Комитет партии большевиков полностью одобрил линию центрального органа, который в редакционных статьях Сталина спокойно и твёрдо проводил ленинские установки. Это подчеркнул и сам Ленин:

«Сейчас не будем останавливаться на фактах, свидетельствующих о нарастании новой революции, ибо, судя по статьям нашего центрального органа «Рабочего Пути», партия уже выяснила свои взгляды по этому пункту. Нарастание новой революции представляет из себя явление, кажется, общепризнанное партией»[4].

Под «новой революцией» Ленин понимал вооружённое восстание. Иначе нельзя было выражаться в подцензурной печати.

Такая оценка была дана Лениным ещё 22 сентября после опубликования в центральном органе статей Сталина. Как и для Ленина, для Центрального Комитета большевистской партии вооружённое восстание было лозунгом действия. Именно эту идею настойчиво и непрерывно проводил в газете Сталин.

Но лозунг действия требовал определённых тактических шагов. 21 сентября Центральный Комитет обсуждал тактические меры, вытекающие из курса на восстание. Шёл вопрос об уходе с Демократического совещания.

Демократическое совещание доживало последние часы. Заседал главным образом президиум. На этих заседаниях один из министров — меньшевик Церетели уговаривал делегатов, добиваясь признания коалиции. Уже была утверждена замена Демократического совещания выбранным из его же состава Советом Российской республики.

Эсеры и меньшевики заранее назвали новый орган Предпарламентом, чтобы поднять его авторитет, показать народу, что Россия якобы вступила уже на путь буржуазного парламентаризма. Сталин называл в своих статьях Предпарламент «выкидышем корниловщины». Рабочие со своей стороны, издеваясь над соглашателями, прозвали Предпарламент «предбанником».

Центральному Комитету партии большевиков приходилось, таким образом, решать вопрос, как быть с новым эсеро-меньшевистским учреждением. Было вынесено постановление: Демократического совещания не покидать, отозвать большевиков из президиума, но в Предпарламент не входить. Считаясь, однако, с тем, что за резолюцию высказалось девять человек, а против — восемь, Центральный Комитет постановил окончательное решение передать большевистской фракции совещания.

В тот же день — 21 сентября — собралась большевистская фракция Демократического совещания. Каменев, Рыков, Рязанов требовали оставаться в Предпарламенте. Нельзя бойкотировать парламент, говорили они, уход из него равносилен восстанию. Явно антиленинскую позицию занимал Троцкий. Он предлагал, не входя пока в Предпарламент, отложить решение вопроса до съезда Советов.

Эту позицию Троцкий позже мошеннически пытался выдать за ленинскую тактику бойкота.

Чёткую и ясную позицию занял Сталин. Войти в Предпарламент — значит ввести в заблуждение массы и создать впечатление о возможности блока с соглашателями, значит укрепить того самого врага, которого мы готовимся свергать. Сталин предложил бойкотировать Предпарламент и отдать все силы борьбе вне его стен.

Противникам бойкота удалось, однако, увлечь потерявших чутьё «парламентских» представителей партии. Выборы в Демократическое совещание производились не прямо от населения, а по организациям. Большевики проходили либо от Советов, либо от городских дум, кооперации и т. д. Соглашательская обстановка, постоянное воздействие перепуганных мелких буржуа повлияли и на отдельных большевиков. 77 членов фракции против 50 высказались за участие в Предпарламенте, задачей которого было обмануть массы.

Как только Ленин узнал об этом решении фракции, он написал письмо, прямо посвящённое «ошибкам нашей партии». До сих пор Ленин звал партию большевиков с совещания на заводы и в казармы, но нигде ещё не говорил об ошибках. Сейчас он резко обрушился на тех, кто отстаивал участие в подтасованном «парламенте».

«У нас не всё ладно в «парламентских» верхах партии, — писал Ленин, — больше внимания к ним, больше надзора

рабочих за ними; компетенцию парламентских фракций надо определить строже. Ошибка нашей партии очевидна. Борющейся партии передового класса не страшны ошибки. Страшно было бы упорствование в ошибке, ложный стыд признания и исправления её»[1].

Центральный Комитет 23 сентября снова вернулся к вопросу о Демократическом совещании. Поведение «парламентской» фракции подверглось резкой критике. Демократическое совещание приняло перед этим резолюцию, в которой требовало от правительства заключить мир. Было ясно, что эсеро-меньшевистские предатели, столько месяцев болтавшие о мире, и на сей раз только подписали новую бумажку. Большевики должны были разоблачить этот лицемерный шаг. Между тем фракция во главе с Каменевым и Рязановым голосовала за резолюцию. Руководители фракции тянули её на парламентский путь.

Центральный Комитет осудил поведение фракции. Чтобы подчеркнуть, как недопустимо даже в мелочах создавать «парламентские» иллюзии единства с соглашателями, Центральный Комитет принял резолюцию:

«Заслушав сообщение, что Рязанов назвал Церетели «товарищем» при чтении декларации, Центральный Комитет предлагает товарищам при публичных выступлениях не называть «товарищами» тех, в отношении которых такое обращение может оскорбить революционное чувство рабочих»[2].

Кроме того Центральный Комитет постановил созвать 24 сентября партийное совещание из членов Центрального Комитета большевиков, Петербургского комитета и фракции Демократического совещания.

Партийное совещание состоялось в намеченный день и приняло резолюцию с призывом:

«... приложить все усилия для мобилизации широких народных масс, организованных Советами... являющимися теперь боевыми классовыми организациями, переход власти к которым становится лозунгом дня»[3].

Неправильная линия большевистской фракции была выправлена.

Но противники восстания вместо борьбы за немедленное взятие власти продолжали цепляться за участие в Предпарламенте. Это течение нужно было разоблачить и преодолеть.

Центральный Комитет большевиков 24 сентября призвал партию требовать немедленного созыва съезда Советов в противовес Предпарламенту, а на местах, где глубже было революционное настроение, приступить к созыву явочным порядком областных и окружных съездов.

«Долг пролетариата, как вождя русской революции, — писал Сталин в передовой статье «Рабочего пути», — сорвать

маску с этого правительства и показать массам его настоящее контрреволюционное лицо... Долг пролетариата сомкнуть ряды и неустанно готовиться к грядущим битвам.

Столичные рабочие и солдаты уже сделали первый шаг, выразив недоверие правительству Керенского — Коновалова...

Слово теперь за провинцией»[1].

За день до решения Центрального Комитета большевиков — 23 сентября — эсеро-меньшевики в Центральном исполнительном комитете под давлением масс постановили, наконец, созвать II съезд Советов на 20 октября. С 27 сентября «Рабочий путь» выходит под лозунгом: «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов на 20 октября! Немедленно созывайте областные съезды Советов!»

На заседании 29 сентября Центральный Комитет постановил созвать 5 октября съезд Советов Северной области, т. е. Финляндии, Петрограда и ближайших к нему городов, где господствовало большевистское настроение. Задачей съезда ставилось ускорить агитационную и организационную подготовку вооружённого восстания.

3.

ДИРЕКТИВЫ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Обстановка к началу октября 1917 года снова изменилась. Революция сделала ещё шаг вперёд и подвела страну вплотную к восстанию.

В Финляндии власть фактически находилась в руках Совета. Под нажимом революционных матросов, солдат и рабочих областной комитет Советов, где ещё сильны были оборонцы, вынужден был созвать областной съезд Финляндии.

Третий областной съезд открылся в Гельсингфорсе 9 сентября. С первых же минут стало ясно, что подавляющее большинство делегатов стоит на революционных позициях. Первые два съезда Финляндии были оборонческими, теперь оборонцев почти не было видно. Всюду — решительные, смелые лица готовых к борьбе матросов, солдат, рабочих. На съезде с самого начала образовалось прочное большинство из большевиков и отколовшихся от своей партии «левых» эсеров. Они голосовали за большевистские резолюции. Лишь по вопросу о власти «левые» эсеры внесли самостоятельную резолюцию. Однако большинством 74 голосов против 16 была принята резолюция большевиков. В по-

вый областной комитет прошли 37 большевиков, 26 «левых» эсеров и 2 меньшевика-интернационалиста.

После съезда началась быстрая большевизация Советов Финляндии. В наиболее важных центрах — Выборге, Гельсингфорсе — большевики заняли в Советах преобладающее положение. Одновременно активизировались Советы и других окружающих Петроград городов, где стояли крупные гарнизоны. Они также выносили резолюции с требованиями созыва II съезда Советов. Советы Кронштадта, Юрьева, Ревеля выдвинули своим боевым лозунгом: «Вся власть Советам!»

Ближайший тыл Петрограда оказался в руках большевиков.

Северный фронт так же, как и Финляндия, готов был поддержать большевистскую партию. В Петрограде пролетариат требовал перехода власти к Советам. В Москве на недавних выборах в районные думы большевики собрали более половины всех голосов. Выборы в Москве явились едва ли не наиболее верным признаком глубокого поворота в массах. Москва по сравнению с Петроградом была более мелкобуржуазна. Московский рабочий был теснее связан с деревней, ближе к деревенским настроениям. Голосование в Москве, где большевики среди солдат собрали 14 тысяч голосов из 17 тысяч, говорило не только о готовности пролетариата к борьбе, но и о резком повороте деревенских масс.

В столицах, в промышленных центрах, окружающих Москву и Петроград, на ближайших фронтах в армии партия Ленина имела за собой большинство. С Урала и Донбасса, с Поволжья и Украины также шли бодрые вести о полной готовности к новой, пролетарской революции.

Изменилась и международная обстановка. Отдельные случаи мятежей превратились в начало военных восстаний. В Германии, где царил военно-каторжный режим, в сентябре 1917 года восстали матросы пяти крупнейших судов. Матросы выбросили за борт капитана крейсера «Вестфален» и высадились на берег. Моряки крейсера «Нюренберг» арестовали офицеров и двинулись в Норвегию, чтобы там высадиться. Правительственные миноносцы окружили восставший крейсер и под угрозой потопления вернули его в Германию. Движение настолько разрослось, что молчать о нём уже было невозможно. Германское правительство выступило в рейхстаге с признанием, что во флоте разразилось восстание.

События в Германии несомненно указывали на перелом в настроении революционных масс Европы. Они служили признаками *кануна революции* во всём мире.

«Кризис назрел, — писал Ленин 29 сентября. — Всё будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Всё будущее международной

рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел...»[1]

Ленин решил, что момент наступил: лозунг действия — подготовка вооружённого восстания — превратился в директиву — выступать сейчас.

В такую минуту цепляться за Предпарламент граничило уже с предательством революции. Не осмеливаясь открыто выступать против восстания, противники его предлагали ждать съезда Советов. Отложить же решение вопроса о власти до съезда Советов значило выдать врагу назначенный для выступления срок. Противник получал возможность подтянуть силы и разгромить центры и организации восстания. Это означало фактически итти на провал дела, отдать инициативу врагу.

Позицию отсрочки восстания до съезда Советов занял Троцкий. 20 сентября, выступая в Петроградском Совете, он говорил, что вопрос о власти решит съезд Советов. До этого Троцкий считал возможным ликвидацию «совета пяти» (так называлось правительство Керенского. — *Ред.*) и выделение Демократическим совещанием Временного комитета.

Надеяться, что подтасованное предателями совещание сможет создать какое-то «переходное» правительство до съезда Советов, значило итти в соглашательскую ловушку, дезориентировать массы в решающий момент.

На следующий день Троцкий на фракции Демократического совещания снова предложил отложить окончательное решение вопроса о власти до съезда Советов.

Троцкий не осмелился выступать открыто против вооружённого восстания, но на деле, подобно Каменеву, срывал восстание. Как и все меньшевики, Троцкий боялся восстания, считая возможным мирно решить вопрос о власти. Троцкий доказывал, что отказ вывести гарнизон из столицы на три четверти якобы решает вопрос о победе революции. По существу, позиция Троцкого вела к сохранению буржуазной власти. Мало того, откладывая восстание до съезда Советов, Троцкий открывал карты врагу, расстраивая революционные ряды и демобилизуя настроение рвущихся в бой масс.

Ленин резко обрушился на саботирующих восстание. Со страстностью революционного борца, уверенного в победе, Ленин указывал на предательский характер отсрочки.

С решительностью вождя, понявшего, что назрел самый подходящий момент, Ленин клеймил упирающихся. В специальном приложении к статье «Кризис назрел», написанном для Центрального Комитета, Петроградского и Московского комитетов, Ленин писал, дважды и трижды подчёркивая отдельные места:

«Ждать съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *всё*.

Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» восстания).

«Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо *съезд ничего не даст, ничего не может дать!*»[1]

Настойчиво и решительно Ленин снова и снова повторяет свои доводы за немедленное восстание. За нами большинство в стране. Советы обеих столиц — наши. У эсеров и меньшевиков полный развал. Мы несём лозунги, обеспечивающие полную поддержку трудящихся: Долой правительство, затягивающее мир! Долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков!

«Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам, — призывал Ленин, — ... мы можем (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трёх пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота... мы имеем *тысячи* вооружённых рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, а агитация *с армии* пойдёт такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.»[2]

По получении этого письма Центральный Комитет 3 октября решил вызвать Ленина в Петроград для постоянной и тесной связи.

Ленин был недоволен тем, что ему приходилось оставаться далеко от разгоравшейся в столице борьбы. Письма из Петрограда запаздывали. Столичные газеты приходили лишь на другой день к вечеру. Вождь пролетарской революции стремился быть ближе к водовороту революционных событий. Ленин заявил, что хочет перебраться в Выборг. У театрального парикмахера купили стариковский парик. Владимира Ильича опять загримировали. 17 сентября он выбрался из Гельсингфорса. В Выборге Ленин обосновался на окраине города, у редактора местной социал-демократической газеты Латукки. Отсюда он попрежнему неутомимо писал, учил, инструктировал, торопил товарищей.

Центральный Комитет большевиков 5 октября всеми голосами против одного — Каменева — постановил уйти с первого же заседания Предпарламента.

На том же заседании было постановлено перенести Северный съезд на 10 октября, созвав его не в Финляндии, а в Петрограде. Петроградскому Совету обязательно принять участие в работе съезда. Кроме того было решено пригласить на съезд и Московский Совет. Этим постановлением Центральный Комитет подчеркнул, какое огромное значение придаётся Северному съезду.

Он превращался в генеральный смотр сил накануне выступления. Его решения становились образцом для всех областных съездов Советов. На нём можно было мобилизовать массы для подготовки восстания.

Чтобы превратить решения Северного съезда в директивы, Сталин предложил приурочить к созыву Северного съезда, т. е. к 10 октября, партийное совещание из членов Центрального Комитета, петроградских и московских работников. Предложение Сталина было принято. От созыва партийного съезда решено было отказаться: нельзя было отвлекать внимание от подготовки восстания, все силы должны были быть сконцентрированы на одном вопросе — на восстании.

Через день — 7 октября — в Мариинском дворце начались работы Предпарламента. На торжественное открытие его собрались представители столичных учреждений, приехали министры и крупные чиновники. Справа и в центре зала уселись кадеты. Московские купцы-толстосумы, питерские промышленные тузы, провинциальные помещики, кулаки и домовладельцы собираются вершить «судьбы революции». Между ними угодливо вертятся меньшевики и эсеры. И все вместе настороженно и сердито косятся влево, на те скамьи, где располагаются большевики.

Заседание открывает Керенский. Под одобрительные аплодисменты справа и из центра Керенский возбуждённо жалуется, что его никто не слушает, что армией завладели большевики.

После Керенского говорит дряхлая эсеровская «бабушка» Брешко-Брешковская. Она старчески брюзжит, вспоминая о том, какое спокойствие было в начале революции и как неспокойно всё вокруг теперь. С пустой, напыщенной речью выступает выбранный председателем Совета Российской республики правый эсер Авксентьев. Затем нудно и долго тянутся выборы секретарей и подсекретарей. В это время «вожди» Предпарламента совещаются между собой о том, как помешать выступлению большевиков на заседании. Большевики настойчиво требуют слова для оглашения своей декларации. Наконец после многих повторных требований Авксентьев предоставляет слово представителю фракции большевиков. Декларация большевиков бесит буржуазных и соглашательских депутатов. Характеристика большевиками правительства Керенского как «правительства народной измены» выводит их из себя. Они шумят и мешают большевикам огласить декларацию.

— Вон с трибуны! — кричат разъярённые кадеты.

— Молчать, Кишкины — Бурышкины! — отвечают им с большевистских скамей.

С перекошенными злобой лицами, кооператоры, рассерженные разоблачениями кадеты из городских дум, соглашатели из давно не переизбиравшихся исполкомов вскакивали с мест, бро-

сались с кулаками к трибуне. Под градом ругательств и оскорблений кадетов и оборонцев большевики, огласив декларацию, покидают зал.

— Счастливого пути! — провожает их злобно-насмешливый голос.

— Ещё увидимся! — пророчески отвечают большевики.

Центральный Комитет сломил сопротивление саботажников. Партия порвала с Предпарламентом, где корниловцы под прикрытием соглашателей готовили атаку против революции. Рабочие и трудящиеся поняли, что мирным иллюзиям не осталось места. Только самоотверженная борьба могла решить исход революции.

> «Первый заговор корниловщины был сорван, — писал Сталин после ухода большевиков из Предпарламента. — Но контрреволюция не была сломлена. Она только отступила, спрятавшись за спиной правительства Керенского и укрепившись на новых позициях...
>
> Пусть знают рабочие и солдаты, пусть знают крестьяне и матросы, что борьба идёт за *мир* и *хлеб*, за *землю* и *свободу* против капиталистов и помещиков, против спекулянтов и мародёров, против изменников и предателей, против всех, кто не хочет раз навсегда покончить с организующейся корниловщиной.
>
> Корниловщина мобилизуется, — готовьтесь к отпору»[1].

Получив решение Центрального Комитета о вызове в Петроград, Владимир Ильич решил доехать на поезде до станции Райвола на финляндской границе, а оттуда опять на паровозе того же машиниста Ялава — до станции Удельная.

Ленина снова загримировали и переодели. 7 октября в 2 часа 25 минут сели в поезд. Условились, что Ленин и его спутник Рахья не войдут в вагон и останутся на площадке. Будут говорить по-фински, а Ленин изредка отвечать односложными словами: «я» или «ей». По-русски это означало: «да», «нет».

Публики набилось в вагон много. Рахья, как условились, заговорил по-фински. Ленин отвечал ему невпопад: где надо было говорить «да», Владимир Ильич отрицательно мотал головой, а где полагалось сказать «нет», следовало отрывистое «да».

Однако переезд до Райвола прошёл благополучно. Выйдя из поезда, Ленин пошёл вдоль линии до того места, где Ялава грузил на паровоз дрова, километрах в полутора от станции. Владимир Ильич скрылся в кустах, а спутник его взобрался на паровоз. Ялава встревоженно шепнул, что двое субъектов как будто следят за паровозом, и посоветовал итти по направлению к станции — он их нагонит. Владимир Ильич двинулся вдоль железнодорожного полотна. До отхода поезда оставалось

Уход большевиков из Предпарламента.

Рисунок И. М. Лебедева

одна минута, а Ялава все ещё не было. Наконец показался быстро мчавшийся паровоз. Ялава резко затормозил, Ленин взобрался на паровоз, и Ялава плавно подвёл паровоз к поезду.

Ночью Ленин добрался до пригородной станции Удельная. Оттуда он пешком прошёл в город на Выборгскую сторону. Прежде всего Ленин потребовал свидания со Сталиным. Оно состоялось 8 октября.

Свидание длилось несколько часов. Сталин познакомил Ленина с ходом подготовки восстания. Подробно и жадно расспрашивал Владимир Ильич о настроении в полках и на заводах.

Десятого октября не удалось собрать расширенное партийное совещание, состоялось заседание Центрального Комитета. На собрании присутствовало двенадцать человек. Впервые после июльских дней на заседании Центрального Комитета появился Ленин. Владимир Ильич пришёл неузнаваемым. Без бороды и усов, в каком-то седеньком парике, который он то и дело поглаживал обеими руками. Собравшиеся поздравляли Ленина с благополучным прибытием. Удивлялись, как ловко удалось Ленину обмануть бдительность ищеек Керенского.

Как только прошёл первый восторг от встречи, Владимир Ильич, уже введённый Сталиным в курс событий, потребовал перейти к основному вопросу.

На заседаниях Центрального Комитета Ленин не был около трёх месяцев.

Члены Центрального Комитета поделились с Владимиром Ильичём последними сведениями.

Товарищ Свердлов сообщил о положении на Северном и Западном фронтах. Настроение там большевистское. Гарнизон в Минске на нашей стороне. Но там что-то готовится. Между Ставкой и штабом фронта происходят таинственные переговоры. К Минску стягиваются казаки. Идёт агитация против большевиков. Видимо, готовятся окружить и разоружить революционные войска.

После Свердлова выступил Ленин с докладом по текущему моменту.

Владимир Ильич снова указал на важность всесторонней технической подготовки восстания и отметил недостаточность того, что сделано. Политическая обстановка созрела. Массы ждут действий, они утомились от резолюций и слов. Аграрное движение также развивается в сторону революции. Международное положение таково, что инициатива должна быть за большевиками.

> «Политически, — подвёл итог Ленин, — дело совершенно созрело для перехода власти...
>
> Надо говорить о технической стороне. В этом всё дело» [1].

РЕЗОЛЮЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ ОТ 10 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ, НАПИСАННАЯ В. И. ЛЕНИНЫМ

Ленин дважды в докладе подчеркнул, что политическая обстановка созрела и речь идёт о самом моменте восстания. Владимир Ильич прямо предлагал воспользоваться Северным съездом Советов и готовностью большевистски настроенного минского гарнизона выступить «для начала решительных действий»[1].

Он был убеждён в необходимости немедленного выступления, ибо дальнейшее «промедление смерти подобно», и предлагал воспользоваться любым поводом для начала — в Петрограде ли, в Москве, в Минске или Гельсингфорсе. Но *решающий бой* при всех этих условиях, вне зависимости от повода и места начала восстания, *должен был разыграться в Петрограде — политическом центре страны, там, где был очаг революции.*

Для Ленина, таким образом, речь шла теперь уже о назначении *срока* восстания, — самое выступление и для него и для Центрального Комитета было делом решённым.

Свои выводы Ленин предложил в короткой резолюции, с исключительной чёткостью и яркостью излагавшей директиву партии:

> «Центральный Комитет признаёт, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — всё это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — всё это ставит на очередь дня вооружённое восстание.
>
> Признавая, таким образом, что вооружённое восстание неизбежно и вполне назрело, Центральный Комитет предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»[2].

Резолюция Ленина прошла десятью голосами против двух. По предложению Дзержинского было решено «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов Центрального Комитета»[3].

Только два человека на заседании Центрального Комитета выступили против Ленина — Каменев и Зиновьев. Оба выдвинули против Ленина целый ряд возражений. Международная обстановка, доказывали они, для нас неблагоприятна. Пролетариат не окажет активной поддержки. Немцы легко сговорятся

со своими противниками и обрушатся против революции. У нас в стране нет большинства — только рабочие и часть солдат, а остальные под вопросом. Лучше занять *оборонительную* позицию, заявили Зиновьев и Каменев. Буржуазия побоится не созвать Учредительного собрания. А в нём у нас будет треть мест. Мелкая буржуазия склоняется в сторону большевиков. Вместе с «левыми» эсерами мы составим правящий блок в Учредительном собрании, который будет проводить нашу политику.

Каменев и Зиновьев отбросили всё, что выстрадал русский пролетариат в борьбе с царизмом и буржуазией.

В непрерывных боях с оппортунистами Ленин настойчиво учил, что мало признавать классовую борьбу. Даже буржуазия её не отрицает. Но только тот, кто доводит классовую борьбу до диктатуры пролетариата, является настоящим марксистом. Большевизм вырос, окреп и закалился именно в борьбе за диктатуру пролетариата.

Перед грозной, решительной минутой, завершающей целый исторический этап борьбы большевистской партии, Каменев и Зиновьев заняли предательскую позицию меньшевиков, позицию Каутского, т. е. мирного врастания в социализм через парламент, через Учредительное собрание. Зиновьев и Каменев по существу яростно отстаивали капитализм.

Как и все предатели, они видели могучую силу у врага, крепость рядов у противника.

У врага, твердили Зиновьев и Каменев, стройные полчища, пушки, затем казаки, затем ударники, затем армия... А у нас — «настроения нет даже на заводах и в казармах»[1]. Поистине — у страха глаза велики!

Центральный Комитет большевиков дал решительный отпор защитникам капитализма. Капитулянтов никто не поддержал. Резолюция Ленина стала директивой всей большевистской партии.

Заседание Центрального Комитета кончилось поздно ночью. На улице — сыро. Кое-где в тумане светились редкие фонари. Товарищ Дзержинский снял с себя плащ и накинул его на плечи Владимира Ильича. Ленин стал было протестовать, но Дзержинский настоял на своём:

— Никаких отговорок! Извольте надеть плащ, иначе я вас не выпущу[2].

Итти домой было далеко. Ленин согласился переночевать на квартире у рабочего, который жил поблизости в крохотной комнатушке на Певческой улице. Сейчас там высятся цехи завода «Электроприбор».

Ленину предложили кровать, но он категорически отказался и улёгся на полу, подложив под голову книги.

4.

СЪЕЗД СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

Пока шло заседание Центрального Комитета большевиков, 10 октября в Смольном начали собираться делегаты съезда Советов Северной области. Свердлов предупредил организаторов и руководителей съезда, что открытие необходимо перенести на 11 октября. Вечером 10 октября состоялось лишь предварительное совещание делегатов съезда. Выбрали мандатную комиссию, утвердили порядок дня.

На съезд прибыли представители Петрограда, Москвы, Новгорода, Старой Руссы, Боровичей, Ревеля, Юрьева, Архангельска, Вольмара, Кронштадта, Гатчины, Царского Села, Чудова, Сестрорецка, Шлиссельбурга, Выборга, Гельсингфорса, Нарвы, Або и Котка. Не послали своих делегатов Петрозаводск, Тихвин, Павловск, Венден, Псков.

Всего съехалось 94 делегата. Из них 51 большевик, 24 «левых» эсера, 4 эсера-максималиста, 1 меньшевик-интернационалист, 10 правых эсеров и 4 меньшевика-оборонца.

Особенно важное значение придавал съезду Ленин. Он обратился ещё 8 октября со специальным письмом «к товарищам-большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области». В письме этом Владимир Ильич прямо говорил, что съезд Советов Северной области должен быть готов взять власть в свои руки, начать восстание:

> «Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить ещё корниловские войска» [1].

Нельзя больше откладывать. Момент активных действий настал...

И Ленин не устаёт снова и снова повторять свои доводы за восстание. Дело не в новых резолюциях.

> «Дело, — писал Владимир Ильич, — в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Под *Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьёзнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее» [2].

Ленин кратко набросал при этом и план восстания. Он предлагал двинуть полки из ближайших гарнизонов к Петрограду, вызвать флот из Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля, разгромить корниловские части, поднять обе столицы и свергнуть правительство Керенского, создать свою власть, немедленно предложить воюющим государствам мир и отдать землю крестьянам.

Вождь революции наметил и лозунг восстания:

«Керенский снова подвёл корниловские войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам, чтобы помешать немедленному предложению мира этой властью, чтобы помешать передаче всей земли тотчас крестьянству, чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву! Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение как можно шире и который будет иметь громадный успех» [1].

Письмо Ленина обсуждалось на большевистской фракции съезда. Фракция собралась утром 11 октября после решающего заседания Центрального Комитета. Совещание происходило в Смольном, в обширной комнате № 18, где обычно заседали большевики.

От имени Центрального Комитета был сделан доклад о принятой директиве. Избегая слова «восстание», докладчик говорил, что время общих разговоров о переходе власти к Советам прошло, пора поставить вопрос конкретно: когда, каким поводом воспользоваться? Возможно, что съезду придётся сыграть роль организации, начинающей выступление.

Руководители съезда знали от товарища Свердлова о решении Центрального Комитета. Знали о нём и многие большевики-делегаты. А доклад вплотную подвёл их к вопросу о восстании. Все почувствовали близость решающего момента. Все поневоле оборачивались на каждый шорох, как будто ждали, что откроется дверь и раздастся призыв к бою.

Вечером того же 11 октября открылось заседание съезда. С трибуны звучат горячие, взволнованные речи. Представитель Петроградского Совета говорит об опасности, угрожающей Петрограду. Он рассказывает, что Временное правительство собирается вывести две трети петроградского гарнизона.

— Дело идёт о судьбе Петрограда! [2] — восклицает он.

Его сменяет матрос-балтиец:

— Вывод гарнизона из Петрограда — это предательство революции!

Матрос обращается к съезду:

— Балтфлот говорит вам: оставайтесь здесь и защищайте интересы революции. Оставайтесь здесь и охраняйте революцию!

Слова матроса тонут в неистовом грохоте аплодисментов. Съезд посылает приветствие Балтийскому флоту.

Представитель Москвы говорил, что в минуту опасности московский гарнизон и пролетариат не останутся равнодушными зрителями событий.

— В Финляндии Советы уже стали органом революционной власти, — сообщает представитель Финляндского областного комитета. — Областной комитет проверяет деятельность правительственных чиновников. Ни один приказ Временного прави-

тельства не исполняется в Финляндии, если он не подписан комиссаром областного комитета [1].

Один за другим на трибуну поднимаются делегаты с мест. Приветствуют съезд представители Советов Петроградской губернии, Гельсингфорсского Совета, Кронштадта. Все они единодушны — необходимо скорее созвать II съезд Советов.

Неожиданно в боевом настроении съезда раздаётся другая нота. На трибуне меньшевик Муханов с внеочередным заявлением:

— Фракция меньшевиков по ряду соображений должна покинуть съезд.

Заявление не производит никакого впечатления на делегатов. Они досадливо отмахиваются от Муханова, как от надоедливой мухи. Съезд спокойно переносит обсуждение этого заявления на завтрашнее заседание. Растерянно озираясь, незадачливый меньшевистский оратор покидает трибуну. Его сменяет солдат-большевик Головов. Он прислан на съезд гарнизоном Выборга:

— Власть в Выборге принадлежит в настоящее время Совету. Совет захватил телеграф, сменил командира корпуса и коменданта крепости[2].

Такое же боевое настроение, по словам делегата Рябчинского, царит в Ревеле.

Однако соглашатели не унимаются. От имени новгородской делегации с внеочередным заявлением выступает меньшевик Абрамович. Их делегация, сообщает он, получила телеграмму от Искоборсева (Исполнительный комитет общеармейских организаций Северного фронта. — *Ред.*) с предложением покинуть настоящий съезд. Но члены новгородской делегации не хотят уходить со съезда. Абрамовичу резко отвечает Крылов, делегат города Боровичей Новгородской губернии. Он отказывается подчиниться требованию соглашательского Искоборсева и заверяет съезд:

— Боровичский гарнизон силой поддержит требование Северного съезда[3].

И снова бесконечным потоком проходят перед съездом солдаты, матросы, рабочие. Многие из них — делегации фронта — пробрались на съезд тайком, миновав многочисленные преграды, которые им ставило командование. На съезде присутствуют представители «окопных жителей» Западного, Юго-западного и Румынского фронтов. Все они спешат присоединить свой голос к требованию солдат и матросов Северной области.

— Вся власть Советам!

От имени петроградского гарнизона отвечает представитель Волынского полка.

— Покуда у власти стоит настоящее правительство, полк

не покинет Петрограда. А если ему и придётся уйти, то он захватит с собой и Временное правительство [1], — под общее одобрение и смех заканчивает оратор.

Требования солдат и рабочих целиком разделяют и присутствующие на съезде делегаты крестьянских организаций. Представитель Исполнительного комитета Петроградского Совета крестьянских депутатов настаивает на немедленном переходе власти в руки Советов. Требование петроградцев поддерживает и крестьянин, делегат Херсонской губернии. Представитель Херсонского земельного комитета рассказывает съезду о тяжёлом положении херсонского селянства, о том, что деревня не доверяет Временному правительству. Крестьяне не дадут больше ни одного зерна, заявляет он, до тех пор, пока Советы не возьмут власть в свои руки [2].

На этом закончился первый день съезда. Он ярко показал, каким революционным, боевым настроением полны флот, гарнизоны и заводы Северной области, целиком стоящие на стороне большевиков. Это должны были скрепя сердце признать даже контрреволюционеры и соглашатели. Такие буржуазные газеты, как «День» и «Утро России», сообщая об открытии съезда Советов Северной области, принуждены были отметить, что победа — за большевиками [3].

Боевое настроение съезда напугало соглашателей. На следующее утро во всех соглашательских газетах появилось решение бюро Центрального исполнительного комитета о «неполномочности» съезда. До этого эсеро-меньшевистский Центральный исполнительный комитет не возражал против съезда. Но как только выяснился большевистский состав и подлинно революционное настроение съезда, соглашатели немедленно запротестовали. Центральный исполнительный комитет заявил, что он считает возможным признать съезд только частным совещанием. Он мотивировал это тем, что съезд созван-де «не по праву» Гельсингфорсским Советом, что на съезде присутствует представитель Московского Совета, в то время как некоторые Советы Северной области никем не представлены, и, наконец, что Центральный исполнительный комитет не знал о созыве съезда.

Наутро 12 октября соглашатели появляются в зале заседаний съезда с радостными, оживлёнными лицами. Они потирают руки от удовольствия, собираются группами, шепчутся по углам, торжествующе потрясают свежими газетами, где опубликовано решение Центрального исполнительного комитета о неполномочности съезда. На трибуну выходят меньшевики. Первым выступает Богданов. Он заявляет, что меньшевики присоединяются к решению Центрального исполнительного комитета и отказываются принимать дальнейшее участие в работе съезда. Они остаются на съезде только «в целях информации».

Заявление фракции меньшевиков не встречает никакого сочувствия среди делегатов. С мест раздаются нетерпеливые возгласы: «Скорее к делу!»

Даже правые эсеры боятся открыто поддержать меньшевиков.

По предложению большевистской фракции съезд принимает резолюцию, разоблачающую предательское поведение Центрального исполнительного комитета.

Съезд переходит к вопросу о текущем моменте.

Решительное предложение большевиков — немедленно передать власть Советам — пугает «левых» эсеров.

— Большевики хотят перенести вопрос о власти на улицу и отказываются решить этот вопрос парламентским путём[1],— трусливо жалуется Колегаев.

Лидера «левых» эсеров отказывается поддержать рядовой член его же партии — кронштадтский матрос Шишко. Он считает, что большевики и «левые» эсеры должны совместно бороться за взятие власти. Представитель XXXIII армейского корпуса передаёт съезду солдатский наказ. В наказе говорилось, что солдаты ждут немедленного заключения мира, отчуждения частных земель, беспощадного обложения крупных капиталов и крупных имуществ, конфискации военных прибылей[2].

Съезд вынес резолюцию:

«Коалиционная власть дезорганизовала, обескровила и истерзала страну. Так называемое Демократическое совещание закончилось жалким банкротством. Гибельная и предательская политика соглашательства с буржуазией с негодованием отвергается рабочими, солдатами, сознательными крестьянами... Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решён вопрос о центральной власти. Съезд призывает все Советы области к активным действиям»[3].

В подробном докладе о военно-политическом положении представитель большевиков рассказывает делегатам — морякам, солдатам и рабочим — о планах Ленина и решении Центрального Комитета большевиков по поводу вооружённого восстания. Он не пользуется словом «восстание», но в легальных условиях съезда он говорит о том, что Временное правительство должно быть устранено и завоёвана власть Советов.

Представитель большевиков столицы сообщил, что в Петрограде создаётся Военно-революционный комитет, в руках которого будет сосредоточено распоряжение всей вооружённой силой. В ответ на это представитель фракции «левых» эсеров заявляет, что они присоединяются к предложению о создании солдатских военно-революционных комитетов.

Съезд обратился с призывом к гарнизонам Северной области принять все меры к развитию и укреплению своей боевой готовности. Съезд предложил местным Советам, следуя примеру Петроградского Совета, создать военно-революционные комитеты для организации военной защиты революции.

Особое внимание съезд уделил земельному вопросу.

Съезд принял воззвание к крестьянам, призывая их поддержать борьбу за власть:

«Крестьянство должно знать, что его сыны в окопах, в казармах и на судах флота, что рабочие фабрик и заводов — на его стороне и близки дни решительного боя, когда революционные рабочие, солдаты и матросы восстанут для борьбы за землю, за волю, за справедливый мир. Они установят рабоче-крестьянскую власть Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»[1].

По предложению большевиков принимается решение организовать Северный областной комитет, который должен обеспечить созыв Всероссийского съезда Советов и объединить вокруг себя деятельность всех Советов области.

В областной комитет избираются 17 человек, из них 11 большевиков и 6 «левых» эсеров.

Перед закрытием съезда в зале появляются многочисленные делегации. Трибуну окружает острый частокол штыков. Представители латышских стрелков приветствуют съезд.

— Латыши, — говорят они, — с первого дня революции выдвинули лозунг: «Вся власть Советам!» И теперь, когда революционный Петроград собирается провести его в жизнь, латышские стрелки в количестве 40 тысяч штыков готовы оказать этому полную поддержку[2].

Следом за латышами к трибуне подходят делегаты Обуховского завода.

— Наш завод целиком поддерживает большевиков[2], — горячо заверяют рабочие.

В заявлениях всех делегаций одна мысль, одно непреклонное решение: бороться не на жизнь, а на смерть. К восстанию призывают и латыши, и матросы, и питерские рабочие.

Сотни людей, заполнившие Актовый зал Смольного, отвечают на это бурей рукоплесканий, оглушительным «ура» и пением «Интернационала».

Соглашательский Центральный исполнительный комитет пытался дискредитировать съезд Советов Северной области. Он объявил решения съезда дезорганизаторскими.

Соглашатели понимали, что обращение съезда Советов Северной области непосредственно к полковым комитетам, к солдатам, матросам, рабочим и крестьянам с призывом взять в свои руки выборы на II Всероссийский съезд Советов является

скрытым ударом по Центральному исполнительному комитету. Этого соглашатели боялись больше всего.

Во время работы Северного съезда в органе эсеро-меньшевистского Центрального исполнительного комитета появилась статья «Кризис советской организации», в которой автор писал от имени редакции:

«Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и уменья вести дела и, наконец, нет самой организации»[1].

Перепуганные успехами большевиков, эсеро-меньшевики пытались доказать массам, что Советы как форма организации власти абсолютно не приспособлены к управлению страной.

«Мы построили Советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия, — писал тот же автор. — Теперь на место бараков строится постоянное каменное здание нового строя, и, естественно, люди постепенно уходят из бараков в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом»[2].

Растерянные соглашатели мечутся и стонут в предчувствии надвигающейся революционной бури. В паническом страхе они выболтали классовый смысл соглашательской политики: через Советы удерживать массы от революции до тех пор, пока буржуазия покрепче приберёт к рукам вожжи и станет господином положения в стране.

Преданность лакеев буржуазии сразу была оценена в хозяйской гостиной. «Русская воля» — виднейший орган контрреволюции — с чувством удовлетворения писала по поводу статьи в «Известиях»:

«Ещё так недавно... о советах... можно было говорить только самым почтительным тоном. Критика советских организаций считалась явным проявлением контрреволюции. И вот, наконец, наступил день, когда о смерти советов говорит уже не «контрреволюционная» и не «буржуазная» пресса, а говорит об этом прямо и открыто орган Центрального исполнительного комитета советов»[3].

Соглашатели-«социалисты» и матёрая контрреволюционная буржуазия заговорили одним языком. То, что струсившие лакеи разгласили в припадке паники, целиком отвечало планам контрреволюционных хозяев. Организуя новый поход против рабочих и крестьян, буржуазия прежде всего требовала разгона Советов.

Контрреволюция прекрасно понимала громадное значение решений закончившегося съезда.

«Лево-большевистское настроение закрывшегося вчера областного съезда советов рабочих и солдатских депутатов на

водит на самые тревожные предположения»[1], — писала на другой же день после съезда московская газета «Утро России». Газета «День» сообщала, что на лозунги, данные съездом Советов Северной области, «провинция откликается и очень недвусмысленно»[2].

Съезд оказал громадное мобилизующее влияние не только в Северной области, но и далеко за её пределами Тотчас же по окончании съезда участники его выехали на места. Повсюду они рассказывали о решениях съезда, проверяли и мобилизовывали силы революции.

Вслед за съездом Советов Северной области открылся ряд съездов Советов и в других областях и районах. Все они прошли под знаком готовности к борьбе за власть Советов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШТУРМА.

1.

ЗАВОЕВАНИЕ БОЛЬШИНСТВА В СТРАНЕ.

енин всегда подчёркивал в статьях и письмах накануне Октября, что *политическую судьбу народа*, судьбу всей страны решает прежде всего победа революции в Петрограде и Москве. Вооружённое восстание в Петрограде и Москве в значительной мере предрешит исход борьбы во всей стране.

Но определяя, откуда должен быть направлен *главный удар*, где решается в основном успех революции, где надо прежде всего создать ударный кулак и решающий перевес сил, партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным никогда не исходила из того, что вся страна сама по себе, самотёком, стихийно пойдёт за утвердившими власть Советов Петроградом и Москвой. По всей стране шла мобилизация сил. И самый вывод Ленина о том, что восстание назрело, целиком основывался на анализе соотношения классовых сил не только в центре, но и по всей стране.

«Мы в большинстве в *стране*...»[1],— писал Ленин в исторической статье «Кризис назрел».

Завоевание большевиками большинства в стране стало очевидным фактом после корниловщины.

Решение Центрального Комитета большевистской партии о вооружённом восстании положило начало новому — третьему периоду в истории подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.

Первый период (март—апрель 1917 года) Сталин характеризовал как период новой ориентировки партии.

Второй период (май — август 1917 года) — как период революционной мобилизации масс.

Третий период (сентябрь — октябрь 1917 года) — как период организации штурма.

> «Характерной чертой этого периода, — писал Сталин о периоде организации штурма, — нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков»[1].

Вслед за Петроградским и Московским Советами большевики завоёвывают большинство в Советах почти всех крупнейших промышленных центров страны: в Екатеринбурге и Минске, Ростове и Саратове, Киеве и Харькове, Таганроге и Самаре, Царицыне и Владимире, не говоря уже о Луганске и Иваново-Вознесенске, где Советы стали большевистскими вскоре после Февральской буржуазно-демократической революции. Выборы в Учредительное собрание по крупным промышленным центрам и районам, проходившие уже после Октября, но отражавшие соотношение сил, как оно сложилось до Октябрьской социалистической революции, показывают, насколько выросло влияние большевиков в стране.

В Иваново-Вознесенске большевики получили 17 166 голосов (64%), меньшевики—679 (2,6%), эсеры — 3 389 голосов (12,7%). В Кинешме большевики получили 3567 голосов, эсеры — 858, меньшевики — 815 голосов. Во Владимирском уезде Владимирской губернии, где находились крупные текстильные предприятия, большевики получили 71% всех голосов (свыше 36 тысяч человек голосовало за большевиков и только 745 человек—за меньшевиков, 11,6 тысячи голосов получили эсеры). В Шуйском уезде той же губернии большевики собрали 63,5% всех голосов, эсеры — 22%, меньшевики — 2%. В Екатеринбурге большевистский список получил 11 827 голосов, эсеры — 4 236, меньшевики — 567 голосов.

Интересны данные по Аша-Балашовскому заводу на Урале. Здесь большевики получили 1 829 голосов, эсеры — 134, остальные партии — 20 голосов. В Миньярской волости Уфимской губернии (Миньярские заводы) за большевиков голосовало 2 232 человека, в то время как эсеры получили 116 голосов, а остальные партии — 28 голосов. В Минске большевики получили 63% всех голосов, эсеры — 19%, меньшевики — 1,8%.

Из этих цифр наглядно вытекает полное банкротство меньшевиков, потерявших всякое влияние на массы раньше всего именно в крупных пролетарских центрах. Победу большевиков в Советах крупнейших городов надо было закрепить в масштабе всей страны. С этой целью большевики выдвинули требование созвать II съезд Советов. Борьба за своевременный созыв II съезда, за обеспечение большевистского руководства съездом стала вместе с тем важнейшей формой организации штурма на местах.

В начале октября Центральный Комитет большевистской партии разослал на места письмо за подписью Я. М. Свердлова, в котором сообщалось о созыве экстренного съезда партии 17 октября и Всероссийского съезда Советов 20 октября. Центральный Комитет партии предлагал по мере возможности совмещать мандаты на съезд партии и съезд Советов, проводить перевыборы Советов, созывать окружные и областные съезды Советов и выносить резолюции с требованием немедленного созыва съезда Советов, посылая их по телеграфу в центр. 30 сентября в «Рабочем пути» за подписью ЦК РСДРП (б) была опубликована передовая «Перед съездом Советов». Передовая призывала вести борьбу против соглашателей, срывающих созыв съезда.

«Будьте настороже, товарищи! — призывал Центральный Комитет партии работников на местах. — Не надейтесь ни на кого, кроме как на самих себя. Не теряя ни одного часа, готовьтесь к съезду Советов, созывайте областные съезды, добейтесь того, чтобы на съезд были посланы противники соглашательства, не уступайте ни пяди из завоёванных Советами позиций на местах!»

В заключение ЦК призывал остерегаться преждевременных выступлений, по существу требуя ждать сигнала из центра:

«Мы не пойдём на бой тогда, когда это нужно нашим врагам. Никаких частичных выступлений!»[1]

Особенно широко развернулась кампания по созыву областных съездов Советов после начала работ съезда Советов Северной области. Областные съезды состоялись в следующих важнейших центрах страны:

Наименование съезда	*Дата созыва съезда*	*Место работы съезда*
1. Съезд Советов Северной обл. . . .	11 октября	Петроград
2. Екатеринбургский окружной съезд Советов	13 октября	Екатеринбург
3. Съезд Советов Владимирской губ.	16 октября	Владимир
4. Областной съезд Советов Поволжья	16 октября	Саратов
5. Областной съезд Советов в Минске	16 октября	Минск
6. Первый общесибирский съезд Советов	16 октября	Иркутск
7. Съезд Советов Тверской губ. . . .	17 октября	Тверь

Наименование съезда	Дата созыва съезда	Место работы съезда
8. Областное совещание Советов Юго-западного края	17 октября	Киев
9. Съезд Советов Рязанской губ. . .	18 октября	Рязань

Кроме того, несколько раньше съезда Советов Северной области, имели место съезды:

1. Областной съезд Советов Урала .	17 августа	Екатеринбург
2. Съезд Советов Средней Сибири . .	5 сентября	Красноярск
3. Второй краевой съезд Советов Туркестана	29 сентября	Ташкент
4. Областной съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов . .	6 октября	Харьков
5. Съезд Советов Восточной Сибири .	10 октября	Иркутск

На перечисленных выше съездах были представлены Советы Петрограда и Москвы, Финляндии и Эстонии, Поволжья и Урала, Сибири и Дальнего Востока, Украины и Средней Азии, т. е. Советы почти всей необъятной страны. На областном съезде Советов Поволжья присутствовали делегаты Саратова, Самары, Симбирска, Сызрани, Астрахани, Царицына и др. Первый общесибирский съезд Советов представлял 69 Советов Сибири и Дальнего Востока (Владивосток, Тюмень, Харбин, Якутская область, Хабаровск и т. д.). Всего на съезд прибыло 184 делегата, из них—65 большевиков, 35—«левых» эсеров.

На областном совещании Советов Юго-западного края в Киеве было представлено 34 Совета. На съезде Советов Северной области, как уже отмечалось, присутствовали делегаты Советов Петрограда и Петроградской губернии, Москвы, Архангельска, отдельные Советы Финляндии, Эстонии, Латвии.

Съезды Советов, как правило, принимали большевистские резолюции и проходили под знаком борьбы за захват власти Советами. Каково было настроение на местах, можно судить по резолюции съезда Советов Владимирской губернии, где кроме Владимира участвовали Советы Иваново-Вознесенска, Шуи, Коврова, Гороховца и других промышленных центров Владимирской губернии:

> «Объявить Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа. Считать отныне все Советы Владимирской губернии и их губернский центр (губернский исполнительный комитет) на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством»[1].

Предоктябрьские областные и губернские съезды Советов сыграли огромную роль в подготовке штурма. Они не только принимали решения о необходимости перехода власти к Советам, но и брали на себя конкретные обязательства о поддержке Петрограда и Москвы в дни решающих боёв.

Одновременно согласно директиве Центрального Комитета

большевитской партии на местах готовились к экстренному общепартийному съезду 17 октября. Он не состоялся, но почти повсеместно прошли партийные конференции и съезды партии, обсуждавшие один и тот же вопрос — «о текущем моменте», т. е. о вооружённом восстании.

1 октября открылась окружная конференция большевиков Петроградской губернии, 10 октября — Московская общегородская конференция большевиков. В начале октября была созвана губернская партийная конференция большевиков Нижнего-Новгорода (30 сентября — 2 октября), 6 октября открылся губернский партийный съезд в Самаре, 5 октября — II областная конференция парторганизаций Белоруссии и Западного фронта. В это же время (2—7 октября) в Тифлисе состоялся I областной съезд кавказских большевистских организаций. В начале и середине октября губернские партийные конференции проходили также в Воронеже, Новгороде, Иваново-Вознесенске, Ярославле, Вятке, Перми, Уфе, Екатеринбурге, Томске и других городах.

В основных промышленных центрах страны организации большевистской партии сразу возродились как самостоятельные организации или в течение первых же месяцев после Февральской революции решительно рвали с меньшевиками. Были, однако, города, где имелись налицо соглашательские, оппортунистические элементы, где не удалось сплотить достаточно крепкое большевистское ядро. Здесь были созданы объединённые с меньшевиками партийные организации. Существовали они местами до августа—сентября и даже октября 1917 года. Но именно в эти осенние месяцы кануна октябрьских боёв разрыв с меньшевиками назрел повсеместно. «Правда» в сентябре — октябре на своих страницах ежедневно помещала в разделе «Партийная жизнь» «Письма в ЦК» с мест, сообщавшие об окончательном оформлении самостоятельных большевистских партийных организаций, о подчинении их указаниям ЦК, о решительном разрыве с меньшевиками. В августе 1917 года оформились самостоятельные большевистские организации в Пскове и Вятке, в сентябре — в Таганроге, Симферополе, Орле, Владивостоке, Оренбурге, Бердянске, Елисаветграде, Новониколаевске, Томске, в октябре — в Омске, Иркутске. Как показал опыт, борьба за власть Советов была труднее, завоевание власти Советами происходило позже и с большими осложнениями именно там, где раскол с меньшевиками и создание самостоятельных большевистских организаций недопустимо затягивались вопреки прямым указаниям ЦК партии большевиков.

К октябрю 1917 года на местах выросли и окрепли значительные отряды большевиков. Партия большевиков гигантски выросла. По сообщению товарища Свердлова на заседании Центрального Комитета 16 октября, партия большевиков насчитывала к этому времени не менее 400 тысяч членов.

Четырёхсоттысячная армия большевиков была размещена по стране исключительно удачно. Основные силы партии, естественно, концентрировались в обеих столицах — в Петрограде в октябре было около 50 тысяч членов партии, в Москве — свыше 20 тысяч, а вместе с областью—до 70 тысяч. Уральская парторганизация насчитывала свыше 30 тысяч членов.

На II Северо-западной конференции большевиков в Минске (октябрь) было представлено 28 590 членов партии, а вместе с Западным фронтом — около 49 тысяч.

Состоявшаяся в Киеве в июле 1917 года партконференция Юго-западного края представляла 8 организаций, насчитывавших 7 297 членов партии, из них в киевской парторганизации было около 4 тысяч, в одесской — 2 200 членов партии.

Областной съезд кавказских большевистских организаций в Тифлисе (октябрь) представлял 8 636 членов партии, из них в Баку было 2 200 человек. Крупная большевистская организация была в Иваново-Вознесенске — 6 тысяч членов. Саратовская парторганизация насчитывала 3 500 человек, Самарская — 4 тысячи, Нижегородская — 3 тысячи, Царицынская — около 1 тысячи, Казанская — 650, Воронежская — 600 человек.

Под руководством ЦК большевистской партии шла подготовка к взятию власти во всей стране. Несмотря на огромные трудности и преследования Временного правительства и его органов, связь ЦК с местами в предоктябрьские дни была прекрасно поставлена.

Идею необходимости вооружённого восстания понесли в массы делегаты VI съезда партии. Они же совместно с местными парторганизациями практически готовили и создавали условия для успешного исхода вооружённого восстания. Делегаты VI большевистского съезда направлялись в рабочие центры, на фронт, в деревню. 64 из них работали в Петрограде, 55 — в Москве, 33 выехали в Донбасс, Харьков, Одессу, 13 — в Баку, 12 — на Урал.

Ряд делегатов направился в другие крупнейшие города страны — Иваново-Вознесенск, Тулу, Нижний-Новгород, Ростов-на-Дону, Уфу, Омск, Владивосток. Делегаты-большевики понесли решения съезда рабочим, крестьянам, солдатам. Они готовили трудящихся к новой революции, формировали красногвардейские отряды, подымали массы на штурм капитализма, на организацию вооружённого восстания.

Центральный Комитет партии большевиков прикрепил своих членов к областям. Прикреплённые к области товарищи регулярно докладывали Центральному Комитету о работе на местах. Каждая телеграмма из далёкой провинции, говорящая о готовности поддержать восстание в центре, имела важнейшее значение для учёта настроений в стране. Я. М. Свердлов требовал постоянной и систематической информации с мест и сам всегда был тесно связан с самыми отдалёнными районами.

«Петроград — не вся Россия»,— истерически кричали меньшевики и эсеры в своей печати, тщетно пытаясь доказать, что в момент решающей схватки необъятная провинция, как лавина, задушит восстания в большевистских «островках» — в Петрограде и Москве. Но в большевистском штабе, готовившем восстание, хорошо знали, что Петроград и Москва не «островки», окружённые враждебным кольцом противостоящей им «провинции», а боевые центры, передовые отряды, по призыву и сигналу которых отряд за отрядом, город за городом, район за районом пойдёт в бой вся страна.

Не было ни одной крупной области, которая не имела бы специального задания ЦК партии. Урал и Донбасс, Белоруссия и Северный Кавказ заранее знали своё место, своё назначение, свою роль в готовящемся восстании. На места выезжали представители ЦК партии, передавая последние решения, проверяя подготовку к захвату власти. Росли, вооружались, окончательно оформлялись, готовились к бою отряды Красной гвардии, которые накануне Октября были созданы почти во всех крупных центрах страны. Вся страна настороженно ждала лишь сигнала к бою, и все знали, что этот сигнал будет дан из Петрограда и Москвы.

БОЛЬШЕВИКИ ПЕТРОГРАДА В ПОДГОТОВКЕ ШТУРМА.

Впереди других организаций в подготовке штурма шёл Петроградский комитет большевиков.

Письма Ленина о восстании были известны руководящим работникам петроградской организации. Не раз Ильич прямо обращался в Петроградский комитет. Выборгский район, куда в начале октября перебрался Владимир Ильич, размножал письма на машинке. Рабочие читали их группами, переписывали от руки. В партийных низах шла напряжённая мобилизация сил вокруг лозунгов Ленина, призывавшего готовиться к восстанию.

5 октября Петроградский комитет обсуждал письмо Ленина, адресованное большевикам обеих столиц.

Против восстания выступил М. М. Лашевич — впоследствии известный троцкист. Он развил те же доводы, что Каменев и Зиновьев: сил у нас недостаточно; Петроград и Финляндия — не вся Россия; крестьянство за нами не пойдёт, а если пойдёт и согласится дать хлеб, то мы не сумеем его подвезти; страна в области экономической, промышленной и продовольственной идёт к пропасти; власть идёт к нам, но форсировать события нельзя.

Короче, колеблющиеся возлагали все надежды на самотёк: вместо *организации* восстания — *ждать* развития событий; вместо быст-

рой, настойчивой *мобилизации* всех сил — *плыть* по течению; вместо руководства революцией — *плестись* в хвосте.

Лашевич защищал предложение Троцкого об отсрочке восстания до съезда Советов. Доводы, которые скрывал Троцкий, откровенно высказал его сторонник. В этих доводах особенно ярко вскрылось, как близко сошлись позиции Зиновьева, Каменева и Троцкого. Одна переходила в другую. Сбитые с одной платформы, авторы скрывались за второй.

Петроградский комитет дал резкий отпор противникам восстания.

«Вопрос стоит так, — говорил М. И. Калинин, — что сейчас мы идём к захвату власти. Мирным путём мы власть не захватим. Нам сейчас трудно учесть, сможем ли мы завтра выступить. Но для борьбы нельзя терять настоящий момент. Вопрос о захвате власти встал ребром. Надо только найти момент для стратегического нападения»[1].

Общее настроение Петроградского комитета выразил товарищ Молотов в точной и ясной формулировке:

«Наша задача теперь — не сдерживать массы, а выбрать наиболее удобный момент, чтобы взять власть в свои руки. В тезисах Ленина говорится о том, чтобы мы не увлекались сроками, а выбирали бы удобный момент для взятия власти, не ждали бы, когда массы могут перейти в анархию. Момент точно определить нельзя. Может быть, этим моментом будет переезд Временного правительства в Москву. Но к выступлению мы должны быть готовы каждую минуту»[2].

Петроградский комитет постановил созвать общегородскую конференцию большевиков столицы. Конференция — по счёту третья за 1917 год — заседала с 7 по 11 октября. Представлено на ней было около 50 тысяч членов партии: более 7 тысяч — Нарвским районом, без малого 7 тысяч — Выборгским, Петербургским — 3 тысячи и т. д. Обстановка была настолько напряжённой, что заседания происходили полуконспиративно: на них не допускали гостей.

Конференция показала, что в петроградской организации противники восстания насчитывались лишь единицами. Большевики Петрограда решительно шли в ногу с Центральным Комитетом партии большевиков.

Ленин обратился к делегатам конференции с особым письмом, излагавшим доводы за восстание. Призыв вождя нашёл горячий отклик. 10 октября была принята резолюция, полностью поддерживавшая линию Ленина.

«Наступил момент последней решительной схватки,— говорилось в резолюции, — долженствующий решить судьбу не только революции российской, но и революции мировой. Ввиду этого конференция заявляет, что только замена правительства Керенского вместе с подтасованным Советом республики рабо-

В. М. Молотов.

чим и крестьянским революционным правительством способна: а) передать землю крестьянам... б) тотчас же предложить справедливый мир...»[1].

Это решение было принято в тот самый вечер, когда Центральный Комитет утверждал директиву о восстании.

Петроградский комитет большевиков решительно готовился к восстанию. Члены комитета объезжали районы, проверяли состояние Красной гвардии, доставали оружие.

В Выборгском районе работал Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин). Старый большевик, не раз отбывавший ссылку, товарищ Молотов работал в «Звезде» и «Правде»—первых легальных большевистских органах. Во время войны был сослан в Восточную Сибирь, но в 1916 году бежал в Петроград, где был введён в члены бюро Центрального Комитета. В дни Февральской революции 1917 года руководил большевиками Петрограда. Ему принадлежала инициатива слияния вместе в одном Совете представителей рабочих и солдат,

В 1917 году товарищ Молотов был членом Исполнительного комитета Совета и Петроградского комитета большевиков.

По принятии курса на вооружённое восстание Молотов был избран членом Военно-революционного комитета. Ему поручили заведывание агитотделом. Руководя агитационной работой в гарнизоне, Молотов не прекращал работы в районе и в Петроградском комитете. Он знакомил большевистский актив с письмами Ленина, добивался разгрома противников восстания.

В столице среди металлистов работал Андрей Андреевич Андреев. Петроградские металлисты находились полностью под влиянием большевиков. Металлисты оказали огромную помощь организации Красной гвардии.

15 октября Петроградский комитет обсуждал директиву партии о немедленном восстании. Присутствовало 35 товарищей, представлявших все районы города, Центральный совет профсоюзов, городскую думу и национальные секции столичной организации. Обсуждали не принципиальный вопрос — надо ли выступать, — это было решено раньше, а практические задачи восстания. После сообщения о резолюции Центрального Комитета заслушали доклады с мест.

Выборжцы уверенно заявили: «Массы поддержат». В Василеостровском районе на фабриках и заводах полным ходом шло военное обучение. Товарищ Калинин информировал о наладившихся связях с армией:

«Армейские комитеты—не наши... А с другой стороны, оттуда же помимо армейских организаций посылаются делегации, которые предъявляют такие требования, которые указывают, что там боевое настроение»[1].

Обуховцы указывали:

«... раньше Обуховский завод был опорой оборонцев. Теперь в настроении перелом в нашу пользу. На митинги... приходит по 5—7 тысяч человек... В Красную гвардию записано 2 тысячи человек. Имеется 500 винтовок, пулемёт, блиндированный автомобиль... Завод безусловно выступит по призыву Петроградского Совета»[2].

От финнов убедительно выступил Эйно Рахья:

«У финнов такое настроение, что чем скорее, тем лучше»[3].

Латыши сообщили, что у них имеется 1 200 членов большевистской партии. Рабочие записаны в Красную гвардию по заводам.

Во всех районах шла кипучая деятельность. Массы с нетерпением ждали призыва партии: «К бою!»

— Я уверен, что в ближайшем будущем публика покажет себя творчески, — подвёл итог докладам Калинин.

Общее настроение было таково, что даже и те, кто ещё недавно колебался, теперь голосовали вместе со всей организацией за восстание.

Петроградский комитет постановил немедленно созвать всех активных работников, которым сообщить лозунги повседневной боевой агитации. По организационным вопросам было принято решение:

1) выделить из состава Петроградского комитета узкую группу;

2) организовать дежурства в центре и на местах;

3) устроить боевой технически информационный центр при районных комитетах;

4) всем районам теснее связаться с фабрично-заводскими комитетами и секретариатом Центрального Комитета;

5) улучшить сношения с железнодорожниками, почтовиками, со всеми массовыми рабочими организациями;

А. А. Андреев.

6) усилить агитацию и ускорить работы по массовому обучению рабочих владеть оружием;

7) усилить связь партийных районов с солдатскими частями.

Выполняя решение Петроградского комитета, его исполнительная комиссия избрала повстанческую тройку, которой поручила обследовать казармы и военные училища, взять на учёт вооружение и военные припасы.

Вслед за тем была образована общая повстанческая комиссия из членов Центрального и Петроградского комитетов и военной организации большевиков.

В районных комитетах петроградской организации большевиков закипела напряжённая работа.

«Усилить агитацию» потребовал Петроградский комитет, и в ответ сильнее зазвучали на предприятиях страстные призывы к рабочим. На ведущих заводах митинги шли каждый день. На Трубочном заводе, в заводском комитете которого работал М. И. Калинин, 20 тысяч рабочих ещё недавно шли за эсерами. Теперь туда зачастили большевистские агитаторы. Настроение быстро изменилось. Рабочие внимательно слушали ораторов и то и дело спрашивали: «Скоро ли будут выступать большевики?»

«Усилить связь с солдатскими массами» постановил Петроградский комитет большевиков, и районные комитеты партии развернули в воинских частях энергичную работу. В одной из рот

Измайловского полка окопались эсеры. Солдаты продолжали выносить оборонческие резолюции. Районный комитет направил туда своих работников. По вечерам у казарм стали собираться рабочие, разъясняя солдатам смысл назревающих событий. Первое время солдаты прогоняли агитаторов. Но простая, убедительная речь скоро нашла доступ и к ним. Через неделю-другую солдаты уже удивлялись, как долго водили их за нос соглашатели.

Опорной базой большевиков были крупные предприятия Выборгского, Нарвского и других рабочих районов Питера. В Выборгском районе существовала специальная агитаторская коллегия. Сюда с заводов присылали за агитаторами. Заходили беспартийные рабочие попросить литературы. Требуя инструкторов, то и дело появлялись красногвардейцы. Отсюда группами уходили на учебную стрельбу. Районный комитет, помещавшийся со штабом Красной гвардии в доме № 13 по Лесному проспекту, был постоянно переполнен людьми.

В трёх комнатах становилось тесно. Районный комитет перебрался на Сампсониевский проспект в дом № 33 — в здание бывшего трактира «Тихая долина», где занял два этажа. Внизу устроили чайную для красногвардейцев. Помещение было грязное, состоявшее из двух зал в первом и втором этажах и нескольких каморок-кабинетов. Но оно находилось в самом центре района.

На заводах членами районного комитета были организованы дежурства и военная учёба. Усиленно доставали оружие, обмундирование.

Боевые припасы рабочие прятали в самых «неожиданных» местах. Так на Охте, например, оружие хранилось в помещении под вывеской «кооперативной» лавки. Там стоял только один ящик с макаронами. Всё остальное было занято винтовками и патронами.

Выборгский районный комитет поддерживал постоянную связь с Петроградским комитетом и с членами Центрального Комитета. Представители районного комитета регулярно дежурили в Смольном.

Двери Выборгского районного комитета были открыты круглые сутки. Районный комитет, районный Совет и штаб Красной гвардии работали часто целыми ночами. Заслушивались отчёты о настроениях на заводах. Докладчики сообщали о ходе митингов. Подсчитывались боевые силы. Проверяли, как идёт набор в Красную гвардию.

Выборгский район стал большевистской крепостью. Не случайно Центральный Комитет поместил Ленина под охрану выборгских красногвардейцев.

«Выдающуюся роль в октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль Петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов»[1], — так оценил Сталин балтийцев и красногвардейцев Выборгского района.

Такая же работа кипела и в других районах. В Рождественском комитете партии заседания происходили каждые три дня. В первую очередь обсуждались всегда два вопроса: сообщения о настроениях на заводах и кого куда послать для изменения положения в пользу большевиков. Ежедневно происходили летучие совещания двух-трёх основных работников района: нужно было планировать несколько агитационных выступлений. От крупных заводов в районе всегда присутствовали дежурные связисты. В случае необходимости можно было в самый короткий срок известить о выступлении все предприятия.

На заседаниях комитета не ставился вопрос о вооружённом восстании — всем без исключения была ясна линия большевистской партии. Обсуждали только, где добыть оружие и кого вооружать.

При районе находился специальный инструктор — унтер-офицер, сочувствовавший большевикам. Каждый день шло обучение стрельбе. Тут же в районном комитете инструктировали красногвардейцев.

В последние дни перед выступлением систематически устраивались совещания с беспартийными представителями заводов. Делегатам давали материалы для ответов на «каверзные» вопросы эсеров и меньшевиков. Эти совещания помогли районному комитету связаться с самыми широкими слоями рабочих.

Настроение в районе было настолько напряжённым, что рабочие ночью забегали в комитет справиться — не началось ли восстание.

Районные комитеты работали с исключительным революционным подъёмом. Везде чувствовалось, что близится решающий штурм. Повсюду в рабочих районах Петрограда создавались свои революционные боевые штабы — районные центры восстания. Лихорадочно шли комплектование, вооружение и подготовка рабочих дружин.

Вскоре после Выборгского был создан военно-революционный комитет Нарвско-петергофского района.

Образование военно-революционного комитета было встречено рабочими с энтузиазмом. На крупнейшем предприятии района — Путиловском заводе — по всем мастерским были приняты постановления о полной и безоговорочной его поддержке.

Военно-революционный комитет помещался рядом с районным комитетом большевиков на Новосивковской улице в доме № 21. Он держал связь с Военно-революционным комитетом Петроградского Совета, отдавал распоряжения по штабам Красной гвардии. На него возлагалась охрана районов, ему были подчинены все красногвардейские отряды. Комитет работал под непосредственным руководством Нарвского районного комитета партии.

За несколько дней до Октябрьского переворота был создан

революционный штаб и в Петроградском районе. И здесь штаб работал в тесной связи с районным комитетом большевиков, под его непосредственным руководством.

Штаб помещался в здании Совета. В его распоряжении находились все красногвардейские отряды района. Штаб проверил боевую готовность отрядов, снабдил их оружием, организовал охрану мостов, взял под контроль местные гнёзда контрреволюции — Владимирское и Павловское училища, установив за ними постоянный надзор.

В Московско-заставском районе штаб районного военно-революционного комитета был утверждён на расширенном совещании с представителями фабрик и заводов при районном комитете партии. К этому времени подавляющая масса рабочих крупнейших предприятий района — завода Речкина, обувной фабрики «Скороход» и др. — безраздельно шла за большевиками. На «Скороходе» большевистский коллектив насчитывал в октябре около 500 человек. Районным комитетом была проведена большая работа по организации боевых дружин. Так же работали штабы революции и в других районах столицы.

На всех фабриках и заводах Петрограда под руководством фабрично-заводских комитетов, фабричных коллективов и районных штабов Красной гвардии было организовано обучение красногвардейцев военному делу. Красная гвардия Обуховского завода насчитывала до 400 человек вооружённых, хотя записалось до 2 тысяч красногвардейцев. Их разбили на 10 отрядов. Во главе каждого отряда стояли большевики. Они регулярно проводили военное обучение рабочих. Московско-заставский район насчитывал в октябре 1917 года 2 тысячи красногвардейцев из общего числа 13 тысяч рабочих Московской заставы.

На Путиловском заводе было около 1500 красногвардейцев. Занятия происходили в определённые дни после окончания работы под руководством унтер-офицеров и солдат-большевиков. Из среды рабочих и солдат, из самой гущи народных масс выделялись сотни и тысячи прекрасных работников-организаторов и агитаторов. Заводским комитетом была создана военная комиссия из трёх человек. Она вела запись на заводе в Красную гвардию. Комиссия в цехах нашла немало добровольных помощников.

В Васплеостровском районе одним из наиболее организованных боевых отрядов являлись красногвардейцы Трубочного завода. Как члены большевистской партии, так и беспартийные обучались военному делу с большой охотой. К Октябрю на заводе составился целый батальон — около 2 тысяч человек.

В Васплеостровском районе работала Вера Слуцкая — талантливый пропагандист, один из преданнейших работников большевистской партии. Прикреплённая к району, она с утра являлась

на Васильевский остров и весь день проводила на его фабриках и заводах. Среди работниц её звали «Железной».

> «Бывало,— вспоминали работницы,—придёшь в общую комнату и слышишь: «А наша-то «Железная» опять всю ночь не спала — посидела, подремала за столом часа два и снова убежала на какую-то фабрику»[1].

К Октябрьским дням заводы Васильевского острова, как и других районов города, ощетинились красногвардейскими штыками.

Заводы в эти дни мало походили на предприятия, скорее — на вооружённый лагерь. То и дело мелькали вооружённые люди, щёлкали затворы. За станками — красногвардейцы, опоясанные через плечо патронами. На дворе завода прилаживают броню из щитов к грузовым машинам, ставят на них пулемёты.

> «Нас не пугает предстоящая близкая борьба... мы твёрдо верим, что из неё мы выйдем победителями.
>
> Да здравствует власть в руках Совета рабочих и солдатских депутатов!»[2] — заявляли в своей резолюции рабочие завода «Старый Парвиайнен».

Такие заявления поступали и из других районов Петрограда. В районах наряду с огромным революционным подъёмом царила атмосфера хорошо организованной работы и уверенность в победе. Рабочие готовились к бою.

Боевая подготовка Петроградского комитета показала, что пролетарии столицы имеют в решительном сражении надёжного, стойкого и опытного руководителя.

5.

МОСКОВСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ.

Условия работы в Москве несколько отличались от Петрограда, где борьбой непосредственно руководил Центральный Комитет большевиков. Основные кадры петроградского пролетариата состояли из металлистов и рабочих тяжёлой промышленности крупных предприятий. Это был «потомственный пролетариат», как их называли, подчёркивая тем самым, что петроградские рабочие давно потеряли связь с деревней. В Москве преобладали текстильщики. Их связь с деревней была теснее. Они медленнее освобождались от мелкобуржуазных влияний. Крупные предприятия Москвы составляли исключение в массе мелких и средних предприятий.

Петроградский пролетариат пострадал от военных мобилиза-

ций меньше, чем московский. Правительство старалось не посылать на фронт квалифицированных рабочих. В Москве взамен мобилизованных пришли новые пополнения из деревни, что на некоторое время значительно понизило боеспособность рабочих. Военная организация московских большевиков была значительно слабее военной организации Петрограда.

А главное — в Москве не было такого руководства партийной организацией, какое обеспечивали в Петрограде Ленин и Сталин.

Большим препятствием в деле мобилизации масс являлось то, что, в отличие от Петрограда и всех крупнейших центров, в Москве существовали отдельно Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов. Соглашатели всячески тормозили слияние Советов, стремясь тем сохранить своё влияние хотя бы в одном Совете солдатских депутатов, ибо в Совете рабочих депутатов быстро укреплялись большевики.

В Петрограде борьба приняла более острую форму и потому, что тут находилась центральная правительственная власть, и потому, что город включён был в прифронтовую полосу. В Петрограде репрессии были более суровыми. Таких явлений, как расстрел июльской демонстрации, неоднократное закрытие большевистских газет, арест руководителей, Москва не знала. В Москве после июльских дней местные власти ограничились лишь тем, что закрыли для большевиков доступ в казармы и временно запретили митинги под открытым небом.

Однако контрреволюция очень внимательно следила за развитием событий в Москве. Вторая столица, спокойная купеческая Москва, противопоставлялась первой — бурному революционному Петрограду. В Москву собиралось бежать Временное правительство. В Москве заседали «общественные деятели». Под этим «невинным» названием скрывались виднейшие деятели контрреволюции, по существу — её штаб. Москва расположена сравнительно недалеко от Донской области, откуда всегда можно было подтянуть казаков. Словом, Москву контрреволюция считала якорем спасения. Сюда собирались перебросить побольше сил. Москву предполагали использовать ещё в период Государственного совещания.

Незадолго до него стало известно, что к Москве передвигается 7-й Сибирский казачий полк. Большевистская печать подняла тревогу. На заводах и фабриках выносили резолюции протеста против передвижения казаков. Кто передвигал полк, кто давал распоряжение — никто не сознавался, а те, кто знал, отмалчивались. Большевики прямо назвали Временное правительство виновником передвижения казаков, но Керенский тоже молчал, а командование Московского военного округа слало опровержение за опровержением.

Казачий полк так и не принял участия в выступлении Корни-

лова: выступление было ликвидировано раньше, чем московская контрреволюция успела притти ему на помощь. Но казаки остались в Москве и под Москвой.

Сейчас, когда вновь началась подготовка наступления против революции, Ставка решила направить в Москву целую кавалерийскую дивизию.

Взамен присылаемой дивизии было приказано вывести из Москвы 7-й казачий полк. Но контрреволюционеры в Москве рассчитали, что лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе. Командующий Московским военным округом полковник Рябцев срочно попросил оставить полк в Москве. Ставка отменила своё прежнее распоряжение, оставив полк в Москве. Считая это недостаточным, Ставка приказала перебросить ещё 4-й Сибирский казачий полк в Калугу.

Официальным «общественно-демократическим» органом, вокруг которого в Москве сосредоточились боевые силы контрреволюции, была избранная в июне 1917 года городская дума. Руководителем Московской городской думы был правый эсер, городской голова В. В. Руднев — врач по профессии, один из лидеров московской организации эсеров. Он был также и председателем Главного комитета Всероссийского союза городов. Крайне честолюбивый, Руднев претендовал на портфель министра, а может быть, и главы правительства, в случае если бы план организации в Москве нового временного правительства осуществился.

Однако не Руднев располагал реальными силами для борьбы с революцией. Боевые силы были в распоряжении штаба Московского военного округа, во главе которого стоял полковник генерального штаба К. И. Рябцев,—малодаровитый человек типа генштабистов-администраторов царского времени. Волна революции выбросила его на руководящий пост, который заведомо был ему не по плечу. Военный специалист без политического горизонта, он ориентировался на партию эсеров, стоявшую, по его мнению, у власти. Официально эсером он не был; многие считали его народным социалистом.

Рябцев мог опираться только на небольшую часть многотысячного московского гарнизона. Прежде всего—на два военных училища и шесть школ прапорщиков. В кадетских корпусах воспитывались дети дворян и офицеров. Старшие классы могли быть использованы как боевая сила.

В Москве находилось тысяч пятнадцать офицеров — в отпуску, по лазаретам, кадровый состав запасных полков. Все они были на учёте штаба, но не были сведены в единый отряд. Однако, какое количество офицеров будет защищать Временное правительство, никто сказать не мог.

На сторону контрреволюции предполагалось привлечь студентов. Большинство из них поддерживало Временное правительство.

Сверх того буржуазия организовала свою «домовую охрану». В неё входили студенты, служащие. Нанимали офицеров из числа приехавших с фронта. Охрана не являлась регулярной силой, но в уличной борьбе против восставших могла оказаться полезной.

В самой Москве и в её окрестностях стояли казачьи части.

В лучшем случае Рябцев рассчитывал на 20 тысяч человек. Основные кадры состояли почти исключительно из юнкеров и офицеров, хорошо знающих военное дело. Их прекрасно вооружили. При успехе правительства можно было надеяться на присоединение всех офицеров, которые находились в Москве. Но оставалось загадкой, сколько из всех намеченных людей реально примет участие в борьбе с революцией.

А тем временем гарнизон явно переходил в руки большевиков. Необходимо было прежде всего ослабить гарнизон.

15 октября под предлогом сокращения армии, начатого военным министром, Рябцев приказал расформировать 16 запасных полков. Среди них были московские части. Расформирование полков и отправку людей на фронт предлагалось закончить к 10 ноября. Приказ был секретным. Этой мерой контрреволюция сразу вырывала огромную часть вооружённых сил большевиков.

21 октября Рябцев приказал немедленно отправить на фронт всех солдат-специалистов: плотников, кузнецов, сапожников, столяров, портных и т. п. В прошлом большая часть их была рабочими. Они поддерживали большевиков.

Штаб Московского военного округа спешил подтянуть к Москве воинские силы и отправить из Москвы революционно настроенных солдат потому, что контрреволюции, видимо, было известно о письмах Ленина, в которых он рекомендовал начать выступление, в случае необходимости, именно в Москве.

Исходу борьбы в Москве, наряду с Петроградом, Ленин придавал исключительное значение. Ещё в первом письме о восстании — между 12 и 14 сентября — Владимир Ильич писал:

«...неважно, кто начнёт; может быть, даже Москва может начать...»[1]

Это не было директивой. Вождь революции в письме подчёркивал: восстание настолько назрело, что любой толчок может вызвать взрыв. В Москве нет центральных аппаратов правительства, там не ждут немедленного взрыва. Чутко следя за малейшим изменением в расстановке сил, Владимир Ильич 29 сентября снова повторяет, почему можно начать восстание в Москве:

«...мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью)»[2].

В самом начале октября Ленин в третий раз писал:

«Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнёт» бескровно, её поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочув-

ствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*»[1].

Большевики Москвы были тесно связаны с Петроградом и немедленно узнали о решении Центрального Комитета. 19 сентября московская большевистская газета «Социал-демократ» опубликовала статью Сталина «Вся власть советам», где был поставлен вопрос о новом курсе большевиков на вооружённое восстание.

Письмо Ленина было получено в Москве во второй половине сентября. Письмо обсуждалось среди руководителей организации. Выяснилось, что Рыков, впоследствии расстрелянный за измену родине, был против восстания. Он понимал переход власти к Советам как своеобразный этап буржуазно-демократической революции.

Но в московской организации большевиков Рыков не нашёл поддержки.

Одно из совещаний для обсуждения письма Ленина состоялось на квартире В. А. Обуха. Там было 12—15 человек. Собрание затянулось, шли прения. Спорили не о восстании — этот вопрос не вызывал разногласий, — а о том, начинать ли выступление в Москве. Одни говорили, что Москва не может взять на себя почин выступления. Рабочие Москвы недостаточно вооружены, связь большевиков с гарнизоном слаба, до сих пор Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов в руках соглашателей, да и сам гарнизон остался без оружия. Практически это означало отказ от восстания. Другие представители областного комитета большевиков полагали, что наличие хотя и небольшого, но боевого кулака при расхлябанности московских военных органов может обеспечить успех восстания. Большинство признало, что к восстанию готовиться необходимо, но начать его в Москве вряд ли возможно.

Затрудняли работу в Москве шатания и оппортунистические колебания среди отдельных руководителей Московского областного бюро.

Некоторые руководящие работники Московского комитета, как Пятницкий, разоблачённый впоследствии как враг народа, противились подготовке масс к захвату власти.

Все эти обстоятельства затрудняли работу московских большевиков, но они не могли задержать мобилизацию сил. Основная масса московских большевиков шла за Лениным и Сталиным, шла за Центральным Комитетом партии большевиков. Большевистские традиции декабрьского вооружённого восстания 1905 года вдохновляли рабочих Москвы на борьбу. Именно поэтому задолго до восстания в Москве созданы были многочисленные отряды Красной гвардии.

Процесс большевизации масс в Москве получил своё оформление

в голосовании пленума московских Советов 5 сентября. Впервые в Москве депутаты и рабочего и солдатского Советов, существовавших раздельно, отдали большинство голосов за программную большевистскую резолюцию, которая выдвигала следующие требования:

1. Немедленное вооружение рабочих и организация Красной гвардии.

2. Прекращение всяких репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций. Немедленная отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы агитации всех демократических организаций в армии. Очищение армии от контрреволюционного командного состава.

3. Выборность комиссаров и других должностных лиц местными организациями.

4. Осуществление на деле прав наций, живущих в России, на самоопределение, в первую очередь удовлетворение требований Финляндии и Украины.

5. Роспуск Государственного совета и Государственной думы. Немедленный созыв Учредительного собрания.

6. Уничтожение всех сословных (дворянских и прочих) преимуществ, полное равноправие граждан.

Осуществление этой платформы возможно лишь при разрыве с политикой соглашения и при решительной борьбе широких народных масс за власть»[1].

Принятие этой резолюции вынудило соглашательское большинство в исполнительных комитетах и президиумах обоих Советов подать в отставку.

19 сентября состоялись перевыборы. В Исполнительном комитете Совета *рабочих* депутатов оказалось 32 большевика, 16 меньшевиков, 9 эсеров и 3 объединенца.

Но в Исполнительном комитете Совета *солдатских* депутатов эсеры получили 26 мест, большевики — 16, меньшевики — 9 и беспартийные — 9.

В московском гарнизоне только одна треть считалась в строевых частях, остальные — в мастерских, складах, арсеналах и других обслуживающих фронт предприятиях. В строевых частях гарнизона преобладал переменный состав: после нескольких недель обучения солдат отправляли на фронт. Постоянный, кадровый состав — офицерский и солдатский — обучал переменный. Среди постоянного состава было много уроженцев Москвы — сынков буржуазии, служащих и чиновников. «Окопались в тылу», — говорили о них.

Чтобы сохранить своё влияние, эсеры и меньшевики запретили отзыв депутатов из Совета. Но отдельные части отозвали немало потерявших доверие депутатов. Кроме того большевики широко использовали возможность производить перевыборы

ротных и полковых комитетов.

Среди солдат гарнизона вёл энергичную работу ряд активных большевиков: М. Ф. Шкирятов, избранный в Совет солдатских депутатов и в Исполнительный комитет Совета, руководитель военной организации Московского комитета большевиков Ем. Ярославский, О. Варенцова и многие другие. Военная организация развернула большую работу. Она выдвинула лозунг о смене уставших на фронте «окопавшимися в тылу». Это требование было направлено и против оборонческого Совета солдатских депутатов, так как постоянный кадровый состав был главной его опорой. Кроме того военная организация (Военное бюро) вела большую работу по перевыборам низовых солдатских комитетов. Ем. Ярославский получил специальное указание из Петрограда от Я. М. Свердлова всеми силами добиваться перевыборов солдатских комитетов. Эта мера должна была исправить ошибку, допущенную в Москве, где сохранилось раздельное существование двух Советов — рабочих и солдатских депутатов. К Октябрю все полковые и ротные комитеты, за исключением 1-й запасной артиллерийской бригады, были переизбраны.

М. Ф. Шкирятов.

Выборы в районные думы 24 сентября показали, какой глубокий сдвиг в сторону большевиков произошёл в пролетарских и полупролетарских массах Москвы: большевики получили почти 50% голосов, кадеты — 20, эсеры — 15 и меньшевики — чуть больше 4%.

Солдаты на 90% отдали свои голоса большевикам. Некоторые части голосовали почти полностью за большевиков.

Этот исключительный успех говорил, что пролетарская революция в Москве перешла из периода мобилизации сил в период организации штурма.

Работа в районах Москвы с каждый днём всё усиливалась и расширялась. Диспуты с эсерами и меньшевиками собирали обширные аудитории. Часто случалось, что рабочие сразу после диспута переизбирали своих депутатов в Советы. Каждый день в газетах сообщалось о победе большевиков. На Прохоровской ману-

фактуре при выборах в заводской комитет прошли большевики; в Пресненский районный Совет было избрано 11 человек, из них — 8 большевиков.

В районных комитетах обучали военному искусству. Но руководители московской организации недостаточно занимались технической подготовкой восстания — оружия нехватало. Его искали все и всюду. Посылали в Тулу покупать револьверы. Выпрашивали у солдат. Вытаскивали припрятанные винтовки. В Замоскворечье около сотни винтовок, прочищенных и смазанных, было тщательно замуровано в стене заводского комитета завода Михельсона. О них знали немногие работники районного комитета. Винтовки вытащили и роздали надёжным людям.

10 октября вечером в Большой аудитории Политехнического музея состоялась Московская общегородская конференция большевиков. На повестке дня:

1. Современный момент:

а) новая корниловщина и провокация на фронте;

б) хозяйственная катастрофа;

в) всенародная борьба с холодом и голодом.

2. Кампания по выборам в Учредительное собрание.

Как раз за три дня до конференции Ленин обратился с письмом к Петроградской конференции, открытие которой намечалось 7 октября.

Ленин требовал мобилизовать все силы для отчаянной, последней, решительной борьбы с правительством Керенского.

К своему письму Ленин приложил резолюцию, рекомендуя её конференции. Письмо Ленина и его резолюция были доставлены в Москву. Их зачитали на общегородской конференции большевиков. Конференция приняла резолюцию Ленина полностью.

Это означало, что в один и тот же день, 10 октября, резолюция Ленина о вооружённом восстании не только была утверждена Центральным Комитетом партии, но и немедленно поддержана заседавшими 10 октября Петроградской и Московской общегородскими конференциями большевиков. Московские большевики одновременно с петроградскими поддержали вождя партии. Такова была сила организованности большевистской партии.

14 октября, после заседания Центрального Комитета большевиков, на котором присутствовали представители Москвы, состоялось заседание областного бюро в Москве. Оно без прений приняло директиву Центрального Комитета о восстании и немедленно наметило ряд мер по её реализации.

В заключение областное бюро большевиков постановило создать партийный боевой центр по руководству восстанием в составе двух членов областного бюро, двух — от Московского комитета и одного—от Московского окружного комитета.

Дня через два состоялось межрайонное совещание московского

актива. Был горячий обмен мнений. Подсчитывали силы. Обсуждали, как усилить работу. Раздавались отдельные голоса о нехватке оружия. Жаловались на слабую связь с гарнизоном. Но актив почти единогласно поддержал решение о переходе к вооружённой борьбе за власть Советов. Решительная минута приближалась.

Революционный кризис в Москве и области нарастал гигантскими шагами. Уже десять недель бастовали кожевники. Металлисты и текстильщики были накануне стачки. Рабочие и служащие городских предприятий продолжали работать только потому, что Совет вмешался в их конфликт с городской думой. Положение рабочих становилось всё более невыносимым. Хозяева объявили негласный локаут, закрывали заводы и фабрики. Капиталисты усиленно обостряли кризис. Они провоцировали стачки, обвиняя потом рабочих в срыве производства. Нарушая интересы широких потребителей, хозяева натравливали их на рабочих. Сдержать массы было невозможно. Профсоюзы жаловались в Совет, требуя решительных мер в борьбе с проводимым буржуазией локаутом.

18 октября состоялось экстренное заседание Исполнительного комитета Московского Совета рабочих депутатов. На заседание были вызваны представители профсоюзов. Один за другим появлялись они на трибуне, рисуя перед слушателями тяжёлую картину положения рабочих.

Настроение в зале всё повышалось. Соглашатели чувствовали, что Исполнительный комитет поддержит профсоюзы. Эсеры и меньшевики потребовали перерыва, чтобы разойтись по фракциям и выработать конкретные предложения.

Пока заседали фракции, соглашатели вызвали на помощь Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов — там преобладали эсеры и меньшевики.

Заседание продолжалось совместно с Исполнительным комитетом Совета солдатских депутатов.

Большевики требовали вмешаться в экономическую борьбу рабочих, издать ряд декретов о прекращении локаутов и удовлетворении всех требований бастующих. Если капиталисты откажутся, их нужно арестовать. На этой почве может произойти конфликт с местной и центральной властью. Тогда Совет, опираясь на массовое движение, перейдёт к захвату власти.

Предложение большевиков произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Эсеры и меньшевики бесновались. Они понимали, что большевики ставят вопрос о власти.

Резкой и определённой платформе большевиков меньшевики и эсеры противопоставили ещё одно... обращение к Временному правительству: просить его издать декрет об удовлетворении требований рабочих.

Прения окончены. Объявляется поимённое голосование. В напряжённой тишине счётчики объявляют результаты: 46 голосами

против 33 при 1 воздержавшемся принята резолюция меньшевиков. Соглашатели, однако, торжествовали недолго.

На следующий день, 19 октября, состоялся пленум обоих Советов. Как ни бились соглашатели, но 332 депутата против 207 при 13 воздержавшихся приняли резолюцию большевиков. Сообщение о результатах подсчёта было покрыто бурной овацией.

Едва стихли аплодисменты, как на трибуне появился меньшевик Б. Кибрик. Под смех и иронические замечания он говорил:

«Мероприятия, предложенные большевиками для ликвидации назревших в главнейших отраслях производства конфликтов, являются полным банкротством большевизма.

Декрет Совета об удовлетворении требований рабочих с угрозой ареста капиталистов, т. е. отмена декретом Совета классовой борьбы, есть фактически захват власти в наиболее неразумной форме и фактически изолирует рабочий класс»[1].

Снова посыпались угрозы и предсказания всяких ужасов. Капиталисты заберут деньги из банков. Нарушится обмен между Москвой и всей страной. Рабочие будут обречены на голодную смерть, ибо исчезнут не только деньги, но и продукты. Это будет локаут, но уже созданный самими большевиками.

Словом, в своей лакейской преданности буржуазии меньшевики подсказали капиталистам меры борьбы с революцией.

В заключение разболтавшийся агент буржуазии потребовал переизбрать всех тех делегатов, которые голосовали за большевиков; в профсоюзах, голосовавших за мероприятия, предложенные большевиками, немедленно переизбрать правления.

Эсер Черепанов тоже заявил, что резолюция большевиков призывает по существу к неорганизованному захвату власти, а потому его партия снимает с себя всякую ответственность за тяжёлые последствия.

Усердным лакеям буржуазии дал отповедь большевик Аванесов:

«...если... справа перекладывают ответственность на нас, большевиков, мы заявляем, что этой ответственности не боимся и берём её на себя, но эта ответственность также ложится на московские Советы рабочих и солдатских депутатов... Мы призываем всю массу, чтобы она поддержала нас в нашей борьбе, и будем опираться только на эту массу. На солдатскую массу, которая своим голосованием показала, что идёт с нами, а также на рабочих, которые идут и будут итти только с нами»[2].

— Будете ли вы подчиняться постановлениям Совета? — в упор спрашивал Аванесов соглашателей.

В ответ меньшевик Кибрик невнятно пробормотал, что решению Совета они подчинятся, но не возьмут на себя руководства осуществлением предложенных мероприятий. А в заключение внятно и недвусмысленно он добавил:

«Мы поведём единую борьбу до конца, но употребим все усилия, чтобы парализовать гибельные последствия принятой сегодня резолюции»[1].

«Парализовать последствия» — с этим подошли соглашатели к Великой пролетарской революции.

О настроении собрания можно судить по следующему. Когда один из эсеров сказал, что московские большевики проводят в жизнь лозунги Ленина, раздалось громкое:

«Да здравствует Ленин!»

Зал огласился приветственными возгласами. Собрание закончилось пением «Интернационала».

Постановление пленума обоих Советов буржуазия приняла как переход к захвату власти. «Русское слово» так и озаглавило свою информацию: «Постановление московских Советов о захвате власти»[2]. А московский городской голова эсер В. В. Руднев в тот же день заявил:

«Принятое московскими Советами постановление я рассматриваю как часть общей системы, которую решили проводить в жизнь. Начнут с захватов предприятий, перейдут к захватам банков и т. д.»[3].

По городу распространялись слухи о близком выступлении большевиков.

Контрреволюция начала усиленно готовиться к борьбе, пытаясь первой перейти в наступление. Рябцев слал телеграмму за телеграммой в Ставку и штаб Юго-западного фронта, требуя присылки войск.

Ставка заверила Рябцева, что в пределы Московского округа направляется 1-я бригада 3-й гвардейской конной дивизии с конной батареей.

Решительная помощь Ставки внесла некоторое успокоение в штаб округа. 24 октября Рябцев разослал по телефону следующий приказ гарнизону:

«В обществе и, к сожалению, в некоторой части печати распространяются слухи, будто бы округу, и в частности Москве, кто-то, откуда-то и чем-то грозит. Всё это неверно... Стоя во главе вооружённых сил округа и на страже истинных интересов народа, которому одному только служит войско, я заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены. В частности в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно»[4].

Как ошибся Рябцев в оценке своих сил, показали события ближайших дней.

Ещё 22 октября на областной конференции военных организаций большевиков делегаты с мест сообщали, что гарнизон крайне враждебно относится к правительству. Настроение солдат приподня-

тое. На другой день конференцию пришлось закрыть, не закончив работы: шли тревожные сведения из Петрограда, в Москве готовились к восстанию, делегатам необходимо было быть на месте.

Московский комитет большевиков предложил развернуть в районах братание рабочих и солдат. 23 октября Краснопресненский Совет рабочих депутатов по предложению большевиков организовал манифестацию всех фабрик и заводов района. Со знаменами и лозунгами «Вся власть Советам!» рабочие пришли на Ходынку. Тут состоялся совместный митинг с солдатами 1-й артиллерийской запасной бригады. После митинга рабочие и солдаты с музыкой и пением революционных песен двинулись на Ваганьковское кладбище. На могиле большевика Н. Баумана, убитого в 1905 году черносотенцами, собравшиеся поклялись довести борьбу до конца.

24 октября соединённое заседание Советов рабочих и солдатских депутатов утвердило устав Красной гвардии. Речь шла о Красной гвардии, организованной Советом. Она существовала наряду с Красной гвардией партии большевиков. Полтора месяца эсеры и меньшевики мешали утверждению устава. Большевики говорили, что главная задача Красной гвардии — сохранение завоеваний революции и борьба с контрреволюцией. Другая задача — это борьба с погромными выступлениями в городах.

Меньшевики вновь выступили со своими «предупреждениями».

Эсеры из Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов заявили, что не считают возможным даже участвовать в обсуждении устава Красной гвардии: это дело рабочих депутатов, а все нежелательные последствия от организации Красной гвардии они возлагают на Совет рабочих депутатов. Тем самым эсеры демагогически натравливали солдат на рабочих.

374 голосами против 8 при 27 воздержавшихся соединённое заседание Советов приняло устав.

Следующим вопросом стоял доклад о реализации постановления Советов от 19 октября. Большевики в развитие этого постановления предложили принять следующий декрет:

«ДЕКРЕТ № 1.

1. Приём и увольнение рабочих производится администрацией предприятия с согласия фабрично-заводского комитета. В случае несогласия последнего дело переносится на рассмотрение районного Совета рабочих депутатов, решение которого является обязательным для сторон. До окончательного решения как прием, так и увольнение считаются несостоявшимися.

2. Прием и увольнение служащих производятся с согласия комитета служащих.

Примечание 1. В тех предприятиях, где не существует отдельного комитета служащих, приём и увольнение их производятся с согласия общего комитета.

Примечание 2. Фабрично-заводской комитет рабочих имеет право опротестовать постановления комитета служащих, причём в этом случае дело разрешается созданной примирительной комиссией при Совете рабочих депутатов.

3. Означенные постановления являются обязательными для всех предприятий города Москвы. Против виновных в нарушении их Совет рабочих и солдатских депутатов будет применять самые решительные меры воздействия, вплоть до ареста их»[1].

Подавляющим большинством декрет № 1 был утверждён. Принятием декрета Совет приступал к проведению в жизнь лозунга большевиков о контроле над производством. Совет превращался в орган власти. Московские большевики стояли накануне решительных действий.

«Война объявлена, — писал орган Московского комитета,— в Калуге разогнаны Советы, члены их арестованы, некоторые, по слухам, расстреляны. В городе хозяйничают казаки, посланные по приказанию Временного правительства с Западного фронта.

Дело ясно: правительство объявило гражданскую войну и уже одержало первую победу в Калуге. То, что мы предсказывали, совершилось: уже не Корнилов, а сам Керенский во главе негодяев-капиталистов открыто идёт против народа, который он в течение семи месяцев одурачивал своими пышными речами... Керенский и его агенты — наши открытые враги: никаких переговоров с ними. С врагами не разговаривают — их бьют... Необходим немедлённый отпор! Время разговоров прошло...»[2]

Для московских большевиков и Московского областного бюро вопрос о подготовке восстания стоял значительно шире, чем вопрос о руководстве борьбой в Москве. В состав областного партийного объединения входили тогда, кроме самой Москвы, губернии: Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Воронежская, Тульская, Орловская, Смоленская, Рязанская, Калужская, Тамбовская.

Московское областное бюро было тесно связано с партийными организациями области. 27—28 сентября 1917 года состоялся пленум Московского областного бюро, на котором были представлены довольно широко делегаты местных парторганизаций. Пленум подвёл итоги огромной работе, проделанной за последние месяцы. Из докладов с мест выяснилось, что влияние большевиков гигантски выросло, организации большевиков растут и охватывают своим руководством широкие массы трудящихся.

Всего в области числилось примерно до 70 тысяч членов партии большевиков, причём половина приходилась на Москву и её губернию. Во время работы пленума областного бюро 27 сентября вдруг сообщили, что Владимирский Совет солдатских депутатов срочно запрашивает: подчиняться ли распоряжению Керенского о выводе всего гарнизона из города? Прения были прерваны. Все почувствовали, как близки решающие события. Все поняли, что дело не только во Владимире: Временное правительство начинает поход против революционно настроенных гарнизонов. Пленум принял следующую резолюцию по этому вопросу:

«Стремясь к сохранению всех революционных сил для предстоящего проведения в жизнь лозунга «Вся власть Советам!», областное бюро предлагает местным организациям решительно бороться против систематически проводимого плана ослабления революционных центров путём вывода из них революционных частей войск»[1].

Владимирским товарищам телеграфно предложили оставить гарнизон в городе.

28 сентября пленум областного комитета обсуждал резолюцию по текущему моменту. Некоторые из ораторов связывали борьбу за власть Советов с провозглашением Республики Советов. Это означало отсрочить борьбу за власть до съезда Советов. Но большинство резко выступило против такого толкования.

«Связывать борьбу за власть Советов с созывом Всероссийского съезда Советов неправильно, — говорили делегаты. — Реальная борьба за советскую власть может разгореться раньше, и у нас нет никаких оснований откладывать эту реальную борьбу до созыва съезда»[2].

Резолюция пленума была принята в духе письма Ленина:

«В условиях настоящего момента политическая борьба переносится из всяких представительных учреждений на улицу. Важнейшей задачей дня является борьба за власть, которая в условиях настоящего времени начинается неизбежно с борьбы на местах с продовольственной и жилищной и хозяйственной разрухой»[3].

Пленум требовал создать боевые центры в крупных промышленных городах и установить между ними тесную связь. Делегаты пленума тотчас же по его окончании разъехались на места проводить его решения в жизнь.

После решения Центрального Комитета большевистской партии о восстании Московское областное бюро предложило всем местным партийным организациям связать своё выступление с началом восстания в центре. При назревании конфликтов с властями не итти на уступки, но и не доводить до кровавого столкновения, допустимого лишь в условиях и в интересах общего выступления. Там,

где власть фактически в руках Совета, бюро рекомендовало провозгласить её единственной властью данного города или района.

Решено было послать членов бюро в объезд по области, чтобы предупредить товарищей о близости выступления, собрать сведения о частях, на помощь которых может рассчитывать Москва, всюду заранее создать боевые центры по руководству восстанием.

На заседании областного бюро 14 октября были составлены условные телеграммы для каждого района. Они должны были быть посланы на места, как только в центре начнётся восстание, и послужить сигналом к выступлению.

Большевики Московской области упорно и напряжённо готовились к решающим боям. Наиболее благоприятная обстановка для быстрейшего завоевания власти создалась прежде всего в таких промышленных губерниях, как Владимирская, Ярославская, Тверская. Здесь Советы до Октября были завоёваны большевиками.

Иваново-Вознесенск был тогда уездным городом Владимирской губернии. Своеобразие хода Октябрьской революции в этом крупнейшем текстильном районе, находящемся в непосредственной близости от Москвы, заключалось прежде всего в том, что буквально за несколько дней до октябрьских боёв здесь развернулась огромная по размаху и значению стачка текстильщиков Иваново-кинешемского района, захватившая текстильные центры Владимирской и Костромской губерний.

В 3 часа ночи с 20 на 21 октября Центральным стачечным комитетом Иваново-кинешемского профсоюза текстильщиков была разослана по всем районам следующая телеграмма:

«Двадцать первого десять часов утра начать стачку. Спешно оповестить фабричные заводские стачечные комитеты. Стачка начинается митингами на фабриках, затем рабочие мирно расходятся домой. Понедельник двадцать третьего всем рабочим десять часов утра явиться на фабричные митинги. Срочно подтвердить получение этой телеграммы, извещайте о начале, ходе стачки»[1].

Ровно в 10 часов утра 21 октября остановились фабрики Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи, Родников, Середы, Коврова, Кохмы, Тейкова, Вичуги. Стачка охватила 114 предприятий — около 300 тысяч рабочих. Началась стачка с требования повысить прожиточный минимум для рабочих. Но ярко политический революционный характер стачки сказался прежде всего в том, что результатом её был переход предприятий Иваново-кинешемского района под полный контроль рабочих.

Буржуазная газета «Утро России» писала об Иваново-кинешемской стачке:

«На многих предприятиях рабочие, оставив работу, заперли фабрики, ключи взяли себе. Всюду расставлены вооружённые пикеты, которые препятствуют доступу лиц административ-

ного персонала в пределы фабричного двора. Не разрешают вывоза готовых товаров по интендантским заказам и в адрес министерства продовольствия. Технический персонал в виду массового вооружения рабочих терроризирован и принуждён будет покинуть фабрики»[1].

Ни один аршин мануфактуры, ни одна вещь не могли быть взяты с фабрики без разрешения фабричного стачечного комитета. Ни хозяин, ни фабричная администрация не могли попасть на фабрику опять-таки без разрешения стачечного комитета. Рабочие становились подлинными хозяевами предприятий, с винтовкой в руках охраняли они фабрики и заводы.

Присоединившись к стачке, рабочие Шуи по предложению председателя Шуйского Совета М. В. Фрунзе приняли следующую резолюцию:

«Современная государственная власть в лице Временного правительства и его агентов на местах не в состоянии справиться с надвигающимися бедствиями... Только переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре, так и на местах может помочь народу справиться с надвигающимся кризисом»[2].

23 октября в Шуе произошла массовая демонстрация рабочих, в которой приняли участие войска местного гарнизона. На митинге выступил Фрунзе. По его докладу была принята резолюция о переходе власти к Советам и поставлено требование Всероссийскому съезду Советов о взятии власти в свои руки, в чём ему была обещана всемерная поддержка.

Активно готовились к завоеванию власти большевики Твери и Тверской губернии, где числилось около 50 тысяч рабочих. Перевыборы Тверского Совета в августе дали абсолютное большинство большевикам. В начале сентября Тверской Совет рабочих депутатов на объединённом заседании совместно с фабзавкомами и профсоюзами признал необходимость передачи власти Советам. Тверская организация большевиков поставила своей основной задачей оказать вооружённую помощь Москве, задержав во что бы то ни стало в Твери находящихся там юнкеров и казаков, не допуская их в Москву, и, вместе с тем, в случае надобности послать вооружённые отряды рабочих и солдат в помощь Москве. Действительно, в Октябрьские дни в Москву были отправлены броневики из Кимр и стоявшие в Старице сапёры.

В передовых рядах борцов за власть Советов шла и Ярославская губерния, общее число рабочих в которой составляло свыше 40 тысяч, причём только на Карзинкинской мануфактуре в Ярославле работало в 1916 году 20 тысяч рабочих. К концу сентября 1917 года Ярославский Совет большевизировался и принимал большевистские резолюции по всем основным вопросам.

Воронеж в годы первой мировой войны превратился в значи-

тельный промышленный центр. Число рабочих в городе достигло в 1917 году 10 тысяч человек, причём больше половины из них были металлисты. В октябре 1917 года Воронежская губерния пылала в огне крестьянских восстаний. В конце сентября в Воронеже была созвана губернская конференция большевиков и был создан губернский комитет партии. Воронежский Совет накануне Октября находился ещё в руках меньшевиков и эсеров, а в губернии очень большим влиянием на крестьянство пользовались эсеры. Но меньшевистско-эсеровский Воронежский Совет не отражал уже настроения масс, шедших за большевиками.

Обстановка, сходная с Воронежем, создалась накануне Октябрьских дней и в Смоленске. Здесь также Совет был ещё в руках эсеро-меньшевиков, но он не отражал настроения масс: в боях после победы революции в Петрограде рабочие и солдаты Воронежа и Смоленска быстро разгромили врагов.

Наиболее напряжённая обстановка создалась в Калуге, где контрреволюция перешла в наступление ещё до октябрьских боёв в Петрограде и где ей удалось одержать временную победу.

В Калуге накануне Октября сложилось весьма характерное для маленького провинциального города соотношение сил. Совет солдатских депутатов находился под влиянием большевиков. В Совете рабочих депутатов (а в Калуге большинство предприятий было мелкого ремесленного типа) преобладали эсеро-меньшевики. 17—18 октября в Калугу прибыли с Западного фронта казачьи отряды, драгуны и «ударный батальон смертников». 18 октября за подписью начальника гарнизона был издан приказ о введении военного положения в Калуге. Утром 19 октября губернским комиссаром Временного правительства Галиным был предъявлен ультиматум Совету солдатских депутатов о немедленном разоружении, роспуске солдатской секции и об отправке частей калужского гарнизона на фронт.

19 октября вечером открылось заседание Совета, обсуждавшее ультиматум Галина. Во время заседания здание Совета было оцеплено казаками и драгунами, выставлены были пулемёты и броневики. Галин потребовал немедленной выдачи членов Совета и сдачи всего оружия в течение 5 минут. Не дожидаясь истечения указанного срока, был отдан приказ обстрелять здание Совета. Внезапно затрещали пулемёты, зазвенели разбитые стёкла — Совет был обстрелян. Казаки ворвались внутрь здания, учинили там полный разгром, арестовали и заключили в тюрьму большевиков — членов Исполнительного комитета Совета. Наиболее революционная часть калужского гарнизона была отправлена на фронт. Разгром Калужского Совета был организован по прямому указанию Временного правительства. В крупном промышленном центре на такой шаг нельзя было решиться, поэтому и выбрали Калугу, чтобы этим примером «устрашить» страну накануне решающих

боёв. Контрреволюция в Калуге торжествовала победу. Калужская городская дума 21 октября приветствовала разгром Совета и выразила благодарность громилам.

Но из всех губернских центров Московской области наиболее длительной и сложной была борьба за завоевание власти Советами в Туле и Тамбове. Причины запоздания и трудности, стоящие на пути установления советской власти, были, конечно, в Туле и Тамбове далеко не одинаковы. Тула — значительный по тем временам промышленный центр — насчитывала в 1917 году свыше 50 тысяч рабочих, из них почти две трети были металлисты и железнодорожники. К VI съезду партии тульская большевистская партийная организация имела 1 тысячу членов.

Но к Октябрю Совет в Туле находился ещё в руках соглашателей. Влияние меньшевиков в Туле было более значительным, чем в других промышленных центрах страны. Это объяснялось частично изменением состава тульского пролетариата в годы империалистической войны. На военные заводы, чтобы скрыться от мобилизации в армию, шли торговцы, кулаки, буржуазные сынки и т. д. Администрация тульских казённых заводов очень тщательно отбирала рабочих. Главной трудностью борьбы за власть Советов в Туле явился тот факт, что меньшевиков здесь поддержали и подали им руку помощи предатели из каменевско-зиновьевского лагеря, входившие тогда в состав большевистской фракции Совета. Ход борьбы в Туле исключительно наглядно показывал, что означала на деле изменническая каменевско-зиновьевская позиция в Октябрьские дни. Именно союз сторонников «однородной социалистической власти» с не потерявшими ещё полностью своего влияния меньшевиками предопределил затяжку борьбы за власть Советов в Туле вплоть до декабря 1917 года. Но всё же, несмотря на то, что Тульский Совет находился в руках меньшевиков и эсеров, основная масса рабочих и здесь была завоёвана большевиками.

Совсем другие причины обусловили очень длительную и ожесточённую борьбу за власть Советов в Тамбове. Значительных кадров промышленного пролетариата в городе не было. Тамбов и Тамбовская губерния являлись центрами очень сильного эсеровского влияния. Сломить это эсеровское влияние являлось важнейшей задачей большевиков. Выполнение этой задачи затянулось в Тамбове на сравнительно длительный срок.

Несмотря на все особенности, которые отличали ход событий накануне Октября и в Октябрьские дни во всех центральных губерниях, входивших в 1917 году в состав Московской области, одна черта сближала здесь развитие событий: был ли Совет в руках большевиков или в нём преобладали ещё меньшевики и эсеры (как в Воронеже, Смоленске, Туле и других городах), завоёвывалась ли власть мирным или вооружённым путём, — во всех этих городах и промышленных районах (за исключением Тулы,

Тамбова и, быть может, ещё одного-двух городов) соотношение сил было, как правило, таково, что победа достигалась с сравнительно большой быстротой и лёгкостью, и советская власть устанавливалась уже в конце октября и в начале ноября 1917 года.

Именно здесь, в основных пролетарских промышленных районах и центральных губерниях, был сосредоточен решающий перевес сил, лучшие силы рабочего класса, целиком завоёвана армия, изолированы соглашательские партии.

«Внутренняя Россия, — писал Сталин, — с её промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, — превратилась в базу революции»[1].

Эта характеристика Сталина относится не только к губерниям, входившим в состав Московской области, но и к Поволжью и Уралу, где обстановка накануне Октября и в Октябрьские дни сложилась примерно такая же, как и в Московской области.

4.

В ПОВОЛЖЬЕ.

Поволжье — особенно Среднее и Нижнее — издавна считали своей «вотчиной» эсеры. Сюда ещё в 70-х годах прошлого века шли «в народ» бунтари. Их манили исторические традиции великих крестьянских восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Эсеры пытались присвоить себе ореол славы бунтарей.

Здесь, в Поволжье, в революцию 1905 года сильнее, чем в других местах, бушевало крестьянское движение. Именно тут при зареве горящих дворянских гнёзд, под звуки набата создал саратовский губернатор Столыпин свою систему борьбы с крестьянским восстанием. Возведённый царём Николаем II из губернаторов в министры, он пытался своей аграрной политикой спасти потрясённую империю.

Дело было, конечно, не в исторических традициях. Сами традиции вырастают и держатся на определённой экономической почве. Помещики в 1861 году отрезали у поволжских крестьян в свою пользу более 25% земли, а в Саратовской и Самарской губерниях — даже 40%. Крестьян загнали «на песочки» и посадили на нищенский земельный надел. В Саратовской губернии третья часть — почти 35% — всех крестьян считалась «дарственниками»: помещики отпустили их на волю без выкупа, даром, но зато оставили им только четвёртую часть надела. Вот где была основа бурного аграрного движения в Поволжье.

В. В. Куйбышев.

Во время войны Поволжье стало тыловой областью. В городах стояли огромные гарнизоны: в Самаре — 60 тысяч, в Саратове—30 тысяч солдат. Казань являлась центром крупнейшего военного округа, объединявшего все гарнизоны городов Поволжья. Общее количество войск всего Казанского военного округа на 1 января 1917 года достигало 800 тысяч человек, из них одних офицеров—20 тысяч. Казанский гарнизон накануне Октября насчитывал почти 60 тысяч человек.

Фальшиво прикрываясь лозунгом «земля крестьянам», а на деле защищая помещиков, эсеры спекулировали на тяге к земле у солдат и отсталых рабочих. Это позволило эсерам в первые дни революции 1917 года укрепиться в деревне, в гарнизонах и на отдельных заводах. Целые полки объявляли себя эсеровскими. Даже в ноябре 1917 года при выборах в Учредительное собрание эсерам всё ещё удалось собрать в Поволжье до 70% всех голосов. Большевикам Поволжья предстояло отвоевать область у эсеров.

Скорейшее решение этой задачи облегчалось тем, что в основных и крупнейших центрах Поволжья — Самаре, Нижнем-Новгороде, Царицыне, Саратове имелись к 1917 году значительные кадры промышленного пролетариата, опираясь на которые большевики преодолевали эсеровское влияние в деревне и в солдатской казарме.

На Трубочном заводе в Самаре работало в 1917 году 23 тысячи рабочих, на Сормовском заводе в Нижнем-Новгороде — 25 тысяч рабочих. Примерно столько же — на предприятиях Канавина. В Царицыне на 200 тысяч жителей приходилось 35 тысяч рабочих, из них около 7 тысяч металлистов, сконцентрированных главным образом на двух крупнейших заводах — Французском и Орудийном. Казань по тем временам была довольно значительным промышленным центром, насчитывавшим около 20 тысяч рабочих, из них почти 10 тысяч металлистов. Даже в Саратове — типичном волжском торговом городе — насчитывалось 12—15 тысяч рабочих из 250 тысяч жителей города.

За годы войны в крупнейших городах Поволжья значительно выросла промышленность, работавшая на оборону. На фабрики и заводы пришли из деревни новые рабочие. Они принесли с собой ненависть к помещикам, но вместе с ней и деревенскую отсталость, предрассудки. Спасаясь от мобилизации, на предприятиях укрывалось много выходцев из мелкой буржуазии.

Н. М. Шверник.

Всё это вместе взятое создало почву для работы эсеров. Так, в Самаре на Трубочном заводе, где была сильнейшая большевистская организация — свыше 2 тысяч человек, меньшевики насчитывали только 300 своих членов, а эсеры — около 12 тысяч. В Нижнем-Новгороде на Сормовском заводе из 25 тысяч рабочих в эсеровских списках числилось около 10 тысяч. Наиболее слабым и незначительным было влияние эсеров в Царицыне.

Но с каждым днём, с каждым месяцем революции росли, укреплялись, усиливались большевистские организации Поволжья.

В Самаре была самая крупная большевистская организация Поволжья. Там к VI съезду насчитывалось уже 4 тысячи членов партии. Работа организаций связана с именем Валерьяна Владимировича Куйбышева. В 1916 году после побега из ссылки товарищ Куйбышев попадает на партийную работу в Самару, где под фамилией Адамчика работает фрезеровщиком на Трубочном заводе. Станок Куйбышева стоял рядом с токарным станком, за которым работал Н. М. Шверник.

В сентябре 1916 года Куйбышев был арестован в Самаре и выслан в Туруханский край на 5 лет. Но по дороге в ссылку Куйбышева застаёт известие о революции. Он спешно возвращается в Самару. 17 марта 1917 года трудящиеся Самары торжественно встречали Куйбышева. Пришли рабочие со всех заводов со знамёнами. Через несколько дней после приезда, 21 марта, Куйбышев был избран председателем рабочей секции Совета. А Совет был тогда ещё по своему составу эсеро-меньшевистским.

Л. М. Каганович.

Куйбышев взялся за укрепление местной большевистской организации. Он созвал большое собрание в кино «Триумф», где дал отпор тем, кто пытался стирать грань между большевиками и меньшевиками. Были созданы городские и районные комитеты партии. Они дали твердую директиву: никаких объединений с меньшевиками. Согласно этой директиве и строились большевистские организации Самары и области.

Завоевание масс самарские большевики начали с заводских комитетов и профессиональных союзов. Сюда были брошены лучшие силы. В мае председателем союза металлистов был Шверник, его заместителем — большевик Галактионов, членом правления — Куйбышев. Рабочие Трубочного завода 29 августа избирают почти целиком большевистский заводской комитет. В так называемом исполнительном комитете заводского комитета было 18 большевиков и 2 эсера. Отряд за отрядом — металлисты, строители, пищевики, железнодорожники — единодушно подавали свой голос за большевистскую партию.

Тот же процесс, только более медленный, происходил и в солдатской казарме, где стояли 102, 133 и 143-й пехотные полки, запасный сапёрный полк, 4 и 5-я батареи запасной артиллерийской бригады и т. д. В Самаре была создана большевистская военная организация. Для солдат издавалась большевистская газета «Солдатская правда». Эсеровское влияние удавалось довольно быстро преодолевать.

Полное завоевание Совета большевиками произошло в августе — сентябре 1917 года. 21 августа 1917 года Совет рабочих и солдатских депутатов принимает большевистскую резолюцию о борьбе с контрреволюцией большинством 97 голосов против 72. Так шаг за шагом завоёвывали большевики Самары большинство в Совете.

В Саратове в годы империалистической войны сложилось крепкое большевистское ядро: Ольминский, который вместе с Лениным редактировал центральный орган большевиков в период первой революции, Мицкевич и др. Они издавали легальный большевистский орган «Наша газета».

Сразу же по выходе из подполья, в марте 1917 года, большевики оформились как самостоятельная организация. 23 марта стал выходить большевистский «Социал-демократ».

Л. З. Ерман.

В работе саратовской партийной организации участвовал Лазарь Моисеевич Каганович. Представитель «правдистского» поколения большевиков, за плечами которого к 1917 году было уже семь лет активной партийной работы, арестов и ссылки, товарищ Каганович попал с мая 1917 года в 7-ю роту 42-го пехотного полка в Саратове. Пламенный оратор, товарищ Каганович умел найти простые, доступные массе слова. Его энергичная, живая фигура появлялась на митинге в решающие минуты, когда, казалось, эсеровский или меньшевистский «златоуст» успел увлечь внимание аудитории. Язвительно высмеивая соглашателя, находчиво отвечая на реплики с мест, выступая с огромным подъёмом, товарищ Каганович умел добиться перелома в настроении масс. Солдаты и рабочие с исключительным вниманием слушали его.

Результат работы большевиков прежде всего сказался в быстрой большевизации Саратовского Совета. Так, если в Совете второго созыва (июнь — август) было 90 большевиков, 210 меньшевиков и 310 эсеров, то в новом составе Совета после перевыборов, проведённых в конце августа 1917 года, соотношение сил уже коренным образом меняется. В середине сентября в Саратовском Совете было 320 большевиков, 76 меньшевиков и 103 эсера. Абсолютное большинство в Совете было на стороне большевиков.

В Царицыне до войны оформленной большевистской организации не было. Были отдельные большевики-подпольщики, разбросанные по заводам. В 1914 году на Орудийном заводе работал Климент Ефремович Ворошилов. Старый большевик, прошедший суровую школу революции, Ворошилов сумел обойти бдительный надзор охранки. Он создал общество рабочих потребителей, организовал рабочий хор и под прикрытием этих «невинных» учреждений вёл большевистскую агитацию и про-

паганду. Воспитанные Ворошиловым большевики принимали активное участие в революционных событиях.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года сорвала замки, запиравшие революционную энергию царицынского пролетариата. Бурным весенним половодьем развернулось революционное творчество рабочих Царицына. На огромной Скорбященской площади собирались многотысячные митинги. Долгими часами рабочие слушали ораторов. Митинги затягивались далеко за полночь. Здесь в накалённой обстановке с исключительной быстротой зрело сознание пролетариата. Сюда же приходили солдаты гарнизона. Так в форме живого общения осуществлялось влияние пролетариата на крестьян в солдатских шинелях.

Митинги на Волге словно перекликались с митингами на Балтийском море: в Кронштадте собирались под открытым небом на Якорной площади тысячи матросов. Буржуазия скоро подметила сходство событий: пресса наряду с красным Кронштадтом всё чаще стала писать о красном Царицыне.

В начале апреля 1917 года Центральный Комитет большевиков прислал на работу в Царицын Якова Ермана. В первые же дни революции в Царицыне появился и троцкист С. Минин. Под его влиянием в Царицыне существовала вплоть до мая 1917 года объединённая социал-демократическая организация, куда входили и большевики и меньшевики. Каким, однако, искусственным было это временное сожительство, можно судить по тому, что 9 мая, во время раскола, из 380 человек за меньшевиками пошло только 30.

В Совете руководство на первых порах осталось в руках меньшевиков и эсеров, а в заводских цехах и в солдатской казарме, на площадях, где беспрерывно шли массовые митинги, явно преобладали большевики.

В Петроград Временному правительству, в Исполнительный комитет Петроградского Совета шли тревожные сводки: в Царицыне — анархия, Царицын готов «отложиться» от остальной России, в Царицыне — большевистская республика.

Корреспонденты буржуазных газет захлёбываясь сообщали о «понизовой вольнице»: «Городом владеет науськиваемая большевиками толпа солдат»[1].

О Царицыне с ненавистью писали враги, о нём с гордостью говорили рабочие по всей стране.

Осмелевшая после июльских дней контрреволюция принялась и за красный Царицын. 26 июля 1917 года по распоряжению Временного правительства и при содействии саратовских и царицынских меньшевиков и эсеров из Саратова прибыла карательная экспедиция под руководством полковника Корвин-Круковского в составе 500 юнкеров, 500 оренбургских

казаков при 14 пулемётах и 2 трёхдюймовых полевых орудиях. В городе было объявлено военное положение, всякие митинги запрещены. Большевистскую газету «Борьба» закрыли. Самые революционные полки царицынского гарнизона—141 и 155-й—спешно выслали из города: первый — в Саратов, второй — на фронт. Выборы в городскую думу, где большевики из 102 мест получили 39, отменили и наметили другие на конец августа.

Вторичные выборы состоялись 27 августа, ещё во время пребывания отряда Корвин-Круковского в Царицыне. Они показали, что карательная экспедиция не испугала рабочих. Большевики получили 45 мест из 102, меньшевикам досталось 11 мест, эсерам — 15. Председателем городской думы был избран большевик Ерман.

Царицын по быстроте мобилизации масс обогнал не только свой губернский город Саратов, но и другие решающие центры Поволжья — Самару, Нижний-Новгород. Это объяснялось прежде всего тем, что противник, которого следовало изолировать—эсеры и меньшевики, — был в Царицыне значительно слабее, чем в других городах Поволжья.

Из всех городов Поволжья наиболее трудной и ожесточённой была борьба за власть в Нижнем-Новгороде.

В Сормове и в Нижнем-Новгороде вплоть до конца мая существовали объединённые с меньшевиками организации. Потребовалась специальная директива Центрального Комитета партии большевиков, чтобы сормовские большевики, как и большевики Нижнего-Новгорода, окончательно порвали с меньшевиками и создали свою самостоятельную организацию. В этой оппортунистической боязни во-время порвать с соглашателями была основная причина того, что в Нижнем-Новгороде процесс отвоевания масс от эсеро-меньшевиков происходил более замедленным темпом, чем в других центрах Поволжья.

Огромную роль в создании перелома сыграла сормовская забастовка. Она началась 20 июня и закончилась победой рабочих 8 июля. В дни сормовской забастовки рабочие под руководством большевиков начинают делать первые шаги по проведению рабочего контроля над производством. Сормовский большевистский комитет высказался 27 июня за конфискацию завода.

Сормовский завод в годы войны работал на оборону. Остановка его была крайне невыгодна капиталистам. В Сормово выехала правительственная комиссия. Настойчивость рабочих вынудила её дать на пленарном заседании сормовских организаций обещание полностью удовлетворить их требования. Только после этого забастовка была прекращена.

Уроки этой забастовки многому научили рабочих. Каждый

шаг забастовки всё более и более ослаблял соглашательские иллюзии, в плену которых находились многие рабочие Сормова.

В середине августа почти все предприятия Нижнего-Новгорода принимали на митингах, на массовых собраниях большевистские резолюции против Московского совещания. Большевистская газета «Интернационал» была заполнена этими решениями.

Нижегородский Совет находился в руках эсеро-меньшевиков. Но даже и в этом соглашательском Совете количество большевистских голосов значительно возрастает. На заседании Совета 10 сентября по вопросу о задачах Демократического совещания резолюция большевиков получает 62 голоса против 69.

Огромной силы достигает в это время и крестьянское движение в Нижегородской губернии.

Учащаются захваты имений, раздел помещичьей земли. За весь 1917 год в Нижегородской губернии было не менее 384 случаев аграрных крестьянских выступлений.

Казанская губерния накануне Октября также являлась районом очень мощного массового крестьянского движения. В сводках Главного управления милиции по Казанской губернии от 18 октября сообщалось:

> «Почти во всех уездах губернии происходит массовое расхищение частновладельческих лесов... насильственная распродажа живого и мёртвого инвентаря, увоз хлеба, сена, кормов и удаление администрации»[1].

Татарские рабочие и крестьяне, а также другие народы Поволжья (чуваши, мари), жившие на территории бывшей Казанской губернии, подымались на борьбу за своё национальное освобождение. Сложный национальный переплёт, ожесточённая борьба с националистической контрреволюцией, наличие значительных белогвардейских сил — всё это не могло не привести к особому обострению борьбы в Казани.

Но большевистская организация Казани с каждым днём всё больше усиливала своё влияние на массы. Накануне Октября и Казанский Совет был завоёван большевиками.

Так шли большевистские организации Поволжья к завоеванию власти. К сентябрю Самарский, Саратовский и Царицынский Советы были полностью завоёваны большевиками. Только в Нижнем-Новгороде Совет оставался ещё в руках эсеро-меньшевиков, но по признанию самих же соглашателей он уже совершенно не отражал настроения масс.

Центральный Комитет большевиков уделил большое внимание Поволжью в своих планах восстания. В Саратов был послан представитель Центрального Комитета. 8 октября он доложил общегородскому партийному собранию в Саратове о курсе большевиков на восстание. 11 октября состоялось совещание Саратов-

ского комитета большевиков с представителями уездных городов — Царицына, Вольска, Петровска и Ртищева. Совещание решило организовать объезды по губернии, для чего мобилизовать все силы. 15 октября в Саратове открылся областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором преобладали большевики. Доклад о политическом моменте на съезде сделал находившийся тогда в Саратове товарищ Ермап. Он просто и сжато передал делегатам съезда политические установки Центрального Комитета партии.

Съезд большинством 128 голосов против 12 принял резолюцию большевиков. Меньшевики и эсеры демонстративно покинули съезд.

«Главная причина ухода, — мотивировали они, — отвержение большинством съезда резолюции, призывающей к воздержанию от уличных выступлений»[1].

Так из Центрального Комитета в Саратов, из Саратова по области, по уездным городам — вплоть до Царицына — идёт ясное, чёткое указание готовиться к вооружённой борьбе за власть.

6 октября открылся в Самаре губернский съезд большевиков. Был избран губернский комитет партии, а председателем его — Куйбышев.

22 октября, за несколько дней до Октябрьского восстания, состоялось объединённое заседание бюро губернского и общегородского комитетов с представителями районов. На этом собрании уже со всей остротой встают вопросы практической подготовки восстания.

Куйбышев требовал «приступить к реальным действиям».

Собрание приняло следующую резолюцию:

«Решительно начать проводить такие действия, как закрытие «Волжского дня», задержка провокаторов, проведение принудительного займа, уничтожение хвостов и т. д. Противодействие этому со стороны буржуазии подымет энергию в массах, и тогда, имея за собой большинство, а также и большинство подобных действий по России в других городах, объявить диктатуру Советов»[2].

Напряжённая подготовка восстания велась и в Нижнем-Новгороде.

Вскоре после того как Центральный Комитет вынес своё историческое решение о вооружённом восстании, состоялось заседание Нижегородского губернского комитета РСДРП(б). На этом заседании было принято решение:

«Быть готовыми, чтобы в нужное время сделать всё для успешного переворота»[3].

В сентябре и особенно в октябре большевистские организации Поволжья развивают напряжённую работу по вооружению рабочих.

Раньше других начала Самара. Ещё в первых числах мая здесь были созданы дружины рабочих-милиционеров для противодействия «пьяным погромам» — разгрому винных лавок и т. п.

29 сентября Совет рабочих депутатов по докладу Куйбышева принял основные положения устава рабочей Красной гвардии.

В сентябре начинают создаваться красногвардейские отряды и в Саратове. 2 сентября Исполнительный комитет Совета принял решение о создании рабочих дружин, а в октябре Саратовский Совет обратился в Московский Совет с просьбой помочь Красной гвардии оружием. В октябре в состав одной только красногвардейской дружины железнодорожников входило около 700 рабочих. 22 октября состоялась общегородская конференция Красной гвардии, на которой был принят устав.

15 октября состоялось совместное заседание представителей Красной гвардии Канавина, Сормова и Мызы. Обсуждался вопрос о снабжении Красной гвардии оружием: для Сормова требовалось 285 винтовок, для Канавина — 200 и для Мызы — 200. Через неделю при губернском комитете РСДРП(б) уже был создан губернский штаб Красной гвардии.

В Царицыне вооружение рабочих началось задолго до Октябрьской революции и приняло массовый характер в период корниловщины. Застрельщиками в этом вопросе были рабочие двух ведущих заводов — Орудийного и Французского.

> «В ночь под 31 августа, — сообщала буржуазная царицынская газета «Волго-донской край», — группа членов РСДРП(б) забрала несколько возов винтовок и патронов из одной роты 93-го полка для вооружения рабочих. В ту же ночь винтовки были розданы рабочим Французского завода и лесозаводов»[1].

Вокруг взятого рабочими оружия разгорелась борьба.

30 августа карательный отряд Корвин-Круковского был отозван из Царицына. Но, уходя из города, Корвин-Круковский издал свой последний «грозный» приказ: немедленно сдать оружие, захваченное рабочими. Никто, конечно, этого приказа не выполнил. Оружие сразу же понадобилось рабочим для борьбы с корниловщиной.

Быстро шло вооружение царицынских рабочих в сентябре и октябре. В это время в рядах Красной гвардии Царицына насчитывалось около 750 человек.

Директива Центрального Комитета о подготовке восстания практически претворялась в жизнь большевистскими организациями Поволжья.

На II съезд Советов Самара послала трёх делегатов-большевиков; Царицын — двух большевиков; Саратов — двух большевиков

и одного меньшевика; Нижний-Новгород — пять большевиков и несколько эсеров и меньшевиков. Подавляющее большинство делегатов Поволжья повезло на II съезд Советов директиву: «Вся власть Советам!»

5.

НА ДОНУ.

У многих деятелей контрреволюции, особенно военных, укреплялось убеждение, что победа революции в центральной России неизбежна; не лучше ли поэтому заранее выбрать плацдарм, где сосредоточить силы для продолжения борьбы. Таким местом мог стать юго-восток. Не прекращая борьбы в центре, Временное правительство заблаговременно стало превращать Донскую область и Северный Кавказ в оплот контрреволюции. Войсковой атаман Дона генерал Каледин, обвинённый в связи с Корниловым и оправданный правительственной комиссией, решительно принялся за очистку области от революционных элементов. Сюда на Дон перебрасывались под предлогом отсутствия фуража на фронте казачьи полки. Отсюда выводились запасные батальоны, находившиеся под большевистским влиянием. На Дон и Северный Кавказ бежали офицеры, изгнанные из воинских частей солдатами. Здесь в октябре 1917 года был создан Юго-восточный союз из кубанских, донских, терских и астраханских казачьих войск, из горцев Северного Кавказа и степных народов Донской области и Астраханской губернии; этот союз должен был стать одной из плотин для борьбы с пролетарской революцией.

Большевистские организации Донской области, и прежде всего ростовская организация, вели упорную борьбу против контрреволюции за завоевание масс.

Большевики опирались на рабочих и гарнизон Ростова. К августу в городе числилось около 300 большевиков. Комитет партии помещался вместе с эсеровской и меньшевистской организациями в павильоне городского сада. Рабочие и солдаты, приходившие сюда за литературой или за докладчиками, часто «ошибались дверью» и попадали к большевикам. Соглашатели скоро убедились, в каком опасном соседстве они оказались, и покинули павильон. Отныне всем помещением овладели большевики. Работа протекала дружно. В саду и на прилегающих улицах шёл почти непрерывный митинг. Толпы народа горячо

обсуждали речи большевиков. Распространялась «Правда». Местная большевистская газета «Наше знамя» выходила в количестве более 15 тысяч экземпляров. Основная работа велась в профсоюзах — среди металлистов и железнодорожников.

Значительный вред большевистской организации Ростова нанесла группа правых во главе с Сырцовым и группа троцкистов во главе с Васильченко. Обе эти антипартийные группки яростно выступали против ленинской линии. По существу они являлись замаскированными союзниками контрреволюционного войскового правительства. Они предлагали большевикам объединиться с меньшевиками на платформе поддержки войскового правительства, боролись против Апрельских тезисов Ленина, выступали против решений VI съезда большевистской партии, нацелившего партию на вооружённое восстание. Большевики Ростова решительно боролись против предательской политики правых и троцкистов. Правые и троцкисты были изгнаны из Ростово-Нахичеванского комитета, но свою антипартийную деятельность они не прекратили. Разоблачая соглашателей и их подпевал из лагеря право-троцкистских предателей, большевистская организация успешно формировала политическую армию перед Октябрём.

Центральный Комитет партии большевиков внимательно следил за работой большевиков Донской области. Свердлов требовал постоянных отчётов, помогал прямыми указаниями. В Ростов были посланы партийные работники. Московской области было поручено держать связь с Ростовом. Делегаты Донской области во время VI съезда большевиков были у Свердлова и Сталина, доложили о работе организации и получили ряд указаний. Большевики Ростова были предупреждены о курсе на вооружённое восстание.

Резкий сдвиг в работе большевиков наступил после корниловской авантюры. В городах начала создаваться Красная гвардия. 6 сентября в Ростове был образован центральный штаб Красной гвардии. Контрреволюционный характер выступления генералов заставил поколебаться казачьи полки. Каледину не удалось двинуть части на помощь Корнилову.

Рядовая масса казаков отказалась поддерживать своих генералов.

> «Как бы то ни было, — писал Ленин, — исторически доказанной является, после опыта 26—31 августа (т. е. после восстания Корнилова. — *Ред.*), крайняя слабость массового казачьего движения в пользу буржуазной контр-революции»[1].

Революционный подъём захватил казаков. Агитация большевиков среди казаков носила конкретный, понятный массам характер. Между прочим большевики использовали избрание круп-

нейшего помещика, бывшего председателя Государственной думы Родзянко, по предложению Каледина, в казачье сословие с наделением землёй. «Новый казак сел на ваши земли, а вы бьётесь в тисках нужды», — говорили большевики казачьей бедноте, вырывая её из-под влияния богачей.

В Белой Калитве в 39-м казачьем полку работал Е. А. Щаденко. Он организовал братание казаков с рабочими и крестьянами. Шахтёры ближайших рудников — Васильевского, Богураевского и Свинорецкого с плакатами и знамёнами, с пением революционных песен пришли в полк. Казаки радостно встретили рабочих. Братание окончательно раскачало казаков. Вопреки запрещению Каледина посылать депутатов в Совет, казаки избрали своих представителей. Это помогло большевикам вести работу в полку.

Особенно трудной была работа в станицах и сёлах. Большевики добились организации при Ростовском Совете иногороднего отдела. С мандатом Совета было легче проникнуть в станицы. Широкое распространение получила большевистская агитация среди крестьян-иногородних, как их называли местные казаки. Газета «Наше знамя» имела в деревне своих постоянных подписчиков. В газете появлялись письма крестьян.

В ряде станиц были созданы большевистские ячейки. В станице Морозовской находились железнодорожное депо, небольшой чугунолитейный завод, три-четыре паровые мельницы. Местные большевики развернули работу в депо. Сюда приезжали крестьяне соседних сёл и станиц.

В своей агитации большевики умело пользовались конкретными вопросами, которые выдвигала сама жизнь: дирекция Юго-восточных дорог собиралась уволить сторожа, инвалида войны. Большевики собрали железнодорожников и провели резолюцию с двумя следующими пунктами: во-первых, не увольнять инвалида, во-вторых, отпечатать статью Ленина о рабочем контроле, как практическое руководство в борьбе железнодорожников против администрации. При Морозовском Совете крестьянских депутатов большевики создали группу батраков и беднейшего крестьянства. Эта группа организовала в помощь сельской бедноте дружину в 26 человек, среди которых было 9 женщин. Дружина добыла молотилку, ещё кое-какой инвентарь и принялась помогать бедноте обрабатывать землю. Это был реальный показ того, как большевики будут разрешать аграрный вопрос.

Особых успехов добились большевики в самом Ростове.

11 сентября на собрании фабрично-заводских комитетов резолюция большевиков о власти собрала 49 голосов, а меньшевиков — 58. За месяц до этого большевики едва получали 5—

6 голосов. Эти факты говорили о том, как далеко зашёл процесс изоляции соглашателей.

Стремясь закрепить свои успехи, большевики на следующем собрании фабрично-заводских комитетов, 26 сентября, внесли предложение переизбрать Совет и заводские комитеты. Рабочие одобрили предложение. На этом же собрании решено было создать Красную гвардию.

Началась подготовка к перевыборам Совета. Чтобы ослабить влияние большевиков, войсковой атаман Каледин приказал усилить отправку на фронт маршевых рот. Ростово-Нахичеванский комитет большевиков постановил задерживать маршевые роты. По полкам были посланы агитаторы. Они сумели выступить даже в казачьих полках. Солдаты живо поддержали большевиков. Соглашателей провожали свистом.

29 сентября солдаты 225-го запасного полка отказались выделить маршевые роты. В полк явились генерал Чернояров и помощник атамана Богаевский, пытаясь убедить солдат, но те прогнали контрреволюционных генералов с митинга. Начальник гарнизона приказал отобрать винтовки у караульной роты в полку, однако солдаты во-время узнали о секретном распоряжении и поставили у оружия усиленный караул.

Весь ростовский гарнизон поддержал солдат 225-го полка. Большевики назначили на 1 октября демонстрацию протеста против войны.

Буржуазная пресса подняла вой.

«Если пойдёте на улицу демонстрацией, вас разгонят штыками... С Временным правительством и Калединым шутить нельзя»[1], — запугивали соглашатели.

Поздно ночью, накануне самой демонстрации, командование гарнизоном по телефону распорядилось вооружить верные правительству роты, так как предполагается демонстрация «большевистских банд». Дежурный по 225-му полку спал. Телефонограмму принял случайно оказавшийся в комнате солдат, сочувствовавший большевикам. Писарь поручил ему разнести приказание командирам, а солдат бросился в большевистский комитет, но никого там не застал. Тогда он предупредил ротные комитеты и солдат. Учебная команда и 12-я рота, намеченные для борьбы с демонстрацией, постановили выступить совместно с большевиками

1 октября по городу развернулась грандиозная демонстрация. Вышел весь гарнизон. Непрерывной лентой тянулись с заводов рабочие. Несли плакаты с большевистскими лозунгами.

7 октября состоялись перевыборы Советов. Тщательно готовились к этому большевики. Был проведён ряд заводских митингов. Большевистские агитаторы посетили все полки гарнизона и заводы. На многих предприятиях ещё сидели согла-

шатели. Они пытались не пропускать большевиков на митинг, но стоило пробить соглашательский барьер, как выяснилось, что рабочие порвали со своими недавними руководителями. Так было в трамвайном депо. Хозяйничали там меньшевики. Заводской комитет встретил большевиков недружелюбно. Председатель сухо заявил, что митинг не состоится, так как нет представителей других партий. Большевики собирались было уйти, но их случайно задержали рабочие и провели в депо. Вдруг открылись двери и появились местные лидеры меньшевиков. Они очень удивились, застав в депо большевиков. Оказалось, что всё это было заранее подготовлено.

Начался митинг. Председателем был избран меньшевик. Однако, когда начались выступления, сразу стало ясно, какая пропасть лежит между руководителями и массами. Меньшевики обвиняли рабочих «в беспорядках и разрухе». Аудитория резко протестовала. Атмосфера собрания накалялась.

Простой рассказ большевиков о том, как кончить войну и дать хлеб народу, сразу же захватил рабочих. Слушали внимательно, не перебивая. К концу собрания меньшевики незаметно исчезли, а большевистским ораторам была устроена овация. Так было и на других заводах.

Перевыборы Совета дали большевикам перевес, но было ещё неясно, как поведут себя беспартийные делегаты. На первом же заседании нового Совета стоял вопрос о Всероссийском съезде Советов. По директиве из Петрограда эсеры и меньшевики лихорадочно добивались посылки на съезд своего делегата. Заседание, на котором решался вопрос о съезде, было крайне бурным. Временами казалось, что Совет разделится пополам, так как меньшевики как будто ещё имели некоторое влияние.

Кончились прения, началось голосование. Выяснилось, что большевики получили на два-три десятка голосов больше меньшевиков. На съезд Советов был послан большевик. Голосование оказалось решающим: с этого дня Совет Ростова стал большевистским.

На Дону были созданы опорные базы пролетарской революции.

6.

НА УРАЛЕ.

Большевики Урала имели давнюю и крепкую связь с Центральным Комитетом. Первые организации партии пролетариата возникли среди металлургов и горняков Урала задолго до революции 1917 года. Вдохновителем и организатором уральских большевиков был Я. М. Свердлов. Рабочие уральских заводов отлично знали своего «Андрея» и «Михалыча» — таковы были его партийные клички. Я. М. Свердлов начинал работу на Урале в 1906—1907 годах. Небольшого роста, с виду худой и хрупкий, Свердлов был неутомим в работе. Молодой большевистский организатор поспевал всюду. Якова Михайловича редко можно было застать дома. Он постоянно разъезжал по заводам, выступая на митингах и тайных собраниях рабочих. Смелый, решительный, не знающий сомнений и колебаний в деле выполнения решений партии, он в этом же духе воспитывал и уральских большевиков. Вернувшись после ссылки в марте 1917 года на Урал, он уехал в Петроград на Всероссийскую апрельскую конференцию и был избран в Центральный Комитет. Свердлов не порвал связи с местными большевистскими организациями. Он направлял на Урал работников, писал письма, присылал инструкции, давал советы и указания.

Уральским большевикам Центральный Комитет дал особые задачи: взять в свои руки инициативу восстания в случае разгрома большевиков в Петрограде и Москве, кроме того обеспечить доставку продовольствия из Сибири и Урала в центр страны. В частности уфимской партийной организации поручалось приготовить несколько хлебных маршрутов для отправки в Петроград и Москву на следующий день после победы пролетарской революции.

Директива Центрального Комитета застала уральских большевиков подготовленными. На VI съезд большевиков Урал послал 22 делегата. Решения съезда дали боевую зарядку местным партийным организациям.

На основе решений VI съезда областной комитет дал новые директивы, в том числе о полной ликвидации всяких объединительных тенденций.

5 августа 1917 года произошёл раскол в нижнелялинской организации. 11 августа закончилось оформление большевистской организации в Вятке. В августе же оформилась самостоятельная большевистская организация в Нижней Салде, а затем и в одном из старых меньшевистских гнёзд — в Нижней Туре. В Челябинске большевики тоже решительно порвали с меньшевиками. Наконец произошёл раскол и в Уфе, где сохра-

нилась единственная на Урале крупная объединённая организация.

Я. М. Свердлов.

Завоевание Советов было одной из центральных задач большевиков. Некоторые Советы на Урале были большевистскими с момента их возникновения. Так было в Невьянске, на Симском и других заводах. Перевыборы в июне 1917 года сильно укрепили большевистское влияние в Советах. В Верхнеуфалейском Совете большевики получили при перевыборах 95 из 103 мест. В Миньярский Совет прошли исключительно большевики. В Алапаевске на районном съезде Советов большевики получили 20 мест из 34. Даже в Троицке — мещанском степном городке Оренбургской губернии, окружённом казачьими станицами,—перевыборы Совета дали перевес большевикам.

В августе уже и в меньшевистской цитадели — Нижнем Тагиле — рабочие заговорили о необходимости переизбрать местный Совет.

— Засиделись депутаты! — говорили рабочие о членах Совета — меньшевиках. — Пора освежить состав.

В начале августа Нижнетагильский Совет был переизбран. В Исполнительный комитет, состоявший до сих пор исключительно из меньшевиков и эсеров, вошли теперь пять большевиков и один беспартийный. Начальником милиции был избран большевик.

Огромную работу вели большевики среди солдат гарнизона. 1 августа 1917 года истекал срок льготам по призыву в армию бывших политических каторжан. Большевистские комитеты предложили всем членам партии, имевшим отсрочку, явиться к воинскому начальнику. Последний убеждал большевиков отказаться от своих намерений, разъясняя, что им как членам Совета могут продлить отсрочку. Но большевики шли в армию, создавали военные организации, развёртывали работу в полках.

Росло большевистское влияние и в деревне. Агитация среди крестьян велась прежде всего вблизи заводских районов. Крестьяне, приезжавшие в город, встречались здесь с большевист-

скими агитаторами, которые старались разъяснить им программу своей партии, разоблачая в то же время демагогию эсеров и буржуазных националистов.

Ярким свидетельством успехов уральских большевиков явился II областной съезд Советов Урала в августе 1917 года. На нём было представлено более полумиллиона организованных рабочих и солдат. Из 140 делегатов съезда было 77 большевиков. Меньшевики получили на съезде только 23 места. Часть «левых» эсеров голосовала вместе с большевиками.

Съезд, продолжавшийся с 17 по 21 августа, принял большевистские резолюции по всем вопросам. В состав Уральского областного исполнительного комитета съезд избрал 7 большевиков из 11 членов, в то время как в первом составе были только 1 большевик, 3 эсера и 2 меньшевика.

II областной съезд Советов Урала принял решение провести 1 сентября политическую забастовку в знак протеста против наступления контрреволюции.

«Пролетарии Урала!

Наша забастовка — это грозное предупреждение контрреволюции!..

Наша забастовка — это первый выстрел генерального боя пролетариата с капиталом!»[1] — заявлял в обращении к рабочим, солдатам и крестьянам Урала съезд Советов.

Обращение съезда Советов вышло специальным приложением к областной большевистской газете «Уральская правда». Его отпечатали в количестве 25 тысяч экземпляров и разослали по фабрикам, заводам, деревням и куреням (хуторам). Делегаты областного съезда, засовывая в карманы свежие номера большевистской газеты, спешили по домам. Они разъезжались на заводы и в казармы и выступали там с докладами о съезде.

Только на тех немногочисленных заводах, где ещё верховодили меньшевики и эсеры, были попытки провалить забастовку. Соглашательский Златоустовский Совет большинством голосов отклонил резолюцию областного съезда и признал ненужной политическую забастовку. Против забастовки выступили меньшевики и эсеры губернского центра — Перми. Они составляли большинство в Пермском городском и в окружном Совете, так называемом «Уралсовете».

Но уральские рабочие дали отпор политическим штрейкбрехерам. Крупнейший в Пермском округе Мотовилихинский Совет голосами большевиков и «левых» эсеров постановил: «Уралсовету не подчиняться и забастовку провести». Делегатское собрание Пермского союза металлистов решило бастовать.

Там, где Советы колебались, рабочие сами добивались выполнения резолюций областного съезда.

Стачка 1 сентября совпала с выступлением Корнилова. Сообщение о генеральском ультиматуме было получено в Екатеринбурге 28 августа. На другой же день по инициативе большевиков было созвано совещание представителей областных, окружных и городских советских и профсоюзных организаций, комитетов партии большевиков, эсеров и меньшевиков. Была принята декларация, требовавшая перехода власти к Советам и беспощадной борьбы с корниловщиной. За исключением пунктов по аграрному вопросу все разделы декларации были приняты в большевистских формулировках. Тут же был создан специальный орган по борьбе с контрреволюцией — «Исполнительный комитет уральской революционной демократии». Большевики при этом особо оговорили, что они будут сражаться с Корниловым, не прекращая борьбы и против Временного правительства.

Однако комитет не оправдал своего назначения. Центр тяжести своей работы большевики перенесли на заводы и в Советы. По предложению большевиков Исполнительный комитет Екатеринбургского Совета послал особых комиссаров на железную дорогу, на телеграф и почту. Были назначены комиссары к начальнику гарнизона и к комиссару Временного правительства с тем, чтобы ни одно распоряжение, ни одна бумага не могли пройти мимо Совета. Все телефонные разговоры подлежали контролю.

В связи с корниловским выступлением забастовка 1 сентября приобретала особо важное политическое значение. Она должна была показать, что рабочий Урал готов дать отпор всякому контрреволюционному выступлению.

Оперативное руководство взял на себя областной исполнительный комитет, возглавляемый большевиками. Прежние лозунги забастовки были дополнены ещё одним: «Активная борьба с вооружённой контрреволюцией» [1].

Утром 1 сентября работы на десятках заводов Урала были приостановлены. Рабочие группами выходили на улицы.

На Усть-катавском заводе работы прекратились в 7 часов утра. На митинге присутствовало около двух тысяч рабочих. Большевистская резолюция была принята единогласно.

Организованно прошла забастовка и в центре рабочего Урала — в городе Екатеринбурге. Корреспондент «Уральского рабочего» так описывал события дня:

> «Город как бы замер. Все фабрики, заводы, мастерские стали. Магазины были закрыты. Не работали во многих правительственных и общественных учреждениях (городская управа, Государственный банк, казначейство). На улицах было всё спокойно» [2].

Порядок в городе охранялся отрядами красногвардейцев. Активное участие принимали в демонстрации солдаты

и крестьяне. В Белебее главными участниками демонстрации 1 сентября были солдаты местного гарнизона. Стройными колоннами, со знамёнами, с песнями прошли они через весь город. В Алапаевском районе на грандиозном митинге присутствовали крестьяне окрестных деревень.

По самым скромным подсчётам, в забастовке участвовало свыше 100 тысяч пролетариев Урала.

Дни отпора корниловщине и сентябрьская стачка послужили боевым смотром сил для большевистских организаций. На улицы заводских посёлков выходили тысячи вооружённых рабочих. На заводах создавались новые отряды Красной гвардии. В начале сентября состоялся митинг на одном из крупнейших предприятий Урала — на Лысьвенском заводе. Две тысячи рабочих заявили:

> «...мы готовы защищать завоёванную нами свободу до последней капли крови, мы требуем для того поголовного вооружения рабочих...»[1]

Слово лысьвенских пролетариев было голосом всех рабочих Урала. «Мы требуем немедленной организации Красной гвардии!» — этими словами заканчивалось большинство рабочих резолюций.

Уральские рабочие имели богатый опыт организации боевых дружин, начиная ещё с 1905 года. После Февральской буржуазно-демократической революции на многих предприятиях возникли рабочие дружины. В состав первых дружин вошли большевики-подпольщики и беспартийные рабочие, главным образом из числа участников революции 1905 года.

Оружие удавалось иногда добывать и в организованном порядке. Так, в первые дни революции рабочие разоружали полицию, жандармерию, лесную стражу. Случалось, что конфисковывали оружие у администрации заводов. Иногда удавалось получить не только винтовки, но и пулемёты и даже трёхдюймовые орудия. Каждый доставал себе, что мог. Запасались не только огнестрельным оружием, но и холодным: часто в ночных сменах рабочие потихоньку ковали себе кинжалы и клинки.

В июле была создана Красная гвардия в Челябинске. Вооружённые отряды рабочих появились на всех крупных предприятиях города, в первую очередь на железной дороге и на заводе Столль[2].

Красногвардейские отряды охраняли фабрики, заводы, железнодорожные станции, общественные здания и наблюдали за общественным порядком. В районах, где было много эсеро-меньшевиков, красногвардейцы охраняли большевистских агитаторов.

Красная гвардия состояла из проверенных, испытанных, преданных революции пролетариев, в основном — членов больше-

вистской партии. Приём новых красногвардейцев производился с большой осторожностью. Каждого будущего красногвардейца сами рабочие тщательно проверяли.

Красногвардейский отряд насчитывал обычно несколько десятков человек, т. е. сравнительно небольшой процент рабочих данного завода. Но в создании этих отрядов принимало участие большинство рабочих. На Мотовилихинском заводе близ Перми, например, рабочие цеха выбирали из каждых 25 человек одного, самого надёжного и испытанного. Считая, что красногвардеец не в состоянии нести одновременно две службы — на заводе и в отряде, товарищи освобождали его от работы. Выбравшие его 25 человек делали отчисления от своего заработка и платили выбранному товарищу столько, сколько он в среднем зарабатывал в цехе.

После корниловской авантюры и дружной забастовки 1 сентября большевики добились новых успехов в борьбе против соглашателей. 20 сентября исполнительный комитет усть-катавской организации эсеров объявил своим членам о роспуске организации. Потеряв влияние на рабочих, эсеры покончили «самоубийством». Вместо некролога в газете «Вперёд» появилась заметка за подписью «Местный эсер». Познакомив с историей эсеровской организации, автор закончил свою статью выводом, подходящим для надгробной надписи:

«Вот результат эсеровской беспринципной тактики»[1].

Растаяла под ударами большевиков и златоустовская эсеровская организация, где летом 1917 года числилось около 3 тысяч членов. От крупной в прошлом организации осталась жалкая горсть. В сентябре на общие собрания эсеров приходило всего 150—200 человек.

Как глубоко проникала агитация большевиков в массы, можно судить по Белорецкому заводу. Это был самый крупный и самый отсталый в политическом отношении завод на Южном Урале. Тринадцать тысяч рабочих жили в глуши, в кольце высоких гор, далеко от железных дорог, вдали от крупных центров. Но сам завод был центром Белорецко-комаровского округа, и в район его влияния входили ещё 11 заводов. Каждый рабочий имел здесь свою маленькую усадьбу, свой домик, своё хозяйство. О политических партиях и о классовой борьбе рабочие завода имели самое отдалённое представление. Культурный их уровень был чрезвычайно низок. Газет рабочие почти не выписывали. В августе 1917 года во многих домах ещё висел портрет царя. На этой гнилой почве политического безразличия и обывательского застоя пышным цветом распустился эсеровский чертополох.

Эсеры крепко держали в своих руках Совет. Последний не имел ничего общего с революцией. После июльских дней он

вынес решение о полном доверии Временному правительству, о беспощадной расправе с большевиками вообще и об аресте всех местных большевиков. 9 и 10 июля был сход. На нём эсеры провели все эти предложения.

В такой тяжёлой обстановке приходилось работать на Белорецком заводе старому большевику П. В. Точисскому, который начал революционную работу еще в 80-х годах прошлого столетия, был активным участником революции 1905 года в Москве. Точисский приехал на Белорецкий завод в 1916 году из ссылки и создал ядро большевистской организации. Но под нажимом эсеров, под угрозами администрации завода группа распалась. Товарищ Точисский, смелый, твёрдый, убеждённый большевик, несмотря на все преследования и угрозы, продолжал свою работу. Ему не давали говорить на митингах, на собраниях сбрасывали с трибуны, грозили убить, но он продолжал разъяснять рабочим большевистские лозунги. Упорно, шаг за шагом завоёвывали большевики новые позиции. Завладели союзом металлистов. Создали совет рабочего контроля. К началу октября в Белорецке был 51 большевик. Эсеры ещё насчитывали в своей организации около 2 тысяч членов, но у них уже начинался распад. Всё чаще и чаще рабочие-эсеры выступали против своего комитета. Большевики повели рабочих за собой.

На Верхисетском заводе в Екатеринбурге руководство эсеровской организации, чтобы сохранить влияние среди рабочих, переименовало себя в максималистов. Но рабочие-эсеры поняли это по-своему:

> «...довольно нам головы морочить, — говорили они, — 7 месяцев нас дурманили, дело дошло до того, что стыдно рабочим глаза показать. Максималистами теперь стали...»[1]

Единственным уездным центром Пермской губернии кроме Екатеринбурга, в котором имелась крепкая большевистская организация, был город Шадринск. Колыбелью местной большевистской организации был 139-й запасный пехотный полк. В этом полку работал прапорщик-большевик А. А. Жданов. Под влиянием его агитации в середине 1917 года в полку возникла небольшая группа солдат-большевиков.

30 августа состоялось первое организационное собрание полковых большевиков. Так возник большевистский комитет шадринской организации, председателем которого был избран Жданов.

С этого момента группа большевиков 139-го полка начинает регулярно работать среди рабочих и солдат. Товарищ Жданов часто навещал текстильщиков фабрики братьев Бутаковых. Вскоре организация пополнилась рабочими-ткачами и местными железнодорожниками. Нити большевистского влияния постепенно проникли в деревню. В целом ряде волостей Шадринского

уезда появляются большевистские комитеты.

Пропагандистских и агитаторских сил почти не было. В Шадринске существовала довольно сильная эсеровская организация. Но под руководством товарища Жданова шадринские большевики сумели быстро ликвидировать влияние местных эсеров на массы. Скоро эсеры потеряли всякое значение не только в рабочей и солдатской секциях Совета, но и в крестьянской.

А. А. Жданов.

В октябре большевистская организация Шадринска насчитывала в своих рядах свыше сотни членов.

Немалую помощь большевистской партии оказала молодёжь. Ещё в апреле 1917 года возникла «юношеская организация при Екатеринбургском комитете РСДРП(б)». Первоначально в организацию входила главным образом учащаяся молодёжь. Но большевики скоро выправили этот недостаток. В августе в Екатеринбурге было созвано общегородское собрание рабочей молодёжи. Оно постановило создать «социалистический союз рабочей молодёжи имени III Интернационала». 31 августа состоялось организационное собрание членов союза. Был принят устав, избран комитет. В сентябре стали создаваться ячейки на предприятиях.

27 июля 1917 года состоялось первое общее собрание миньярского общества социалистической молодёжи. 10 августа образовался союз молодежи в Челябинске; в средине августа возникла пермская организация. Союз воспитывал рабочую молодёжь в большевистском духе. Молодёжь продавала большевистские газеты, распространяла листовки, выполняла роль связных. Это была подчас скромная, незаметная, но весьма важная работа. Газет в распоряжении большевистских комитетов не было, телефонная связь не существовала, а жизнь шла бурно. Иногда приходилось созывать по два собрания в день. Молодёжь мчалась с одного завода на другой, разносила повестки. Союз создавал группы агитаторов на заводах и по деревням, проводил литературные читки, собирал деньги для партии. К октябрю в Екатеринбурге число членов союза выросло до 500, на Миньяр-

ском заводе было 118 человек, на Невьянском — 350, на Верхнетуринском — 120 и т. п. В лице «социалистического союза рабочей молодёжи» большевики приобрели организованного и активного помощника.

В начале октября состоялись Вятская губернская, Уфимская губернская, Пермская окружная конференции большевиков, а с 10 октября в Екатеринбурге открылась губернская конференция большевиков. Партийные конференции показали, что уральская организация, насчитывавшая в своих рядах более 30 тысяч большевиков, готова к выполнению директивы Центрального Комитета.

Окружные съезды Советов прошли под лозунгом: «Смотр перед боем!»

Делегаты Урала, избранные на II Всероссийский съезд Советов, уезжали с сознанием того, что им придётся принять участие в вооружённом восстании на улицах столицы.

7.

В СИБИРИ.

Контрреволюция накапливала в Сибири свои силы. Через Сибирь международный империализм мог свободно проникнуть на помощь российской буржуазии и помещикам. Из Сибири шёл хлеб в центр страны. Поэтому Центральный Комитет большевиков в своих расчётах уделял Сибири большое внимание.

Работать в Сибири было нелегко. Лучшие силы большевиков, загнанные сюда царизмом, были отозваны после революции в Петроград и другие центры. Приходилось опираться на местные силы, укреплять их, сплачивать вокруг линии Центрального Комитета партии большевиков.

20 марта 1917 года, возвращаясь из енисейской ссылки в Европейскую Россию, Я. М. Свердлов в Красноярске предложил объединить все большевистские силы в районе, а затем и во всей Сибири. Было решено создать руководящий большевистский центр — районное бюро РСДРП(б).

В начале апреля состоялось совещание большевистских групп Красноярска, Ачинска, Канска, Енисейска. Оно дало задание Красноярскому районному бюро установить связь с большевиками Сибири и послало приветствие Центральному Комитету

партии. Ответ Центрального Комитета за подписью Е. Д. Стасовой был получен 13 апреля:

«Приветствуем ваше начинание, организацию бюро утверждаем...»

В мае красноярские большевики вышли из объединённой социал-демократической организации. В июле вышли и социал-демократы-интернационалисты, присоединившись к большевикам.

Среди красноярского пролетариата большевики пользовались исключительным влиянием. В городе издавался единственный большевистский орган всего края — «Сибирская правда». Под большевистским влиянием находился «Красноярский рабочий»—орган Совета. В Совете было 180 большевиков, 2—3 меньшевика и около 40 эсеров.

В августе в Красноярске открылась Среднесибирская областная партийная конференция, представлявшая около 5 тысяч большевиков. VI съезду партии было послано приветствие.

Для руководства всей партийной работой в Сибири было создано Среднесибирское областное бюро. Центральный Комитет предложил бюро в срочном порядке выполнить следующую директиву: большевики должны выйти из объединённых социал-демократических организаций Томска, Барнаула, Новониколаевска и Омска.

По окончании Среднесибирской областной партийной конференции красноярские большевики рассыпались по Сибири. Читали лекции, делали доклады на рабочих и партийных собраниях, создавали новые партийные организации.

В рабочие районы Западной Сибири уехал один из активных работников красноярской организации большевик Я. Е. Боград.

Одним из первых городов Западной Сибири, в котором произошёл раскол объединённой организации, был Томск. 1 сентября, как только стали известны подробности корниловского выступления, в Томске состоялось общее собрание социал-демократической организации. Постановили, что власть должна немедленно перейти в руки Советов.

На следующий день объединённое заседание Советов рабочих и солдатских депутатов и центрального бюро профсоюзов потребовало перехода власти в руки революционной демократии в лице Советов.

В многочисленном томском гарнизоне проходили солдатские митинги, на которых выступали большевики и сочувствующие им. И почти везде солдаты выносили постановления с требованием «передачи всей власти центральному съезду депутатов солдат, рабочих и крестьян».

6 сентября на собрании социал-демократической организации был сделан доклад об областной конференции, происходившей в Красноярске. После бурных прений большинством 58 голосов против 9 и при 9 воздержавшихся было постановлено, что

«собрание присоединяется к решению конференции (Среднесибирской. — *Ред.*) вступить в состав РСДРП (большевиков) и заявляет, что решения партийных съездов и руководящих учреждений являются обязательными для членов организации, оставшихся в ней после принятия данной резолюции» [1].

9 сентября в Томске состоялась губернская конференция большевиков.

Делегаты Судженских и Анжерских копей, Кемерова, станции Тайга рассказывали, что в рабочих массах усилилось влияние большевиков. Рабочие целиком принимают лозунг «Вся власть Советам!»

Центральному Комитету большевиков и центральному органу конференцией была послана телеграмма:

«Томская губернская конференция от имени двух с половиной тысяч организованных в партию рабочих постановила признать своим партийным центром Центральный Комитет, а директивы его — обязательными. Верим в скорый возврат победителю-пролетариату его честных и верных вождей — товарища Ленина и др.»[2]

Через несколько дней после губернской конференции произошёл раскол в новониколаевской партийной организации. Большинством 85 человек против 22 собрание постановило присоединиться к платформе большевиков.

Разрыв с объединенцами поднял авторитет большевиков Томской губернии. Это ярко показал открывшийся в середине сентября в Томске губернский съезд Советов крестьянских депутатов. На съезде присутствовало около 200 человек; руководителями были правые эсеры. Но в процессе работы съезда руководство перешло к эсерам-интернационалистам и большевикам.

Докладчиком по текущему моменту выступил эсер-интернационалист Лисиенко, а после него Н. Н. Яковлев — большевик, один из выдающихся борцов за диктатуру пролетариата в Сибири.

Н. Н. Яковлев вступил в партию большевиков в 1905 году, будучи студентом Московского университета. Работа на воле чередовалась у него периодически с арестами, тюрьмой, ссылкой в заполярные края и эмиграцией. Из ссылки он несколько раз бежал. Попав за границу, он провёл целый год на одном из меднолитейных заводов, где обучался литейному делу.

В 1916 году Н. Н. Яковлев мобилизуется в армию. Революция выдвинула его в президиум Томского Совета солдатских

депутатов. В 1918 году Яковлев был расстрелян колчаковцами.

Выступление Яковлева на съезде Советов крестьянских депутатов в Томске имело большой успех. Яковлев закончил выступление под продолжительные и бурные аплодисменты.

Н. Н. Яковлев.

Резолюции большевиков и эсеров-интернационалистов расходились в одном пункте — по земельному вопросу. Принята была резолюция эсеров, но и большевистская получила 60 голосов.

Новую победу одержали томские большевики на объединённом заседании Совета рабочих и солдатских депутатов. Докладчиком по текущему моменту опять был Яковлев. Было решено объединить Советы рабочих и солдатских депутатов.

В принятой резолюции Совет настаивал «на немедленном созыве съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для перевыборов Центрального исполнительного комитета и выработки революционной тактики...»[1]

7 октября был создан президиум объединённого Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем его стал Н. Н. Яковлев. На этом же заседании были избраны делегатами на II Всероссийский съезд Советов два большевика.

Выборы в Томскую городскую думу, происходившие 1 октября, показали, как возросло большевистское влияние. Большевики оказались самой сильной фракцией городской думы, насчитывавшей 34 человека, в то время как эсеры получили 27 места, а меньшевики — всего лишь 6.

В Омске упорнее и дольше, чем где-либо в Сибири, держались объединенцы. Основную работу омские большевики вели среди железнодорожников, металлистов и солдат гарнизона. Среди агитаторов выделялся девятнадцатилетний Лобков.

Свою короткую и горячую жизнь З. Лобков кончил в мае 1919 года. Арестованный в Челябинске как член подпольной большевистской организации, он был замучен колчаковской контрразведкой.

Лобков имел громадное влияние на рабочие и солдатские массы. Его влияние чувствовалось и в работе Омского Совета.

16 сентября Омский Совет вынес постановление, в котором настаивал на немедленном созыве II Всероссийского съезда Советов. Одновременно была создана рабочая Красная гвардия.

Вопрос о вооружении омских рабочих большевики подняли ещё в мае на общем собрании социал-демократической организации. Тогда меньшевики выступили против, называя предложение «отголоском ленинско-бланкистского течения»[1]. Но, несмотря на противодействие, большевики начали создавать вооружённые дружины.

В Омске стали формироваться отряды из рабочих и крестьян. Солдаты-фронтовики обучали их военному делу. Одним из организаторов таких отрядов был Лобков.

12 октября проходило общее собрание омской объединённой социал-демократической организации. Собралось 366 человек. Председательствовал меньшевик-интернационалист. Стоял вопрос о выборах в Учредительное собрание. Но он был полностью связан с тем, какому партийному центру — большевистскому или меньшевистскому — подчиняется омская организация.

Большевики предложили признать своим руководящим центром Центральный Комитет большевиков. За это предложение голосовало 256 человек. Произошёл раскол.

Председатель собрания, сняв с себя полномочия, покинул собрание и увёл с собой меньшевиков-интернационалистов. Председателем нового, уже чисто большевистского собрания был выбран Лобков. Постановили выступить на выборах в Учредительное собрание с самостоятельным списком.

Почти в это же время вышли из объединённой организации большевики Иркутска — центра Восточной Сибири. Находясь в объединённой организации, они не могли охватить своим влиянием многочисленный гарнизон. Советы рабочих и солдатских депутатов существовали раздельно. Лишённые пролетарского влияния, солдаты были предоставлены самим себе.

Центральный Комитет большевиков послал своего представителя со специальным заданием помочь большевикам Иркутска создать самостоятельную организацию и объединить рабочий и солдатский Советы.

В Иркутске, как и в Омске, раскол социал-демократической организации начался с момента обсуждения кандидатур в Учредительное собрание. По настоянию Н. А. Гаврилова большевики решили выставить свой самостоятельный список.

Николай Андреевич Гаврилов вышел из крестьянской среды и по профессии был сельским учителем. В 1906 году его впервые арестовали с тюком революционной литературы. Сначала тюрьма,

потом каторга, потом бессрочная ссылка в Иркутскую губернию — таков жизненный путь Гаврилова.

После революции он вошёл в состав иркутской объединённой организации Российской социал-демократической рабочей партии. Гаврилов погиб в 1919 году, растерзанный контрреволюционерами.

4 октября на заседании губернского комитета социал-демократической организации товарищ Гаврилов требовал увеличения числа большевистских кандидатур в списке Учредительного собрания, так как большевики пользовались в городе наибольшим влиянием.

Губернский комитет отказался это сделать. Выступления Гаврилова и других большевиков были охарактеризованы им как «дезорганизаторские» и самочинные.

Этот конфликт послужил поводом для раскола социал-демократической организации в Иркутске. Большевики покинули объединённую организацию.

К моменту раскола в Иркутск из Красноярска приехала группа большевиков.

19 октября вышел в свет первый номер большевистского журнала «Рабочая Сибирь».

Вместе с приехавшими красноярцами городской комитет большевиков разрабатывал план создания военной организации и перевыборов Советов.

В эти же дни состоялось общее собрание большевиков. Явилось около тысячи рабочих и солдат. Помещение железнодорожной школы было переполнено. С докладами о текущем моменте выступали члены Иркутского комитета партии и делегаты на съезд Советов. Собрание определило задачи и тактику большевиков в борьбе за завоевание масс Иркутска и ближайших районов.

15 октября по инициативе иркутских большевиков на Тихвинской площади собралась трёхтысячная толпа солдат.

На митинге выступали делегаты Общесибирского съезда — большевики. Их поддержала максималистка Ада Лебедева. Странно было слышать из уст этой маленькой женщины с задорным лицом и мальчишескими ухватками речь, полную энергии и силы. Страстно и просто она разъясняла слушателям лозунги, выдвинутые Лениным.

Местная уроженка, дочь ссыльного поляка и коренной сибирячки, она с детства впитала в себя ненависть к царизму. Сначала она находилась в рядах эсеров, но потом примкнула к большевикам. В мае 1917 года она создала в Красноярске отдельную независимую от правых эсеров «лево»-эсеровскую группу, во главе которой, рядом с ней, стали Н. Мазурин и Сергей Лазо, вскоре перешедший к большевикам.

Ада Лебедева выступала на съезде эсеров в Петрограде, поразив своей смелой речью, направленной против правых эсеров, старую народницу Брешко-Брешковскую.

Ада Лебедева погибла в 1918 году, захваченная белоказаками и зарубленная ими под Красноярском.

На митинге выступили также и представители иркутской «военки»—военной организации большевиков.

Под аплодисменты была принята резолюция большевиков. Солдаты иркутского гарнизона требовали перехода всей власти к Советам и обещали свою вооружённую помощь.

Предложение меньшевиков и эсеров о поддержке Временного правительства потерпело полный провал.

После этого митинга по городу прокатилась волна многолюдных рабочих и солдатских митингов, на которых выступали популярные в массах большевики.

На всех собраниях принимались резолюции о передаче власти Советам, о недоверии правительству Керенского.

Соглашательские местные газеты открыли кампанию против «красноярских гастролёров», но и газетная травля оказалась бессильной—массы рабочих и солдат продолжали быстро леветь.

10 октября в Иркутске открылся съезд Советов Восточной Сибири, на котором всё ещё пока преобладали эсеро-меньшевики. Из 115 делегатов было только 32 большевика и 15 «левых» эсеров.

Большевистские организации Красноярска, Канска и других городов Восточной Сибири решили принять участие в съезде для того, чтобы использовать его перед Общесибирским съездом Советов как организационный центр и как трибуну для разоблачения соглашателей.

Крайняя напряжённость чувствовалась уже с первой минуты работы съезда. Столкновение было неизбежно. Оно произошло при обсуждении деятельности окружного бюро Советов.

Большевики заявили, что окружное бюро не было органом революционной власти, а шло на поводу у Временного правительства. Они предложили резолюцию, требовавшую строгого осуждения враждебной политической линии. Соглашательское же большинство съезда, наоборот, выразило бюро своё доверие.

Обсуждение текущего момента вызвало ещё более бурные прения. Валентин Яковлев — делегат Красноярского Совета— выступил от большевистской фракции с большой речью. Он легко разбил правого эсера Тимофеева, заявлявшего, что власть не может перейти к Советам, у которых нехватает для этого грамотных людей.

Он обвинил правых эсеров в союзе с буржуазией и, указывая, к чему ведёт этот союз, резко бросил:

— За Корниловым скрывается Савинков.

Речь его закончилась обвинением:

Выступление Ады Лебедевой на солдатском митинге в 1917 году.

Рисунок А. Е. Куликова.

— Вы предаёте революцию!

Резолюция по текущему моменту принималась уже без участия большевиков и «левых» эсеров. Они ушли со съезда после оскорбительных выпадов правых эсеров по отношению к большевикам.

Через несколько дней после Восточносибирского съезда Советов должен был начать свои работы I съезд Советов Сибири.

На совещании делегатов-большевиков, созванном до открытия съезда, были заслушаны предварительные доклады. Утвердили тезисы и резолюции по всем вопросам, стоящим на повестке дня съезда. Делегаты решили организовать Центральный исполнительный комитет Советов Сибири и наметили кандидатов в него.

I Общесибирский съезд Советов открылся 16 октября в 7 часов вечера в зале военно-топографического отдела. Делегаты стали съезжаться в Иркутск уже с 12—13 октября. Прибыли представители 69 Советов Сибири: из Владивостока, Тюмени, Харбина, Якутской области, Хабаровска, Тайги. Всего собралось 184 делегата, из них 65 большевиков. «Левых» эсеров было 35. Таким образом, на советской платформе стояло 100 делегатов.

Ещё задолго до съезда меньшевики и эсеры знали о том, что большинство Советов Сибири высказалось за взятие власти Советами и что победа на съезде может остаться за партией большевиков.

Соглашатели зашевелились, ища подкрепления. Из Иркутска полетели в Киренск, Бодайбо и Якутск просьбы дать мандаты на съезд «своим людям».

Эсеры поставили своей задачей сорвать работу съезда. Первым предлогом для этого явилась нежелательная для них кандидатура большевика в председатели съезда.

Поднялся жестокий спор. Наконец вопрос был поставлен на голосование. Большинством 86 против 22 при 9 воздержавшихся большевик всё же был избран председателем I съезда Советов Сибири.

Началось обсуждение первого вопроса, стоявшего на повестке дня, — о текущем моменте, о тактике Советов и обороне революции и страны.

Правые эсеры объявили, что все вопросы они откладывают до Учредительного собрания, а меньшевики начали обычную канитель об объединении революционной демократии. Большевики и «левые» эсеры настаивали на переходе всей власти к Советам.

Яркую речь произнёс Сергей Лазо, один из славных героев борьбы за диктатуру пролетариата на Дальнем Востоке. Во время гражданской войны Сергей Георгиевич Лазо, вождь таёжных партизан, показал чудеса храбрости, находчивости и беззаветной преданности революции. Он погиб страшной смертью. В апреле 1920 года Лазо был схвачен японцами и сожжён живым в паровозной топке.

Горячо и убедительно говорил на съезде Лазо:

— Только при всей власти Советов мы сможем направить неорганизованные массы в одно русло. Мы вовсе не противопоставляем власть Советов Учредительному собранию, но мы не уверены, можно ли будет без передачи власти Советам дойти до него[1].

Два дня прений, и съезд перешёл к резолюции, которая должна определить политическую и тактическую линию сибирских Советов. Проект её был внесён большевиками, которых поддержали «левые» эсеры.

«Всякое соглашательство с буржуазией, — говорилось в резолюции,— должно быть решительно отвергнуто, а Всероссийскому съезду Советов взять власть в свои руки. В борьбе за переход власти Советы Сибири окажут Всероссийскому съезду действительную поддержку»[2].

Большинством 93 голосов против 65 резолюция принимается за основу.

Правые эсеры снова делают попытку сорвать съезд. Они протестуют против одной из частей резолюции. По их мнению, нельзя называть съезд Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; необходимо вычеркнуть определение «крестьянских», так как Совет крестьянских депутатов, руководимый Авксентьевым, отказался принять участие в работе Всероссийского съезда Советов.

Но предложение проваливается, и резолюция принимается без поправок. На местах сильный шум. Поднимаются представители так называемых «крестьян», в большинстве которых легко можно было узнать местных жителей.

— Мы покидаем зал, — заявляют «крестьяне», — не желая нарушать постановления Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов.

А правые эсеры уже поднимают вопрос — может ли данный съезд называться также съездом крестьянских депутатов.

Мандатная комиссия устанавливает, что съезд имеет все права называться съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — ведь здесь представлены как Советы крестьянских депутатов, так и объединённые Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эсеры не успокаиваются. Они делают демагогическое заявление, что представительство на съезде подтасовано, что рабочие имеют слишком много мест, в то время как крестьянство представлено большей частью солдатами местных гарнизонов. Но заявление съездом не принимается. Эсеры шумно поднимаются, бросают на стол президиума свои делегатские билеты и покидают зал. Заседание продолжается без них.

Делегаты предлагают ускорить работу, чтобы быстрее вернуться на места и продолжать борьбу за власть Советов.

23 октября был выбран I Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь).

На II Всероссийский съезд Советов Сибирь послала 14 делегатов, в том числе 6 большевиков, 1 «левого» эсера и 1 социал-демократа-интернационалиста.

Представители всех семи городов Сибири, кроме Омска, высказались за власть Советов. Только Омский Совет стоял «за переход власти к демократии».

В Сибири период организации штурма запоздал по сравнению с другими областями. Тут было сильно влияние соглашателей. Большевики не сразу порвали с объединенцами.

Но и здесь большевики, руководимые Центральным Комитетом, преодолели ошибки в своих рядах, разгромили соглашателей и к Октябрю создали могучую резервную колонну Великой пролетарской революции.

8.

ТРУДНОСТИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ И НА ОКРАИНАХ СТРАНЫ.

«Революция, начатая в центре, — писал Сталин, — не могла долго оставаться в рамках узкой территории центра. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И, действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной»[1].

Но в национальных районах и на окраинах страны на пути установления советской власти стоял ряд серьёзнейших препятствий и огромных трудностей. Ещё до победы Октябрьской революции в центре, на Украине и на Северном Кавказе, в Крыму и в Закавказье, в Туркестане и на Дальнем Востоке концентрировались все силы контрреволюции, готовые к смертельной схватке с побеждающей советской властью.

Поэтому борьба за победу пролетарской революции в национальных районах и на окраинах страны приобретала более ожесточённый и более длительный характер. Если объединить все особенности и трудности подготовки и развития пролетарской революции в национальных районах и на окраинах страны, то они сводятся в основном к четырём важнейшим моментам.

Во-первых, поступательный ход пролетарской революции натолкнулся здесь, как указывал Сталин, на плотину буржуазных по природе и империалистических по существу областных и «национальных правительств».

Одним из важнейших центров контрреволюции явилась Украинская центральная рада.

Ещё до Октябрьской революции Центральная рада пыталась взять на себя роль спасительницы гибнувшей русской буржуазии. Крепнущему фронту социалистической революции противостоял блок буржуазии всех национальностей России.

Стремясь объединёнными усилиями сорвать победу пролетарской революции в России, националистическая контрреволюция ставила перед собой задачу разорвать на куски страну, противопоставить одну национальность другой, сорвать этим путём единый фронт трудящихся всех национальностей, раздробить силы революции и укрепить тем самым силы контрреволюции.

Кроме Украинской рады «национальные правительства», иногда мифические, иногда реально существующие, возникли в Закавказье («Закавказский комиссариат» и «Закавказский сейм») и в Крыму («Курултай»), в Средней Азии («Кокандская автономия» и «Алаш-орда»), в Белоруссии («Белорусская рада»), на Северном

Кавказе («Центральный комитет Союза горцев»), а также в Башкирии, Татарии.

Второй преградой, вставшей на пути победы революции в национальных районах и на окраинах страны, была казачья контрреволюция. Она пыталась противопоставить революции всю массу 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Амурское, Забайкальское, Уссурийское и Семиреченское), расположенных на окраинах страны и являвшихся орудием закабаления и угнетения народов Кавказа и Закавказья, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Если первую скрипку среди «национальных правительств» играла Центральная рада на Украине, то руководящая роль по организации сил всероссийской контрреволюции выпала на долю верхушки донского казачьего войска, наиболее многочисленного и стратегически расположенного наиболее близко к революционным центрам страны.

Третья особенность борьбы за установление советской власти в национальных районах заключалась в том, что здесь, особенно на южной и восточной границах Советской республики, сказалось несравненно больше, чем в центре, давление иностранных империалистов.

Окраины России издавна были предметом особого внимания иностранных правительств.

Иностранные империалисты поддерживали с самого начала возникновения «Кокандскую автономию» и «Алаш-орду» в Средней Азии, «Закавказский комиссариат» в Тифлисе, «Центральный комитет Союза горцев» на Северном Кавказе, белогвардейцев Сибири и Дальнего Востока.

Не меньшее давление, чем на Дальнем Востоке, оказывали империалистические государства в ходе борьбы за установление советской власти и на другом конце страны — на севере, в Архангельске и Мурманске. Иностранные суда, находившиеся в Архангельске, создавали надёжную опору для местных белогвардейских организаций. Не случайно здесь борьба за взятие власти Советами затянулась почти вплоть до лета 1918 года.

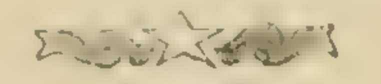
Наконец, ко всем этим трудностям борьбы за власть Советов в национальных районах страны прибавлялась ещё одна. Царизм намеренно держал окраины России, как указывал Ленин, в состоянии «полудикости или самой настоящей дикости». Промышленность на окраинах была развита очень слабо, а в ряде мест промышленные предприятия и вовсе отсутствовали. У многих национальностей не было совсем своего промышленного пролетариата, а на окраинах, в национальных районах немногочисленные кадры пролетариата были главным образом русскими по национальности. Слабость и немногочисленность пролетарских кадров не могли в свою очередь не отразиться на состоянии работы

большевистских организаций. В большинстве городов Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Сибири самостоятельные большевистские организации оформились частично накануне Октября, а в ряде мест и спустя несколько недель, иногда и месяцев после победы Октябрьской революции в центре. Соглашательские иллюзии здесь были более живучи и более устойчивы. Длительное «сожительство» большевиков в объединённых с меньшевиками социал-демократических организациях плохо способствовало изживанию этих иллюзий. Если влияние меньшевиков было сведено полностью на-нет в основных центрах страны ещё до Октябрьской революции, то здесь меньшевистский яд, как ржавчина, въедался в сознание отсталых групп рабочего класса и вытравить его было нелегко. Сторонники каменевско-зиновьевской предательской линии именно здесь, на окраинах, находили благоприятную почву для своей разлагающей работы. «Коалиционные комбинации» были тут смелее, шире по размаху, встречали меньше отпора. Так, например, в Чите (Забайкалье) у власти больше месяца находился так называемый «Народный совет» — коалиционная власть во главе с меньшевиками. Лишь к началу февраля 1918 года в Чите установилась советская власть.

Таковы были особенности и трудности, стоявшие на пути развития и победы пролетарской революции на окраинах и в национальных районах страны. Естественно, что все эти моменты не одинаково действовали в различных национальных областях, отличавшихся друг от друга и по уровню развития производительных сил, и по наличию пролетарской прослойки, и по быстроте большевизации масс.

На Украине и в Белоруссии, в Прибалтике, в пролетарском Баку, в таком центре, как Ташкент, силы рабочего класса были очень велики, и большевистские партийные организации вели за собой широчайшие массы. Здесь трудности и препятствия сметались и преодолевались гораздо быстрее, чем в отсталых национальных районах, и ход подготовки к пролетарской революции своеобразно сочетал моменты, свойственные как основным промышленным центрам, так и национальным окраинам страны.

Особенно ярко это сказалось на ходе подготовки к революции на Украине и в Белоруссии.

9.

НА УКРАИНЕ.

Украина до революции являлась главной угольно-металлургической базой российской промышленности. Сельское хозяйство Украины давало сотни миллионов пудов хлеба не только для Центральной России, но и для экспорта. Украина имела мощную промышленность, перерабатывавшую сельскохозяйственные продукты.

Во время империалистической войны Украина являлась ближайшим тылом для армий Юго-западного и Румынского фронтов. Эти фронты были главной ареной боевых действий в 1916—1917 годах.

Перед большевистской партией стояла чрезвычайно важная задача — подготовить вооружённое восстание на Украине, исход которого должен был облегчить первые шаги диктатуры пролетариата в центре. Именно поэтому Центральный Комитет большевистской партии уделял такое исключительное внимание Украине.

Центральный Комитет большевиков послал на Украину, в Донецкий бассейн, К. Е. Ворошилова, руководившего в 1905 году революционной борьбой в Донбассе.

Центральная большевистская печать помогала украинским большевистским газетам. Харьковский «Пролетарий» связался с московским «Социал-демократом» и регулярно получал от руководителя газеты М. С. Ольминского указания и материалы.

Разгром корниловщины явился переломным моментом в развитии революции и на Украине.

Рабочие Харькова, Екатеринослава, Киева, шахтёры Донбасса требовали оружия.

Харьковский большевистский комитет в связи с корниловщиной выпустил воззвание к рабочим с призывом вооружаться:

> «Необходимо немедленно вооружить рабочих. Ни в одной революции не побеждали словами.
>
> Во главе защиты революции станет и уже стоит пролетариат. Необходимо немедленно его вооружить имеющимся в городе запасом оружия. Время не ждёт. Да здравствует рабочая Красная гвардия!» [1]

За оружием послали делегатов в Тулу.

Большевиков не останавливали те огромные трудности, с которыми было связано массовое вооружение рабочих. Для этой цели использовали все возможности.

В боевых дружинах вооружались даже тесаками. Рабочие сами заготовляли штыки для винтовок. Имевший какое-либо оружие считался счастливцем. Занятия приходилось проводить по очереди, так как красногвардейцев было вдвое больше, чем винтовок.

В Донбассе огромную работу вёл К. Е. Ворошилов. Февральская буржуазно-демократическая революция застала его в Петрограде.

Шахтёры Донбасса не раз просили Центральный Комитет вернуть им Ворошилова. Учитывая огромную важность Донбасса в революции, партия большевиков разрешила Ворошилову уехать в Луганск. Опираясь на свои старые связи, Ворошилов ещё задолго до корниловщины превратил Луганск в оплот большевизма. После июльских событий Ворошилов организовал митинг солидарности с петроградскими пролетариями. В знойный июльский день со всех концов города к Преображенской площади потянулись колонны рабочих. На знамёнах были лозунги: «Долой контрреволюцию!», «Да здравствует власть рабочих, крестьян и солдат!».

На пути к площади демонстрация столкнулась с казачьей сотней. Во главе сотни был полковник Катаев — начальник луганского гарнизона. Пропустив демонстрацию, казаки молча двинулись за рабочими на площадь. Начался митинг. Как только на трибуне появился большевик, по знаку полковника Катаева казаки подняли шум, крик. В рядах меньшевиков, прижавшихся к казачьему отряду, послышались возгласы:

«Довольно большевистской демагогии!»

После большевика на трибуну поднялся уездный комиссар Временного правительства меньшевик Нестеров. Демагог и клеветник, он вплоть до июня 1917 года ухитрялся одновременно быть комиссаром Временного правительства, председателем общественного комитета и председателем Совета. Незадолго перед тем, в результате кампании, поднятой Ворошиловым, Нестеров был изгнан из Совета. Сейчас Нестеров под защитой казаков попытался привлечь рабочих на свою сторону. Однако Нестерова не слушали. «Долой предателей!» — кричали рабочие. Под крики, смех и свист демонстранты стащили меньшевика с трибуны.

Но вот на трибуне появился Ворошилов. Он обрушился на Временное правительство, разоблачил предательство эсеро-меньшевиков в июльские дни. Из кучки меньшевиков снова раздались злобные выкрики. К меньшевикам присоединились казаки, шум всё нарастал. Ворошилову не давали говорить. Тогда Ворошилов медленно сошёл с трибуны и твёрдыми шагами направился к кучке меньшевиков и казаков. За ним последовали вооружённые рабочие. Раздалась команда полковника Катаева: «Приготовиться!»

Казаки обнажили шашки, однако не решались броситься на Ворошилова. В этот момент ряды рабочих расступились, и с винтовками наперевес показался отряд солдат-большевиков. С криками «Да здравствуют Советы!» солдаты двинулись на казаков. Те повернули лошадей и ускакали. За ними побежали меньшевики и эсеры. Митинг возобновился. Под вечер рабочие и солдаты

единодушно приняли большевистскую резолюцию, требовавшую перехода всей власти в руки Советов.

В те дни, когда до Луганска доходили только смутные слухи о корниловском выступлении, Ворошилов был неутомим. 27 августа он выступал на солдатском митинге. Вечером того же дня он организовал огромный митинг рабочих и солдат. 28 августа Ворошилов на заводе Гартмана рассказывал рабочим об итогах шести месяцев революции:

К. Е. Ворошилов.

«Жизнь показала, что большевики — единственная партия революционного пролетариата, которая правильно учитывала положение дел в стране и сил, действующих в нашей революции»[1].

Когда были получены первые сведения о корниловской авантюре, Ворошилов создал революционный комитет. В ту же ночь по распоряжению комитета были арестованы офицеры местного гарнизона и бывшие высшие чиновники царской власти. Комитет послал во все учреждения своих комиссаров. Комиссары получили задание наблюдать за нормальным ходом работы и пресекать всякие попытки саботажа.

30 августа во всех частях луганского гарнизона были проведены митинги. Солдаты полностью шли за большевиками и выражали готовность выступить на борьбу с Корниловым. В этот же день в частях были избраны новые командиры из солдат. Один из вновь избранных командиров явился к Ворошилову и заявил, что войска пришли к комитету продемонстрировать преданность революции. Члены комитета вышли на балкон. Солдаты стройными рядами прошли мимо Народного дома, где помещался комитет. На приветствие Ворошилова ответили дружным «ура».

Завоевание частей гарнизона имело большое значение для дальнейшего развития революции в Луганске. Пролетарии Луганска вооружались и готовились к обороне, ожидая нападения со стороны донской контрреволюции.

«Дело в том, — пишет Ворошилов в своих воспоминаниях,— что соседство с Донобластью и старая, оставшаяся от первой революции, вражда между красным Луганском и весьма чёрным

Доном порождала массу весьма вздорных и серьёзных слухов, предположений и ожиданий. Не проходило и дня, чтобы, *по слухам,* на Луганск не двигались казачьи сотни, полки и даже дивизии. На деле ничего этого не случилось, но в то же время это заставило нашу Красную гвардию нести большие и тяжёлые наряды. С тех пор я много видов видывал, но по совести должен сказать, такой добросовестной, такой самоотверженной и бескорыстной службы революции на боевых постах, как её выполняли луганские пролетарии, я видел мало.

В дождь, в невылазную грязь и холод, страшную темень ночи шли группами красногвардейцы после трудового дня на заводе за город, в степь, и до утра верными стражами оберегали всевозможные подступы к городу. И так не день, не два, а целые месяцы» [1].

Ворошилов создал комиссию обороны, во главе которой был поставлен его ближайший соратник А. Я. Пархоменко, руководитель боевых дружин луганских рабочих. В соседние казачьи станицы были посланы разведчики и агитаторы. Луганскому Совету удалось установить связь с Митякинской и Луганской станицами. Там имелись большевистски настроенные казаки. В сентябре казаки решили прислать своих делегатов в Луганский Совет для переговоров о совместной борьбе с контрреволюцией.

Когда подошёл поезд, делегация вышла из вагона и построилась на перроне по-военному, в две шеренги. Рабочие не были предупреждены о приезде делегации. Недружелюбно настроенные, они окружили гостей и стали требовать, чтобы казаки сняли погоны. Делегаты казаков убедили рабочих, что погоны им нужны для влияния на казачью массу. Недоразумение выяснилось, и тогда между луганцами и станичниками пошла дружеская беседа.

Вскоре между Луганском и окружающими станицами установилась прочная связь. Местные контрреволюционные элементы стали постепенно стягиваться в Новочеркасск.

Письмо из Луганска, написанное в конце сентября, ярче всего характеризует обстановку, создавшуюся в городе накануне октябрьских боёв.

«Все организации города в наших руках. Голова в городе, члены управы, председатель думы, Совет депутатов, профессиональные союзы, газеты — всё это в наших руках» [2].

Так большевики Луганска готовились к взятию власти. Фактическим хозяином города был Совет рабочих депутатов, во главе которого стоял Ворошилов. Представитель Временного правительства был лишь номинальной властью. Луганчане ждали только сигнала из центра, чтобы окончательно прогнать и этого номинального представителя Временного правительства

«Солдаты стройными рядами прошли мимо Народного дома, где помещался комитет. На приветствие Ворошилова ответили дружным «ура».

Рисунок П. В. Малькова.

По всей Украине рабочие вооружились и готовились к решительным действиям. Даже соглашательские Советы под давлением масс вынуждены были выносить большевистские резолюции. Одесский Совет ещё 25 августа вынес меньшевистскую резолюцию о запрещении всяких демонстраций, а через пять дней принял решение о вооружении Красной гвардии и об оплате красногвардейцев за счёт предпринимателей. Охрана города перешла в руки Красной гвардии.

Такой же сдвиг произошел и в Киевском Совете. 30 августа на заседании Киевского Совета принимается решение о производстве обысков и реквизиции оружия для вооружения рабочих дружин. На этом же заседании постановлено разоружить польские боевые дружины, сформированные в Киеве польскими контрреволюционными организациями.

Когда после разгрома корниловщины Временное правительство попыталось приступить к разоружению рабочих, оно натолкнулось на организованное большевиками сопротивление масс. Харьковский губернский комиссар Временного правительства Н. Н. Добросельский решил выполнить приказ Керенского о рос-

Артём (Ф. А. Сергеев).

пуске революционных комитетов, созданных в корниловские дни. Но закрыть революционные организации не удалось. На заседании Харьковского Совета против комиссаров Керенского выступил Н. Руднев, командир роты 30-го полка. Руднев был одним из руководителей харьковской военной организации и Красной гвардии. Он сумел превратить 30-й полк в опору большевиков. Солдаты говорили: «Мы все большевики». Николай Руднев геройски погиб в бою с белыми казаками под Царицыном в 1918 году.

Огромную работу по разоблачению соглашателей провёл Артём (Ф. А. Сергеев). Он был хорошо известен рабочим Донбасса как пламенный трибун, руководитель большевистских организаций ещё в бурные дни 1905 года. После разгрома первой революции Артём попал в тюрьму, затем в ссылку. В 1910 году он бежал из ссылки через Китай и Японию в Австралию. В Австралии Артём стал видным руководителем революционного рабочего движения. Вернувшись в мае 1917 года из эмиграции, Артём сразу стал признанным руководителем пролетариев Донбасса.

Особое внимание Артём уделял агитационной и пропагандистской работе в массах. По его инициативе при Харьковском Совете были созданы курсы агитаторов. По окончании курсов агитаторы рассылались по уездам для работы среди солдат и крестьянства. Лучшие люди большевистской партии, руководители крупных организаций лично занимались агитацией в массах, показывая, как нужно привлекать на сторону революции рабочих и солдат.

В конце августа 1917 года Артём пришёл с группой товарищей к солдатам 6-го артиллерийского парка, входившего в состав харьковского гарнизона. Там должен был собраться солдатский митинг. Офицеры не пустили Артёма на митинг. Однако Артём не растерялся. Он взобрался на подпорку телеграфного столба, стоявшего у двора казармы, и стал читать вслух популярную большевистскую брошюру, попутно громко разъясняя прочитанное. Собралась большая толпа. Солдаты 6-го парка, привлечён-

ные речью Артёма, оттеснили офицеров и выбежали из казарм на улицу. Они с интересом выслушали Артёма и вслед за тем приняли горячее участие в образовавшемся митинге. В результате была вынесена большевистская резолюция.

Большевистская организация харьковских железнодорожников под руководством Артёма направляла группы товарищей по улицам Харькова для агитации. Агитаторы шли со знамёнами и несли с собой столы, скамейки; останавливались в каком-нибудь людном месте, и начинался летучий митинг.

На заседании Харьковского Совета 12 сентября обсуждался вопрос о лозунгах политической демонстрации, назначенной на 14 сентября. Артём предложил эсеро-меньшевистскому большинству Совета поддержать лозунги «Вся власть Советам!» и «Вся земля трудовому крестьянству немедленно и без выкупа!» Украинский эсер Одоевский выступил против этих лозунгов. Он предложил первый лозунг заменить требованием «вся власть револю-

«Артем... взобрался на подпорку телеграфного столба... и стал читать вслух популярную большевистскую брошюру».

Рисунок Д. А. Шмаринова.

ционной демократии», а второй совсем снять, так как «землю надо дать крестьянству в организованном порядке, т. е. не сейчас» [1].

Предложенный большевиками лозунг о немедленной передаче земли крестьянству без выкупа был отвергнут эсерами, имевшими в Совете перевес.

Но большевики не чувствовали себя побеждёнными. С места поднялся Артём и гневно бросил в президиум:

— Прошу внести в протокол: целые три часа Совет обсуждал, кому должна принадлежать земля — помещикам или крестьянам, — и наконец решили, что... помещикам [2].

Громкие аплодисменты встретили язвительное заявление Артёма. В этот день большевики собрали в Совете около половины голосов. Эсеро-меньшевистское влияние начало таять.

Состоявшаяся через два дня после этого заседания демонстрация в Харькове прошла под большевистскими лозунгами, массы слушали только большевиков. Демонстрация 14 сентября показала, что влияние эсеро-меньшевистского Совета в массах сильно подорвано.

Упорной, самоотверженной работой в пролетарских массах Украины большевики завоевали большинство рабочего класса. В ответ капиталисты стали закрывать предприятия.

«В Харькове приостановился паровозо-строительный завод, — писал руководитель донецких большевиков Ворошилов в начале сентября. — В Петербурге почти ежедневно закрываются и большие и малые заводы и фабрики. В Донецком бассейне уже закрылись 77 угольных предприятий и накануне закрытия ещё целый ряд рудников. Не лучше дело обстоит в Московском центральном промышленном районе, на Урале, в Сибири и т. д. Короче говоря, по всей Российской республике наблюдается одно и то же явление—промышленники и фабриканты от саботажа, от скрытой итальянской забастовки перешли в открытое наступление — к локаутам» [3].

Ворошилов дальше разоблачает мнимый патриотизм буржуазии, которая кричит о любви к родине и в то же время подрывает обороноспособность страны политикой саботажа в промышленности.

«Вы боитесь не нашествия немецких полчищ, как об этом кричат ваши прислужники, вы пуще смерти перепугались собственных рабочих, которые являются истинными защитниками родины, но только не для капиталистов, истязающих и грабящих самую родину, а для всех трудящихся, для всего человечества...» [4]

Большевики умело показывали рабочим, что выход из тупика, куда пытается загнать страну буржуазия, только в переходе власти в руки нового класса.

В районах Донбасса существовала особенно крепкая связь между рабочими-шахтёрами и крестьянством окрестных деревень. Шахтёры отправлялись в окрестные сёла гулять, в деревнях справляли шахтёрские свадьбы. У шахтёров крестьяне узнавали последние политические новости, получали разъяснения о смысле происходивших событий. После Февральской революции большевики использовали эти традиционные связи для укрепления своего влияния в деревне. Под руководством большевиков в деревнях Донбасса создаются сельские Советы. В результате большевистской работы в таких сёлах, как Щербиновка, Нелеповцы, Зализное и др., крестьяне самостоятельно давали отпор проискам местных эсеров. Луганское уездное бюро Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов пользовалось огромным влиянием далеко за пределами Луганского района. Председателем бюро был Ворошилов. Бюро организовывало пешеходные — за неимением средств — «экскурсии» рабочих в окружающие Луганск сёла. Там рабочие — делегаты от Луганского Совета — разбирали конфликты по вопросам аренды и раздела, разъясняли крестьянам большевистскую программу земли и мира.

По всей Украине крестьянское движение развёртывалось под руководством большевиков. Украинское село отличалось развитыми капиталистическими отношениями и значительными кадрами сельскохозяйственных рабочих. Опираясь на кулачество, украинские националисты пытались создать свои организации в деревне. Различные «просвиты», «спилки», кооперативные организации были проводниками работы украинских националистов в деревне. Этой тактике украинские большевики, как и большевики центра, противопоставили работу по организации деревенской бедноты и сельских рабочих, работу по завоеванию середняцких масс деревни.

По директиве Центрального Комитета большевиков при местных Советах создаются секции батраков, отделы сельскохозяйственных рабочих и т. п. При Екатеринославском Совете было организовано бюро сельскохозяйственных рабочих. Бюро связалось со всеми уездами и довольно успешно организовывало батраков.

Рост большевистского влияния в деревне и непосредственная близость рабочих центров создают новые формы крестьянского движения. Осенью 1917 года по всей Украине прокатились забастовки сельскохозяйственных рабочих, батраков и бедноты, работающей у помещиков и кулаков. Эта форма крестьянской борьбы была несомненно результатом растущего стачечного движения в промышленных центрах страны. Даже такая специфическая форма рабочего движения, как рабочий контроль, прививается в украинском селе. В Тальновском имении на Уманщине сельский Совет выделил специального уполномоченного для про

верки хода молотьбы в имении помещика. Это мероприятие вызывалось тем, что помещики умышленно уничтожали хлеб и не подвозили продукты к промышленным центрам, стремясь задушить революцию по совету миллионера Рябушинского «костлявой рукой голода».

Представители буржуазии и помещиков, продажные газетные писаки, вопили в прессе о беспорядках и анархии в деревне. Но в своих секретных донесениях представители Временного правительства вынуждены были признать, что большевистская пропаганда вносит революционный порядок и организованность в деревню. Бердичевский уездный комиссар Временного правительства сообщал 16 октября в Киев:

> «В одной из экономий Терещенко увезено, по заявлению управляющего, около 10 тысяч пудов соломы, предназначенной для армии, при совершенно исключительных обстоятельствах, а именно: крестьяне совершили свой поступок вполне обдуманно, в сознании своей правоты, на том основании, что народу теперь принадлежит всё, сначала разберут солому, потом инвентарь, землю и прочее,... т. е. выполнили задуманное ими дело планомерно без обычных эксцессов и недоразумений. Явление это, — заключает уездный комиссар, — несомненно результат большевистской пропаганды, заносимой в деревню почти исключительно солдатами».

Крестьянская беднота поднималась до понимания общеполитических задач, стоявших перед революцией. Наряду с вопросами землепользования, аренды, ликвидации помещичьего землевладения, прекращения войны в крестьянских резолюциях появляются требования разгона Государственной думы, Государственного совета, предания суду корниловцев. Херсонский губернский Совет крестьянских депутатов в своей резолюции в конце сентября требовал немедленного созыва II съезда Советов, предоставления национальностям России свободы самоопределения, контроля над производством и распределением продуктов. Крестьянское восстание на Украине шло под большевистскими лозунгами. Но особые условия Украины, наличие сильных националистических организаций уменьшали размах и силу крестьянского движения. Эсеро-меньшевики натравливали украинских крестьян на рабочих, на представителей российской демократии.

На заседании Лубенского Совета украинский националист Сухенко, ссылаясь на директивы Центральной рады, решительно возражал против посылки хлеба в Москву и Петроград. Националисты действовали единым фронтом с Рябушинским. Российская контрреволюция широко использовала украинские националистические организации. На съезде инструкторов селянской спилки Полтавской губернии украинский эсер Багрий вынужден был

признать, что в эсеровскую организацию входят черносотенцы, среди которых бывший голова городской думы. Силами эсеров этот черносотенец снова был проведён в председатели городской думы.

К крестьянскому восстанию примыкало движение в армии. В начале октября в штабе командующего Юго-западным фронтом была составлена записка о революционном движении в армии. Автор записки — подполковник Богаевский — хорошо выразил страх командного состава перед солдатской массой. Солдат везде и всегда опасен, везде и всегда вызывает беспорядки. Когда солдаты долго остаются на месте, они становятся во главе крестьянского движения. Когда части передвигаются походным порядком, они громят по дороге помещичьи имения. Когда солдат перевозят по железной дороге, они связываются с революционными железнодорожниками.

Все попытки военным путём подавить восстания в армии терпели крах. Как свидетельствует доклад штаба Юго-западного фронта,

«всякая попытка командного состава в сторону порядка вызывает грубый отпор с обвинением в старом режиме и служении интересам буржуев и помещиков» [1].

Автор доклада рекомендует два метода борьбы с революцией: хирургический, «т. е. карательный», и санитарный, «т. е. предохранительный», но тут же меланхолически замечает:

«По условиям момента, как видно из донесений, меры хирургического характера зачастую сводятся на-нет вследствие временного притупления хирургических инструментов власти» [2].

Контрреволюционеры всё ещё надеялись, что «инструменты» притупились временно.

Наряду с борьбой за вооружение рабочих большевики Украины активно готовились ко II съезду Советов.

6 октября в Харькове открылся областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов. На съезд прибыли 146 делегатов, из них 49 большевиков, 44 меньшевика, 42 эсера, 2 анархиста.

При обсуждении порядка дня представитель большевистской фракции предложил сначала заслушать доклад о положении пролетариата Донецкого бассейна, а затем уже отчёт областного комитета.

Выступления большевиков, разоблачивших деятельность соглашателей из областного комитета ещё до того, как он приступил к отчётному докладу, вызвали замешательство в президиуме. Несмотря на большинство, которое эсеры и меньшевики имели на съезде, они не были уверены в прочности своего положения. Состав съезда был явно фальсифицирован. На съезде присутство

вали с правом решающего голоса все члены областного комитета и члены районных комитетов, в подавляющем большинстве — меньшевики.

Большевики подвергли уничтожающей критике доклад областного комитета.

В яркой речи Артём показал сущность деятельности меньшевиков в областном комитете.

«Я критикую областной комитет не за бездеятельность, а за деятельность, направленную против рабочего класса, — заявил Артём. — Комитет был канцелярией министерства труда. Он посылал своих представителей в различные учреждения для соглашательства. Комитет мешал рабочим организовываться. Так было в Дебальцево и в других районах Донбасса. Областной комитет был кнутом рабочих, а не организацией рабочих» [1], — заключил Артём под шумные одобрения большинства съезда.

Даже рядовые делегаты эсеро-меньшевистской фракции слушали речи большевиков с явным сочувствием.

Формально съезд закончился победой эсеро-меньшевиков, но победители покидали съезд в подавленном настроении. Ни одной директивы соглашательского Всероссийского центрального исполнительного комитета и своих партий им не удалось провести. Не удалось склонить съезд к отказу от созыва II съезда Советов. Не удалось провести и решения о поддержке нового состава Временного правительства, образованного после Демократического совещания.

17 октября в Киеве было созвано областное совещание Советов Юго-западного края. Было представлено 34 Совета. Вопреки резким нападкам эсеров и меньшевиков была принята большевистская резолюция, требующая передачи всей власти Советам.

Националистическая контрреволюция на Украине накануне Октября взяла курс на соглашение с Временным правительством. Как бы в ответ на подготовку II Всероссийского съезда Советов Центральная рада назначает на 20 октября III всеукраинский войсковой съезд в Киеве. На этот же день в Киеве был назначен съезд фронтового казачества. Эти два съезда контрреволюция пыталась сделать политическими центрами борьбы с большевиками. Они имели и непосредственное боевое значение: более 2 тысяч вооружённых солдат и казаков могли стать ядром контрреволюционных частей.

На всеукраинский войсковой съезд с фронта приехали 940 депутатов, в большинстве солдаты. Около 860 из них принадлежали к украинским националистическим партиям. Но даже такой состав съезда не давал Центральной раде полной уверенности в поддержке со стороны фронта. Настроение рядовых делегатов съезда

было явно революционное. Они и слушать не хотели о соглашении с Временным правительством.

В середине октября Советы Украины выбирали делегатов на II Всероссийский съезд Советов. Выборы проходили в обстановке ожесточённой борьбы с эсерами и меньшевиками.

Соглашательский Всероссийский центральный исполнительный комитет всячески тормозил созыв съезда.

В Киеве телеграмма Центрального исполнительного комитета, предлагающая послать делегатов на II съезд, была получена только 19 октября. В этот же день Киевский Совет выбрал делегатов. Из 13 делегатов киевские организации (городской, окружной и областной Совета) послали 7 большевиков, 3 украинских социал-демократов и 3 эсеров-интернационалистов.

Одесский Совет выбирал на съезд на заседании 10 октября. Во время заседания на улицах произошло столкновение между гайдамаками и Красной гвардией. Гайдамаки пытались разоружить рабочих-красногвардейцев. Испуганные эсеро-меньшевики предложили поручить охрану города георгиевским кавалерам и вызвать казаков. Но к концу заседания стало известно, что красногвардейцы рассеяли гайдамаков и в городе восстановлен порядок. Совет принял решение о необходимости дальнейшего вооружения рабочих. Выборы на II съезд были отложены на следующий день.

11 октября на объединённом заседании одесских Советов рабочих, солдатских, крестьянских и матросских депутатов снова стоял вопрос о II Всероссийском съезде Советов. За один день тактика эсеров и меньшевиков изменилась. Убедившись в том, что им не удастся сорвать съезд, они выступили теперь единым фронтом под лозунгом создания однородного социалистического правительства. В этом едином фронте мелкобуржуазных партий и правые эсеры и меньшевики объединяются вокруг эсеров-интернационалистов, «левизна» которых должна была прикрыть соглашательскую тактику всего блока. Но «левый» манёвр не удался. За резолюцию большевиков голосовали 306 делегатов, за резолюцию эсеров-интернационалистов, предлагавшую создание «однородной революционной, демократической власти», — 169 делегатов. Других резолюций не было.

Одесский Совет послал на съезд 5 делегатов-большевиков, 2 эсеров и 1 меньшевика-интернационалиста.

Из 83 делегатов, посланных на II Всероссийский съезд от Советов Украины, 40 принадлежали к большевистской партии. Значительная часть делегатов принадлежала к украинским мелкобуржуазным партиям. Избиратели, пославшие этих делегатов на съезд, дали им твёрдый наказ защищать власть Советов.

Из 40 Советов Украины, представленных на II съезде, только 5 высказались за лозунг «Вся власть демократии», — под этим

фальшивым флагом выступали тогда эсеро-меньшевистские агенты буржуазии. Это были Советы, давно потерявшие связь с массами, не переизбиравшиеся с начала Февральской революции. Таким был областной комитет Советов Донецкого бассейна и Криворожья. Он ничего общего не имел с Советами Донбасса и Криворожья, единодушно давшими своим делегатам на II съезд директиву драться за власть Советов.

К пролетарской революции Украина шла под большевистскими знамёнами.

10.

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

Борьба большевиков на Северном Кавказе проходила в очень трудных условиях. Крайне сложный национальный переплёт, борьба внутри казачества, конфликт между казачьей верхушкой и горцами, между казаками и иногородним крестьянством, межнациональная рознь среди горских народов, слабая пролетарская прослойка—всё это требовало особо осторожного подхода. Образцы вдумчивого большевистского разрешения вопросов показал на Тереке в 1917 году Сергей Миронович Киров.

2 сентября, приехав из Петрограда, куда он ездил по поручению большевистской организации и Владикавказского Совета, Киров с головой окунулся в работу. Киров выступал на собраниях перед рабочими и солдатами ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день. Блестящий оратор, глубоко начитанный, Киров обладал исключительной способностью подбирать живые образы и примеры. Его вдохновенные, полные глубокой веры в победу революции речи буквально зажигали аудиторию. Готовя пролетариат и трудящихся Северного Кавказа к вооружённому восстанию, Киров придавал огромное значение работе среди горской бедноты, где он уже тогда пользовался колоссальной популярностью.

Казачья и горская контрреволюция усиленно раздувала национальную вражду. По казачьим станицам шёл провокационный слух, что большевики призывают горцев жечь и уничтожать станицы. А горцам местные муллы и кулаки твердили, что «шайтаны» (черти) большевики зовут казаков ломать мечети, отнимать у горцев жён и детей. Горская и казачья беднота знала Кирова, мужественного большевика, который уже однажды предотвратил неизбежную кровавую борьбу. 6 июля во Владикавказе спровоциро-

ванные контрреволюционерами солдаты зверски расправились с безоружными горцами, приехавшими на базар. Пламя национальной войны грозило захлестнуть город, станицы, аулы. Предвидя огромное количество жертв, гибель лучших революционных сил и в результате укрепление казачье-горской контрреволюции, Киров один отправился в ингушское селение Базоркино, в котором подготовлялось вооружённое нападение на город. Он сумел раскрыть перед ингушами провокационные замыслы казачье-горской контрреволюции. Его смелость и мужество произвели на ингушей огромное впечатление. Ингуши отказались от нападения. Лучшие представители ингушей — Султан Костаев, Юсуп Албагачиев — связались через Сергея Мироновича с Владикавказским Советом рабочих депутатов.

С. М. Киров.

В качестве приводного ремня Сергей Миронович умело использовал организовавшуюся летом 1917 года революционную партию осетинской бедноты «Кермен». Названная по имени легендарного героя — раба, восставшего на защиту своих прав и предательски убитого своими поработителями, — эта организация, правда, без чёткой программы, с рядом националистических предрассудков и ошибок, всё же пользовалась влиянием среди крестьянской бедноты. В мае 1918 года лучшая часть «керменистов» была принята в коммунистическую партию, составив осетинскую окружную коммунистическую организацию.

В партийной организации Владикавказа к осени 1917 года произошли значительные изменения. Опираясь на завоёванное под руководством Кирова пролетарское ядро в объединённой организации, большевики с первых же дней революции выступали как самостоятельная фракция. За ними шли железнодорожные мастерские, Алагирский завод.

Раскол организации произошёл в конце октября 1917 года. Во Владикавказе на городском партийном собрании из присутствовавших 500 человек только восемь оказались сторонниками мень-

шевистской платформы. Убедившись в своём поражении, меньшевики демонстративно покинули собрание.

Таким образом, к Великой пролетарской революции владикавказские большевики создали свою монолитную и крепкую партийную организацию. Этот факт сыграл большую роль в победе советской власти на Северном Кавказе. Ещё в конце сентября Владикавказский Совет перешёл в руки большевиков.

5 октября Владикавказский Совет избрал Кирова делегатом на II Всероссийский съезд Советов. Получил он мандат на съезд и от Нальчикского Совета. Киров уехал в Петроград. На состоявшемся 21 октября заседании Владикавказского Совета, на котором был переизбран Исполнительный комитет, Киров вновь заочно был введён в его состав.

Готовясь к борьбе с назревающей революцией, Временное правительство ввело военное положение в Грозненском, Веденском и Хасав-юртовском округах Терской области, а 16 октября распространило военное положение на всю Терскую область. Военное положение создавало лучшие условия для борьбы с назревающей революцией. Но эти меры результатов не дали. Влияние большевиков в городе и горской деревне продолжало расти. Совет шёл за большевиками. Гарнизон Владикавказа был также на стороне большевиков.

Большую работу развернули большевики и в другом крупнейшем центре Терской области — Грозном, известном своими нефтяными промыслами и нефтеперегонными заводами. Здесь ещё в годы империалистической войны была небольшая группа большевиков. После свержения царизма большевистская организация, выйдя из подполья, начала быстро расти. К Апрельской конференции она насчитывала уже 800 человек, а после конференции, когда большевистские решения конференции попали к рабочим промыслов и заводов, приток рабочих в партию ещё более усилился. Совет рабочих и солдатских депутатов находился в руках эсеров и меньшевиков. Большевиков в первое время там было мало, но в рабочих районах большевики пользовались огромным авторитетом. Буржуазия имела в городе свои крупные организации. Эти организации опирались на буржуазно-техническую интеллигенцию, работавшую на промыслах и заводах Грозного.

Вокруг города были расположены казачьи станицы и чеченские аулы, враждовавшие между собой. Летом 1917 года дело дошло уже до открытых столкновений. В городе был довольно крупный гарнизон: 111-й запасный полк, 21-й полк, 252-я Самарская дружина. Большевики вели большую работу в войсках гарнизона. Солдатская масса быстро большевизировалась. Из рабочих была создана «дружина безопасности», которая являлась фактически отрядом Красной гвардии. Большевики Грозного имели хорошую связь с Петроградом, Москвой, часто бывали во Владикавказе.

Выступление С. М. Кирова на митинге в ингушском селении Базоркино.

Грозненский пролетариат с самого начала Февральской революции вёл усиленную борьбу с владельцами грозненских нефтепромыслов и заводов. Рабочие с помощью революционных солдат захватили у Совета терских нефтепромышленников 700 винтовок и 100 револьверов.

Усиление влияния большевиков в городе сильно беспокоило не только местные органы Временного правительства, но и само Временное правительство. Грозный имел для буржуазии слишком большое значение, чтобы отдавать его рабочим без боя.

После июльских дней объединённая казачье-горская контрреволюция перешла в наступление. В начале августа, по приказанию командующего Кавказским фронтом, в Грозном был разоружён и расформирован большевистски настроенный 21-й полк. Разоружение полка послужило сигналом к усилению погромной деятельности контрреволюционных казачьих верхов, распоясавшихся после июльских дней в Петрограде. 17 августа банда казачьих офицеров напала на Грозненский Совет рабочих и солдатских депутатов и разогнала его.

В августе под председательством одного из руководителей «Центрального комитета Союза горцев» —кабардинского конно-

заводчика Пшемахо Коцева открылся ингушско-казачий съезд. Он должен был символизировать «мир» между ингушами и казаками. Выступавший на съезде атаман Терского казачьего войска Караулов заявил, что все беды происходят от безвластья, а безвластье — результат деятельности всяческих комитетов. Необходима сильная единая власть. Такой властью, по мнению атамана, может быть только Терское войсковое правительство.

После подавления корниловского восстания обстановка в городе вновь изменилась. 8 сентября на заседании Грозненского Совета большевик Иван Малыгин, впоследствии один из 26 бакинских комиссаров, предательски расстрелянных интервентами в 1918 году, выступил с докладом о корниловском мятеже. Малыгин был членом президиума Грозненского Совета. В начале 1917 года и в первые месяцы революции Малыгин — солдат 113-го пехотного запасного полка в Пятигорске. Вместе с другим солдатом этого же полка Г. Анджиевским он стал организатором большевиков Пятигорска и Пятигорского Совета рабочих и солдатских депутатов. С лета 1917 года Малыгин работал в Грозном. Он был одним из руководителей грозненских большевиков. В августе 1917 года Малыгин ездил в Петроград на Всероссийское совещание представителей областных Советов. Вернувшись в Грозный, Малыгин рассказал о революционном настроении в стране, о разгроме корниловского мятежа.

Яркий доклад и предложенная Малыгиным большевистская резолюция вызвали бурю аплодисментов присутствовавших на заседании Совета рабочих и солдат. Вслед за Малыгиным выступил другой большевик — Николай Анисимов. Он тоже только что вернулся из Петрограда. Большевики Грозного посылали его своим делегатом на VI съезд партии. На съезде Анисимов делал сообщение о росте грозненской большевистской организации. Студент-большевик Анисимов являлся подлинным руководителем большевиков Грозного. Прекрасный организатор, он пользовался огромным авторитетом среди рабочих Грозного. Его выступление в Грозненском Совете 8 сентября вызвало шумное одобрение. Меньшевики испугались. Председатель Совета меньшевик Богданов попросил «гостей» — рабочих и солдат — не аплодировать, угрожая выпроводить их из зала. В ответ в зале раздался взрыв негодования. Большевики — делегаты Совета — протестовали. Вместе с присутствующими рабочими и солдатами они демонстративно ушли. Заседание было прервано. После перерыва большевики и сочувствовавшие им вернулись в зал заседания. Голосовались две резолюции: меньшевистская от имени президиума и большевистская, внесённая Малыгиным. За большевистскую резолюцию голосовали 207 человек. Большинством в 44 голоса прошла, однако, меньшевистская резолюция, предложенная президиумом Совета.

Меньшевистско-эсеровская верхушка Совета в Грозном с каж-

дым днём всё больше восстанавливала против себя рабочих. Собрания рабочих на промыслах и заводах открыто выражали недоверие Исполкому Совета. Меньшевиков и эсеров не желали слушать. В конце сентября Исполком Совета вынужден был сложить свои полномочия. На заседании Совета 29 сентября председатель Совета меньшевик Богданов мотивировал решение Исполкома тем, что «членам Исполкома нельзя выступать ни на одном митинге среди рабочих... доверия со стороны рабочих никакого»[1]. Это откровенное признание лидера меньшевиков и председателя Совета вызвало бурю аплодисментов рабочих-большевиков и взрыв ярости со стороны эсеро-меньшевистского блока. Ввиду катастрофического положения эсеро-меньшевистской верхушки, в помощь ей из области были присланы эсеры, члены областного Исполкома. Они выступили в защиту Исполкома Совета. Большевики требовали перевыбрания Совета и разрыва соглашения с буржуазией. Эсеры и меньшевики в предложенной ими резолюции протестовали против обвинения Исполкома в «неблагонадёжных» действиях. Все же под давлением рабочих они должны были внести в резолюцию пункт о необходимости в кратчайший срок произвести перевыборы Совета. На этот раз меньшевистско-эсеровская резолюция прошла большинством всего в 6 голосов[2]. Это был конец господства эсеров и меньшевиков в Грозном.

На Кубани сильнейшей большевистской организацией была екатеринодарская. Накануне Февральской революции 1917 года в Екатеринодаре было сосредоточено больше трети всех предприятий и около половины всех рабочих Кубани. Екатеринодарская большевистская организация в конце апреля насчитывала около 200 человек. Начала издаваться большевистская газета «Прикубанская правда», быстро завоевавшая авторитет среди трудового населения. Большевики вели огромную работу в городской думе. Подготовительная работа к выборам городской думы протекала в трудной обстановке. Меньшевики и эсеры создали крепкий блок. Поддерживаемые частью местной интеллигенции и мещанством, они повели ожесточённую борьбу против большевиков. Тем не менее партия большевиков получила 20 мест из числа 101 гласных городской думы. Это дало возможность с трибуны городской думы обращаться к трудовым массам города, главным образом к рабочим окраин (Дубинка, Покровка), с большевистскими лозунгами.

Были случаи, когда депутации с окраин являлись в городскую думу с требованиями. За поддержкой обращались непосредственно к большевикам. В результате активной работы большевиков в думе удалось добиться ряда практических мер, улучшавших материальное положение рабочих. Так, беднота окраин получила бесплатно в аренду по три десятины земли на человека. Рабочие-квартиронаниматели были освобождены от квартирного налога, с рабочих сняли налог на воду. Были организованы детские дома

С городской бедноты были сняты подворные недоимки за 1916 год и переложены на буржуазию.

В августе руководство Советом рабочих депутатов полностью переходит в руки большевиков. В новом Исполнительном комитете большевики получили две трети мест, а меньшевики и эсеры только по одному месту.

Завоевав Совет, большевики поставили своей задачей приобрести реальную поддержку воинских частей. В городе кроме казаков находился Самурский полк, а также артиллерийский дивизион, который был отослан с Кавказского фронта как «революционный». Обе части стали вооружённой опорой пролетариата.

Выполняя план изоляции юго-востока страны, контрреволюция организовала Кубанское краевое правительство, в состав которого вошли Бардиж, Филимонов, Д. Сверчков и др. С целью обезопасить себя от революционных солдат комиссар Временного правительства Бардиж и атаман Кубанского войска полковник Филимонов вытребовали на помощь казачьим частям один из полков «Дикой дивизии». Большевистски настроенный артиллерийский дивизион был разоружён. Меньшевики и эсеры также решили оказать действенную помощь кубанским контрреволюционерам и с помощью тифлисского комиссара Временного правительства вызвали 39-ю дивизию, которая расположилась на подступах к Екатеринодару по линии железной дороги, заняв станции Кавказская, Тихорецкая, Армавир и др. Большевики проникли в части этой дивизии.

После разоружения артиллерийского дивизиона перевес в силах оказался на стороне контрреволюции. Тогда было решено при Исполнительном комитете Совета организовать военно-революционный комитет. В него вошли также представители испуганных событиями меньшевиков и эсеров. Военно-революционный комитет в подобном составе, естественно, не мог стать организатором и руководителем борьбы против казачьей контрреволюции, тем более что меньшевики и эсеры фактически его бойкотировали.

Чувствуя нарастающую опасность, большевики решили наряду с легальным военно-революционным комитетом при Совете, куда входили меньшевики и эсеры, создать подпольный большевистский военно-революционный комитет.

От Екатеринодарского Совета на II съезд Советов был послан большевик. Совет высказался за лозунг «Вся власть Советам!» На II съезд Советов из другого города Кубани — Армавира — делегатом поехал также большевик. Армавирский окружной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поддержал лозунг «Вся власть Советам!»

В Черноморье большевики овладели Советами двух крупных городов — Туапсе и Новороссийска. Оттуда на II Всероссийский съезд Советов послали большевиков.

Контрреволюция не успела превратить Северный Кавказ в

свой плацдарм. Самоотверженная деятельность большевиков создала в области ряд опорных для революции пунктов. Тыл врагов оказался необеспеченным. Силы контрреволюции были ослаблены, и возможности немедленного выступления против революции сорваны.

11.

В БЕЛОРУССИИ.

В 1917 году Белоруссия была прифронтовой полосой. Через всю страну непрерывной лентой тянулись окопы и проволочные заграждения трёх армий Западного фронта. Сотни тысяч солдат стояли гарнизонами в городах. В Могилёве находилась Ставка верховного главнокомандующего, где генералы спешно готовили боевые силы для разгрома революции. В Белоруссии находились крупные узловые станции — Минск, Гомель, Витебск, Орша, через которые могли следовать эшелоны с фронта против революционного Петрограда. Всё это придавало исключительное значение ходу борьбы за победу революции в Белоруссии. Необходимо было вырвать из рук контрреволюции этот важнейший плацдарм.

В области раньше других оформилась гомельская большевистская организация. Уже в апреле 1917 года в Гомеле был создан большевистский комитет. Он именовал себя Полесским, сохранив старое дореволюционное название большевистской организации.

Полесский комитет развернул свою работу далеко за пределами Гомеля — по всей Могилёвской губернии и в самом губернском центре. Особый размах получила работа комитета с прибытием в августе 1917 года в Гомель Л. М. Кагановича. Его избрали председателем Полесского комитета.

Каганович установил связи с рабочими, посылал на места инструкторов, организаторов, пропагандистов, вникал во все детали партийной работы, посещал занятия кружков, проверял деятельность партийных работников.

Наиболее трудные для развёртывания партийной работы пункты Каганович брал на себя. Одним из таких пунктов был Могилёв. Там находилась Ставка верховного главнокомандующего. Город был наводнён контрреволюционным офицерством, что затрудняло революционную пропаганду. Самостоятельной большевистской организации в Могилёве не было. Большевики находились в объединенной социал-демократической организации. Каганович сумел установить связь даже с батальоном георгиевских кавалеров, охранявшим Ставку, и создал в нём большевистскую организацию

В Минске выделение большевиков из объединённой организации произошло в июне.

Близость фронта в значительной степени определила характер работы Минского комитета. Были организованы специальные курсы агитаторов среди солдат. Пропагандистскую работу в армии вели старые революционеры-большевики. Неоднократно ездил на фронт Михаил Васильевич Фрунзе — участник революции 1905 года, выдающийся организатор боевых дружин, дважды приговорённый к смертной казни за борьбу против самодержавия. Во время войны, находясь на службе в Союзе земств и городов под вымышленной фамилией «Михайлова», он создал в Минске подпольную большевистскую организацию. После свержения самодержавия Фрунзе стал одним из основных руководителей революционного движения в Белоруссии и на Западном фронте. Среди солдат Михаил Васильевич пользовался исключительной популярностью.

Временное правительство арестовало в июле 1917 года сотни революционно настроенных солдат на фронте. Минская тюрьма была переполнена. Для арестованных были заняты все гауптвахты, некоторые казармы и даже женская гимназия.

Солдат держали в скверных условиях, на голодном пайке.

Для оказания помощи арестованным солдатам Минский комитет большевиков организовал политический Красный крест. Оказывали помощь и петроградские рабочие, посылая арестованным солдатам деньги и посылки.

Для работы среди арестованных солдат Минский комитет выделил группу товарищей. В полутёмной камере, битком набитой солдатами, при свете маленькой лампочки большевистские агитаторы горячо рассказывали о целях войны, почему крестьяне не хотят несправедливой войны и кто её поддерживает.

Солдаты жадно слушали, задавали вопросы, требовали литературы.

Скоро среди арестованных появились сочувствующие большевикам. В тюрьме была создана партийная организация.

Все арестованные солдаты были организованы в полк. Выбрали командный состав, начиная от командира полка и кончая командирами взводов, отделений.

Охранял арестованных солдат 37-й полк, находившийся под сильным влиянием большевиков. Стража разрешала арестованным свободно гулять по городу. Минский комитет использовал заключённых в качестве агитаторов на фронте. Их разбивали на пятёрки и десятки, во главе ставили большевиков, снабжали литературой и отправляли на фронт. Бывшие не раз на передовых позициях арестованные хорошо знали, как подойти к окопным жителям. Агитаторы обходили заставы, проникали в окопы и головные части, доставляли всюду большевистскую литературу и дополняли жгучие призывы партии живыми, простыми рассказами.

Выступление Л. М. Кагановича на солдатском митинге в Гомеле.

Рисунок Б. Е. Владимирского.

Громадную роль в жизни минской организации сыграла большевистская газета «Звезда», которая стала выходить в конце июля. Инициатором её создания был А. Ф. Мясников — один из крупнейших руководителей большевиков Белоруссии. Но у Минского комитета не было денег. Устроили тогда лотерею и кружечный сбор.

«Не было денежных средств,—рассказывал товарищ Мясников. — Собрав последние копейки, снарядили одного из товарищей в Питер, в Центральный Комитет, с челобитной: ссудить нам некоторую сумму денег для начала задуманного литературного предприятия. Надеялись и вместе с тем думали, что навряд ли Центральный Комитет примет во внимание просьбу молодой неизвестной организации. Посланец вернулся с 2 тысячами рублей. Была же радость на нашей улице: на эти деньги мы могли иметь шесть целых номеров своей ежедневной газеты»[1].

Первый номер «Звезды» вышел 27 июля. Под псевдонимами «А. Мартуни», «Алёша», «Большевик» почти в каждом номере газеты появлялись зовущие к борьбе статьи редактора Мясникова.

А. Ф. Мясников — старый большевик, вступивший в революционное движение ещё в 1904 году. Работал в Нахичевани, позже — в Баку. С начала войны был мобилизован в армию в качестве

М. В. Фрунзе.

прапорщика запаса. В полку Мясников наладил связи с большевиками, распространял литературу. Спокойный, твёрдый, скромный, хорошо подготовленный организатор, Мясников создал в Дорогобуже в учебной команде полка, начальником которой он состоял, большевистскую группу. Мясников подчёркнуто враждебно относился к реакционному офицерству, чуждался офицерской среды и в то же время умело и осторожно подбирал одиночек-революционеров. Он собирал у себя на квартире солдат команды, будущих унтер-офицеров, и незаметно, исподволь превращал их в борцов против самодержавия. Команду перевели ближе к полку. Но Мясников терпеливо продолжал свою работу. К началу революции в полку оказалось 13 членов организации.

Руководимая Мясниковым газета завоевала широкую популярность среди солдат Западного фронта, среди рабочих и крестьян Белоруссии.

«Труден путь твой, дорогая «Звезда», ибо твой свет одинок среди грозной царящей реакции... Мы желаем тебе, дорогая «Звезда», рассеять, разбить эту мрачную ночь... Чтоб не погас твой блеск в этот тяжёлый момент»[1], — приветствуют газету заключённые на Каланчевской гауптвахте Минска.

Арестованные солдаты, посылали в газету свои последние гроши. Отдавали даже те деньги, которые они получали от петроградских рабочих. Из этих денег был создан «железный фонд для издания газеты». С 3 тысяч экземпляров в июле тираж газеты возрос до 6 тысяч в августе.

Большевистская газета представляла грозную опасность для командования Западного фронта.

«Партией социал-демократов при Минском Совете солдатских и рабочих депутатов стала издаваться газета «Звезда», ярко ленинского направления. Мною приняты меры к тому, чтоб она не проникала на фронт»[2], — так доносил в Петроград 22 августа комиссар фронта.

Керенский приказал закрыть газету.

Руководители газеты с группой молодёжи, активно работавшей в комитете, достали машину и быстро очистили типографию «Звез-

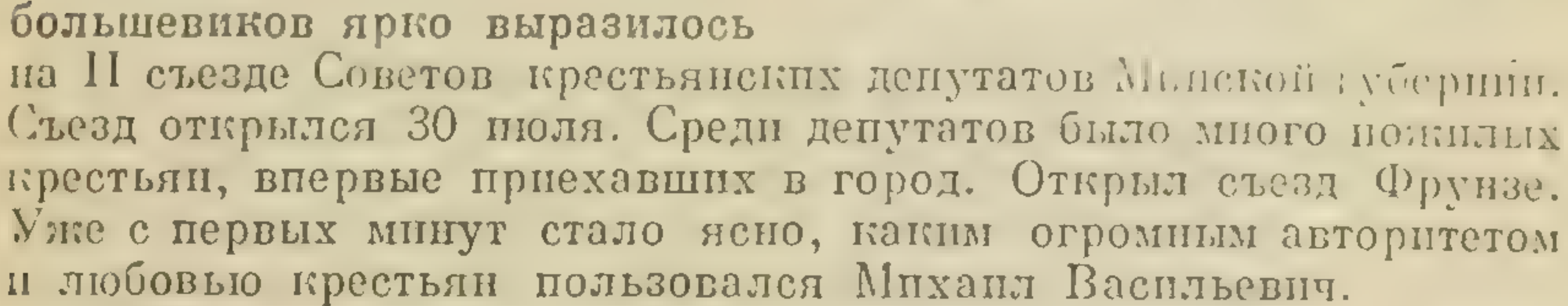
ды». Весь набор номера был увезён в другую типографию. Когда явился отряд милиции, то в типографии газеты уже не было.

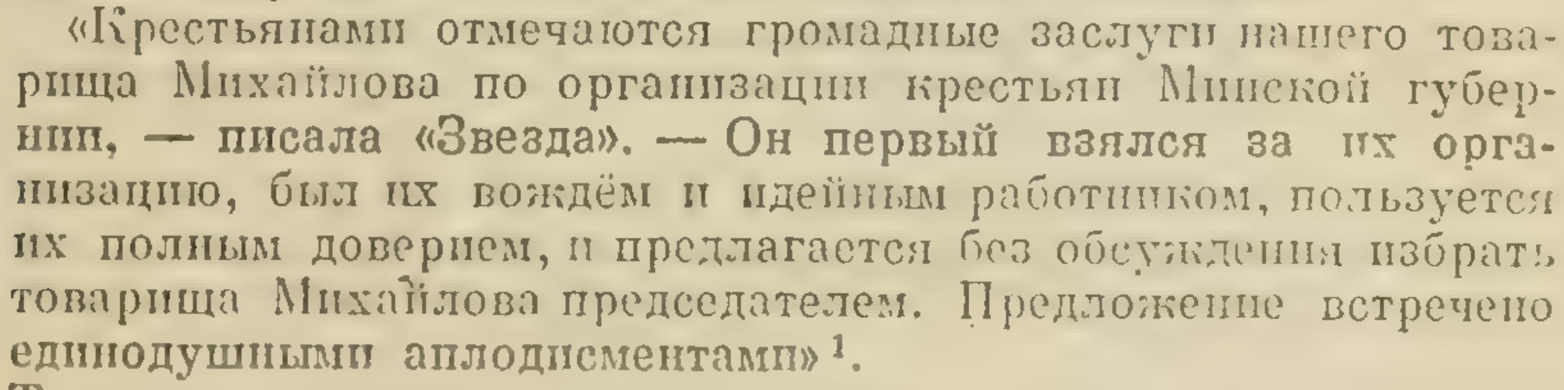
А. Ф. Мясников.

Минская организация уделяла немалое внимание работе среди крестьян. Эту работу возглавил Фрунзе.

По должности начальника милиции Михаил Васильевич много времени проводил в разъездах по белорусским деревням. Он собирал крестьян, беседовал, вёл революционную пропаганду. Фрунзе нашёл среди бедноты сочувствующих большевизму, помог им сорганизоваться и высылал им литературу.

Доверие крестьян к партии большевиков ярко выразилось на II съезде Советов крестьянских депутатов Минской губернии. Съезд открылся 30 июля. Среди депутатов было много пожилых крестьян, впервые приехавших в город. Открыл съезд Фрунзе. Уже с первых минут стало ясно, каким огромным авторитетом и любовью крестьян пользовался Михаил Васильевич.

«Крестьянами отмечаются громадные заслуги нашего товарища Михайлова по организации крестьян Минской губернии, — писала «Звезда». — Он первый взялся за их организацию, был их вождём и идейным работником, пользуется их полным доверием, и предлагается без обсуждения избрать товарища Михайлова председателем. Предложение встречено единодушными аплодисментами»[1].

Тогда представитель эсеров заявил:

— Крестьянскому съезду лучше иметь председателем идущего под знаменем «Земли и воли».

Предложение это вызвало резкие протесты делегатов. Раздались голоса: «Не выбирайте тех, кто не хочет земли для крестьян». Эсеры пугали крестьян: «Михайлов — большевик». Но в ответ крестьяне кричали: «Не беда. Он наш!»[2]

Долго убеждали крестьян эсеровские руководители. Эсеры затягивали собрание, совещались, снова выступали с уговорами. Но делегаты стояли на своём. Подавляющим большинством голосов председателем съезда избрали Михаила Васильевича. Старики-крестьяне качали большевика Фрунзе и затем на руках поднесли его к трибуне.

Почти одновременно с минскими большевиками вышли из объединённой социал-демократической организации витебские большевики и интернационалисты. На собрании 20 июня, где обсуждался вопрос о выходе из объединённой организации, присутствовало 56 большевиков, 28 объединённых интернационалистов и 11 меньшевиков-интернационалистов.

Выступавшие товарищи констатировали, что «местный комитет РСДРП слишком поправел», и предлагали создать самостоятельную организацию большевиков и социал-демократов-интернационалистов[1].

На собрании был выбран временный комитет. 4 июля было созвано заседание временного комитета и комитета латышской социал-демократии. Договорились объединить обе организации и создать общий городской комитет большевиков.

Свою организованность и сплоченность большевики Белоруссии проверили в дни корниловской авантюры. В Минске был создан революционный комитет Западного фронта. Фрунзе был назначен начальником штаба революционных войск, готовых встать на защиту революции.

Минский гарнизон в боевой готовности ждал приказа о выступлении.

Большевики Витебска создали при Совете военно-революционное бюро. На железную дорогу, почту, телеграф штаба были посланы представители Совета.

В Орше были сформированы боевые отряды, готовые выступить против Корнилова.

В Могилёве, в центре корниловского заговора, Совет на время прекратил своё существование. Большевики устроили нелегальное собрание, чтобы обсудить создавшееся положение. Было решено выпустить воззвание к населению, чтобы показать рабочим, солдатам, а также контрреволюционному генералитету, что в Могилёве имеется революционная партия. Воззвание было тайно отпечатано в одной из могилёвских типографий.

Несколько рабочих, печатавших воззвание, было арестовано.

В Гомеле по инициативе большевиков была организована чрезвычайная «пятёрка». Полесский комитет послал комиссаров-большевиков в важнейшие пункты города, на почту и телеграф.

Полесский комитет арестовал Завойко—«идейного советника» при генерале Корнилове и разослал ряд товарищей в Минск, Речицу, Оршу для связи.

Борьба с корниловщиной необычайно подняла авторитет большевистской организации Гомеля. И это тотчас же сказалось на соотношении сил в Гомельском Совете, в котором до тех пор преобладали соглашатели.

Председателем Гомельского Совета был меньшевик Севрук. Он называл себя большевиком, но уже в марте 1917 года на Всерос-

сийском совещании Советов выступил как меньшевик-оборонец. Севрук был исключён из партии большевиков, но скрыл это при возвращении из Петрограда в Гомель.

Руководимый Севруком, Совет преследовал большевистскую организацию Гомеля.

1 сентября проходило очередное заседание Гомельского Совета. Обсуждался вопрос о текущем моменте, и в частности о Демократическом совещании. Под влиянием большевиков Совет провалил резолюцию, предложенную соглашательским президиумом, об объединении всех «живых сил страны». По 9 сентября на заседании Совета снова стоял вопрос о Демократическом совещании. Докладчиком выступал Севрук.

В конце доклада он предложил резолюцию, уже проваленную на прошлом заседании. Большевики снова отвергли резолюцию. Дважды провалившись, Севрук вынужден был сложить с себя обязанности председателя.

При избрании президиума Совета товарищем председателя был утверждён большевик.

После корниловской авантюры возникли новые большевистские организации в Рогачёве, Клинцах, Двинске.

Окончательно оформилась в сентябре большевистская организация Орши.

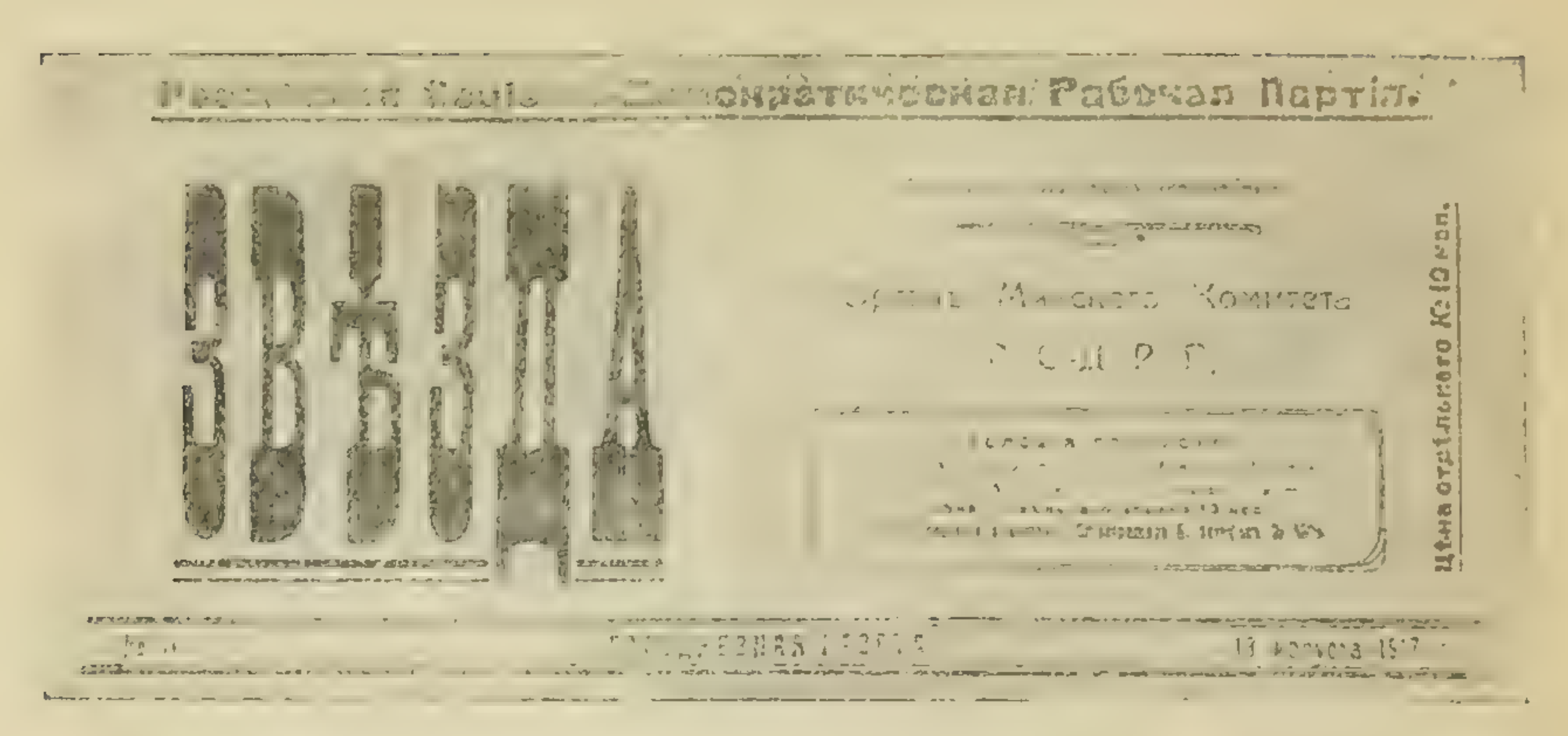
Большую роль в жизни партийной организации Орши играл старый большевик П. Н. Лепешинский—бывший учитель реального училища, пользовавшийся большой популярностью в городе. Он был председателем городской думы, принимал самое активное участие в работе большевистского комитета, выступал на многочисленных докладах и митингах, сражался с приезжавшими в Оршу лидерами меньшевиков. В сентябре в Оршу приехал с докладом известный меньшевик Либер. Большевики подготовились к собранию, мобилизовали всех сочувствующих. Выступление товарища Лепешинского было встречено аудиторией с энтузиазмом. Она присоединилась к требованию о передаче всей власти в руки Советов.

Об оживлении работы организации, разгромленной 3—5 июля, сообщали Витебскому комитету полоцкие большевики. В октябре полоцкая организация насчитывает уже около 75 человек.

Широко развёртывается партийная работа в армиях Западного фронта. Большевики III Сибирского армейского корпуса писали 9 сентября в Центральный Комитет:

> «Работа наша продолжается по созданию новых, укреплению и расширению ранее возникших партийных ячеек в войсковых частях корпуса... В корпусе в данный момент существует 14 организаций-ячеек с общим количеством членов около 1 000»[1].

В горячие дни подготовки к штурму большевистские организации пополнялись десятками и сотнями новых бойцов за революцию. Ежедневно в партийные комитеты приходили рабочие и сол-

ЗВЕЗДА

Цѣна отдѣльного № 10 коп.

Газета минской организации большевиков «Звезда».

даты и записывались в ряды боевой ленинской партии. По одному только Витебску в августе в большевистскую организацию записалось 212 человек, в сентябре это число возросло уже до 353, а в октябре — до 735 человек.

Партийная организация Белоруссии в сентябре насчитывала свыше 9 тысяч членов партии и сочувствующих.

Центральный Комитет большевиков уделял огромное внимание Белоруссии. Туда направляли организаторов, слали подробные инструкции о работе. Свердлов не раз вызывал к себе руководителей белорусских большевиков. Их регулярно предупреждали о планах и распоряжениях Центрального Комитета.

Свердлов часто давал практические указания на места.

«В переживаемое нами время, — писал он большевикам города Орши, — ни один сколько-нибудь честный интернационалист не может оставаться в блоке с оборонцами, предающими своей соглашательской политикой пролетариат...»[1]

Особое значение придавал Центральный Комитет работе в армии.

«При построении военной организации, — писал Свердлов в том же письме, — имейте в виду то обстоятельство, что она должна быть тесно связана с рабочей организацией. Личный состав военной организации в классовом отношении представляет элемент мало восприимчивый к идеям пролетарского социализма. Тесная связь с рабочими поэтому крайне важна»[2].

Обеспечить эту тесную связь между рабочими и солдатами легче всего можно было в организации, единой для области и фронта.

Создание областной организации взял на себя Минский комитет большевиков. Он сообщил большевикам Витебска, Полоцка, Могилёва, Гомеля, Бобруйска, Слуцка, Борисова и других городов, что областная конференция созывается на 1 сентября. Одно-

временно решено было созвать и фронтовую большевистскую конференцию.

Мятеж генерала Корнилова не позволил снять с мест большевистские силы. К 1 сентября в Минск прибыло всего 46 делегатов с решающими голосами и 6 с совещательными. Вместо конференции решено было провести совещание, на котором заслушать доклады с мест, сообщение о текущем моменте, об уставе военных партийных организаций, о созыве областной конференции.

Совещание закончило свои работы 3 сентября, избрав областное бюро. На 15 сентября было решено созвать в Минске областную конференцию.

Как внимательно следил Центральный Комитет за созданием областной партийной организации, можно судить по письму Свердлова большевикам III армейского корпуса:

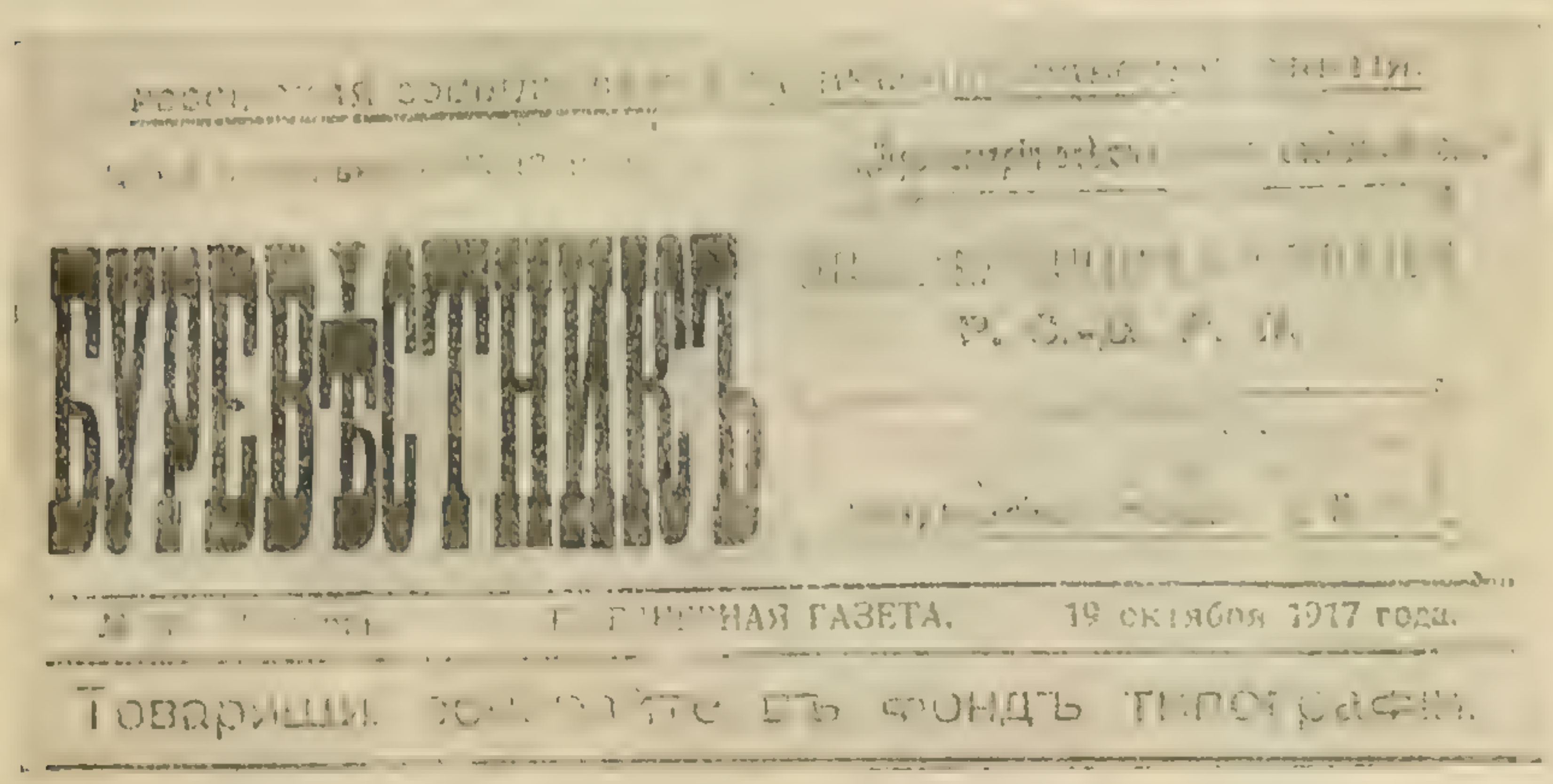
> «Очень хорошо, что областное объединение стало фактом. Имея всегда большое значение, оно в настоящий момент приобретает особо важное значение, тем более, когда входящие в организацию группы разбросаны в различных местах»[1].

Областная конференция большевиков Белоруссии состоялась 15 сентября 1917 года. Она открылась в Минске. Прибыло 88 делегатов: 61—от армии и 27 — от области.

Первым на конференции обсуждался вопрос о репрессиях против большевиков.

В принятой резолюции конференция требовала свободы слова, печати, собраний и обеспечения условий действительной свободы политической борьбы, прекращения репрессий против большевиков, прекращения всех возбуждённых судебных дел политического характера, немедленного освобождения всех арестованных и амнистирования осуждённых.

Газета минской организации большевиков «Буревестник», выходившая вместо закрытого Временным правительством «Молота».

БУРЕВѢСТНИКЪ

Р. С.-Д. Р. П.

...НАЯ ГАЗЕТА. 19 октября 1917 года.

Товарищи ... въ фондъ типографіи.

Конференция считала, что осуществление всех этих требований возможно только с переходом власти из рук империалистской буржуазии в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

Делегаты рассказывали о колоссальном росте влияния большевиков на массы. Гарнизоны почти повсеместно стали большевистскими. Эсеры и меньшевики изолированы. В полках на фронте создаются боевые дружины для борьбы с контрреволюцией.

С докладом по текущему моменту выступил товарищ Мясников. Конференция подчеркнула, что

«единственными организованными центрами революционной страны остаются и ещё более становятся Советы... Советы крепнут, пролетариат и солдаты, в своём большинстве уже осознавшие себя и интересы революции, усиливают Советы. Во многих местах Советы берут власть в свои руки...»[1]

Каждая строка резолюций, все выводы конференции звали к одному: «Вся власть Советам!»

По докладу об Учредительном собрании конференция постановила во всех пунктах области и фронта, где имеются партийные организации, создать краткосрочные курсы агитаторов-инструкторов, провести конференции в Витебском и Могилёвском избирательных округах для выдвижения кандидатур в Учредительное собрание, наметить кандидатуры по Минскому и фронтовому округам.

Печатным органом областного комитета была утверждена газета «Молот», начавшая выходить 15 сентября вместо закрытой правительством «Звезды».

Как и «Звезда», «Молот» сыграл большую организующую роль в партийной жизни Белоруссии и Западного фронта. Командный состав фронта посылал в центр по поводу газеты телеграмму за телеграммой. Наконец 3 октября начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Вырубов сообщил командующему Западным фронтом генералу Балуеву:

«Я ходатайствовал о закрытии газеты «Молот». До тех пор, пока будет распространяться на фронте эта газета, никакие меры не приведут к порядку. Главковерх приказал «Молот» закрыть и типографию реквизировать, о чём сегодня послана вам телеграмма»[2].

6 октября «Молот» был закрыт. Типография, в которой выпускалась газета, опечатана. Военные власти решили наложить арест на типографию и приставили к ней охрану. Но солдаты отказались нести полицейскую службу. Заботу о типографии, в которой печатался «Молот», взял на себя Минский Совет. Совет поставил к типографии военный караул и потребовал снятия печатей с типографии. Требование Совета было поддержано всем гарнизоном, с возмущением встретившим приказ о закрытии большевистской газеты. 289-й пехотный полк грозил применить оружие.

Испуганное командование уступило требованию гарнизона. Через два дня, 8 октября, вместо закрытого «Молота» в Минске стала выходить новая большевистская газета «Буревестник».

Голос «Буревестника» звучал вплоть до победы пролетарской революции. Читая газету, рабочие, крестьяне и солдаты Западного фронта знакомились со статьями Ленина. В № 3 газеты от 11 октября была напечатана статья «Кризис назрел», в № 8 от 17 октября — статья «Национализация банков», в № 13—16 — «Письмо к товарищам».

Статьи Владимира Ильича в «Буревестнике» и переизданная Минским комитетом брошюра «Удержат ли большевики государственную власть?» становятся программой действий для большевиков Белоруссии.

Практическими выводами из работ I областной конференции была организация перевыборов в Советы.

Первым в Белоруссии был переизбран Минский Совет, с начала своего возникновения находившийся под влиянием большевиков.

Партийная организация Минска использовала перевыборы для разъяснения массам политического положения в стране. В короткое время Минский комитет провёл до сорока докладов по текущему моменту. Самый процесс перевыборов показал, что массы вполне доверяют большевикам. Во вновь избранный Совет вошли 184 большевика, 60 эсеров, 21 меньшевик и др.

Влияние вновь избранного Совета было огромно.

Весь октябрь большевистский Совет был занят подготовкой вооружённых сил, собиранием и учётом оружия.

В тех Советах, где перевыборы не производились или не дали большевикам численного превосходства, в сентябре всё же значительно возрастают влияние и авторитет большевистских фракций.

Много внимания работе в Совете уделял Витебский партийный комитет.

Во второй половине сентября большевики Витебска начинают деятельно готовиться к губернскому съезду Советов.

Боясь, что большевики действительно получат на губернском съезде большинство, меньшевистские и эсеровские руководители Совета путём различных предвыборных махинаций добились того, что на съезде оказалось более 300 крестьянских депутатов и только человек 40 от рабочих и солдат. Съезд открылся 4 октября. На съезде было всего 26 большевиков, но они вели за собой не один десяток делегатов. Это сказалось на голосовании эсеровской резолюции по текущему моменту, когда почти пятая часть съезда голосовала против неё, отдав свои голоса большевикам.

В середине октября, ещё не имея большинства в Совете, Витебский комитет большевиков деятельно готовится к взятию власти Советами. На заседании 20 октября партийный комитет пополняется товарищами из военных частей и этим теснее связывается с

массами вооружённого народа. На этом же заседании создаётся военная организация.

В Гомеле борьба большевиков за влияние усложнялась ещё тем, что еврейская рабочая масса города была заражена националистическими идеями. В Гомеле была сильная бундовская организация, во главе которой стояли прожжённые политиканы. Они пользовались большим влиянием в мелкобуржуазной среде. В Гомель приезжали Либер, Вайнштейн, председатель Центрального комитета Бунда, постоянно работавший в Минске, и др. Это требовало особого напряжения всех большевистских сил.

Но уже в сентябре на всех собраниях, на которых выступали приезжие меньшевистские и бундовские лидеры, явно чувствовалось, что перевес сил на стороне большевиков.

5 октября в Минске состоялась II областная конференция партийных организаций Белоруссии и Западного фронта.

Сохранившиеся краткие протокольные записи очень скупо говорят о той громадной работе, которую проделали большевистские организации за промежуток времени от первой до второй конференции. Более красноречиво об этом говорит рост членов партии. За двадцать дней, прошедших между конференциями, партийная организация Белоруссии выросла почти в шесть раз. На второй конференции было представлено 28 591 член партии и 27 856 сочувствующих.

Ко времени первой конференции армейские организации Западного фронта имели 6 500 членов партии и сочувствующих, а ко второй это число выросло до 49 тысяч. Областные невоенные организации имели на первой конференции 2 642 члена партии и сочувствующих; через 20 дней это число возросло до 7 453 человек.

Конференцию открыл товарищ Мясников — её председатель. Было послано приветствие Ленину.

По вопросу о перевыборах в Советы и армейские комитеты конференция предложила организациям

> «приложить все усилия к обеспечению на местах созыва Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в назначенный срок — 20 октября»[1].

Конференция предложила провести перевыборы армейских комитетов с тем, чтобы их представители могли на съезде Советов «отразить волю и защитить интересы трудящихся масс»[2].

Белорусские организации совершенно правильно рассматривали борьбу за своевременный созыв II Всероссийского съезда Советов как одну из основных задач.

Выполняя решения Центрального Комитета большевиков от 24 сентября о созыве областных съездов для подготовки к Всероссийскому съезду Советов, 16 октября в Минске была проведена областная конференция Советов.

Подавляющее число делегатов составляли большевики. Кон-

ференция признала неотложным созыв Всероссийского съезда Советов 20 октября и присоединилась к обращению съезда Советов Северной области о борьбе за Всероссийский съезд Советов.

22 октября Минский Совет праздновал двенадцатилетие образования Петроградского Совета. С докладом о Питерском Совете 1905 года выступил товарищ Мясников. Он поставил вопрос о необходимости вооружённого захвата власти. Совет своей резолюцией поддержал докладчика.

На II Всероссийский съезд Советов трудящиеся Белоруссии послали 46 делегатов: из них 20 большевиков и 6 «левых» эсеров. Почти все делегаты повезли с собой наказы о передаче всей власти Советам.

Делегаты Советов Минского, Гомельского, Витебского, Городокского, Несвижского, Слуцкого, Речицкого, Оршанского городского, X армии, гвардейского корпуса, XXXV армейского корпуса, 37-го пехотного полка передали съезду Советов требование своих избирателей: «Вся власть Советам!» И только три Совета — Витебский губернский, Могилёвский городской и Оршанский районный, ещё находившиеся под соглашательским влиянием, пришли на съезд с требованием «вся власть демократии».

Большевики накануне Октября вырвали Белоруссию из рук врагов, превратив её в опору революции.

12.

ПРИБАЛТИКА.

Обстановка в Прибалтике накануне Октябрьской социалистической революции во многом отличалась от других национальных районов страны.

Ряд условий благоприятствовал здесь быстрейшей большевизации масс и облегчал назревание революционного кризиса. Но были в Прибалтике и свои трудности, наложившие отпечаток на весь процесс развития революции как до Октября, так и в послеоктябрьский период.

Это объяснялось особенностями развития края в условиях царской России.

Прибалтийские страны (Латвия, Эстония и Литва), составлявшие прибалтийские губернии Российской империи — Курляндскую, Лифляндскую, Эстляндскую, Ковенскую, Виленскую и часть других, были прежде всего районами высоко развитых капиталистических отношений, чем значительно отличались от восточных национальных районов.

Накануне первой мировой войны прибалтийские страны, в первую очередь Латвия и Эстония, являлись крупнейшими промышленными районами России. Так, в Латвии в 1913 году было свыше 110 тысяч рабочих (при общем количестве населения около 2 миллионов человек), в Эстонии — 70 тысяч (при общем количестве населения около 1 миллиона человек). Только в самой большой из прибалтийских стран — Литве — крупная капиталистическая промышленность почти не была развита, и Литва представляла собой типичный отсталый аграрный район.

Рига была главным промышленным центром Латвии, Ревель (Таллин) и Нарва — Эстонии.

Среди рижских фабрик и заводов выделялись такие крупные предприятия, как фабрика резиновых изделий «Проводник» (12 тысяч рабочих), Балтийский вагоностроительный завод (4 тысячи рабочих), вагоностроительный завод «Феникс» (6 тысяч рабочих). Балтийский судостроительный завод в Ревеле насчитывал 5 тысяч рабочих. Кренгольмская мануфактура в Нарве — крупнейшее текстильное предприятие дореволюционной России — 14 тысяч рабочих и т. д. Всего в Риге в 1914 году было 90 тысяч рабочих, в Ревеле — 40 тысяч. Первое место в Латвии занимала металлопромышленность (свыше 25 тысяч рабочих).

В Эстонии преобладали рабочие текстильщики (19 тысяч) и металлисты (11,5 тысячи).

Но за пределами рабочих окраин крупных промышленных центров Эстонии и Латвии начиналась прибалтийская деревня. В городах — новейшая капиталистическая промышленность, огромные корпуса предприятий, построенных по последнему слову техники, с десятками тысяч кадровых рабочих, а рядом — в латышской и эстонской деревне, как и много веков назад, безраздельно господствовали современные феодалы: немецкие бароны — потомки немецких псов-рыцарей, вторгшихся в пределы Прибалтики 700 лет назад.

Немецкие бароны, пользуясь исключительными привилегиями, держали народные массы Латвии и Эстонии в полном порабощении, подвергали их зверской эксплоатации и бесчеловечному гнёту. В руках баронов-помещиков находилась основная масса земли. Они владели огромными латифундиями, иногда в несколько десятков тысяч десятин. 35 имений в Латвии имели свыше 10 тысяч десятин земли каждое. Барону Дундагу принадлежало свыше 66 тысяч десятин земли, Попену — свыше 46 тысяч, семья барона фон Вольф владела 36 имениями с общей земельной площадью в 165 227 десятин.

Бароны Остен-Сакены, фон Фредериксы, фон Розены, фон Ренненкампфы, Меллер-Закомельские прославились как кровавые палачи, вешатели, душители свободы народных масс. Они потопили в крови восстание рабочих и крестьян Прибалтики в 1905 году. За-

нимая высокие посты в царских правительственных учреждениях и в армии, пользуясь связями с царским двором, немецкие бароны во время первой мировой войны вели широкий шпионаж в пользу Германии. Жгучей ненавистью к немецким баронам — своим вековечным поработителям — горели сердца трудящихся Прибалтики.

К бесчеловечной феодально-крепостнической эксплоатации крестьянства здесь добавлялся и гнёт современных капиталистических отношений. В XX веке расслоение эстонской и латышской деревни зашло очень далеко. На шее у крестьянина Прибалтики кроме «чёрного барона» — немецкого помещика сидел ещё «серый барон» — кулак. Основную массу крестьянства Эстонии и Латвии составляли безземельные батраки и мелкие арендаторы. Уже в конце XIX века 66% сельского населения Латвии было безземельным.

Если к этому двойному гнёту капиталистической и феодально-крепостнической эксплоатации добавить ещё национальный гнёт царского самодержавия и немецких баронов, то станет понятна основа исключительно острых классовых противоречий в прибалтийской деревне накануне 1917 года.

Более высокая ступень развития капитализма, большая ясность, определённость и острота классовых противоречий, жестокий национальный гнёт, большая концентрация населения в городах и более высокая ступень его культурного развития объясняли, как указывал Ленин, причины быстрого роста революционного движения на западных окраинах, а также причины успехов, в частности латышской социал-демократии, которая на протяжении почти всей своей истории была неразрывно связана с большевистским крылом РСДРП.

В 1905 году рабочие и крестьяне Прибалтики шли в авангарде борьбы с царизмом и помещиками. Почти поголовное восстание пролетариата и батраков в Латвии в 1905 году было подавлено с большой жестокостью. Молодёжь, пережившая все ужасы усмирения и реакции, прониклась жгучей ненавистью к угнетателям — царскому самодержавию и немецким помещикам. Эту ненависть она донесла до Октябрьских дней 1917 года.

Вторая особенность развития революции в Прибалтике заключалась в том, что эти страны являлись в годы первой империалистической войны ареной ожесточённых военных действий. Осенью 1915 года пала Вильна, и с ней в руки немцев перешла вся Литва и Курляндия. В августе 1917 года Корнилов — Керенский предательски сдали Ригу немцам. Таким образом, к Октябрьской революции Прибалтика, за исключением Эстонии и северной части Латвии, была оккупирована войсками кайзеровской Германии. Немецкие завоеватели грабили страну, увозя всё ценное в Германию. Они принесли тяжелейшие бедствия латышскому, литовскому и эстонскому народам. В Латвии свыше четверти волостей было сме

тено с лица земли, разрушено свыше 200 тысяч зданий, 600 тысяч жителей осталось совсем без крова. Ряд крупнейших предприятий Латвии был эвакуирован в глубь страны. Из Риги переселилось 300 тысяч человек (в Риге до войны было 500 тысяч жителей). Ненависть к своим вековечным угнетателям-немцам во время войны ещё более усилилась. В лице наступавшей германской армии латышское и эстонское крестьянство видело тех же ненавистных угнетателей, с которыми оно вело борьбу в течение столетий.

Тяжелейшие бедствия войны, особенно остро сказавшиеся в такой прифронтовой полосе, как прибалтийские страны, не могли не ускорить в большей мере, чем в других районах, процесс революционизирования масс, особенно после Февральской буржуазно-демократической революции.

И, наконец, третьей особенностью развития революции в Прибалтике явился тот факт, что в связи с ходом военных действий на территории Латвии были сосредоточены в основном все три армии Северного фронта — XII, I и V. Наибольшее значение имела XII армия, расположенная в непосредственной близости к Петрограду. Подготовка октябрьских боёв в неоккупированной части Латвии и Эстонии была неразрывно связана с ходом и развитием Октябрьской революции на Северном фронте.

Позиция солдат Северного фронта в свою очередь в значительной мере определяла исход борьбы в столице — в Петрограде. Огромное значение имел также тот факт, что в состав XII армии входили латышские стрелковые полки. Они были созданы по инициативе латышской буржуазии с согласия царского правительства летом 1915 года. К Февральской революции латышские стрелки, состоявшие в основной своей массе из пролетарских и полупролетарских элементов, составляли 8 полков, объединённых в две бригады с общим количеством 30 — 35 тысяч солдат и 1 тысяча офицеров. Вопреки всем надеждам латышской буржуазии и царского правительства, латышские стрелковые полки благодаря огромной работе большевиков стали накануне Октябрьской социалистической революции важнейшей вооружённой силой, опираясь на которую Советы Латвии брали власть в свои руки.

Уже в марте 1917 года была оформлена большевистская организация латышских стрелковых полков. В это время в неё входило около 70 членов, в июне было уже свыше 1,5 тысячи, а в августе — 3 тысячи членов партии. Для работы среди солдат XII армии большое значение имела выпускаемая большевистской военной организацией газета «Окопная правда».

В мае 1917 года объединённый Совет латышских стрелковых полков принял большевистскую резолюцию, и с этого времени Исколастрел (Исполнительный комитет Совета латышских стрелковых полков) становится оплотом большевизма в Риге.

Очень быстро росла и ревельская большевистская организация;

в составе которой было много моряков Ревельской базы Балтфлота. В июне в её рядах было 2 123 члена партии, в августе — 3 182.

После корниловщины почти на всех собраниях частей XII армии принимались большевистские резолюции. Обострилась классовая борьба между беднотой и кулачеством в деревне. В августе во время уборки урожая в Латвии происходили забастовки батраков, которыми руководил Совет безземельных депутатов, созданный ещё в апреле 1917 года.

13—15 августа в Ревеле под руководством большевиков происходила конференция безземельных крестьян, на которой было представлено 40 тысяч батраков, безземельных и малоземельных крестьян.

О росте влияния революционной социал-демократии Латвии среди деревенской бедноты свидетельствовал тот факт, что во время сентябрьских выборов в уездные земельные Советы социал-демократия получила по Валкскому уезду 71%, по Вольмарскому — 76, по Венденскому — 74% всех голосов.

К сентябрю большевизируется также основная часть Советов Латвии и Эстонии. Нарвский Совет с первых же дней своей организации был прочно завоёван большевиками. Уже в августе Рижский Совет был в руках у большевиков. Большевистскими по своему составу были Советы Вендена и Вольмара.

Для роста влияния большевистской партии чрезвычайно показательны выборы в городские думы, происходившие в августе 1917 г.

Выборы в Рижскую городскую думу дали большевикам Латвии 49 мест из 120, в Вольмаре — 18 из 28. В Ревеле большевики получили треть всех голосов в центре города и до 50% голосов на окраинах. В Нарве за большевиков было подано 74% всех голосов. Здесь работал в 1917 году виднейший руководитель эстонского пролетариата, член партии большевиков с 1906 года — Виктор Кингисепп.

Во время выборной кампании в городские думы началось немецкое наступление на Ригу. 21 августа Временное правительство сдало Ригу немцам. Латышские стрелки с величайшим героизмом отстаивали Ригу.

Храбро и доблестно сражались русские части. Даже эсеро-меньшевистский Искосол (Исполнительный комитет солдатских депутатов XII армии) вынужден был признать бодрость и революционную сознательность солдатской массы в этот трудный момент. Заняв город, немцы объявили Ригу на осадном положении и начали применять организованный террор против мирного населения и против большевиков.

После потери Риги и дальнейшего продвижения германских войск район легальной деятельности революционной социал-демократии Латвии ограничивался тремя уездами Лифляндской губернии — Валкским, Венденским и Вольмарским.

16 октября 1917 года в Валке состоялась чрезвычайная партийная конференция социал-демократии Латышского края. Конференция обсуждала один вопрос — о текущем моменте и целиком присоединилась к исторической ленинской резолюции о вооружённом восстании, принятой на заседании Центрального Комитета партии 10 октября. В резолюции конференции говорилось:

«Конференция считает, что настал момент последней решительной борьбы, когда должна решиться судьба не только российской, но всемирной революции... Приготовляясь к предстоящим боям, пролетариат Латвии ставит себе задачей поддерживать самое тесное единение с революционными рабочими Петрограда и Москвы и поддерживать всеми силами и всеми средствами борьбу российского пролетариата... за завоевание государственной власти»[1].

На съезде Советов Северной области в Петрограде представитель латышских стрелков достаточно красноречиво сформулировал готовность армии поддержать восстание. Он говорил о том, что латышские полки в количестве 40 тысяч штыков готовы оказать полную поддержку Петрограду, собирающемуся провести в жизнь лозунг «Вся власть Советам!».

После съезда Советов Северной области началась прямая подготовка к вооружённому восстанию. Согласно решению партийной конференции, в ночь с 18 на 19 октября в Вендене был организован подпольный военно-революционный комитет, который установил тесную связь между большевистскими организациями XII армии. Перед военно-революционным комитетом ставилась задача: в момент восстания в Петрограде занять все стратегические пункты по направлению к Петрограду и парализовать контрреволюционную деятельность штаба XII армии и меньшевистско-эсеровского Искосола.

20 октября состоялся съезд латышских стрелков. Единогласно, без прений была принята резолюция, предложенная представителем Центрального Комитета большевиков, которая требовала готовиться к вооружённой борьбе за власть Советов и к защите Всероссийского съезда Советов.

Съезд латышских стрелков утвердил избранный латышской партийной конференцией военно-революционный комитет.

22 октября на объединённом заседании Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Эстонии и Ревельского Совета был избран военно-революционный комитет в составе 40 человек, который взял под свой контроль стратегически важные пункты в городе и в районе крепости.

Так рабочие и крестьяне Латвии и Эстонии во главе с большевистской партией готовились к решающим октябрьским боям.

13.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

Застрельщиком борьбы за победу пролетарской революции в Закавказье был бакинский пролетариат. Баку являлся промышленным оазисом края. В Баку были сосредоточены крупнейшие нефтяные промыслы, заводы и основные кадры пролетариата с богатым боевым революционным прошлым.

До революции общее число рабочих, занятых в промышленности Закавказья, составляло около 100 тысяч, причём из них свыше 36 тысяч (38%) находилось на нефтяных промыслах в Баку. В Тифлисе, бывшем торговом и административном центре Кавказского наместничества, почти не было крупных промышленных предприятий, за исключением главных железнодорожных мастерских. В Эривани до революции насчитывалось едва 30 тысяч жителей и совсем не было промышленного пролетариата. В Кутаисе было всего несколько сот рабочих. Всё это делало пролетарский Баку центром революционного движения в Закавказье.

Бакинская большевистская организация создавалась, росла и крепла под непосредственным руководством Сталина.

> «Славные большевистские традиции, привитые самым близким сподвижником великого Ленина — товарищем Сталиным, выдвинули бакинский пролетариат в ряды передовых борцов за победу революции, за диктатуру пролетариата, за победу социализма»[1],— писал Л. П. Берия.

Во главе бакинской большевистской организации в 1917 году стояли такие крупнейшие деятели партии, как Степан Шаумян и Алёша Джапаридзе. Степан Георгиевич Шаумян — старый большевик, участник IV и V съездов партии. В 1907—1911 годах Степан Шаумян работал в Баку под непосредственным руководством Сталина. Шаумян пользовался огромным авторитетом и любовью среди бакинских рабочих. В течение ряда лет Шаумян вёл переписку с Лениным, главным образом по национальному вопросу. Февральская революция застала Шаумяна в Саратове, куда он после 10-месячного заключения в тюрьме был сослан царским правительством. Тотчас же по получении известия о Февральской революции Шаумян выехал в свой родной Баку. В дороге он узнал, что бакинские рабочие заочно избрали его первым председателем Бакинского Совета рабочих депутатов.

Алёша Джапаридзе вступил в социал-демократическую партию в 1898 году. Весь его жизненный путь, как и путь Шаумяна, был ярким примером жизни и борьбы профессионала-революционера. Живой и пламенный Алёша как бы дополнял своего спокойного и вдумчивого друга Степана Шаумяна.

Аресты и ссылки в жизни Джапаридзе следовали одна за другой. В 1915 году он был сослан царским правительством в Енисей-

С. Г. Шаумян.

скую губернию, откуда вскоре бежал и начал по поручению партии вести революционную работу среди солдат Кавказской армии.

После Февральской революции Джапаридзе был вызван из Трапезунда, где вёл революционную работу, в Баку.

После Всероссийской апрельской конференции большевики Закавказья по прямому указанию Ленина и Сталина порвали с меньшевиками и создали самостоятельные большевистские организации в Баку, Тифлисе, Батуме и других городах. 11 марта в Тифлисе стала выходить большевистская газета «Кавказский рабочий». 22 апреля, которое отмечается в Советской стране как день рабочей печати, большевики Баку выпустили первый номер своей газеты «Бакинский рабочий». Она выходила под тем же названием в 1906 — 1908 годах под руководством Сталина.

Наличие крепкого большевистского руководства, появление своего печатного органа давало большие преимущества большевикам Баку в их борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Однако на пути большевизации масс, на пути завоевания власти здесь стояли большие и серьёзные трудности.

Товарищ Сталин выделял две особенности Закавказья, наложившие свой отпечаток на ход пролетарской революции.

> «Из всех окраин Российской федерации Закавказье, кажется, самый характерный уголок в смысле богатства и разнообразия национального состава. Грузины и русские, армяне и азербайджанские татары, турки и лезгины, ингуши и осетины, чеченцы и абхазцы, греки и кумыки — такова далеко не исчерпывающая картина национального разнообразия семимиллионного населения Закавказья» [1].

Сложный переплёт национальных противоречий приводил к тому, как указывал товарищ Сталин, что создавалась весьма «удобная» обстановка «для прикрытия классовой борьбы национальными флагами и побрякушками» [2].

А. Джапаридзе.

Другая характерная особенность Закавказья заключалась в экономической отсталости края.

«Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый главным образом заграничным капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям у берегов морей, и с крепкими ещё остатками чисто крепостнического уклада в центре» [1], — писал Сталин. Пролетариат Баку, среди которого было много русских рабочих, слабо был связан с азербайджанской деревней, что не могло не сказаться на ходе пролетарской революции в Закавказье.

В марте 1917 года Временное правительство взамен наместника на Кавказе и командующего Кавказским фронтом Н. Н. Романова создало свой орган власти в лице Особого закавказского комитета (Озаком). Состав Озакома был явно контрреволюционным. Пришлось для успокоения масс ввести в Озаком меньшевика Чхенкели. Во всех органах закавказской краевой власти (Краевом центре Совета рабочих и солдатских депутатов, Совете Кавказской армии) руководящую роль играли грузинские меньшевики, заключившие блок с эсерами и буржуазно-националистическими организациями.

Даже в Баку, где первым председателем Совета рабочих депутатов был избран большевик Степан Шаумян, пленум Совета в своём преобладающем большинстве был меньшевистско-эсеровским.

Воспользовавшись слиянием Совета рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов, которое произошло в Баку в мае 1917 года, соглашатели взамен Шаумяна провели председателем объединённого Совета своего ставленника эсера Саакяна.

Грузинские меньшевики в союзе с буржуазно-националистическими организациями «Дашнакцутюн» (армянская буржуазно-помещичья партия) и «Мусават» (азербайджанская буржуазно-помещичья партия) всячески пытались отвлечь народные массы от задач классовой борьбы, разжигая национальные противоречия и национальную вражду.

Дашнаки и муссаватисты приветствовали Временное правительство и всемерно его поддерживали. Этим буржуазно-националистическим организациям удалось демагогическими лозунгами, особенно в первые месяцы Февральской революции, увлечь за собой значительные массы трудящихся Грузии, Азербайджана, Армении, прежде всего в деревне.

Большевикам Закавказья предстояла длительная и упорная борьба за завоевание масс.

Большое значение в работе среди мусульманских трудящихся масс имела организация «Гуммет» («Энергия»), во главе которой стоял старый большевик Мешади Азизбеков. «Гуммет» входил в состав бакинской большевистской организации, издавал свою газету на азербайджанском языке. VI съезд партии приветствовал «Гуммет» как первую социал-демократическую организацию среди мусульман. В состав «Гуммет» проникли скрытые националисты, которые всячески препятствовали сплочению национальных масс вокруг большевистской партии. «Гуммет» пользовался слабым влиянием в деревне. Однако, несмотря на все ошибки и недостатки, эта организация провела в 1917 году большевистскую работу, давшую серьёзные результаты.

Делегатом от большевиков Баку на VI съезд партии поехал Алёша Джапаридзе. В Петрограде он встретился со Сталиным, с Серго Орджоникидзе и получил необходимые указания о дальнейших задачах работы в Закавказье. VI съезд партии избрал членом Центрального Комитета партии Степана Шаумяна и кандидатом в члены Центрального Комитета Алёшу Джапаридзе.

Опираясь на решения VI съезда партии, большевики Закавказья усилили борьбу за большевизацию Советов, за завоевание власти.

После июльских и особенно после корниловских дней обстановка в Закавказье, и прежде всего в Баку, коренным образом изменилась.

30 августа 1917 года Бакинский Совет, на котором кроме членов пленума Совета присутствовало около тысячи представителей рабочих и солдат, впервые принял большевистскую резолюцию.

Было выдвинуто требование перевыборов Совета, горячо поддержанное широкими массами. В сентябре началась оживлённая предвыборная кампания. Большевики постепенно завоёвывали также влияние в профсоюзах. Уже в мае 1917 года в самом крупном и ведущем профсоюзе Баку — в профсоюзе рабочих нефтяной промышленности — руководство находилось в руках большевиков. Из 5 членов президиума 3 были большевики. Председателем правления был большевик И. Фиолетов.

Осенью 1917 года в Закавказье усилилась волна крестьянского движения, которое подавлялось меньшевиками и эсерами воору-

Товарищ Джапаридзе на нефтепромыслах в Баку во время сентябрьской стачки 1917 года.

Рисунок Т. Б. Звонарёвой.

жённой силой. Влияние большевиков среди солдат становилось господствующим.

В этой обстановке повсеместного нарастания революционного кризиса началась всеобщая стачка рабочих Баку. Рабочие требовали заключения коллективного договора на основе выработанных ими условий. Когда нефтепромышленники отклонили ультиматум рабочих, 27 сентября по выработанному стачечным комитетом плану началась всеобщая стачка в Баку. Жизнь на предприятиях сразу замерла. В стачечной борьбе участвовал весь пролетарский Баку. Руководство стачкой находилось в руках большевиков. Председателем стачечного комитета был избран Джапаридзе. Стачка продолжалась 6 дней — с 27 сентября по 2 октября — и закончилась полной победой рабочих. Не помогли вмешательство Временного правительства и приезд в Баку министра труда. Нефтепромышленники вынуждены были признать себя побеждёнными. Центральный Комитет большевистской партии приветствовал

«революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал» [1].

После сентябрьской стачки влияние большевиков в Баку ещё больше возросло. Началась подготовка к решающим боям. 15 сентября Шаумян, вызванный в Петроград, присутствовал на заседании Центрального Комитета партии при обсуждении ленинских писем о вооружённом восстании.

Вернувшись в Закавказье, Шаумян руководил I съездом большевистских организаций Кавказа, состоявшимся 2—7 октября 1917 года в Тифлисе. Съезд положил в основу принятых им решений директивы Центрального Комитета партии о вооружённом восстании и вынес решение по национальному и аграрному вопросам. Только группа большевиков Тифлиса заняла ошибочную оппортунистическую позицию, проповедуя возможность «мирного» захвата власти и соглашения с меньшевиками.

Именно эта предательская позиция группы оппортунистов предопределила затяжку борьбы за власть Советов во всех решающих центрах Закавказья, кроме Баку.

В середине октября руководство в Бакинском Совете перешло к большевикам. На заседании Совета 13 октября меньшевистско-эсеровский Исполком подал в отставку. Был образован временный Исполнительный комитет во главе с Шаумяном. 15 октября состоялось заседание расширенного Совета совместно с представителями рабочих и солдат. На заседании были избраны делегаты на II Всероссийский съезд Советов и принята резолюция о необходимости отобрать власть у врагов и передать её в руки самого народа в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Бакинские большевики, преодолевая все трудности, стоящие на их пути, твёрдо и уверенно шли к завоеванию власти.

14.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

Февральская буржуазно-демократическая революция не внесла никаких изменений в положение народов Средней Азии — узбеков, казахов, киргизов, таджиков, туркмен.

В апреле 1917 года Временное правительство направило в Туркестан в качестве высшей краевой власти так называемый Туркестанский комитет во главе с бывшим членом Государственной думы кадетом Щепкиным.

После сформирования коалиционного Временного правительства Туркестанский комитет несколько изменил свой состав: из кадетского он стал меньшевистским. Но линия его поведения осталась прежней.

В своей контрреволюционной деятельности Туркестанский ко-

митет опирался не только на меньшевиков и эсеров, бывших царских чиновников, белогвардейцев, но и на буржуазно-националистические организации «Шуро-Исламия» и «Улема», возникшие в марте 1917 года.

«Шуро-Исламия» являлась партией узбекской националистической буржуазии. «Улема» объединяла мусульманское духовенство, полуфеодалов-помещиков и крупную националистическую буржуазию.

«Шуро-Исламия» и «Улема» неоднократно выражали свою преданность Временному правительству. Туркестанский комитет не разрешил ни одного из коренных вопросов революции. Национальный гнёт не был уничтожен, он только принял, как указывал Сталин, новую форму, более утончённую и потому более опасную.

Аграрный вопрос также не был разрешён. Положение рабочих оставалось таким же, как и до революции. В сентябре 1917 года рабочие Туркестана продолжали работать по 12 часов в сутки, в то время как во всей стране рабочий класс уже давно завоевал 8-часовой рабочий день.

Трудность борьбы усугублялась тем, что почти вплоть до конца 1917 года в Туркестане не была создана самостоятельная большевистская организация. Отдельные группы большевиков Ташкента, Самарканда, Перовска, Новой Бухары и т. д. входили в объединённую организацию РСДРП. II краевой съезд РСДРП, который происходил в Ташкенте с 21 по 27 июня, был преимущественно меньшевистским по своему составу и вынес резолюцию о доверии Временному правительству.

Большевики Ташкента не имели своего печатного органа. Они принуждены были печатать свои статьи в органе РСДРП «Рабочее дело», находившемся целиком в руках меньшевиков. Меньшевики часто под разными предлогами не помещали в газете статей большевиков.

Товарищ Свердлов дал туркестанским большевикам директиву, полученную ими через оренбургских большевиков, — расколоть во что бы то ни стало «незаконное сожительство» большевиков с соглашателями.

Но директива Свердлова очень долгий срок оставалась невыполненной.

Влияние большевиков на массы быстро росло. Сильная группа большевиков создалась в Коканде. Во главе этой группы стоял Е. Н. Бабушкин — большевик с 1903 года, председатель Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Значительную работу внутри объединённой социал-демократической организации вели самаркандские большевики.

В Новой Бухаре к моменту Октябрьской революции существовала группа большевиков, которой руководил Полторацкий, погибший впоследствии от руки эсеров в 1918 году.

Во главе ташкентских большевиков стояли А. Першин — рабочий среднеазиатских железнодорожных мастерских и Н. Шумилов — слесарь бородинских мастерских, председатель Ташкентского Совета в 1918 году.

Большевики Туркестана опирались в своей работе на так называемые «Иттифаки» — союзы трудящихся мусульман.

В марте 1917 года в Скобелеве (ныне Фергана) возникла первая организация трудящихся мусульман; потом подобные же организации были созданы в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Маргелане, Катта-Кургане, Ходженте и других городах. Возникали эти союзы в большинстве случаев по инициативе мобилизованных царским правительством в 1916 году на тыловые работы рабочих и бедноты. Вернувшись в Туркестан, они создали инициативную группу бывших мобилизованных рабочих и обратились с призывом образовать союзы трудящихся. В своём обращении инициативная группа писала, что

> «ставит себе задачей создать из бедных и трудящихся, из татар и сартов трудовую семью, которая усилила бы рабочий класс в его борьбе с капиталом и помогла бы создать новую жизнь на истинно-демократических началах»[1].

Многие из мобилизованных рабочих и дехкан прошли в России большую революционную школу и были связаны с большевистской партией и русскими рабочими.

В первый период своей деятельности «Иттифаки» находились ещё под сильным влиянием меньшевиков. Но постепенно они освобождались от этого влияния и всё теснее связывались с большевиками. Вместе с большевиками они выставили общий список в органы местного самоуправления и в Учредительное собрание и помогали бороться в Советах с соглашателями. Между союзами трудящихся мусульман и буржуазно-националистическими организациями «Шуро-Исламия» и «Улема» борьба с каждым днём всё усиливалась. Это лучше всего опровергало «теории» буржуазных националистов об отсутствии классовой борьбы в Туркестане, о равенстве всех мусульман, а также их лозунг: «Мусульмане, объединяйтесь!».

После ликвидации корниловщины революционная борьба трудящихся Туркестана вступила в новый этап. В сентябре 1917 года в городах то и дело вспыхивали стачки рабочих. Бастовали рабочие хлопковых, маслобойных и мыловаренных заводов. Они требовали повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня. В забастовках участвовали рабочие Ташкента, Самарканда, Намангана, Андижана и других городов. Конфликты возникли на маслобойных заводах в Катта-Кургане и в Новой Бухаре.

В кишлаках аграрное движение вылилось в борьбу за землю и воду.

Усилилось и революционное движение в армии, в частности среди гарнизона Ташкента.

Но наиболее ярким показателем нарастания революционного кризиса были так называемые «сентябрьские события» в Ташкенте.

После корниловщины ташкентские большевики развернули большую работу под лозунгом «Вся власть Советам!».

Краевой Совет рабочих и солдатских депутатов, как и Ташкентский Совет, находился в руках меньшевиков и эсеров. 11 сентября 1917 года на совещании краевых демократических организаций большевики Ташкента внесли предложение объявить данное совещание революционным комитетом и передать ему всю полноту власти. Предложение было отклонено. Большевики вновь выдвинули это же предложение на заседании Исполкома Ташкентского Совета, где присутствовало много рабочих и солдат.

Председатель Исполкома Ташкентского Совета и его заместитель (оба правые эсеры) в виде протеста против выступления большевиков подали заявление о снятии с себя полномочий и покинули собрание. После их ухода Исполком Совета впервые принял большевистскую резолюцию с требованием создания ревкома и устройства общегородской демонстрации трудящихся под лозунгом: «Вся власть Советам!».

Туркестанский комитет Временного правительства, получив сведения о готовящемся по призыву большевиков выступлении масс, тотчас же принял решение о запрещении всяких митингов в дни 12—15 сентября. Но никакие запреты Туркестанского комитета не могли уже остановить движение масс. В день 12 сентября трудящиеся Ташкента стихийно вышли на улицу. В бывшем Александровском парке собрался многотысячный митинг. На митинг с фабрик и заводов шли рабочие, из казарм — солдаты. Речи большевиков встречали горячую поддержку всех собравшихся. С пламенными речами на митинге выступали рядовые его участники — рабочие и солдаты. Митинг принял резолюцию большевиков о переходе власти к Ташкентскому Совету и о создании временного революционного комитета, который тут же был избран в составе 14 человек (5 большевиков, 5 эсеров, 2 меньшевика, 2 анархиста).

Таким образом, несмотря на решение о переходе власти к Советам, большевики в ревкоме оказались всё же в меньшинстве. Оценивая в своей статье сентябрьские события в Ташкенте, Сталин указывал, что там удалось создать единый революционный фронт на базе требования о переходе власти к Советам. Но весь ход дальнейших событий, подчеркнул Сталин, зависел от того, кто возглавит и будет направлять этот временно создавшийся единый революционный фронт — большевики или «левые» эсеры, входившие в ревком.

Большевикам Ташкента не удалось стать вожаками в ревкоме и разоблачить колебания и половинчатость позиции эсеров. Это и предопределило дальнейший ход событий.

«Сентябрьские события» в Ташкенте несомненно показали, что в массах произошёл решающий перелом в сторону большевиков. Одна из важнейших национальных окраин страны вплотную подошла к вооружённому восстанию. Но «сентябрьские события» не означали, конечно, фактического перехода власти в руки Совета.

Избрание ревкома повергло контрреволюцию Ташкента в большое беспокойство. 12 сентября в 5 часов вечера на срочном совещании Туркестанского комитета совместно с представителями Краевого Совета и командующим войсками генералом Черкесом решено было немедленно арестовать ревком. Черкес окружил при помощи юнкеров и роты прапорщиков «Дом свободы», где одновременно заседали и ревком и Ташкентский Совет.

Ташкентский Совет в это время выбирал новый Исполком, в большинстве своём «лево»-эсеровский. Черкесу удалось арестовать членов ревкома и отправить их в тюрьму. Когда известие об аресте ревкома дошло до присутствующих на заседании Совета рабочих и солдат, они потребовали объяснений и немедленного освобождения членов ревкома.

Возмущение собрания демагогической речью Черкеса было настолько велико, что в него полетели камни и табуретки. Черкес вынужден был позорно убежать с собрания. Всю ночь он прятался в канаве, а затем был арестован.

Солдаты 1 и 2-го запасных сибирских полков, узнав об аресте членов ревкома, готовились к выступлению, угрожая разгромить тюрьму и выпустить арестованных. Испуганные соглашатели вынуждены были пойти на уступки и освободить ревком, который возобновил свою деятельность.

Растерянные руководители соглашательского Краевого Совета бежали в Скобелев, чтобы там, получив поддержку, перейти в наступление против революционного Ташкента.

Туркестанский комитет запросил помощи у Временного правительства, а сам стал готовиться к подавлению выступления вооружённой силой.

Ревком и новый состав Исполкома провели ряд мероприятий по укреплению своей власти, но никаких решительных действий для подавления и разоружения контрреволюционных сил они не предприняли.

К 16 сентября положение в городе изменилось. Пришла телеграмма Керенского, оценивавшая поведение Ташкентского Совета как преступное. Керенский требовал в 24 часа подчиниться местным представителям Временного правительства и открыто угрожал «захватчикам власти» наказанием «по всей строгости закона».

Телеграмма сообщала также о посылке в Ташкент карательной экспедиции. Грозный «приказ» Керенского вдохновил притаившиеся, но готовые броситься в бой силы контрреволюции. Белогвардейцы начали вооружать «верные» части. В ожидании прибытия

карательного отряда Туркестанский комитет вступил в переговоры с Исполкомом Ташкентского Совета. Чтобы выиграть время, глава Туркестанского комитета меньшевик Наливкин подписал 18 сентября соглашение с Исполкомом Совета, гарантировавшее «неприкосновенность лиц и частей, участвовавших в последних событиях» и настаивавшее на отмене присылки карательной экспедиции в Ташкент.

Туркестанский комитет не выполнил соглашения. 20 сентября в 4 часа дня в Ташкенте, в знак протеста против прибытия карательной экспедиции, началась всеобщая забастовка рабочих. Бастовали все предприятия, железнодорожники, стояли трамваи, не работала электростанция. Город погрузился во мрак. В ответ Туркестанский комитет объявил город на военном положении.

Но все усилия трудящихся задержать карательную экспедицию ни к чему не привели. 24 сентября она прибыла в Ташкент. Во главе экспедиции стоял генерал Коровиченко. Контрреволюция встретила карателя с большой торжественностью, а пролетариат почти всех предприятий Ташкента продолжал объявленную 20 сентября забастовку.

26 сентября генеральный комиссар Временного правительства Коровиченко издал приказ о предании военному суду членов ревкома, избранных 12 сентября, организовал комиссию по расследованию действий ревкома и Ташкентского Совета, запретил собрания и митинги. Казаки окружили «Дом свободы», произвели обыск, забрали кассу и делопроизводство Ташкентского Совета и Исполкома.

Коровиченко обещал снять военное положение, если всеобщая стачка закончится. Меньшевики и эсеры пошли на срыв забастовки, о чём 27 сентября объявил стачечный комитет. В тот же день забастовка была прекращена, но борьба пролетариата и дехкан не только не кончилась, но ещё в большей мере обострилась.

Рабочие-железнодорожники организовали в Ташкенте и других городах Узбекистана боевые вооружённые дружины, что явилось началом организации Красной гвардии. Снова началась волна забастовок в Ташкенте, Коканде и других городах Туркестана. Забастовали рабочие и служащие типо-литографий Самарканда. Бастующие рабочие предъявили требование о повышении заработной платы на 50%. Такие же требования предъявили рабочие владельцам типографий «Земля и воля», «Печатник» и «Идеал».

Предприниматели отказывались платить бастующим рабочим. эсеры поддерживали ташкентских предпринимателей в этом вопросе. Общее собрание рабочих печатного дела в Ташкенте выразило недоверие эсеровским руководителям.

Крайнее обострение взаимоотношений между большевиками и правыми эсерами с предельной ясностью выявилось на II краевом чрезвычайном съезде Советов рабочих и солдатских депута-

тов Туркестана, созванном по инициативе большевиков 29 сентября. Съезд должен был разрешить вопросы о ташкентских событиях, выборах краевого Совета и подготовке к Учредительному собранию.

II съезд Советов Туркестана проходил в тяжёлых условиях. Карательная экспедиция находилась в Ташкенте. Правый эсер Чайкин в течение нескольких дней делал всё, чтобы сорвать съезд. На съезде он держался с большой наглостью и открыто блокировался с «Улемой». Но, несмотря на старания Чайкина, он должен был сознаться, что

«представители Ташкента, возглавляемые членами бывшего революционного комитета, увлекли за собой часть иногородних»[1].

На съезде выступила организованная, но всё же малочисленная группа большевиков.

Делегаты съезда помнили наказ своих избирателей и не поддавались на удочку эсеров. Делегаты Кушки получили от общего собрания гарнизона и рабочих наказ, который они должны были отстаивать на съезде:

«1) «Вся власть Советам!», 2) до окончания войны ни одного солдата не отпускать, а если отпускать, то с оружием в руках, 3) ввиду кризиса продовольствия взять все ценности из церквей, на которые приобрести продовольствие»[2].

Правые эсеры во главе с Чайкиным в предложенной резолюции требовали осуждения действий ревкома за сентябрьское выступление. Они настаивали, чтобы бывшие члены ревкома не участвовали в голосовании этой резолюции, когда же съезд не согласился с ними, они демонстративно покинули зал заседаний.

Большевик Полторацкий присутствовал на съезде от Новобухарского Совета рабочих и солдатских депутатов. Отмечая отношение правых эсеров к членам бывшего ревкома и Исполкома и их требование создать следственную комиссию для разбора, Полторацкий сказал, что судьями революции «не могут быть те, кто были её палачами».

Большевики на краевом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов вели ожесточённую борьбу с меньшевиками и эсерами, разоблачали их предательскую политику; часть делегатов съезда с большим вниманием прислушивалась к выступлению большевиков и их поддерживала.

В течение октября обстановка в городе обострилась до крайних пределов. Все предприятия и части гарнизона выносили резолюции с протестом против действий карательной экспедиции и с требованием перехода власти к Совету.

18 октября Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов созвал расширенное совещание представителей рабочих организаций, полковых комитетов и профсоюзов города. На повестке дня стояли обсуждение политического момента и выработка наказа представителю на II Всероссийский съезд Советов. Пре-

тестуя против действий Коровиченко, Совещание требовало от Туркестанского комитета: 1) отмены смертной казни, освобождения арестованных членов Ташкентского Совета; 2) передачи всей земли земельным комитетам; 3) введения общественного контроля над производством; 4) заключения на всех фронтах перемирия; 5) созыва в назначенный срок Учредительного собрания.

Выступавшие ораторы требовали взятия власти Советами.

Оживлённые прения открылись на совещании по вопросу о выработке наказа делегату II Всероссийского съезда Советов. Большевики настаивали на том, чтобы в наказе было указано, что вся власть должна перейти к Советам, так как в противном случае само Учредительное собрание не будет созвано. Власть Советов должна оставаться на местах и после созыва Учредительного собрания. Резолюция большевиков была принята большинством 89 против 4 при 6 воздержавшихся.

Ташкентский Совет был завоёван большевиками.

Решительная вооружённая борьба за власть Советов в создавшихся условиях была неизбежна. Временное правительство, сосредоточив в Ташкенте значительные вооружённые силы, надеялось потопить в крови выступление трудящихся Ташкента и тем дать «поучительный» пример своей силы рабочим всей России. Но и эта «ташкентская ставка» контрреволюции была бита, как и все другие её попытки задушить революционное выступление масс вооружённой силой.

Исполком Ташкентского Совета просил помощи у собирающегося II съезда Советов. Рабочие энергично вооружались, росли отряды Красной гвардии.

Так шла организация штурма по всей стране.

Исключительную по своей глубине и размаху работу проделали большевики в этот период организации штурма.

«Для того, чтобы понять тактику большевиков за период подготовки Октября, — писал Сталин об итогах гигантской работы большевистской партии, проделанной в 1917 году, — необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики...

Что это за особенности?

...безраздельное руководство *одной* партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября, — такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

...изоляция партии меньшевиков и эсеров как основная линия руководства делом подготовки Октября, — такова вторая особенность тактики большевиков.

...политика превращения Советов в органы государственной

власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата, — такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

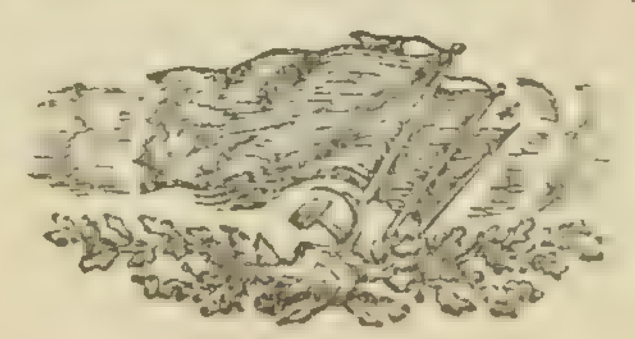
...уменье убеждать массы на своём собственном опыте в правильности партийных лозунгов путём подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся, — такова четвёртая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября» [1].

Все эти четыре особенности тактики большевиков в период подготовки Октября сказывались во всех районах необъятной страны. Всюду большевистская партия *организовывала* победу, преодолевала трудности, сметала препятствия, вела за собой миллионные массы трудящихся, безраздельно руководила исторической борьбой за установление советской власти.

Организующая рука большевистской партии наглядно видна и в том, как были расставлены силы в решающих районах страны накануне Октября и в Октябрьские дни: в штабе революции — в Петрограде — великий вождь партии В. И. Ленин и его ближайший соратник — И. В. Сталин, возглавлявший Партийный центр по руководству вооружённым восстанием; в Петрограде работали виднейшие деятели большевистской партии — Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Андреев и др. В Москве под руководством Центрального Комитета партии подготовку к историческим боям вели испытанные большевики — И. И. Скворцов-Степанов, Ем. Ярославский, М. Ф. Шкирятов; в Поволжье — В. В. Куйбышев, Н. М. Шверник и др.; в Иваново-вознесенском районе — М. В. Фрунзе; на Северном Кавказе — С. М. Киров; на Урале — А. А. Жданов; на Украине — К. Е. Ворошилов, Ф. А. Сергеев (Артём), Г. И. Петровский; в Белоруссии — А. Ф. Мясников, Л. М. Каганович; в Закавказье — С. Шаумян и А. Джапаридзе.

Партия большевиков представляла собой сплоченную, высокосознательную, дисциплинированную организацию, твёрдо руководящую пролетариатом и трудящимися. Это был настоящий авангард единственно революционного до конца класса, авангард, все члены которого поголовно участвовали в борьбе партии, в движении, в повседневной жизни масс.

«Живая и мощная партия,—писал Сталин,—стоящая во главе революционных масс, штурмующих и свергающих буржуазную власть, — таково состояние нашей партии в этот период» [2].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЁННОГО ВОССТАНИЯ В ПЕТРОГРАДЕ.

1.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ БОЛЬШЕВИКОВ — ОРГАНИЗАТОР ВОССТАНИЯ.

разу после съезда Советов Северной области Ленин вызвал к себе руководителей военной организации большевиков — Н. И. Подвойского и др. Он обратился к ним за информацией о степени готовности солдат и матросов к вооружённому восстанию. Руководитель военной организации сообщил, что в моряках можно быть вполне уверенными. Флот выступит по первому призыву большевиков. Таково настроение у матросов Гельсингфорса и других морских баз Балтфлота.

Подвойский, говоря о войсках петроградского гарнизона, отметил явно сочувственное восстанию настроение среди солдат.

Работники военной организации большевиков («военки») высказывались за необходимость отложить вооружённое выступление на некоторое время: для подготовки армии и провинции и для того, чтобы послать комиссаров на фронты, в Москву, Киев, Саратов, Екатеринослав, Нижний-Новгород. Некоторые работники «военки» проявляли излишнюю осторожность, тормозили выступление.

Ленин решительно отклонил все доводы за отсрочку восстания. Он настойчиво указывал, что отсрочкой воспользуется противник для организации разгрома всех революционных сил.

Ленин торопил. Он требовал ускорить подготовку, чтобы контрреволюция не опередила. Владимир Ильич сам занялся организацией восстания. На подпольную квартиру Ленин вызывал к себе Сталина, Свердлова, проверял готовность партийных организаций, давал указания. Вызывая Подвойского и других товарищей, работавших в Военно-революционном комитете, Ленин проверял техническую сторону организации восстания, связи с воинскими частями, их настроения, состав Красной гвардии, настроения рабочих кварталов. Он вливал бодрость и энергию в своих помощников. Под его непосредственным, живым, боевым руководством дело подготовки вооружённого выступления быстро шло вперёд.

В Петрограде ещё в конце сентября были созданы районные военные организации. Они подбирали инструкторов для Красной гвардии, добывали оружие, вели агитационную работу в полках. Районные военные организации взяли на учёт военные училища. Там велась работа среди солдатских команд — пулемётчиков, оружейников, обслуживающих юнкеров. В Петроградском районе изучали подступы к Петропавловской крепости и арсеналу, где хранилось много оружия. В крепости нашли 10—15 сознательных солдат, готовых работать с большевиками. В арсенале соглашатели захватили руководство комитетом рабочих и солдат. С помощью большевиков Петропавловской крепости удалось провести большую разъяснительную работу среди солдат и рабочих арсенала. Эсеро-меньшевистский комитет арсенала оказался изолированным. Из арсенала большевики тайком стали снабжать оружием Красную гвардию и революционные полки гарнизона.

Практическая работа по подготовке восстания была поручена легальному советскому центру — Военно-революционному комитету при Петроградском Совете. Поводом к созданию комитета послужила попытка корниловцев очистить Петроград от революционных войск. Контрреволюция пыталась обезоружить столицу. Штаб Петроградского военного округа разослал приказ о переформировании и отправке на фронт частей гарнизона Петрограда под предлогом неотложных военных нужд.

9 октября, в день опубликования приказа о выводе войск, меньшевики протащили в Исполкоме Петроградского Совета резолюцию с требованием организовать комитет для энергичной подготовки к выводу гарнизона из столицы.

Но вечером 9 октября пленум Петроградского Совета отверг меньшевистскую резолюцию и по предложению большевиков решил создать Военно-революционный комитет по обороне Петро-

ПАРТИЙНЫЙ ЦЕНТР — РУКОВОДИТЕЛЬ ВОССТАНИЯ В ОКТЯБРЕ 1917 года

Картина В. Сварога.

града для противодействия попыткам штаба Петроградского военного округа вывести войска из столицы.

Это был открытый вызов, брошенный большевиками контрреволюции.

12 октября на закрытом заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета было принято положение о Военно-революционном комитете. В задачи Военно-революционного комитета входило: определение минимума сил, необходимых для обороны столицы и не подлежащих выводу, связь с Центробалтом, гарнизоном Финляндии, точный учёт гарнизона Петрограда, меры по охране Петрограда от погромов и вооружение рабочих, поддержание в Петрограде революционной дисциплины.

После принятия решения о восстании во всех районах столицы Центральный Комитет организовал нелегальные штабы по подготовке восстания. В состав штаба входили: руководитель военной организации, начальник Красной гвардии и председатель районного Совета, если он был большевиком. Штабы по указанию Военно-революционного комитета развернули кипучую работу: проверили состояние Красной гвардии в районе, наметили учреждения и опорные пункты, которые необходимо занять во время восстания, подбирали из унтер-офицеров и младших офицеров командиров для революционных отрядов.

Для укрепления связи с местами и конкретной помощи партийным организациям Центральный Комитет большевиков рассылал своих членов по областям. Делегаты должны были сообщить на местах о директивах партии и познакомить с общим планом восстания. Они же собирали сведения о военно-технической подготовке мест к восстанию, чтобы на случай выступления в центре знать, на какие организации и в какой мере можно рассчитывать.

По поручению Центрального Комитета на заседании Петроградского комитета был сделан доклад о подготовке восстания.

Московское областное бюро большевиков 14 октября предложило всем провинциальным организациям приступить к практической подготовке восстания: организовать боевые отряды Красной гвардии, связаться с гарнизонами, выделить комитеты по руководству борьбой.

Центральный Комитет послал в Саратов своего представителя. Он предупредил большевистскую организацию о подготовляемом восстании и в узком партийном кругу сообщил о планах Центрального Комитета. В свою очередь, представитель Центрального Комитета расспросил о настроении масс и предложил усилить военно-техническую подготовку.

Представитель Центрального Комитета большевиков был на чрезвычайном съезде большевиков Латвии в городе Валке. Центральный Комитет поручал латышам задерживать и не пропускать

войска, если их вызовет с фронта Временное правительство. Вместе с тем требовалось подготовить отправку отрядов в Петроград в ответ на призыв Военно-революционного комитета. Большевики Латвии организовали подпольный военно-революционный комитет. Решено было подготовить два латышских полка для помощи революционному Питеру. Остальным полкам занять позиции так, чтобы ни одна часть с фронта не могла пробраться по вызову Временного правительства. Все полки обещали поддержать борьбу Советов за власть.

Военно-революционный комитет был создан по настоянию Центрального Комитета и в XII армии. Он связался с Петроградом и получил конкретные указания на случай восстания.

Для связи с местами Центральный Комитет использовал Всероссийский съезд союза городов в Москве. На заседании большевистской фракции съезда представители Центрального Комитета доложили о директиве большевистской партии. Совещание обсудило деловые практические вопросы о помощи центру в случае, если Москва и Петроград возьмут в свои руки власть. Тут же определили конкретные задачи отдельных организаций. Тула должна была взять на себя доставку оружия. Иваново-Вознесенск, Коломна и другие близкие к Москве районы брались оказать прямую поддержку боевыми отрядами.

Центральный Комитет большевиков предусмотрел, что эсеро-меньшевики, засевшие в продовольственных комитетах, попытаются после победы восстания задушить революцию голодом, не дадут хлеба революции. Поэтому задолго до восстания были приняты меры. На Уфу, например, была возложена задача готовить эшелоны с хлебом и сразу после восстания отправлять их в столицу.

Уфимские большевики немедленно приступили к реализации этих указаний. Губернский продовольственный комитет, во главе которого стоял большевик А. Д. Цюрупа, был приспособлен к быстрой помощи центру. На заводы Урала послали предупредить о назревающих событиях.

Кроме неотложной задачи — доставить в Петроград из Сибири хлеб — уральские большевики готовились и к военной помощи революции.

Ленин разработал план восстания в столицах. Но гениальный стратег учитывал возможность неудачи восстания в Петрограде и Москве: в случае провала петроградского восстания Урал должен был взять инициативу борьбы за власть.

«Вся провинциальная революционная армия, — писал орган областного комитета большевиков «Уральский рабочий», — должна привести себя в полную боевую готовность, чтобы в случае нужды двинуться на помощь революционному петроградскому авангарду или, может быть, в случае раз-

грома петроградцев принять бой с наступающей контрреволюцией здесь, на местах»[1].

Большое внимание обратил Центральный Комитет большевиков на захват подступов к столице. На узловые железнодорожные пункты были посланы представители с предупреждением, что Временное правительство попытается захватить железнодорожные узлы для обеспечения передвижки войск.

По поручению Центрального Комитета партии представители Петроградского военно-революционного комитета обследовали Лугу, Дно, Псков и т. д. Всюду проверялась готовность к бою организаций и давались директивы не пропускать войска с фронта против революционного Петрограда.

Был разработан специальный шифр, чтобы известить партийные организации о моменте восстания. Места были предупреждены, что Центральный Комитет своевременно укажет благоприятный момент и целесообразные способы наступления.

Исключительная дисциплинированность, чёткость в организации работы, быстрая взаимная помощь объяснялись предупреждением Центрального Комитета не делать самочинных шагов, а подчинять свою инициативу общей директиве.

Именно этой согласованностью всех действий с выступлением центра и объясняется тот факт, что многие города выступили против Временного правительства либо в самый день победы в Петрограде, либо на другой день. *Такой организованности и стройности, такой чёткости и взаимной связи не знало ни одно восстание ни в одной революции. Эту организованность и дисциплинированность обеспечил под руководством Ленина и Сталина Центральный Комитет партии большевиков.*

Не было ни одного вопроса восстания, не обсуждённого заранее Центральным Комитетом. Общий план, связь, обеспечение тыла, лозунга — всё было тщательно подготовлено.

Особое внимание было уделено организации боевой силы восстания — Красной гвардии.

Принятие решения о восстании обязывало к тщательной военно-технической и организационной подготовке.

«История, — писал Ленин, — сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос *военный*»[2].

Кое-кто недоучитывал важности и значения военной стороны восстания. Тут несомненно проявилось влияние меньшевистского, социал-демократического оппортунизма, одной из характерных черт которого как раз была и есть боязнь вооружения рабочих, боязнь действительной революции. Особенно ярко сказывалась эта черта у предателя Троцкого.

А между тем пренебрегать военно-технической подготовкой восстания значило итти на неизбежный провал. Ленин всячески подчёркивал эту сторону перед членами Центрального Коми-

тета Петроградского и Московского комитетов. Вместе с тем Ленин сам непосредственно обращался к отдельным организациям и товарищам по этому вопросу.

До сих пор соглашательские Советы крупнейших центров тормозили формирование боевых сил революции. Красная гвардия создавалась полулегально, на фабриках и заводах, при отдельных низовых Советах, при комитетах партии большевиков. По настоянию большевиков Советы начали централизовать в своих руках организацию вооружённых сил. Исполнительный комитет Петроградского Совета заявил 16 октября:

> «1) Организация рабочей гвардии, прямая задача которой состоит в борьбе с контрреволюцией и в защите завоеваний революции, является неотложной задачей момента и 2) ... всё дело организации рабочей гвардии и политическое руководство ею Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берёт в свои руки»[1].

За Петроградом последовали и другие Советы. Для Красной гвардии выделялись организаторы, отпускались средства и оружие. Всюду быстро росли отряды пролетарской армии.

По примеру Петрограда на местах и на фронте были организованы при Советах военно-революционные комитеты, в задачу которых входило практическое проведение восстания. Партийные организации выделяли лучшие силы в комитеты, усиливая Исполкомы Советов.

Все приготовления к восстанию были закончены. Центральный Комитет большевиков разработал общий план. Был создан штаб восстания — Военно-революционный комитет. Мобилизована основная боевая сила — Красная гвардия. Места были предупреждены. Заготовлен шифр. Налажена живая связь. Распределены обязанности между отдельными партийными организациями. Проверено состояние всех боевых сил. Обеспечен захват узловых станций. Эсеры и меньшевики были изолированы от масс. Лозунги большевиков давно стали лозунгами пролетариата и всех трудящихся. Партия большевиков под руководством Центрального Комитета была готова к решающему сражению за власть.

Ленин не приурочивал начало восстания к точно определённому сроку. Восстание могло начаться в любой день. Но во всяком случае оно предполагалось до съезда Советов, намеченного эсеро-меньшевистским Центральным исполнительным комитетом на 20 октября.

Чтобы проверить ход подготовки восстания и предупредить о нём более широкие круги партийных работников, Ленин предложил собрать 16 октября заседание членов Центрального Комитета вместе с представителями Петроградского комитета, военной организации, Петроградского совета профсоюзов, фаб-

М. И. Калинин.

завкомов, железнодорожников, Петроградского окружного комитета. Предполагалось присутствие около 30 товарищей. Для такого большого конспиративного собрания крайне трудно было подыскать подходящее помещение. Помог М. И. Калинин. Будучи в это время председателем городской управы Лесного подрайона, он предоставил для заседания одну из комнат думы. Городская дума помещалась на даче по Болотной улице Выборгского района.

К 7 часам вечера явился на заседание Ленин. Перед входом снял свой парик и спрятал в карман.

Ленин уселся на табурет, вынул из кармана пачку исписанных листов, бегло просмотрел их и начал доклад. Он огласил резолюцию, принятую Центральным Комитетом большевиков 10 октября, и сообщил, что против высказались только два

человека. Сжато, коротко Ленин дал оценку общему положению. Приведя цифровые данные о выборах в городские думы Петрограда и Москвы, Ленин показал, что массы шли за большевиками ещё до корниловского восстания.

«Корниловщина же ещё решительнее толкнула массы к нам», — говорил Ленин. И, разобрав соотношение сил на Демократическом совещании, добавил: «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоёв крестьянства»[1].

В комнате стояла напряжённая тишина. Временами Владимир Ильич повышал голос, словно вдавливая в сознание слушателей свои доводы. Иногда, заложив пальцы рук за вырезы жилета, он поднимался и прохаживался по комнате, продолжая речь. Местами, когда он отвечал противникам восстания, голос его становился резче, глаза темнее. Поглаживая голову, он язвительно высмеивал доводы тех, кто возражал против восстания.

Обрисовав внутреннее положение в стране, Ленин перешёл к оценке международного положения. Он доказывал, что в Европе начать революцию труднее, чем у нас. Но если в такой стране, как Германия, начались восстания во флоте, — это показатель того, как далеко зашло революционное движение. Выступив сейчас, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу.

«...буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы можем спасти, только взяв Петроград в свои руки. Из всего этого ясен вывод, что на очереди то вооружённое восстание, о котором говорится в резолюции Центрального Комитета... Из политического анализа классовой борьбы в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооружённое восстание»[2], — так закончил свой доклад Ленин.

Все слушали его, затаив дыхание. Несколько минут никто не брал слова. Но вот раздался спокойный громкий голос Свердлова, приглашающий перейти к докладам представителей с мест. Первый доклад от имени секретариата Центрального Комитета сделал Свердлов. Он сообщил о колоссальном росте большевистской партии, насчитывающей уже не менее 400 тысяч членов. Гигантски возросло влияние большевиков в армии, во флоте, в Советах. Свой доклад Свердлов закончил сообщением относительно мобилизации контрреволюционных сил.

После Свердлова выступали товарищи от имени Петроградского комитета большевиков и от военной организации. Затем заслушали сообщения от профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Особо остановились на настроениях железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. Докладчики рассказывали, что низшие служащие идут за большевиками, почтальоны, например, готовы в решающий момент овладеть почтамтом. Желез-

подорожники говорили, что массы транспортников озлоблены против буржуазного правительства. Доклады с мест полностью подтвердили анализ Ленина: в массах созрела готовность к восстанию.

В заключение Свердлов добавил:

«В Москве в связи с резолюцией Центрального Комитета предприняты шаги для выяснения положения о возможном восстании»[1].

Начались прения. Некоторые из выступавших приводили примеры слабой технической подготовленности к восстанию, но по существу не возражали Ленину.

Только Каменев и Зиновьев вновь принялись за свои «предостережения». Зиновьев, не осмеливаясь открыто защищать сохранение капитализма, начал речь с провокационного вопроса: обеспечен ли успех восстания?

«Вопрос решится первым же днём, — продолжал он, — и в Питере, ибо в противном случае начнётся деморализация. На подкрепления из Финляндии и Кронштадта рассчитывать не приходится. А в Питере мы не имеем уже такой силы. Кроме того у наших врагов громадный организационный штаб»[2].

За окном шумели деревья в саду. В мокрые стёкла стучал дождь. Жидкий голос Зиновьева звучал на одной и той же визгливой ноте. Зиновьев монотонно и упрямо повторял всё те же доводы: враг силен, спешить нам нечего.

Слушатели досадливо отмахивались и переходили к другому краю стола. Постепенно вокруг Зиновьева образовалось пустое пространство. Почти все сгрудились вокруг Ленина, Сталина. Только один Каменев поддержал Зиновьева.

Пользуясь тем, что соображения конспирации не позволяли Ленину, Сталину, Свердлову рассказать, что именно сделано за истекшую неделю, Каменев совсем распоясался. Он стал клеветать на руководство партии:

«С принятия резолюции прошла неделя, и эта резолюция потому и показывает, как нельзя делать восстания: за эту неделю ничего не было сделано, и только испорчена та диспозиция, которая должна была бы быть. Недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет»[3].

Двумя днями позже Ленин писал по поводу наглой выходки Каменева:

«Опровергать я *не* мог, ибо сказать, *что именно сделано*, нельзя»[4].

Выступая, по существу, за сохранение буржуазной демократии, Каменев занял открыто меньшевистскую позицию. Он подошёл к восстанию как школьный учитель к урокам чистописания: всё по линеечке, по порядку, чтобы под рукой было всё оружие, чтобы все планы противника были заранее нам известны, чтобы в руках были все гарантии победы... Как и меньше-

вики, он клеветнически обвинял Ленина в бланкизме, в заговорщичестве.

«Социально говоря, — бубнил Каменев, — кризис назрел, но нет никаких доказательств, что мы должны дать бой до 20-го. Вопрос не стоит так: или сейчас или никогда... Мы недостаточно сильны, чтобы с уверенностью в победе итти на восстание... Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в движущие силы русской революции»[1].

Из-за стола уверенно поднялся Сталин. Спокойно разбирая доводы Зиновьева и Каменева, он дал резкий отпор капитулянтам:

«Можно говорить, что нужно задержать нападение, но надо понимать, что такое нападение; повышение цен на хлеб, посылка казаков в Донской район и т. п., — всё это уже нападение. До каких же пор ждать, если не будет военного нападения? То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности для контрреволюции сорганизоваться. Мы без конца будем отступать, и проиграем всю революцию. Почему бы нам не обеспечить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности сорганизоваться контрреволюции»[2].

Петроград. Городская управа Лесного подрайона, где происходило заседание Центрального Комитета большевиков 16 октября 1917 года.

Гневные, обличающие доводы Сталина как бы пригвождали трусов к позорному столбу. Слова Сталина падали, точно удары хлыста. Каменев, нервно пощипывая бородку, ёжился. Зиновьев суетился в углу, порываясь перебить разоблачающую речь оратора.

Ф. Э. Дзержинский.

Сталин перешёл к международному положению. Доказав, что международные отношения сложились крайне благоприятно для нас, Сталин уверенно закончил:

«Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и опирается на Европу, вторая — не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказав санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошёл против Керенского»[1].

Один за другим выступали члены Центрального Комитета против Зиновьева и Каменева. Дело было не в том, чтобы убедить двух растерявшихся капитулянтов. Спорили вовсе не с ними. Нужно было рассеять возможные сомнения у рядовых работников. Отвечали на вопросы, которые могли задать на митингах. Надо было подготовить к бою всю большевистскую партию. В наступающем решительном сражении не должно быть колеблющихся — таково было содержание выступлений.

Товарищ Свердлов развивал мысль Ленина о том, что вопрос о восстании из области политической перешёл теперь в область техническую. Связанный со всеми крупными районами страны, лично переговорив до заседания с большинством ответственных работников, Свердлов великолепно знал положение. Он подробно рассказал собранию о той лихорадочной подготовке, которую тайком ведёт контрреволюция. Он доказывал, что контрреволюционные генералы спешат предупредить революцию. Свердлов высмеивал Каменева, сделавшего вывод, что резолюция Центрального Комитета от 10 октября практически не осуществлялась.

«Соотношение сил в нашу пользу, — говорил Свердлов. — Резолюции отменять не приходится, но внести коррективы,

что техническая подготовка должна быть энергичнее»[1], — так закончил свою речь Свердлов.

После Свердлова поднялся взволнованный Дзержинский. Широкий, открытый лоб его как будто стал ещё больше. Чувствовалось, что Дзержинский весь наэлектризован. Голос дрожал. Поднимая руку, Дзержинский страстно защищал резолюцию Ленина. Он разъяснял, почему именно сейчас большевики зовут к восстанию. Он яростно обрушился на Каменева, обвинявшего Ленина в заговорщической тактике.

Великолепно усвоив классические идеи марксизма о восстании, Дзержинский вскрыл меньшевистский характер рассуждений Зиновьева и Каменева. Казалось, он снимает с капитулянтов их одежды, и перед слушателями выступали в разоблачённом виде мелкие трусливые людишки, лишь случайно попавшие в ряды революционеров.

«Заговорщичеством именно и является требование, чтобы к восстанию было всё технически подготовлено, — иронически объяснял им Дзержинский. — Когда будет восстание, тогда будут и технические силы. Так же и с продовольствием»[2].

Итог выступлениям подвёл Ленин. Пересыпая свою речь острыми, злыми шутками, он объяснял Зиновьеву и Каменеву азбучные истины революции:

«Если говорить, что восстание «народов», говорить о заговорах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию, как к искусству. А политически уже оно назрело»[3].

Встав из-за стола, как будто показывая этим, что говорить больше не о чем, Ленин предложил утвердить резолюцию Центрального Комитета и решительно готовиться к восстанию, предоставив Центральному Комитету решить вопрос о сроке.

Дружный отпор Центрального Комитета заставил Каменева и Зиновьева на самом совещании перейти к новой тактике. Каменев прикинулся было простачком. Разводя руками, он спрашивал как бы с недоумением:

«Раньше говорили, что выступление должно быть до 20-го, а теперь говорят о курсе на революцию»[4].

Но оба защитника капитализма тут же показали, что это был жульнический приём. Зиновьев умолял хотя бы в течение пяти дней не начинать восстания. Каменев предлагал отсрочить выступление на три дня. Этим самым и тот и другой подчеркнули, что речь шла уже не об общем курсе на восстание, а о ближайших днях выступления.

Ленин в третий раз выступил против Зиновьева. Он коротко и резко объяснил, чем отличается новая, пролетарская революция от Февральской буржуазно-демократической революции, и предложил следующую резолюцию:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию Центрального Комитета, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооружённого восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что Центральный Комитет и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»[1].

Собрание готовилось дружно голосовать, как вдруг опять раздался писклывый, назойливый голос. Зиновьев предлагал свою особую резолюцию:

«Не откладывая разведочных подготовительных шагов, считать, что такие выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов недопустимы»[2].

Убедившись, что никакие вилянья не помогут, Зиновьев в самом конце совещания занял позицию Троцкого. Открыто не выступая против Ленина, Троцкий занимал подлую позицию скрытого саботажа восстания, настаивая на его отсрочке до съезда Советов. Сейчас Зиновьев пытался укрыться от ударов большевистской партии за меньшевистскими позициями Троцкого.

Ленин несколькими днями позже писал об этой последней увёртке Зиновьева:

«...Зиновьев с невинным видом предлагал проваленную собранием резолюцию: «Не выступать до совещания с большевиками, имеющими приехать 20-го на съезд Советов».

Подумать только: после решения *центром* вопроса о стачке предлагать собранию низов отложить его и передать (к съезду 20-го, а съезд отложили потом... Зиновьевы верят Либерданам), передать *такой* коллегии, которая устав партии не знает, которая над Центральным Комитетом *не* властна, которая Питера *не* знает»[3].

Ни жульничество, ни хитрые увёртки не помогли: собрание 19 голосами против 2 при 4 воздержавшихся приняло резолюцию Ленина.

Каменев и Зиновьев сделали ещё одну попытку задержать решение Центрального Комитета, подав заявление с требованием немедленного телеграфного созыва пленума Центрального Комитета.

Записку приложили к протоколу, не сочтя нужным ответить. Разоблачённый и изолированный Каменев подал заявление. Он писал, что позиция Центрального Комитета ведёт партию и пролетариат к поражению и что он уходит из состава членов Центрального Комитета.

Изолгавшийся трус накануне решающего сражения бежал с поста.

На этом собрание кончилось. Члены Центрального Комитета

перешли в другую комнату и постановили создать для практического руководства восстанием Партийный центр во главе со Сталиным, при участии Свердлова, Дзержинского и Урицкого. Этот центр должен был войти в состав Военно-революционного комитета, чтобы возглавить восстание.

Заседание кончилось под утро. Расходились, как и пришли, поодиночке. Ленин вышел после всех. Дул порывистый ветер. У Ленина сорвало шляпу и парик. Владимир Ильич поднял их с земли и снова натянул на голову. Он не заметил, что шляпа промокла. Мысли великого вождя были всецело заняты судьбой революции.

Глубоко засунув руки в карманы пальто, Ленин быстро шагал навстречу ветру и напряжённо обдумывал последние вопросы вооружённого восстания.

2.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Разбитые в Центральном Комитете большевиков, Каменев и Зиновьев решились на неслыханное в истории партии преступление. 17 октября, через несколько часов после заседания, они обратились в меньшевистскую газету «Новая жизнь» с заявлением о своих разногласиях с Центральным Комитетом.

> «Ввиду усиленного обсуждения вопроса о выступлении, — сообщал Каменев, — я и товарищ Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии в Петрограде, Москве и Финляндии с письмом, в котором решительно высказывались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу каких-либо вооружённых выступлений в ближайшие сроки... Не только я и товарищ Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооружённого восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом»[1].

Редактор газеты меньшевик Суханов немедленно сообщил о письме Зиновьева — Каменева своим приятелям по партии. До сих пор обсуждение вопроса о восстании шло в совершенно секретном порядке. Никто вне большевистской партии не знал о предпринимаемых шагах. И вдруг накануне восстания Каменев и Зиновьев разгласили секретное решение Центрального Комитета.

В тот же день, 17 октября, буквально через час-другой после сообщения Суханова, спешно собралось эсеро-меньшевистское

бюро Центрального исполнительного комитета и постановило отложить съезд Советов до 25 октября и обеспечить на съезде большинство мелкобуржуазным партиям. Всего три дня тому назад они объявили незаконным съезд Советов Северной области и замолчали его телеграмму, призывавшую армию опрокинуть все препятствия и прислать своих делегатов на Всероссийский съезд Советов. А сейчас, сделав крутой поворот, эсеро-меньшевики ссылались на призыв Северного съезда и, в свою очередь, звали армию обеспечить представительство на съезде. Посыпались телеграммы в армейские, ещё не переизбранные соглашательские Советы.

«Придать политике съезда устойчивость и направление, соответствующее интересам всей революционной демократии и революции»[1], — так объясняли свой манёвр мелкобуржуазные лидеры.

Расчёт эсеро-меньшевиков был довольно прост. Они знали, что Троцкий требовал отложить восстание до съезда Советов. Теперь стало известно, что Зиновьев и Каменев выступили против вооружённого восстания. Соглашатели рассчитали, что, отсрочив съезд Советов, они дадут возможность имеющимся в большевистской партии противникам революционной тактики усилить борьбу против Ленина и Сталина. Помимо того эсеро-меньшевики хотели использовать отсрочку для завоевания большинства на съезде. Отсрочка давала возможность Временному правительству лучше подготовиться к разгрому восстания.

Утром 18 октября письмо Каменева — Зиновьева появилось в печати. Враг узнал о подготовляемом восстании. Командующий войсками Петроградского округа полковник Полковников немедленно разослал по гарнизону «весьма спешный» приказ:

«1) Каждой воинской части согласно особым распоряжениям в пределах района своего расположения оказывать всемерное содействие органам городского самоуправления — комиссарам и милиции — в охране государственных и общественных учреждений;

2) совместно с районным комендантом и представителем городской милиции организовать патрули и принять меры к задержанию преступных элементов и дезертиров;

3) всех лиц, являющихся в казармы и призывающих к вооружённому выступлению и погромам, арестовывать и отправлять в распоряжение 2-го коменданта города;

4) уличных манифестаций, митингов и процессий не допускать;

5) вооружённые выступления и погромы немедленно пресекать имеющимися в распоряжении вооружёнными силами»[2].

Днём 18 октября на Дворцовой площади перед Зимним дворцом были установлены броневые автомобили с пулемётами.

Вечером 18 октября Временное правительство собралось на секретное заседание. Военный министр Верховский и министр внутренних дел Никитин доложили о мерах, принимаемых против выступления. После заседания правительства у Керенского в кабинете состоялось военное совещание по охране Петрограда. Присутствовали: главный начальник округа полковник Полковников, его помощник Козьмин, начальник штаба округа генерал Багратуни и командиры бригад.

Полковников и Багратуни сделали доклад о мерах, принятых для предупреждения и подавления восстания. Столицу разделили на районы. «Поддержание порядка» в каждом районе возложили на командиров частей войск. По городу разосланы дополнительные патрули и дозоры. На окраинах города расположены сильные воинские заставы, их задача — не допустить массовых сборищ. По всему Петрограду разбросаны скрытые конные резервы, готовые по вызову в любой момент подавить «беспорядки».

> «Конкретные меры уже намечены, одобрены и будут проводиться в жизнь с завтрашнего дня»[1], — заявил Полковников.

До 6 часов утра шло обсуждение мер борьбы с готовящимся вооружённым восстанием. Наутро, 19 октября, в город были вызваны юнкера, усилены караулы, в разных частях города размещены казаки.

Меньшевики выболтали, какие именно меры приняты правительством. 19 октября их центральный орган «Рабочая газета» сообщала своим читателям:

> «Уже принят целый ряд мер к предупреждению опасных эксцессов. Вчера вся милиция без исключения вооружена револьверами. В состав милиции влито 600 отборных солдат, в высшей степени сознательных и преданных Временному правительству»[2].

Но перепуганные мелкие буржуа находили это недостаточным. Свою статью меньшевики с тревогой закончили:

> «Тем не менее нужно сказать, что дело охраны столицы от тёмных сил не стоит на высоте, ибо нет достаточно надёжного и исполнительного органа»[3].

Представитель меньшевиков в правительстве успокоил своих нервничающих товарищей. В газете появилось сообщение о беседе с министром внутренних дел Никитиным. Последний заявил, что против выступления большевиков приняты «меры самые решительные и энергичные»[4].

Предупреждённый враг получил возможность подготовиться и взять в свои руки инициативу. В этой связи становится понятным выступление контрреволюции 19 октября в Калуге.

Вся буржуазная пресса подняла крик и вой. Меньшевистская «Рабочая газета» поместила 19 октября статью «Зиновьев против Ленина». Злорадно издеваясь над внутренними разногласиями, меньшевики обрушились на большевиков со злобной клеветой. Они лгали, что большевики натравливают на правительство беглых матросов и дезертировавших с фронта солдат, привлекают к себе воровской элемент и т. д. Досужие меньшевистские кумушки уже «видели», что на улицах Петрограда появились какие-то «тёмные личности».

«В воздухе чувствуется приближение грозы, — истерически кричали меньшевики. — Повидимому, выступление неорганизованных масс может произойти теперь даже помимо воли тех элементов, которые создали для него почву своей проповедью»[1].

Газета «День» даже опубликовала... «план» большевистского восстания. Большевики по этому «плану» должны были восстать в ночь на 18 октября. Одна «армия» должна была двинуться с Охты через Литейный мост и, включив Выборгский район, занять Таврический дворец. Другая — направлялась из-за Нарвской заставы для занятия Зимнего дворца и других правительственных учреждений. Третья — из Старой и Новой Деревни для занятия Петропавловской крепости.

«Вечером стало известно, — добавил «осведомленный» корреспондент, — что большевики решили воздержаться от предположенного выступления. Вызвана эта отсрочка тем сообщением, которое было сделано вчера в секретном заседании одной из комиссий Совета республики главнокомандующим Петроградским военным округом полковником Полковниковым о предпринятых им шагах к ликвидации возможных беспорядков»[2].

Обливая большевистскую партию потоками грязи, буржуазная и мелкобуржуазная свора взывала к правительству:

— Примите меры!

Не дремали и эсеро-меньшевики в армии. Соглашательский комитет XII армии, вчера ещё грозивший от имени «фронта» сорвать съезд, сейчас от имени того же «фронта» спешно мобилизовал свои силы. Недавние противники съезда телеграфировали в Центральный исполнительный комитет и в бюро военного отдела:

«Просим проявить всю энергию для организации прибывающих на съезд делегатов фронта. От быстрой, широкой организации этих делегатов зависит результат съезда. Наша делегация будет 23 октября в полном составе. Просим не выдавать мандатов без удостоверения армейского комитета»[3].

Солдатская секция Центрального исполнительного комитета, настроенная до того против съезда, 22 октября приняла срочную

резолюцию о мире и передаче земли крестьянам. Но и в этой резолюции наряду с громкими фразами соглашатели попрежнему твердили зады:

«Мы не должны останавливаться даже перед переходом власти в руки демократии», — так начиналась резолюция,— «но не Совета»[1], — пугливо добавили соглашатели. Эсеро-меньшевики подсказали Временному правительству, что у большевиков нужно перехватить лозунги «мира» и «земли». Опытные политические обманщики советовали использовать этот манёвр, чтобы лишить Советы возможности взять власть и действительно реализовать народные требования.

Подлое выступление Каменева — Зиновьева имело известный отзвук и в рядах бойцов революции, хотя оно и не могло поколебать эти сплоченные ряды. В ответ на предательскую выдачу плана восстания Петроградский Совет вынужден был публично заявить, что он не готовит никакого выступления. Это заявление могло дезориентировать массы, которые большевики призывали к восстанию. Действительно, на экстренном заседании полковых комитетов 21 октября один из ораторов выразил своё недоумение

«по поводу того разногласия, которое так резко бросается в глаза, если сопоставить заявление Петроградского Совета в воззвании к казакам, где Совет отрицает возможность выступления, со статьями Ленина в «Рабочем пути», в которых он открыто призывает к восстанию»[2].

Утром 18 октября Ленин ещё не знал о предательстве Зиновьева и Каменева. У него в руках было письмо Зиновьева и Каменева, посланное в Петроградский, Московский и другие комитеты после решения Центрального Комитета большевиков 10 октября о восстании. В письме, названном ими «К настоящему моменту», Зиновьев и Каменев ещё раз повторили все свои доводы против вооружённого восстания.

«Доводы, с которыми выступали эти товарищи, — писал Ленин в ответ капитулянтам, — до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запутанности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что не легко подыскать объяснение столь позорным колебаниям. Но факт налицо, и так как революционная партия терпеть колебаний по столь серьёзному вопросу не в праве, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести может, то необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны»[3].

Едва Ленин закончил свой ответ, как ему принесли свежий номер газеты «Новая жизнь», где Зиновьев и Каменев выдали

врагам тайну восстания. Изменники нанесли предательский удар в спину революции. Враг предупреждён, враг знает, что не сегодня-завтра может начаться вооружённое восстание; враг несомненно принял срочные меры. Дело, от которого зависит судьба революции, в которое вложено столько ума, энергии, с которым связаны надежды и чаяния миллионных масс пролетариата и беднейшего крестьянства, поставлено под угрозу провала.

Словно физически почувствовав предательский удар, Ленин со всей страстью вождя и организатора обрушился на изменников. Он написал письмо к членам партии большевиков. Каждая строчка этого письма дышала гневом и возмущением. Письмо клеймило позором штрейкбрехеров. Оно вызывало презрение к защитникам буржуазного строя, к предателям.

«По важнейшему боевому вопросу, — писал Ленин, — накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в *не*партийной печати и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идёт *об руку с буржуазией против рабочей партии*, в такой газете нападают на *не*опубликованное решение центра партии!

Да ведь это в тысячу раз подлее и *в миллион раз вреднее* всех тех выступлений хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 годах, которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идёт дело о восстании для завоевания власти!

И по такому вопросу, *после* принятия центром решения, оспаривать это *неопубликованное* решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?»[1]

Бичуя предателей, Ленин подчёркивал, что будет добиваться их исключения из партии. Ленин считал, что предательство Зиновьева и Каменева принесло огромный вред большевистской партии и несомненно отсрочило восстание.

«Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, — писал Ленин, — то я издалека не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *практический* вред нанесён очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров»[2].

Но и тогда — в один из наиболее драматических моментов революции — Ленин ни на мгновение не усомнился в победе. Он верил в силу и сплочённость большевистской партии. Он знал, какие неисчислимые источники энергии таит в себе пролетариат. Он понимал, на что способен народ, если во главе его идёт испытанная пролетарская партия. Своё бичующее письмо Ленин закончил так:

«Трудное время. Тяжёлая задача. Тяжёлая измена.

И все-же-таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают своё дело! Тесней сплотим ряды, — пролетариат должен победить!»[1]

Отправив письмо, Ленин снова взялся за перо. На этот раз он писал в адрес только Центрального Комитета большевиков. Ленин требовал немедленно вывести предателей из Центрального Комитета и выгнать их из партии.

«Выступление Каменева и Зиновьева в непартийной печати, — добавлял Ильич, — было особенно подло ещё потому, что их *кляузную ложь* партия не может опровергнуть открыто... Мы не можем сказать перед капиталистами правды, именно, что мы *решили* стачку и решили *скрыть выбор момента* для неё.

Мы не можем опровергнуть кляузной лжи Зиновьева и Каменева, *не вредя ещё больше делу.* В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество обоих этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников, ибо, раз мы молчим в печати, всякий догадается, *как* стоит дело»[2].

В письме Ленин опять разобрал преступление Зиновьева и Каменева, показав, как велика совершённая ими подлость.

Письма Ленина обсуждались в Центральном Комитете 20 октября. Каменева вывели из состава Центрального Комитета, запретили Зиновьеву и Каменеву выступать с какими-либо заявлениями от имени большевиков, лишив их тем самым права быть членами партии.

Предательство Зиновьева и Каменева не могло приостановить развитие революции. Большевики накопили и сорганизовали огромные силы. Народные массы были мобилизованы. Контрреволюцию окружало бушующее революционное море рабочих и солдат. Но вооружённое восстание после предательства Зиновьева и Каменева пришлось отсрочить. Выступать в такой момент значило попасться в ловушку врага.

Отсрочить, однако, не означало снять. Руководящим указанием для Центрального Комитета большевиков стало то, что писал Ленин в своём последнем письме:

«Вопрос о вооружённом восстании, даже если его надолго отсрочили выдавшие дело Родзянке и Керенскому штрейкбрехеры, не снят партией»[3].

Отбросив обоих капитулянтов, Центральный Комитет большевиков под руководством Ленина настойчиво и упорно продолжал работу по организации восстания.

3.

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕГО БОЯ.

Прежде всего необходимо было подтянуть дополнительные силы, ибо противник сосредоточил новые части в столице. Надо было спешно увеличить число красногвардейцев и подготовить к бою значительную часть гарнизона, — опираться на отдельные полки было явно недостаточно. Наконец, нужно было пересмотреть и самый план вооружённого выступления: не исключена была возможность, что детали его стали известны врагу.

Практическое выполнение решений Центрального Комитета большевистской партии перешло в руки Военно-революционного комитета, душой и вдохновителем которого стал Партийный центр во главе со Сталиным, избранный Центральным Комитетом большевиков для практического руководства восстанием.

Под непосредственным руководством Партийного центра Военно-революционный комитет превратился в боевой штаб вооружённого восстания. Он быстро сосредоточил в своих руках связи со всеми частями гарнизона и оперативное руководство Красной гвардией — главной боевой силой вооружённого восстания.

Авторитет Военно-революционного комитета в солдатских массах рос с каждым днём; его распоряжения вскоре стали приобретать силу военных приказов. 18 октября — в день опубликования предательского письма Зиновьева и Каменева — в Смольном были созваны представители полковых и ротных комитетов петроградского гарнизона. Собрание было многолюдным. Явились представители почти от всех воинских частей города и его окрестностей. Первым выступил делегат Измайловского полка. Измайловцы, говорил он, отрицательно относятся к Временному правительству и верят только Совету. По первому зову они немедленно выступят.

Делегат гвардии Егерского полка заявил, что солдаты выступят организованно по приказу Петроградского Совета и потребуют немедленного свержения Временного правительства.

Делегат Московского полка заявил, что полк доверяет исключительно Петроградскому Совету и ждёт приказания о вооружённом выступлении.

Павловский, резервный Волынский и Гренадерский полки в лице своих делегатов заявили, что поддержат Петроградский Совет всеми средствами, вплоть до организованного выступления.

Представитель Кексгольмского полка огласил резолюцию, в которой выражалось недоверие Временному правительству.

Делегат Семёновского полка сообщил, что у них был митинг, на котором не дали говорить меньшевику Скобелеву и эсеру Гоцу. Солдаты требуют передачи власти Советам.

От Гвардейского экипажа и 2-го Балтийского экипажа заверили собрание, что моряки ждут приказа Петроградского Совета о выступлении.

Даже представители юнкерских школ — 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков и 1-й Петроградской пехотной школы — не осмелились говорить о доверии Временному правительству. Юнкера говорили, что выступят только по призыву Центрального исполнительного комитета.

Огромным большинством было принято решение безоговорочно поддержать Военно-революционный комитет. Меньшевикам и эсерам, членам Центрального исполнительного комитета, даже не было дано слово. Им ничего не оставалось, как с позором покинуть совещание, объявив его «незаконным».

Собрание приняло ряд постановлений о непрерывной связи Военно-революционного комитета со всеми частями гарнизона. У полковых телефонов устанавливается постоянное дежурство. По два связиста присылает каждая часть в Смольный. Военно-революционный комитет ежедневно информирует полки.

На другой день соглашательский Центральный исполнительный комитет созвал, в свою очередь, совещание представителей гарнизона в противовес большевистскому собранию 18 октября.

С докладом о текущем моменте и предстоящем съезде Советов выступил меньшевик Ф. Дан. Собрание встретило его спокойно, но резкие реплики с мест и язвительный смех солдат говорили, что негодование готово ежеминутно вспыхнуть.

Дан, все более и более волнуясь и крича, стал угрожать:

«Если петроградский гарнизон поддастся на призыв к выступлению для захвата власти Советами на улицах Петрограда, то, несомненно, повторятся события, имевшие место 3—5 июля» [1].

Угроза Дана вызвала возмущение. В полках ещё не забыли, какую роль сыграли эсеро-меньшевики в разгроме июльской демонстрации. Один за другим поднимались представители полков, требуя передачи власти Советам. Ряд ораторов горячо выступал за немедленное перемирие и передачу земли крестьянам.

Особое возбуждение вызвало заявление Дана, что созыв съезда он считает несвоевременным. Солдаты обрушились на докладчика, обвиняя меньшевиков в срыве съезда.

Попытка соглашателей опорочить собрание представителей гарнизона от 18 октября явно не удалась. Мало того, совещание постановило считать и сегодняшнее собрание, как созванное Центральным исполнительным комитетом помимо военной организации Петроградского Совета, неправомочным для вынесения каких-либо решений. Гарнизон шёл за Военно-революционным комитетом.

ЗАСЕДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА.

Картина Б. В. Иогансона.

В состав Военно-революционного комитета, кроме членов Петроградского Совета и делегатов гарнизона, вошли представители Центрального комитета Балтийского флота, Финляндского областного комитета Советов, местного самоуправления, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, партийных, военных организаций и т. п.

Первое пленарное заседание Военно-революционного комитета состоялось 20 октября. Был заслушан доклад об основных задачах комитета, после чего постановили наладить связь с местными и пригородными частями, а также принять ряд мер по охране Петрограда, так как на 22 октября церковники назначили для казаков крестный ход. На места немедленно командировали агитаторов. Постановили выпустить воззвание, разъясняющее казакам политический смысл манёвров контрреволюции.

В комитет с разных концов стали поступать сведения, характеризующие бдительность и готовность масс защищать революцию. Рабочие одной из типографий сообщили, что ими получен заказ на печатание прокламации черносотенной организации. Комитетом совместно с союзом печатников было немедленно дано распоряжение не выполнять никаких заказов без его разрешения.

Рабочие и служащие Кронверкского арсенала Петропавловской крепости доложили, что правительство вывозит оружие для частей, расположенных в Петрограде и под столицей. 10 тысяч винтовок назначены к отправке на Дон. Военно-революционный комитет немедленно назначил комиссара в Кронверкский арсенал. Комиссару было дано задание прекратить выдачу оружия юнкерам, задержать 10 тысяч винтовок, отправляемых в Новочеркасск. Комендант арсенала отказался допустить комиссара к работе. Комиссар обратился к рабочим и солдатам. Состоялось несколько летучих митингов, на которых солдаты и рабочие потребовали принять комиссара. Поддержанный солдатами и рабочими арсенала, комиссар занял помещение коменданта и прекратил отпуск оружия без своей подписи. На все военные склады были посланы представители Военно-революционного комитета.

В ночь на 21 октября Военно-революционный комитет назначил комиссаров во все части петроградского гарнизона. Комиссары упрочили влияние Военно-революционного комитета в войсках, укрепили связь боевого центра с массами, создали возможность чёткого оперативного руководства в развёртывающихся боях.

Комиссары как представители зарождавшейся новой власти с первых же дней своей работы в воинских частях встретили упорное противодействие со стороны почти всего командного состава.

Комиссары оказались победителями благодаря беззаветной поддержке подавляющего большинства солдатской массы и благодаря той громадной работе, которая была проделана до Октября в частях петроградского гарнизона военной организацией большевиков.

21 октября Военно-революционный комитет созвал представителей петроградского гарнизона. Собрание, ещё раз выразив своё полное доверие Военно-революционному комитету, потребовало, чтобы Всероссийский съезд Советов взял власть в свои руки, обеспечив народу мир, землю и хлеб.

«Петроградский гарнизон, — говорилось в принятой собранием резолюции, — торжественно обещает Всероссийскому съезду в борьбе за эти требования отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека... Мы все на своих постах, готовые *победить или умереть*»[1].

В тот же день Военно-революционный комитет выделил из своей среды бюро, в состав которого вошли три большевика и два «левых» эсера. Бюро назначило трёх товарищей комиссарами в штаб Петроградского военного округа, чтобы взять в руки руководство гарнизоном.

В ночь на 22 октября комиссары Военно-революционного комитета явились к командующему войсками округа Полковникову и потребовали предоставить им право контроля над всеми его распоряжениями. Полковников категорически отказался выполнить предъявленные ему требования.

Утром 22 октября в Смольном экстренно были собраны представители всех полков гарнизона. Депутация Военно-революционного комитета доложила о переговорах с Полковниковым. Общее собрание приняло резолюцию, в которой изложило весь ход переговоров и отказ штаба округа признать Военно-революционный комитет. Было подтверждено решение выполнять распоряжения по гарнизону, только подписанные Военно-революционным комитетом. Штаб, порвавший с гарнизоном столицы, был признан прямым орудием контрреволюционных сил. В резолюции говорилось:

«Солдаты Петрограда!

1. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны.

3. Все распоряжения на сегодняшний день — день Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — остаются в полной своей силе.

4. Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина.

5. Революция в опасности.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Цѣна 20 коп.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный органъ Р. С.-Д. Р. П.

РАБОЧІЙ ПУТЬ.

№ 42. Воскресенье — ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. — 4-го Ноября (22-го октября ст. ст.) 1917 г.

Сегодня день Петроградскаго Совѣта.

Товарищи рабочіе и солдаты! Устраивайте сборы и отчисленія! Зовите массы подъ знамя Петроградскаго Совѣта!—Всѣ на митинги!

День Петроградскаго Совѣта.

Сегодня въ номерѣ.

Центральный орган партии большевиков «Рабочий путь».

Да здравствует революционный гарнизон!»[1]

Пока шло заседание в Смольном, штаб округа попробовал через голову Военно-революционного комитета обратиться к гарнизону. Полковников вызвал в штаб округа представителей полковых и бригадных комитетов, а также представителей Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета. Представители полковых комитетов в штаб не явились. Они заседали в Смольном, куда их вызвал Военно-революционный комитет.

Полковников решил обратиться к гарнизонному собранию в Смольном с просьбой прислать своих представителей. Из Смольного в штаб округа прибыла делегация. Представитель делегации заявил, что гарнизонное собрание уполномочило его довести до сведения штаба только одно постановление: отныне все приказания штаба округа должны быть утверждены Военно-революционным комитетом. Представитель добавил, что больше говорить он не уполномочен, и увёл всю делегацию в Смольный.

В тот же день штаб округа убедился в силе Военно-революционного комитета. Ни один склад не выдал штабу оружия. Все распоряжения штаба возвращены были обратно, так как на них не оказалось подписи комитета.

Весь день 22 октября прошёл под знаком приближения развязки.

В целях боевой мобилизации рабочих масс партия боль-

шевиков объявила 22 октября «Днём Петроградского Совета». На этот же день контрреволюция назначила крестный ход казаков. По казачьим полкам ходили агитаторы правительства. Казакам говорили, что большевики умышленно выбрали день 22 октября, чтобы оскорбить религиозные чувства верующих. Тёмные личности натравливали казаков на солдат гарнизона. В церквах звучали погромные проповеди.

Временное правительство пыталось померяться силами с революцией. Но в самый последний момент эсеро-меньшевистские сообщники правительства испугались и порекомендовали отменить казачий крестный ход.

Главнокомандующий Петроградского военного округа ещё 21 октября предложил Совету союза казачьих войск отказаться от крестного хода, так как этим могут воспользоваться для устройства вооружённого восстания. Войсковой старшина А. Н. Греков в ответ заявил, что казаки не откажутся от назначенного уже крестного хода. Кроме того Греков добавил, что инициатива крестного хода принадлежит собственно полкам и Совет союза казачьих войск не в праве отменить решение.

Руководители казачества явно провоцировали столкновение. Но дело решили рядовые казаки. Вечером 21 октября на гарнизонном собрании полковых комитетов представитель 4-го Донского казачьего полка сообщил, что полк не примет участия в крестном ходе, несмотря на уговоры полкового священника. Делегат 14-го Донского казачьего полка под бурные приветствия всего зала добавил, что «охотно протягивает руку» представителю 4-го казачьего полка [1].

Провокация не удалась. Казачьи полки отказались участвовать в крестном ходе.

День 22 октября стал смотром готовности пролетариев Петрограда к борьбе под большевистским знаменем.

В частях гарнизона, на фабриках и заводах проводились многочисленные митинги. Результаты этого дня превзошли самые смелые ожидания. На митинге в Народном доме было несколько тысяч человек. Зал был переполнен. Солдаты буквально висели на балках у самого потолка. Тысячи людей толпились вокруг театра.

Представитель Царицынского Совета передал привет революционному Петрограду «с берегов широкой Волги». Делегат Балтийского флота заявил, что матросы скорее погибнут, чем допустят продолжение соглашательской политики. Заявление делегата вызвало бурю аплодисментов. Энтузиазм тысяч рабочих и солдат на этом митинге был настолько велик, что достаточно было бы одного прямого призыва, и вся эта людская громада пошла бы с голыми руками на баррикады, на смерть.

«На митинге в Народном доме было несколько тысяч человек».

Рисунок Н. А. Владимирова.

По призыву ораторов-большевиков все слушатели, подняв руку, поклялись по первому зову Петроградского Совета ринуться в последнюю схватку с правительством буржуазии. Так было по всему Петрограду. Не было ни одного завода, фабрики или казармы, где бы в этот день не происходили митинги при громадном стечении рабочих и работниц.

Все наличные агитаторские силы партии были брошены в тот день по районам. Отовсюду требовали агитаторов. Большевиков-агитаторов посылали то в одно, то в другое место. Каждому агитатору приходилось выступать по нескольку раз в день на многих митингах. Чаще других мелькала на трибунах митингов высокая, гибкая фигура одного из лучших большевистских агитаторов — В. Володарского. Пламенный оратор, Володарский пользовался большой популярностью у рабоче-солдатской аудитории. Всюду, где предполагалась горячая схватка с соглашателями, требовали Володарского. Из районов звонили: «Пришлите к нам Володарского, митинг будет многолюдным»[1].

В качестве агитаторов для выступления на рабочих и солдатских митингах в предоктябрьские дни были широко использованы начавшие съезжаться к этому времени в Питер делегаты II съезда Советов — большевики.

В. Володарский.

Меньшевики и эсеры теряли последние позиции.

Выступление меньшевика Мартова в Политехническом институте на Выборгской стороне на митинге в «День Петроградского Совета» началось и кончилось произнесением одного только слова «товарищи». Ему не дали говорить. Речь Мартова заглушили крики:

— Долой! Довольно! Отчаливай, корниловцы!

На Путиловском заводе день 22 октября прошёл с особым подъёмом.

«Решили взять власть в свои руки», — рассказывают об этом митинге большевики-рабочие Путиловского завода. А меньшевик Суханов в своих «Записках о революции» жалуется, что после нескольких попыток ему пришлось отказаться от выступления, ибо рабочие никого не хотели слушать кроме большевиков [1].

Ночью 22 октября Военно-революционный комитет разослал телефонограммой резолюцию, принятую гарнизонным собранием в Смольном, о назначении комиссаров во все части гарнизона. Полкам гарнизона предложено было исполнять приказы штаба, только подписанные Военно-революционным комитетом.

Поздно ночью 22 октября заместитель министра-председателя А. И. Коновалов случайно узнал о переданной в полки телефонограмме. Коновалов немедленно помчался в Зимний дворец и сообщил об этом Керенскому, который ничего не знал о случившемся. Коновалов удивился, что штаб округа не предупредил правительство.

Назначение в полки комиссаров и требование Военно-революционного комитета присылать на утверждение все приказы штаба округа были поняты правительством как начало фактического захвата власти Советами.

Последние дни Временное правительство жило под знаком возрастающей тревоги. Энергия, затраченная на концентрацию сил, казалось, не давала результатов. Чувствовалось, что революция опережает все мероприятия правительства. Керенский готовил батальоны ударников, а большевики в несравненно большем количестве создавали батальоны Красной гвардии.

Контрреволюционные генералы перебрасывали в тыл казаков, а большевики завоёвывали на фронте дивизию за дивизией. Временное правительство собиралось использовать несколько тысяч польских легионеров и чехословаков, а революция привлекала на свою сторону огромные массы трудящихся угнетённых наций.

Временное правительство выбивалось из сил, собирая вооружённые отряды, но это оказывалось бегом на месте, как у белки в колесе. Керенский проводил всё время в поезде. От назревающей в столице революции он бежал на фронт, но и там настигали его зловещие известия о приближении вооружённого восстания. Все газеты полны были слухов, «достоверных сообщений», намёков, предсказаний. Поток этих сведений изо дня в день всё больше накалял атмосферу, держал страну в нервном напряжении, создавал повышенное настроение.

«В первом часу ночи на 15 октября, — пишет кадетская «Речь» 15 октября, — в управление столичной милиции из разных комиссариатов стали поступать вести о каких-то передвижениях вооружённых красногвардейцев»[1].

18 октября сообщалось:

«Большевики готовятся к кровавому бенефису лихорадочно, упорно, настойчиво. Добывают оружие, разрабатывают план действия, занимают опорные пункты»[2].

Выступление В. Володарского в цирке «Модерн». *Рисунок С. С. Боим.*

Комиссар Военно-революционного комитета в полку петроградского гарнизона.

Рисунок Д. А. Шмаринова.

19 октября:

«К предстоящему выступлению большевиков спешно вооружаются рабочие фабрик и заводов. 17 и 18 октября было выдано оружие — винтовки и револьверы — рабочим главной цитадели большевиков — рабочим Выборгского района. 18 октября получили оружие рабочие Большой и Малой Охты и Путиловского завода»[1].

20 октября:

«Мы подошли вплотную к двадцатым числам октября, с которыми уже не только Петербург, но и Россия связывает новые тревоги и ожидания. Надо отдать справедливость большевикам. Они используют все средства, чтобы поддержать тревогу на должной высоте, чтобы обострить ожидание и довести нервное напряжение до той крайности, когда ружья начинают сами стрелять»[2].

Каждый новый день начинался во Временном правительстве с вопроса: выступят ли сегодня большевики? Министры гадали о сроке восстания. Ловили слухи о начале решительного выступления. Заместитель министра-председателя Коновалов рассказывал корреспонденту газеты:

> «В течение дня 16 октября Временному правительству точно не был известен день выступления большевиков. Ещё накануне во Временное правительство стали поступать сообщения о том, что большевики решили выступить не 20-го, как все предполагали, а 19-го. Повидимому, сами большевики ещё точно этого вопроса не решили» [1], — утешал себя Коновалов.

Для Временного правительства дело осложнялось тем, что большевики готовили штурм под видом обороны. Прикрытие наступления формой обороны являлось особенностью большевистской тактики в эти дни. Отказ вывести войска из столицы знаменовал собою наступление революции, но этот шаг был проделан под знаком обороны Петрограда от немцев и контрреволюции. Военно-революционный комитет был создан как боевой штаб революции, но проведено это было под видом усиления обороны города. Посылка комиссаров в полки означала мобилизацию революционных сил, но проделана она была в форме защиты Петроградского Совета от наступления реакции.

> «Революция, — писал Сталин, — как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы» [2].

Этим искусным манёвром большевики вырвали у Временного правительства возможность обвинить их в инициативе гражданской войны. А это затруднило Временному правительству мобилизацию колеблющихся.

Постоянное напряжение, в котором большевики держали правительство, вызвало разброд и развал в самом правительстве. 14 октября все три товарища министра юстиции Малянтовича подали заявления об отставке. Они обвинили министра в попустительстве большевикам: он выпустил несколько большевиков из тюрьмы под денежный залог.

Керенский вызвал к себе Малянтовича и в резкой форме признал его действия неправильными.

Вскоре всплыл вопрос о военном министре Верховском. С ним у правительства уже было несколько мелких столкновений. Первое — по поводу создания комиссии по демобилизации. Верховский считал необходимым подчинить себе новое учреждение, а Временное правительство передало его в ведение другого министра — Третьякова. Второй конфликт — по вопросу об освобождении из армии солдат старших возрастов. Военный министр категорически отказался итти на эту меру, боясь, как он говорил, обнажить фронт. Явно перепу-

Красная гвардия завода «Вулкан».

ганный нарастанием революции в армии, министр перестал посещать заседания правительства, невнятно заявив о своих разногласиях с ним. На требование прислать кого-нибудь вместо себя Верховский фактически ответил заявлением об отставке. Чтобы не предавать дело огласке, министру дали отпуск.

Временное правительство так и не выходило из кризисов.

Резкие колебания сказались и в Предпарламенте. 18 октября обсуждалась резолюция об обороне страны. Кадеты, казаки, правые эсеры, кооператоры внесли свою резолюцию и собрали 141 голос против 132. Это было в 2 часа дня. Через десять минут меньшевики потребовали проверки голосования путём выхода голосующих в дверь. Резолюция на этот раз собрала 135 голосов против 139. Дальше голосовалось ещё 5 резолюций: 2 от эсеров и 3 от разных групп меньшевиков. Все резолюции провалились.

Продлили прения. Устроили перерыв. Дали всем фракциям сговориться, но к соглашению так и не пришли. По основному вопросу в жизни страны — по обороне — Предпарламент так и не вынес резолюции.

В такой нервной и полной растерянности обстановке решение Военно-революционного комитета о назначении комиссаров было встречено с большой тревогой.

22 октября крайне взволнованный Керенский позвонил начальнику штаба округа генералу Багратуни и в резком тоне приказал ему ни в коем случае не признавать комиссаров. Керенский предложил «ультимативно потребовать отмены телефонограммы той же инстанцией, по распоряжению которой она последовала»[1], т. е. чтобы Военно-революционный комитет сам отменил своё же постановление.

Всю ночь правительство совещалось то со штабом округа, то с военным министерством. В Зимний дворец вызывали отдельных министров. Появились члены Совета Российской республики. Осветились окна Мариинского дворца, куда стали прибывать члены Совета республики. В Мариинском дворце оценивали телефонограмму Военно-революционного комитета как начало борьбы за власть. Временное правительство вполне согласилось с Керенским и Коноваловым, что необходимы решительные меры против Военно-революционного комитета.

Утром 23 октября Военно-революционный комитет довёл до всеобщего сведения, что им назначены комиссары во все воинские части гарнизона. В обращении говорилось:

«Комиссары как представители Совета неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов»[2].

С раннего утра 23 октября Керенский вновь начал переговоры с министрами и чинами штаба. Так как Военно-революционный комитет не собирался отменять своей телефонограммы, то решено было итти на компромисс: увеличить представительство Петроградского Совета при штабе округа. О компромиссе сообщили в Смольный, но Военно-революционный комитет молчал, а назначенные им комиссары всё в большем числе появлялись в полках гарнизона.

Днём 23 октября состоялось секретное заседание эсеро-меньшевистского бюро Центрального исполнительного комитета. На этот раз собрались не в Смольном, где обычно заседал Центральный исполнительный комитет, а в Мариинском дворце. Центральный исполнительный комитет осудил Военно-революционный комитет и потребовал от правительства решительных мер, вплоть до ареста руководителей.

Пока Керенский метался между Зимним дворцом и Мариинским, Военно-революционный комитет рассылал комиссаров по полкам. В течение первого дня было назначено около 100 комиссаров, а в ближайшие дни — около 600.

Всюду, где появлялись комиссары, закипала бодрая, уверенная работа. Поддержанные революционной частью солдат, большевистские комиссары преодолевали саботаж офицеров, изолировали командиров или заменяли их новыми из младшего командного состава и рядовых. В полку быстро сколачивалось ядро преданных революции бойцов. На общих собраниях разъяснялся солдатам классовый смысл происходивших событий. Принимались боевые резолюции о

поддержке Военно-революционного комитета. Комиссар доставал оружие, следил за распределением продовольствия. Боеспособность полков гарнизона росла.

Одновременно с завоеванием громадного большинства гарнизона завершена была организация главной боевой силы Октябрьской революции — рабочей Красной гвардии.

В помещении Совета 1-го Городского района 20 октября открылась тщательно подготовленная общегородская конференция красногвардейцев Петрограда и его пригородов — Сестрорецка, Шлиссельбурга, Колпина, Обухова. На конференции присутствовало 100 делегатов, преимущественно большевиков, представлявших около 12 тысяч официально зарегистрированных красногвардейцев.

Буквально каждый час число их росло, ибо на всех заводах шла запись. В петроградскую Красную гвардию был запрещён доступ добровольцам со стороны. Принимали только рабочих данного завода. Это предохранило Красную гвардию столицы от проникновения в её ряды тёмных авантюристов. Она находилась под непосредственным контролем рабочих фабрик и заводов. В ряде мастерских Путиловского завода красногвардейцы избирались общим собранием рабочих и с гордостью считали себя делегатами от заводов.

Не было предприятия, где не шло бы формирование отрядов. Даже многие рядовые меньшевики, увлечённые общим порывом, просились в Красную гвардию.

В отряды вступали и женщины-работницы. На заводе военно-врачебных заготовлений был организован отряд санитарок. Их примеру последовали другие заводы. Ни один отряд не уходил в Совет без санитарок. Работницы дежурили вместе с красногвардейцами, с ними готовились к бою.

Доклады представителей районов на общегородской конференции говорили о том, что Красная гвардия полна решимости и энтузиазма. Когда Совет вызывал двух бойцов — шли пять. Если требовался десяток добровольцев — поднимал руки весь отряд. Красногвардейцы уже не оставляли винтовок на заводе. Оружие брали с собой на дом, держали его под рукой.

Конференция петроградских красногвардейцев приняла большевистскую резолюцию по текущему моменту и новый устав. Устав давал единообразную форму организации Красной гвардии, укреплял её дисциплину, точно определял права и обязанности Главного штаба, его бюро и районных штабов. Согласно принятому уставу районы делегировали в состав Главного штаба по одному постоянному представителю. Выборгский и Пороховский давали по два представителя.

Конференция закончилась 23 октября. Все чувствовали, что в воздухе пахнет порохом. Было спешно созвано совещание Главного штаба Красной гвардии с представителями районов. На заседании избрали бюро штаба. Главный штаб постановил держать Красную

За власть Советов!

Рисунок П. П. Ко[illegible]

гвардию под ружьём, приказал установить дежурства красногвардейских отрядов, на заводах усилить патрули и разведку.

Важнейшей боевой силой революции вслед за Красной гвардией был Балтийский флот. Моряки давно уже были настроены резко враждебно к правительству. Ещё 19 сентября Центробалт принял постановление, где заявил, что «больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власть его не признаёт» [1].

Морское офицерство в большинстве не принимало участия в матросских собраниях, прикрываясь своей «беспартийностью» и «аполитичностью». Матросы же целиком и полностью поддерживали большевиков.

Вечером 23 октября Военно-революционный комитет созвал полковые комитеты гарнизона. На собрании присутствовали и многие делегаты с фронта, приехавшие на II съезд Советов. Больше шести часов докладывали представители полков о настроении солдат. Все жадно слушали. Речи покрывались дружными аплодисментами. Представители гвардии Петроградского полка и гвардии резервного Московского полка заявили, что уже настал момент для передачи власти Советам. Солдат Измайловского полка выразил настроение своего полка коротко, в трёх словах:

— Вся власть Советам!

Вот на трибуне представитель 1-й стрелковой дивизии, прибывший с Румынского фронта.

«Временное правительство ничего не сделало для осуществления воли трудового народа, и поэтому верховная власть в стране должна быть передана Советам» [2],—заявил он под бурные приветствия.

Его сменил представитель гвардейской стрелковой дивизии из действующей армии. Он говорил об ужасах холодной, голодной жизни в окопах.

Говорили представители Гренадерского полка, частей гатчинского гарнизона, 2-го пулемётного и Семёновского полков. Один за другим заявляли делегаты: солдаты этих частей отдают себя всецело в распоряжение Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Одновременно шло заседание Петроградского Совета, на котором был заслушан доклад о работе Военно-революционного комитета.

Подавляющим большинством голосов Петроградский Совет одобрил работу комитета:

«Петроградский Совет констатирует, что благодаря энергичной работе Военно-революционного комитета связь Петроградского Совета с революционным гарнизоном упрочилась, и выражает уверенность, что только дальнейшей работой в этом же направлении будет обеспечена возможность свободной и беспрепятственной работы открывающегося Всероссийского съезда Советов. Петроградский Совет поручает своему революционному комитету немедленно принять меры к охране безопасности граж-

Красногвардейцы. *Рисунок В. В. Хвостенко.*

дан в Петрограде и решительными мероприятиями прекратить попытки погромных движений, грабежей и т. д.» [1].

Петроградский Совет вменил своим членам в прямую обязанность предоставить себя в распоряжение Военно-революционного комитета для участия в его работах.

По окончании заседания Совета, поздно ночью 23 октября, Партийный центр собрал Военно-революционный комитет. Проверили силы. Наметили конкретные задачи всем частям на случай выступления. От всех полков оставили по два представителя для связи.

Наступлению контрреволюции Военно-революционный комитет противопоставил сознательную мощь отрядов Красной гвардии полков гарнизона и судов Балтийского флота. Боевые силы революции только ждали приказа Центрального Комитета большевиков.

Во Временном правительстве тревога всё нарастала. Министры сообщали друг другу слухи один мрачнее другого. Из Мариинского дворца звонили в Зимний, передавая о настроении во фракциях эсеро-меньшевиков. Из Смольного приезжали участники совещаний гарнизонного собрания и Петроградского Совета. Передавали, что гарнизон приводится в боевую готовность. Выступление возможно в ближайшие часы.

Керенский вызвал к себе вновь назначенного управляющего военным ведомством генерала Маниковского и главнокомандующего Северного фронта генерала Черемисова. На совещании речь шла

«об устранении новой попытки Петроградского Совета нарушить дисциплину и внести расстройство в жизнь гарнизона»[1].

Оба генерала признали влияние Совета на гарнизон «весьма вредным».

В 5 часов вечера 23 октября в кабинете у Керенского состоялось секретное заседание чинов штаба округа. Генерал Багратуни, начальник штаба, подробно доложил о мерах, принятых против выступления большевиков.

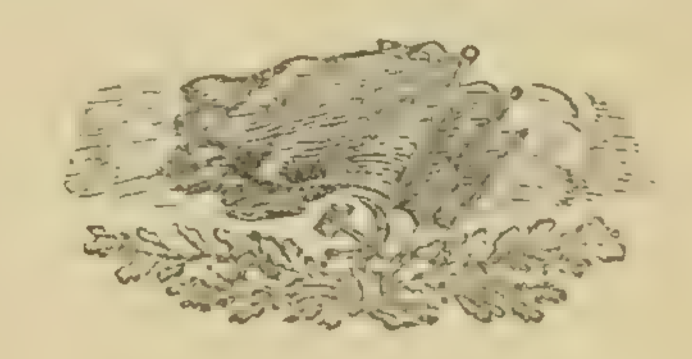
О выступлениях Троцкого, предлагавшего отсрочить восстание до съезда Советов, т. е. до 25 октября, знали. Полагали: раз Троцкий называет эту дату, то большевики, видимо, связывают с ней какие-то планы. Исходя из этого предательского предупреждения, решено было начать своё выступление на день-два раньше большевистского. Собрание военных у Керенского наметило выступление на 24 октября. План был принят.

Ночью 23 октября собралось Временное правительство. На повестке дня стоял только один вопрос: меры борьбы с готовящимся восстанием большевиков. Доклад делал Керенский. Он говорил возбуждённо и весьма решительно. Приведя ряд данных о подготовке восстания, Керенский потребовал немедленного выступления против большевиков. Всякое промедление может быть истолковано большевиками как слабость правительства. Керенский ознакомил министров с планом борьбы против восстания. В заключение он сообщил, что предварительные распоряжения им уже отданы. Он приказал арестовать руководителей Военно-революционного комитета и прежде всего тех, кто призывает к отказу от подчинения законным властям.

Правительство одобрило все меры Керенского. Некоторые члены правительства рекомендовали заручиться поддержкой Предпарламента. Опираясь на эту поддержку, Временное правительство сможет во всей полноте проводить репрессии против большевиков.

Правительство поручило Керенскому выступить в Предпарламенте. Лишь поздно ночью 23 октября министры покинули Зимний дворец. Керенский предупредил штаб округа, что план выступления против большевиков утверждён.

Наступил решающий момент. Враги стали лицом к лицу.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ.

1.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ.

На рассвете 24 октября в типографию центрального органа большевистской партии явились комиссар милиции 3-го Рождественского района и юнкера 2-й Ораниенбаумской школы. Представитель Временного правительства предъявил ордер командующего войсками Петроградского округа на закрытие типографии и запрещение газет «Рабочий путь» и «Солдат». Рабочие наотрез отказались прекратить печатание газет. Выпускающий заявил, что признаёт приказы и распоряжения только за подписью Военно-революционного комитета, и принять ордер отказался. Отряд юнкеров занял все входы и выходы помещения.

Было около 6 часов утра. Рабочие спешили на фабрики. Весть о захвате типографии быстро распространилась по району. Вокруг типографии начал собираться взволнованный народ, окружая военный отряд. В толпе были красногвардейцы ближайших заводов. Один из них позвонил по телефону в комитет большевистской партии Рождественского района и сообщил, что юнкера громят типографию. Партийный организатор района — так назывались в то время секретари районных комитетов — Мещеряков оповестил членов

районного большевистского комитета. По телефону предупредили Сталина — редактора газеты.

Тревожный голос доложил:

— Юнкера громят «Правду».

— Много их?

— Небольшой отряд во главе с офицером.

— Ладно! Сейчас пришлю броневики.

Сталин приказал выслать два броневика из отряда, полностью стоявшего на стороне большевиков.

В Смольном, в комнате Военно-революционного комитета, недавно только закончилось заседание. Вдоль стен на стульях и прямо на полу расположились связисты — по два от каждого полка и штабов Красной гвардии. Негромко отдавались распоряжения.

То и дело входили представители прибывавших отрядов. Присаживались к связистам или, получив приказ, уходили. Часто трещал телефон, но, несмотря на это, многие продолжали дремать, устав от бессонных ночей.

Известие о захвате типографии большевистского центрального органа подняло всех:

«Началось!»

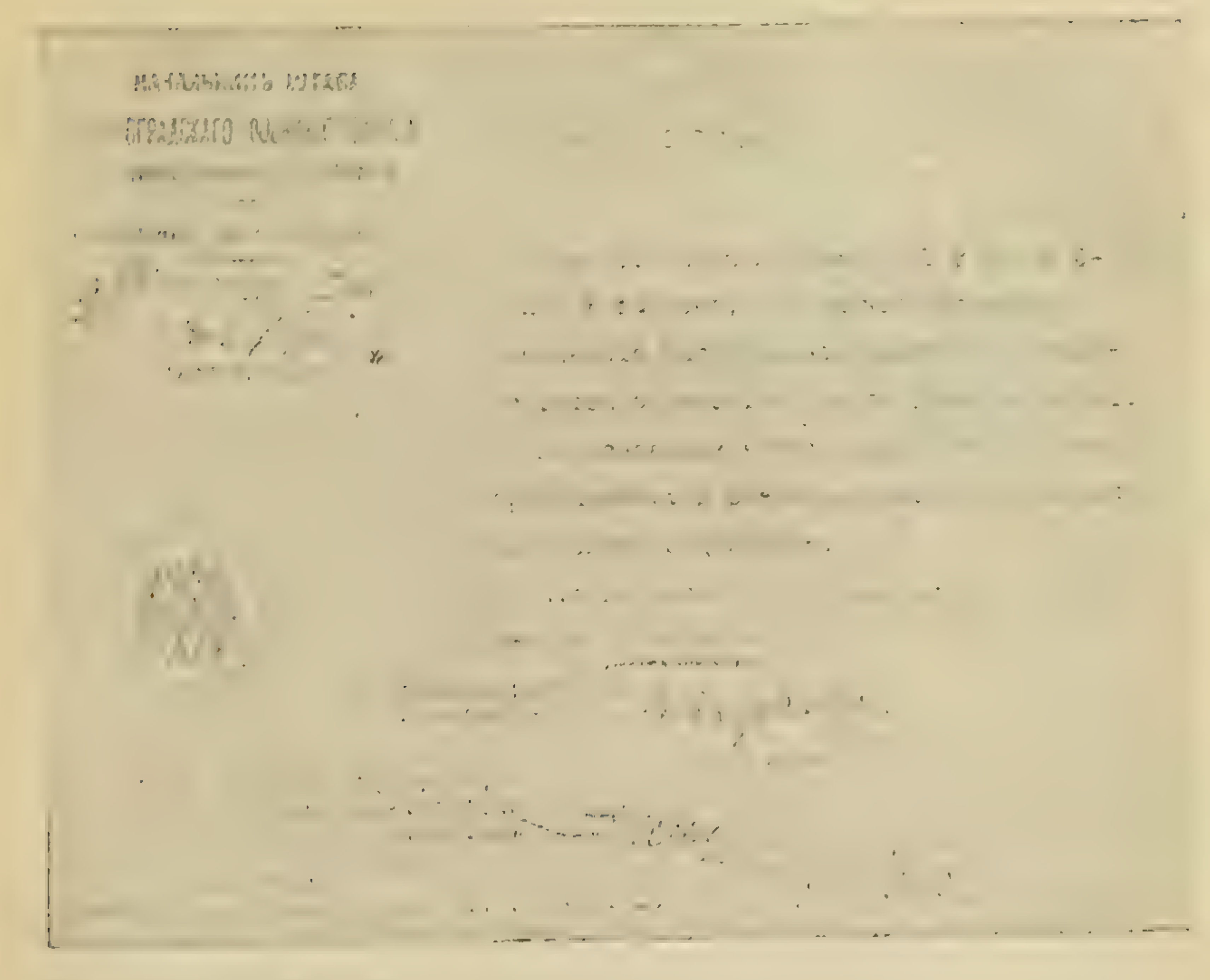
Встревоженные связисты окружили запыхавшегося красногвардейца. Немедленно послали солдат Литовского полка за дежурной ротой. Связисты вскочили на мотоциклы и помчались в полк.

Юнкера успели за это время разбить стереотипы, запечатали типографию «Рабочего пути», захватили около восьми тысяч готовых номеров газет и увезли их в милицию.

Временное правительство знало, что делает. Как раз в этом номере «Рабочего пути» был опубликован призыв Сталина:

> «В феврале месяце свергли царя солдаты и рабочие. Но, победив царя, они не захотели взять власть в свои руки. Руководимые дурными пастырями, — эсерами и меньшевиками, рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов: Милюковым и Львовым, Гучковым и Коноваловым...
>
> Эту ошибку нужно исправить теперь же. Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.
>
> Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...
>
> То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь.
>
> Таким и только таким путём могут быть завоёваны мир, хлеб, земля, свобода» [1].

Временное правительство, выполняя намеченный план, начало с разгрома «Рабочего пути». Оно пыталось вырвать из рук большевиков такое сильное оружие, как центральный орган.

Распоряжение о закрытии «Рабочего пути».

Утром, часов около десяти, Керенский созвал в своём кабинете в Зимнем дворце совещание министров. Он сообщил о захвате инициативы в свои руки и затем изложил основные пункты речи, заготовленной для Предпарламента. Речь утвердили, и Керенский уехал в Мариинский дворец, где помещался Предпарламент.

Заседание Предпарламента открылось в 12 часов 30 минут. Со скукой слушали депутаты сообщение министра внутренних дел, меньшевика А. М. Никитина, о продовольственных беспорядках. Неожиданно в министерской ложе появился Керенский. Его взволнованный вид привлёк к себе внимание депутатов. В зале началось оживление. Как только Никитин кончил речь, трибуну быстро занял Керенский. Он резко обрушился на большевиков, обвиняя их в организации восстания.

«Для того, чтобы мои слова, — говорил Керенский, — не были голословны, и для того, чтобы никто не мог упрекнуть Временное правительство в возведении на какую-либо партию неправильного обвинения или злостного измышления, я считаю себя обязанным процитировать вам здесь наиболее определённые места из ряда прокламаций, которые помещались разыскивае-

мым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете «Рабочий путь»!»[1]

Керенский стал цитировать ленинское «Письмо к товарищам», написанное против предательства Зиновьева — Каменева. Зал был возбуждён. Негодующие, направленные против большевиков возгласы прерывали Керенского. Рассказав дальше подробно о назначении Военно-революционным комитетом комиссаров в полки и о бесплодных попытках штаба ликвидировать это назначение, Керенский закончил:

«Таким образом, я должен установить перед Временным Советом полное, явное, определённое состояние известной части населения Петербурга как состояние восстания»[2].

С кадетских скамей раздались крики:

— Дождались!

Вдруг на трибуну поднялся заместитель министра-председателя А. И. Коновалов и протянул Керенскому записку. Наступила пауза. Нервно пробежав записку, Керенский бросил в притихший зал:

«Мне представлена копия того документа, который рассылается теперь по полкам: «Петроградскому Совету грозит опасность. Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейшего распоряжения. Всякое промедление и неисполнение приказа будут считаться изменой революции. За председателя Подвойский»[3].

В зале поднялся невообразимый шум. Керенский потребовал от Предпарламента чрезвычайных полномочий для ликвидации восстания самыми решительными мерами. В 2 часа дня Керенский, провожаемый овацией, покинул трибуну и помчался в Зимний дворец. В Предпарламенте объявили перерыв для совещания фракций.

Пока Керенский произносил свою истерическую, бурную и крайне длинную речь, в городе произошло следующее.

Сразу после налёта юнкеров на «Рабочий путь» собрался Центральный Комитет большевиков, предупреждённый Сталиным о попытке Керенского взять в свои руки инициативу.

Была заслушана информация о событиях. Без долгих речей и прений Центральный Комитет постановил: членам Центрального Комитета из Смольного не расходиться, связаться с Петроградским комитетом и организовать дежурство его членов в Смольном и в Петроградском комитете.

Было вынесено решение о «Рабочем пути»:

«Немедленно же отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выпуском очередного номера газеты»[4].

Для наблюдения за всеми действиями Временного правительства был выделен товарищ Свердлов. Товарищу Дзержинскому поручили почту и телеграф.

Тут же было намечено организовать запасный штаб в Петропавловской крепости. Всех членов Центрального Комитета снабдили

Высадка десанта матросов с крейсера «Аврора». Картина И. А. Владимирова.

пропусками в крепость. Поддерживать постоянную связь со штабом поручили товарищу Свердлову.

Предложили срочно информировать московских товарищей обо всём происходящем в Питере.

Было решено порвать с соглашательским бюро Центрального исполнительного комитета, саботировавшим созыв съезда Советов, и начать переговоры с «левыми» эсерами о совместных действиях.

Товарищ Свердлов немедленно сообщил постановления Центрального Комитета большевиков Военно-революционному комитету.

Выполняя постановления, Военно-революционный комитет прежде всего распорядился:

«1) Типографии революционных газет открыть; 2) предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет; 3) почётная обязанность охранения революционных типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного сапёрного батальона»[1].

К 11 часам утра приказ Военно-революционного комитета был выполнен. Печатание большевистских газет возобновилось.

Одновременно всем комиссарам и полковым комитетам было передано по телефону следующее предписание № 1:

«Петроградскому Совету грозит прямая опасность: ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений.

Всякое промедление и замешательство будут рассматриваться как измена революции.

Выслать двух представителей на делегатское собрание в Смольный»[2].

В полки были посланы связисты с тем же предписанием на руках. В Смольный вызвали солдат Литовского полка и сапёров. Комиссару и гарнизонному комитету Петропавловской крепости предписали привести крепость в боевую готовность и выставить у ворот самый надёжный караул. Было приказано: кроме частей и лиц, снабжённых пропусками Военно-революционного комитета, из крепости и в крепость никого не пускать.

Главному штабу Красной гвардии было приказано: немедленно направить в Смольный отряд в 1 500—2 000 рабочих. Произвести мобилизацию всего транспорта. Занять в районах все тактически важные пункты. Организовать охрану фабрик и заводов и выделить боевые силы для захвата правительственных учреждений.

Восстание началось.

Пролетарские районы столицы были наготове. На заводах и фабриках, как только прибыли первые известия о выступлении, началась лихорадочная деятельность. Путиловский заводской комитет тотчас же отправил в Смольный красногвардейские сотни

и дал сигнал к сбору резерва. Шлиссельбургский завод выставил отряд в 200 человек. Штаб Красной гвардии Выборгского района оповестил все заводы о выступлении и предложил заводским комитетам реквизировать все автомобили.

Красногвардейцы завода «Русский Рено» направились к казармам Преображенского полка, чтобы присоединить его к себе. Там уже происходил митинг. Представитель Военно-революционного комитета Чудновский призывал преображенцев выступить вместе с рабочими. Солдаты изъявили готовность присоединиться к восстанию.

За Невской заставой Красная гвардия заняла все подходы к городу. Расставили патрули по всему участку от села Смоленского до станции Сортировочной Николаевской железной дороги.

К зданию Петроградского районного Совета стекались небольшие отряды мелких заводов. После полудня собралось около двух тысяч красногвардейцев, ожидая распоряжений.

На Васильевском острове прозвучал троекратный гудок Трубочного завода. Это был сигнал к сбору. Со всех концов острова и особенно густым потоком с Гавани и Балтийского завода потянулись красногвардейцы к штабу — комендатуре боевых дружин района.

На площадь перед Смольным прибывали грузовые машины с красногвардейцами и солдатами. В различных направлениях шага-

Красногвардейцы у Смольного.

ли патрули, спеша занять посты. Пришли две роты литовцев. Они частью расположились перед зданием, частью были введены в Смольный. Отряды Красной гвардии заняли караулы у всех выходных дверей Смольного. Штаб охраны расположился в небольшой комнате первого этажа. Тут же стояли пулемёты; их предполагали установить на крыше.

Пришёл отряд 6-го сапёрного батальона, посланный для охраны Петроградского Совета.

Из всех десяти районов столицы непрерывно прибывали всё новые сотни красногвардейцев. Многим нехватало оружия и особенно патронов. Военно-революционный комитет спешно направил своих уполномоченных в ближайшие военные части с предложением прислать излишки винтовок и огнестрельных припасов.

Такие требования адресовались не только стрелковым полкам, а и командам, техническим батальонам. Но и там уже спешно вооружались для восстания.

Комитет запасного электротехнического батальона наложил такую резолюцию на требовании Военно-революционного комитета:

> «Вследствие неимения лишнего оружия в количестве наличности такового 70 штук на команду 190 человек считаем нехватает для себя» [1].

В батальоне создали свой отряд.

Члены Партийного центра — Сталин, Свердлов, Дзержинский — непрерывно находились в Военно-революционном комитете. Они разрабатывали подробности плана восстания. Намечали части для занятия телефонной и телеграфных станций. Военно-революционный комитет выделил отряды для охраны мостов, чтобы сохранить связь со всеми районами, и центром.

План вооружённого восстания был разработан в полном соответствии с указаниями Ленина. В своих сентябрьских и октябрьских письмах Центральному и Петроградскому комитетам партии большевиков Ленин изложил основы плана. Они сводились к созданию гигантского перевеса сил с тем, чтобы «окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска» [2]. План восстания предусматривал внезапный удар по врагу — захват важнейших пунктов столицы: телефона, телеграфа, железнодорожных станций, мостов и правительственных учреждений. Одним из основных моментов плана было окружение и взятие Зимнего дворца и арест Временного правительства.

На Финляндский и 180-й полки вместе с красногвардейцами возлагалась охрана всех переправ со стороны Васильевского острова. Рабочим Петроградской стороны совместно с Гренадерским полком и огнехимическим батальоном поручили ликвидировать возможные контрреволюционные выступления — имелись в виду Павловское и Владимирское юнкерские училища. Этим же отрядам

поручили занять все переправы и тактически важные пункты. Красногвардейцы Выборгского района и солдаты Московского полка получили задание занять Литейный, Гренадерский, Сампсониевский мосты. Одновременно с этим Московский и Гренадерский полки выдвигали сильную заставу (до 3 тысяч штыков) в сторону Белоострова. Этим отрезали путь, по которому Временное правительство намеревалось перебросить контрреволюционные эшелоны из Финляндии.

Охрану подступов к Петрограду со стороны Варшавской и Балтийской железных дорог, а также со стороны Петергофского шоссе поручили сводному отряду красногвардейцев Московской и Нарвской застав, Измайловскому и Петроградскому полкам. Непосредственные подступы к Смольному предложили занять частям Волынского, 1-го запасного Литовского полков и 6-го сапёрного батальона. Одновременно этим достигалось создание второй цепи окружения Зимнего дворца.

На помощь петроградским красногвардейцам и революционным воинским частям вызвали боевые суда и моряков Балтийского флота.

Для связи с Кронштадтом были использованы два представителя Кронштадтского Исполкома, прибывшие в этот день в Петроград. Получив задание, они спешно отправились в Кронштадт готовить суда и отряды к отправке утром 25 октября в Петроград.

Военным кораблям Балтийского флота надлежало войти в Неву, держать под угрозой огня своих крупнокалиберных орудий главные магистрали, ведущие в Петроград. По дороге очистить Ораниенбаум, Петергоф, Стрельну от юнкерских гнёзд и захватить Балтийскую железную дорогу. На боевых кораблях в Петроград должен был прибыть пятитысячный десант кронштадтских моряков. Несколько судов располагались по Неве и брали на прицел Зимний дворец. Таким образом в плане восстания осуществлялась директива Ленина о внезапном и быстром наступлении на Петроград

«непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта...»[1].

Ленину послали подробную записку о всех намеченных мерах.

Вокруг Смольного царило большое оживление. Подходили всё новые отряды Красной гвардии и части гарнизона. Солдатам и красногвардейцам раздавали воззвания Военно-революционного комитета.

Днём 24 октября Военно-революционный комитет объявил через радиостанцию крейсера «Аврора» следующее распоряжение:

«1. Гарнизон, охраняющий подступы к Петрограду, должен быть в полной боевой готовности.

2. На вокзалах должна быть усиленная охрана.

3. Не допускать в Петроград ни одной войсковой части, о которой не было бы известно, какое положение приняла она

по отношению к нынешним событиям. Навстречу каждой части надо выслать несколько десятков агитаторов, которые должны выяснить им, направляющимся в Петроград, что их желают натравить на народ.

Корниловские эшелоны, если таковые не подчинятся увещаниям, должны быть задержаны силой. Надо действовать строго и осторожно и, где окажется нужным, применить силу.

О всех передвижениях войск немедленно сообщать в Смольный институт в Петрограде, Военно-революционному комитету и присылать туда представителей из местных Советов, полковых комитетов для установления связи. Советам необходимо беспрерывно заседать»[1].

Это был первый в истории опыт использования радио восставшим пролетариатом.

Радио связало Военно-революционный комитет со всей страной и обеспечило ещё более сплоченный отпор солдат и железнодорожников всяким попыткам Временного правительства перебросить к Петрограду войска с фронта: в Выборге была задержана 5-я Кубанская казачья дивизия, в Ревеле нейтрализованы ненадёжные полки III конного корпуса, в Царском Селе задержан батальон ударников, в Петергофе задержана и обезоружена 1-я Петергофская школа прапорщиков.

На многих заводах днём 24 октября состоялись митинги. Рабочие заявляли о своей полной готовности выступить против Временного правительства. На Путиловском заводе рабочие 2-го округа постановили:

«1) Беспрекословно подчиняться Революционному комитету при Петроградском Совете;

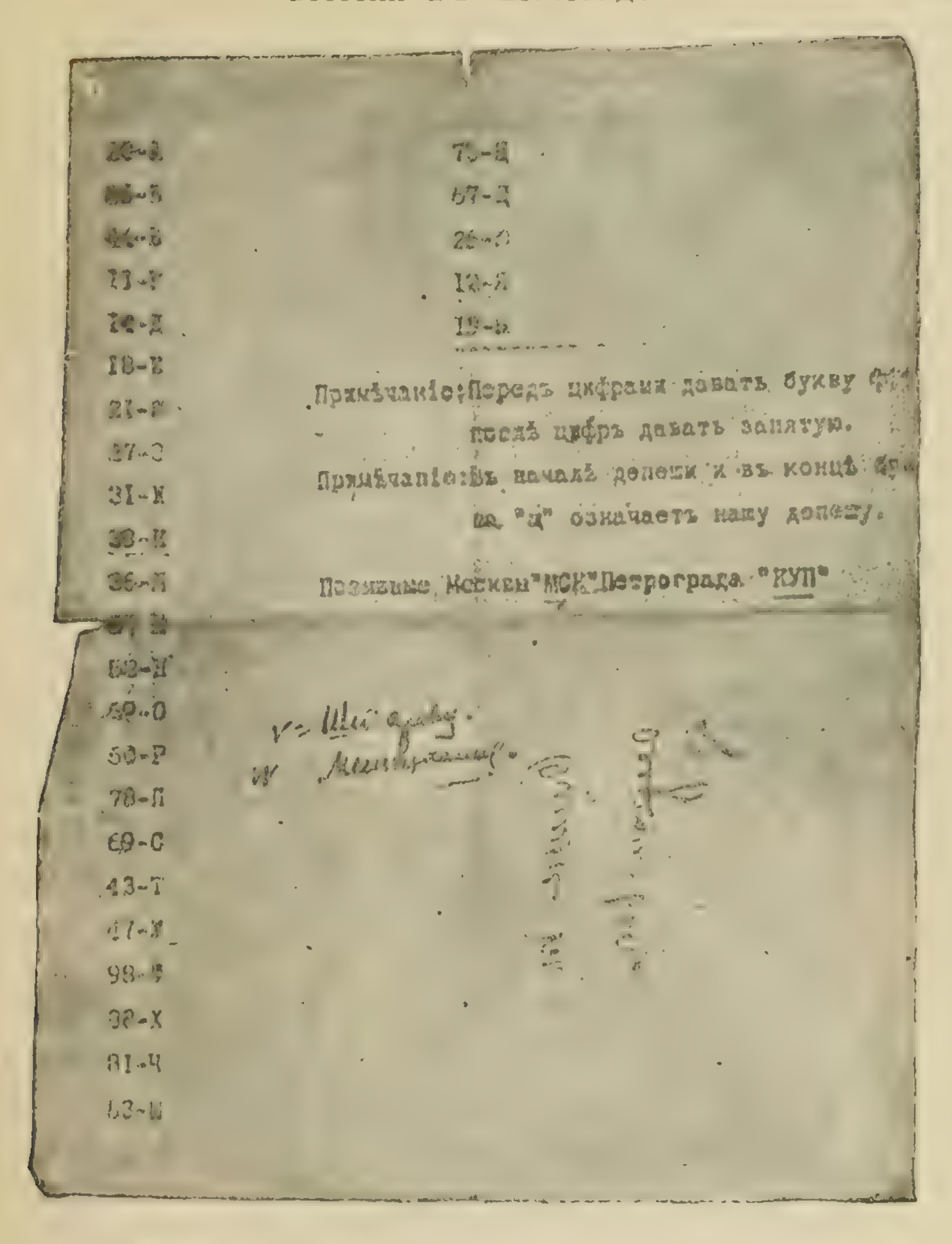
2) Требуем от Всероссийского Совета депутатов, чтобы власть была только советская;

3) Требуем вооружения всех рабочих»[2].

На заводе военно-врачебных заготовлений Петроградской стороны было решено немедленно выйти на защиту революции и всем вступить в Красную гвардию. Это постановление общего собрания было выполнено. Почти все 500 рабочих небольшого заводика в течение двух дней вступили в Красную гвардию и участвовали в боях с войсками Временного правительства.

В 4 часа дня самокатчики, охранявшие Зимний дворец, снялись с караула и заявили, что дальше охрану дворца нести не будут. Они были немедленно заменены юнкерами.

В тот же день окончательно перешла на сторону восстания Петропавловская крепость со своим громадным арсеналом. В 5 часов на митинге в цирке «Модерн» батальон самокатчиков — эта последняя колеблющаяся часть крепостного гарнизона — высказался за переход власти к Советам. Переход последней части

[illegible]	75-[illegible]
[illegible]	57-[illegible]
[illegible]	26-[illegible]
11-[illegible]	12-[illegible]
14-Д	19-[illegible]
18-Е	
21-[illegible]	
27-З	
31-И	
33-[illegible]	
36-[illegible]	
[illegible]	
62-[illegible]	
59-О	
50-Р	
78-П	
69-С	
43-Т	
47-[illegible]	
98-[illegible]	
38-Х	
81-Ч	
53-[illegible]	

Примѣчаніе: Передъ цифрами давать букву [illegible] послѣ цифръ давать запятую.

Примѣчаніе: Въ началѣ депеши и въ концѣ [illegible] "[illegible]" означаетъ нашу депешу.

Позывные Москвы "МСК" Петрограда "КУП"

Шифр Центробалта.

гарнизона крепости на сторону Военно-революционного комитета имел громадное значение.

Петропавловская крепость была важным стратегическим пунктом в Петрограде. Она находилась на стыке двух боевых районов — Выборгского и Петроградской стороны. К тому же крепость была неприступна и держала под прицелом своих орудий Троицкий мост, Неву и резиденцию Временного правительства — Зимний дворец.

По приказу Военно-революционного комитета крепость была приведена в боевую готовность. На её стенах установили пулемёты для обстрела Троицкого моста и особняка Кшесинской на углу Каменноостровского проспекта и Большой Дворянской улицы, где засели ударники. В разные стороны были высланы патрули. Были усилены караулы. Отряд занял вышку Народного дома. Комендант крепости и его адъютант были арестованы. Кронверкские склады боевых припасов немедленно были использованы для вооружения красногвардейских отрядов. Арсенал Петропавловской крепости, в котором находилось до 100 тысяч винтовок, стал главной базой вооружения рабочих отрядов. Туда приезжали из районных штабов и увозили оружие грузовиками. Приходили рабочие отряды прямо с заводов. Винтовки им выдавали по предъявлении рабочих номеров. Вооружившись, отряды уходили на выполнение боевых операций, предусмотренных планом восстания.

В 5 часов дня комиссары Военно-революционного комитета с отрядом красногвардейцев заняли телеграф.

Районные комитеты партии большевиков — Васильевского острова, Нарвской заставы, 1-го Городского района созвали на 6 часов вечера собрания членов партии. Во 2-м Городском (Коломенском) районе состоялось собрание всех фабрично-заводских комитетов. На Ижорском заводе собрались Исполнительный комитет Совета, заводской комитет и большевистская организация города Колпино. В Петроградском совете профессиональных союзов созвали большевиков — работников профсоюзов. Всюду стоял один вопрос — об участии в восстании. Собрания были короткими и деловыми. Большевики решали: немедленно каждому на своём участке активно включиться в боевую работу по свержению власти буржуазии; разойтись и занять места в штабах Красной гвардии, в отрядах, в комитетах, на заводах.

Ижорцы тотчас же выслали делегацию для связи с Смольным. В Коломенском районе с вечера установили охрану участка Фонтанка — Крюков канал — до Мойки. Пикеты довели до почтамта. Путиловцы вместе с красногвардейцами Московской заставы по приказу Петергофского районного Совета выставили посты наблюдения вдоль Обводного канала. Окружили патрулями казармы 1 и 4-го донских казачьих полков и Николаевского кавалерийского училища с целью изолировать эти колеблющиеся воинские части.

Рабочие Металлического завода выкатили отремонтированные ими два орудия и установили их на набережной Невы. Красногвардейцы Орудийного завода вышли с пулемётами.

Районный комитет большевиков Петроградской стороны прикрепил всех своих членов к разным боевым участкам в районе. Профсоюз металлистов Нарвского района отправил весь свой технический аппарат для работы в Смольный.

НА ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Картина В. Сварога.

С каждой минутой силы революции всё увеличивались. На заводах, в заводских комитетах и в штабах Красной гвардии, толпились сотни рабочих в ожидании, когда привезут оружие. Винтовки расхватывали и сразу же уходили в Смольный.

В 8 часов вечера Военно-революционный комитет отправил в Гельсингфорс условленную телеграмму:

«Центробалт. Высылай устав».

Это значило: присылайте немедленно боевые суда и отряды моряков.

Каждый час восстания приносил всё более явственные и ощутимые результаты. Из десяти разводных мостов, соединявших рабочие районы с центром, девять находились в руках у восставших. Мосты обычно захватывались с двух сторон одновременно. К определённому часу приходили отряды из Смольного. К этому же времени появлялись красногвардейцы, присланные районными штабами. Юнкера, теснимые с обеих сторон, большей частью уходили без серьёзного сопротивления.

Весь город был усеян боевыми патрулями красногвардейцев, постепенно сжимавшимися в первую цепь окружения района Зимнего дворца.

2.

В ШТАБЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

Получив согласие Предпарламента на расправу с большевиками, Керенский бросился в Зимний дворец отдавать распоряжения. Он торопил отправку подкреплений с фронта, по всем проводам запрашивал о застрявших эшелонах. Царскосельскому гарнизону было приказано выделить части для отправки в Петроград. Запрашивали коменданта стрелкового увечных воинов полка — когда прибудет полк, нельзя ли выслать хотя бы часть его.

В штаб Петроградского округа днём стали поступать сведения, что к Смольному стягиваются отряды Красной гвардии. Сообщили, что красногвардейцам раздают оружие. Главный начальник округа немедленно разослал по всем частям распоряжение:

«1. Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказов из штаба округа. Всякие самостоятельные выступления запрещаю. Все выступающие вопреки приказу с оружием на улицу будут преданы суду за вооружённый мятеж.

2. В случае каких-либо самовольных вооружённых выступлений или выходов отдельных частей или групп солдат на

улицу помимо приказов, отданных штабом округа, приказываю офицерам оставаться в казармах. Все офицеры, выступившие помимо приказов своих начальников, будут преданы суду за вооружённый мятеж.

3. Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо «приказов», исходящих от различных организаций.

Главный начальник округа Генерального штаба полковник Полковников»[1].

Не доверяя солдатам гарнизона, Полковников обращался к офицерам. Но в штабе знали, как мало офицеры являлись хозяевами в частях. Полковников понимал, что комиссары Военно-революционного комитета изолируют или прямо устраняют офицеров.

Вторым приказом Полковников требовал удалить из полков комиссаров Военно-революционного комитета, списки их сообщить в штаб и произвести расследование о всех незаконных действиях для предания виновных суду.

Военный комиссар Петроградского военного округа Малевский, назначенный эсеро-меньшевистским Центральным исполнительным комитетом, в свою очередь призвал полки гарнизона к подчинению штабу. Узнав о концентрации сил в Смольном, эсеро-меньшевистский комиссар вновь обратился с истерическим приказом ко всем комитетам:

«Вторично подтверждаю: во имя спасения страны и революции, для предотвращения резни в Петрограде, для предотвращения голода в Петрограде и на фронте, неизбежно последующего за гражданской войной, категорически требую исполнения всеми частями Петрограда и окрестностей приказов и распоряжений только от штаба Петроградского военного округа»[2].

Угроза голода и гражданской войны—это были доводы, которыми эсеро-меньшевики запугивали и раньше рабочих и солдат. Этих угроз оказалось недостаточно, и организаторы контрреволюции прибегли к средству, уже испытанному в период июльских дней 1917 года. Помощник главнокомандующего войск Петроградского военного округа капитан А. Козьмин, официальный представитель эсеров в штабе, разослал следующий приказ войскам гарнизона:

«ВО ВСЕ ВОИНСКИЕ ЧАСТИ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА.

1. Отказ полков петроградского гарнизона исполнять приказания штаба округа осуждён демократией в лице её исполнительных органов — Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов.

2. Решение исполнять только приказания Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, создав анархию, приведёт к гибели родины и революции. Это ставит Центральный исполнительный комитет, комиссара и штаб Петроградского военного округа в необходимость обратиться к фронту.

3. Офицеры и солдаты должны знать, что все тяжкие последствия прихода в Петроград новых войск и столкновений падут на головы тех, кто принудил власть и высший орган революционной демократии прибегнуть к этой мере.

24 октября 1917 года»[1].

На самом деле к фронту обратились несколько дней тому назад, но сделали это тайно. Сейчас эсеро-меньшевики открыто одобрили планы контрреволюции, разрешив вызвать с фронта войска.

Чтобы изолировать штаб восстания, находившийся в центре города, от рабочих районов, готовых на героическую борьбу за власть Советов, Полковников приказал развести мосты — Николаевский, Троицкий и Литейный, кроме Дворцового: там решили поставить охрану.

Заблаговременно в трамвайные парки было сообщено о прекращении с 7 часов трамвайного сообщения с заречными частями города.

Приказ был отдан после 2 часов дня 24 октября. В управлении милиции он был получен в 2 часа 40 минут[2]. Юнкера и ударники поспешили к мостам, но опоздали: революционные части, посланные Военно-революционным комитетом, с утра уже заняли мосты. В других районах, куда Военно-революционный комитет не успел прислать отряды, меры были приняты самими полками или Красной гвардией. По опыту июльских дней рабочие знали, что правительство прежде всего постарается отделить центр от рабочих районов. Товарищ Еремеев, посланный Военно-революционным комитетом помешать разведению мостов, застал у Литейного моста команду сапёрного батальона. Другой конец моста заняли красногвардейцы и отряд Московского полка. У Троицкого моста на одной стороне стояла застава павловцев, а на другой — красногвардейцы, прогнавшие юнкеров.

Гренадерский и Сампсониевский мосты, связывавшие Петроградскую и Выборгскую стороны, были сведены революционными патрулями заводов «Русский Рено», «Парвиайнен». Красногвардейцы завода Бенца вышли на захват моста с броневиком, отремонтированным у себя на заводе. Огромные ключи для разводки мостов забрали из сторожки и свалили в комнате комиссара гвардейского Гренадерского полка.

На Николаевском мосту юнкера застали небольшой отряд красногвардейцев. Юнкера вызвали из штаба отряд ударников и оттес-

нили красный отряд. Это была единственная победа юнкеров — притом недолговременная. Все остальные переправы через Неву находились в руках у восставших.

Боевая бдительность красногвардейцев и солдат гарнизона сорвала план штаба округа. Смольный сохранил полную связь с районами.

Одновременно с приказом о разведении мостов Полковников приказал усилить дежурные посты милиции. На улицах появились отряды юнкеров и ударников. Усиленная охрана была поставлена у арки Главного штаба, ведущей на Дворцовую площадь к Зимнему дворцу.

В городе нарастала тревога. Прекратили занятия низшие служащие в министерствах и банках. На Невском и на прилегающих к центру улицах закрылись многие магазины, на витрины опустили щиты.

Правительственные патрули на Невском стали останавливать автомобили, опрашивая сидевших в них пассажиров.

Впервые после июльских дней по центральным улицам — Невскому, Морской — стали разъезжать казачьи отряды. Городские милиционеры были также посажены на коней. К Зимнему дворцу стягивались последние верные Временному правительству части. Пришёл женский батальон. Прискакали артиллеристы Михайловского артиллерийского училища с лёгкими орудиями.

Юнкера, занявшие телефонную станцию, выключили телефоны сети Смольного.

Часов около шести вечера 24 октября в штабе Петроградского округа узнали, что центральный орган большевиков — «Рабочий путь» — продолжает выходить и раздаётся солдатам. Новость вызвала крайнее раздражение в штабе: всего недавно — около 5 часов вечера — в штаб округа сообщили, что начальник милиции приказал затопить печи в комиссариате Рождественского района и сжечь конфискованные номера «Рабочего пути». Взбешенный Полковников послал вторично отряд юнкеров во главе с подполковником Г. В. Германовичем закрыть газету и арестовать редактора Сталина. Начальник штаба округа генерал Багратуни рекомендовал захватить броневик и человек 30 самокатчиков. Отряд уехал на 4 машинах. Германович взял с собой 1 самокатчика и 13 юнкеров.

У типографии, где печатался «Рабочий путь», юнкера застали вооружённых красногвардейцев и солдат. Подполковник заехал в рабочий клуб «Свободный разум» на Финляндском проспекте. Вызвав заведующего клубом, Германович потребовал выдачи редактора «Рабочего пути», который, по его сведениям, должен был находиться в клубе. О появлении отряда юнкеров сообщили в районный Совет. Член Совета потребовал у подполковника доку-

Крейсер «Аврора». С офорта М. А. Доброва.

менты на право посещения клуба и ордер на арест редактора газеты «Рабочий путь». Подполковник отказался предъявить документы. Подоспели красногвардейцы и вместе с рабочими, посетителями клуба, окружили юнкеров и разоружили. Подполковника доставили в штаб Красной гвардии, а оттуда вместе с юнкерами отправили в Петропавловскую крепость[1].

В типографию газеты «Рабочий и солдат» в 6 часов 30 минут явился инспектор милиции с 7 милиционерами. Инспектор наложил арест на газету и 3 печатавшихся воззвания Военно-революционного комитета. Милиционеры начали разбивать стереотипы. Но удалось им разбить только один. Рабочие вместе с появившимися двумя матросами прогнали представителей Временного правительства и отбили у них автомобиль, нагруженный конфискованными газетами. Часть милиционеров присоединилась к рабочим. Инспектор милиции поспешно удрал. Вскоре Военно-революционный комитет прислал охрану — два взвода солдат-преображенцев.

Вторичная попытка штаба округа закрыть большевистские газеты провалилась. За этой неудачей вскоре последовала и другая. В 9 часов вечера комиссар Военно-революционного комитета с отрядом матросов занял Петроградское телеграфное агентство. Директор агентства заявил, что подчиняется только Временному правительству. Комиссар спокойно отстранил директора и уселся за его письменный стол, потребовав на просмотр все телеграфные сообщения. Среди вороха разных телеграмм комиссару принесли и резолюцию Предпарламента, только что присланную из Мариинского дворца.

В Мариинском дворце в течение 4 часов после речи и отъезда Керенского шли заседания фракций. Депутаты ежеминутно звонили по телефону в Зимний и Смольный. Бегали из одной фракции в другую. Эсеры проваливали уже пятую резолюцию. Постепенно стало известно, что в президиум Предпарламента представлено несколько резолюций: одна — кооператоров и кадетов, вторая — эсеро-меньшевиков; казачья группа тоже собиралась предложить свой проект. Большинство Предпарламента как будто склонялось в пользу первой. Но вот стали поступать сведения о движении революционных отрядов. Настроение в Предпарламенте стало склоняться в сторону второй резолюции.

Керенского по телефону ставили в известность о ходе прений во фракциях. Сомневаясь, сумеют ли его товарищи по партии добиться нужной резолюции, он около 3 часов дня позвонил сенатору С. В. Иванову и предложил всем сенаторам — членам Совета республики — поехать на заседание Совета.

Только в 6 часов кончились долгие прения, и председательствующий А. В. Пешехонов открыл заседание Предпарламента. Он сообщил, что внесены две формулы перехода к очередным делам.

Юнкера в зале Зимнего дворца накануне его взятия.

Первая — от имени меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов, «левых» эсеров и эсеров — гласила:

«Подготовляющееся в последние дни революционное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создаёт благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечёт за собой срыв Учредительного собрания, новую военную катастрофу и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны. Почва для успеха указанной агитации создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением проведения неотложных мер, и потому прежде всего необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. Для борьбы с активными проявлениями анархии и погромного движения необходимы немедленное принятие мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством»[1].

Вторая формула, внесенная кооператорами и кадетами, гласила:

«Временный Совет Российской республики, выслушав сообщение министра-председателя, заявляет, что в борьбе с предательством родины и дела революции, прибегнувшим перед лицом врага накануне Учредительного собрания к организации открытого восстания в столице, Временный Совет окажет правительству полную поддержку и требует принять самые решительные меры для подавления мятежа и переходит к очередным делам»[1].

К формуле кадетов и кооператоров присоединились казаки. П. Б. Струве от имени представителей московского «совещания общественных деятелей» поддержал ту же резолюцию. К этой же формуле примкнуло несколько правых эсеров и меньшевиков.

При голосовании первая формула получила 123 против 102, воздержалось 26. Среди воздержавшихся — народные социалисты и часть эсеров, в том числе Н. В. Чайковский и др.

Захватив доставшийся с таким трудом документ, председатель Предпарламента Авксентьев, лидер меньшевиков Дан и лидер эсеров Гоц кинулись в Зимний, где Керенский с правительством вырабатывали свои последние меры против большевизма. Беседа между вызванным с заседания Керенским и запыхавшимися лидерами продолжалась долго. Авксентьев официально сообщил Керенскому резолюцию Предпарламента. На Керенского резолюция произвела сильное впечатление. Он назвал резолюцию вызовом Временному правительству и в раздражении предложил сложить свои полномочия, а Предпарламенту заняться сформированием новой власти.

Ошеломлённый такой бурной реакцией, Авксентьев разъяснил, что резолюция отнюдь не является выражением недоверия Временному правительству.

— Наоборот, — объяснил Авксентьев, — лидеры всех фракций, голосовавших за эту резолюцию, подчёркивают, что остаются на прежней своей позиции, и выражают полную готовность поддерживать правительство. Включением в формулу вопросов о земле и мире фракции хотели лишь вырвать у большевиков тот козырь, которым они пользуются в борьбе с Временным правительством, утверждая, что Временному правительству чужды наиболее жизненные интересы народа.

— Почему же в таком случае в формуле нет обычного парламентского выражения о доверии правительству? — раздражённо спросил Керенский.

— Это объясняется неудачной редакцией формулы вследствие поспешности её составления, но это не есть умышленное умолчание, — заверил его Авксентьев [2].

Такие же заявления сделали Керенскому Гоц — от имени эсеров и Дан — от меньшевиков.

«Мы приехали с вполне определённым и конкретным предложением Временному правительству, — писал об этом посещении Дан, — немедленно принять весьма существенные решения по вопросу о войне, земле и Учредительном собрании и немедленно оповестить об этих решениях население рассылкой телеграмм и расклейкой афиш. Мы настаивали, что это непременно должно быть сделано той же ночью, так, чтобы утром уже каждый солдат и каждый рабочий знали о решениях Временного правительства... Принятие и выполнение правительством нашего предложения вызовет в настроении масс перелом, и в этом случае можно будет надеяться на быстрое падение влияния большевистской пропаганды» [1].

Всё дело, таким образом, сводилось к прямому обману: пообещать решительные мероприятия и тем оторвать массы от революции.

Один из участников «либердановского блока» В. Б. Станкевич, бывший комиссар при верховном командовании, в своих воспоминаниях открыто признался, что «революционной» резолюцией спешили ещё раз обмануть много раз обманутые массы. Рассказывая об угрозе Керенского покинуть пост в случае, если резолюция не будет изменена, Станкевич сообщает:

«Решение Керенского их (соглашателей. — *Ред.*) страшно изумило, так как они считали резолюцию чисто теоретической и случайной и не думали, что она может повлечь практические шаги» [2].

Депутаты Предпарламента покинули Зимний дворец около 11 часов вечера. После их ухода Керенский доложил Временному правительству о своём разговоре. Члены правительства признали, что об уходе с поста не может быть и речи, — сейчас необходимо самыми решительными мерами подавить мятеж.

По свидетельству Пальчинского, на заседании разгорелся «теоретический спор». Темой его был вопрос: кто губит революцию? Вдруг сообщили о захвате Петроградского телеграфного агентства и Главного телеграфа. Правительственный комиссар Роговский доложил о занятии Николаевского моста и о продвижении красногвардейских отрядов к Дворцовому. Восставшие настойчиво, неумолимо приближались к дворцу. На Петроградское телеграфное агентство, Главный телеграф и на Балтийский вокзал правительство приказало послать броневики и юнкеров.

Керенский, Пальчинский и несколько офицеров около полуночи бросились в штаб округа. Командующий войсками Полковников, все последние дни державшийся крайне заносчиво, внезапно обнаружил полную растерянность. Его приказания

отменялись комиссарами Военно-революционного комитета. Полки один за другим переходили на сторону революции. Красная гвардия, которую серьёзно не принимали в расчёт, вдруг выросла на глазах у всех в огромную силу.

Полковников озирался на Зимний, ожидая директив от Керенского. Но Пальчинский разъяснил ему, что ожидания бесполезны. «Кавардак», — записал Пальчинский, подводя итог своим впечатлениям о положении во дворце[1].

Настроение штаба округа круто изменило намерения Керенского. О наступлении нечего было и думать.

> «Нужно было, — писал об этом моменте Керенский, — сейчас же брать в свои руки командование, но только уже не для наступательных действий против восставших, а для защиты самого правительства до прихода свежих войск с фронта и до новой организации правительственных сил в самой столице»[2].

Из Зимнего снова запросили генерала Духонина — начальника штаба верховного главнокомандующего. Обещанные Керенскому на 24 октября фронтовые части не подходили. Требовали ускорить присылку. Ставка успокаивала, обещая поторопиться.

Поздно ночью потребовали в Зимний юнкерские училища и школы прапорщиков, которые оставались пока в казармах. Керенский приказал вызвать все казачьи войска на Дворцовую площадь.

Однако скоро выяснилось, что, несмотря на приказ, многие военные училища не выступили. Так, например, Павловское военное училище заявило, что оно не может выступить, опасаясь действий Гренадерского полка. Керенский решил вызвать эсеровские военные организации, но их не оказалось.

В 12 часов ночи того же 24 октября растерянный Полковников сообщил в Ставку и главнокомандующему Северного фронта:

> «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идёт планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караул без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причём нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства»[3].

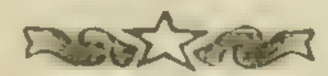
В то самое время, когда по «блестяще» разработанному плану Полковникова предполагалось «победоносной атакой» захватить Смольный, тот же Полковников признавался, что Зимний дворец вот-вот сам попадёт в руки восставших.

Заседание Временного правительства окончилось в 2 часа ночи на 25 октября.

Перед окончанием заседания правительства позвонили из городской думы. Там шло экстренное заседание. Городской голова Г. И. Шрейдер, только что прибывший из Предпарламента, доложил о выступлении большевиков. Он заявил, что в особое присутствие по делам продовольствия (так назывался продовольственный отдел городской думы. — *Ред.*) явился комиссар Военно-революционного комитета. Такие же комиссары явились и в другие городские учреждения. Чтобы запугать гласных, Шрейдер от себя добавил, что назавтра готовятся обыски по всем квартирам.

В думе начались бурные прения. Особенно неистовствовали эсеры. Эсер Я. Т. Дедусенко при одобрении всего зала кричал, что надо выгнать вон всех комиссаров, если они появятся в городских учреждениях. Кадет В. Д. Набоков приветствовал речь Дедусенко. Поддержал эсеров и лидер кадетов П. Н. Милюков.

Все выступавшие в прениях всячески подчёркивали, что городская дума избрана на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и является «единственной законной представительницей»[1] власти. Эсеро-меньшевики решили сделать думу центром собирания сил против революции. В резолюции, принятой большинством 53 голосов против 16, населению Петрограда предлагалось сплотиться вокруг думы. В качестве исполнительного органа было решено, как это рекомендовалось эсеро-меньшевистской резолюцией Предпарламента, учредить «комитет общественной безопасности», куда войдут 20 представителей городской думы, 21 представитель общественных организаций, 17 от районных дум, по одному представителю от штаба округа и от прокуратуры. Такое же решение о создании «комитета общественной безопасности» было принято перед этим на заседании эсеро-меньшевистского Центрального исполнительного комитета.

3.

В ШТАБЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Ленин с неослабной энергией руководил подготовкой восстания. Скрывался он в это время на квартире у М. Фофановой в Лесном районе. Из предосторожности квартиру посещали только Надежда Константиновна Крупская и сестра Ленина Мария Ильинична. Встречи Ленина со Сталиным и совещания с Центральным Комитетом большевиков устраивались

в других помещениях. По указанию Центрального Комитета Выборгский район установил у дома, где жил Ленин, негласный красногвардейский пост.

На квартиру Ленину приносили газеты, доставляли письма и записки. Дверь открывалась только на условленный звонок. Как-то вечером Н. К. Крупская застала у дверей квартиры студента. Это был племянник Фофановой. Он пришёл, когда в квартире кроме Ленина никого не было. Ленину звонок показался условленным; он решил было отворить дверь, но, услышав чужой голос, вернулся в комнату. Студент продолжал звонить. Как раз в этот момент подошла Надежда Константиновна.

— Знаете, в квартиру... забрался кто-то, — сказал растерянно студент.

— Как забрался?

— Да, прихожу, звоню, мне какой-то мужской голос ответил; потом звонил я, звонил — никто не отвечает [1].

Непрошенного гостя удалось спровадить.

Ленин редко выходил из своей тайной квартиры. Однажды поздно ночью он возвращался с прогулки. Патруль остановил его, но затем, не найдя ничего подозрительного, отпустил. Ленин прошёл мимо квартиры, боясь открыть своё убежище.

Он вернулся через некоторое время; патруль всё ещё стоял на прежнем месте. Пройти во двор незамеченным было невозможно, и Ленин решил вернуться домой другим путём. Он прошёл на станцию Ланскую, пересек полотно железной дороги, но в темноте заблудился и попал в болото. Только на рассвете пришёл домой.

Каждый день Ленин прочитывал целую охапку газет и тут же писал статьи и заметки для «Правды», записки в Центральный Комитет.

Утром 24 октября Ленин, как обычно, быстро просмотрел газеты. Всё говорило, что приближается развязка. Принесли записку о юнкерском налетё на «Правду» и мерах, принятых Центральным Комитетом. Работа в учреждениях кончилась рано ввиду тревожного настроения в городе. Квартирохозяйка, едва перебравшаяся через Неву на лодке, рассказала Ленину, что правительство разводит мосты.

Владимир Ильич быстро написал записку. Он просил разрешения приехать в Смольный.

— Сейчас же отвезите в Центральный Комитет и немедленно вернитесь [2], — сказал Ленин Фофановой.

Хозяйка квартиры отнесла записку в Выборгский комитет. Оттуда созвонились с Центральным Комитетом и выяснили, что Ленину выходить ещё рано.

Посланная вернулась с отрицательным ответом. Ленин нервно ходил по комнате. Он забыл, что в отсутствие хозяйки ему нельзя

двигаться, чтобы в нижней квартире не слышали шагов. Прочитав записку, Ленин набросал новое письмо:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение до нельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь всё висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооружённых масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывают, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять всё!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть её возьмёт Военно-революционный Комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных...

Правительство колеблется. Надо *добить* его, во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно» [1].

В тот самый момент, когда Ленин писал своё письмо, Сталин послал связного на конспиративную квартиру Ленина. Центральный Комитет вызывал Ленина в Смольный.

Фофанова, носившая письмо Ленина в Смольный, вернулась на квартиру в половине десятого. В комнате Ленина сидел уже связист Эйно Рахья.

Из конспиративных соображений, чтобы не было лишнего свидетеля, Ленин снова, в третий раз, написал какую-то записку и отослал в Смольный.

— Ждём вас до 11 часов. Если вы не явитесь, я волен буду делать так, как хочу[2], — сказал Ленин, провожая Фофанову.

Трамваев уже не было. Пришлось идти пешком. Пока посланец добирался в Смольный и обратно, прошло около двух часов. Весь день был таким напряжённым, что Владимир Ильич забыл ряд предосторожностей. Было условлено, что при уходе

Фофановой из квартиры лампа не гасится, а только завешивается, чтобы не видно было с улицы. А тут оказалось, что в квартире темно. Фофанова нащупала спички, зажгла лампу — никого. На столе расставлена посуда, пальто Ленина нет, галош нет, а на дне чистой глубокой тарелки лежит записка:

«Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич»[1].

Вождь революции спешил быть там, где билось сердце восстания, — в Смольном.

Переменив одежду, натянув на себя засаленную кепку и обвязав щёку большим платком, Ленин в сопровождении связного вышел на улицу. Улицы были пусты. Одинокий трамвай спешил в парк. Владимир Ильич вскочил в вагон и стал расспрашивать кондукторшу, куда она едет.

— Вот чудак, откуда ты только выискался! Неужто не знаешь, что в городе делается?

— Нет, не знаю.

— Какой же ты после этого рабочий, раз не знаешь, что будет революция. Мы едем буржуев бить!..[2]

Ленин улыбнулся и живо стал рассказывать, как именно делать революцию. Спутник Ленина сидел как на иголках: в

Петроград. Дом № 92/1 на углу Сампсониевского проспекта и Сердобольской улицы, где в квартире № 42 нелегально жил В. И. Ленин по возвращении из Финляндии до 25 октября 1917 года.

«На Шпалерной их нагнали два верховых юнкера... Рахья вступил в пререкания с юнкерами, дав возможность Ленину уйти вперед». *Рисунок Е. О. Машкевича.*

вагоне был народ, могли узнать и выдать Ленина. По трамвай сворачивал в парк. Пошли пешком. На Шпалерной их нагнали два верховых юнкера. Потребовали пропуска. Рахья вступил в пререкания с юнкерами, дав возможность Ленину уйти вперёд. Юнкера, видимо, решив, что имеют дело с подгулявшими рабочими, отстали.

После полуночи Ленин добрался к Смольному. Проникнуть в Смольный без пропусков оказалось не легко. У дверей толпилось много народу. Владимир Ильич со своим спутником вмешался в группу споривших с караулом. Толпа всё больше теснила караульных. Те не выдержали напора, подались в сторону.

— Где наша ни берёт, — смеясь, говорил Ленин, протискиваясь вслед за толпой в двери Смольного.

Поднявшись наверх, Владимир Ильич сел у окна и послал спутника известить Сталина о своём приходе. В этот момент вошла группа меньшевиков. В одном из них Ленин узнал Дана. Они присели к столу, и Дан, отдуваясь, обратился к соседу:

— Хотите закусить? У меня французская булка с колбасой.

Разворачивая свёрток, Дан вдруг внимательно присмотрелся

к Ленину, — видимо узнал, — потом поспешно сгрёб еду и выбежал из комнаты. Владимир Ильич расхохотался.

В комнату, где ждал Ленин, вошёл Сталин с группой товарищей.

Ленина быстро ввели в курс событий: Сталин информировал его о последних решениях Центрального Комитета. С этого момента Ленин не покидал Смольного. На крутом перевале истории вождь революции непосредственно стоял у руля.

Смольный целиком находился в руках большевиков. Боевой штаб пролетарской революции поместился в бывшем институте «благородных девиц». Свыше 150 лет это здание служило школой «послушания богу и преданности монарху». По поручению царицы Елизаветы Петровны знаменитый архитектор Бартоломео Растрелли, приехавший вместе с отцом, скульптором, в 1716 году в Россию, составил план постройки женского монастыря. По первоначальному проекту сооружение это должно было явиться одной из грандиознейших построек в мире. Растрелли собирался воздвигнуть при монастырском соборе колокольню в 120 метров вышины. Для строительства понадобились колоссальные суммы. Тысячи крепостных рабочих согнали на постройку собора. Со всей страны собрали лучших, искуснейших каменщиков, плотников, столяров. Были созданы специальные кирпичные заводы. К ним приписали много деревень, обязанных поставлять рабочую силу. Команды солдат посылали ломать ценный камень. На сибирских и тульских заводах отливалась черепица из чугуна.

Елизавете Петровне так и не удалось выполнить свой каприз: нехватило средств. После её смерти в казне осталось всего не-

Петроград. Смольный институт.

Петроград. Петропавловская крепость.

сколько рублей, зато в гардеробе расточительной царицы нашли более шести тысяч платьев. Не достроил здания и Растрелли — он занялся постройкой Зимнего дворца. В 1764 году в недостроенном ещё Смольном монастыре было основано «воспитательное общество благородных девиц» — первое государственное учебное заведение для дворянских дочерей. А в 1806 году рядом с монастырём была закончена под руководством известного архитектора Гваренги постройка вдовьего дома. Огромное трехэтажное здание с колоннами растянулось на двести метров. Новый дом с широкими сводчатыми коридорами, огромными светлыми комнатами и прекрасным колонным залом для балов и концертов передали под институт «благородных девиц». Вдов же разместили в здании монастыря, законченного, наконец, постройкой.

Смольный институт просуществовал вплоть до 1917 года. Лишь в августе 1917 года воспитанницы были распределены по другим учебным заведениям, а в здание института переселились Центральный исполнительный комитет и Петроградский Совет. С тех пор рабочие Петрограда и солдаты гарнизона хорошо узнали дорогу в институт. Уже в дни корниловского мятежа Смольный стал центром обороны Петрограда. В комнате № 18 поместилась большевистская фракция. Сюда спешили представители фабрик, заводов и революционных полков за советом и руководством. В Октябрьские дни Смольный стал центром восстания. На третьем этаже разместился Военно-революционный комитет. Он занял три комнаты, в которых недавно жили классные

дамы института «благородных девиц». До Военно-революционного комитета здесь помещалась военная комиссия эсеро-меньшевистского Центрального исполнительного комитета. Тогда тут царила благодатная тишина. На чистеньких, наглухо закрытых дверях висели аккуратненькие бумажки с извещениями о часах приёма посетителей. Эсеро-меньшевики большую часть времени просиживали во всяких согласительных комиссиях, где разрабатывали совместно с представителями Временного правительства меры борьбы с большевиками. Теперь в недавно тихих сводчатых коридорах раздавался непрерывный гул голосов, топот тысячи ног, лязг оружия. В комнатах Военно-революционного комитета шумно и людно. Поминутно хлопали двери. Являлись солдаты с известиями о настроениях в полках. Вбегали и выбегали с экстренными поручениями красногвардейцы. Смольный превратился в вооружённый лагерь. У входа стояли патрули. На площади перед зданием теснились взволнованные группы рабочих, красногвардейцев, солдат. Наготове стояли осёдланные лошади. В ряд выстроились автомобили и мотоциклы. На широком, изрытом колёсами и тысячами ног дворе горели костры. К аркам величественного подъезда, куда совсем недавно подкатывали раззолоченные кареты, теперь с тяжёлым грохотом подвозили орудия. По сводчатым коридорам с гулким стуком везли пулемёты и тащили винтовки и патроны. А залитый огнями колонный зал был полон рабочих и солдат. То собирались новые хозяева страны, съезжались делегаты съезда Советов.

Здесь же, в Смольном, Ленин утвердил окончательный план занятия последнего оплота Временного правительства — Зимнего дворца.

Зимний дворец решено было окружить по линии — Зимняя канавка — Мойка до Мариинской площади и дальше к Неве, — стянув постепенно кольцо блокады к выходам улиц, упиравшихся в Дворцовую площадь. Для этой решающей операции выделялись лучшие части Красной гвардии, флотские экипажи и наиболее революционно настроенные части гвардейских полков — Кексгольмского, Петроградского, Измайловского, Павловского и Егерского. Операцию предполагалось закончить к 12 часам дня 25 октября.

Штаб восстания разместился в Петропавловской крепости. Там сосредоточилось теперь непосредственное руководство подготовкой к овладению Зимним дворцом и боевыми действиями.

С прибытием Ленина работа Военно-революционного комитета приняла необычайный размах. Вместе со своими соратниками, Сталиным и Свердловым, Ленин широко развернул революционную инициативу и самодеятельность масс. Ленин вызывал к себе красногвардейцев, представителей районов, заводов и

Штаб революции. Смольный в Октябрьские дни 1917 года. *Картина В. Кузнецова.*

воинских частей. Давал точные, исчерпывающие указания. Направлял представителей районов к членам Военно-революционного комитета, требуя немедленного выполнения мероприятий, способствующих созданию гигантского перевеса сил на отдельных важнейших участках.

Все нити восстания сосредоточились в руках у гениального стратега пролетарской революции Владимира Ильича Ленина и его ближайших учеников — Сталина и Свердлова.

В эту ночь на 25 октября у Ленина в Смольном перебывали десятки рабочих и солдат — начальников красногвардейских сотен, связистов. Представители Путиловского заводского комитета и Совета Нарвской заставы лично от Ленина получили детальные указания, как организовать быстрый и полный захват власти в районе.

Вскоре после прибытия Ленина от подъезда Смольного отделилась группа мотоциклов: в районы и на окраины столицы помчались вестники восстания.

Было далеко за полночь, когда один из посланных Смольным мотоциклов остановился у Обуховского партийного комитета. Гонец оставил машину и, показав часовому мандат, вошёл в помещение, где третьи сутки без перерыва работал военно-революционный комитет. Приезжий вручил начальнику Красной гвардии приказ о выступлении и подробную инструкцию.

Момент, к которому так долго готовились обуховские большевики, настал. Все вышли из ревкома на улицу. По переулкам и проспектам в направлении к заводу двигались рабочие. У завода стояли автомобили. В расчётном зале завода толпились люди, дожидаясь выдачи оружия. Рабочие регистрировались, разбивались на отряды, получали винтовки, гранаты, револьверы, садились в автомобили и уезжали в город.

Вставали питерские заставы. Рабочие спешили туда, где раздавали оружие.

В Московско-заставском районе вечером 24 октября в клубе фабрики «Скороход» состоялся районный митинг. Была принята резолюция о необходимости немедленного вооружённого выступления. Митинг окончился в 2 часа ночи. Часть рабочих-красногвардейцев сразу же с митинга поступила в распоряжение штаба военно-революционного комитета.

На фабрике «Скороход» — в каменной пристройке у весов, против столовой — выдавали патроны. Люди выходили оттуда с винтовками, опоясанные пулемётными лентами, и выстраивались во дворе для короткой переклички. Из фабричных ворот быстрым шагом отправлялся в ночную темноту отряд за отрядом. Такие же отряды выходили из ворот заводов Речкина, Сименс-Шуккерта. Пролетарии Московской заставы шли выполнять боевую задачу Октября.

У путиловского театра, где позавчера ещё шумел последний митинг, теперь молчаливо строились красногвардейские сотни. Всё происходило без шума, быстро и чётко. Красногвардейские отряды уходили от завода к районному Совету, а оттуда — в Смольный. После полуночи они стали направляться прямо на захват учреждений, вокзалов. Всю ночь по улицам ходили дежурные патрули. Окраины опустели. Затихла Нарвская площадь. Лишь изредка раздавались быстрые шаги небольшой группы вооружённых рабочих, спешивших на Новосивковскую улицу к дому Совета, окна которого ярко светились всю ночь.

В районных комитетах партии, военно-революционных комитетах, штабах Красной гвардии и районных Советах поспешно заканчивались последние приготовления. По предварительно составленному плану все члены Петергофского районного Совета, каждый в сопровождении небольшого отряда вооружённых рабочих из красногвардейского резерва, были брошены на создание питательных пунктов, распределение оружия, организацию патрулей и сторожевых постов. В помощь членам районного Совета были привлечены члены Путиловского заводского комитета, достававшие медикаменты, перевязочные средства, легковые машины, налаживавшие связь.

На заводах Нарвской заставы работа в ночных сменах не прекращалась. Винтовки стояли у станков. По первому сигналу заводской сирены в цехах Путиловского завода останавливались станки, рабочие хватали винтовки и бежали к заранее условленным местам сбора.

На Выборгской стороне ещё с вечера 24 октября районным Советом был установлен контроль над почтой и телеграфом, образовано бюро переписчиков, составлявших копии со всех телеграмм. К ночи была закончена реквизиция всех перевозочных средств в районе. Грузовые и легковые машины всех предприятий были мобилизованы и находились в полном распоряжении Совета.

Штаб Красной гвардии района заполнился вооружёнными рабочими. Тут были красногвардейцы всех без исключения заводов Выборгской стороны. Места в штабе нехватало. Заняли соседний дом, где помещался районный Совет. Металлический завод прислал один отряд и сообщил, что другой оставлен на заводе и может быть выслан по первому телефонному звонку.

Отряд выборжцев во главе с комиссаром, назначенным районным Советом, занял телеграф Финляндского вокзала, другой захватил в Лесном почту. Комиссар телеграфа — рабочий финн с авторитетным видом задерживал телеграммы на датском, шведском, финском и русском языках. Такое «знание» языков сразу снискало ему уважение телеграфисток. Они приносили ему на просмотр все без исключения телеграммы.

Занятие почтамта войсками Военно-революционного комитета.
Рисунок Б. Е. Владимирского.

Красногвардейцы Рождественского района после полуночи стали занимать улицы, устанавливать пикеты на своём участке. По дороге к Таврическому дворцу столкнулись с казачьим разъездом. Завязалась перестрелка. Казаки были рассеяны. К часу ночи Таврический дворец был занят.

Представители Ижорского завода, побывав в Смольном, вернулись в Колпино. Спешно ночью же, не теряя ни минуты, вывезли с завода и отправили в Петроград семнадцать броневиков с пулемётами. Две броневые машины оставили у себя для патрулирования по улицам городка. Колпино перешло в руки созданного в эту ночь революционного комитета.

Планомерно и быстро шёл захват важнейших пунктов столицы. В 1 час 25 минут отряд красногвардейцев — выборжцев, балтийцев, солдат Кексгольмского полка и матросов — занял почтамт, уже до того находившийся под наблюдением пикетов рабочих Коломенского района. В 2 часа ночи двумя сильными сводными отрядами были захвачены Николаевский и Балтийский вокзалы. На телеграфе Николаевского вокзала пытались было оказать сопротивление. Красногвардейцы-железнодорожники, присоединившиеся к сводному отряду, очистили помещение телеграфа от контрреволюционеров и арестовали зачинщиков сопротивления. Заняли все посты телеграфной и телефонной связи. Контроль за телеграфом поручили красногвардей-

цу-телеграфисту. Захватили и поставили охрану в депо, в мастерских и у американского моста.

В это же время революционные отряды заняли электростанции и другие важные предприятия столицы. На центральной электрической станции городских железных дорог рабочие установили свои посты. Работы не прекращались ни на минуту. Трамвайщики могли бесперебойно выполнять свою службу связи и переброску красногвардейцев.

Контрреволюция кое-где пыталась противостоять боевому напору красногвардейцев. Ночью военный штаб округа предпринял попытки с помощью юнкеров вернуть занятые с вечера Петроградское телеграфное агентство (ПТА) и Главный телеграф. У некоторых мостов произошли стычки с юнкерами. Но все попытки были отбиты революционными солдатами и петроградскими красногвардейцами.

Около трёх часов утра на Миллионной улице Павловским полком была выставлена застава. Она задержала автомобиль с юнкерами, ехавшими из Зимнего дворца за помощью в комитет георгиевских кавалеров.

Занятие Балтийского вокзала войсками Военно-революционного комитета.
Рисунок Т. Травина.

Красногвардейские и солдатские патрули задержали на Миллионной легковую машину. В ней из Зимнего после ночного заседания Временного правительства возвращались министр исповеданий Карташев и управляющий делами Временного правительства А. Гальперин. Их арестовали и отправили в Смольный.

Был задержан также верховный комиссар Станкевич. Его доставили в полковой комитет, но скоро отпустили.

Крейсеру «Аврора» Военно-революционный комитет отдал приказ:

> «Комиссару Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на крейсере «Аврора». Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту»[1].

«Аврора» стояла в ремонте у франко-русского завода. 22 октября предполагалось уйти на пробу машин. Но Центробалт предложил матросам оставаться в Петрограде. Пушки «Авроры» могли понадобиться в любой день в самом Петрограде.

В ночь на 24 октября, готовя свой удар по революции, Временное правительство приказало вывести крейсер в море. Моряки запросили Военно-революционный комитет. Оттуда прислали приказ: «В море не выходить; посылаем комиссара с подробными указаниями»[2].

Получив распоряжение Военно-революционного комитета занять Николаевский мост, комиссар приказал прогреть машины и сняться с якоря. Пока шли приготовления, комиссар связался с 2-м Балтийским флотским экипажем, предложив ему под прикрытием пушек «Авроры» занять мост и открыть движение. Когда «Аврора» была готова к отплытию, командир отказался вести крейсер. «Боюсь посадить на мель», — оправдывался он, пытаясь увильнуть от участия в бою. Комиссар приказал промерить фарватер Невы. Оказалось, что корабль пройдёт свободно. Всех офицеров немедленно арестовали и стали сниматься с якоря. В самую последнюю минуту командир согласился взять на себя руководство операцией. В 3 часа 30 минут утра «Аврора» отдала якорь у моста, и матросы флотского экипажа начали наводить мост, оттеснив юнкеров.

Под утро Красная гвардия Коломенского района совместно с матросами «Авроры» и Гвардейского экипажа захватили военную гостиницу «Астория» и очистили её от засевших там офицеров. Отряд рабочих завода Эриксон занял манеж и Военно-техническое училище на Караванной улице.

В 6 часов утра 25 октября командой моряков Гвардейского экипажа в сорок человек совместно с кексгольмцами занят был без сопротивления со стороны караула Государственный банк.

Занятие телефонной станции войсками Военно-революционного комитета.
Рисунок И. А. Павлова.

В карауле находились солдаты Семёновского полка. Они заявили, что стоят за Военно-революционный комитет и, если их снимут с постов, они сочтут это для себя позором. Семёновцев оставили на карауле вместе с прибывшим отрядом.

Приказ о занятии Центральной телефонной станции был дан около 4 часов утра. Путиловский завком и штаб Выборгской стороны получили распоряжение к определённому часу выслать отряды к Морской улице. Такой же приказ получил Кексгольмский полк. Отряду красногвардейцев Трубочного завода было поручено: «Из продовольственной базы за Нарвской заставой доставить на телефонную станцию продукты для 300 телефонисток».

Комиссар Кексгольмского полка М. Пригоровский взял две роты солдат и двинулся к телефонной станции. Туда же в седьмом часу прибыли красногвардейские отряды. Трубочники привезли продукты: 300 буханок хлеба, 300 банок консервов, сахар и чай.

Ворота телефонной станции оказались приоткрытыми. Охраняли их часовой-юнкер. Красногвардейцы и солдаты стремительно бросились в ворота и проникли без всяких выстрелов во двор. Броневик, стоявший во дворе, был захвачен, — пулемётчики, находившиеся в нём, спали.

В узкий двор станции из всех дверей стали сбегаться юнкера. Защёлкали ружейные затворы. Командир революционного отряда, пользуясь темнотой, громко скомандовал: «Вынь патроны!» Не разобрав, кто командует, юнкера разрядили винтовки. Красногвардейцы и кексгольмцы воспользовались моментом, окружили юнкеров и разоружили их.

Дежурный по Петергофскому районному Совету, путиловец Иван Газа, попытался связаться со Смольным по телефону, чтобы доложить о выполнении приказа на выдачу продовольствия для телефонисток. Он позвонил как раз в тот момент, когда красногвардейцы захватывали станцию. Долго не получал соединения. Наконец в трубке послышался грубый мужской голос: — Да я не знаю как соединить, а телефонистки лежат в обмороке.

Телефонная станция была захвачена. Телефоны Зимнего дворца и штаба округа были немедленно выключены. Это крайне затруднило связь правительства и штаба со своими частями и руководящими учреждениями. Правительству и штабу пришлось прибегнуть к посылке связных на автомобилях, но и эта связь вскоре была прервана заставами красногвардейских отрядов и революционных войск.

Утром отряд моряков и красногвардейцев занял последнюю часть Дворцового моста, примыкавшую к Зимнему дворцу. «Дворцовый мост (под окнами моих комнат), — с тревогой записывал Керенский, — занят пикетами матросов-большевиков» [1].

В 8 часов революционные войска и рабочие Московской заставы закрепили за собой Варшавский вокзал.

Так шаг за шагом отряды красногвардейцев, матросов и солдат овладевали жизненными центрами и важнейшими в тактическом отношении пунктами столицы. Все донесения стекались в Смольный. Каждые 10—15 минут приносили Военно-революционному комитету известия об успешном выполнении войсками возложенных на них задач.

4.
БЕГСТВО КЕРЕНСКОГО.

Временное правительство напрягало последние усилия, чтобы создать опору для своей защиты.

В 2 часа 20 минут ночи 25 октября Левицкий, генерал для поручений при Керенском, вызвал по прямому проводу Духо-

Ударницы на охране Зимнего дворца.

нина из Ставки и передал ему две срочные телеграммы главковерха на имя главнокомандующего Северного фронта с категорическим требованием немедленно выполнить их:

«Приказываю с получением сего все полки 5-й Кавказской казачьей дивизии со всей артиллерией, 23-му Донскому казачьему полку и всем остальным казачьим частям, находящимся в Финляндии, под общей командой начальника 5-й Кавказской казачьей дивизии направить по железной дороге Петроград Николаевский вокзал распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова. О времени выступления частей донести мне шифрованной телеграммой. Случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком»[1].

Второй телеграммой Керенский приказал собрать полки 1-й Донской казачьей дивизии, раскинутые по Северному фронту, и перебросить их в Петроград. При этом Керенский предусмотрительно добавил: полки направлять походным порядком, если железнодорожники помешают подаче вагонов. На помощь Зимнему отовсюду вызывали прежде всего казаков.

Получив телеграммы Керенского, Духонин немедленно вызвал к проводу начальника штаба Северного фронта генерала С. Г. Лукирского.

Генерал доложил, что два полка 1-й Донской казачьей дивизии только что прибыли в Ревель, а два другие 24 октября утром ушли в I армию разоружать пехотную дивизию, которая отказалась исполнять боевые приказы.

Духонин приказал отправить любую казачью часть, так как обстановка не терпит промедления. В подтверждение Духонин добавил, что ему только что передали следующую телеграмму генерала для поручений при Керенском:

«Фактически данную минуту гарнизон Петрограда за исключением небольшого числа частей на стороне большевиков или нейтрален. Зимний дворец, повидимому, окружён, дело принимает серьёзный оборот, поставьте об этом в известность Черемисова. Вероятно, скоро не смогу говорить. Левицкий»[1].

Северный фронт ответил, что все распоряжения уже сделаны. Первыми в Петроград прибудут роты самокатного батальона, которые уже приготовлены к отправке на станции Батецкая.

К утру Духонин вызвал из Зимнего Левицкого. «Очень рад, что могу с вами разговаривать»[2], — сообщил Духонин и передал о всех мероприятиях Ставки и Северного фронта. В Петроград направлялись бригады 44-й пехотной дивизии с двумя батареями, 5-я Кавказская казачья дивизия с её артиллерией, 43-й Донской казачий полк. Кроме того, с Северного фронта отправлялись с артиллерией 13 и 15-й донские полки, а полкам 1-й Донской казачьей дивизии, которые направлялись в I армию, предписано было с дороги немедленно двинуться в Петроград. 3 и 6-й самокатные батальоны уже шли по линии железной дороги. Духонин предложил выслать навстречу войскам «доверенных лиц». Северному фронту он рекомендовал послать с частями выборных представителей армейских комитетов. Эсеро-меньшевики призваны были уговаривать войска выступить против революции.

В заключение Духонин просил Левицкого дать краткую ориентировку положения для передачи всем фронтам.

Левицкий подробно доложил о последних событиях. Из Кронштадта прибыли моряки. Разведённые мосты вновь наведены революционными отрядами. Весь город опутан сетью постов. Телефонная станция — в руках большевиков. Зимний дворец окружён.

«В общем, — закончил генерал Левицкий, требуя срочно присылки войск с фронта, — впечатление, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий»[3].

В четвёртом часу утра 25 октября Керенский прибыл в штаб округа. Но и там он не нашёл ничего утешительного: решающие

Патруль Военно-революционного комитета на улицах Петрограда в Октябрьские дни.

пункты — в руках противника; подкреплений — ниоткуда; части, обещавшие помощь, перешли на сторону восставших.

Керенский созвал в штабе округа совещание. Решено было вызвать 1, 4 и 14-й донские полки, стоявшие в Петрограде. В полки разослали следующую телефонограмму:

«Главковерх приказал 1, 4, 14-му казачьим полкам, во имя свободы, чести и славы родной земли, выступить на помощь Центральному исполнительному комитету советов революционной демократии, Временному правительству и для спасения гибнущей России»[1].

Телефонограмму подписал генерал-майор Багратуни и скрепил комиссар Центрального исполнительного комитета Малевский.

Казаки знали, что их казармы со всех сторон окружены красногвардейскими патрулями. В любой момент из Московского, Нарвского и Петергофского районов могли хлынуть тысячи рабочих, чтобы задержать их выступление. Они запросили штаб, выступит ли с ними пехота; одни-де они выступать не будут.

Из штаба округа Керенский рано утром вернулся в Зимний дворец.

В Зимнем дворце обнаружился недостаток в продовольствии. Сосредоточивая во дворце значительный отряд численностью около 1 600 человек, правительство не думало, что в один день Зимний будет отрезан от всех учреждений, и не перебросило туда необходимого количества продовольствия. Ещё в ночь на 25 октября продовольственный кризис в Зимнем дворце обострился настолько, что вынудил к посылке юнкеров на поиски продуктов. Один из автомобилей с юнкерами был задержан Красной гвардией у Николаевского вокзала и доставлен в Смольный.

Между тем силы, на которые рассчитывало опереться Временное правительство, продолжали таять.

> «Юнкера, — писал Керенский, — настроение которых сначала было превосходно, стали терять бодрость духа; позднее начала волноваться команда блиндированных автомобилей. Каждая лишняя минута напрасного ожидания подкреплений всё более понижала «боеспособность» и у тех и у других»[1].

После митинга в Михайловском манеже бо́льшая часть солдат автоброневого дивизиона перешла на сторону Военно-революционного комитета. Позже, к 11 часам 25 октября, автоброневой дивизион в полном составе явился к Смольному и передал себя в распоряжение Военно-революционного комитета.

В Зимнем дворце остался лишь один броневик, «Ахтырец», команда которого заявила, что она намерена охранять дворец как «памятник художественной ценности»[2].

Устроили новое заседание правительства. Из Зимнего в штаб и обратно поминутно мчались министры, офицеры, курьеры. Со всех сторон неслись слухи, один другого тревожнее. Положение создавалось крайне напряжённое.

На заседании правительства Керенский объявил о своём отъезде из дворца. Керенский, по его словам, «решил... лично встретить подходившие... войска»[3]. В 11 часов утра 25 октября он покинул Петроград. Сам Керенский об этом бегстве писал, что он выехал на своём автомобиле, но весть об отъезде, «каким образом, не знаю... дошла до союзных посольств»[4].

На самом деле Керенский бежал, прикрываясь флагом иностранного посольства.

Английский посол Бьюкенен так описывает бегство Керенского:

> «Около 10 часов утра (25 октября. — *Ред.*) Керенский командировал офицера с поручением отыскать для него новый автомобиль. Офицер встретил Уэйтгауза, одного из секретарей посольства Соединённых штатов, и убедил его одолжить Керенскому свой автомобиль под американским флагом. Они поехали вместе назад в Зимний дворец. Керенский сказал Уэйтгаузу, что он предполагает выехать в Лугу, чтобы присоединиться к войскам, вызванным с фронта; затем Ке-

ренский попросил его передать союзным послам просьбу не признавать большевистского правительства, так как он надеется возвратиться 12-го числа (30 октября старого стиля.— *Ред.*) с достаточным количеством войск для того, чтобы восстановить положение»[1].

Рассказ Бьюкенена полностью подтверждается показаниями офицеров, сопровождавших Керенского. Адъютант управления заведующего автомобильной частью Петроградского военного округа прапорщик Б. И. Книрш был вызван в 10 часов утра в штаб округа. Полковников приказал достать два автомобиля для Керенского, который собирается выехать навстречу подходящим войскам.

Главнокомандующий округа приказал обратиться за машиной в какое-либо посольство. Машину достали у американцев. Вместе с военным атташе американского посольства адъютант вернулся в штаб округа.

Когда на площадь выехала машина с иностранным флагом, красногвардейцы её пропустили.

Иностранная машина оказалась у Керенского отнюдь не «случайно» и держалась вовсе не «на почтительном расстоянии»: иностранный флаг помог председателю Временного правительства России бежать из революционного Петрограда.

Наступление революции было стремительным. Каждая попытка Временного правительства оказать сопротивление победному шествию восстания немедленно отбивалась. Министрам ничего не оставалось, как запереться в Зимнем дворце и бесплодно ожидать прихода войск с фронта.

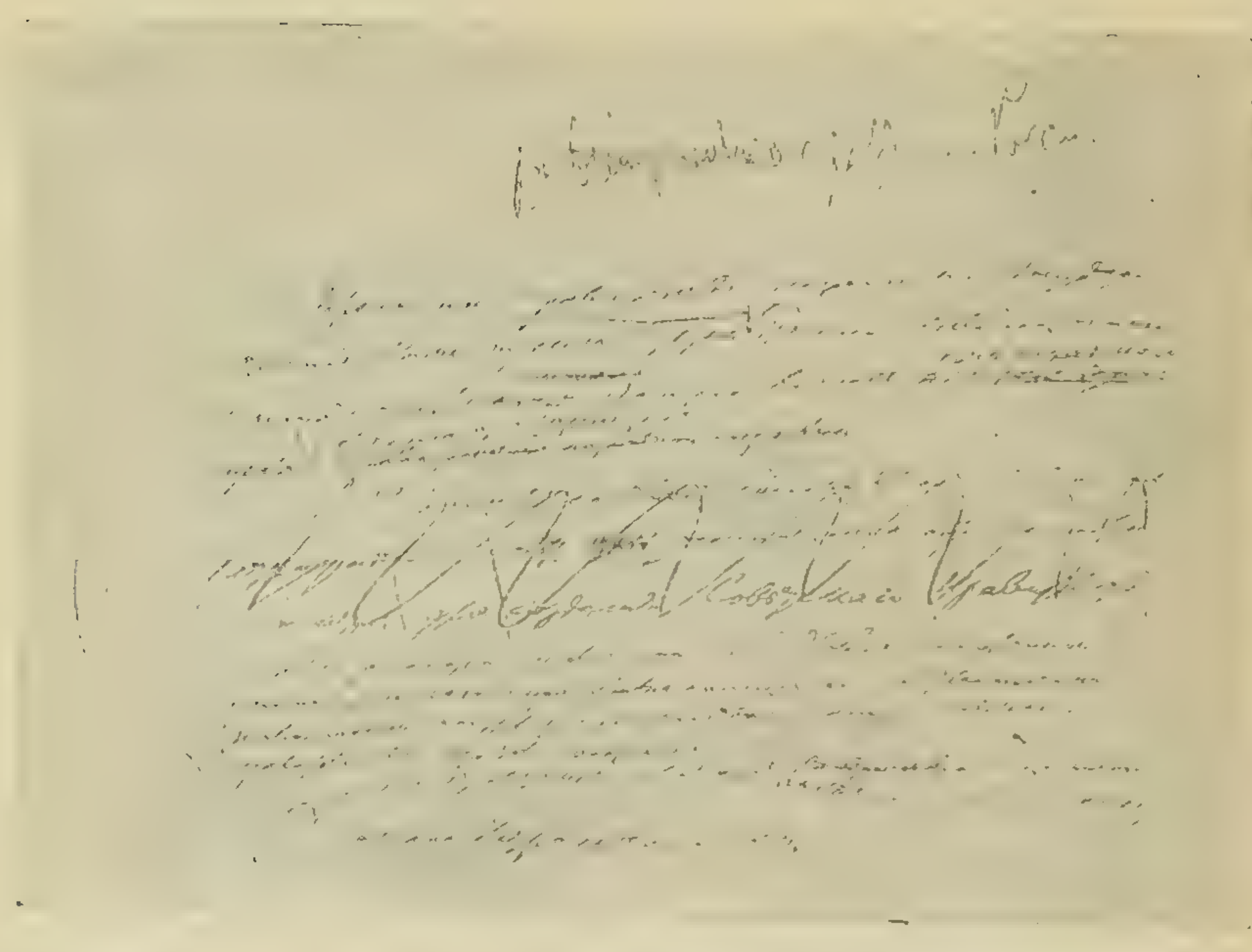
5.

25 ОКТЯБРЯ — ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДИВШЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

К утру 25 октября пролетариат овладел всеми решающими в тактическом отношении пунктами столицы, в руках правительства оставались только штаб округа и Зимний дворец. Восстание победило. В 10 часов утра Военно-революционный комитет опубликовал воззвание к гражданам России:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение

Обращение «К гражданам России», написанное В. И. Лениным.

демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»[1]

Документ был написан Владимиром Ильичём Лениным. В то же утро воззвание передали во все промышленные центры страны. Оно оказало огромное революционизирующее влияние на рабочий класс всей страны и способствовало на местах быстрому переходу власти в руки Советов. Всюду, куда приходила весть о победе, пролетарские массы поднимались на борьбу.

Силы Военно-революционного комитета возрастали непрерывно. С рабочих окраин столицы к Смольному прибывали подкрепления. Все районы присылали свои отряды. Доставали транспорт, подвозили оружие и продовольствие. В Петропавловке спешно получали из арсенала оружие и развозили его по фабрикам.

Работа на заводах не прекращалась. Трамваи шли бесперебойно. Как раз перед самым восстанием в Петрограде забастовали деревообделочники. Но в день восстания стачечный комитет призвал всех бастующих немедленно приступить к работе.

«Каждый рабочий, — говорилось в резолюции стачечного

комитета, — в эти дни должен быть на своём месте и доказать преданность новой власти» [2].

В Нарвский районный комитет большевиков явились члены стачечного комитета лесопильного завода. Они заявили, что прекращают забастовку, присоединяются к восстанию и отдают себя в распоряжение Военно-революционного комитета. Тотчас же получили задание — организовать отряд и выслать его в Смольный.

В завкомы непрерывно звонили. Районные штабы вызывали к себе отряды Красной гвардии. Красногвардейцы захватывали последние правительственные учреждения в городе и окрестностях.

Отряды заводов Розенкранц и Металлического разоружили юнкеров Михайловского артиллерийского училища. Красногвардейцы Нарвского района заняли дом по Гороховой № 2 — управление градоначальства. Революционные войска захватили в свои руки прямые провода с Москвой, Киевом, Ревелем. На Выборгской стороне рабочие заняли тюрьму «Кресты» и освободили содержавшихся там большевиков, арестованных Временным правительством ещё в июле. Отряд Сестрорецкого оружейного завода получил задание разоружить юнкеров Военно-инженерного училища.

Революционными войсками был занят склад отдела готовых огнестрельных изделий. Оттуда ящиками начали развозить револьверы по заводам. Путиловская верфь получила тысячу наганов. На Франко-русский завод также привезли большое коли-

Красногвардейский пикет на улице Петрограда в Октябрьские дни 1917 года.

чество револьверов. Новые отряды красногвардейцев отправлялись в Смольный.

На улицах в рабочих районах было людно. То и дело собирались группы, живо делясь впечатлением последних часов. Мчались автомобили, переполненные вооружёнными рабочими и солдатами, разбрасывавшими воззвания Военно-революционного комитета.

Ближе к центру было тише. На Невском — полное безлюдье. Дальше Казанского собора не пропускали патрули. Тут чувствовалось напряжение неоконченного боя.

Ленин требовал, чтобы последние убежища Временного правительства — Зимний дворец и штаб округа — были взяты возможно скорее. Представители Военно-революционного комитета разъехались по заводам поднимать массы, организовывать новые боевые отряды Красной гвардии.

Части петроградского гарнизона выделяли наиболее крепкие подразделения для овладения Зимним дворцом. В 11 часов утра 25 октября к Смольному были доставлены зенитные орудия и бронемашины автобронедивизиона, перешедшего на сторону Военно-революционного комитета. Машины тут же были направлены против Зимнего дворца.

6-я тыловая авторемонтная рота прислала в Смольный представителя с резолюцией о присоединении к восстанию. Рота получила задание обеспечить переброску войск Красной гвардии к Зимнему дворцу и заняться перевозкой оружия в рабочие районы. Из гаража авторемонтной роты немедленно выслали автомобили, до того не выданные штабу округа как неотремонтированные.

С полудня началось медленное окружение района Зимнего дворца и штаба округа. Кольцо окружения располагалось по линии Мойки — от Марсова поля до Мариинской площади, флангами упираясь в Неву. К разным участкам этого окружения прибывали всё новые отряды Красной гвардии и революционных солдат. Семь рот Кексгольмского полка с утра заняли подступы с левой стороны оцепления, смыкаясь с красногвардейскими частями 2-го Городского (Коломенского) района — Франко-русского завода. Павловский полк расположился справа, по Миллионной улице, выдвинув отряды в прилегающие улицы и переулки. Днём в распоряжение Военно-революционного комитета с Путиловского завода выехали одиннадцать грузовых автомашин «Уайт» с установленными на них зенитками. Машины вместе с броневиками автобронедивизиона были распределены по всей цепи окружения. Две зенитки и два броневика были приданы павловцам.

В 12 часов дня войска Военно-революционного комитета окружили Мариинский дворец. Там должно было состояться оче-

Охрана телефонной станции войсками Военно-революционного комитета.

редное заседание Предпарламента. Депутатов собралось много. Как только прибыл председатель Предпарламента Н. Д. Авксентьев, его окружили и засыпали тревожными вопросами. Больше всего интересовались — где Керенский. Авксентьев уверял всех, что Керенский на короткое время уехал на фронт и скоро вернётся в Петроград.

Вдруг сообщили, что дворец окружён красногвардейцами и ротой Литовского полка. Позже подошли роты Кексгольмского полка и гвардейского экипажа вместе с броневиком. Депутатам предложили очистить помещение. Авксентьев быстро собрал представителей фракций. Совещание постановило выразить решительный протест против насилия. Авксентьев после совещания успел забежать в зал заседания, где собралось около сотни депутатов. Большинством голосов было решено разойтись, «уступая насилию». Депутаты покинули дворец, который немедленно был занят революционными отрядами.

Солдаты требовали ареста кадетов, но командир, проверявший документы, ответил:

— Арестовать тех, кого надо будет, мы всегда успеем[1].

На помощь петроградскому пролетариату спешили отряды моряков.

Накануне, вечером 24 октября, в Кронштадте состоялось экстренное заседание Исполнительного комитета Совета. По докладу делегатов Военно-революционного комитета о положении в столице было решено немедленно выслать в Петроград

Красногвардеец. *Рисунок Н. М. Кочергина.*

сводный отряд моряков Балтфлота. Приняли ряд мер, обеспечивающих полное господство Совета в Кронштадте. В час ночи пленум Совета одобрил предложение Исполнительного комитета. Рано утром 25 октября на Якорной площади собрался огромный митинг. Над многотысячной толпой реяли знамёна и флаги с надписями: «Да здравствует власть Советов!», «Долой Временное правительство!» В горячих речах кронштадтские матросы заявляли о своей готовности итти на свержение власти буржуазии.

К 8 часам утра закончилась посадка семи отрядов на корабли. Впереди на Петроград шёл заградитель «Амур», на котором поместился революционный штаб. Седьмой отряд моряков, шедший позади всех, имел особое оперативное задание:

Немедленно занять линию Балтийской железной дороги и Балтийский вокзал; действуя в связи с гарнизоном Стрельны и Петергофа. Разоружить юнкеров и школу гардемаринов. Отправить связь на Лугу и до Пскова. Высадку на Ораниенбаумском рейде произвести под защитой 12-дюймовых орудий броненосца «Заря свободы» — одного из судов, отправлявшихся из Кронштадта.

В 2 часа дня Кронштадтская флотилия с отрядом моряков показалась в устье Невы. В состав отряда входили: машинная школа, учебно-минный отряд, школа моторных машинистов, Кронштадтский флотский полуэкипаж, команды военных судов «Слава», «Народоволец»; «Азия», «Пулково»; «Океан» и эскадренного миноносца «Прямислав». Кроме того, в состав отряда входила и часть рабочих кронштадтских судостроительных мастерских.

Из действующего Балтийского флота прибыли пять боевых единиц во главе с крейсером «Олег».

Броненосец «Заря свободы», как и было намечено, остановился по пути в Петроград у Лигова. Под прикрытием 12-дюймовых орудий седьмой отряд моряков высадился на станции Спасательной и начал разоружать юнкерские школы Ораниенбаума и Петергофа. К 8 часам вечера 25 октября матросы приехали в Петроград; заняв всю линию Балтийской железной дороги.

Гельсингфорсский отряд, прибывший в Петроград по железной дороге, насчитывал 1 500 моряков. В него входила береговая рота минной обороны, моряки с боевых судов, стоявших в Гельсингфорсе,

Красногвардеец. *Рисунок Н. М. Кочергина.*

команды Свеаборгского флотского полуэкипажа и команды Гельсингфорсского госпиталя.

Петроградскими моряками были заняты военный порт с радиостанцией и Новое адмиралтейство, где были арестованы руководящие работники штаба.

В Зимнем после отъезда Керенского продолжалось заседание правительства под председательством Коновалова. Было решено оставаться в Зимнем дворце и защищаться до приезда войск с фронта. В таком духе составили обращение к стране. Признали необходимым сместить Полковникова.

Верховный комиссар Ставки Станкевич связался по прямому проводу с Духониным. Последний заверил, что войска с фронта посланы и скоро начнут прибывать в Петроград.

«— Неужели нет сведений об их приходе? — спрашивал Духонин. — Мне передавали, что выехали их встречать... Что делает Константиновское училище, Николаевское кавалерийское, вероятно, найдутся ещё... Думаю, что силы достаточно можно найти, необходимо лишь надлежащим образом организовать это дело, а там начнут подходить войска с фронта...

— Я думаю, — ответил Станкевич, — что начальникам приходящих эшелонов необходимо давать указания, что если им по приходе в Петроград штаб округа не будет в состоянии дать какие-либо указания, то им следует оставить охрану на вокзале и немедленно итти к штабу округа и к Зимнему дворцу, хотя бы на улицах им пришлось встретиться с препятствием.

— Я считаю необходимейшим условием высылку навстречу подходящим войскам за две-три станции особо доверенных лиц из Петрограда... Кроме того, просил штасев (штаб Северного фронта. — *Ред.*) высылать с эшелонами представителей армейских или фронтового комитета»[1], — закончил разговор Духонин.

На заседание правительства вызвали начальника штаба округа генерала Багратуни. Он сообщил, что войск для защиты правительства мало. Опереться можно только на те силы, которые сосредоточены в Зимнем дворце. Совещание министров постановило назначить особого уполномоченного по защите Временного правительства. Меньшевик Никитин выдвинул на этот пост Пальчинского. Но большинство, и в том числе эсеро-меньшевистские министры, остановились на кадете Кишкине, который осенью 1917 года на съезде кадетов в Москве обещал «влить дерзание» в правительство.

«Повидимому, — так объясняет Никитин, — его выдвигали потому, что ему как кадету в моральном отношении легче брать на свою ответственность распоряжения о кровопролитной расправе, чем министрам-социалистам»[2].

В этом факте ещё раз сказалась подленькая душонка мелкого буржуа. Готовя кровавую расправу над рабочим классом, эсеро-меньшевистские министры отдавали руководство в более надёжные руки. Если расправа не удастся, всегда можно будет умыть руки и свалить вину на кадетов.

Помощниками Кишкина были утверждены П. Пальчинский и П. Рутенберг. Новоиспечённый военный диктатор совместно с Пальчинским и начальником штаба округа немедленно стали вырабатывать меры обороны. Кишкин отстранил Полковникова и сам пытался организовать оборону Зимнего до прихода войск с фронта, но на руках не оказалось даже плана дворца. Среди офицеров и юнкеров боевое настроение непрерывно падало. Пальчинский в своих записях отмечал «растерянность и вялость офицеров и отсутствие настроения у юнкеров»[1].

Чтобы поднять дух юнкеров, решили произвести вылазку. Станкевич взял роту школы инженерных прапорщиков и двинулся отбивать обратно Мариинский дворец. Но там стояли броневики, и Станкевич предпочёл заняться освобождением телефонной станции на Морской улице. Разделившись на две полуроты, юнкера думали захватить караул станции врасплох. «Землячки увидят, что с ними не шутят, и сразу сбавят тон»[2],— говорил Станкевич, посылая одну полуроту кругом, а с другой подходя сам прямо к станции.

Но «землячки», заметив юнкеров, крикнули: «В ружьё!» По наступавшим затрещал пулемёт. Вся полурота мигом рассыпалась. Стрельба вскоре прекратилась. Из ворот станции высыпали телефонистки. Они сообщили юнкерам, что станция полна солдат, которые контролируют телефонные разговоры.

Юнкера собирались повторить атаку, но в это время к ним подошёл секретарь французского посольства и предупредил, что им грозит опасность с тыла: красногвардейцы с пулемётами заняли позицию на Гороховой и на Мойке. Командир юнкерской полуроты попросил секретаря передать об этом другой полуроте и сообщить в Зимний дворец.

Станкевич поспешил увести свою полуроту в Зимний. Другая полурота была окружена на Невском красногвардейцами и разоружена.

Вылазка не удалась. Это была единственная попытка войск Временного правительства перейти к активным действиям. После этой неудачи правительство заперлось во дворце и перешло к обороне. Ждали подкреплений с фронта.

Днём 25 октября, после двух часов, министр внутренних дел Никитин позвонил из Зимнего дворца по телефону в городскую думу. Телефонистки, пользуясь недостаточной опытностью контролёров Военно-революционного комитета, соединяли тайком Зимний дворец. Никитин предупредил об осаде телефон-

ной станции и просил выслать на станцию представителей городской думы. Никитин требовал прислать помощь и прежде всего продовольствие.

В городской думе в 3 часа дня началось второе заседание «комитета общественной безопасности». Первое заседание состоялось утром 25 октября. На нём было решено приступить к организации во всех районах местных «комитетов общественной безопасности» во главе с председателями районных дум. Затем был поднят вопрос об организации домовых комитетов якобы для защиты жизни и имущества населения.

На втором заседании «комитета общественной безопасности» решено было организовать так называемую гражданскую охрану из домовладельцев, чиновников и служащих. Предполагалось создать дополнительный отряд буржуазной гвардии. Начальником охраны утвердили поручика Ю. П. Мазуренко, того самого, который командовал карательными отрядами Временного правительства в июльские дни 1917 года.

На заседании городской голова Шрейдер сообщил, что к нему обратился министр внутренних дел Никитин с просьбой о помощи. «Комитет общественной безопасности» немедленно выслал грузовик с провизией; но революционные патрули задержали машину. На телефонную станцию послали двух членов городской управы — кадета А. Д. Коротнева и эсера Захарова. К 3 часам дня машины городской думы появились на Морской улице, но шофёры, опасаясь перестрелки, наотрез отказались везти делегатов к телефонной станции. Пришлось итти пешком. На станции посланцы «комитета общественной безопасности» от имени комитета попытались успокоить служащих, объявив им благодарность за тяжёлую и самоотверженную работу.

Вмешательство членов «комитета общественной безопасности» было прервано представителем Военно-революционного комитета. Он предложил делегации оставить станцию. Они ушли, пробормотав, что признают действия Военно-революционного комитета незаконными и уступают лишь силе.

После переговоров с думой министр Никитин связался по телефону с Москвой и вызвал городского голову Руднева. Тот сообщил, что в Москве начинается восстание, но городская дума выступает с решительным протестом против захвата власти большевиками.

Никитин заявил Рудневу, что Временное правительство решило защищаться до прихода войск с фронта. Рудневу поручалось держать тесную связь с Зимним дворцом и регулярно сообщать о положении в Москве. Никитин добавил, что правительство наделяет Руднева полномочиями обращаться ко всем правительственным учреждениям страны на правах, одинаковых с правом военной власти.

В штабе пролетарской революции, Смольном, шла напряжённая работа. Каждый из участников борьбы самоотверженно выполнял свои обязанности. Царила атмосфера непоколебимой уверенности в победе. Прибывали отряды Красной гвардии. По коридорам с грохотом тащили пулемёты. Возбуждённые толпы рабочих и солдат заполняли комнаты. У дверей Военно-революционного комитета наблюдалось особенное движение. Входили за директивами, беспрерывно выбегали с поручениями. В самой крайней комнате, охраняемой красногвардейцами, работал Военно-революционный комитет. Выслушивались доклады. Рассылались распоряжения. Передавали по всей стране призыв:

> «В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили без всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено.
>
> Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации и поддерживать Петроградский Совет и новую революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовёт Учредительное собрание. Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[1].

На фронт летели телеграммы с призывами не допускать присылки ненадёжных частей; офицеров, которые открыто и прямо не присоединяются к революции, немедленно арестовывать как врагов.

Члены Центрального Комитета партии большевиков находились в комнате Военно-революционного комитета. Ленин и Сталин принимали самое живое и решающее участие во всех деталях работы Военно-революционного комитета. Важнейшие документы, начиная с воззвания о низложении Временного правительства, писал Ленин. С ним согласовывались назначения. Он утверждал важнейшие распоряжения других руководителей. Тут же Ленин готовил резолюцию для экстренного заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Заседание открылось в 2 часа 35 минут дня 25 октября.

Военно-революционный комитет под несмолкаемый гул приветствий доложил о победе революции. В это время в зале впервые после июльских дней открыто появился организатор и вдохновитель победы — Ленин. Делегаты вскочили с мест. Вождю революции устроили бурную овацию. И когда ему предоставили слово для доклада, снова поднялись делегаты с мест, снова по адресу вождя полетели горячие приветствия. Раздалось «ура!». В зал, гремя оружием, вошли красногвардейцы. Они принесли

с собой запах пороха и возбуждение боя. Приветствуя Ильича, они торжествовали свою победу — победу революции.

Разгорячённые радостью встречи со своим вождём, делегаты успокоились не сразу. Ленин начал свой доклад — первый доклад о впервые в мире победившей пролетарской революции.

«Товарищи! — говорил Владимир Ильич. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетённые массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своём конечном итоге привести к победе социализма»[1].

Так охарактеризовал великий вождь пролетариата значение этой исторической победы. Речь вождя была программой действий всей Октябрьской революции.

Собрание постановило не открывать прений по докладу. Петроградский Совет принял составленную Лениным резолюцию:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчёркивает ту сплочённость, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твёрдо пойдёт к социализму, единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны...

Совет убеждён, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы»[2].

6.

ОСАДА ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

Кольцо блокады вокруг Зимнего дворца сжималось всё тесней и тесней.

К 5 часам дня 25 октября части Красной гвардии с боем продвинулись вплотную к дворцу.

Зимний дворец расположен на берегу Невы. Это — огромное трёхэтажное здание почти в 200 метров длины; 160 ширины и 22 высоты. Вместе с прилегающими к нему Эрмитажем и Эрмитажным театром Зимний занимает около 9 гектаров. Перед дворцом — широкая площадь. С разных сторон её замыкают громады зданий Главного штаба и Адмиралтейства. Между ними и дворцом, среди пустынной площади, одиноко высится Александровская колонна.

Отряды Военно-революционного комитета заняли все выходы на Дворцовую площадь. Справа, возле гвардейского штаба и Певческого моста сконцентрировались отряды Красной гвардии и Измайловского полка. Павловский полк и небольшие группы солдат Преображенского полка продвинулись по выходящей к гвардейскому штабу Миллионной улице до Зимней канавки — узкого канала, выходящего на Неву, между Зимним дворцом и Эрмитажем. Вдоль Невы, по набережной Петра Великого и в районе Троицкого моста, расположился Ревельский ударный батальон моряков.

Против Зимнего, за зданием Главного штаба, на Морской, на прилегающих к ней улицах и возле Полицейского моста сосредоточился сильный кулак из частей Красной гвардии Выборгского и Петроградского районов. Здесь же находились броневики автоброневого дивизиона, зенитная артиллерия и полубатарея полевой артиллерии. Дальше по Невскому, у Казанского собора, стояли в полной боевой готовности орудия на тракторной тяге. Они были вызваны Временным правительством с фронта, но команды их по прибытии в столицу перешли на сторону Петроградского Совета.

Со стороны расположенного близ Главного штаба Александровского сада дворец окружали отряды Красной гвардии, моряки прибывшего из Кронштадта учебно-минного отряда, 2-го Балтийского и Гвардейского флотских экипажей, солдаты Кексгольмского полка, броневики автоброневого дивизиона.

С левой стороны, у Адмиралтейства, расположились моряки машинной школы, учебного судна «Океан» и других прибывших из Кронштадта частей. Левый фланг и центр опирались, кроме того, на резервы из солдат Егерского и Волынского полков.

На противоположном берегу Невы стягивались рабочие отряды заводов Василеостровского района. Васильевский остров

соединяется с центром Дворцовым мостом. Подступы к нему находились в руках красногвардейцев.

За рекой, напротив Зимнего, высоко в вечернем небе темнел шпиль Петропавловской крепости. Она также готовилась к активному участию в бою.

Петропавловская крепость — первое, самое старинное сооружение Петрограда. Она закончена Петром I в 1703 году на маленьком островке Енисаари (Заячий остров) на Неве. Свыше 60 тысяч крепостных рабов и солдат полегло при постройке этой первой на берегах Невы твердыни самодержавия. Впоследствии Петропавловка была обращена в государственную тюрьму. В Петропавловском соборе устроили усыпальницу русских царей. А рядом с пышными гробницами тиранов, в сырых каменных склепах крепостных равелинов, заживо хоронили лучших людей народа — революционеров. Теперь Петропавловка поворачивала жерла своих орудий против Зимнего — последнего оплота старой власти.

Военно-революционный комитет выработал окончательный план действий. Решили послать Временному правительству ультиматум сдаться в точно указанный срок — в 6 часов 20 минут. В случае отказа с Петропавловской крепости произвести сигнальный выстрел из пушки. Крейсеру «Аврора» дать два холостых выстрела из шестидюймовки. Эти выстрелы должны были послужить сигналом к началу штурма Зимнего дворца.

Вызвали охотников передать ультиматум. Выполнить взялся В. Фролов, самокатчик 1-го самокатного батальона.

На пишущей машинке наспех перепечатали ультиматум. Военно-революционный комитет требовал от Временного правительства сдачи Зимнего дворца и штаба округа под угрозой бомбардировки; Петропавловская крепость и крейсер «Аврора» готовы были открыть огонь.

Вместе с самокатчиком А. Галаниным парламентёр отправился в штаб округа. Недалеко от Эрмитажа их остановили красногвардейские цепи. Объяснив цель поездки, парламентёры с белым флагом двинулись в расположение противника. Три юнкера с винтовками наперевес вышли им навстречу. Парламентёры потребовали проводить их в штаб для передачи ультиматума.

По дороге юнкера угрожали «показать такой ультиматум...», но всё же провели Фролова в штаб округа, где находились в то время уполномоченный по водворению порядка в Петрограде член Временного правительства Н. М. Кишкин, два его помощника — П. Пальчинский и П. Рутенберг, генерал Багратуни и подполковник Н. Н. Пораделов. «Двадцать минут даётся на размышление», — заявил Фролов, передавая ультиматум. Кишкин с помощником и генералом Багратуни ушли в Зимний дворец, обещав самокатчикам сообщить ответ по телефону.

Предъявление Временному правительству ультиматума Военно-революционного комитета.

Рисунок Д. Шмаринова.

Ультиматум доложили членам правительства.

Временное правительство помещалось в Малахитовом зале, огромные окна которого выходили на Неву. Взоры министров от скупых, суровых строк ультиматума перебегали на реку. Из окон углового зала виден был угрожающе вытянувшийся у моста крейсер «Аврора». По ту сторону Невы загадочно светились огни Петропавловской крепости. Сдаваться или ждать помощи? Прежде чем ответить на ультиматум, правительство решило посоветоваться со Ставкой.

Центральный телеграф уже давно был захвачен восставшими. Зимний дворец, казалось, был отрезан от всей страны. Но это было не так. Один провод остался необнаруженным, скорее всего железнодорожный или военного министерства. По этому проводу Временное правительство сохранило прямую связь со Ставкой до самой последней минуты. Меньшевик

Никитин переговорил со Ставкой. Оттуда точно сообщили, какие полки посланы на выручку Зимнего дворца.

Временное правительство решило не вступать в переговоры с Военно-революционным комитетом.

Прошло двадцать минут. Парламентёры потребовали обещанного ответа. Пораделов попросил самокатчиков подождать ещё десять минут, за это время он обещал добиться от Зимнего ответа. Он позвонил в Зимний, но ответа не получил. Пока Пораделов вызывал министров по телефону, парламентёры вышли на улицу, вызвали караул Павловского полка и отряд Красной гвардии. Сводный отряд вошёл в штаб округа, обезоружил юнкеров, арестовал Пораделова, группу офицеров штаба и отправил в Петропавловскую крепость.

Захватом штаба полностью была завершена блокада Зимнего. Войска Военно-революционного комитета заняли исходные позиции для непосредственного штурма Зимнего дворца.

В Петропавловке в ожидании возвращения парламентёров вели подготовку к обстрелу Зимнего дворца. Обнаружилось, что крепостные артиллеристы отказываются стрелять. Снаряды не подходят, масла нет, орудия приспособлены только для салютов, — сбивчиво отговаривались они.

Убедившись, что крепостные артиллеристы явно ненадёжны, представители Военно-революционного комитета сообщили об этом по телефону Свердлову. Он немедленно распорядился вызвать в крепость моряков-артиллеристов с морского полигона.

Стало темнеть. Пока возились с пушками, в крепости распространилось известие, что Временное правительство приняло ультиматум о сдаче. В Петропавловке стали готовиться к принятию арестованных.

Однако перестрелка не утихала. Со стороны Зимнего слышался пулемёт. Члены Военно-революционного комитета товарищи Подвойский и Еремеев помчались на машине к дворцу. У Зимней канавки их остановили. Задержанные объяснили, кто они и куда едут, передали известие о сдаче Зимнего. Из цепи красногвардейцев убеждённо заявили:

«Какой там сдались! Недавно оттуда нас здорово шпарили. Опасно туда ехать».

Оказалось, что занят был только штаб округа. Зимний дворец продолжал сопротивление.

Министр Никитин позвонил по телефону товарищу министра Хижнякову и рассказал об ультиматуме. Никитин просил его передать всем общественным организациям, что правительство требует от них полной поддержки. Никитин уверял Хижнякова, что если отправить в тыл войскам, оцепившим Зимний дворец, небольшие силы, то осаждающие разбегутся. Хижняков отправился в городскую думу, где обошёл все фракции. Кадеты,

Н. И. Подвойский.

эсеры, меньшевики обещали поддержку.

Никитин снова вызвал по телефону московского городского голову Руднева, которому сообщил о решении правительства защищаться.

— Правильно, — ответил Руднев, добавив, что в Москве, так же как и в Петрограде, решено создать «комитет общественной безопасности».

— Этого недостаточно, необходимо поставить ребром вопрос о власти, — перебил его Никитин. — Если вы стоите на точке зрения Временного правительства, то вы должны обратиться ко всей России.

Руднев обещал немедленно исполнить поручение правительства [1].

В Ставке шло лихорадочное собирание сил. Телеграмму Военно-революционного комитета, извещавшую о восстании, от армии скрыли. Известие сообщили только командующим фронтами. Те информировали фронтовые комитеты. К 6 часам вечера 25 октября в Ставку поступили по телеграфу сведения из армейских комитетов об отношении к событиям в Петрограде.

Исполнительный комитет Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа (Румчерод) заявил, что обладает достаточными силами для ликвидации выступления.

Председатель Исполнительного комитета Юго-западного фронта признал недопустимым вооружённый захват власти и обещал выслать аналогичную резолюцию всего комитета.

Члены Исполнительного комитета Западного фронта выразили уверенность, что комитет поддержит Ставку. При этом указали, что во II армии настроение ещё не определилось.

Из Исполнительного комитета Северного фронта донесли, что XII армия, видимо, осудит большевиков. К этому добавляли, что в V армии большевики, возможно, найдут поддержку. То же сообщалось и о тыловых частях Северного фронта.

Чем ближе к революционной столице, тем неувереннее выступали комитеты. Румынский фронт безоговорочно заявил о готовности ликвидировать восстание. Северный — надеялся только на одну из армий. И не напрасно. Пока фронтовой комитет разговаривал со Ставкой, из V армии вызвали к проводу

Военно-революционный комитет в Петрограде. «Нужна ли вооружённая помощь и продовольствие?»[1] — спросили из армии. Петроград ответил, что в данный момент помощь не требуется. Просил быть наготове.

Около 7 часов вечера, сразу после захвата восставшими штаба округа, Ставка по прямому проводу связалась с Зимним дворцом. Поручик Данилевич, офицер для поручений при Керенском, передал в Ставку телеграмму Коновалова, заместителя Керенского:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил правительство низложенным, потребовал передачи власти угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера «Аврора». Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию. Решило не сдаваться и передать себя защите народа и армии. Ускорьте посылку войск»[2].

Из Ставки ответили, что самокатные батальоны должны прибыть в Петроград сегодня, 25 октября; 9 и 10-й донские полки с артиллерией и два полка 5-й Кавказской дивизии будут 26-го утром, 23-й Донской полк — 26-го вечером, остальные полки Кавказской дивизии — 28-го утром, а бригада 44-й дивизии с двумя батареями — 30-го днём.

Ставка выразила уверенность, что Зимнему дворцу удастся организовать оборону и продержаться до прихода войск с фронта.

Правительство решило продолжать сопротивление. В Белом зале собрали Ораниенбаумскую и Петергофскую школы юнкеров. Пальчинский произнёс речь. Юнкера молчали. Пальчинский громче призвал к исполнению долга. Ему ответили: «Исполним!»[3] Но ответ прозвучал без особого воодушевления и далеко не единодушно.

Вот рассказ юнкера Петроградской школы прапорщиков инженерных войск. Школа была вызвана в Зимний дворец днём 25 октября.

«Цель нашего пребывания во дворце,—говорил юнкер,— нам была неясна. Мы волновались, хотели поговорить с другими юнкерами (михайловцами, Северного фронта и др.), но нам не разрешили. Наконец, нам через один-два часа сказали, что всё объяснят, и велели выстроиться во дворе. Было уже совсем темно. Мы выстроились. Явился кто-то, назвал себя генерал-губернатором Пальчинским и стал очень долго говорить. Говорил бессвязно: о том, что мы должны защищать Временное правительство, что мы должны исполнить свой долг и т. д.»[4].

Чтобы поднять настроение юнкеров, Пальчинский пошёл на явную ложь. Он заявил:

— Керенский с войсками находится уже в Луге, которая отстоит от Петрограда всего в сорока верстах,

Прорыв красногвардейцев и матросов на Дворцовую площадь. *Рисунок А. М. Ермолаева.*

Юнкера стихли. Вдруг в тишине раздался мрачный иронический голос:

— Справьтесь по железнодорожному справочнику, сколько вёрст от Луги до Петрограда, прежде чем выступать.

На деле до Луги — около 140 километров.

Со всех сторон послышались недовольные возгласы, вопросы, начался беспорядочный шум. Пальчинский едва выбрался.

Среди гарнизона Зимнего дворца начались колебания.

«Нам доложили, что юнкера желают видеть членов Временного правительства, — рассказывает бывший министр юстиции Малянтович, который отсиживался вместе с другими членами Временного правительства в Зимнем дворце. — Желание было выражено в форме очень настойчивой... Самое обращение к нам уже указывало, что среди юнкеров возникло колебание... Мы вышли. Юнкера в числе, может быть, ста, может быть, больше человек собрались в зале-коридоре.

Какой же военный приказ могли мы отдать? Никакого»[1], — уныло замечает Малянтович.

Дело ограничилось жалкими увещаниями, давшими юнкерам тему для митинга. Министров выручил из неловкого положения подоспевший «диктатор» Кишкин, который сообщил, что Военно-революционный комитет предъявил ультиматум с требованием сдаться в течение двадцати минут.

«Вошёл. Пальчинский, — рассказывает дальше Малянтович, — доложил: казаки желают побеседовать с Временным правительством, пришли два офицера, один из них командир.

Просили войти.

Вошёл казачий полковник, кажется. С ним ещё офицер.

Спрашивают, чего хочет Временное правительство.

Говорили Кишкин и Коновалов. Мы стояли вокруг. Изредка то тот, то другой вставляли своё слово.

Говорили то же, что юнкерам.

Полковник слушал, то поднимая, то опуская голову. Задал несколько вопросов. К концу поднял голову. Из учтивости дослушал. Ничего не сказал. Вздохнул и оба ушли — ушли, мне казалось, с недоумением в глазах..., а может быть, с готовым решением.

Через некоторый промежуток времени опять вошёл Пальчинский, доложил: казаки покинули дворец, ушли, говорят — не знают, что им тут делать»[2].

Деморализация Временного правительства передавалась и его защитникам. Вслед за тремя сотнями казаков, которые, несмотря на уговоры правительства, покинули дворец, начался уход и других частей. В 6 часов вечера сбежало большинство юнкеров Михайловского артиллерийского училища, захватив с собой 4 орудия из 6, находившихся во дворце. У Невского про-

спекта они были задержаны революционными войсками. В 8 часов вечера член Военно-революционного комитета товарищ Чудновский был приглашён делегатом Ораниенбаумской школы для переговоров о сдаче юнкеров, не желавших больше сражаться на стороне Временного правительства. Юнкера гарантировали Чудновскому неприкосновенность и выполнили это обещание. Тем не менее распоряжением Пальчинского Чудновский был арестован. Однако по требованию юнкеров его пришлось тут же освободить. Вместе с Чудновским из дворца ушла большая часть юнкеров Ораниенбаумской школы и некоторых других школ.

Во дворце оставались: 310 человек 2-й Петергофской школы прапорщиков, 352 человека 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков при 9 пулемётах, 130 человек роты 1-го Петроградского женского батальона, рота юнкеров Инженерной школы, юнкера школы прапорщиков Северного фронта, один броневик «Ахтырец» при двух пулемётах и два орудия. Кроме того во дворе находилось человек 50—60 случайных военных. Этот хорошо вооружённый отряд насчитывал в своих рядах около 850 человек. Броневик расположился в главных воротах. Для затруднения доступа во дворец были построены баррикады из дров. Из-за баррикад выглядывали пулемёты и орудия, под огнём которых находились площадь и прилегающие к ней улицы.

На помощь Зимнему дворцу двигалась артиллерия, очевидно из Павловска. Артиллеристы шли без охранения, не предполагая возможности нападения в городе. Красногвардейцы устроили на Морской улице, по которой двигалась артиллерия, засаду в подворотнях домов. Когда артиллеристы поравнялись с ними, они внезапным нападением их обезоружили. Атака была настолько быстрой, что не было оказано никакого сопротивления. Пушки были отобраны и тут же обращены против Зимнего дворца.

Красногвардейцы всё смелее подбирались к Зимнему. Человек пятьдесят вместе с матросами прорвались в здание по Эрмитажному ходу. Необычность обстановки, бархат и золото поразили красногвардейцев. На миг они замялись. Стали осторожно продвигаться вверх по лестнице. Один красногвардеец открыл дверь какого-то зала. В огромном зеркале отразилась висевшая на стене картина, изображающая конный парад. «Кавалерия!» — вскрикнул красногвардеец и шарахнулся в сторону. Юнкера воспользовались замешательством и разоружили часть ворвавшихся. Остальные бросились вниз. Дворцовая прислуга и солдаты расположенного внизу лазарета помогали им выбраться из лабиринта дворца. Пальчинский отметил этот момент: «Все двери открыты. Прислуга помогает. Рабы. Команды тоже» [1].

7.

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

Отказ Временного правительства сдаться на ультиматум Военно-революционного комитета требовал открытия решительных военных действий против Зимнего дворца. Все сроки прошли. Центральный Комитет большевиков заслушал доклад о ходе борьбы у Зимнего. Ленин написал записку и послал к товарищам Подвойскому и Чудновскому с требованием ускорить взятие Зимнего.

В районные штабы Красной гвардии послали требование немедленно выслать новые отряды. В цехах заводов раздались аварийные сигналы. Объявляли запись в Красную гвардию. Группами; одна за другой, двигались рабочие Выборгской стороны к заводу «Вулкан». Там, на заводском дворе, отделённом от набережной высокой железной решёткой, были навалены горы новеньких продолговатых ящиков с винтовками. Их только что привезли с Сестрорецкого оружейного завода.

Двор был залит огнём электрических ламп. Вокруг ящиков копошились рабочие, вооружённые ломами и топорами. В ожидании стояли грузовики. Беспрерывной лентой через высокие ворота входили отряды Красной гвардии. Раздавались слова команд. Стучали топоры; слышался треск ящиков, гуденье автомобильных моторов. Работа шла без суеты, безостановочно. И отряд за отрядом вооружённые петроградские рабочие с песнями бодро уходили на штурм Зимнего дворца.

Со всех сторон туда направлялись боевые красногвардейские части. Шли с Охты, от Московского района; Васильевского острова, Нарвской и Невской застав. Путиловский завод выслал сразу несколько отрядов. По дороге путиловцы соединились с рабочими «Сименс-Шуккерта», «Скорохода» и вместе расположились со стороны Александровского сада. Красногвардейцы Сестрорецкого завода выслали второй отряд в 600 человек. С широко развевающимся полотнищем, на котором было написано гордое слово «Революция», они высадились в Новой Деревне и походным порядком направились к дворцу.

Петроградская сторона собрала второй многочисленный сводный отряд. Сюда входили красногвардейцы мелких заводов: Дюфлона, Лангензиппена, трамвайного парка, аэропланного, завода Щетинина, беспроволочных телеграфов и др. Формировал отряд энергичный председатель районного Совета П. А. Скороходов. Красногвардейцам придали броневик. Для ускорения переброски многих усадили на грузовики, в том числе и отряд женщин-санитарок. Петроградцы направились к Дворцовой набережной и оттуда принимали участие в общем наступлении.

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

Картина В. В. Щеглова.

Из команды выздоравливающих в Морском военном госпитале организовался отряд. Моряки пошли во 2-й флотский экипаж, привезли винтовки, вооружились и снабдили оружием низших служащих госпиталя.

Десятки небольших красногвардейских отрядов после выполнения боевых операций по захвату правительственных учреждений также приходили к Зимнему. Настроение рабочих было приподнятым. Успехи окрыляли их. Они вливались в кольцо осады, где в первых рядах чернели рабочие пальто, куртки и чёрные матросские бушлаты. Нетерпение охватывало осаждающих. Они рвались в бой, стремясь одним ударом сломить сопротивление ничтожной, но хорошо укрепившейся кучки защитников буржуазного Временного правительства.

В 9 часов вечера с Петропавловской крепости был сделан предупредительный холостой выстрел из орудия. Такой же выстрел произвёл крейсер «Аврора». После этого из полевого орудия, вытащенного на руках и поставленного под арку Главного штаба, был сделан выстрел боевым снарядом, попавшим в карниз дворца. К грохоту пушек присоединилась учащённая ружейная и пулемётная стрельба с обеих сторон.

Попытки отрядов Красной гвардии и моряков продвинуться на площадь встречались винтовочным и пулемётным огнём юнкеров.

Площадь была пустынна; никаких укрытий на ней нельзя было найти. Это затрудняло приближение к дворцу, окружённому баррикадами.

После получения ультиматума Временное правительство перешло из Малахитового зала, в окнах которого зловеще отражались огни «Авроры», во внутренние покои Зимнего дворца. Отсюда не виден был крейсер, тише казалась и канонада.

Министры прогуливались вдоль Фельдмаршальского зала, обмениваясь тревожными сведениями. Вдруг сверху раздался крик: «Берегись!» Все бросились врассыпную. Матрос с бомбой в руках наклонился с галлереи. Через несколько секунд раздался взрыв. Пальчинский с группой юнкеров помчался на галлерею, где захватили матроса. Его с торжеством потащили вниз. Разорвавшейся бомбой контузило только одного юнкера, но появление матросов на верхнем этаже дворца ускорило разложение среди юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы. Они отказались после этого оставаться во дворце, и только частая перестрелка помешала им покинуть Зимний.

К 10 часам вечера рота Петроградского ударного женского батальона не выдержала огня осаждавших и сдалась. Вместе с ударницами Зимний дворец покинули в значительной части юнкера школы прапорщиков Северного фронта и отдельные группы других школ. Огонь с обеих сторон временно затих.

В 10 часов 5 минут Временное правительство составило и отправило телеграмму «Всем, всем, всем...», в которой отдавало себя под защиту армии и народа.

Из Ставки в Зимний дворец поступило сообщение от Духонина. Он подробно докладывал, какие казачьи части прибудут 26 октября, какая вообще поддержка может быть оказана.

Около 11 часов вечера перестрелка возобновилась. Упорство Временного правительства побудило Военно-революционный комитет прибегнуть к обстрелу Зимнего дворца из орудий Петропавловской крепости.

В Петропавловку прибыли матросы с морского полигона, присланные по распоряжению Свердлова. Моряки, осмотрев орудия, нашли их вполне пригодными для боевых действий. Получив приказ стрелять, они открыли частый огонь по дворцу. Всего было выпущено около 35 снарядов из трёхдюймовых орудий. Попаданий было только два, при этом один снаряд разорвался в комнате, смежной с той, в которой находились члены Временного правительства. Но если огонь крепостных орудий причинил мало повреждений, зато его моральное действие было огромно. Между «Авророй» и Петропавловской крепостью — штабом осады Зимнего — была установлена сигнализация зажжённым фонарём. Сигнал «Авроре» был дан: «частая стрельба холостыми». «Аврора» поддержала Петропавловку огнём тяжёлых орудий. Правда, выстрелы были холостые, тем не менее их эффект был громадный на фоне боевых действий Петропавловки.

Одновременно с артиллерийской пальбой усилилась ружейная и пулемётная перестрелка. Войска Военно-революционного комитета перешли в наступление со стороны площади. Однако атака была отбита, лишь небольшая горсть — около 50 смельчаков-красногвардейцев — прорвалась через баррикады в главные ворота дворца. Но здесь они были окружены юнкерами и обезоружены.

Осада продолжалась уже свыше шести часов. Многие красногвардейцы и солдаты находились у дворца беспрерывно с самого утра. К воинским частям подъезжали походные кухни, снабжая солдат и рабочих пищей. Красногвардейцы-трамвайщики через кондукторов и вагоновожатых сообщили в один из трамвайных парков, что так как штурм дворца задерживается, необходимо прислать продовольствие.

В парке дежурили члены заводского комитета. Они раздобыли в питательном пункте хлеба и колбасы. Снарядили моторный вагон. В ночной осенней мгле по затихшим улицам Петрограда на предельной скорости мчался одинокий ярко освещённый трамвайный вагон, везя красногвардейцам продукты. Через некоторое время ещё несколько вагонов, заполненных красногвардейцами, прибыли к площади Зимнего дворца.

Незаметной, но огромной была роль женщин-работниц в эти боевые дни пролетарского восстания. Во всех крупных отрядах Красной гвардии в качестве санитаров, а иногда и бойцов, были женщины. Составлялись и отдельные женские санитарные отряды. На Васильевском острове в небольшой пошивочной мастерской работали 50 работниц. Все они без исключения записались в санитары. 25 октября, разбившись на части, присоединились к красногвардейским сотням и всю ночь дежурили в расположении Зимнего дворца, перевязывая раненых солдат и красногвардейцев.

Ружейный и пулемётный огонь у Зимнего не прекращался. Гул артиллерийской канонады приводил в трепет явных и тайных приспешников контрреволюции. Временное правительство с минуты на минуту должно было бесславно сойти со сцены. Министр Никитин в последний раз связался с городской думой. Член кадетской фракции думы Кускова успела ему сообщить, что к Зимнему дворцу направляется большая депутация от всех фракций городской думы. Бессильные оказать какую бы то ни было помощь Временному правительству, лидеры мелкобуржуазных партий совместно с кадетами устроили шествие к Зимнему дворцу. Когда в городской думе узнали об ультиматуме Временному правительству, городской голова предложил послать депутацию на крейсер «Аврора», чтобы предупредить стрельбу. Решено было отправить депутацию не только на «Аврору», но и в Зимний дворец и в Совет рабочих и солдатских депутатов. В состав трёх депутаций вошли: городской голова Г. Н. Шрейдер, председатель думы А. А. Исаев, член думы графиня Панина, Коротнев и др. Первой вернулась около 11 часов ночи в городскую думу депутация, ездившая на «Аврору». Немедленно возобновилось заседание думы. Депутация сообщила, что на крейсер её не пустили.

Сообщение депутации вызвало целую бурю. На трибуну вскочил эсер Быховский.

— Дума не может остаться безучастной в такой момент, когда достойные борцы за народ оставлены одни в Зимнем дворце и готовы умереть[1], — кричал Быховский. Свою истерическую речь Быховский закончил предложением всей думе перейти в Зимний дворец, чтобы умереть со своими избранниками.

В этот момент на заседании думы появился министр С. Н. Прокопович. Со слезами в голосе он жаловался, что его не пускают в Зимний дворец разделить участь Временного правительства. Простирая руки к депутатам, Прокопович умолял:

— Сейчас, когда умирают ваши избранники, забудем все партийные счёты... и все пойдём защитить или умереть[2].

Фракции думы стали обсуждать, умирать ли с Временным правительством. Эсеры и меньшевики решили умирать. Пред-

ставители кадетов и других партий заявили, что пойдут умирать вместе с эсерами и меньшевиками. Городской голова города Пятигорска, случайно оказавшийся на заседании, выразил желание присоединиться к шествию. К пятигорскому депутату присоединился тоже случайно присутствовавший член Саратовской думы.

Предложение итти в Зимний дворец было подвергнуто поимённому голосованию. В притихшем зале одна за другой назывались фамилии членов городской думы. Каждый вставал и отвечал: «Да, иду умирать вместе с Временным правительством». Так заявили 62 человека. Четырнадцать человек заявили, что уходят в Совет рабочих депутатов. От «умирания» воздержались трое меньшевиков-интернационалистов.

Члены городской думы спустились вниз, чтобы итти на улицу. В этот момент сообщили, что прибыла депутация, ездившая в Зимний дворец. Все вернулись в зал и вновь открыли заседание думы. Депутация заявила, что в Зимний дворец она не попала. С большим трудом через какие-то мрачные подвалы её провели с Миллионной улицы на Дворцовую площадь. Депутаты пошли с белым платком к Зимнему дворцу, но оттуда по ним открыли огонь. Депутация утешала себя, что защитники Зимнего дворца в темноте, видимо, не заметили белого флага. А один из членов думы заявил, что в них стреляли, очевидно, потому, что боялись открыть вход во дворец большевикам.

На трибуне появилась графиня С. В. Панина.

— Если гласные не могут подойти к Зимнему дворцу, то они могут стать перед орудиями, стреляющими в Зимний дворец, и категорически заявить, что только через их головы большевики могут расстреливать Временное правительство[1]; — кричала она.

Выступление графини вновь подняло упавшее было настроение, и члены думы вторично вышли на улицу. Сеял мелкий холодный дождь. Улицы казались пустынными. Не слышно было и выстрелов. Члены думы нерешительно топтались на месте. Вдруг появился «вестник»:

— Подождите, в думу в полном составе направляется Совет крестьянских депутатов для совместного заседания.

Снова вернулись в зал — ожидать прибытия делегации. Истерически взвинченное настроение падало. Тут сообщили, что министр земледелия С. Маслов, сидевший в Зимнем дворце, каким-то образом прислал записку. В этой записке, которую он сам назвал «посмертной», Маслов сообщал, что «если ему суждено умереть, то он умрёт с проклятием по адресу демократии, которая послала его во Временное правительство, настаивала на этом и теперь оставляет его без защиты»[2].

Записка произвела впечатление. Снова заговорили о необ-

«Отправляйтесь по домам и оставьте нас в покое!» (Шествие к Зимнему дворцу Прокоповича, Шрейдера и др.)

Карикатура Кукрыниксы.

ходимости итти немедленно умирать за Временное правительство. Поздно ночью, наконец, двинулись к Зимнему дворцу. Шествие возглавляли городской голова Шрейдер и Прокопович с фонарём в одной руке и зонтиком в другой. Однако умереть членам городской думы не пришлось.

Шествие добралось только до угла Екатерининского канала. Дорогу преградил небольшой отряд моряков: «Комитет приказал никого не пропускать в Зимний дворец».

Шрейдер и Прокопович вступили в пререкания с матросом. Из толпы неслись гневные восклицания.

Один из матросов, повысив голос, резко скомандовал:

— Отправляйтесь по домам и оставьте нас в покое!

Процессия потопталась и без шума стала поворачивать назад, в думу.

Для политических мертвецов достаточно было небольшого окрика, чтобы они повернули назад.

В Ставке в это время положение резко изменилось. Между 10 часами и часом ночи генерал Духонин вызвал Северный фронт. Подошёл начальник штаба генерал Лукирский. Доложил, что главнокомандующий Северного фронта генерал Черемисов в 10 часов отменил все распоряжения о посылке войск. Духонин приказал разыскать Черемисова. Последний сообщил, что в Петрограде правительство прежнего состава уже не существует, генерал-губернатором назначен кадет Кишкин. Это назначение вызвало перелом настроения в войсковых организациях фронта не в пользу Временного правительства.

Духонин удивился. Стал говорить о необходимости поддержки правительства, о долге перед родиной, но Черемисов перебил его:

«Пока всё, что говорилось, держите про себя, но имейте в виду, что Временного правительства в Петрограде уже нет»[1].

Духонин связался с Западным фронтом. Оказалось, что Черемисов уже успел переговорить с командующим фронтом генералом Балуевым. Как и Духонин, последний призывал к единению, чести и долгу, а Черемисов твердил ему своё.

Ставка снова вызвала Северный фронт. Балуев в свою очередь пытался связаться с Духониным, но тот говорил с Зимним.

Пока генералы беседовали друг с другом, в армии с молниеносной быстротой распространялись вести о перевороте. Полки отказались выступить на защиту Временного правительства. Самокатчики остановились в семидесяти километрах от столицы. Военно-революционный комитет выслал к ним Серго Орджоникидзе, только утром 25 октября вернувшегося из Закавказья, куда он был послан Центральным Комитетом после VI съезда партии. Состоялся митинг. Серго в пламенной речи рассказал о восстании в Петрограде, о том, что самокатчиков обманули. Солдаты бурно приветствовали Серго и отдали себя в распоряжение Военно-революционного комитета.

Армейский комитет Северного фронта раскололся. Большинство его было явно не на стороне Временного правительства. Когда Черемисов говорил со Ставкой, как раз в это время комитетом вырабатывалась резолюция. Командующий Северным фронтом уже не являлся хозяином положения. Его распоряжения не имели никакой силы. Под давлением масс ему пришлось задержать посылку войск.

И в самом Петрограде никто не приходил на помощь Временному правительству. Казаки, и те дезертировали.

Поведение казаков было наиболее характерным примером той стремительности, с которой революция разлагала боевые силы контрреволюции. 25 октября весь день заседал Совет союза

казачьих войск вместе с полковыми комитетами расположенных в Петрограде 1, 4 и 14-го донских казачьих полков. Представители этих полков заявили; что казаки не хотят выступать на защиту Временного правительства и во всяком случае не пойдут без поддержки пехоты. Казачьи старшины, и в том числе новоиспечённый казак эсер Б. Савинков, кооптированный в состав Совета союза казачьих войск, в продолжение долгих часов заклинали казаков поддержать Керенского. Савинков и член Совета Филатов за поддержку правительства обещали казакам выполнить их основные требования. Им льстили, подкупали обещаниями сохранить за ними их привилегированное положение и угрожали, что большевики первым делом расправятся с казаками: лишат их земли.

Измученные длинными увещаниями представители полковых комитетов всё же отказались баллотировать предложение руководителей Совета союза казачьих войск и потребовали перерыва для обсуждения вопроса непосредственно в полковых комитетах. По возобновлении заседания два полка (1 и 14-й) обещали выполнить приказ, но и среди них некоторые сотни настаивали на предварительном выводе на улицу пехоты, а 4-й Донской казачий полк и вовсе отказался выступать. Совет союза казачьих войск принял резолюцию о поддержке Временного правительства и сообщил, что полки готовы выступить против восставших.

Решение, однако, оказалось принятым без согласия «хозяина»: вечером все три полка вопреки постановлению своих полковых комитетов заявили, что 1) приказов Временного правительства выполнять не будут, 2) против Петроградского Совета не выступят и 3) готовы нести охрану города, как при прежней власти.

Горячая перестрелка у Зимнего дворца не прекращалась. Раздражённые упорным сопротивлением юнкеров, засевших за сложенными из дров баррикадами, красногвардейцы и матросы непрестанно возобновляли попытки ворваться во дворец. Медленно, ползком, невзирая на опасность, небольшими группками они добирались до самых баррикад.

Проникнуть во дворец было легче всего через Салтыковский подъезд, со стороны Адмиралтейства. Здесь находился лазарет. Раненые солдаты оказывали содействие пробиравшимся к ним морякам и красногвардейцам. В то же самое время целые группы осаждающих начали проникать в Зимний через никем не охраняемые проходы со стороны Эрмитажа.

Матросы, красногвардейцы и солдаты стремительно рассыпались по всем этажам. Пользуясь беспорядком, царившим во дворце, отдельные красногвардейцы — «красные агитаторы», как их называл в своих воспоминаниях верховный комиссар Станкевич, — смешавшись с толпой юнкеров, вносили разло-

жение в ряды защитников правительства. Часть красногвардейцев юнкерам удалось разоружить.

Атаки на дворец производились главным образом с флангов — со стороны Миллионной улицы и Александровского сада. Во главе других частей петроградского гарнизона дрались Павловский и Кексгольмский полки и 2-й Балтийский флотский экипаж. С ними вместе в первых рядах были моряки Кронштадтского сводного отряда. Впереди всех, увлекая других своим примером, были красногвардейцы.

Прожекторы военных судов, прорезая царившую вокруг тьму, освещали дворец.

Дворец был красный, точно окрашенный кровью. Из освещённых комнат через окна на площадь падали яркие полосы света. Постепенно юнкера стали гасить свет в комнатах. Винтовочная трескотня, стук пулемётов, раскаты орудийных выстрелов сливались в неумолчный гул.

К часу ночи огонь с баррикад стал ослабевать.

Толпы осаждающих подвигались всё ближе к дворцу, скапливаясь у Александровской колонны. Ещё сильнее нажали на юнкеров с флангов. Красногвардейцы стали группироваться у штабелей дров, используя их теперь как баррикады против юнкеров. По цепи штурмующих передавали команду: прекратить огонь, ждать отдельного винтовочного выстрела — сигнала «на приступ».

Внутри дворца вели бои проникшие туда раньше группы красногвардейцев. Ещё слышны были отдельные выстрелы, местами ещё трещал пулемёт. Но враг уже не в силах был сдержать напор окруживших его людских масс.

Вскоре раздался винтовочный выстрел — сигнал «на приступ», и поток людей, затопив дворцовые ворота и подъезды, ворвался в здание.

Смолкли треск и грохот трёхдюймовок Петропавловской крепости. В воздухе, заглушая сухую непрерывную дробь пулемётов и винтовок, стоял сплошной победный крик «ура». Красногвардейцы, матросы, солдаты, прыгая через баррикады, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь, живым потоком заливали входы, крыльцо, лестницы дворца.

К двум часам ночи Зимний дворец был взят. Последняя цитадель буржуазного Временного правительства пала.

Крики «ура», топот тысяч ног и стук прикладов нарушили тишину царских покоев. Полтораста лет возвышалось это величавое, огромное здание, как неприступная крепость, как символ незыблемости дворянско-помещичьей и буржуазной власти. И вот отряды питерских рабочих, солдат и матросов полноправными хозяевами вступили в здание, доступ в которое раньше для них был закрыт.

Петроград. Зимний дворец.

Зимний дворец был закончен постройкой в 1762 году, при Петре III. Строили его на «прибылые кабацкие деньги», т. е. на доходы, получаемые от царских кабаков. Построен дворец выдающимся зодчим XVIII века Растрелли, который строил и Смольный. Передавая сенату требование императрицы Елизаветы Петровны на отпуск денег для постройки, Растрелли так определил значение дворца: «Строение каменного зимнего дворца строится для одной славы всероссийской»[1]. Среди обширной площади торжественно возносил свои колонны царский дворец. Сюда подкатывали раззолоченные придворные кареты. Сторонкой пробирались мимо сверкающих окон оборванные городские мастеровые. Часовые окриками отгоняли от дворца простой народ.

Зимой 1837 года Зимний дворец сгорел. По по распоряжению Николая I он был восстановлен с ещё большей роскошью и пышностью. Немедленно на пепелище были воздвигнуты строительные леса. Шесть тысяч искусных рабочих было согнано со всех концов России. Зимой, днём и ночью, в трескучие морозы шла работа. В залах дворца стояла 30-градусная жара — так сильно топили печи, чтобы скорее просушить стены. Рабочие, красившие залы дворца, вынуждены были надевать на головы особые шапки со льдом, иначе нельзя было работать в такой температуре. Десятки рабочих гибли в невыносимо тяжёлых условиях труда. За один год с небольшим дворец был заново построен[2].

Грандиозное впечатление производил вновь отстроенный дворец. Он ослеплял каждого входившего богатством отделки и

роскошью убранства. Бесконечная вереница огромных великолепных зал вела в покои царя и его семьи.

Идея торжествующего самодержавия была положена в основу архитектурного оформления дворца. Николай I издал специальный указ, запрещающий строить в Петрограде здания выше 22 метров, т. е. выше Зимнего дворца. За несколько лет до того — в 1834 году — на площади перед Зимним дворцом Николай поставил памятник — Александровскую колонну. 25-метровый гранитный столб заканчивался вверху фигурой ангела с крестом, попирающего ногой змею революции. Снизу казалось, что ангел, как часовой, стоя перед окнами царского дворца, отдавал честь.

Волны народного горя, слёз и гнева омывали гранитные твердыни дворца. Сюда, к стенам царских комнат, не раз доплёскивалось народное возмущение. До самого подножия дворца докатились ряды восставших войск в декабре 1825 года. В залах Зимнего при спущенных шторах Николай I по ночам допрашивал декабристов. Сюда с иконами и царскими портретами приходили к «царю-батюшке» в январский морозный день 1905 года петербургские рабочие. Зимний дворец встретил их пулями. Кровью рабочих, их жён и детей был забрызган гранит и мрамор его стен.

После июльских дней 1917 года, торжествуя победу над большевиками, в Зимний дворец перебралось Временное правительство. В бывших комнатах Александра III, в его кабинете и спальне, поселился «социалистический» министр Керенский. В дворцовых покоях и залах Зимнего переменились только лица. Лишь в ночь на 26 октября 1917 года окончательно пала эта вековая твердыня помещичье-буржуазной власти. Новые хозяева страны — рабочие и солдаты — поднялись по 117 мраморным парадным лестницам Зимнего. Одна за другой настежь распахнулись перед ними все 1 786 дверей. Тяжёлая поступь красногвардейских отрядов прогремела под сводами всех 1 050 комнат и зал царского дворца.

Лавиной влившиеся во дворец красногвардейцы, матросы и солдаты бросились разоружать оцепеневших от страха юнкеров.

— Провокаторы! Корниловцы! Убийцы народа! — раздавалось по их адресу.

Однако насилий над юнкерами никто не учинил.

В обширном зале перед комнатой, где сидело Временное правительство, застыл с ружьями наизготовку ряд юнкеров — последняя группа защитников Временного правительства. Винтовки были вырваны из их рук.

Навстречу атакующим выскочил Пальчинский с криком, что достигнуто соглашение и во дворец идёт депутация городской думы и Совета. Пальчинского арестовали.

Комната, в которой укрывались члены Временного правительства, немедленно была занята революционными войсками. Министры стояли бледные, растерянные. Их объявили арестованными.

— Чего с ними возиться, попили нашей крови и довольно, — громко стукнув винтовкой о пол, выкрикнул приземистый матрос[1].

Матроса успокоили: распоряжается Военно-революционный комитет; никаких самочинных действий.

В торжественной обстановке составлялся список арестованных министров. Затем их стали выводить. Каждого министра вызывали по фамилии, за ним следовал солдат с винтовкой. Так, на ходу, составилась живая цепь, двигавшаяся по полутёмным коридорам к выходу. На тёмной, сырой площади толпились красногвардейцы, матросы, солдаты.

— Где Керенский? — спрашивали они.

Узнав, что министр-председатель бежал, они разразились проклятиями по его адресу и обещали поймать его.

Под конвоем «бывшие люди» были доставлены в Петропавловскую крепость.

С падением Зимнего дворца власть Временного правительства была ликвидирована окончательно. Великая пролетарская революция победила в столице.

8.

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ — КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ПОБЕДОНОСНОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ВОССТАНИЯ.

Октябрьское восстание является классическим примером той тактики вооружённого восстания, которую создали основоположники научного социализма Маркс и Энгельс и их великий преемник и продолжатель Ленин. В Октябрьском восстании был обобщён весь опыт борьбы мирового пролетариата, подытожен революционный путь большевистской партии. Героическая борьба петроградских пролетариев ещё раз подтвердила, что вооружённое восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчинённый *особым* законам. Именно эта истина марксизма подверглась едва ли не наибольшему извращению во II Интернационале. Международный меньшевизм обвинял в бунтарстве

тех, кто пытался претворить в практику революционные мысли Маркса, называл бланкистами тех, кто требовал тщательно изучать особые законы восстания. Известный французский революционер Бланки представлял себе революцию в виде политического переворота, подготовляемого и совершаемого узким, хорошо законспирированным кружком заговорщиков. Бланки доказывал, что небольшая, крепко сколоченная группа, выступив неожиданно, может первыми своими успехами увлечь массы и тем самым совершить революцию.

Марксизм не имеет ничего общего с этой теорией и практикой «заговорщической» революции.

Октябрьская пролетарская революция является блестящим образцом практического применения марксистской теории вооружённого восстания. Каковы же важнейшие политические и тактические уроки вооружённого восстания в октябре 1917 года?

1. Победа никогда не приходит «самотёком», она достаётся только после тяжёлой, упорной организованной борьбы. Как бы далеко ни зашло разложение противника, как бы значительно ни было колебание в его рядах, врага надо разбить, враждебный класс надо раздавить.

А это требует исключительно тщательной подготовки.

Партия большевиков использовала всякий повод для мобилизации своих сил, для более тесной связи с местами. Центральный Комитет посылал своих представителей на все конференции, съезды, совещания информировать большевиков, договориться с ними о расстановке сил. Делегатов Северного съезда Советов использовали для передачи на места директив партии. Во фракции большевиков съезда городов в Москве распределяли между областями роли в подготовляемом восстании. На места были посланы члены Центрального Комитета или доверенные лица. Из промышленных центров в свою очередь приезжали местные работники. Между центром и местами была налажена самая тесная связь. Уполномоченные Центрального Комитета, письма, газеты, прямые провода — всё было учтено, всё было использовано, чтобы держать руководящих партийных товарищей в курсе назревающих событий, чтобы держать всю партию в боевой готовности.

В подготовке восстания исключительную роль сыграла изоляция соглашательских партий. В столицах и промышленных центрах эта изоляция сказалась в переходе Советов в руки большевиков. Ленин предложил посылать в деревню агитаторские группы для разъяснения большевистской политики. Солдаты-отпускники проходили краткосрочные курсы, снабжались большевистской литературой.

Изоляция соглашательских партий облегчила создание *единого фронта* революционных пролетариев и других трудящихся. Октябрьская социалистическая революция была *народной* в том

АРЕСТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Картина П. М. Шухмина.

Красногвардейская охрана у дверей В. И. Ленина в Смольном.

смысле, в каком понимал её Маркс. Большевикам удалось отвоевать массы у эсеров и меньшевиков. Многие рядовые члены соглашательских партий покинули своих вождей и пошли за большевиками. Подавляющее большинство трудящихся поддержало пролетариат, возглавляемый большевистской партией.

«За нами большинство *класса*, — писал Ленин, — авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство* народа. А в этом гвоздь общенародного характера революции» [1].

Октябрьская социалистическая революция показала исключительное умение большевистской партии бороться за армию. Революция вырвала армию из рук контрреволюции. Буржуазия

удалось использовать только классово подобранные отряды белой гвардии: юнкеров, ударников, офицерский корпус и т. п.

Огромная работа была проделана по разложению рядов противника. Агитаторы-большевики непрерывно проникали в отряды Временного правительства. В юнкерских школах команды солдат, обслуживающие юнкеров, большей частью находились под большевистским влиянием. В самом Зимнем дворце во время осады то и дело арестовывали большевистских агитаторов.

По предложению Ленина и под непосредственным руководством Сталина заранее был подготовлен штаб восстания, распределены силы, намечен план. Были выделены специальные отряды для занятия решающих пунктов. Огромное внимание было уделено всестороннему собиранию сведений о составе и расположении войск под Питером и в Питере, военной подготовке Красной гвардии и верных революции полков. Ленин писал:

«Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого: с прекрасными резолюциями и с Советами, но *без власти*!!»[1]

«*Восстание, как и война, есть искусство*», эту характеристику Маркса и Энгельса положила партия большевиков в основу своей деятельности. Вся подготовительная работа партии полностью шла согласно требованию Ленина:

«Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твёрдо, что надо *итти до конца*»[2].

2. Исключительное значение в проведении восстания сыграл *выбор самого момента восстания*. Ленин развил и дополнил учение Маркса о революционной ситуации, охарактеризовал условия, создающие революционную ситуацию и определяющие её переход в революцию. Наличие общего кризиса, толкающего на борьбу широчайшие массы народа, невозможность для господствующих классов управлять по-старому, усиливаемая грызнёй в правительственном лагере, и нежелание масс дольше терпеть гнёт и эксплоатацию — таковы основные, характерные черты революционной ситуации, вне которой всякое восстание превращается во вспышку, в путч. Ленин не только дополнил и развил мысль Маркса о революционной ситуации. Он показал, что лишь *наличие* сознательной, дисциплинированной, идейно сплочённой *партии* может превратить революционную ситуацию в революцию. Ленин чётко разграничил вопросы революции и вооружённого восстания, запутанные меньшевиками и троцкистами. Возражая меньшевистским предателям, которые выступали против подготовки, назначения и проведения вооружённого восстания под тем предлогом, что народная революция не назначается, а подготовляется переворотом в общественных отношениях, Ленин писал:

«Не может быть назначена народная революция, это справедливо... Но назначить восстание, если мы его действительно го-

товили и если народное восстание возможно, в силу *совершившихся* переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая»[1].

Октябрьская социалистическая революция дала исключительный образец умения большевистской партии выбрать момент восстания. Хвастливый болтун и предатель Троцкий и поддержавшие его изменники Зиновьев с Каменевым, предлагая отсрочить выступление до съезда Советов, тем самым выдавали противнику план действий. Позволяя ему подтянуть свои силы, они предавали революцию.

Ленин гениально разгадал намерения противника. Вождь партии по ряду признаков понял, какая лихорадочная мобилизация сил шла в лагере врагов. Руководитель революции, блестяще владевший революционной диалектикой, раскрыл планы буржуазии и её правительства. Ленин добился того, что восстание было начато и проведено до съезда Советов. Конкретный ход борьбы показал, как гениален был руководитель революции. Если бы большевистская партия не пошла в наступление 24 октября, то весь ход революции выглядел бы совершенно иначе: инициатива перешла бы в руки врага.

3. Успешное проведение восстания требует сосредоточения в решающих местах большого перевеса сил. Класс, уходящий со сцены, всегда лучше вооружён и имеет больше военных специалистов. Свергаемый класс за долгие годы своего господства сумел воспитать опытных боевых командиров. На его стороне было техническое преимущество, зачастую и лучшая организация и лучшая подготовка. Это требовало со стороны восставших исключительной самоотверженности, преданности делу. Лучшей технике, большему военному преимуществу восстание противопоставило сосредоточение большего числа сил. Ленин неоднократно требовал от партии скопления

«...*гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков и т. д.)» [2].

Об этом законе восстания Ленин писал следующим образом:

«Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев» [3].

4. Восстание, чтобы быть успешным, должно развернуть стремительное наступление.

Октябрьское вооружённое восстание от начала до конца являлось подтверждением этого ленинского правила. Оно воплотило в себе тактику стремительного наступления на врага.

В первую очередь восставший рабочий класс захватывал и закреплял в городе те пункты и те здания, которые имели

важное практическое значение для последующих боевых действий.

В этом отношении удивительно точно оказалось выполненным указание Ленина,

«...чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову» [1].

Всё это в ходе восстания тщательно было выполнено Военно-революционным комитетом.

Что это дало восставшим? Овладение средствами связи, в первую очередь Центральной телефонной станцией, дало возможность использовать эти средства для изоляции Временного правительства и его вооружённых сил. Занятие железнодорожных станций в условиях Октябрьского восстания имело громадное значение, так как ежеминутно можно было ожидать движения эшелонов, перебрасываемых с фронта на помощь Временному правительству. Наконец, мосты в условиях боевых действий в городе, где широкая река отделяет центр от рабочих окраин, приобретали чрезвычайно важное значение для связи центра восстания с окраинами.

После занятия исходных, важных в тактическом отношении пунктов и учреждений города остальные учреждения захватывались постепенно. Каждый час приносил восставшим известия о занятии всё новых и новых пунктов столицы, а Временному правительству — сведения о его всё растущей изоляции.

Основное указание Ленина о тактике вооружённого восстания гласило:

«Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооружённого восстания» [2].

5. Восстание, чтобы быть успешным, должно захватить неприятеля врасплох. В продолжение многих дней накануне выступления пресса была полна слухов о восстании, правительство — терроризировано идущими со всех сторон сведениями. На заседании Совета министров, на фронте, куда Керенский бежал за помощью, в соглашательских учреждениях — всюду членов правительства преследовали слухи о заговоре. Каждый день ждали восстания. Каждое утро просыпались с тревогой: «Началось!» Соглашатели метались с квартиры на квартиру, выспрашивая, добиваясь узнать, когда же, наконец, свершится неизбежное. А партия большевиков спокойно выжидала момент, чтобы поразить противника неожиданностью.

«Надо стараться захватить врасплох неприятеля, — учил Ленин, — уловить момент, пока его войска разбросаны» [3].

6. Успешное восстание требует непрерывных успехов, пусть даже незначительных.

Систематически поступавшие к Временному правительству сведения о захвате войсками Военно-революционного комитета всё новых и новых учреждений вселяли всё большую тревогу в защитников Зимнего дворца и членов Временного правительства. Плохие известия настигали Керенского ежеминутно: явившаяся делегация юнкеров сообщала о полученном ими ультиматуме Военно-революционного комитета с требованием покинуть дворец. Члены правительства передавали о прибытии кронштадтских моряков. Офицеры штаба округа растерянно доносили об отказе полков поддержать Временное правительство. Керенский не выдержал и выехал «встречать» идущие с фронта войска.

Все эти сообщения немедленно передавались по отрядам восставших. Сведения о победах вселяли гордость в повстанцев, поднимали настроение, двигали дальше в бой. Каждый новый успех уменьшал численность рядов противника, расширял число революционных войск. Каждый шаг вперёд увеличивал панику у врага, сознание своей силы у восставших. Всякий захват нового пункта усиливал безнадёжность у защитников правительства, уверенность в победе пролетарских отрядов.

В этих действиях восставших систематически осуществлялись указания Ленина:

> «Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идёт об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»* [1].

Октябрьская победа показала, какой силой становятся народные массы, когда ими руководит испытанная, боевая пролетарская партия. Соглашатели и буржуазия пугали пролетариат «потоками крови», которые прольются в гражданской войне. Но успешное восстание спасло сотни тысяч солдат от гибели в войне империалистской, избавило миллионы крестьянской бедноты от крепостнического гнёта помещиков, миллионы пролетариев — от ужасов безработицы, вымирания и эксплоатации.

Такой организованности и стройности, такой чёткости и взаимосвязанности, такой тщательной, глубокой подготовки, как в Октябрьской социалистической революции, не знало ни одно восстание в мире. Всю эту тщательную подготовку, организованность и дисциплинированность, всю эту, как говорил Дантон, смелость, смелость и ещё раз смелость обеспечил Центральный Комитет партии большевиков под руководством Ленина и Сталина. Не было ни одного вопроса восстания, не обсуждённого заранее Центральным Комитетом. Общий план, связь, шифры, обеспечение тыла, лозунги — всё получило точное и полное оформление в Центральном Комитете. Всё это объясняет, почему в этой величайшей революции, в этом исключительном восстании, где столкнулись огромные силы, где участники исчислялись сотнями ты

ся, так мало оказалось жертв: в боях под Зимним дворцом погибло всего несколько десятков человек.

Великие герои Парижской коммуны оборонялись в Париже, вместо того чтобы стремительно наступать на врага. Огромное число борцов во время революций 1848 и 1871 годов в Западной Европе и 1905 года в России погибло, не добившись победы, потому что они отступили от требования Маркса и Энгельса отнестись к восстанию, как к искусству. Октябрьская социалистическая революция, подготовленная, организованная и проведённая партией Ленина — Сталина, исправила ошибки борцов Парижской коммуны, учла опыт всех восстаний и вошла в сокровищницу мирового революционного пролетарского движения как блестящее практическое руководство к действию.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

1.

ОТКРЫТИЕ СЪЕЗДА.

В ночь на 26 октября Военно-революционный комитет Петроградского Совета, свергнув правительство буржуазии, передал власть II Всероссийскому съезду Советов. Делегаты начали съезжаться в Петроград ещё 17—18 октября, так как открытие съезда первоначально намечалось 20-го. Эсеро-меньшевистские руководители Центрального исполнительного комитета умышленно выбрали общежития в разных концах города с целью помешать объединению делегатов. Уловка, однако, не удалась. Очень быстро все делегатские общежития превратились в оживлённые политические клубы. Делегаты ходили по заводам и полкам. Накалённая обстановка столичного города рассеивала соглашательские иллюзии у некоторых делегатов, прибывших с фронта или из далёкой провинции. По вечерам в общежитиях делегаты делились впечатлениями бурного дня. Повсюду шли горячие беседы и споры, причём большинство делегатов, не примыкавших формально к партии большевиков, единодушно высказывалось против Временного

правительства. Даже беспартийные были захвачены паровиным в столице и среди делегатов-большевиков боевым настроением.

В Петроград до 22 октября 1917 года прибыло 175 делегатов, из них 102 большевика и разделяющих большевистскую точку зрения [1]. Каждый день в общежития являлись представители Центрального Комитета большевиков со списком в руках. Делегатов-большевиков вызывали и направляли в рабочие районы Петрограда.

Делегаты-большевики по заданию Центрального Комитета выступали на заводских и полковых митингах. По нескольку раз в день произносил страстные речи делегат Северного Кавказа С. М. Киров.

О росте революции в Царицыне сообщал Я. З. Ерман. Делегаты-большевики привозили наказы, в которых десятки тысяч пролетариев промышленных районов требовали передачи власти Советам. Солдаты-большевики рассказывали, что в армии ловят слухи о назревающей революции. Имя Керенского произносилось не иначе, как с насмешкой и бранью. Урал, Донбасс, Поволжье, Украина, фронт—вся страна проходила перед слушателями на бурных митингах. По речам делегатов-большевиков петроградские рабочие убеждались, что они не одиноки, что их поддержит весь рабочий класс, вся крестьянская беднота.

Из 318 провинциальных Советов, представленных на II съезде, лишь 59 высказались за «власть демократии» и 18 вынесли половинчатые (частью за «власть демократии», частью за «власть Советов») решения. Делегаты 241 Совета приехали на съезд с большевистскими наказами. 241 Совет безоговорочно заявил: «Вся власть Советам!» Таково было настроение на местах.

Чем меньше дней оставалось до открытия съезда, тем чаще делегаты собирались в Смольном.

С взволнованными, озабоченными лицами приходили делегаты окопов, заводов и деревень. В длинных, сводчатых, слабо освещённых коридорах, в клубах табачного дыма непрерывно двигались толпы народа, мелькали тёмные, замасленные куртки рабочих, серые шинели солдат и чёрные — матросов, сипуны и армяки крестьян.

Приходили делегации рабочих районов и солдатских полков, чтобы засвидетельствовать свою преданность революции и открывающемуся съезду Советов.

Весь день 25 октября, с раннего утра до позднего вечера, в залах Смольного происходили фракционные совещания. Наиболее многочисленную фракцию съезда представляли большевики. Они составляли подавляющее большинство II съезда—390 человек из общего количества прибывших к открытию съезда 650 делегатов. Во время работы съезда прибыло ещё несколько десятков делегатов.

Фракция большевиков помещалась в первом этаже Смольного. К ней направлялся непрерывный людской поток. Громадная комната, вся мебель которой состояла из стола и нескольких стульев, была переполнена народом. Делегаты съезда — большевики — сидели на полу, вдоль стен.

Настроение было приподнятое, но спокойное и уверенное. Многие делегаты-большевики последние дни перед съездом и ночевать оставались здесь же, в Смольном, в помещении фракции. Разостлав на полу газету, пальто или шинель, они дремали 2—3 часа, с тем чтобы наутро быть снова готовыми выполнять поручения партии. Часть из них была вооружена револьверами, винтовками, шашками; ручные гранаты висели у пояса.

Состав делегатов II съезда Советов являлся наглядной демонстрацией того, насколько большевистской партии за семь месяцев существования Временного правительства удалось убедить народные массы, что вне пролетарской революции невозможно разрешение вопросов о земле и мире.

Меньшевики и правые эсеры — самые сильные партии I съезда Советов — явились на II съезд жалкими банкротами. Понадобился очень небольшой срок, чтобы эти мнимые друзья народа оказались полностью разоблачёнными в глазах рабочих и крестьян как предатели, дезертиры революции.

Правые эсеры вместе с эсерами центра составляли группу в 60 делегатов. Остальные члены партии эсеров шли за «левыми». Впоследствии, во время съезда «левые» эсеры, отвоевав часть провинциальных делегатов — правых и центра, — насчитывали 179 человек, составляя вторую по численности после большевиков фракцию съезда. Меньшевики разных направлений, включая Бунд, имели за собой к началу съезда группу около 80 человек.

Бледные и растерянные, понуро бродили по коридорам Смольного вожди меньшевиков и эсеров. Это были генералы без армии. На фракционных заседаниях меньшевиков и эсеров, разбившихся на бесчисленные группировки, произошёл раскол. Вожди меньшевиков и правых эсеров решили сначала не принимать участия в съезде. Но настроение масс было настолько революционным, что рядовые члены партии меньшевиков и эсеров открыто выступали против этого решения своих вождей.

Во фракции меньшевиков шли долгие прения, но меньшевистским вождям не удалось добиться единства. Был объявлен перерыв для заседания Центрального комитета меньшевиков. В 6 часов вечера возобновилось заседание фракции. Дан объявил, что Центральный комитет меньшевиков постановил снять с себя ответственность за совершённый переворот, и поэтому партии меньшевиков нельзя стоять на большевистских баррикадах. Центральный комитет меньшевиков предложил фракции отказаться от участия

в съезде Советов и одновременно решил начать переговоры с Временным правительством о создании власти.

У эсеров во фракции также шли прения об отношении к съезду. Центральный комитет эсеров предложил отказаться от участия в съезде, но фракция большинством постановила не покидать съезда.

Чтобы держать в своих руках делегатов фронта; эсеро-меньшевики создали фронтовую группу. Пользуясь отсутствием большевиков, которые ушли на заседание своей фракции, эсеро-меньшевики 16 голосами против 9 при 6 воздержавшихся сфабриковали мнение группы, решив уклониться от участия в съезде.

До позднего вечера затянулись фракционные заседания.

По соглашению всех фракций решено было открыть съезд к 8 часам вечера. В 10 часов фракция меньшевиков всё ещё продолжала заседать. Большевики послали к меньшевикам двух представителей выяснить, когда же меньшевики появятся в зале заседания. Меньшевики ответили, что им нужен по крайней мере ещё час[1].

Наконец, в одиннадцатом часу ночи за столом президиума появляется группа членов старого Центрального исполнительного комитета — меньшевиков и эсеров.

Несмотря на поздний час, Смольный попрежнему полон движения. Белый колонный зал залит огнями люстр; люди взобрались на выступы колонн, на подоконники, на скамейки. Густая толпа теснится в дверях и проходах. В 10 часов 40 минут к столу подходит толстый, в военной тужурке, с докторской повязкой на рукаве меньшевик Дан. От имени Центрального исполнительного комитета первого созыва он открывает съезд.

Однако меньшевики и их неразлучные спутники — правые эсеры, казалось, за тем только и явились на съезд, чтобы с его трибуны откровенно показать восставшим рабочим и солдатам своё контрреволюционное лицо. С первого же момента они открыто и безоговорочно поддержали контрреволюцию, гнездо которой — Зимний дворец — петроградские рабочие и солдаты в это время с винтовками в руках брали приступом.

> «Я являюсь членом президиума Центрального исполнительного комитета, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров» [2],—заявил Дан, открывая съезд.

Министры, с которыми солидаризировался Дан, в это время вызывали войска с фронта для усмирения петроградского пролетариата. Они же послали Керенского на фронт, чтобы привести к Петрограду казачьи части. Они назначили кадета Кишкина «диктатором», предоставив ему чрезвычайные полномочия по водворению в Петрограде «порядка».

В. И. Ленин среди делегатов Второго Всероссийского съезда Советов.

Картина С. В. Герасимова.

«Без всяких речей, — заявил Дан, — объявляю заседание съезда открытым и предлагаю приступить к выборам президиума»[1]. Большевики предложили составить президиум на основе пропорционального представительства всех фракций, присутствующих на съезде. Однако меньшевики и правые эсеры отказались

дать своих представителей. Меньшевики-интернационалисты также заявили, что они «воздерживаются» от участия в выборах президиума съезда, «пока не будут выяснены некоторые вопросы» [1].

Вслед за этим меньшевики-интернационалисты выдвинули требование «в первую очередь обсудить именно вопрос о том, как предотвратить неминуемую гражданскую войну» [2].

На трибуне появляется тощая озлобленная фигура Мартова. Лидер меньшевиков хриплым голосом начинает выкрикивать ругательства по адресу большевиков, называя победоносное восстание пролетариата «тайным заговором» и предлагая восставшим рабочим и солдатам образумиться, пока не поздно. Сущность предложения меньшевиков сводилась к тому, чтобы членам съезда пойти на улицы Петрограда уговаривать восставших рабочих и солдат вернуться по домам.

От имени меньшевиков-интернационалистов Мартов рекомендовал съезду

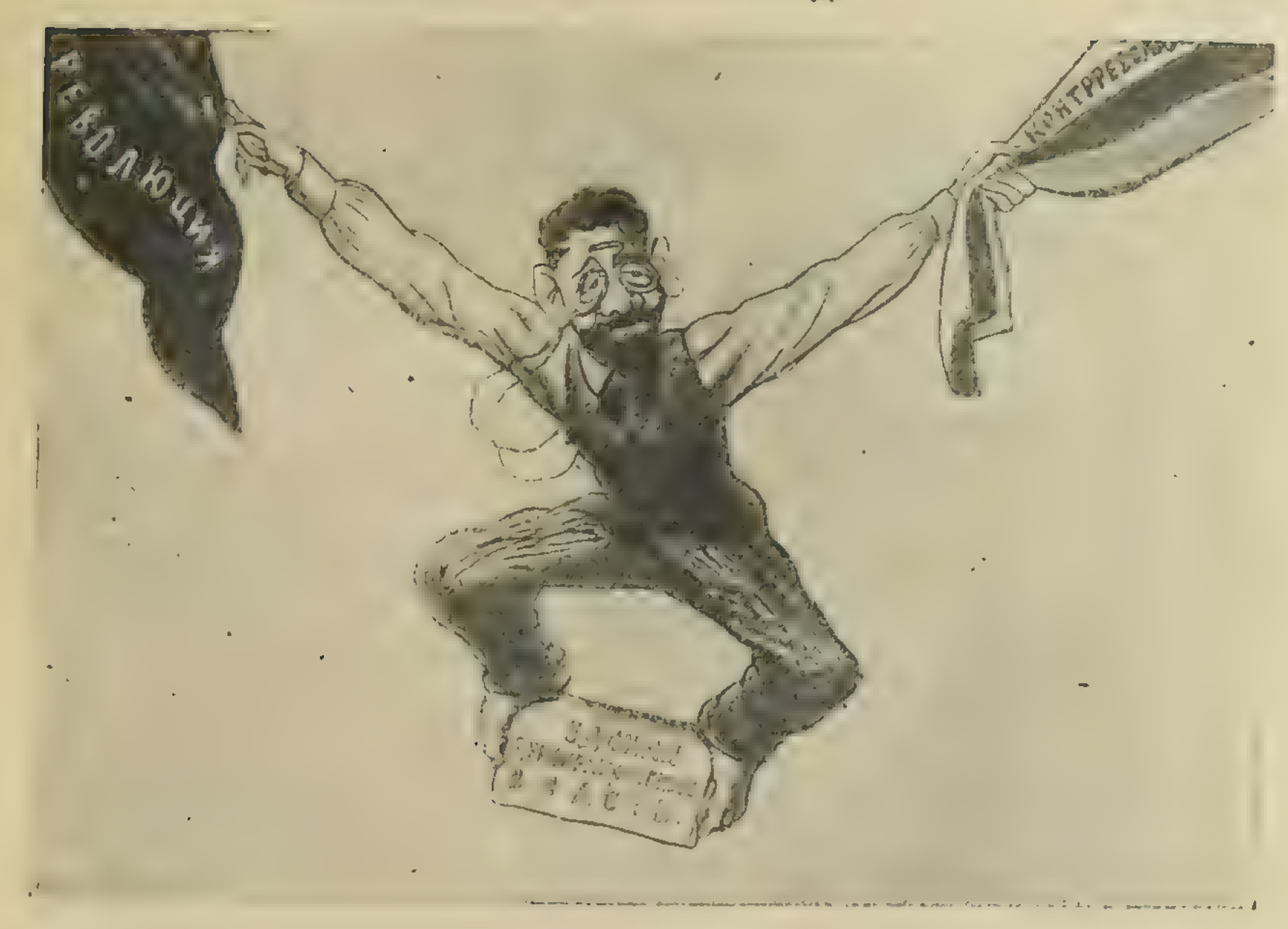
> «избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения». Возможность предотвращения гражданской войны Мартов видел, по его словам, «в создании единой демократической власти» [3].

Представители «других социалистических партий и организаций», с которыми Мартов предлагал договориться «о создании единой демократической власти», сидели тут же, на съезде. И если бы они искренно хотели итти по пути требований огромного большинства трудящихся масс, они должны были принять участие в работах съезда, подчиняясь всем его постановлениям. Предложение же Мартова таило в себе другое. «Прекращение начавшегося столкновения» — чего требовали меньшевики — означало прекращение осады Зимнего дворца, свободу действий для засевших там министров во главе с «диктатором» Кишкиным, выигрыш времени для получения Временным правительством подкреплений с фронта и мобилизации контрреволюционных сил в самом Петрограде. Предложение это означало прямую поддержку контрреволюции.

К предложению Мартова присоединились другие колеблющиеся фракции съезда — «левые» эсеры и фронтовая группа. Фракция большевиков заявила, что она

> «решительно ничего не имеет против предложения Мартова. Напротив, она заинтересована в том, чтобы все фракции выяснили свою точку зрения на происходящие события и сказали бы, в чём они видят выход из создавшегося положения» [4].

В такой постановке вопроса — в смысле уяснения фракциями съезда своего отношения к происходящим событиям — предложение Мартова единогласно было принято съездом.

Мартов. *Карикатура Кукрыниксы.*

Принятая резолюция явно не могла удовлетворить меньшевиков. Главное содержание их предложения — «прекращение начавшегося столкновения» — съезд не принял во внимание. Один за другим представители эсеров и меньшевиков требовали слова для «внеочередных заявлений». Задыхаясь от бессильной злобы, они продолжали кричать о «заговоре» и «авантюризме» большевиков. С трибуны съезда они откровенно провозглашали гражданскую войну против советской власти.

«Меньшевики и эсеры считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть» [1], — заявил меньшевик Я. А. Хараш, выступавший в качестве представителя комитета XII армии.

Вслед за ним на трибуне появился меньшевик офицер Г. Д. Кучин, взявший слово «от имени фронтовой группы».

— Отныне арена борьбы переносится на места — там необходима мобилизация сил, — заявил меньшевистский посланец.

— От чьего имени говорите вы? — спрашивают его с мест. — Когда выбраны? А солдаты что говорят? [2]

Кучин начинает перечислять один за другим армейские комитеты — II, III, IV, VI, VII и других армий. В его голосе слы-

шатся уже явные угрозы. Он запугивает съезд тем, что находящиеся на фронте армии придут в Петроград и не оставят камня на камне. Он угрожает съезду открытием фронта и гибелью России. В подтверждение своих слов Кучин читает резолюции армейских комитетов, полные таких же угроз.

В зале наступает тишина. По рядам делегатов пробегает холодок. Фронтовые части представляют собой огромную боевую силу. А вдруг правда всё то, что говорит этот офицер?.. Но тут напряжённую тишину зала раскалывает громкий, уверенный голос. Какой-то солдат-фронтовик в забрызганной грязью шинели торопливо пробирается к трибуне.

«Они излагают нам здесь мнения кучек; сидящих в армейских и фронтовых комитетах. Армия давно требует их перевыборов... Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов» [1].

И оратор под бурю восторженных криков и аплодисментов съезда встряхивает над залом пачкой привезённых с фронта солдатских резолюций.

После этого выступает представитель латышских стрелков. Он говорит:

«Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии... Они не представляют солдат... Пусть они уходят — армия не с ними!» [2]

Хараш и Кучин были типичными представителями избранных чуть ли не в начале Февральской революции армейских комитетов. Рядовая солдатская масса вполне правильно рассматривала их как агентов Главного штаба, мало изменившего свой облик со времени падения самодержавия. И с первых же минут открытия съезда началась борьба между выступающими с трибуны представителями армейских, крестьянских, железнодорожных верхушечных организаций и заполнившими все скамьи, выступы и проходы огромного зала низовыми делегатами: рабочими, солдатами, крестьянами. С ненавистью и насмешками встречали рядовые делегаты съезда каждое слово комитетчиков, выступавших в зале заседаний съезда как бы во враждебном лагере. Возгласы негодования, раздававшиеся с делегатских скамей в ответ на меньшевистско-эсеровские угрозы, были только слабым эхом того огромного возмущения политикой социал-соглашателей, которым была охвачена вся страна. Голос Кучина и остальных комитетчиков отражал вчерашний день революции.

— Предатели... От штаба говорите вы, а не от армии! — презрительно кричали Кучину с делегатских скамей.

И в ответ на призыв Кучина «ко всем сознательным солдатам» покинуть съезд ему отвечали сотни солдатских голосов из зала:

— Корниловцы!

Грязные выпады, сделанные Харашем и Кучиным в своих выступлениях, были повторены вслед за этим в оглашённых меньшевиками и эсерами декларациях, полных жалкой злобы на социалистическую революцию и контрреволюционных выпадов против большевиков.

В декларации меньшевиков Великая социалистическая революция именовалась «авантюрой», «заговором», который «ввергает страну в междоусобицу» и «ведёт к торжеству контрреволюции». Единственным выходом из положения меньшевики считали... «переговоры с Временным правительством об образовании власти»[1].

Эсеры присоединились к заявлению меньшевиков. Их декларация, оглашённая Гендельманом, в полном единении с меньшевистской декларацией именовала Октябрьское восстание «преступлением перед родиной и революцией» [2].

Меньшевики и эсеры заявили в своих декларациях, что они покидают съезд. Вслед за ними выступил представитель группы бундовцев, сообщивший также о решении покинуть съезд.

На трибуне — представитель бундовцев Абрамович. Он сообщил, что все меньшевики, эсеры, Исполнительный комитет крестьянских депутатов и члены городской думы решили погибнуть вместе с правительством, и потому все они отправляются к Зимнему дворцу под обстрел. Абрамович пригласил всех членов съезда сопровождать эсеров и меньшевиков к Зимнему дворцу.

— Не по пути, — отвечали ему с мест.

После этого меньшевики, правые эсеры и бундовцы покинули съезд, на который они и приходили только для того, чтобы бросить с его трибуны призыв к сплочению контрреволюционных сил.

От стола президиума пришлось идти через весь зал. Вожди соглашателей пробирались сквозь густую толпу делегатов, а со всех скамей их провожали насмешками, свистками, возмущёнными возгласами.

— Дезертиры! Предатели! Скатертью дорога! — кричали им вслед.

Однако эсеро-меньшевистским вождям не удалось увести с собой даже своих сторонников. Полевение низов соглашательских партий продолжалось и на самом съезде. Во фракции меньшевиков зарегистрировалось 80 человек и у правых эсеров — 60. Можно было ожидать, что уйдёт 140 делегатов. Но часть эсеров перешла к украинским эсерам; число последних за одну ночь возросло с 7 до 21. Часть меньшевиков перебралась к объединённым интернационалистам, которые остались на съезде. Число объединённых интернационалистов возросло с 14 до 35. Много правых эсеров и беспартийных примкнуло к «левым» эсерам. Число «левых» эсеров увеличилось до 179, в то время как всех эсеров числилось перед открытием съезда 193. Таким образом со съезда ушло только

70 человек, не больше. И на самом съезде продолжался процесс изоляции соглашателей: немало рядовых членов эсеро-меньшевистских фракций покинуло своих вождей [1].

Немногим дольше оставались на съезде и меньшевики-интернационалисты. Несмотря на то что поведение меньшевиков и эсеров показало их явную враждебность революции, меньшевики-интернационалисты продолжали упорно настаивать на необходимости соглашения с ними для образования общедемократического правительства.

Вскоре после ухода соглашателей в зале съезда послышались отголоски глухих, далёких ударов. То был гром пушек. Делегаты повернулись к большим тёмным окнам, туда, где в октябрьскую полночь заканчивался последний акт великого восстания — штурм Зимнего дворца.

В зале снова появились эсеро-меньшевики. С искажёнными от паники и злобы лицами шныряли они в толпе делегатов, крича, что большевики обстреливают Зимний дворец. На трибуне опять заметался Абрамович. Заламывая руки, он истерически звал съезд пойти на помощь членам Временного правительства, среди которых находятся и делегированные меньшевиками партийные представители.

Абрамовича на трибуне сменяет Мартов.

— Сведения, которые здесь оглашались, ещё более настойчиво требуют от нас решительных шагов, — начинает он.

Но его с мест прерывают:

— Какие сведения? Чего нас пугаете? Как вам не стыдно? Это только слухи!

— Сюда доносятся не только слухи, но если вы подойдёте поближе к окнам, то вы услышите и пушечные выстрелы [2].

Перепуганный громом пальбы, Мартов бросает большевикам обвинение в военном заговоре, в организации кровопролития и в заключение, нервно дёргаясь, оглашает декларацию с требованием создать комиссию для мирного разрешения кризиса.

Впредь до получения выводов этой комиссии меньшевики-интернационалисты требовали прекратить работу съезда.

Едва затих скрипучий голос меньшевистского лидера и сутулая спина его скрылась в двери, как с такими же «увещаниями» выступил перед съездом эсеровский представитель Исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов. Он призывал делегатов не принимать участия «в этом съезде», а итти к Зимнему, где

«находятся три члена Исполнительного комитета крестьянских депутатов и в том числе Брешко-Брешковская. Мы сейчас идём туда, чтобы умереть вместе с теми, кто послан туда творить нашу волю» [3].

Кучка представителей Исполнительного комитета крестьянских депутатов покинула зал. Вместе с эсерами и меньшевиками

они отправились к Зимнему. Вдогонку им с трибуны съезда матрос «Авроры» великодушно, успокоительно бросает:

— Не бойтесь! Холостыми стреляем.

Представитель «Авроры», сообщая делегатам, что Зимний обстреливается холостыми снарядами, в то же время заверяет съезд, что матросы примут все меры к тому, чтобы съезд Советов мог «спокойно продолжать свои занятия» [1].

Новая буря оваций оглашает зал. Навстречу пробирающейся к выходу кучке меньшевиков, эсеров, членов буржуазной думы и Исполнительного комитета крестьянского Совета протискивается группа прибывших на съезд людей.

Председательствующий сообщает, что «думская фракция большевиков явилась победить или умереть с Всероссийским съездом» [2].

В проходе зала показываются большевики — члены Петроградской городской думы. Съезд встречает их овациями.

В 3 часа 10 минут утра 26 октября после короткого перерыва заседание съезда Советов возобновилось сообщением о взятии Зимнего дворца. Пала последняя твердыня контрреволюции. Засевшие в Зимнем министры — члены Временного правительства — во главе с «диктатором» Кишкиным были арестованы Красной гвардией и солдатами. Временного правительства, заслуженно стяжавшего за короткий срок ненависть народных масс, больше не существовало.

Одно за другим заслушивал съезд Советов всё новые и новые сообщения о победах Великой пролетарской революции, о переходе всё новых частей на сторону восставшего народа.

Вот появляется комиссар гарнизона Царского Села и заявляет:

«Царскосельский гарнизон охраняет подступы к Петрограду... Узнав о приближении самокатчиков, мы приготовились к отпору, но тревога была напрасной, так как оказалось, что среди товарищей самокатчиков нет врагов Всероссийского съезда Советов. Когда мы послали к ним своих комиссаров, выяснилось, что они также стоят за власть Советов... Я заявляю, что царскосельский гарнизон за Всероссийский съезд, за революцию, которую мы будем защищать до последнего конца» [3].

После него на трибуну поднимается представитель 3-го самокатного батальона, в котором побывал Серго Орджоникидзе. Съезд встречает солдата бурными аплодисментами. Представитель самокатчиков рассказывает:

«До последнего времени мы служили на Юго-западном фронте. На-днях по телеграфному распоряжению нас двинули на север. В телеграмме говорилось, что мы едем защищать Петроград, но от кого—нам это было неизвестно; мы походили на людей с завязанными глазами; мы не знали, куда нас отправляют, но смутно догадывались, в чём дело. В пути всех нас мучил вопрос: куда, зачем?

На станции Передольская мы устроили летучий митинг совместно с 5-м батальоном самокатчиков для выяснения настоящего положения. На митинге выяснилось, что среди всех самокатчиков не найдётся ни одного человека, который согласился бы выступить против братьев и проливать их кровь... Мы решили, что не будем подчиняться Временному правительству. Там, сказали мы, находятся люди, которые не хотят защищать наши интересы, а посылают нас против наших братьев. Я заявляю вам конкретно: нет, мы не дадим власть правительству, во главе которого стоят буржуи и помещики!» [1]

После выступления представителя самокатчиков сообщили, что получена телеграмма об образовании на Северном фронте военно-революционного комитета, «который будет препятствовать движению эшелонов на Петроград» [2].

От имени съезда Советов посылается приветствие военно-революционному комитету Северного фронта.

Съезд Советов принимает написанное Лениным воззвание «К рабочим, солдатам и крестьянам». В нём сообщалось:

«Второй всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нём представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского Центрального исполнительного комитета кончились.

Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берёт власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано...

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок» [3].

Короткое воззвание, написанное скупым, сжатым ленинским языком, открывало новую эпоху в жизни многомиллионного народа. Отныне навеки упразднялась власть помещиков и буржуазии и к управлению государством привлекались сами широкие массы трудового народа. Ленинское воззвание оканчивалось революционным призывом от имени съезда Советов к солдатам, рабочим, служащим. Оно призывало их к бдительности и стойкости.

«Солдаты! — говорилось в нём. — Окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте на страже!

Железнодорожники! Останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!» [4]

Впервые в истории так просто и коротко был декретирован переход власти из рук одного класса в руки другого.

Чтение воззвания часто прерывалось бурными аплодисментами делегатов. К воззванию присоединились и «левые» эсеры, оставшиеся на съезде. В 5 часов утра воззвание было принято съездом всеми голосами против 2, при 12 воздержавшихся.

И хотя было уже утро и делегаты устали, у всех бодро, по-молодому блестели глаза и сердца были переполнены радостной надеждой. Над столицей брезжил октябрьский рассвет. Над миром занялась заря новой жизни.

2.

ДЕКРЕТЫ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Остаток ночи на 26 октября большинство делегатов-большевиков провело здесь же, в Смольном. Весь следующий день, 26 октября, был заполнен лихорадочной работой. По телеграфным и телефонным проводам разослано было воззвание II съезда Советов ко всей стране и всем армиям. Почти непрерывно шло заседание Военно-революционного комитета. Решения его согласовывались с Лениным, а часто и прямо писались вождём революции. Ленин предложил как можно скорее восстановить прерванную восстанием нормальную деятельность городских учреждений. Утром появилось распоряжение Военно-революционного комитета: открыть с 27 октября все торговые заведения. Все пустующие помещения и квартиры были взяты под контроль Военно-революционного комитета.

Главное внимание было уделено окончательному разгрому контрреволюции. Военно-революционный комитет приказал приостановить и задержать в пути все войсковые эшелоны, идущие на Петроград.

«Отдавая настоящее предписание, — так заканчивалось распоряжение,— Военно-революционный комитет надеется на всемерную поддержку его со стороны Всероссийского железнодорожного союза и призывает к бдительности всех железнодорожных служащих и рабочих, верных делу революции» [1].

Ко всем железнодорожникам было разослано особое обращение, в котором сообщалось, что революционная власть Советов берёт на себя задачу улучшения материального положения железнодорожников.

Это обращение в свете недавнего конфликта железнодорожников с Временным правительством сыграло огромную роль. Оно вбило клин между низами и верхами железнодорожников. Оно

помешало руководителям союза железнодорожников увлечь за собой массы на борьбу против революции.

Много времени уделили Ленин, Сталин и Свердлов организации продовольственного дела, подвозу хлеба в Петроград и на фронт.

Вечером, после бурного дня, состоялось заседание Центрального Комитета большевиков. На этом заседании обсуждался состав нового, советского правительства. Было утверждено название нового правительства — Совет народных комиссаров.

Второе, и последнее, заседание съезда Советов открылось в 9 часов вечера 26 октября. На нём были приняты решения огромной исторической важности. Первое из них — об отмене восстановленной Керенским смертной казни на фронте и о немедленном освобождении всех арестованных солдат и офицеров-революционеров. Затем было принято постановление об освобождении арестованных правительством Керенского членов земельных комитетов и о переходе всей власти на местах к Советам.

> «Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным правительством» [1].

Особым постановлением съезд предписал всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставки его в Петроград.

Утвердив постановление, съезд перешёл к обсуждению декларации по основным вопросам — о мире и земле. С докладами по этим вопросам на съезде выступил Владимир Ильич Ленин. До этого момента съезд не видел его. Ленин работал в Смольном, всецело занятый организацией восстания. Теперь он всходил на трибуну съезда не только как вождь и учитель, каким знали его массы раньше, но и как организатор одержанной пролетариатом победы над объединёнными силами контрреволюции.

Не успел председатель назвать это прогремевшее на весь мир имя, как зал дрогнул от взрыва неслыханных аплодисментов. Будто внезапный порыв ветра пронёсся по залу. Делегаты вскочили с мест. Весь съезд был на ногах. Бурные рукоплескания, восторженные крики встретили вождя величайшей в мире революции.

Сотни глаз с восторгом и любовью были обращены к трибуне, где стоял, возвышаясь над залом, невысокий человек с большим открытым лбом и внимательными острыми глазами.

Он ждал, пока стихнет буря приветствий. Но вот по его настойчивому требованию овации, наконец, смолкли. Он начал доклад.

Речь Ленина, как бы подчёркивающая всем своим содержанием — «много говорено, пора перейти к делу», ставила грань на рубеже двух эпох,

«Вопрос о мире, — сказал Ленин, — есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нём много говорено, написано, и вы все, вероятно, немало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство» [1].

Декларация эта — декрет о мире — была принята съездом Советов в виде «Обращения к народам и правительствам всех воюющих стран». «Обращение» начиналось словами:

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире» [2].

«Обращение» указывало, что

«справедливым, или демократическим, миром... правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций» [3].

«Обращение» предлагало заключить мир немедленно, выражая готовность сделать тотчас же все решительные шаги

«впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций» [4].

Вместе с тем в «Обращении» говорилось, что советское правительство

«отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей стороной и на их полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира» [5].

При этом советское правительство заявляло об отмене им тайной дипломатии, выражало твёрдое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом. Советское правительство обещало приступить немедленно к полному опубликованию тайных договоров, объявив эти договоры безусловно и немедленно отменёнными.

«Обращение», предлагая немедленно заключить на три месяца перемирие, заканчивалось призывом к пролетариату передовых капиталистических стран — Англии, Франции, Германии.

«Рабочие названных стран поймут лежащие на них задачи освобождения человечества от ужасов войны и её последствий... помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации» [6].

«Декрет о мире», принятый II съездом Советов, имел большое международное значение.

Экономическое развитие России, национальные интересы народов страны требовали выхода её из несправедливой войны. За время империалистской войны Россия всё более превращалась в полуколонию иностранного капитала. При буржуазном Временном правительстве колониальная зависимость усилилась. Английские, французские империалисты с помощью займов подготовляли полное закабаление страны. Россия должна была окупить жертвы иностранного империализма; за счёт России пыталась империалистическая Германия добиться уступок на Западе. Но российская буржуазия неспособна была спасти страну от превращения в колонию. В силу своих классовых, своекорыстных интересов, опутанная, как силками, займами, российская буржуазия всё более превращалась в агентуру иностранного империализма. Не могла спасти страну и мелкая буржуазия, верхи которой целиком поддерживали крупных капиталистов.

Мало того, мира жаждало почти всё крестьянство. Оно добивалось мира не во имя социализма. Оно вовсе не требовало только «демократического» мира, без аннексий и контрибуций. Ему нужен был мир прежде всего для передела помещичьей земли.

Только один класс мог разрешить задачи национального развития страны — это пролетариат.

Задолго до того, как партия большевиков пришла к власти, большевики выработали свою платформу мира. Ещё в 1915 году Ленин говорил, что, став у власти, большевики предложили бы демократический мир *всем* воюющим странам на условиях освобождения зависимых и угнетённых народов. При существующих правительствах ни Германия, ни другие воюющие страны не согласились бы на эти условия. Тогда большевики полностью провели бы в жизнь все меры, намеченные в программе партии, перестроили бы хозяйство страны, подготовили бы и повели революционную войну в защиту социалистического общества.

Только руководимый большевиками рабочий класс освободил страну от полуколониальной зависимости, вырвал её из несправедливой войны и заложил основы для ведения справедливой войны.

Российский пролетариат стал выразителем национальных интересов страны. Он воплотил в себе надежды демократических слоёв. Но пролетариат разрешил национально-демократические задачи страны не путём мирного соглашения с правительством, а единственно возможным революционным путём: превращением войны империалистской в войну гражданскую. Российский пролетариат совершил социалистическую революцию, попутно заканчивая неразрешённые задачи буржуазно-демократической революции.

В «Декрете о мире» была сформулирована основа всей внешней политики советского государства. Декрет чётко и недвусмысленно объявил о полном отказе советского правительства от всяких захватнических целей. «Декрет о мире» нанёс решающий удар по империалистским целям войны, разоблачив перед всем миром её грабительский характер. В своём докладе по вопросу о мире на съезде Советов Ленин указывал:

«Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии, и будем действовать открыто перед всем народом» [1].

Программа мира пролетарского государства была ясна и до конца определена. Она возвещалась как государственный акт, обращённый и к правительствам и к народам воюющих стран. Это обстоятельство Ленин особо отмечал в своём докладе съезду Советов. Он говорил:

«Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира» [2].

И далее, останавливаясь на вопросе о недопустимости предъявления ультимативных условий мира, Ленин указывал:

«Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от неё, но мы должны выбить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно» [3].

Против этого пункта на заседании съезда Советов выступил товарищ Еремеев. «Могут подумать, что мы слабы, что мы боимся»[4],— сказал он.

В заключительном слове Ленин решительно возражал Еремееву.

«Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела,—разъяснял он. — Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости» [5].

Но особенно ярким доводом против ультимативности, приведённым Лениным в заключительном слове на съезде, было указание на то, что крестьянин «какой-нибудь отдалённой губернии» скажет:

«Товарищи, зачем вы исключили возможность предложений всяких условий мира. Я бы их обсудил, я бы их просмотрел,

а затем бы наказал моим представителям в Учредительное собрание, как им поступить» [1].

Каждое слово Ленина падало, как освежающий дождь на высохшую, покрытую запекшейся кровью землю. Сотни делегатов в зале Смольного жадно прислушивались к каждому ленинскому слову. Простые, безыскусственные слова ленинского доклада и «Обращения» отвечали наболевшим сердцам миллионов людей разных наций. Они выражали самые глубокие их чаяния и надежды.

Представители угнетённых наций дружно поддержали большевистский декрет о мире. На трибуне съезда появилась высокая, стройная фигура Феликса Дзержинского.

Суровое, аскетическое лицо его светилось радостью победы.

«Мы знаем, — говорил Дзержинский, — что единственная сила, которая может освободить мир, это—пролетариат, который борется за социализм...

Те, от имени которых предложена эта декларация, идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все те, кто покинул в эти трагические минуты этот зал,—те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклика на это обращение вы не найдёте, но вы найдёте этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с такими союзниками мы достигнем мира.

Мы не выставляем отделения себя от революционной России. С ней мы всегда столкуемся. У нас будет одна братская семья народов без распрей и раздоров» [2].

В зале стояла тишина. Делегаты напряжённо слушали взволнованную речь польского революционера и заражались его уверенностью в победе. Его страстные слова, казалось, раздвигали стены зала, и делегаты съезда видели, как рушатся вековые оковы царской России — тюрьмы народов. На трибуну поднимались один за другим борцы за освобождение угнетённых наций. Старый революционер Стучка от имени латышского пролетариата и бедноты поддержал декрет о мире. Товарищ Капсукас-Мицкевич добавил от имени литовских трудящихся:

«Нет сомнения, что «Обращение» найдёт отклик в сердцах всех народов, населяющих не только Россию, но и народов других стран. Голос революционного пролетариата, армии и крестьянства пройдёт через штыки и проникнет в Германию и другие страны и будет способствовать всеобщему освобождению»[3].

На другой же день после революции, на рассвете, радио разнесло по всему миру разрывающие железные оковы империалистской войны великие, мудрые слова советского «Декрета о мире». Люди плакали, слушая их, и в давно угасших глазах снова загоралась надежда.

С энтузиазмом приняли делегаты съезда Советов на заседании в Смольном этот исторический декрет. Порядок заседания был на-

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА ВТОРОМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

Картина Б. Е. Владимирского.

рушен. Люди вскочили со скамей, делегаты смешались с членами президиума. В воздух полетели шапки, лица раскраснелись, глаза загорелись воодушевлением.

Звуки «Интернационала» — гимна пролетарской борьбы — смешались с приветственными криками и громовым «ура» в честь великого вождя революции.

На трибуну вышел один из делегатов съезда и под общий гул одобрений предложил приветствовать Ленина как «автора обращения и стойкого борца и вождя рабоче-крестьянской победоносной революции» [1].

Все делегаты встали и устроили овацию Ленину.

Председатель съезда объявил о переходе ко второму пункту порядка дня. При бурных аплодисментах Ленин снова занимает трибуну съезда. На очереди — вопрос о земле.

«Я прочту вам те пункты декрета, который должно выпустить ваше советское правительство», — говорит Ленин, и в притихшем зале раздаются волнующие слова «Декрета о земле». В нём говорилось:

«1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2. Помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мёртвым инвентарём, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания» [2].

Далее декретом оговаривалось, что «какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом» [3]. Уездные Советы обязывались обеспечить строжайший порядок при конфискации помещичьих имений и революционную охрану всего переходящего к народу хозяйства.

«Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить... крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов»... [4]

В заключение декрет оговаривал, что «земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются» [5].

Вместе с декларацией о мире декрет о земле занимает основное место в ряду важнейших решений советской власти.

В огромной своей массе крестьянство давно ждало экспроприации помещиков. Эта задача, перед решением которой оказалась бессильна буржуазно-демократическая революция, была разре-

шена декретом о земле. Основную мысль его тогда же, на II съезде Советов, Ленин выразил в следующих словах:

«Суть в том, чтобы крестьянство получило твёрдую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь» [1].

«Декрет о земле» показывал крестьянину, что советская власть окончательно и бесповоротно ликвидирует в деревне помещиков с их гнётом и эксплоатацией, и в то же время давал крестьянину уверенность, что земля действительно переходит в его распоряжение.

Ряд нападок на большевиков со стороны эсеров и меньшевиков вызвал 4-й пункт «Декрета о земле», которым предлагался в качестве «руководства по осуществлению великих земельных преобразований» так называемый «Крестьянский наказ». На основании 242 наказов, данных крестьянами делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, эсеры составили «Примерный наказ», суммировавший все крестьянские требования. Эсеры напечатали наказ 19 августа 1917 года в «Известиях Всероссийского совета крестьянских депутатов». В нём провозглашалось, что вся земля становится всенародным достоянием и «переходит в пользование всех трудящихся на ней» [2], он устанавливал «уравнительное землепользование», запрещал применение наёмного труда в сельском хозяйстве. Эсеровская программа расходилась с большевистской программой национализации земли. Большевики отвергали уравнительное землепользование, запрещение наёмного труда и другие пункты «Наказа».

Но в одном — и притом решающем — вопросе «Наказ» имел общее с программой большевиков, сформулированной на Апрельской конференции в пункте 17. Это общее заключалось в требовании конфискации всех помещичьих, удельных и монастырских земель и в передаче их в руки местных советских органов — Советов и волостных комитетов. А именно это и являлось основным и важнейшим революционным мероприятием, которого ждало крестьянство. Важно было отобрать землю у помещиков и объявить, что крестьяне имеют право пользоваться ею, что помещичий гнёт ликвидирован. И поскольку большинство крестьянства организованно выразило желание устроить пользование захваченной землёй так, как это было намечено в «Наказе», постольку Октябрьская социалистическая революция первым своим актом о земле должна была подтвердить это право крестьян.

Необходимо отметить, что такое положение и для Ленина и для всей партии не было неожиданным. Ещё задолго до Октябрьской революции, перед IV съездом партии, Ленин в брошюре «Пересмотр аграрной программы» указывал:

ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

Съѣзда Совѣтовъ Рабоч. и Солдат. Депутатовъ.

(Принятъ на засѣданіе 26-го октября въ 2 часа ночи).

1) Помѣщичья собственность на землю отмѣняется немедленно безъ всякаго выкупа.

2) Помѣщичьи имѣнія, равно какъ всѣ земли удѣльныя, монастырскія, церковныя со всѣмъ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, усадебными постройками и всѣми принадлежностями переходятъ в распоряженіе волостныхъ земельныхъ Комитетовъ и уѣздныхъ Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ впредь до Учредительнаго Собранія.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемаго имущества, принадлежащаго отнынѣ всѣму народу, объявляется тяжкимъ преступленіемъ, караемымъ революціоннымъ судомъ. Уѣздные Совѣты Крестьянскихъ Депутатовъ принимаютъ всѣ необходимыя мѣры для соблюденія строжайшаго порядка при конфискаціи помѣщичьихъ имѣній, для опредѣленія того, до какого размѣра участки и какіе именно подлежатъ конфискаціи для составленія точной описи всего конфискуемаго имущества и для строжайшей революціонной охраны всего переходящаго къ народу хозяйства на землѣ со всѣми постройками, орудіями, скотом, запасами продуктовъ и проч.

4) Для руководства по осуществленію великихъ земельныхъ преобразованій впредь до окончательнаго ихъ рѣшенія Учредительнымъ Собраніемъ долженъ повсюду служить слѣдующій крестьянскій наказъ, составленный на основаніи 242 мѣстныхъ крестьянскихъ наказовъ редакціей «Извѣстія Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ» и опубликованный в номерѣ 88 этихъ «Извѣстій» (Петроградъ, номеръ 88, 19 августа 1917 г.).

О землѣ.

Вопросъ о землѣ можетъ быть разрѣшенъ только всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Самое справедливое разрѣшеніе земельнаго вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отмѣняется навсегда: земля не можетъ быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо въ залогъ, ни какимъ либо другимъ способомъ отчуждаема. Вся земля: государственная, удѣльная, кабинетская, монастырская, церковная, посессіонная, майоратная, частновладѣльческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояніе и переходитъ в пользованіе всѣхъ трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ существованія.

2) Всѣ нѣдра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также лѣса и воды, имеющіе общегосударственное значеніе переходятъ въ исключительное пользованіе государства. Всѣ мелкіе рѣки, озера, лѣса и проч. переходятъ въ пользованіе общинъ, при условіи завѣдыванія ими мѣстными органами самоуправленія.

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантаціи, рассадники, питомники, оранжереи и т. под. не подлежатъ раздѣлу, а превращаются въ показательные и передаются въ исключительное пользованіе государства или общинъ, въ зависимости отъ размѣра и значенія ихъ.

Усадебная городская и сельская земля съ домашними садами и огородами остается въ пользованіи настоящихъ владѣльцевъ причемъ размѣръ самихъ участковъ и высота налога за пользованіе ими опредѣляется законодательнымъ порядкомъ.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч конфискуется, обращаются во всенародное достояніе и переходятъ либо въ исключительное пользованіе государства, либо общины, въ зависимости отъ величины и значенія ихъ.

Вопросы о выкупѣ подлежатъ разсмотрѣнію Учредительнаго Собранія.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованныхъ земель, живой и мертвый переходитъ въ исключительное пользованіе государства или общины въ зависимости отъ величины и значенія ихъ, безъ выкупа.

Конфискація инвентаря не касается малоземельныхъ крестьянъ

6) Право пользованія землею получаютъ всѣ граждане (безъ различія пола) Россійскаго Государства, желающіе обрабатывать ее своимъ трудомъ, при помощи своей семьи, или въ товариществѣ, и только до той поры, пока они въ силахъ ее обрабатывать. Наемный трудъ не допускается.

При случайномъ безсиліи какого-либо члена сельскаго общества въ продолженіи 2 лѣтъ, сельское общество обязуется до возстановленія его трудоспособности на этотъ срокъ прійти ему на помощь, путемъ общественной обработки земли.

Земледѣльцы, вслѣдствіе старости и инвалидности, утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряютъ право на пользованіе ею, взамѣнъ того получаютъ отъ государства пенсіонное обезпеченіе.

7) Землепользованіе должно быть уравнительнымъ, т. е. земля распредѣляется между трудящимися, смотря по мѣстнымъ условіямъ — по трудовой или потребительной нормѣ.

Формы пользованія землею должны быть совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная, какъ рѣшено будетъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ и поселкахъ.

8) Вся земля, по ея отчужденіи, поступаетъ въ общенародный земельный фондъ. Распредѣленіемъ ея между трудящимися завѣдуютъ мѣстные и центральныя самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая центральными областными учрежденіями.

Земельный фондъ подвергается періодическимъ передѣламъ въ зависимости отъ роста населенія и поднятія производительности и культуры сельскаго хозяйства.

При измѣненіи границъ надѣловъ, первоначальное ядро надѣла должно остаться неприкосновеннымъ.

Земля выбывающихъ членовъ поступаетъ обратно въ земельный фондъ, причемъ преимущественное право на полученіе участковъ выбывшихъ членовъ получаютъ ближайшіе родственники ихъ и лица по указанію выбывшихъ.

Вложенная въ землю стоимость удобренія и мелиораціи (коренныя улучшенія), поскольку они не использованы при сдачѣ надѣла обратно въ земельный фондъ, должны быть оплачены.

Если въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ наличный земельный фондъ окажется недостаточнымъ для удовлетворенія всего мѣстнаго населенія, то избытокъ населенія подлежитъ переселенію.

Организацію переселенія, равно какъ и расходы по переселенію и снабженію инвентаремъ и проч., должно взять на себя государство.

Переселеніе производится въ слѣдующемъ порядкѣ: желающіе безземельные крестьяне, затѣмъ порочные члены общинъ, дезертиры и проч., и, наконецъ, по жребію либо по соглашенію.

Все содержащееся въ этомъ наказѣ, какъ выраженіе безусловной воли огромнаго большинства сознательныхъ крестьянъ всей Россіи, объявляется временнымъ закономъ, который впредь до Учредительнаго Собранія проводится в жизнь по возможности немедленно, а въ извѣстныхъ своихъ частяхъ съ той необходимой постепенностью, которая должна опредѣляться уѣздными совѣтами крестьянскихъ депутатовъ.

Земля рядовыхъ крестьянъ и рядовыхъ казаковъ не конфискуется.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

25-го октября 1917 г.

Владиміръ Ульяновъ-Ленинъ.

«Чтобы устранить всякую мысль о том, будто рабочая партия хочет навязывать крестьянству какие бы то ни было прожекты реформ независимо от воли крестьянства, независимо от самостоятельного движения внутри крестьянства, к проекту программы приложен *вариант* А, в котором, вместо прямого требования национализации, говорится сначала о поддержке партией стремления революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю» [1].

Эту мысль, как известно, Ленин защищал всегда при обсуждении аграрной программы. И он подчёркивал, что эта программа «не внесёт ни в каком случае розни между крестьянством и пролетариатом, как борцами за демократизм» [2].

Ленин имел поэтому все основания на II съезде Советов отвести, как несерьёзное, обвинение в том, что большевики проводят, мол, чужую программу. Ленин разъяснил:

«Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлены социалистами-революционерами. Пусть так. Не всё ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: — пусть так. Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос» [3].

Вся мудрость, прозорливость и реальность ленинской политики в этом вопросе заключались именно в том, что, не скрывая своего несогласия с отдельными пунктами «Наказа», большевики всё же положили его в основу аграрной платформы Октября. Партия предвидела, что крестьяне, применив закон на практике, сами придут «с другого конца» к большевистскому решению вопроса, что они сами откажутся от мелкобуржуазной эсеровской «уравнительности» и перейдут к организации новых форм сельского хозяйства. Крестьянство на опыте жизни убедится, что одно уравнение земли не делает маломощного крестьянина свободным от кулацкой кабалы. Сейчас же за ликвидацией помещичьего гнёта разгорится борьба между бедняцкими слоями деревни и кулачеством по вопросу о распределении земли, её обработке, инвентаре и т. д.

Намеченная в «Наказе» программа по существу уже перестала быть эсеровской программой, так как именно эсеры рьяно поддерживали Временное правительство в его борьбе против попыток крестьян отобрать землю у помещиков, т. е. провести в жизнь требование своего же «Наказа». Декрет о земле в этих условиях яв-

ляется особой формой *изоляции* эсеров от крестьянства. Одним ударом советская власть вырвала огромные массы из-под влияния соглашателей. Первый акт советской власти, перед которой стояла задача отвоевать массы у буржуазии и мелкобуржуазных партий «*посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд*» [1] *(Ленин)*, и состоял в удовлетворении именно этого требования крестьянства.

«Крестьянский наказ» был напечатан эсерами 19 августа. А через два месяца — 18 октября — с участием этих же эсеров, членов правительства Керенского, был опубликован министерский проект закона о земле, в корне противоречивший «Наказу». «Крестьянский наказ» пролежал больше двух месяцев без движения. Только пролетарская революция вызвала его к жизни. По предложению Ленина II съезд Советов превратил «Крестьянский наказ» в незыблемый закон, в «Декрет о земле». Превратив «Наказ» в закон, большевики тем самым показали крестьянам, что партия Ленина — Сталина в один день сделала для трудящихся больше, чем эсеры за семь месяцев революции.

«Декрет о земле» был принят всеми голосами против одного при восьми воздержавшихся. Настроение съезда ярко выразил делегат, крестьянин Тверской губернии. Он заявил в своём выступлении, что «привёз низкий поклон и привет настоящему собранию».

От имени своих избирателей он передал «приветствие и благодарность товарищу Ленину как самому стойкому защитнику крестьянской бедноты» [2].

Речь крестьянина потонула в восторженных криках делегатов.

Сотни лет боролись крестьяне за землю. В течение веков крестьяне всех народов России вспахали миллионы десятин нетронутой целины. С неимоверным трудом очищали они землю от цепких корней дремучего, глухого леса, отвоёвывали её у пустошей и болот.

Но веками отбирали у крестьян эту землю, добытую трудом поколений. Крепостники-помещики захватывали землю, превращая самих крестьян в крепостных. Капиталисты, помещики и кулаки силой экономического принуждения, силой капитала сгоняли крестьян «на песочки». Не раз поднимались крестьяне против захватчиков, против помещиков. Но не было тогда пролетариата, единственного последовательно-революционного до конца класса, способного возглавить крестьянское движение. Только в Октябрьскую социалистическую революцию сбылись вековые смутные, бессильные чаяния трудового крестьянства: земля была конфискована, без выкупа отобрана у помещика победившими угнетёнными классами под руководством пролетариата.

«Декрет о земле» уничтожал помещичью Россию. Но земли помещиков были заложены и неоднократно перезаложены в банках,

Удар по помещичьей собственности являлся ударом и по всей системе капитализма. Ликвидация частной собственности на землю подрывала и частную собственность на все средства производства. Сверх того ликвидация частной собственности на землю разрушала вековые собственнические предрассудки крестьян. Открывалась дорога для новых, социалистических форм хозяйства вместо старых, крепостнических, державших большинство крестьян в нищете и голоде на крошечных клочках земли. В этом заключалось социалистическое лицо «Декрета о земле».

«Декрет о земле», как и «Декрет о мире», доводил до конца буржуазно-демократическую революцию, разрешал задачи, не завершённые буржуазно-демократической революцией, но делал это «походя, мимоходом».

> «...чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы» [1].

Так писал Ленин о завоеваниях Великой пролетарской революции.

Последним пунктом в порядке дня съезда стоял вопрос о структуре власти. По этому вопросу съезд принял декрет об образовании рабоче-крестьянского правительства — Совета народных комиссаров. Принятый съездом декрет гласил:

> «Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:
>
> Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров.
>
> Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному исполнительному комитету» [2].

Председателем Совета народных комиссаров был утверждён Владимир Ильич Ленин, а народным комиссаром по делам национальностей — Иосиф Виссарионович Сталин.

В состав первого советского правительства вошли только большевики. «Левые» эсеры отклонили предложение большевиков разделить с ними власть. Их представитель заявил на съезде, что

> «вступление в большевистское министерство создало бы пропасть между ними и ушедшими со съезда отрядами революционной армии — пропасть, которая исключила бы возможность посредничества их между большевиками и этими группами» [3].

Отражая идеологию зажиточных верхушек деревни и вместе

с тем крестьянскую жажду земли, «левые» эсеры колебались между большевиками и мелкобуржуазными партиями. Тяготея идеологически к последним, они в то же время прекрасно понимали, что крестьяне могут получить землю только из рук большевиков. Отсюда и возникали метания «левых» эсеров между большевиками и мелкобуржуазными партиями. Это были попутчики пролетарской революции до поры до времени, которые, однако, в критический момент могли изменить и предать.

В заключение съезд избрал Центральный исполнительный комитет в составе 101 человека, в который вошли: 62 большевика, 29 «левых» эсеров, 6 объединённых социал-демократов-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 социалист-революционер-максималист.

В 5 часов 15 минут утра 27 октября II съезд Советов закрылся под шумные возгласы: «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» [1] и пение «Интернационала».

Так родилась советская власть — первое в мире рабоче-крестьянское правительство.

Уже светало, когда делегаты покидали Смольный. Забирая пачки свежеотпечатанных газет и листовок, нагруженные большевистской литературой, они спешили на вокзалы, торопясь к себе на места, чтобы поскорее разнести по всей стране весть о победе пролетарской революции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РАЗГРОМ АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА.

1.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ВОССТАНИЯ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Керенский, покинув 25 октября около полудня Зимний дворец, на автомобиле примчался в Гатчину. Никаких войск, вызванных с фронта, там не оказалось. Местный гарнизон уже был предупреждён о бегстве главковерха. Солдаты собирались группами; шумели, митинговали и могли ежеминутно арестовать его. Не успев даже как следует заправить машину, Керенский помчался дальше в поисках затребованных им с фронта частей. Однако войска ему на пути не попадались, а гарнизоны встречных городов уже перешли на сторону Военно-революционного комитета. Разбрызгивая жидкую грязь на дороге, сквозь густеющие сумерки и мелкий осенний дождь неслась машина вчерашнего диктатора всё дальше.

Поздно вечером, часов около девяти, усталый, мрачный Керенский добрался до Пскова, где стоял штаб Северного фронта. Здесь Керенский узнал, что Черемисов отменил посылку войск в Петроград. Днём 25 октября в штабе у комиссара фронта меньшевика Войтинского состоялось совещание, на котором присутствовали представители командующего фронтом, фронтового комитета (Psко-

борсев) и Исполнительного комитета Псковского Совета. Войтинский предложил послать в Петроград дисциплинированные войска на помощь Временному правительству.

Но совещание подвергло резкой критике предложение Войтинского. Самому Войтинскому было выражено недоверие. Вечером в комиссариате Северного фронта заседание возобновилось. В отсутствие Войтинского его помощник Савицкий смущённо заявил, что из Петрограда получены сведения о назначении диктатором города кадета Кишкина, что вызвало возмущение солдат. Во всяком случае комиссариат фронта решил воздержаться от посылки войск в Петроград. Все организации, присутствовавшие на заседании, единодушно выступили против посылки войск на помощь Временному правительству. Тут же было принято решение о создании Северо-западного военно-революционного комитета. Комитету поручили принять все меры против отправки войск в Петроград. Но вот опять появился Войтинский. Он заявил, что прибыли сообщения от всех трёх армий фронта: I армия — против посылки войск, V армия согласна послать войска, но не против Петроградского военно-революционного комитета, а скорее ему в помощь; только XII армия — якобы за посылку. Таким образом, из трёх армий лишь одна, да и то по словам Войтинского, высказалась за поддержку Временного правительства.

Заявив, что он, видимо, не отражает настроения масс, Войтинский предложил сложить с себя обязанности комиссара фронта. При этом добавил, что вместе с генералом Черемисовым он прекратил движение всех эшелонов к Петрограду.

Узнав эти подробности, Керенский не рискнул обратиться к главнокомандующему фронта генералу Черемисову. Не было уверенности и в псковском гарнизоне. Главковерх заехал к генерал-квартирмейстеру Барановскому, бывшему начальнику кабинета военного министра. Новости были тревожные. Барановский сообщил, что в Пскове уже действует военно-революционный комитет, на телеграфе поставлен контроль, в штабе получено из Петрограда распоряжение арестовать Керенского.

Вскоре Керенский всё же вызвал к себе главнокомандующего Северного фронта генерала Черемисова. Тот подтвердил все эти сведения и добавил, что для посылки в Петроград не имеет верных войск. Заканчивая доклад, прибавил, что не ручается даже за безопасность Керенского в Пскове.

Керенский спросил Черемисова, отменил ли он посылку всех намечавшихся войск, в том числе и III конного корпуса, которым командует Краснов. Черемисов ответил утвердительно.

«— Вы видели генерала Краснова? Он разделяет ваше мнение? — нервно прервал его Керенский.

— Генерал Краснов с минуты на минуту приедет ко мне из Острова.

— В таком случае, генерал, немедленно направьте его ко мне.

— Слушаюсь» [1].

Черемисов ушёл на заседание военно-революционного комитета, куда его вызвали.

Только к часу ночи вернулся Черемисов на квартиру Керенского и снова подтвердил, что никакой помощи правительству оказать не может. Генерал посоветовал Керенскому уехать в Ставку, так как в Пскове его арест неизбежен.

Придя в отчаяние, Керенский решил пробраться в штаб III конного корпуса, в Остров, и двинуться оттуда с казаками против красного Петрограда. Но перед самым рассветом 26 октября командир корпуса генерал Краснов в сопровождении начальника штаба вдруг явился на квартиру к Керенскому. Оказалось, что Краснов не поверил отмене приказа о посылке корпуса и поехал в Псков проверять. Главнокомандующий фронта сидел в это время на заседании совместно с представителями военно-революционного комитета. Боясь подозрения со стороны членов совещания, Черемисов нехотя вышел к генералу Краснову и в кратком разговоре посоветовал ему возвратиться в Остров. Краснов потребовал письменного распоряжения. Черемисов, недовольный, удалился на заседание, снова предложив Краснову возвратиться в Остров.

Пробыв некоторое время в штабе, Краснов, недоумевая, пошёл к комиссару фронта меньшевику Войтинскому, которого он знал по корниловской авантюре. Ждать пришлось долго. Комиссар сидел на том же заседании, что и Черемисов.

Войтинский под строгим секретом рассказал Краснову, что Керенский в городе, и попросил Краснова сейчас же направиться к нему.

Соблюдая конспиративные предосторожности, Краснов незадолго до рассвета разыскал тайное убежище беглого главковерха. Керенский очень обрадовался ему и решил немедленно ехать вместе с ним в корпус.

III конный казачий корпус после ликвидации корниловского заговора не был расформирован. Напротив, в начале сентября Керенский приказал сосредоточить корпус в районе Павловск — Гатчина — Петергоф «ввиду возможности высадки немцев в Финляндии» [2], как гласил секретный приказ. Уже само размещение корпуса говорило о том, что дело не в высадке немцев, а в борьбе с большевиками.

«Я коротко и совершенно откровенно рассказал офицерам и казакам обстановку, — так объяснил позже Краснов причины перевода корпуса. — Я не скрывал от них, что цель нашего присутствия в Петрограде — не столько угроза немецкой высадки, сколько страшная, тёмная работа большевиков, стремящихся захватить власть в свои руки» [3].

Корпус тщательно оберегали от всякого революционного влияния. У Краснова был проект — убрать из корпуса малонадёжные части и влить вместо них новые казачьи полки. Но на фронте нужна была кавалерия для борьбы с солдатскими восстаниями. К тому же Петроградский Совет следил за подозрительной концентрацией казаков под столицей. Корпус перевели под Остров, куда он прибыл к 28 сентября. За месяц стоянки корпус растаял — несколько казачьих сотен было отправлено по разным городам. Две сотни и два орудия 10-го Донского полка находились в Торопце, три сотни и два орудия Уссурийского полка — в Осташкове, пять эскадронов и два орудия — в Витебске.

В двадцатых числах октября 51-я пехотная дивизия на Северном фронте отказалась итти на позиции на смену 184-й дивизии. Тогда солдаты 184-й дивизии решили покинуть окопы. Уговоры армейского и корпусного комитетов не помогли. Главнокомандующий Северного фронта и комиссар приказали «расформировать 51-ю дивизию, хотя бы для этого пришлось применить вооружённую силу» [1]. Выполнение приказа поручили III конному корпусу генерала Краснова. 23 октября генерал Краснов отдал приказ об отправке всего корпуса в I армию, в район расположения 51-й дивизии. Полки обеих дивизий конного корпуса стали грузиться в вагоны.

Краснов 24 октября телеграфировал в штабы фронта и I армии, что погрузка началась и что перевозка всех двадцати эшелонов будет закончена в три дня. Генерал просил срочно вернуть ему части из Осташкова, Торопца и Витебска [2].

Не успели эшелоны тронуться, как на рассвете 25 октября в конный корпус за подписью Керенского и исполняющего должность председателя Союза казачьих войск войскового старшины А. Грекова прибыла телеграмма:

«Приказываю с получением сего все полки 1-й Донской казачьей дивизии со всей артиллерией, находящейся на Северном фронте, под общей командой начальника 1-й Донской казачьей дивизии направить по железной дороге в Петроград на Николаевский вокзал в распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова. О времени выступления донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком» [3].

Вслед за телеграммой Керенского прибыло воззвание комиссара Северного фронта меньшевика Войтинского:

«Передайте донцам и приморцам.

Временное правительство в полном согласии с Центральным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов стягивает в Петроград верные революции и долгу перед родиной войска.

Петроградские полки, упорно отказывавшиеся от выступления на фронт под предлогом защиты свободы в тылу, оказались неспособными оградить Петроград от бесчинств и анархии. Создалась опасность срыва Учредительного собрания. В числе других войск, призванных в этот грозный час на спасение России, одно из первых мест занимают казачьи полки.

Пусть злобствуют против казаков окопавшиеся в тылу дезертиры, но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца»[1].

Мелкий буржуа, до смерти перепуганный Великой пролетарской революцией, заговорил языком царских генералов.

Краснов с большим удовлетворением 25 октября в 11 часов утра опубликовал воззвание меньшевика Войтинского.

В 7 часов вечера того же дня генерал Краснов разослал по корпусу новый приказ. Основания, выдвинутые Войтинским для посылки казаков против революционного Петрограда, показались Краснову недостаточными. Он выдвинул свои. В новом приказе будущего холопа Вильгельма (Краснов в 1918 году возглавил контрреволюционное правительство на Дону) революция объявлялась делом «кучки безответственных людей, подкупленных императором Вильгельмом». Краснов отменил свой приказ от 23 октября и послал в I армию только одну дивизию. Всем остальным частям корпуса во исполнение распоряжения Керенского было приказано:

«А. Отряд Генерального штаба полковника Попова:

9-го Донск. каз. полка — 5 сотен, 4 пулем.

10-го	»	»	»	—5	»	4 »
13-го	»	»	»	—5	»	4 »
15-го	»	»	»	—5	»	4 »

1-го Донск. арт. дивизиона — 10 орудий.

1-й Амурской каз. бат. — 4 орудия.

Всего: 20 сотен, 16 пулемёт., 14 орудий.

Немедленно грузиться в Острове, Ревеле, Иаллифере, Торопце и следовать через Нарву и Псков в Александровскую, где ждать сосредоточения всей дивизии в районе Пулково — Царское Село. При невозможности дойти по железной дороге — пробиваться к означенным пунктам целыми полками походом и боем с того места, где придётся выгрузиться»[2].

В том же приказе генерал Краснов объявил, что к Петрограду вызваны 44-я пехотная дивизия, самокатные батальоны, 5-я Кавказская казачья дивизия, 23 и 43-й донские казачьи полки и ряд других частей. Таково было положение в конном корпусе, когда ночью 25 октября штаб Северного фронта вынужден был отменить приказ о посылке войск в Петроград.

Как только Керенский увидел генерала Краснова, он возбуждённо забросал его вопросами:

— Генерал, где ваш корпус? Он идёт сюда? Он здесь уже, близко? Я надеялся встретить его под Лугой [1].

Краснов доложил Керенскому, что корпус готов итти на большевиков, но необходима помощь пехоты. Двигаться с одной кавалерией, притом небольшими частями, — опасно. Тогда Керенский приказал Барановскому собрать все сотни корпуса, разбросанные по фронту, придать корпусу 37-ю пехотную дивизию, 1-ю кавалерийскую дивизию и весь XVII армейский корпус. На вопрос Керенского, хватит ли сил, Краснов ответил:

— Да, если это всё соберётся и если пехота пойдёт с нами, Петроград будет занят и освобождён от большевиков [2].

Барановский передал приказ Керенского в Ставку, а Керенский с Красновым помчались в Остров.

Ставка после сдачи Зимнего дворца сохранила связь с Петроградом. По проводу после часа ночи 25 октября Ставка связалась с представителем политического управления военного министерства подпоручиком Шером. Тот сообщил о взятии Зимнего.

«— Где сейчас члены Временного правительства? — спросили из Ставки.

— Они были в Зимнем дворце и были арестованы час тому назад. Где находятся — не знаю. Министр Прокопович был арестован днём, но затем освобождён...

— Кто у вас сейчас главковерх?

— Александр Фёдорович Керенский.

— Где он?

— Мне только что сообщил Вырубов, что он в Пскове. Нам было известно, что он выехал навстречу войскам, идущим с фронта...

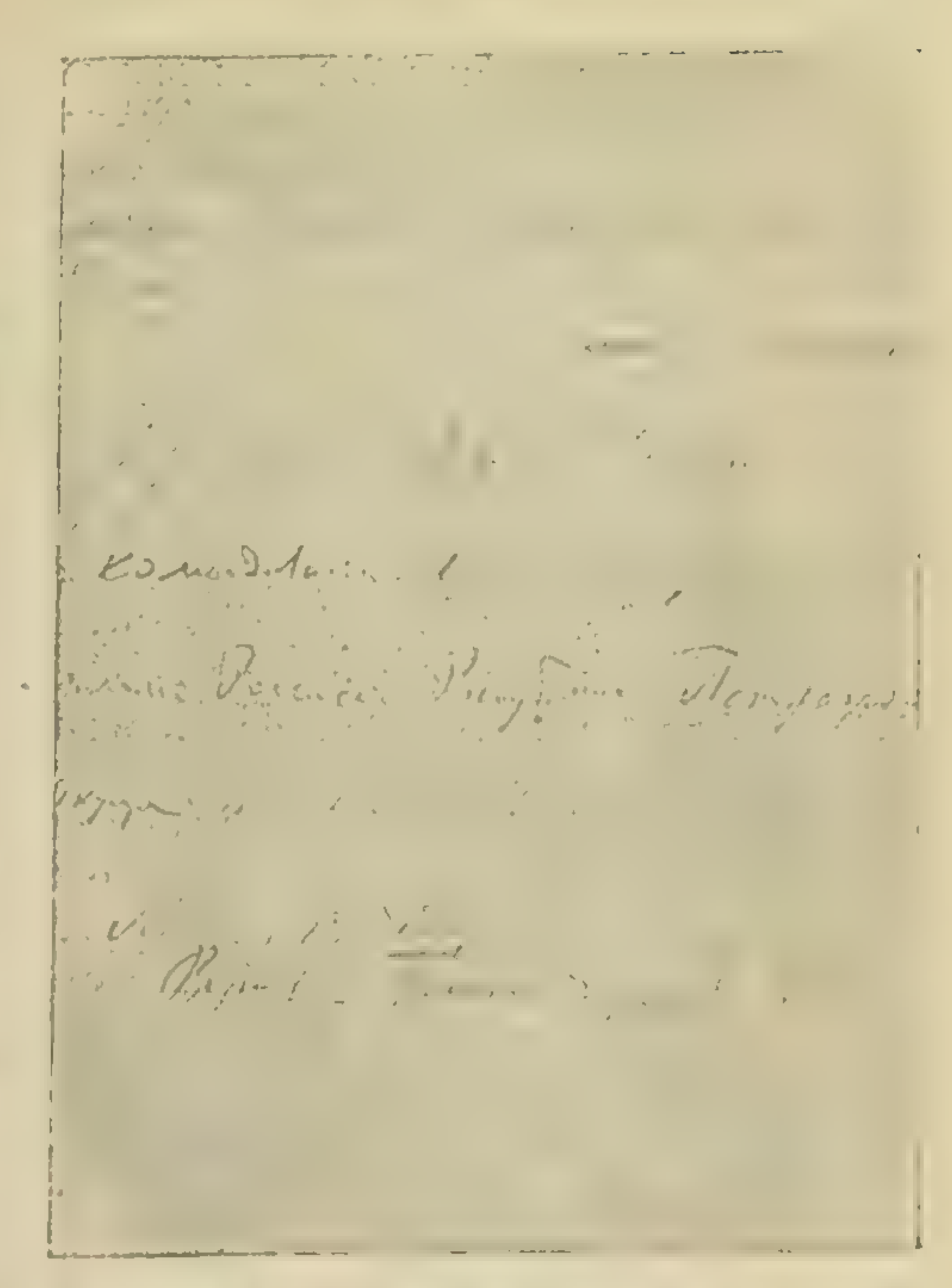
— Как реагирует военное министерство на смещение Временного правительства, упразднение Совета республики и захват власти большевиками?

— Военное министерство случайно не занято ещё восставшими войсками, и провод является, должно быть, единственным в Петрограде незахваченным. Здесь сейчас находятся лишь офицеры политического управления, решившие отказаться от всякой работы в случае захвата власти здесь, в управлении. Гугшт (Главное управление Генерального штаба.— *Ред.*) и Главный штаб заняты восставшими ещё днём» [3].

Не успела Ставка закончить разговор с Петроградом, как её вызвал Западный фронт. Генерал Балуев доложил о получении нескольких приказов от Петроградского военно-революционного комитета и спрашивал, как быть. Из Ставки спросили, имеются ли в распоряжении Западного фронта войсковые части, готовые поддержать Временное правительство.

«Ни за одну часть поручиться не могу,— ответил Балуев,— большинство же частей безусловно не поддержит. Даже за те

части, которые находятся около меня, и годны разве только для того, чтобы остановить погромы и беспорядки, но для поддержки Временного правительства навряд ли они пригодны»[1].

Из полевой книжки Керенского. Приказ о назначении генерала Краснова командующим «всеми вооружёнными силами Российской республики и Петроградского округа».

Ставка вызвала Румынский фронт и задала тот же вопрос о верных частях. Оттуда сообщили, что «Румчерод» решил организовать дивизию из бойцов отборнейших частей, рекомендованных армейскими комитетами, и двинуть её на Петроград под лозунгом защиты Учредительного собрания. Ставка нетерпеливо перебила. Речь идёт не об Учредительном собрании — оно будет обещано и новым правительством,— а о том, может ли Румынский фронт выделить войсковые части на выручку прежнего правительства. Тогда к проводу подошёл комиссар Румынского фронта Тизенгаузен.

«Моё глубокое убеждение, — заявил он, — что двинуть с фронта войска для защиты лиц самого правительства едва ли возможно... В защиту Учредительного собрания и для противодействия попыткам срыва безусловно станет весь фронт... Защита Учредительного собрания весьма популярна. Состав прежнего правительства не особенно популярен в войсках и как таковой мало интересует солдат»[2].

Так уже в первые дни гражданской войны контрреволюция поняла, что открытое выступление в защиту старого порядка обречено на полный провал. Выступление нужно было прикрыть каким-нибудь «демократическим» лозунгом, который ещё мог пользоваться некоторым доверием у масс. «Учредительное собрание» превратилось в лозунг мобилизации контрреволюционных сил. В Ставке это поняли не сразу, но мелкобуржуазные предатели быстро разобрались в обстановке и выдвинули лозунг, от которого

всего несколько дней назад открещивались, как от большевистского.

Из Ставки генерал Дитерихс вызвал штаб Юго-западного фронта. Была сообщена та же информация и задан тот же вопрос, что и другим фронтам. Штаб два часа продержал Дитерихса у провода, видимо, собирая сведения. В конце концов на прямой вопрос о надёжных частях штаб ответил:

— Раз главнокомандующий Северного фронта отменил посылку войск, зачем же посылать войска отсюда? [1]

После долгих переговоров Ставка узнала только то, что комитет казаков Юго-западного фронта получил указания от происходившего в это время фронтового казачьего съезда усилить охрану штаба и установить дежурства на телеграфе.

Утром 26 октября Ставка разослала по фронтам следующую телеграмму Керенского на имя главнокомандующего Северного фронта:

«Приказываю с получением сего продолжить перевозку III конного корпуса к Петрограду. 26 октября, 5 часов 30 минут»[2].

Это было всё, что удалось Ставке сделать за ночь.

Утром же 26 октября комиссар Северного фронта Войтинский явился на заседание военно-революционного комитета в Пскове, но уже в совершенно ином настроении. Он сообщил, что Керенский приказал двигать войска к фронту и соответствующее распоряжение уже сделано. На прямой вопрос, признаёт ли он власть Северо-западного военно-революционного комитета, Войтинский ответил:

— Подчиняюсь только Центральному исполнительному комитету, который требует войск [3].

Вскоре меньшевик Войтинский присоединился к отрядам Краснова — Керенского.

Пока мечущийся Керенский пытался хоть какую-нибудь часть двинуть с фронта, в Петрограде его сторонники готовили силы для удара по революции с тыла.

В ночь на 26 октября участники неудачного похода к Зимнему дворцу вернулись в городскую думу и немедленно открыли заседание «комитета общественной безопасности». Бывший министр-«социалист» Скобелев предложил превратить «комитет» в более мощную организацию, придав ей боевой характер. По его мысли, новая организация должна была объединить все демократические силы страны и повести упорную борьбу с большевиками. Предложение было принято. Новая организация получила громкое наименование «комитета спасения родины и революции». Петроградские рабочие окрестили его вскоре другим, более подходящим именем — «комитет спасения контрреволюции».

«Комитет спасения» явился первой боевой организацией контрреволюционных сил, выступивших против Октябрьской революции. В его состав входили: Центральная городская дума, эсеров-

«Комитет спасения». *Карикатура Кукрыниксы.*

ская и меньшевистская фракции II съезда Советов, демонстративно покинувшие съезд, члены Предпарламента, представители центральных комитетов партий эсеров, меньшевиков, плехановской группы «Единство» и представители других антисоветских группировок.

Здесь же были представлены и такие организации, как союз банковских служащих, союз увечных воинов, союз георгиевских кавалеров и т. п., которые Временное правительство создавало специально для борьбы с рабочим классом.

«Комитет спасения» избрал бюро, которому поручено было разработать дальнейший план деятельности.

Весь день 26 октября члены «комитета» налаживали связь с организациями, готовыми выступить против советской власти. На заседаниях «комитета» появился представитель Союза казачьих

войск Греков, который совместно с Керенским вызвал III конный корпус.

«Комитет спасения» разослал группу офицеров в ближайшие города с целью информации. Удостоверение одного из таких офицеров, командированного в Лугу и Ревель, было подписано А. Гоцем — членом Центрального комитета партии эсеров [1].

В первые же часы своего существования «комитет спасения» установил связь с антисоветски настроенными военно-учебными частями Петрограда, которые продолжали оставаться неразоружёнными. Надёжная связь была установлена с Михайловским и Константиновским артиллерийскими училищами, с Павловским, Владимирским, Инженерным, Николаевским училищами и некоторыми другими.

Утром 27 октября в «комитет спасения» явились эсеро-меньшевистские руководители железнодорожного союза и заявили, что власти большевиков не признают и никаких приказаний исполнять не станут. Союз железнодорожников подчинится только «власти демократии», ядром которой он признаёт «комитет спасения». Весь железнодорожный аппарат союз железнодорожников берёт в собственное управление.

Железнодорожникам предложили послать трёх постоянных представителей в состав «комитета спасения».

Днём, в 2 часа, в городской думе состоялось заседание Центрального исполнительного комитета первого созыва, Исполнительного комитета крестьянских депутатов, членов Совета республики, гласных думы, центральных комитетов соглашательских партий и других организаций. От имени «комитета спасения родины и революции» выступил М. И. Скобелев, меньшевик. Рассказав об организации «комитета», Скобелев продолжал:

«Задачей дня является не только обезврежение безответственных демагогов, но и борьба с контрреволюцией. Вследствие присоединения железнодорожного союза к «комитету спасения» ни одна телеграмма вновь образуемого правительства не была пропущена» [2].

Это было явной ложью: по всей стране расходились телеграммы советского правительства. Но контрреволюционное собрание бурно приветствовало заявление меньшевика. Присутствующим казалось, что оно говорило о силе, которой собрание как раз совершенно не обладало.

«Но этого мало, — продолжал меньшевик, воодушевляясь.— В той борьбе, которую нам придётся вести, нам необходимо опираться на физическую силу. Необходимо восстановить союз железнодорожных рабочих с нашими братьями в серых шинелях. В этом — залог спасения революции» [3].

На собрании было внесено предложение создать «комитеты спасения» по всей стране.

«Единый фронт» от Мартова и Чернова до Милюкова — Родзянко и Пуришкевича.

Карикатура А. М. Каневского.

Представитель меньшевиков Вайнштейн произнёс краткую речь, в которой призывал к спокойствию и выдержке.

«Необходимо сосредоточить вокруг «комитета спасения»; — говорил Вайнштейн от имени Центрального комитета меньшевиков, — всё общественное мнение и уже потом, когда достаточно выяснятся силы, от обороны перейти к наступлению» [1].

«Комитет» выделил из своего состава военную организацию для руководства вооружённым выступлением. Вместе с тем он связался через своих делегатов с Керенским, установив; таким образом; полное взаимодействие с контрреволюционными отрядами, двигавшимися на Петроград.

Возглавить контрреволюционное выступление должен был бывший главнокомандующий войск Петроградского военного округа полковник Полковников. Для управления боевыми действиями создан был штаб.

Не ограничиваясь собиранием вооружённых сил для разгрома победившей революции под флагом «комитета спасения», эсеро-меньшевики организовали другой вид борьбы с советской властью — саботаж. «Комитет спасения» призвал чиновников и служащих к бойкоту, к отказу от повиновения большевистским властям.

«Комитет спасения» работал в полном единении с отъявленными черносотенцами.

Вечером 26 октября в канцелярию Совета союза казачьих войск явился новый председатель Совета — есаул Донского войска А. Н. Аникеев. Старый председатель А. И. Дутов был избран войсковым кругом Оренбургского казачьего войска в атаманы и уехал к своему войску. Вместе с Аникеевым пришёл и товарищ председателя Совета союза казачьих войск А. П. Михеев. Оба они доложили, что были только что на тайном заседании, созванном генералом Алексеевым — бывшим начальником штаба верховного главнокомандующего, виднейшим царским генералом. Заседание у Алексеева ещё не кончилось, и Аникеев попросил немедленно послать туда представителей. Когда представители Совета союза казачьих войск прибыли по указанному адресу, они застали там, кроме генерала Алексеева, Б. Савинкова и одного юнкера. Генерал Алексеев сообщил, что, по его сведениям, на Петроград идёт III конный корпус генерала Краснова. Алексеев и Савинков собирались выехать ему навстречу. Присутствующие заявили, что генералу Алексееву ехать нельзя: могут узнать и арестовать. Послать надо менее известных людей. Выделили для поездки представителя Совета союза казачьих войск и юнкера. Генерал Алексеев передал им железнодорожные билеты, купленные ещё днём для него и Савинкова, а Совет союза казачьих войск снабдил их фиктивными документами. Оба представителя отправились навстречу казакам Краснова[1].

«Комитет спасения» установил связи и с монархической организацией В. Пуришкевича. Ещё в октябре 1917 года, до перехода власти в руки Советов, известный черносотенец Пуришкевич создал монархическую организацию. Цель её, по свидетельству одного из видных участников,

> «установление в стране твёрдой власти в целях победоносного окончания войны и в дальнейшем непременного восстановления в России монархии»[2].

В состав организации вербовались офицеры и юнкера, разбитые на группы по пять человек, так что члены разных «пятёрок» друг друга не знали.

Сам Пуришкевич рассказывал одному из завербованных, что «имеет в своём распоряжении около 2 тысяч преданных людей в Петрограде, около 7 тысяч на фронте и большое количество в Москве и в других городах»[1]. Действовать предполагалось тайно, отложив на время разговоры о восстановлении монархии. Пуришкевич предлагал объединить силы с теми группами, которые стремятся к диктатуре, как то: монархисты, кадеты и организация Савинкова.

«Пуришкевич, — рассказывал его сообщник,— особенно настаивал на тесной связи с Савинковым и его единомышленниками и приверженцами, объясняя, что одни монархисты сами по себе слишком слабы, чтобы достичь успеха, и без правых «социалистов-революционеров» и савинковцев обречены на поражение»[2].

Великая пролетарская революция спутала карты Пуришкевича. Организация его распалась. Часть навербованных разбрелась по другим городам.

Сам же Пуришкевич стоял за немедленное вооружённое выступление в самом Петрограде. Он убеждал всех, что именно в настоящий момент, когда власть Советов ещё не окрепла, а власть Керенского и эсеров ещё не сдалась окончательно, необходимо немедленно выступить, чтобы захватить власть в свои руки и восстановить монархию.

Пуришкевич говорил своим соратникам, что ему обещана помощь Полковникова и «комитета спасения родины и революции».

Так возник созданный главным образом усилиями меньшевиков и эсеров единый антисоветский фронт, начинавшийся с явных черносотенцев и кончавшийся «комитетом спасения родины и революции», руководимым представителями «революционной демократии».

В борьбе против советской власти меньшевики и эсеры искали также поддержки у империалистов Антанты. Вот что рассказывает об этом английский посол Бьюкенен в своих «Мемуарах дипломата»:

«Авксентьев, председатель Совета республики, который зашёл ко мне сегодня, уверял меня, что хотя большевикам удалось свергнуть правительство благодаря преступному отсутствию предусмотрительности у последнего, но они продержатся немного дней. На состоявшемся ночью заседании Всероссийского съезда Советов большевики оказались совершенно изолированными, так как все прочие социалистические группы осудили их методы и отказались принимать какое бы то ни было дальнейшее участие в заседаниях съезда. Совет крестьянских депутатов также высказался против большевиков. Городская дума,—продолжал он, — образовала «комитет общественного спасения», составленный из представителей Совета республики, Центрального исполнительного комитета Советов, Совета крестьянских

депутатов и комитета делегатов с фронта. В то же время войска, которые ожидаются из Пскова, вероятно подойдут через несколько дней.

Я сказал ему, что не разделяю его уверенности»[1].

Трудно предположить, что Авксентьев заходил к английскому послу только для того, чтобы «поделиться новостями».

2.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОХОД НА ПЕТРОГРАД.

Сведения, которые Керенский получал от «комитета спасения родины и революции» о готовящемся в Петрограде восстании, окрыляли его надеждами на скорое возвращение к власти.

Керенский торопил Краснова с выступлением. Под Островом они встретили сотни 9-го Донского полка. Казаки шли по своим квартирам. Краснов остановил их, приказал вернуться в поезд и продолжать наступление на Петроград.

Весть о прибытии Керенского в Остров мгновенно разнеслась по городу. У его квартиры стал собираться народ. Толпа увеличивалась. Преобладали солдаты местной части. Серошинельная толпа, вначале спокойная, вскоре стала вести себя явно недружелюбно. Поднялся шум, послышались крики, голоса, требовавшие ареста Керенского. Пришлось вызвать целую сотню казаков для охраны главковерха. Керенский приказал собрать полковые и дивизионные комитеты конного корпуса и обратился к ним с возбуждённой речью. Однако и здесь чувствовалось враждебное настроение.

— Корниловец! — кричали в лицо Керенскому некоторые из казаков.

Собрание было сорвано. Под прикрытием взвода казаков Керенский прибыл на станцию и сел в поезд. Краснов отдал приказ двигать эшелоны, но паровоз не трогался с места. Угрозы не помогали. Железнодорожники обещали немедленно отправить состав, однако поезд продолжал стоять. Между тем у вагона Керенского стали собираться возбуждённые солдаты. Толпа росла. Тогда Краснов поставил на паровоз начальника своего конвоя, когда-то служившего помощником машиниста, и двух казаков. Около трёх часов дня 26 октября поезд, наконец, тронулся. Начался поход на советский Петроград.

Предстояло пройти через Псков. Станция была забита вооружёнными солдатами. Поезд, не останавливаясь, проскочил опас-

ное место. Шли полным ходом, направляясь на станцию Дно и дальше к Гатчине.

На рассвете 27 октября эшелоны с отрядом генерала Краснова подошли к Гатчине.

Вскоре Краснов получил донесение, что на станции Балтийской железной дороги выгружаются прибывшие из Петрограда рота солдат и матросы. Окружённые со всех сторон вооружёнными казаками, под дулом поставленного на путях орудия солдаты и матросы вынуждены были сдаться. Тут же их разоружили. Казакам без боя удалось занять станцию Варшавской железной дороги, захватить там пленных и 14 пулемётов.

В то же самое время Керенский под охраной надёжного конвоя со своими адъютантами проехал в Гатчинский дворец.

Тихий сонный город неожиданно превратился в шумный вооружённый лагерь. Повсюду мелькали красные лампасы казаков. Звучала строевая команда.

Керенский разослал телеграмму:

«Город Гатчина взят войсками, верными правительству, и занят без кровопролития.

Роты кронштадтцев, семёновцев и измайловцев и моряки сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам правительства.

Предписываю всем назначенным в путь эшелонам быстро продвигаться вперёд.

От Военно-революционного комитета войска получили приказание отступить» [1].

Резкий переход от недавнего отчаяния, когда приходилось бояться своих же генералов, к мимолётному успеху вскружил голову неуравновешенному главковерху. Ему почудились «целые роты» сдавших оружие, хотя внезапным налётом казакам удалось захватить только одну роту. Разыгравшееся воображение рисовало заманчивую картину: солдаты, моряки добровольно сдаются и с радостью присоединяются к войскам главковерха. Увы! Занятие Гатчины отнюдь не означало подчинения Краснову её гарнизона. Несмотря на все старания, Керенскому и Краснову не удалось привлечь к активным действиям против петроградского пролетариата ни одну из расположенных в городе частей. Самое большое, чего смогли добиться, — это привлечь для караульной службы в городе и на его окраинах прапорщиков Гатчинской школы. Кроме того, офицеры Гатчинской авиационной школы предоставили для нужд отряда два самолёта. В тот же день аэропланы поднялись с аэродрома — отправились разбрасывать над Петроградом и его пригородами воззвания Керенского и приказы Краснова.

Между тем ожидаемые подкрепления с фронта попрежнему не прибывали.

Ставка утром 26 октября снова говорила с Северным фронтом. Начальник штаба фронта доложил, что новые приказы Керенского о движении войск передать не удалось: дежурные Псковского военно-революционного комитета не допускают к аппаратам. К Петрограду идёт только III конный корпус. Духонин попросил передать Керенскому, когда тот будет проезжать через Псков, телеграмму:

«Полагаю необходимым выдвижение Петрограду не только III корпуса, но и других назначенных частей: конечно, придётся выехать походным порядком, так как состоялось постановление железнодорожного союза не перевозить войск Петрограду» [1].

В Ставке предполагали создать для отправки под Петроград сводный отряд под командой генерала Врангеля, но верных частей отыскать не удалось.

После полудня 26 октября опять связались с политическим управлением военного министра в Петрограде. Помощник начальника граф Толстой рассказал о деятельности «комитета спасения», но подчеркнул, что сил в Петрограде нет.

Ставка обратилась к Северному фронту. Оттуда сообщили, что Керенский уже проследовал через Псков с первым эшелоном.

Ставка вызвала Западный фронт. И оттуда шли крайне неутешительные вести. По сообщению генерала Балуева, в Минске вся власть — в руках Совета солдатских и рабочих депутатов. Фронтовой комитет, заявил генерал, борется с Советом, но, однако, за гарнизон ручаться нельзя.

«Сейчас, — добавил генерал Балуев, — явился караул от 37-го полка и объявил меня арестованным и весь штаб и требует производить работу под контролем ихнего революционного штаба. Положение вообще скверное, и я не знаю, как из него выйду. Комиссары тоже ничего не могут сделать» [2].

Ставке не удалось 26 октября двинуть подкрепления Керенскому. Солдаты наотрез отказывались повиноваться. Железнодорожники явно мешали отправке погружённых эшелонов.

Всюду висели приказы Петроградского военно-революционного комитета и декреты советской власти о мире и земле.

Старый, мрачный Гатчинский дворец, где когда-то жил и устраивал вахтпарады полусумасшедший Павел I, теперь мгновенно преобразился. Его наполнила военная сутолока, атмосфера прифронтового штаба. Сам Керенский со своими адъютантами разместился в комнатах третьего этажа. На противоположной стороне корпуса помещались канцелярия и управление делами Временного правительства. Снизу от коменданта города наверх в комнаты Керенского поднимались курьеры с бумагами. Сверху, звеня шпорами, непрерывно спускались по лестницам офицеры для поручений.

Из Петрограда прибывали военные с донесениями и сообщениями. Появился Войтинский, который немедленно был прикомандирован к отряду Краснова. Войтинский телеграфировал в Псков, в управление комиссара Северного фронта, что на время тревожных событий безотлучно будет находиться при отряде Краснова [1].

Приехали два представителя от Совета союза казачьих войск. Они информировали о положении дел в Петрограде, о деятельности Совета и генерала Алексеева. Посланцы Совета союза казачьих войск сообщили, что 1, 4 и 14-й казачьи полки, расположенные в Петрограде, готовы выступить навстречу III конному корпусу, как только он подойдёт к столице. Одного из представителей Совета казачьих войск оставили в Гатчине, а второго вернули в Петроград рассказать, что корпус подходит к Петрограду, что казакам необходимо в нужную минуту выступить против большевиков.

Войскам Петроградского военного округа Керенский разослал приказ:

«Объявляю, что я — министр-председатель Временного правительства и верховный главнокомандующий всеми вооружёнными силами Российской республики — прибыл сегодня во главе войск фронта, преданного родине. Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумению или заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины, предателей революции, вернуться немедля... к исполнению своего долга» [2].

Вновь и вновь летели грозные телеграммы в Ставку, в штаб Северного фронта с требованием ускорить посылку войск. Генералы обещали, успокаивали в ответ, но обещанных эшелонов не было и в помине. Вместо войск пришла лишь телеграмма из штаба Кавказского фронта. Главнокомандующий Пржевальский и комиссар фронта Донской выражали негодование по поводу восстания в Петрограде и в торжественных словах обещали поддержку Временному правительству.

Но Кавказский фронт находился за тысячи километров — чего стоило это обещание? Керенский ответил на это сухой благодарностью, однако и тут не преминул лишний раз сыграть роль Хлестакова.

«Рад засвидетельствовать, что вся действующая армия охвачена тем же порывом» [3], — писал главковерх, не добившийся ни одного эшелона с фронта.

Керенский метался, как крыса в ловушке. Он писал письма отдельным командирам, знакомым офицерам. По его поручению помощник главнокомандующего Петроградского военного округа капитан А. Козьмин, бежавший вместе с Керенским из Петрограда, строчил одну за другой личные записки. Через городского голову Шрейдера Козьмин писал эсеру полковнику Краковецкому в Петроград. Козьмин узнал от одного из офицеров, послан-

ных «комитетом спасения родины и революции» в Лугу, об участии Краковецкого в подготовляемом восстании.

«Прошу вас, господин полковник, — писал Козьмин, — снестись со мной для разрешения вопросов, связанных с избавлением Петрограда и его окрестностей от большевиков... Ответьте мне или, ещё лучше, пришлите ко мне делегата для связи вместе с моим курьером. Через него сговоримся мы относительно дальнейшего нашего совместного образа действия» [1].

Козьмин отправил такую же просьбу графу Ребиндеру, командовавшему гвардейской запасной конноартиллерийской бригадой. Капитан Козьмин, сообщая о прибытии Керенского в Гатчину, призывал командира стрелковых увечных воинов полка «оказать им всю возможную для вас поддержку в нашем общем деле» [2]. Но умоляющие письма Козьмина не дошли по адресу: курьеры его были перехвачены Военно-революционным комитетом. В руки Военно-революционного комитета попала и записка Козьмина в политический отдел военного министерства с просьбой сообщить о семье Керенского и прислать кого-нибудь из работников отдела[3].

Окружающие Керенского сообщали ему адреса полков и частей, во главе которых стояли знакомые или близкие им командиры. Кто-то из офицеров сказал, что в 5-м броневом дивизионе находится его товарищ. Керенский телеграфно приказал главнокомандующему Северного фронта немедленно выслать бронедивизион в направлении Гатчина — Царское Село. Вместе с тем, не доверяя фронту, Керенский поручил своему штаб-офицеру для поручений старшему лейтенанту Ковалько обратиться непосредственно в 5-й дивизион с телеграммой:

«Главковерх приказал оказать содействие к срочной подготовке и отправке 5-го дивизиона в распоряжение главнокомандующего армии, действующей под Петроградом; генералу Краснову» [4].

Разуверившись в прибытии эшелонов с фронта, Керенский жадно ловил слухи о каких-то партизанских отрядах и батальонах волонтёров, якобы готовых выступить ему на помощь. Поздно вечером он приказал Духонину в Ставке и коменданту города Орши:

«Приказываю принять немедленно меры к пропуску через Оршу всех батальонов волонтёров в направлении Гатчина — Царское Село в моё распоряжение» [5].

К ночи выяснилось, что на все призывы и просьбы о помощи отозвалась только Луга. Председателем Лужского Совета рабочих и солдатских депутатов был эсер Воронович. К нему приезжали от «комитета спасения родины и революции». Успел побывать у него комиссар Центрального исполнительного комитета при Петроградском военном округе Малевский. Лужские эсеры сообщи-

ли; что в Гатчину будет направлен эшелон артиллерии 1-го осадного артиллерийского полка в составе 800 человек[1].

За весь день 27 октября к отряду Керенского — Краснова подтянулись только две с половиной сотни казаков. Одним из казачьих разъездов, высланных в направлении Пулкова, был захвачен застрявший на дороге броневик. Броневик этот под вечер был доставлен в Гатчину, где его починили офицеры авиационной школы. Броневик присоединили к отряду.

Сообщение о занятии казаками Гатчины в тот же день было передано в Военно-революционный комитет в Петроград. Весь день 27 октября комиссары гатчинского гарнизона и отдельные солдаты и рабочие сообщали в Военно-революционный комитет о действиях казаков.

Вначале внимание Петроградского военно-революционного комитета было направлено в сторону Красного Села, откуда ожидалось движение казаков на Петроград. Был отдан приказ об отправке в Красное Село сводного отряда революционных войск в составе 4 броневиков, батальона кронштадтцев с 4 пулемётами, батальона гельсингфорсцев также с 4 пулемётами и выборгской батареи из 6 орудий.

Однако события показали, что главное направление казаков на Петроград лежит не через Красное, а через Царское Село и Пулково. В Красное Село направили Павловский резервный полк, а матросские отряды вместе с отрядами рабочей Красной гвардии были сосредоточены в направлении Пулкова. В дальнейшем сюда же были подтянуты артиллерия, Петроградский и Измайловский резервные полки.

В это же время Военно-революционный комитет организовал работу по обороне южной и юго-восточной окраин города. Эта укреплённая полоса получила название «Петроградской оборонительной линии», или «Позиции Залив — Нева». Последнее название характеризует точное её протяжение. Оборонительная линия была разбита на участки, занятые отрядами Красной гвардии, Литовским резервным полком и другими частями петроградского гарнизона. 27—28 октября здесь в спешном порядке были вырыты окопы и частично устроены проволочные заграждения.

В связи с появлением над Петроградом белогвардейского самолёта, разбрасывавшего листовки Керенского, — второй самолёт Керенского произвёл вынужденную посадку в районе Лигова, где и был задержан, — Военно-революционный комитет отдал приказ привести в боевую готовность самолёты на Комендантском аэродроме в Петрограде.

Все эти мероприятия принимались Военно-революционным комитетом под непосредственным руководством Ленина.

27 октября Ленин и Сталин явились в штаб и потребовали сделать доклад о плане борьбы. На вопрос Подвойского, означает

ли это посещение недоверие, Владимир Ильич резко и твёрдо ответил:

«Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти» [1].

Доклад штаба не удовлетворил Ленина. Внимательно разбирая карту, Владимир Ильич указал на целый ряд пробелов, на кучу оплошностей. Чувствовалось, что молодой аппарат ещё как следует не овладел работой. Людей на фронт нагнали много, а организовать их не смогли.

Ленин потребовал поставить в кабинете товарища Подвойского стол, уселся за него и сам принялся проверять все части плана. Работа быстро подвинулась вперёд. Ленин вызывал к себе представителей заводов, собирал сведения о пушках, отдавал распоряжения готовить бронированные площадки.

Ленину же принадлежала и мысль о привлечении к обороне Петрограда боевых судов Балтийского флота. 27 октября Ленин вызвал к проводу представителя Финляндского областного комитета армии и флота. Ленин передал о захвате Гатчины Керенским и потребовал скорейшей присылки подкреплений. Из Гельсингфорса спросили:

— И ещё что?

Ленин ответил:

— Вместо вопроса «ещё что» ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться.

К аппарату подошёл председатель военного отдела областного комитета и спросил Ленина:

— Сколько вам нужно штыков?

— Нам нужно максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми решиться сражаться. Сколько у вас таких людей?

— До пяти тысяч. Можно выслать, экстренно, которые будут сражаться.

— Через сколько часов можно ручаться, что они будут в Питере при наибольшей быстроте отправки?

— Максимум двадцать четыре часа с данного времени.

— Сухим путём?

— Железной дорогой.

— А можете ли вы обеспечить их доставкою продовольствия?

— Да. Продовольствия много. Есть также пулемётов до 35, с прислугой можем выслать без ущерба для здешнего положения и небольшое число полевой артиллерии.

— Я настоятельно прошу от имени правительства Республики немедленно приступить к такой отправке и прошу вас также ответить, знаете ли вы об образовании нового правительства, и как оно встречено Советами у вас?

— Пока только о правительстве из газет. Власть, перешедшая в руки Советов, встречена у нас с энтузиазмом.

В. И. ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН В ШТАБЕ ПО ОБОРОНЕ ПЕТРОГРАДА

Картина Б. Е. Владимирского.

— Так, значит, сухопутные войска будут немедленно двинуты, и для них обеспечен подвоз продовольствия?

— Да. Сейчас же примемся за отправку и снабдим продовольствием [1].

От представителя Центробалта Владимир Ильич потребовал отправки на помощь питерскому пролетариату нескольких военных судов в полной боевой готовности.

Ленин не только вызвал подкрепление, но и сразу разработал блестящий план применения флота в сухопутных операциях. По прибытии суда были использованы следующим образом.

В Морском канале были поставлены крейсер «Олег» и линейный корабль «Республика», которые должны были в случае нужды открыть огонь по Царскому Селу и идущим от него на Петроград дорогам; миноносцы «Забияка», «Победитель» и «Меткий» были проведены вверх по Неве к селу Рыбацкому и отсюда держали под угрозой своих четырёхдюймовых орудий северо-восточную окраину Царского Села и подступы от него к линии Николаевской железной дороги.

Офицерский состав миноносцев отказался выполнить этот приказ. Тогда передвижение судов было произведено непосредственно самими матросами.

Сталин проверял, как выполнены распоряжения Ленина. Принимал делегации от заводов. Вызывал и тщательно инструктировал районных партийных организаторов. Огромную работу вёл Сталин по подготовке гарнизона к отпору Краснову — Керенскому. Десятки комиссаров, рядовых солдат приходили к Сталину, докладывая о настроении частей.

— Сколько можете дать штыков? — одним и тем же вопросом заканчивал беседу Сталин, готовясь записать ответ.

Главнокомандующим по обороне Петрограда и всеми войсками, действующими против контрреволюции, был назначен подполковник Муравьёв, впоследствии изменивший советской власти. Службу офицером он начал в 1-м пехотном Невском полку и продолжал в Казанском военном училище в должности курсового офицера. Твёрдых политических убеждений у Муравьёва не было. Его действиями руководило огромное честолюбие. Оно буквально жгло его, заставляя метаться от одной крайности к другой. В начале революции 1917 года Муравьёв создавал буржуазные ударные формирования, главной задачей которых была борьба с революцией. А в дни корниловского мятежа Муравьёв переметнулся к «левым» эсерам. Во время Октябрьского вооружённого восстания Муравьёв занял пост главнокомандующего Петроградского военного округа, хотя «левые» эсеры в это время запрещали своим членам занимать ответственные советские посты.

Комиссаром при Муравьёве был назначен член Военно-революционного комитета товарищ Еремеев, старый большевик, прини

мавший участие в редактировании большевистских газет «Звезда» и «Правда» в годы реакции и подъёма. В дни Великой пролетарской революции Еремеев руководил частью отрядов, бравших Зимний дворец. Начальником штаба Муравьёва был утверждён полковник Вальден.

Приход Ленина и Сталина преобразил всю работу штаба. Чёткость сменила нервную беготню, организованность вытеснила некоторую суетню и нераспорядительность, характерные для первых шагов молодого аппарата. Каждый знал своё место; каждому дали определённое задание. Десятки людей со спокойными, сосредоточенными лицами выходили из дверей штаба, разнося по городу распоряжения Ленина и Сталина.

Сталин предложил прежде всего взять на учёт оружие. Комиссары полков, арсенала, военных заводов сообщали о наличии винтовок и пулемётов. Представители Военно-революционного комитета подъезжали на машинах к складам, грузили винтовки и патроны и немедленно отсылали на фронт под Пулково. Военно-революционный комитет взял в своё распоряжение легковые и грузовые автомобили. Полки и части гарнизона были приведены в боевой порядок. Где не было комиссаров, там их назначили. В других частях предложили солдатам избрать себе комиссаров.

> «Настоящим предписываем дивизиону, — гласил приказ Военно-революционного комитета по гвардейскому запасному артиллерийскому дивизиону,— избрать комиссара; если таковой не был прислан, привести дивизион в боевую готовность и выполнять распоряжения штаба округа» [1].

Всем прежним сотрудникам штаба Петроградского военного округа, военного и морского министерства было предложено приступить немедленно к исполнению своих обязанностей. Неявившимся грозил революционный суд. По линии железных дорог, по городам и сёлам были разосланы агитаторы широко оповестить трудящихся о перевороте в столице.

Новая власть обращалась непосредственно к трудящимся. Энергичные призывы будили творческую деятельность масс. Красногвардейцы по своему почину производили розыски оружия и немедленно доносили Военно-революционному комитету. На Царскосельском вокзале красногвардейцы заметили бронепоезд с военным грузом. Они оцепили поезд, не допуская посылки его на помощь Керенскому, и предупредили Военно-революционный комитет. Оттуда прислали 50 человек для охраны.

Комиссар броневого дивизиона около 5 часов вечера донёс, что в «броневом отделе собираются отправить в Лугу 4 броневика с весьма подозрительными намерениями»[2]. Комиссар немедленно снарядил броневик, чтобы предотвратить посылку.

Кое-где в городе началось пьянство. Контрреволюционеры тайно продавали спиртные напитки или подбивали отсталые группы

солдат на разгром винных складов. Военно-революционный комитет разослал патрули. С помощью комиссаров ближайших частей производились облавы и обыски в подозрительных местах. Спирт отбирали, виновных в продаже и науськивании на разгром складов арестовывали.

Военно-революционный комитет в первые же дни восстания закрыл ряд буржуазных газет. 25 октября красногвардейцы заняли «Русскую волю» — газету, основанную ещё царским министром Протопоповым, «Биржевые ведомости» — крайне реакционный орган, «Общее дело» — газету Бурцева, и т. п. Пользуясь недостаточной охраной, агенты контрреволюции проникали в типографии газет, увозили шрифты, иногда успевали печатать воззвания. В незакрытых газетах шла безудержная контрреволюционная травля новой власти. Газеты печатали приказы Керенского и бюллетени «комитета спасения».

Военно-революционный комитет закрыл «Новое время», в типографии закрытой газеты стал печатать «Правду». Были закрыты кадетская «Речь» и близкий кадетам «День». В их типографиях стали печатать «Солдатскую правду» и «Деревенскую бедноту». Караулам, охранявшим закрытые газеты, было приказано войти в тесную связь с советом старост рабочих, зорко охранять машины и шрифт, не допускать печатания каких-либо материалов без ведома Военно-революционного комитета.

Со всех сторон Военно-революционный комитет получал сведения о каждом шаге войск Краснова — Керенского. Доносили комиссары частей, отступивших из Гатчины. Приходили в комитет рабочие, прорвавшиеся через неприятельские патрули. Рядовые телеграфисты предупреждали о движении войск.

Краснов продолжал наступление. Он усиленно собирал сведения о положении в Петрограде. Лично опрашивал бежавших к нему из Петрограда офицеров, юнкеров и студентов. Переговорил по телефону со своей женой, которая жила в Царском Селе, связался с Советом союза казачьих войск в Петрограде и получал от него информацию.

Поздно ночью 27 октября генерал Краснов собрал у себя казачьи комитеты, рассказал о положении дел и предложил атаковать Царское Село на рассвете, когда противнику трудно определить, какие силы наступают. Комитеты утвердили план Краснова. В 2 часа ночи на 28 октября казачьи полки Краснова выступили из Гатчины на Царское Село. В направлении на Красное Село им были посланы лишь небольшие разъезды.

К Царскому Селу казаки приблизились на рассвете 28 октября. На южной окраине города их встретили густые цепи пехоты численностью около батальона. Затрещали выстрелы, началась перестрелка, перешедшая вскоре в упорный бой. Над советскими войсками стали поблёскивать шрапнельные разрывы — наступавшие

казачьи сотни были поддержаны артиллерией. Под угрозой обхода с фланга часть цепей пехоты отошла к парку.

В районе казарм и Орловских ворот, ведущих в парк, собралась толпа вооружённых винтовками солдат царскосельского гарнизона. К солдатам подъехали члены казачьего комитета. Офицеры соглашались сдать оружие. Многие из них уговаривали солдат.

Члены местного военно-революционного комитета, большевики царскосельской организации, переходили от одной взволнованной группы к другой, раскрывали перед солдатами провокационную ложь офицеров, читали декреты II съезда Советов о земле и мире. Толпа раскололась: часть её двинулась сдавать оружие казакам, а большинство, увлекаемое большевиками, стало продвигаться вдоль опушки парка в охват левого фланга казаков.

К солдатам подъехал одетый в полувоенное платье Савинков. С речью к солдатам обратился и Станкевич, прибывший на автомобиле из Петрограда. Выступление это едва не кончилось для него печально. Солдаты хотели арестовать Станкевича, но он успел уйти, как сам признался, «хотя и поспешно, но с соблюдением внешнего приличия»[1].

Митингование солдат отразилось и на казаках. Тот же Станкевич рассказывал, что сразу за Царским Селом он наткнулся на кавалерийский отряд. «Вид и настроение казаков» произвели на него «невесёлое» впечатление. Это подтвердили и казачьи офицеры, которые обратились к Станкевичу «с просьбой переговорить с казаками и сообщить им», что «ещё не все в Петрограде на стороне большевиков», убедить казаков, что они вовсе «не идут против всего народа». Речь Станкевича казаки, по его признанию, выслушали молча [2].

На дороге, ведущей из Гатчины, показались автомобили. Это, как описывал позже Краснов, был «Керенский со своими адъютантами и какими-то нарядными экспансивными дамами» [3].

Керенский до этого момента сидел в Гатчинском дворце. В Гатчине было введено осадное положение. Совет рабочих депутатов был разогнан Красновым, большевиков он приказал арестовать. Назначенный начальником гарнизона и комендантом города ротмистр Б. И. Свистунов доносил Керенскому в 11 часов утра 28 октября:

> «Большевики в Совете арестованы. Придётся разоружить 2-й запасный артиллерийский дивизион, имеющий 300 винтовок» [4].

В ожидании донесений с фронта Керенский непрерывно связывался то со Ставкой, то с ближайшими гарнизонами. Сведения приходили неутешительные. Однако определённо было известно, что из Луги идут на помощь казакам. В отряд Краснова Керенский приказал сообщить:

В Царское Село приехал Керенский на автомобиле «с какими-то нарядными экспансивными дамами».

Карикатура Кукрыниксы.

«1) К рассвету (29 октября. — *Ред.*) подойдёт 4-й осадный полк при 4 орудиях.

2) Предполагается прибытие кавалерии из Тосно...

3) Из Луги прибудет ещё одна лёгкая батарея.

4) 3-я Финляндская дивизия с 17-м Донским полком в пути и подойдут к Петрограду 29-го вечером.

5) В Москве большевики сдались сегодня днём» [1].

Но всё это в будущем — предполагается: прибудет, подойдёт... Реального нет пока ничего, нет и известий с фронта от Краснова. В 3 часа 40 минут Керенский посылает личную записку генералу Краснову:

«Считаю необходимым окончить занятие Царского Села в кратчайший срок» [2].

Раздражённый молчанием Краснова, Керенский сел в машину и выехал под Царское Село.

«В чем дело, генерал? — отрывисто, сердито обратился он к генералу Краснову. — Почему вы мне ни о чём не доносили? Я сидел в Гатчине, ничего не зная» [3].

Так рассказывает Краснов о своей беседе с Керенским.

Краснов доложил Керенскому о создавшейся обстановке.

«Керенский,—продолжает Краснов,—в сильном нервном возбуждении. Глаза его горят. Дамы в автомобиле и их вид, праздничный, отзывающий пикником, так неуместен здесь, где только что стреляли пушки. Я прошу Керенского уехать в Гатчину.

— Вы думаете, генерал? — щурясь, говорит Керенский.— Напротив, я поеду к ним. Я уговорю их» [1].

Краснов приказал сотне енисейских казаков сесть на коней и сопровождать Керенского.

Керенский въехал в гущу толпы, встал на сиденье автомобиля и обратился с истерической речью к солдатам. Он надрывал горло, сырой, пронизывающий ветер относил слова в сторону. Солдаты хмуро и недоверчиво слушали. Тем временем казаки пробрались в толпу колеблющихся солдат и начали силой отбирать винтовки. Кое-кто сдал, но остальные, сжав винтовки в руках, хлынули к воротам парка. Там распоряжался Военно-революционный комитет. Солдат выстраивали и собирали в отряды. Отряды выходили из парка, быстро строились в цепи и постепенно стали окружать казаков. Щёлкнул выстрел, другой, третий — вновь началась перестрелка. Керенский поспешил уехать. Генерал Краснов приказал своим батареям открыть огонь. Шрапнель с визгом стала рваться над головами наступающих солдат.

В конечном счёте артиллерия решила исход борьбы.

Осыпаемая осколками шрапнели толпа солдат рассеялась. Путь был свободен, и казачьи части в сумерках стали входить в город.

Прежде всего казаки овладели станцией железной дороги, телефонной станцией и станцией радиотелеграфа. После этого, уже ночью, были заняты царские дворцы.

Царское Село, расположенное всего в каких-нибудь двадцати километрах от Петрограда, было занято войсками контрреволюции. Фарс, разыгрываемый Керенским под Петроградом, грозил превратиться в драму для революции. В царскосельском гарнизоне было до 20 тысяч солдат. Их можно было силой заставить выступить против Петрограда. Генерал Краснов рассчитывал, что гром пушек под Царским повлияет и на гарнизон Петрограда, заставит колеблющихся присоединиться к войскам контрреволюции.

Быстро воспламеняющемуся Керенскому взятие Царского Села казалось началом победы. Днём 28 октября он бегал по залам Гатчинского дворца, томясь неизвестностью, а уже ночью, переехав в Царское Село, торжествуя, телеграфировал в 11 часов в Ставку:

«Считаю необходимым указать, что большевизм распадается, изолирован, и как организованной силы его нет уже и в Петрограде» [2].

Записная книжка Керенского — он писал свои письма и телеграммы в полевой книжке штаба III кавалерийского корпуса —

случайно попала в руки революционных войск. В книжке сохранились копии отосланных документов, а также подлинники неотосланных телеграмм. В черновике приведенной выше телеграммы имелись следующие строки:

«Царское занято правительственными войсками. В Петрограде даже «Аврора» заявляет; что ее выступление — результат недоразумения. Линия поведения, полагаю, может быть одна: государственная; а не большевистская» [1].

Однако эти строки не вошли в окончательный текст телеграммы. Какие-то остатки стыда не позволили изолгавшемуся сопернику Хлестакова поместить враньё об «Авроре». Но настроение Керенского продолжало подниматься. В 11 часов 10 минут вечера он разослал всем губернским комиссарам и губернским продовольственным комитетам следующее распоряжение:

«Предлагаю со всем напряжением направлять продовольственные грузы на фронт, а также усиленно возобновить посылку хлеба в Петроград; не смущаясь создавшимся положением, которое решительно пресекается властью» [2].

Керенский так уверен во взятии Петрограда, что предлагает послать туда хлеб. Войти в город и привезти с собой хлеб, что вырвет окончательно почву из-под ног большевиков,—таковы надежды Керенского.

В 11 часов 25 минут Керенский посылает телеграмму всем министерствам и главным управлениям в не взятый ещё Петроград, предлагая не выполнять распоряжений народных комиссаров, не вступать с ними в переговоры и не допускать в правительственные учреждения [3].

День 28 октября Керенский закончил следующей запиской генералу Краснову:

«По обстановке в движении эшелонов полагаю необходимым, чтобы завтра с утра Царское Село было окончательно закреплено и можно было бы приступить к подготовке ликвидации Петербурга. Привет. А. Керенский» [4].

Успокоенный и полный радужных надежд, улёгся Керенский спать. Была ночь, далеко впереди светились отблески огней Петрограда. Казалось, после недавнего позорного бегства Керенский вновь возвращался туда министром-председателем Временного правительства и верховным главнокомандующим.

3.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЮНКЕРОВ ПРОТИВ СОВЕТОВ В ПЕТРОГРАДЕ.

В Петрограде в это время в солдатских казармах и рабочих кварталах шла стремительная мобилизация сил. Весть о занятии казаками Гатчины и Царского Села вызвала действие, обратное тому, на которое рассчитывали Керенский и Краснов.

Военно-революционный комитет обратился к районным Советам и фабрично-заводским комитетам с приказом:

«Корниловские банды Керенского угрожают подступам к столице. Отданы все необходимые распоряжения для того, чтобы беспощадно раздавить контрреволюционное покушение против народа и его завоеваний.

Армия и Красная гвардия революции нуждаются в немедленной поддержке рабочих.

Приказываем районным Советам и фабрично-заводским комитетам:

1. Выдвинуть наибольшее количество рабочих для рытья окопов, воздвигания баррикад и укрепления проволочных заграждений.

2. Где для этого потребуется прекращение работ на фабриках и заводах — немедленно исполнить.

3. Собрать всю имеющуюся в запасе колючую и простую проволоку, а равно все орудия, необходимые для рытья окопов и возведения баррикад.

4. Всё имеющееся оружие иметь при себе.

5. Соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми поддержать армию, революцию всеми средствами» [1].

Серое лохматое небо низко висело над встревоженным, готовым к борьбе Петроградом. Тревожно, глухо выли заводские гудки — район перекликался с районом. Враг у ворот! Все на защиту революции!

Подъём среди рабочих был огромный. Красногвардейцы, захватив винтовки, прямо с работы спешили в районный штаб. Там спешно формировали отряды и отправляли под Пулково.

Многие красногвардейцы шли в одних промокших насквозь пиджаках, но настроение у всех было оживлённое и бодрое. Немало рабочих впервые взяло в руки винтовки. Новичков тут же обучали стрельбе. Всю ночь на 29 октября шли революционные войска на фронт.

Военно-революционный комитет предупредил особым воззванием всех граждан о приближении войск Керенского. Он сообщил, что Керенский, подобно генералу Корнилову, ведёт на сто-

лицу только несколько эшелонов сбитых с толку казаков. Он пытается обмануть народ лживыми обещаниями.

> «Керенский, — гласило воззвание, — по требованию дворян-помещиков, капиталистов, спекулянтов идёт на вас, чтобы вернуть земли помещикам; чтобы вновь продолжать губительную, ненавистную войну» [1].

Военно-революционный комитет призывал граждан не верить ложным заявлениям бессильных буржуазных заговорщиков.

В другом объявлении Военно-революционный комитет сообщал о предательской роли эсеро-меньшевиков. Они — на стороне контрреволюции. Они осыпают грязной клеветой советскую власть. Они подготовляют гражданскую войну против пролетариата.

> «Мы пригвождаем их к позорному столбу, — говорилось в объявлении. — Мы предаём их презрению всех рабочих, солдат, матросов и крестьян, на которых они собираются надеть старые цепи. И никогда не смыть им с своего чела клеймо народного презрения и негодования.
>
> Стыд и позор предателям народа» [2].

Воззвания, листовки, тюки советских газет были посланы на вокзалы для фронта. Во всех отходящих поездах выделяли вагоны для революционной литературы. Агитаторы, нагружённые листовками и газетами, отправлялись по ближайшим к Петрограду городам и сёлам.

На случай прорыва казаков под Петроградом было решено укрепить Петропавловскую крепость. Вызвали с крейсера «Аврора» матросов для усиления гарнизона крепости. «Авроре» поручили обеспечить подход какого-нибудь миноносца поближе к Петропавловке.

Пятьдесят матросов с крейсера «Аврора» вызвали на охрану Смольного.

Комиссару морского полигона было предложено двинуть всю артиллерийскую прислугу в крепость. Из Усть-ижорских лагерей с артиллерийского полигона вызвали полевые орудия.

Фабрично-заводскому комитету Ижорского завода в Колпине Военно-революционный комитет предложил выслать все исправные броневые машины, находившиеся в ремонте.

По всем пехотным полкам Петрограда и его округа был отдан приказ выбрать из бомбомётных команд по 8 человек, умеющих обучать бомбометанию, и выслать их в Смольный в распоряжение Военно-революционного комитета. Комитету команды мастеровых по изготовлению ручных снарядов было предложено выделить 20 товарищей.

Штабу Красной гвардии было предписано отправить к 7 часам утра 29 октября к Московской заставе 20 тысяч человек для рытья окопов.

Комиссару форта «Ино» была послана телеграмма:

«Положение в Гельсингфорсе надежное. Немедленно высылайте с форта в Петроград в распоряжение Военно-революционного комитета три тысячи вооружённых человек с артиллерией»[1].

Посланцы Военно-революционного комитета привезли оружие из полков, расположенных в Финляндии. Член областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии Гусев доставил из 2-го пехотного запасного полка больше тысячи винтовок и патронов к ним.

Военно-революционный комитет призвал к отпору Керенскому—Краснову гарнизоны ближайших районов. Был разослан следующий приказ:

«Командиру гвардейского запасного кавалерийского полка, Новгородскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; по Селищенскому гарнизону и гарнизону с. Медведь и пр. № 1565. 28 октября 1917 г.

Военно-революционный комитет Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов предписывает всем вышеуказанным войскам немедленно по получении сего приказа сформировать батальоны для отправки в Петроград и занятия станции Дно и прочих пунктов, сообразуясь с обстоятельствами.

Все батальоны должны быть снабжены достаточным количеством провианта и боевых припасов»[2].

Приказ вызвал многочисленные отклики. Из многих городов сообщали о принятых мерах. Командир 428-го Лодейнопольского полка донёс, что эшелон в 500 штыков с пулемётными, бомбомётными и миномётными командами прибудет в Петроград 29 октября утром[3]. Кстати, это сообщение было кем-то задержано и доставлено в «комитет спасения», который выдал батальон за войска, верные свергнутому правительству.

Советам рабочих и солдатских депутатов городов, лежащих на пути движения войск с фронта, Военно-революционный комитет предложил: 1) взять всю власть в городе и уезде в свои руки, 2) никаких приказаний Керенского и его приверженцев не исполнять, 3) установить немедленно строгий контроль над всеми общественными учреждениями... 4) не пропускать... войск, идущих против революционного Петрограда[4].

Военно-революционный комитет работал непрерывно. Не переставая в комитет шли рабочие, красногвардейцы за распоряжениями. Людской поток заливал лестницы, заполнял приёмную Военно-революционного комитета.

Вся работа шла под непосредственным руководством Ленина и Сталина. Они почти постоянно находились в одной из комнат Военно-революционного комитета. Они отдавали распоряжения о вызове войск, рассылали членов Центрального Комитета про-

верять выполнение приказов. В той же комнате часто появлялся Дзержинский. На его долю выпала борьба с эсеро-меньшевистским саботажем. К нему стекались сведения о контрреволюционной работе армейских и флотских комитетов. Дзержинский предписывал Морскому военно-революционному комитету по поводу Центрофлота, находившегося в руках эсеро-меньшевиков:

«Военно-революционным комитетом предписывается революционному Морскому комитету членов бывшего Центрофлота, не желающих помогать в работе укрепления и спасения русской революции, отправить немедленно в Кронштадт до выяснения политического положения страны»[1].

Огромную работу вёл Свердлов. Он хранил в своей памяти неисчислимое количество имён. К нему обращались за характеристикой людей, прежде чем возложить на них ответственное поручение. Свердлов следил за тем, все ли большевики освобождены из тюрем, куда их посадило Временное правительство. Его громкий голос, отдававший распоряжения, покрывал шум, стоявший в приёмной Военно-революционного комитета.

Ленин лично проверял готовность петроградского пролетариата к борьбе. Владимир Ильич приезжал на заводы, побывал на позициях.

Неутомимой деятельности Владимира Ильича не было границ. Он успевал буквально везде. Его весёлая улыбка, бодрый вид, спокойный голос всюду вносили непоколебимую уверенность в правоте начатого дела. Он взвешивал и проверял настроение масс, определял их готовность к борьбе.

Пролетарский Петроград спешно мобилизовал свои силы для отпора войскам Керенского.

Непримиримые враги советской власти в свою очередь лихорадочно готовились к вооружённому выступлению внутри столицы, согласуя свои действия с генералом Красновым. Представители «комитета спасения родины и революции» посещали казармы, пытаясь поднять солдат против советской власти. Ни одной воинской части не удалось им уговорить выступить на защиту Керенского. Были у казаков. Там тоже ответили неопределённо. Только казачьи офицеры обещали вывести полки, если хоть какая-нибудь пехотная часть выйдет на улицу. Твёрдо сговориться удалось лишь с некоторыми военными училищами, да и то главным образом с командным составом.

Энергии на организацию мятежа было потрачено много, но реальная сила оказалась до смешного малой.

В бумагах «командующего войсками «комитета спасения» генерального штаба полковника Полковникова», как он себя именовал в приказах, осталась запись на оборотной стороне афиши. Вот она:

«Мобилизационный
а. Николаевский инженерный — 200 штыков (связь Ю. Вайнштейн) 2 роты.
б. Увечного батальона — 130 человек, штыков (казаки) прапорщик Шатилов (связь).
в. Владимирское училище — 150 человек (2 000 винт.
12 пулемётов
патроны).
г. Павловское училище — 300 человек (без винтовок).
д. Константиновское артиллерийское (?).
е. Михайловское артиллерийское (?).
ж. Николаевское кавалерийское (?).
з. Инженерная школа прапорщиков
(50 чел.)+винтовки без патронов.
Броневики.
Орудия.
Легковые автомобили.
Грузовики.
Питание.
Вода.
Связь.
Интендантство.
Санитары» [1].

Всего каких-нибудь 830 человек; разбросанных по городу, многие без винтовок. Подымать бунт с такими силами было явной авантюрой. Единственная надежда была на неожиданность: внезапный удар по советским войскам с тыла, когда корпус Краснова — Керенского будет атаковать Петроград в лоб, мог расстроить ряды защитников пролетарской революции.

Вечером 28 октября в Петроград от Керенского вернулся Станкевич. Он нашёл в «комитете спасения» большое оживление. Говорили о связи со всеми частями гарнизона. Считали себя распорядителями «весьма солидной вооружённой силы» [2].

Организацией антисоветского мятежа руководили эсеры. Секретарь военной комиссии Центрального комитета партии эсеров Ракитин-Броун на процессе эсеров в 1922 году так рассказывал об этом:

«Я, Краковецкий и Брудерер созвали заседание военной комиссии, на котором было решено выступить как только войска Керенского подойдут близко к Петрограду. Соответственно этому мы укрепили те связи с эсеровскими ячейками, которые имелись во всех юнкерских частях. Связь хорошая была с Константиновским артиллерийским училищем, Михайловским артиллерийским, Павловским, Владимирским пехотными и Николаевским инженерным. Завели хотя и слабую связь с Николаевским кавалерийским. 8, 9, 10 ноября

(26, 27 и 28 октября старого стиля. — *Ред.*) от этих училищ у нас дежурили представители. 10 ноября я был на свидании с Гоцем. Гоц заявил, что «комитет спасения родины и революции» назначил в качестве руководителя восстанием полковника Полковникова»[1].

Поздно вечером 28 октября состоялось тайное заседание «комитета спасения», на котором был выработан окончательный план вооружённого восстания. В первую очередь был намечен захват Центральной телефонной станции и Михайловского манежа, где стояли броневые машины. Восстание должно было начать Николаевское инженерное училище. Павловское и Владимирское училища соединёнными силами должны были захватить Петропавловскую крепость. К восставшим предполагалось присоединить ударников из дворца Кшесинской и общими силами овладеть Смольным. Выступление приурочивалось к моменту приближения отрядов Краснова, которые, по сообщению Станкевича, можно было ждать через день, т. е. 30 октября.

Но непредвиденное обстоятельство ускорило провал эсеровской авантюры. В ночь на 29 октября патруль Петропавловской крепости задержал у дворца Кшесинской двух подозрительных, которые вышли из дворца и намеревались сесть в поджидавший их автомобиль. Красногвардейцы заметили, что один из задержанных пытался что-то выбросить из кармана во время пути. Об этом было сообщено коменданту крепости, куда доставили задержанных. Арестованный оказался членом Центрального комитета партии эсеров Брудерером. При обыске обнаружили документы. По документам было установлено, что «комитет спасения» назначил особых комиссаров в юнкерские училища. На бланках «комитета спасения» был найден приказ за подписью Полковникова и Гоца по всем военным училищам, отрядам увечных воинов и георгиевских кавалеров «привести части в боевую готовность и ждать распоряжений»[2].

Комендант крепости немедленно передал эти документы в Военно-революционный комитет. Последний оповестил о грозящей опасности Петроградский комитет большевиков. Члены комитета предупредили все районные Советы, воинские части и заводы. Захваченные документы позволили установить, какие военные училища и военные части готовились принять участие в бунте.

Между тем и противная сторона не дремала. Известие о провале плана выступления быстро дошло до «комитета спасения родины и революции». Получив это известие, «комитет спасения» принял решение немедленно начать мятеж. Полковников с группой членов комиссии прибыл в Николаевское инженерное училище, помещавшееся в так называемом Инженерном замке. Юнкерам было приказано ложиться спать в шинелях, поставив винтовки у постелей. В 2 часа ночи на 29 октября Полковников приказал войскам петроградского гарнизона:

«По поручению «Всероссийского комитета спасения родины и революции» я вступил в командование войсками спасения.

Приказываю:

1) Никаких приказаний Военно-революционного комитета большевистского не исполнять.

2) Комиссаров Военно-революционного комитета во всех частях гарнизона арестовать и направить в пункты, которые будут указаны дополнительно.

3) Немедленно прислать от каждой отдельной части по одному представителю в Николаевское инженерное училище (Инженерный замок).

4) Все, не исполнившие этот приказ, будут считаться врагами родины и изменниками делу революции»[1].

Приказ был разослан на автомобилях по военным школам. На улицах города тотчас же появились юнкерские патрули и начали обезоруживать красногвардейцев. Кое-где возникла перестрелка. В 4 часа утра юнкеров инженерного училища разбудили и подняли. Их выстроили; выдали боевые патроны. Какой-то полковник от имени «комитета спасения» обратился к ним с речью. Полковник заявил, что войска Керенского придут к 11 часам утра. До их прибытия юнкерам поручается охрана порядка в городе, для чего необходимо занять Михайловский манеж и телефонную станцию.

Для захвата манежа было выделено 70 юнкеров. Перед отправкой какой-то штабс-капитан, назвавший себя членом «комитета спасения», снова произнёс речь. Юнкерам разъяснили задачу и вывели их во двор. К ним присоединилось человек пять офицеров.

В бронедивизионе, расположенном в Михайловском манеже, уже несколько дней велась оживлённая антисоветская работа. Часть офицеров была на стороне «комитета спасения». Им удалось увлечь кое-кого из команды, главным образом шофёров. Около 3 часов утра Военно-революционный комитет приказал выслать броневик в Измайловский полк. Наметили к отправке броневик «Борец за право». Ехать вызвался шофёр пулемётного отделения, сторонник «комитета спасения». Как только машина выехала на пустынную в этот час площадь, шофёр затормозил. К броневику подошли трое — два офицера и шофёр. Вместо Измайловского полка броневик направился в Инженерный замок. Прибывшие офицеры и шофёры рассказали, что манеж почти не охраняется, можно взять его без боя[2].

Отряд юнкеров часов около 5 утра быстро двинулся в темноте к Михайловскому манежу.

Небольшой караул солдат у Михайловского манежа сдался ввиду превосходства сил юнкеров — солдат было трое, а нападающих больше. Юнкера ворвались в манеж, где разоружили ещё 15 солдат, и осмотрели машины. Годными оказались только пять, среди них «Ахтырец», участвовавший в защите Зимнего дворца. Броневики отправили в Инженерный замок.

Прибывший отряд, пополненный офицерами, в сопровождении броневика «Ахтырец» был направлен к телефонной станции[1]. Пользуясь знанием пароля, отряд юнкеров захватил без боя Центральную телефонную станцию между 7 и 8 часами утра. Немедленно были выключены все телефоны в Смольном.

Руководители мятежа по телеграфу передали в 8 часов 30 минут приказ:

«29 октября войсками «комитета спасения родины и революции» освобождены все юнкерские училища и казачьи части, занят Михайловский манеж; захвачены броневые и орудийные автомобили; занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института — последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранить полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией «спасения родины и революции» полковника Полковникова и его помощника подполковника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы; приказываем немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище; всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечёт за собой принятие самых решительных мер.

Подписали:

Председатель Совета республики
Авксентьев.

Председатель
комитета спасения родины и революции
Гоц.

Комиссар Всероссийского комитета спасения родины и революции
при командующем армией спасения
Синани.

Член Центрального комитета партии
социалистов-революционеров
Броун»[2].

«Комитет спасения» обратился к солдатам, рабочим и гражданам с воззванием, в котором призывал не рыть окопов; вернуться в казармы; не слушать большевиков и сплотиться вокруг «комитета спасения».

Воззвание сообщало, что с войсками Керенского идёт лидер эсеров В. М. Чернов.

Обстрел Владимирского юнкерского училища.

Рисунок И. А. Владимирова.

Сторонники «комитета спасения» пытались поднять мятеж в разных местах города. В 9 часов утра из союза георгиевских кавалеров получена была записка с просьбой прислать броневик для конвоирования отряда в замок. «Имеем вооружение и гранаты»[1],— сообщал командир отряда. Комендант города подполковник Солодовников донёс; что он занял гостиницу «Астория» и арестовал живших там комиссаров.

«Мобилизую всё мужское население. Раздам оружие и буду призывать население к борьбе с красногвардейцами. Ожидаю дальнейших приказаний»[2]; — сообщал подполковник.

На главных улицах города появились броневики, открывавшие беспорядочную стрельбу по красногвардейцам.

Более серьёзные события произошли у Владимирского военного училища. Юнкера училища были разоружены ещё 26 октября. Винтовки сдали команде солдат, находившихся при училище. Караул при училище передали той же команде. Юнкерам разрешили уйти в отпуск, но этим правом воспользовались только местные или жившие недалеко от Петрограда юнкера.

Накануне бунта в училище приезжали представители «комитета спасения». Командиры и часть юнкеров знали о подготовляющемся восстании. 29 октября, рано утром, когда юнкера ещё спали, в училище появился полковник Куропаткин с группой солдат

3-го отряда увечных воинов. Юнкеров разбудили. Вместе с прибывшими юнкера разоружили солдат команды. Только пулемётная команда, находившаяся в училище для обучения юнкеров стрельбе, открыла огонь из пулемётов. Пулемётчиков окружили, часть из них сдалась, но другие продолжали отстреливаться. Это помешало юнкерам итти на соединение с Павловским военным училищем. Вдруг по зданию училища началась стрельба с улицы; со звоном посыпались на пол осколки разбитых пулями стёкол. Оказалось, что красногвардейцы и матросы, присланные Военно-революционным комитетом, окружили училище[1].

Своевременными мерами юнкерский бунт был пресечён в самом начале. Предупреждённые о нём рабочие, матросы и солдаты, оставшиеся в городе для поддержания порядка, кинулись к мятежным частям. Юнкерские училища и казачьи части немедленно были окружены и изолированы друг от друга.

> «Наш штаб, — вспоминает помощник Полковникова эсер Краковецкий,—был маленьким островком, окружённым враждебной стихией; нас просто обволакивали—шла сама вооружённая масса»[2].

Владимирское училище было окружено тесным кольцом Красной гвардии, к которой присоединились солдаты Гренадерского

Взятие Владимирского юнкерского училища. *Рисунок И. А. Владимирова.*

резервного полка, огнемётно-химического батальона и пулемётчики расположенного в крепости кольтовского батальона. Несколько позднее сюда прибыли моряки школы моторных машинистов. Последние не были предупреждены о готовящемся выступлении. Они были разбужены ружейной и пулемётной стрельбой, раздавшейся поблизости расположения школы. Моряки быстро оделись и, захватив оружие, побежали по направлению выстрелов.

Попытки юнкеров выйти из училища и занять соседние здания были встречены огнём осаждавших и успеха не имели. Завязалась горячая перестрелка.

Вначале осада училища шла недостаточно организованно. На звуки выстрелов прибывали группами и в одиночку красногвардейцы и тут же вступали в бой.

Вскоре из Петропавловской крепости прибыли броневик «Ярослав» и два орудия. Прежде чем открыть артиллерийский огонь по осаждённым, им предложили сдаться. Юнкера ответили отказом. Тогда по училищу сделано было несколько выстрелов из орудия. Снаряды пробили стены и разорвались внутри здания. Среди юнкеров наступило замешательство, сопротивление их ослабело, огонь сделался беспорядочным.

После нового обстрела из орудий юнкера замолчали. Среди них появились убитые и раненые. Юнкера решили выбросить флаг Красного креста. Это означало, что юнкера просят медицинской помощи. Флагов не оказалось, и юнкера выбросили белые тряпки. Красногвардейцы и матросы с ружьями наперевес подошли к училищу; но юнкера встретили их огнём. Человек пятнадцать упало. Озлоблённые предательским поведением юнкеров, революционные войска открыли ураганный огонь. Часть юнкеров перестала стрелять. Заметив это, полковник Куропаткин стал кричать, что войска Керенского уже в городе, что вблизи казаки. Но в это время красногвардейцы ворвались в здание через квартиру начальника училища. Полковник был убит.

Юнкера выкинули белый флаг. Однако, опасаясь вероломства юнкеров, революционные войска продолжали обстрел.

К 4 часам дня Владимирское училище сдалось. За несколько минут до сдачи начальник училища и его помощник, сняв погоны, пытались проникнуть через цепи осаждающих и скрыться. Но их задержали. Юнкера были обезоружены. Среди них оказалось много раненых. Их посадили на несколько грузовиков и отправили в лазарет. Винтовки, ящики с патронами, пулемёты забрали в Смольный.

Немного раньше сдалось Павловское военное училище. Попытка выступления ударников из дворца Кшесинской, своевременно обнаруженная, была ликвидирована в самом начале. Под угрозой пулемётного огня со стен крепости ударникам было предложено сдаться, что они и исполнили, не оказав сопротивления.

Штаб юнкеров всё время оставался в здании Инженерного замка. Он имел в своём распоряжении 230 юнкеров, 5 бронемашин и до 50 ударников-добровольцев. В штабе царила полная растерянность. Каждый распоряжался на свой лад.

Приходили просьбы о помощи, а послать некого. Вот прибежал юнкер с телефонной станции, доложил, что она окружена красными частями и с минуты на минуту падёт. На это Полковников ответил:

«Нужно ликвидировать замок и расходиться кто куда может» [1].

Полковников неожиданно скрылся, не оставив никаких распоряжений о сдаче или отступлении. Также скрылись лица, распоряжавшиеся от имени «комитета спасения». Юнкера были брошены на произвол судьбы теми, кто вызвал их на подлую авантюру. Под натиском красногвардейцев, матросов и солдат, окруживших Инженерный замок, а также под угрозой орудий, поставленных на Марсовом поле, штаб сдался без боя, не решившись выступить на помощь Владимирскому училищу. Дело ограничилось лишь небольшой перестрелкой.

Юнкерские патрули на улицах города постепенно разоружались. Захваченные ими броневые машины задерживались. Одна из таких юнкерских машин долгое время курсировала вокруг Центрального телеграфа. Юнкера обстреливали прилегающий район. Матросы устроили засаду, прячась за кучами дров на Исаакиевской площади. Им удалось повредить шины броневика. Машина стала. Матросы бросились в атаку. Двое из них были убиты, остальные захватили броневик и взяли в плен юнкеров.

Центральная телефонная станция была окружена в 11 часов утра. После длительной перестрелки юнкера отступили от ворот станции и скрылись во дворе за баррикадой. К 5 часам 30 минутам вечера осаждённые сдались красногвардейцам. Юнкерский караул при разоружении не оказал никакого сопротивления.

Опасаясь самосуда над пленными со стороны возмущённых солдат и красногвардейцев, Военно-революционный комитет отправил на телефонную станцию трёх своих представителей. Но арестованных юнкеров там уже не оказалось. Они были отправлены во 2-й Балтийский экипаж.

Так был ликвидирован контрреволюционный бунт в Петрограде. Его участниками были одни лишь юнкера — эта буржуазная гвардия, охранявшая Временное правительство в Зимнем дворце.

3.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПЕТРОГРАД В БОРЬБЕ С БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ.

Защитниками Временного правительства были одни лишь юнкера. На страже советской власти стояло поголовно всё рабочее население красной столицы. Рабочие Петрограда проявили в эти дни беспредельный героизм, невиданный энтузиазм, беззаветную преданность делу пролетарской революции. Их мужество и самоотверженность восполнили недостатки организации, неизбежные в первые дни существования новой власти.

Рабочие разных фабрик и заводов буквально соревновались друг с другом в героизме. Одни из них по призыву Военно-революционного комитета выступили с оружием в руках на фронт. Другие, засучив рукава, копали окопы и сооружали проволочные заграждения на подступах к Петрограду. Районные штабы Красной гвардии непрерывно формировали вооружённые рабочие отряды и отправляли их к Пулкову. На фабриках и заводах день и ночь кипела работа на оборону. Рабочие приводили в порядок броневые машины; собирали артиллерийские орудия, оборудовали бронепоезда.

«По требованию Военно-революционного комитета, — писал комиссар Путиловского завода, — в дни контрреволюционной авантюры Керенского мною было отправлено в Красное Село и Гатчину, а также на позиции Пулково — Александровка:

2 блиндированных платформы;

4 автомобиля с четырьмя трёхдюймовыми зенитными пушками;

4 автомобиля с зарядными ящиками;

2 автомобиля, оборудованные своими средствами для Красного креста, с носилками, медикаментами и пр.;

2 автомобиля, оборудованные своими силами, с установленными походными кухнями.

Отправлено со своими артиллеристами, прислугой и конвоем:

4 орудия 42-линейных; 19 орудий 3-дюймовых.

На фронт обороны поехал сам с рабочими боевой дружины, в числе 200 человек, где находился пять суток. Неоднократно посылались на позиции слесари для ремонта орудий. На окопы было послано рабочих-путиловцев более 500 человек и 50 плотников; те и другие—со всеми нужными для работ орудиями.

Путиловцы снабжали участников операции маслом, бензином, газовыми легковыми автомобилями и пр. Перевозили раненых в легковых автомобилях из-под Красного Села и Гатчины до прибытия отряда Красного креста.

Всякие поломки автомобилей немедленно исправлялись в автомобильной мастерской завода, которая работала день и

На Путиловском заводе в Октябрьские дни.

Рисунок В. В. Щеглова.

ночь. Отремонтированные автомобили немедленно отправлялись обратно в распоряжение штаба революционного комитета»[1].

Путиловский отряд Красной гвардии насчитывал в своих рядах тысячи отборных революционных бойцов. Только в дни Октября путиловцы получили 2 016 винтовок, из которых 1 212 — непосредственно Путиловский завод и 804— Путиловская верфь. Около половины всей путиловской молодёжи ушло в ряды Красной гвардии. Путиловцы дали немало преданных бойцов и в технические части — артиллеристов и шофёров. 22 шофёра Путиловского завода были командированы на боевую линию Красное Село — Царское в распоряжение Военно-революционного комитета.

«Исполняли свои обязанности добросовестно, — сухо, по-военному, аттестует шофёров удостоверение начальника штаба Гатчинского отряда, — и откомандировываются обратно на Путиловский завод»[2].

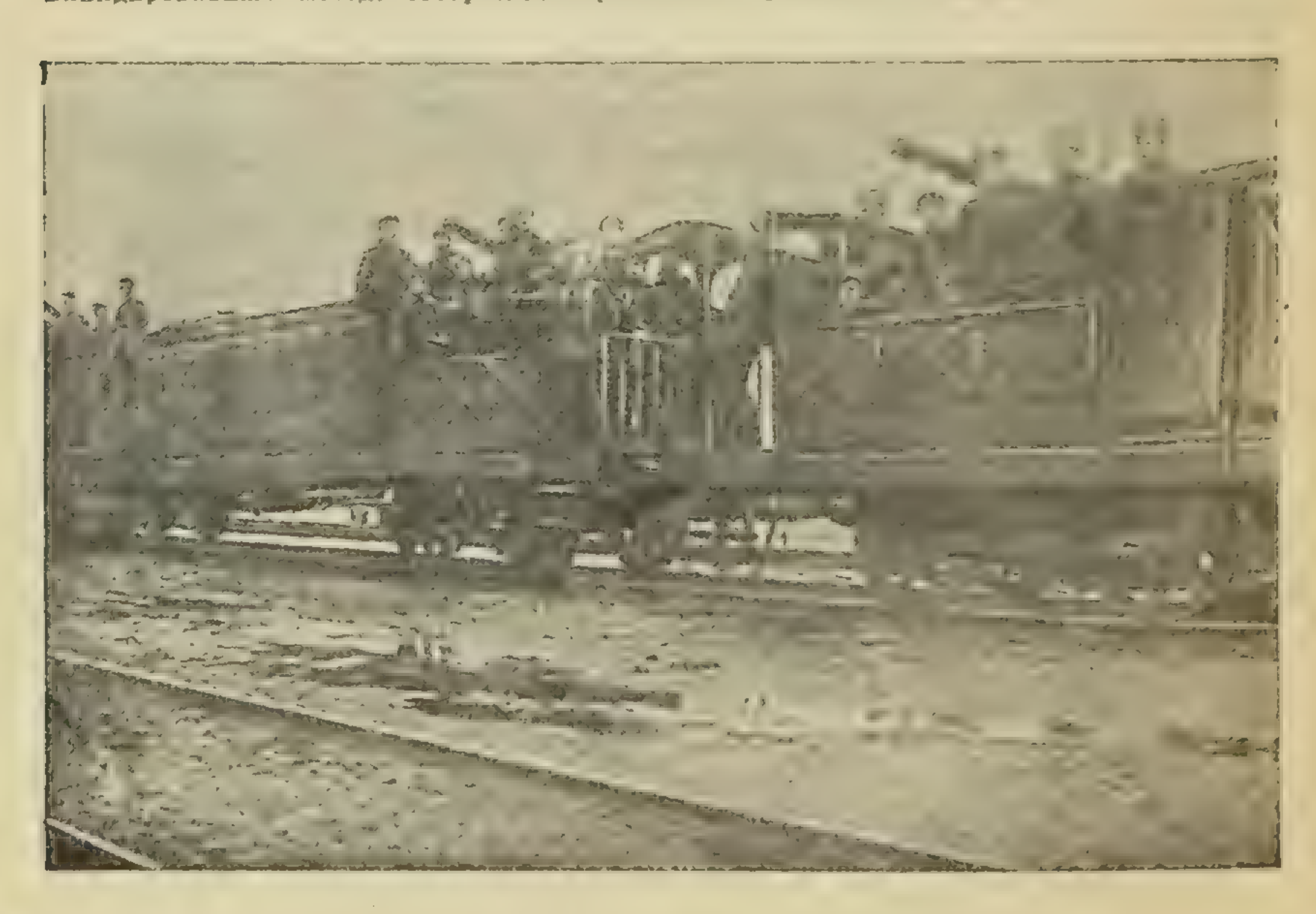
Рабочие районы переживали тревожные дни. К штабам Красной гвардии стекались добровольцы. Приходили рабочие с сооб-

щениями о подозрительных домах, где собирались офицеры. Рабочие Франко-русского завода потребовали закрыть притоны-трактиры «Колумбия», «Маяк», «Свобода», куда стекались спаиваемые контрреволюцией деклассированные элементы.

По Большому Сампсониевскому проспекту на Выборгской стороне один за другим проходили вооружённые отряды добровольцев-рабочих. Над головами плыли красные знамёна и кумачёвые полотнища, на которых наспех были выведены боевые лозунги. Отряды подходили к длинному двухэтажному зданию районного Совета и штаба района — недавно ещё здесь был трактир «Тихая долина». Внутри было тесно и шумно. Выборные начальники получали мандаты, безоружные — винтовки, плохо одетые — обмундирование. Военные инструкторы формировали отряд за отрядом. Тут же играл оркестр Московского полка, провожая уходящих на фронт. Сопровождаемые музыкой сформированные отряды направлялись отсюда на Царскосельский вокзал, для того чтобы немедленно ехать под Пулково.

Рабочие Трубочного завода, Сименс-Гальске и Посселя прибежали прямо с работы в комендатуру с требованием дать оружие и отправить их на позиции к Пулкову и Царскому Селу, где происходили бои. Разобрали за день 3 тысячи винтовок. Рабочие продолжали прибывать. Винтовок не было. Брали ломы, лопаты и шли на позиции рыть окопы.

Блиндированный поезд, построенный рабочими Путиловского завода.

Отправка на фронт против белогвардейцев блиндированного поезда с Путиловского завода.

Рисунок А. М. Ермолаева.

По дороге к Пулкову под проливным дождем непрерывной лентой тянулись революционные отряды. Их обгоняли грузовики с вооружёнными рабочими. Старики, молодые, подростки спешили на фронт. Поезда на Гатчину были переполнены. Вагоны брались с бою. Крыши, подножки были облеплены красногвардейцами, матросами. Все рвались туда, откуда глухо доносились орудийные выстрелы.

На позициях в грязи и сырости тысячи людей рыли окопы, укрепляли колючую проволоку. Впереди залегли красногвардейцы в наспех вырытых углублениях, зорко всматриваясь в сторону врага. С тыла бодро и уверенно подходили подкрепления.

Районные комитеты обратились к работницам фабрик и заводов с призывом записываться в красные сёстры. Всюду создавались небольшие группы санитарок.

Работницы завода Сименс-Гальске в одну ночь собрали больше двухсот сёстер, сами достали необходимые медикаменты и тотчас добровольно отправились на фронт.

Петроградские работницы выступали не только в качестве санитарок — их участие в великой борьбе выражалось и в другой форме. Работницы завода военно-врачебных заготовлений доставали продукты, варили из них пищу в заводских столовых и

сами отвозили её на близкий отсюда фронт. Проголодавшиеся, продрогшие бойцы жадно окружали приехавшие на позиции забрызганные грязью грузовики. Женщины раздавали с платформ буханки хлеба, варёное мясо, горячий картофель, сохранивший своё тепло под шубами, которыми был укутан.

Рабочая молодёжь со свойственным ей энтузиазмом дралась в первых рядах своего класса в дни Октября. Ленин, гениально учитывавший боевые силы революции, отводил молодёжи выдающееся место в восстании. Перед Октябрьскими днями в письме к питерским товарищам «Советы постороннего» Ленин для осуществления плана восстания рекомендовал:

> «Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодёжь*, а равно лучших матросов)»[1].

И молодёжь оправдала ожидания вождя. Молодые пролетарии составляли от 30 до 40% Красной гвардии. На ряде заводов Красная гвардия состояла преимущественно из молодёжи.

Самое активное участие принимала молодёжь в боях с отрядами Краснова—Керенского.

Из опрошенных летом 1932 года 2 274 бывших питерских красногвардейцев, участников Октябрьского восстания, около 900 человек, т. е. почти 40%, были в то время моложе 23 лет. Таково было участие рабочей молодёжи в октябрьских боях.

Это видели и враги советской власти, по-своему извращавшие истинный смысл великих событий. 29 октября в меньшевистской газетке «Единство» появилась статья «Библейское преступление». Автор писал, что навстречу войскам Керенского послана Красная гвардия, — дети, мальчики пятнадцати-шестнадцати лет:

> «Толпой в несколько сотен, а может быть, тысяч человек проходили они по улицам, направляясь к городской заставе»[2].

В напряжённейшей борьбе за лучшее будущее петроградский пролетариат от мала до велика был един. Отцы, матери и дети — члены нераздельной пролетарской семьи — шли тесными рядами бороться за свою советскую власть.

День 29 октября был для Военно-революционного комитета ответственным днём. Руководимый Лениным и Сталиным, молодой, ещё неокрепший орган новой власти сразу подвергся серьёзному испытанию.

Уже на рассвете стало известно, что в городе неожиданно вспыхнул мятеж: юнкерские училища выступили против советской власти. В 5 часов утра, когда ещё светились в комнатах лампочки, раздался резкий телефонный звонок. Усталый дежурный, взяв трубку, услышал чей-то далёкий неспокойный голос — говорил дежурный член полкового комитета из офицерской электротехнической школы.

> «На Инженерной улице появились юнкера, повидимому, Николаевского училища, в количестве шестидесяти человек.

Рабочие Петрограда на рытье окопов против войск Керенского—Краснова. *Рисунок Н. Н. Кочергина.*

Вооружены. Ходят и задерживают солдат и зовут их с собой. Вероятно, направляются к Михайловскому манежу» [1].

В 8 часов утра уже не было никаких сомнений. Поступило сообщение:

«Михайловский манеж занят юнкерами. Сейчас едут туда пулемётчики Литовского полка» [2].

Новые недобрые вести:

«Юнкера из Михайловского манежа ушли с броневыми машинами и заняли Центральную телефонную станцию. В манеже ни одного офицера. Машины стоят» [3].

«Владимирское училище. Ночью захватили сонных и обезоружили сводную роту, стоящую у Большого проспекта. Идёт стрельба в районе Большой Гребецкой» [4].

«На Шпалерной улице продают газеты и брошюры юнкера школы прапорщиков инженерных войск» [5].

Против мятежников брошены вооружённые силы. Кончилась ненастная, полная тревоги ночь. Ещё более тревожный, скупо брезжил сквозь полосатые от дождя стёкла серый, мглистый день. В Военно-революционном комитете было шумно и людно. Стучали приклады ружей. Наперебой тарахтели машинки, печатая приказы, распоряжения, удостоверения, протоколы экстренных совещаний. У людей, одетых в кожаные тужурки и мятые фронтовые шинели — членов комитета, голоса были сорванные, хриплые. Ввалившиеся от бессонницы глаза горели. В комнатах и коридорах гулко топал, сновал, толпился боевой народ: рабочие, старые и молодые, с винтовками, с худыми, покрытыми заводской копотью лицами, обмотанные пулемётными лентами солдаты, загорелые матросы в бушлатах, с бутылочными гранатами у пояса.

Одни требовали продовольствия или патронов для бойцов, другие пришли сообщить о настроении своей части, третьи просили инструкций, указаний, помощи.

За окнами грохотали пускаемые в ход моторы грузовиков. Рассыпая пулемётную трескотню, подлетали к подъезду мотоциклисты. Соскочив с машины, они спешили передать донесения.

Донесения, самые разноречивые, со всех сторон поступали каждую минуту. В 3 часа 20 минут с Путиловского завода сообщили, что там слышна ружейная и пушечная пальба. Принимают ли какие-нибудь меры? — запрашивали обеспокоенные путиловцы [6].

Донесение из 1-го Донского казачьего полка:

«Прибыла делегация от войск Керенского и агитирует, чтобы полк присоединился. Полк начинает колебаться» [7].

Хордикайнен, житель Царского Села, только что пришедший оттуда пешком, рассказывает:

«Город занят войсками Керенского, которые в большинстве сосредоточены около вокзала. Всего с окрестностями у Керен-

В железнодорожных мастерских Петроградского узла в дни борьбы с войсками Керенского и Краснова.

Рисунок И. А. Владимирова.

ского 5 тысяч солдат. Войска забирают у крестьян скот и все съестные продукты, за которые расплачиваются записками. Во время обстрела пострадали местные жители, в том числе убито двое или трое детей. Один снаряд разорвался в гарнизонном лазарете. В городе осталась часть членов Совета, человек восемь, и часть войск»[1], но сколько именно—он, Хордикайнен, не знает.

Звонки, звонки без конца.

Комендант районного Совета 1-го Городского района сообщает, что «в 12 часов дня какой-то броневик открыл стрельбу по Совету»[2].

Донесение комиссара Медведева:

«Измайловский полк двигается на позицию. Нужно прислать самокатчиков на станцию Александров»[3].

«На Обводном канале состоится народное собрание, — сообщает старший милиционер. — Где будет собрание и в котором часу — неизвестно. Надо послать разведчиков — кажется, собрание будет контрреволюционным»[4].

Внутри Петрограда, к которому подступает Керенский с казаками, идет бой. Уже вечер, снова вспыхнуло электричество; откуда-то глухо доносятся сокрушающие удары орудий и мел-

кая, злая пулемётная строчка. Гигантский город пропал в холодной; мокрой тьме, полной неизвестности. Что там происходит? Кто берёт верх?.. Люди висят на телефонах — брови сведены, лица мрачные, напряжённо обеспокоенные. Юнкера держатся на телефонной станции. Комиссар охраны Государственного банка сообщил: когда он позвонил, телефонистка сказала, что «за её спиной стоит юнкер» с направленным на неё штыком и «поэтому она соединить не может»[1].

Но вот начинают поступать иные, радостные вести. От них лица людей проясняются и светлеют.

9 часов вечера.

Сообщают, что комиссары Царскосельского вокзала, арестованные юнкерами, на свободе.

10 часов.

«На Петербургской стороне вследствие бомбардировки Павловского училища во многих прилегающих домах выбиты стёкла. Население волнуется. Создаётся погромное настроение, необходимо спешно принять меры. Районный комитет предлагает пригласить стекольщиков и вставить стёкла из зимних рам. Кроме того необходимо поставить охрану около магазинов, в которых также выбиты стёкла, иначе будет погром»[2].

10 часов 55 минут.

Телефонограмма с завода «Феникс»:

«Юнкера Михайловского артиллерийского училища сдались. Оружие вывозится штабом Красной гвардии с Московским полком. Один автомобиль уже нагрузили. В училище производится обыск»[3].

10 часов 55 минут.

С Московской заставы передают телефонограмму из революционного штаба:

«Требуются санитарные автомобили, возможно больше. Много раненых. В направлении Петроградского шоссе слышны крики «ура». Требуется также артиллерийская подмога, так как, по имеющимся непроверенным сведениям, в распоряжении Керенского имеется бронированный поезд»[4].

Это подаёт свой голос внешний фронт. Ликвидируя предательский мятеж юнкеров и заботясь о порядке в городе, в то же время Военно-революционный комитет ни на секунду не должен забывать, что враг стоит на подступах к красному Питеру; что во мраке туманной ночи идёт ожесточённый бой, льётся кровь. На заседании комитета выносятся быстрые, короткие, решительные постановления.

Делегацию от Керенского, агитировавшую в 1-й казачьей дивизии, арестовать.

На охране завода в Октябрьские дни в Петрограде. *Рисунок А. М. Лаптева.*

Свиданий в Петропавловской крепости; где сидят арестованные министры, сегодня не разрешать.

Создать продовольственный отдел.

Послать двух делегатов на фронт для информации.

Немедленно передать штабу об усилении надзора за проходящими по Неве и каналам баржами.

Предполагается забастовка железнодорожников. Представитель Викжеля требует выдать пропуск для поездки их делегации к Керенскому с целью предотвращения наступления его войск на Петроград.

Решено: не входя в обсуждение цели поездки делегации, пропуск выдать.

Пришёл делегат из Семёновского полка. Солдаты волнуются. Хотят выступить, но не получили никакого приказа о выступлении. Семёновцы не знают, как быть.

Постановление: гарнизонное собрание уже идёт, делегату нужно туда отправиться и принять участие в решении интересующих его вопросов.

С фронта промокшие, в грязи, усталые, один за другим являются ходоки. Бойцы сильно проголодались, изнемогают от усталости.

«Просим немедленного распоряжения о выдаче хлеба и пищевого довольствия на 1 500 человек для отряда царскосельской обороны в деревне Пулково,—доносит начальник отряда полковник Вальден. — Продовольствие должно быть доставлено не позже 12 часов, в противном случае отряд перестанет быть боеспособным. Для привоза продовольствия специально посылаются два грузовика. От своевременной доставки продовольствия зависит всё»[1].

Отряд сейчас же получает пищу. В профессиональный союз пекарей летит распоряжение Военно-революционного комитета:

«Прислать немедленно отряд пекарей в Смольный институт для того, чтобы войска, прибывшие на помощь революционному Петрограду, не остались без хлеба»[2].

Помощнику комиссара по снабжению рабочей гвардии и войск на подступах к Петрограду предписывается

«немедленно получить из окружного интендантства продукты, необходимые для продовольствования рабочей гвардии и войск, сражающихся на подступах к Петрограду, в количестве по расчёту на 8 тысяч человек на один день: консервы, хлеб или галеты, масло, крупа, сахар, чай. В принятии продуктов выдать расписку. В случае отказа, промедления, отклонения или каких-либо отговорок со стороны окружного интендантства... предписывается вам затребовать воинскую часть, арестовать сопротивляющихся, взять из склада необходимые продукты, составив обо всём акт. Действовать срочно, незамедлительно. О времени исполнения предписания уведомить»[3].

Вместе с тем всё новые и новые силы, оружие, военно-техническое приспособление бросаются на фронт. В Гельсингфорс, в Центробалт, отдано приказание приготовить миноносец и ждать распоряжений.

Командующий Петроградским военным округом Муравьёв приказывает

«привести в боевую готовность все боевые аэропланы. Четырём аэропланам на рассвете быть на аэродроме и ждать распоряжений. Остальным быть готовыми в резерве...»[4]

Отправляют на позиции прожекторы, едут телефонисты. Идёт спешная вербовка рабочих в отряды для рытья окопов. Из Петропавловской крепости послано на фронт четыре броневтомобиля. В Зимнем дворце взяты ручные гранаты. Происходит переброска по железной дороге отдельных отрядов и полков. Из Кронштадта идёт подмога: матросы и красногвардейцы. Все для фронта! Жители столицы читают появившееся на стенах домов успокаивающее заявление главнокомандующего по обороне Петрограда:

«Приказываю всем штабам, управлениям и учреждениям продолжать свою обычную работу так, как она велась всегда,

Гражданам столицы объявляю, чтобы за порядок в столице они не беспокоились. Будут приняты беспощадные меры к восстановлению его, если таковой будет нарушен врагами революции»[1].

Поднявшийся на врага, ощетинившийся штыками рабочий Петроград готовился к решительной схватке. Он был охвачен единым могучим порывом во что бы то ни стало опрокинуть, разгромить врага.

Вечером 29 октября состоялось созванное Военно-революционным комитетом совещание полковых представителей петроградского гарнизона. Собралось сорок представителей воинских частей. Повестка дня: 1) информация, 2) образование штаба, 3) вооружение частей, 4) водворение порядка в городе.

Ленин трижды появлялся на трибуне, как всегда, ясный, спокойный и уверенный. Среди напряжённой тишины он говорил, вливая новые силы и стойкость в сердца своих слушателей:

«...политическое положение свелось теперь к военному. Мы не можем потерпеть победы Керенского: тогда не будет ни мира, ни земли, ни свободы. Я не сомневаюсь, что петроградские солдаты и рабочие, только что завершившие победоносное восстание, сумеют подавить корниловцев... Задача политики, — продолжал Ленин, — и военная задача: организация штаба, сосредоточение материальных сил, обеспечение солдат всем необходимым; это надо делать, не теряя ни одного часа, ни одной минуты, чтобы дальше шло всё так же победоносно, как до сих пор»[2].

Так в неразрывном общении с массами, чутко прислушиваясь к воле миллионов тружеников и ведя их за собой, укреплял Ленин победу Великой пролетарской революции.

5.

ЛИКВИДАЦИЯ МЯТЕЖА КЕРЕНСКОГО — КРАСНОВА.

Утро 29 октября Керенский встретил радостно. Он ещё не знал о провале юнкерского восстания. Счастье как будто начинало улыбаться ему, и его надежда на победу не казалась такой несбыточной, как два-три дня назад.

Керенский посетил вызванный с фронта бронепоезд. Офицерам бронепоезда он заявил, что немецкий флот занял Аландские острова и направляется к Петрограду. В столице взбунтовалась чернь и под руководством немецких офицеров заняла железные до-

роги и не пропускает войска в Петроград. Бронепоезду было приказано:

«Очистить дорогу... занять Николаевский вокзал и пропускать войска на Петроград. Действовать решительно»[1].

Утром Керенский переехал в Царское Село, с вечера занятое казаками. В Царскосельском дворце он возобновил лихорадочную деятельность по собиранию сил. Послал в Лугу офицеров для ускорения посылки эшелонов. Телеграфировал воинскому начальнику города Луги немедленно послать отряд партизан на помощь казакам.

Казаки генерала Краснова продолжали занимать Царское Село. Ожидаемые подкрепления с фронта так и не приходили. С Юго-западного фронта Керенский вызвал три полка Финляндской дивизии. Эшелоны прибыли на станцию Дно. Узнав о событиях в Петрограде, солдаты послали представителей в Петроград заявить Военно-революционному комитету, что полки не пойдут против советской власти.

На станцию Осиповичи Либаво-Роменской железной дороги прибыло два эшелона. Солдаты выбрали комитеты и решили ни в коем случае не итти против Петрограда.

Гарнизон станции Бологое, откуда Керенский ждал помощи, организовал военно-революционный комитет; который собирался послать войска и продовольствие революционному Петрограду.

На помощь Краснову — Керенскому прибыли только три сотни Амурского полка, да и те заявили, что в «братоубийственной войне принимать участия не будут»[2]. Они отказались даже нести караульную службу в городе и расположились по ближайшим деревням. Подошёл также бронированный поезд с орудиями крупного калибра и одна сотня оренбургских казаков, вооружённая только шашками.

Казаки начали колебаться. У них всё больше и больше укреплялись подозрения, что Керенский подло обманывает их. Всё чаще стали слышаться зловещие для офицеров разговоры: «Пойдём с кем угодно, но не с Керенским»[3].

На первый раз Краснова; по его словам, выручили комиссары Станкевич и Войтинский; сумевшие убедить казаков в необходимости наступления на Петроград. Казаки несколько успокоились. Однако вечером к Краснову вновь явились представители казачьих комитетов и заявили, что казаки отказываются итти дальше без пехоты. Краснову вновь пришлось уговаривать казаков, пустив в ход «весь свой авторитет», как он выражается в своих воспоминаниях.

В конечном счёте ему удалось ещё раз убедить казаков в необходимости дальнейшего движения на Петроград. Тем не менее было ясно, что о решительном наступлении говорить уже не приходится.

В то же время определённее начало вырисовываться и настроение частей царскосельского гарнизона.

После стычки с казаками у Орловских ворот солдаты засели в своих казармах и наотрез отказались сдать оружие.

Стремясь увеличить свои силы, если не за счёт подкреплений с фронта, то хотя бы за счёт находившихся в Царском Селе войск, Краснов вызвал к себе 29 октября офицеров всех частей царскосельского гарнизона. Офицеры были настроены против большевиков и обещали убедить своих солдат примкнуть к казакам. Но обещания эти остались только обещаниями. На организованных по этому поводу митингах солдаты решительно отказались поддержать белогвардейский мятеж. Единственно, чего сумели добиться от них офицеры, — это не совсем твёрдого обещания сохранить нейтралитет.

В Царском Селе стояла пулеметная команда 14-го Донского полка. Узнав об этом, Краснов вызвал к себе её офицеров и комитет. Но и тут его постигла неудача. К его великому удивлению, все они оказались большевистски настроенными и также наотрез отказались от какой-либо помощи казакам.

Развёртывающиеся события полностью подтвердили анализ политического положения, сделанный Лениным вечером того же дня в докладе на совещании полковых представителей петроградского гарнизона.

> «На политическом положении долго останавливаться не приходится, — говорил он. — Политический вопрос теперь вплотную подходит к военному. Слишком ясно, что Керенский привлёк корниловцев, кроме них ему опереться не на кого...На фронте за Керенским нет никого... За меньшевиками и эсерами солдатские и крестьянские массы не пойдут. Я не сомневаюсь, что на любом рабочем и солдатском собрании девять десятых выскажется за нас.
>
> Попытка Керенского—это такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова»[1].

Народный характер Великой пролетарской революции выступал во всём своём величии и непоколебимой силе.

К вечеру 29 октября Керенский узнал о провале юнкерского восстания. В комнатах дворца появились вожди без масс, генералы без армии — Станкевич, Гоц и др. Гоц собирался бежать в Гатчину с целой группой эсеров ещё в ночь на 28 октября, но был арестован и доставлен в Смольный для дачи показаний. Оставленный здесь на свободе, он улизнул и принял участие в юнкерском восстании. Бежавшие из Петрограда принесли с собой растерянность. Все спорили, обвиняли друг друга в ошибках, сплетничали. Савинков забежал к генералу Краснову, поселившемуся в служительском доме дворца великой княгини Марии Павловны. Он предложил Краснову убрать Керенского и самому стать во главе войск.

— С вами и за вами пойдут все, — говорил Савинков Краснову[2].

Весь остаток дня прошел в бесконечных переговорах. Строились какие-то фантастические планы о передвижениях корпусов. Все надежды возлагались на помощь с фронта — она придёт; если казаков двинуть к столице. Станкевич, Гоц, Войтинский проявили огромное рвение, чтобы склонить войска для похода на Петроград. Они ездили на разные участки фронта в поисках частей, верных Временному правительству. Уговаривали воинские части, расположенные в Царском Селе и его ближайших окрестностях, не выступать против Керенского и Краснова. Они всячески старались поддержать «боевой дух» в казаках. Но все усилия политических мертвецов не имели никакого действия — за ними никто не пошёл.

Но вот мелькнула новая надежда. 29 октября, часов около десяти вечера, когда уже вполне выяснился разгром юнкерского восстания, во дворце появилась делегация Викжеля.

Викжель (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза) был избран на I Всероссийском учредительном съезде железнодорожников во второй половине июля 1917 года. Состав Викжеля полностью раскрывает подлинный характер его «надпартийности». Из 41 члена Викжеля эсеров было 14, меньшевиков — 6, народных социалистов — 3 и беспартийных — 11, из которых большинство, как признал руководящий работник Викжеля Вомпе, «в действительности кадеты». Организация такого состава, претендовавшая на руководство железнодорожниками, естественно превратилась в центр «легальной» антисоветской деятельности в первые дни после пролетарской революции.

Постоянным местом пребывания Викжеля была Москва. Когда сюда пришли первые известия о совершившейся революции, Викжель сразу взял на себя роль «спасителя демократии» и «примирителя враждующих сторон». 26 октября Викжель переезжает в Петроград. В этот же день он рассылает телеграммы, в которых выражается сомнение в «правомочности созванного сейчас съезда Советов» и указывается на «отсутствие власти, авторитетной для всей страны»[1]. Из этой телеграммы уже ясно отношение Викжеля к совершившимся событиям. Против Временного правительства Викжель не выступил. Считая его достаточно авторитетной властью для всей страны, он обивал пороги министерства путей сообщения, стараясь примирить бастующих, волнующихся железнодорожников с министрами.

Но первые же дни после Октября показали руководителям Викжеля, что повести массы железнодорожников против большевиков им не удастся.

> «Наши управления и старшие агенты на линии примыкают преимущественно к правым кадетским течениям; мастерские почти сплошь настроены большевистски»[2]; —

записал в своём дневнике один из членов ревизионной комиссии Викжеля в Октябрьские дни. Это положение и заставило Викжель

начать кампанию за спасение буржуазной демократии под флагом «нейтралитета» в гражданской войне.

При других условиях Викжель выступил бы открыто за свержение Советов.

В разгар наступления Краснова — Керенского под Гатчиной, 29 октября, Викжель выносит постановление о власти и посылает телеграмму «Всем, всем, всем»:

«В стране нет власти... Образовавшийся в Петрограде Совет народных комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране. Необходимо создать новое правительство...»[1]

Дальше в телеграмме говорилось, что в создании правительства должны принять участие все социалистические партии — от большевиков до народных социалистов включительно...

«Железнодорожный союз заявляет, что к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах. Остановка движения наступит в 12 часов ночи сегодня с 29 на 30 октября, если к тому времени боевые действия в Петрограде и Москве не будут прекращены»[2].

В тот же день Викжель послал делегацию к Керенскому. Делегация сообщила, что в 12 часов ночи прекратится железнодорожное движение, если её условия не будут приняты. Керенский и его сообщники ухватились за предложение Викжеля. Оно давало им в руки весьма ценную возможность — выигрыш времени. Керенский потребовал доставить ему представителей партий, вошедших в «комитет спасения», и министров-социалистов, чтобы вместе с ними решать вопрос о предложении Викжеля. Делегаты обещали доложить об этом Викжелю. После этого Керенский потребовал дать ему поезд до Могилёва для совещания с армейскими организациями. То, что не удалось Керенскому за все эти дни — прорваться в Ставку к генералам,—то он пытался выполнить с помощью Викжеля. Делегаты согласились пропустить поезд Керенского в Ставку. Этим представители Викжеля вскрыли всю суть своей позиции: «нейтралитет» Викжеля был прикрытием активной помощи контрреволюции. После беседы с Керенским викжелевцы вернулись в Петроград.

Петроград в это время продолжал усиленно готовить отпор Краснову. Ликвидировав юнкерское восстание, Военно-революционный комитет принял решительные меры к защите красной столицы, готовясь нанести врагу сокрушительный удар.

Тут же на месте был выработан план наступления. Склоны Пулковской горы, являвшейся центром позиции, были заняты Красной гвардией, основное ядро которой составляли отряды Выборгского района. На правом фланге, в районе деревни Новые Сузы, расположились моряки, прибывшие из Гельсингфорса и Кронштадта.

Левый фланг в районе Большого и Подгорного Пулкова заняли солдаты Измайловского и Петроградского полков. Там же находились четыре броневика. Общее число революционных войск составляло около 10 тысяч человек. Остро чувствовался недостаток в артиллерии. У советских войск было только два полевых орудия. Это особенно сильно сказалось на следующий день, когда начался бой. Генерал Краснов имел значительное превосходство в артиллерии.

Всю ночь советские части окапывались на занятых ими позициях. Тут же, в небольшом домике, на окраине Подгорного Пулкова, работал штаб, отдавая последние распоряжения, распределяя подвозимые продукты, направляя на позиции продолжавшие подходить отдельные части и вооружённые группы рабочих. Наступление советских войск было намечено на утро 30 октября.

Для ускорения наступления против войск Краснова Сталин послал на фронт Серго Орджоникидзе во главе группы большевиков. 29 октября Военно-революционный комитет предложил комиссару Балтийского вокзала предоставить Серго специальный паровоз. Серго выехал на фронт.

Он обходил позиции, беседовал с красногвардейцами. Его спокойная уверенность в победе поднимала настроение. Серго тщательно ознакомился с планом наступления и доложил о нём Ленину и Сталину. Сталин считал необходимым рыть окопы и готовить баррикады в самом городе на тот случай, если казаки прорвутся под Пулковом.

На фронте под Пулковом побывали представители Военно-революционного комитета, в их числе Д. З. Мануильский. Они сообщили:

> «Настроение рабочих прекрасное, твёрдое, выдержанное и стойкое. Отсутствие офицеров у рабочей гвардии сказывается. Солдаты — настроение стойкое. У матросов — также... Красногвардейцам, морякам заявили, что юнкера скрючены; произвело впечатление»[1].

В ночь на 30 октября представители Военно-революционного комитета были в штабе. В комнате — много офицеров и солдат. Шумно, накурено. На столе разбросаны карты. Обсуждался план наступления. Решили усилить фланговое движение со стороны Красного Села. Солдаты, особенно разведчики, вносили поправки при обсуждении плана. Красногвардейцы требовали ускорить наступление. Красногвардейцы, среди которых было немало участников взятия Зимнего дворца, рвались вперёд. Они полны были наступательного порыва. Их стремительность заражала солдат, передавалась морякам.

Представители Военно-революционного комитета выяснили, что отсутствие артиллерии сказывается крайне чувствительно.

30 октября Военно-революционный комитет, заслушав своих представителей, постановил командировать двух товарищей для

Серго Орджоникидзе в окопах под Пулковом.

Рисунок В. В. Щеглова.

усиления штаба, послать артиллерию и автомобили. Комитет поручил группе товарищей достать машины. В течение немногих часов лихорадочной работы было реквизировано несколько десятков автомобилей. Их срочно направили под Пулково. В городе быстро реквизировали пятьдесят лошадей для артиллерии.

Ленин и Сталин ни на минуту не прекращали своей работы над укреплением фронта. 30-го утром они вызвали к себе всех районных организаторов партии большевиков. Собралось человек десять-двенадцать. Ленин информировал о положении под Пулковом. Надо поднять массы — возможно, придётся драться в городе, требовали Ленин и Сталин, рекомендуя готовить оружие и отряды. Владимир Ильич сам набросал на клочке бумаги мандат, коим поручалось взять на Путиловском заводе всё, что нужно для фронта.

Рано утром 30 октября у Краснова появился гимназист, прорвавшийся из Петрограда, с запиской от Совета союза казачьих войск. Растерянные руководители юнкерской авантюры в панике писали, что «положение Петрограда ужасно»... Красногвардейцы «избивают юнкеров». «Пехотные полки колеблются и стоят»... «Казаки ждут», пока пойдут пехотные части. Вся надежда на корпус Краснова. Совет союза требует вашего немедленного движения на Петроград»[1].

Матросы под Пулковом.

Генерал Краснов приказал казакам выступать. Одну сотню казаков Краснов направил на Красное Село в обход правого фланга красных войск. Полусотня казаков была направлена вправо, чтобы нащупать левый фланг в районе Большого Кузьмина. Один разъезд силой взвода должен был произвести разведку в направлении Славянки и Колпина. Артиллерийские батареи развернулись в районе деревни Редкое-Кузьмино, прикрытые цепями спешенных казаков. Тут же, несколько оттянутое назад, находилось главное ядро отряда. Сам Краснов наблюдал за ходом боя с окраины деревни Редкое-Кузьмино.

Красные части не выжидали наступления белогвардейцев. Утром 30 октября, согласно утверждённому плану, красногвардейцы перешли в наступление. Раздалось «ура», и части, имея во главе командиров, бегом стали спускаться с горы.

На стороне казаков был перевес в артиллерийском огне. Опытные артиллеристы, которыми командовали офицеры, наносили красным войскам значительный урон. Многие рабочие впервые в жизни очутились под огнём пушек. Командиры тут же под обстрелом обучали молодых бойцов применяться к местности. Красногвардейцы залегли. Над головами рвалась шрапнель. Казачья артиллерия организовала заградительный огонь. Казачьи сотни двинулись было вперёд под прикрытием артиллерии.

Но красногвардейцы не дрогнули. Вот снова прозвучало «ура», всё нарастая. Красногвардейцы поднялись и снова бросились в атаку.

Старые, обстрелянные в боях казаки не выдержали стремительного натиска красногвардейцев. Густые, длинные цепи бойцов в штатских пальто спускались вниз. Все склоны Пулковских высот словно ожили. Казалось, неисчислимые массы, весь народ шёл против кучки бунтовщиков. Казаки дрогнули. Началось колебание. Оно усиливалось с каждой минутой наступления Красной гвардии.

Конная атака казаков разбилась о стойкость правого фланга красногвардейцев. Там действовал колпинский отряд. С ним были два броневика. Красновские снаряды изрыли дорогу глубокими воронками. Броневик остановился. Казачья сотня, решив, что броневик подбит, выхватив шашки, бросилась в атаку. Красногвардейцы подпустили казаков на близкое расстояние, а затем открыли меткий огонь из винтовок и двух пулемётов броневика. Казачья сотня была скошена. Она потеряла командира и большинство казаков. Потеря колпинского отряда — один раненый и один пропавший без вести[1].

Часам к двенадцати из Петрограда подтянулась артиллерия в составе трёх батарей. Наступление красных частей было поддержано огнём пушек. Сила огня всё нарастала. Орудия били теперь уже не только по передовым казачьим цепям, но и по их тылу. Огонь казаков стал слабеть. Их цепи начали подаваться назад,

преследуемые Красной гвардией. Охватывая фланги казаков, красные части заняли Большое Кузьмино, а цепи Петроградского и Измайловского резервных полков стали выходить на линию железной дороги; приближаясь в Царскому Селу.

Керенский сидел в Гатчинском дворце. Вчерашняя хвастливая уверенность в победе улетучилась. Керенский опять бросался то к прямому проводу, то к телефону. Он перестал уже доверять и своим. Генерал Краснов назначил уполномоченного по охране города Гатчины и просил Керенского утвердить его. Керенский утвердил, а через четверть часа от своего имени назначил другого особоуполномоченного[1].

Неутешительные сведения из Петрограда привели Керенского в отчаяние. Как и в день осады Зимнего, он снова решил бежать или, по его словам; «немедленно выехать навстречу приближавшимся эшелонам». Рано утром 30 октября он послал Краснову записку о своём отъезде. Составил письмо о передаче своих полномочий министра-председателя Н. Д. Авксентьеву. Одну копию письма он передал Гоцу; другую — Станкевичу. Но днём; когда уже были закончены все приготовления к бегству, прибыл от Краснова Савинков. С ним явились представители Совета казачьих войск. Делегация заявила; что отъезд Керенского деморализует отряд; надо выждать конца сражения.

Керенский остался, продолжая рассылать телеграммы о посылке войск с фронта. В 4 часа 30 минут он послал телеграмму Духонину:

> «Прошу сделать распоряжение о посылке ударных частей и кавалерии в случае каких-либо затруднений с посылкой пехоты. Напрягите всю энергию к скорейшему продвижению войск» [2].

К этому времени Керенский узнал, что пехотные части; так давно и упорно обещаемые Ставкой; отказались итти на помощь. В оригинале телеграммы, сохранившейся в записной книжке Керенского, было зачёркнуто из боязни разглашения следующее:

> «Получены сведения о начинающемся брожении в пехоте XVII корпуса, которая направлялась к Петрограду»[3].

Ещё в начале октября Ставка распорядилась выслать XVII корпус с Румынского фронта на Северный в резерв главковерха в район Витебск — Полоцк — Орша. Возможно, уже в этот период корпус готовили против большевиков; потому что Ставка не раз подчёркивала:

> «На Северный фронт ввиду важности обстановки нужны сильные войска, не такие, которые заняты больше политикой, чем заботой о защите родины»[4].

Эшелоны корпуса непрерывно в течение двух недель прибывали в назначенный район, как вдруг неожиданно получилось распоряжение двинуть полки с артиллерией под Царское Село. Коман-

Бой под Пулковом. *Рисунок И. А. Владимирова.*

дир корпуса спешно приступил к погрузке бригады пехоты и трёх батарей артиллерии. Из Ставки сыпались одна за другой телеграммы. Пришло распоряжение занять станцию Дно. На растерянный вопрос командира — что же делать, занимать Дно или идти к столице — из Ставки ответили: «Грузитесь на Петроград»[1]. Части подошли к станции; но там не оказалось вагонов. От командиров полков стали поступать сведения, что железнодорожники не дают грузиться или дают составы; но не дают паровозов. Посыпались и более тревожные известия: большевики захватывали станции и города по пути следования частей корпуса.

> «Большевики захватили телеграф в Витебске, — телеграфировал командир корпуса начальнику дивизии. — Предписываю на одного из командиров полка возложить охрану станции Городок, не допуская захвата её большевиками. Действия должны быть решительные»[2].

А из Городка сообщили, что там происходят большевистские митинги. Солдаты отказывались грузиться. Они самовольно захватывали паровозы и требовали отправки на прежние стоянки.

Командирам не удалось двинуть ни одного полка на помощь Краснову—Керенскому. Не оказалось и броневиков, на которые так надеялся Краснов. Броневой дивизион капитана Артифексова

отказался грузиться в Режице. Капитан приказал итти походным порядком. В дороге солдаты взбунтовались, а самому командиру пришлось спасаться бегством[1].

Не помог и 5-й бронедивизион, который был вызван лично Керенским. Когда команде 2-го отделения именем Керенского было приказано итти на Петроград, она решила послать в столицу делегата проверить, зачем туда требуют. Командирам всё же удалось двинуть своим ходом из Пернова 4 броневика и 14 грузовых и легковых машин на помощь Керенскому. Но и этот отряд добрался только до Старой Руссы. Дальше солдаты не пошли[2].

В 5 часов дня 30 октября Керенский потребовал выслать 17-ю кавалерийскую дивизию, которая, по его сведениям, настроена «решительно против большевиков». В той же телеграмме Керенский приказал выслать войска из Москвы, «если сведения о наступлении полного успокоения в Москве верны»[3]. Сведения эти оказались неверны: Москва в это время в свою очередь требовала помощи от Ставки.

В 5 часов 45 минут Керенский приказал начальнику Гатчинской авиационной школы установить пулемёты на двух аэропланах и немедленно отправить их в распоряжение генерала Краснова. Но от последнего из-под Пулкова пришли мрачные сведения: большевики разбили казаков. С часу на час войска Краснова могли отойти к Гатчине. Надо было оборонять Гатчину. В 7 часов 45 минут Керенский приказал начальнику авиационной школы передать все пулемёты для охраны спокойствия и безопасности города Гатчины.

Ни одна из многочисленных частей, вызванных с фронта, даже не сообщила, где она находится.

О степени растерянности Керенского можно судить по следующей телеграмме. В 8 часов вечера Керенский послал приказ начальнику польской стрелковой дивизии:

> «Предлагаю вам спешно погрузить свою дивизию и следовать с ней в Гатчину»[4].

На погрузку дивизии нужен был добрый десяток эшелонов, а помощь требовалась немедленно: бой под Пулковом был явно проигран.

Наступление красных частей стало оказывать влияние и на царскосельский гарнизон отнюдь не в пользу Краснова. В казармах снова начались митинги. Выносимые резолюции были одного содержания: солдаты требовали от Краснова прекращения боя под угрозой удара казакам в тыл.

О настроении царскосельского гарнизона Краснов узнавал через местную буржуазную молодёжь, которая была им использована в качестве разведчиков.

Наступление Красной гвардии было поддержано солдатами красносельского гарнизона. 29 октября казачьи разъезды столк-

нулись с частями 171 и 176-го запасных полков, расположенных в Красном Селе. Туда же прибыли по распоряжению Военно-революционного комитета Павловский и Егерский резервные полки и матросские отряды. После горячей перестрелки казаки отступили, а части красносельского гарнизона, прикрываясь со стороны Гатчины Павловским полком, перешли в наступление в направлении на Царское Село, достигнув шоссе Гатчина — Царское. К наступающему отряду присоединились пулемётчики 2-го полка и артиллерия из Петрограда.

Вера Слуцкая.

В ночь на 30 октября красносельский отряд захватил эшелон с артиллерией. Под огнём подошедшего белогвардейского бронепоезда с орудий были сняты замки, так как увезти самые пушки было невозможно, а пленные в количестве 400 человек были отправлены в Красное Село.

В то время, когда красногвардейцы перешли в наступление под Пулковом, 30 октября, красносельский отряд в свою очередь возобновил свои действия во фланг и тыл казакам. И хотя отряду не удалось продвинуться далеко вперёд, но самый факт его наличия в районе Витголово — Малые Кобози и активные действия в направлении на Царское Село создали явную угрозу основному ядру красновских войск.

В 7 часов вечера комиссар 176-го пехотного запасного полка доносил Военно-революционному комитету:

«Все слухи о поражении красносельского отряда ложны. Ведём энергичное наступление на Царское Село и Александровку. Матросы держат себя геройски, солдаты от них не отстают. 176 и 171-й пехотные запасные полки поддержат свою революционную славу»[1].

Красные войска, продолжая наступление, заняли Царское Село. Казаки отошли на Гатчину. Сколько-нибудь точных данных о потерях в боях на пулковском фронте не сохранилось. Имеются лишь приблизительные подсчёты. Бюллетень Военно-революционного комитета определяет число убитых в 200 человек.

Среди них была Вера Слуцкая, активная участница петроградской организации большевиков, выехавшая на фронт в качестве политического работника.

Вечером 30 октября Краснов со штабом прибыл в Гатчину.

Всю ночь во дворце шли заседания. Офицеры обсуждали дальнейший план действий. К Керенскому беспрерывно приезжали представители эсеров. Приехал Виктор Чернов. Узнав о прибытии лидера, делегация от эсеров города Луги явилась за советом: верна ли занятая ими позиция? Накануне они приняли резолюцию сохранить нейтралитет и свободно пропускать в обе стороны эшелоны, идущие как на помощь правительству, так и по призыву большевиков. Чернов утвердил резолюцию, а на заявление Станкевича, что такое решение — удар в спину правительства, ответил:

> «Практически важно одно, чтобы пропускались эшелоны правительства, так как эшелоны к большевикам, повидимому, не идут»[1].

Из Ставки Керенский получил убийственное сообщение: V армия решила послать помощь большевикам, в XII армии начались вооружённые столкновения.

Отход на Гатчину совершенно деморализовал казаков. Они отказались итти даже в заставы на переправах через реку Ижору.

> «Всё одно, нам одним, казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними, что же будем делать?»[2] — говорили казаки, по свидетельству Краснова.

Днём 31 октября было созвано военное совещание. Решили начать мирные переговоры с большевиками, чтобы выиграть время, пока подойдут подкрепления. Были посланы два предложения: одно — от имени Краснова на Гатчинский фронт, другое — от Керенского в Петроград. Оба предложения были составлены в явно неприемлемом духе. Керенский требовал, чтобы большевики прекратили войну и подчинились новому всенародному правительству. Само правительство должно быть составлено по соглашению «существующего» Временного правительства с представителями всех политических партий и «комитетом спасения родины и революции». Ясно, что «мирные» переговоры были попыткой Керенского и К° выиграть время. Это подтверждает Краснов.

> «Станкевич должен был поехать в Петроград,—признавался потом генерал,—искать там соглашения или помощи, Савинков ехал за поляками, а Войтинский,—в Ставку просить ударные батальоны»[3].

Станкевич привёз предложение Керенского в Петроград. «Комитет спасения» разослал своих агентов по всем полкам гарнизона. Пользуясь отвлечением лучших частей и наиболее передовых солдат на фронт под Пулково, враги пытались повлиять на остав-

Делегация солдат петроградского гарнизона на приёме у И. В. Сталина в октябре 1917 года.

Картина П. М. Лебедева.

шихся, менее сознательных. Солдатам говорили, что Керенский хочет мира, а большевики разжигают гражданскую войну. Офицеры уговаривали солдат требовать от большевиков прекращения кровопролития. Контрреволюционеры спекулировали на жажде солдат к миру.

В некоторых полках избрали делегатов и послали их в Смольный. В течение дня в Смольном перебывали делегации георгиевских кавалеров; 3-й стрелковой дивизии и т. п.

Вечером 31 октября в Смольном собрались делегаты от Литовского, Семёновского, Петроградского, Кексгольмского, Гренадерского, Измайловского, Московского и Преображенского полков. В делегации были и солдаты с фронта. Председателем делегации оказался солдат Преображенского полка. Он прочитал наказ, явно составленный под указку эсеро-меньшевиков: выделить представителей Военно-революционного комитета и гарнизона Петрограда из всех социалистических партий, вплоть до народных социалистов, для переговоров с Керенским.

Делегацию принял Сталин. Он рассказал солдатам о положении на фронте, объяснил, что предложение делегации оказывает помощь Керенскому, который стремится только выиграть время. В заключение Сталин указал на недопустимость переговоров с Керенским и заблуждающимися казаками[1].

Выступление Сталина убедило многих делегатов. Представители Литовского полка заявили, что у них никогда не было разногласий с Военно-революционным комитетом, но они не имеют сведений о характере переговоров.

Сталин выступил снова, разъясняя манёвр Керенского.

«Керенский предъявил ультимативное требование сдачи оружия»[2], — добавил Сталин.

Делегаты полков, убеждённые Сталиным, поняли, что едва не стали жертвой обмана. Было решено отправить к войскам Керенского депутацию. Она должна была поставить перед войсками следующие пять вопросов:

1. Признают ли казаки и солдаты Керенского Центральный исполнительный комитет как источник власти, ответственный перед съездом?

2. Признают ли казаки и солдаты постановления II съезда Советов?

3. Признают ли казаки и солдаты декреты о мире и земле?

4. Признают ли они возможность немедленной приостановки всех военных действий и возвращения в части, откуда пришли?

5. Согласны ли они на арест Керенского, Краснова, Савинкова?[3]

Кроме того было решено, что делегация будет вести переговоры не с Керенским и командным составом, а исключительно с рядовыми казаками и солдатами.

Последний манёвр Керенского провалился.

В тот же день, 31 октября, из Ставки в Гатчину прибыл французский генерал Ниссель. Он долго беседовал с Керенским, а потом пригласил на совещание Краснова.

«Если бы можно было дать хоть один батальон иностранных войск,— заявил ему Краснов,— то с этим батальоном можно было бы заставить царскосельский и петроградский гарнизоны повиноваться правительству силой»[1].

Единственный выход контрреволюция видела в иностранной интервенции.

В 6 часов вечера 31 октября Керенский телеграфировал по всем проводам Викжелю, что предложение о перемирии принято и представитель главковерха выехал в Петроград.

В 8 часов 45 минут того же дня Керенский послал телеграммы «комитету спасения» и Викжелю:

«Согласно предложения «комитета спасения» и всех демократических организаций, объединившихся вокруг него, мною приостановлены действия против повстанческих войск и послан представитель-комиссар при верховном главнокомандующем Станкевич для вступления в переговоры. Примите меры к прекращению возможности напрасного кровопролития»[2].

Керенский ещё пытался уклониться от переговоров с победителями-большевиками, но пока шли заседания и совещания; сыпались жалобы и советы, представители Красной гвардии; петроградских полков и матросов уже появились в Гатчине. Переговоры начались снизу, рабочие стали договариваться прямо с казаками. Им предложили прекратить сопротивление, арестовать Керенского, после чего их пропустят домой, на Дон. Казаки быстро согласились и пошли ставить караул у квартиры Керенского. Но его успели заранее предупредить.

В 10 часов 15 минут 1 ноября Керенский вновь шлёт весьма срочную телеграмму Викжелю: предложение о перемирии принято, он ждёт ответа[3]. Но красногвардейцы и матросы уже появились в нижнем этаже дворца. В час дня Керенский послал генералу Духонину телеграмму:

«Ввиду отъезда моего в Петроград предлагаю вам вступить в исполнение должности верховного главнокомандующего»[4].

Это была последняя телеграмма министра-председателя и верховного главнокомандующего Временного правительства, хвастливая и лживая, как и всегда. Вместо того чтобы ехать, как он объявил, в Петроград, 1 ноября около 3 часов Керенский бежал через потайной ход старинного дворца, оставив на произвол судьбы развалившийся контрреволюционный фронт под Петроградом. Революционные войска заняли Гатчину и арестовали штаб III корпуса вместе с генералом Красновым.

Поздно ночью того же 1 ноября генерал-квартирмейстер Северного фронта Барановский вызвал из Ставки по проводу

Духонина. Барановский доложил о провале красновской операции и бегстве Керенского. Генерал спрашивал, что делать с эшелонами 3-й Финляндской дивизии и частей XVII корпуса, ибо Гатчина занята революционными войсками и посылать эшелоны туда — значит отдавать их по частям в руки большевиков. Как быть также с 182-й дивизией, которую хотел вести на помощь Керенскому эсер Мазуренко?

Духонин ответил, что он временно вступает в должность главковерха. Все войска, посланные на помощь Краснову, сосредоточить в районе Луга — Плюсна — Передольская. Части III конного корпуса вывести из соприкосновения с войсками петроградского гарнизона, но в Остров не возвращать, а направить в район Чудова.

Ставка ещё надеялась использовать войска и сосредоточивала их недалеко от Питера.

> «Легче подвоз продовольствия, и пребывание в этом районе конницы внесёт больше успокоения в районе Николаевской железной дороги»[1], —

так объяснил Духонин выбор места стоянки для войска. Но провал похода Керенского — Краснова признала и Ставка.

Молодая советская власть, поддержанная подавляющим большинством рабочих и трудящихся крестьян, раздавила мятеж сторонников остатков старой власти. Первый антисоветский мятеж был разгромлен. Диктатура пролетариата одержала свою первую серьёзную победу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ.

1.
НАЧАЛО ВЫСТУПЛЕНИЯ.

Весь день 24 октября телефон между Москвой и Петроградом не работал. Что происходило в столице — никто не знал. Только утром 25 октября Ногин из Петрограда позвонил в Московский Совет. Там в 10 часов утра предстояло соединённое заседание Исполнительных комитетов обоих Советов; но собраться ещё не успели. Пришли только на заседание своей фракции большевики. При получении телефонограммы случайно присутствовал начальник Красной гвардии Совета А. С. Ведерников. Он передал сообщение Ногина в Московский комитет, который помещался недалеко — в гостинице «Дрезден», на Скобелевской площади.

Как раз в этот момент там происходило заседание. Московский комитет большевиков ещё не знал о событиях в Петрограде. Решался вопрос о создании боевого центра при Совете. Обсуждение шло под впечатлением разгрома Совета в Калуге. Все признавали необходимость срочных мер, но о непосредственном выступлении ещё не говорили. Решено было

«поручить сейчас же советской фракции создать немедленно боевой центр на пропорциональных основах из 3 большевиков, 1 меньшевика, 1 эсера и 1 — от Красной гвардии, 1 — от штаба военного округа. Соотношение сил: 4 большевика и 3 прочих.

Работа военной организации продолжается. Поручается Военному бюро поднять во всех частях политическую кампанию, чтобы части заявили, что они никаким решениям без Совета не подчиняются»[1].

Тут же наметили кандидатов в этот *советский* боевой центр.

Затем Московский комитет перешёл к вопросу о *партийном* боевом центре. Единодушно, без прений, был создан единый партийный боевой центр из двух товарищей от областного бюро, двух от Московского комитета и одного от окружного комитета партии большевиков. Кроме того было предложено ввести одного представителя от профессиональных союзов и одного от военной организации. Партийный центр был наделён диктаторскими полномочиями.

Едва были закончены выборы, как стало известно о восстании в Петрограде. Советского боевого центра ещё не было: заседание Советов намечалось только в 3 часа дня. А обстановка требовала принятия немедленных мер. Партийный центр, оставаясь в гостинице «Дрезден», постановил прежде всего занять почту и телеграф, установить охрану в Политехническом музее, где предполагалось заседание Совета, закрыть буржуазные газеты. Всем районным комитетам большевиков было предложено избрать районные боевые центры и занять комиссариаты милиции. Областному бюро партии большевиков поручили отправить кого-нибудь в Александров с просьбой прислать сюда ручные бомбы, в Орле и Брянске создать оборонительные пункты на случай наступления контрреволюции на Москву. Областное бюро командировало от себя организатора смоленского землячества в город Смоленск и предупредило Тулу о событиях в Москве.

Занятие почты и телеграфа возложили на А. С. Ведерникова. Он решил вызвать части 56-го полка. Штаб полка и два батальона квартировали в Покровских казармах. 1-й батальон и 8-я рота стояли в Кремле, а остальные роты 2-го батальона — в Замоскворечье.

Захватив с собой О. М. Берзина, прапорщика 8-й роты, Ведерников около полудня помчался на автомобиле в Покровские казармы. Попали на заседание полкового комитета. Заседание прервали, сообщили о свержении Временного правительства в Петрограде и потребовали выделить две роты полка для захвата почты и телеграфа. Председатель полкового комитета, эсер, после долгих колебаний поставил вопрос на обсуждение. Офицеры требовали сохранять спокойствие и ждать распоряжения штаба округа.

Солдаты — эсеры и меньшевики — требовали предупредить Совет солдатских депутатов. Полковой комитет явно затягивал решение вопроса. Вдруг вскочил солдат-большевик и закричал:

— Робята, нечего тут слушать, как нам зубы заговаривают!.. Мы должны выступить. Довольно тут болтать, айда выстраивать роты!

Солдаты поднялись с мест. Кто-то крикнул:

— Выстраивай свою 11-ю роту, а я выведу свою!

Солдатская часть полкового комитета кинулась по ротам выводить рядовых. Минут через пятнадцать две роты — 11-я и 13-я — выстроились на площади перед казармой. Быстро пересчитались и двинулись из ворот. Навстречу попался командир полка, но солдаты даже не задержались.

Подошли к Центральному телеграфу и почтамту, заняли все входы, расставили караул, не прерывая занятий служащих. При этом произошло недоразумение, приведшее к серьёзным последствиям: рядом с почтамтом и телеграфом находилась Междугородная телефонная станция. Заняв ее, отряд считал свою задачу выполненной. Между тем необходимо было захватить и Центральную городскую телефонную станцию, находившуюся в Милютинском переулке. Этого не сделали.

Не успели солдаты занять посты, как со стороны Красных ворот подошла рота юнкеров Алексеевского военного училища и свернула в ворота почтамта. Выставленный в воротах пост преградил дорогу и взял винтовки наизготовку. На вопрос удивлённого офицера солдаты ответили, что здесь караул несёт 56-й полк. Офицер по телефону сообщил в штаб округа о создавшемся положении. Как потом оказалось, штаб уже знал о перевороте в Петрограде и, в свою очередь, принимал лихорадочные меры — первым делом пытался занять телеграф. Но посланных для захвата телеграфа юнкеров уже успели опередить революционные солдаты. Командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев вынужден был увести юнкеров назад. На телеграфе остались революционные патрули.

В то самое время, когда солдаты спешили к телеграфу, в здании Московского Совета после часа дня состоялось совещание представителей всех фракций. Были на нём и большевики.

На совещании взволнованный городской голова эсер Руднев огласил информацию о событиях в Петрограде. Тут же присутствовал и командующий Московским военным округом Рябцев.

Совещание от имени бюро всех фракций приняло следующий проект резолюции для пленума обоих московских Советов, назначенного на 25 октября в 3 часа дня:

«Для восстановления революционного порядка в Москве и охраны от всяких попыток контрреволюции создаётся временный демократический орган, составленный из представителей

Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; городского самоуправления, земского самоуправления, штаба, железнодорожного Всероссийского союза и почтово-телеграфного союза»[1].

Представители фракции большевиков в Исполнительном комитете, в лице Смидовича и Игнатова, не возражали против такого органа. Спорили только о числе представителей. Руднев настаивал на большинстве от думы; а Смидович и Игнатов — от Советов.

Этот проект коренным образом расходился с постановлением Московского комитета большевиков о создании боевого советского центра. Соглашаясь на предложение Руднева, большевики, участники межфракционного совещания, вступили на путь переговоров с соглашателями.

Только в 6 часов вечера в Большой аудитории Политехнического музея открылось объединённое заседание Советов. Собрание было закрытым. Зал был переполнен. Все уже знали о восстании в Петрограде, но сообщения были противоречивы: одни говорили о свержении Временного правительства, другие — о вызове войск с фронта. Делегаты, толпясь, возбуждённо обсуждали тревожные вести. Но вот на трибуне появился председатель Смидович, открывший заседание:

«Товарищи! В ходе великих революционных событий, которые мы переживали за эти 8 месяцев, мы подошли к наиболее революционному и, может быть, трагическому моменту...»[2]

Аудитория словно подалась вперёд. Все впились глазами в председателя. Каждый ждал ответа на волнующий вопрос об исходе восстания.

«На основании сведений, которые мы имеем, — продолжал Смидович,— мы не можем с уверенностью сказать, придёт ли он к благополучному завершению... Сегодня мы будем говорить об образовании нового центра власти в Москве, революционного центра власти в Москве»[3].

Смидович настаивал на единогласном решении вопроса об организации власти в Москве. Он исходил из принятого на совещании бюро всех фракций Советов проекта резолюции о создании коалиционного органа власти; хотя к этому времени Смидовичу уже было известно решение Московского комитета большевиков.

Председатель кончил вступительное слово. В глубокой тишине были прочитаны телеграммы о восстании в Петрограде. Сведения были немногословны, но они не оставляли сомнений в победе восстания. После информации о петроградских событиях выступил меньшевик Исув и доложил о решении, которое наметилось на совещании представителей всех фракций по вопросу о создании коалиционного органа. Оно явно не отвечало характеру событий в Петрограде. Большевики потребовали тогда перерыва заседания.

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ СОВЕТОВ
НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1917 ГОДА.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Города и другие населенные пункты, в которых советы высказались за передачу всей власти советам (показаны красным цветом).

Города и другие населенные пункты, в которых советы вынесли половинчатые решения по вопросу о передаче власти советам, половина голосов за, половина против (показаны красным цветом и подчеркнуты зеленой чертой).

Города и другие населенные пункты, в которых советы высказались за сохранение власти в руках буржуазной демократии (показаны зеленым цветом).

Столицы

Губернские, областные и другие важнейшие центры

Уездные, окружные и другие менее важные центры

Прочие города и населенные пункты.

Государственные границы

Границы губерний, областей и других наиболее крупных административных делений

Линия фронта

Железные дороги.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ, СИБИРЬ, ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ
24–25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Дома, где происходили заседания Центрального комитета большевиков: 10 октября 1917 г. (набережная реки Карповки, дом № 32/1) и 16 октября 1917 г. (Болотная улица, угол Лесной, дом № 13/17)

Петроградский Военно-революционный комитет

Районные штабы Красной гвардии

[illegible] опорные пункты Военно-революционного комитета

Заводы, фабрики и другие предприятия с количеством рабочих свыше 1500 человек.

Части Петроградского гарнизона.

Военные суда Балтийского флота, прибывшие из Кронштадта и Гельсингфорса

Путь Ленина в Смольный с нелегальной квартиры (Большой Сампсониевский проспект, дом № 92/1) вечером 24 октября 1917 г.

Места пребывания Временного правительства (Зимний дворец – Предпарламент, „Городская дума – „Комитет спасения".

[illegible]

Линия окружения Зимнего дворца войсками Военно-революционного комитета к вечеру 25 октября 1917 г. (показана условно)

Главные направления атак на Зимний дворец войсками Военно-революционного комитета

Обстрел Зимнего дворца с Петропавловской крепости

Наиболее важные правительственные учреждения, занятые войсками Военно-революционного комитета в ходе восстания:

центральный телеграф,
почтамт,
военное министерство,
главный штаб и штаб округа,
гостиница „Астория",
центральная телефонная станция,
государственный банк,
электростанция.

Основные железнодорожные линии и вокзалы

Бульвары, парки, общественные сады.

Важнейшие сокращения

завод,		улица	училище.
[illegible]		[illegible]	[illegible]
[illegible]		[illegible]	[illegible]
мануфактура,		пр., просп.	проспект,
батальон,		ст.	станция.

ЛЕСНОЙ
НОВАЯ ДЕРЕВНЯ
СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ
О-В ЕЛАГИН
О-В КАМЕННЫЙ
О-В АПТЕКАРСКИЙ
О-В КРЕСТОВСКИЙ
О-В ПЕТРОВСКИЙ
О-В ГОЛОДАЙ
ПЕТРОГРАДСКИЙ Р-Н
ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ Р-Н
ГОРОДСКОЙ Р-Н
ФИНЛЯНДСКИЙ ВОКЗАЛ
НИКОЛАЕВСКИЙ ВОКЗАЛ
ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ
БАЛТИЙСКИЙ ВОКЗАЛ
ВАРШАВСКИЙ ВОКЗАЛ
ВОЛЫНКИНА
МАЛАЯ ОХТА

ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Партийный боевой центр Московской организации большевиков
- Районные партийные комитеты Московской организации большевиков
- Московский общегородской и районные Военно-революционные комитеты
- Центральный и районные штабы красной гвардии
- Важнейшие опорные пункты красных к началу боевых действий.
- Воинские части.
- Заводы, фабрики и другие предприятия с количеством рабочих:
- от 300 до 1000,
- Важнейшие пункты, где стояли орудия красных. Стрелки указывают главное направление огня по [illegible] белых
- Место расстрела белыми солдат 56 пехотного запасного полка и арсенальцев в Кремле
- [illegible]
- Важнейшие опорные пункты белых к началу боевых действий
- Важнейшие районы боев за весь период боевых действий
- длительных и ожесточенных,
- особенно длительных и ожесточенных
- Границы нейтральной зоны, установленной при перемирии 30 октября 1917 года.
- для вооруженных сил красных.
- для вооруженных сил белых
- Границы районов города Москвы в 1917 году
- Основные железнодорожные линии и вокзалы.
- Мосты и реки
- Бульвары, парки, общественные сады.
- Огороды

Важнейшие сокращения

ВРК	Военно-революционный комитет,
Р-НА	района,
П. З. П.	пехотный запасный полк,
Б-Н	батальон,
З-Д	завод,
Ф-КА	фабрика,
ТИП.	типография,
Т-ВО	товарищество,
М-РЫ	мануфактуры

БУТЫРСКО ВСЕХСВЯТСК. РАЙОН

СУЩЕВСКО-МАРЬИНСКИЙ РАЙОН

СОКОЛЬНИЧЕСКИЙ

БОГОРОДСКИЙ РАЙОН

БАСМАННЫЙ

ПРЕСНЕНСКИЙ РАЙОН

ГОРОДСКОЙ РАЙОН

МВРК

1 АРТИЛЛЕР. ЗАП. БРИГАДА

ХАМОВНИЧЕСКИЙ

ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ

ДАНИЛОВСКИЙ РАЙОН

РОГОЖСКИЙ РАЙОН

СИМОНОВСКИЙ РАЙОН

На большевистской фракции проект «согласительной» резолюции о составе органа власти подвергся резкой критике. Представителям бюро фракции в Исполнительном комитете было указано, что принятая ими резолюция не только идёт вразрез с линией партии и решением Московского комитета большевиков, но и может оказать плохую услугу восставшим питерским рабочим.

Против «согласительной» резолюции высказалось подавляющее большинство. Её отвергли и приняли следующее решение:

«Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании революционный комитет из семи лиц.

Этому революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»[1].

Перерыв окончился. Делегаты заполнили зал.

Фракция большевиков призывала рабочих и солдатских депутатов в этот ответственный момент быть с рабочими и солдатами Петрограда. Кто не выполнит этой обязанности, тот будет предателем и изменником.

— Демагогия! — послышались возгласы меньшевиков и эсеров. «Не сжигайте за собой кораблей! — крикнул меньшевик Исув. — Не рвите демократического фронта накануне Учредительного собрания!..»[2]

Эсеро-меньшевики бурно протестовали против создания Военно-революционного комитета. Они пугали рабочих изоляцией, грозили приходом к власти контрреволюционных организаций. Противопоставляли Военно-революционному комитету создание «демократического органа» в том виде, в каком предлагала резолюция всех фракций.

Заявления фракций окончены. Совет решает приступить непосредственно к голосованию, без прений. Начать решено с большевистской резолюции, но меньшевики настаивают на своей. На местах нарастает шум. Отдельные делегаты протестуют против затягивания меньшевиками заседания. Ряд ораторов требует слова для предложений. Эсеры шушукаются между собой и вдруг заявляют, что в голосовании вообще участвовать не будут. Президиум замечает, что фракция эсеров резко уменьшилась: один за другим, а то и группами, эсеры потихоньку куда-то ускользали.

Заметив это бегство, большевики предложили пересчитать присутствующих. Поднялся невообразимый шум. Эсеры кричали, что совсем покинут заседание.

Началось голосование резолюций.

Большинством 394 голосов против 106 при 23 воздержавшихся пленум принял резолюцию большевиков. «Согласительная» резолюция собрала всего 113 голосов. Эсеры совсем не голосовали.

После голосования меньшевики огласили своё заявление:

«Наш долг и обязанность оберегать рабочий класс и московский гарнизон до конца от той авантюры от того опасного пути, на который вы (большевики. — *Ред.*) идёте. Поэтому мы в этот орган войдём; но войдём не для тех целей, для которых вы идёте, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в Совете, для того, чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы»[1].

Две линии — большевистская и соглашательская — боролись 25 октября на пленуме Советов: первая — за выступление на поддержку петроградского пролетариата и гарнизона, вторая — за предательство пролетарской революции под предлогом ожидания дальнейшего развития петроградских событий.

Военно-революционный комитет был избран из четырёх большевиков и трёх меньшевиков.

Эсеры от участия в Московском военно-революционном комитете отказались.

В отличие от Петроградского военно-революционного комитета в Московский входили и меньшевики, лазутчики буржуазии. Притом наряду с Усиевичем, преданным революционером, в состав Московского военно-революционного комитета входил и капитулянтски настроенный Муралов, впоследствии расстрелянный за измену родине. Такой состав не мог не отразиться на руководстве восстанием.

Вновь избранный Военно-революционный комитет отправился немедленно из Политехнического музея в здание Совета и приступил к работе. Здесь же находился в ночь с 25 на 26 октября и Партийный боевой центр.

Куда уходили эсеры из Совета, скоро стало известно. Часа через три после начала пленума Советов, около 9 часов вечера, открылось экстренное заседание городской думы. Тут царило совсем другое настроение: атмосфера тревоги, нервного ожидания.

Преобладали кадеты и эсеро-меньшевики. Торжественность, которую старались вносить в заседание думы профессора из кадетов, исчезла. Депутаты нервно суетились. Они обменивались новостями, перебегали из одной фракции в другую, тесно окружали входивших руководителей фракций.

Слово было предоставлено городскому голове Рудневу. Он недавно разговаривал по телефону с Зимним дворцом. Министр

внутренних дел меньшевик Никитин успел передать ему, что большевики предложили Временному правительству сдаться. Правительство поручило Рудневу организовать сопротивление в Москве.

Мрачным, трагическим тоном городской голова говорил:

«Вопрос идёт о свержении правительства и захвате власти определённой партией — большевиками. Мы переживаем последние часы Временного правительства. Происходит агония власти»[1].

Г. А. Усиевич.

Далее Руднев огласил информацию о событиях в Петрограде. Телеграф захвачен большевиками, вокзалы в руках восставших. Предпарламент разогнан отрядом матросов и солдат. Сила на стороне Совета рабочих депутатов, но Временное правительство ещё держится.

«15 минут тому назад,—говорил Руднев,—министр внутренних дел Никитин сообщил следующее: полчаса тому назад к нему явились два солдата от Военно-революционного комитета с сообщением, что Временное правительство считается низложенным. Если Временное правительство согласится признать себя низложенным, то они гарантируют ему безопасность. Никитин ответил, что правительство не считает себя в праве уйти»[2].

При этих словах все, кроме большевиков и объединенцев, разразились аплодисментами. У растерявшихся депутатов мелькнул луч надежды, но быстро исчез. Руднев перешёл к положению в Москве. Телеграф занят 56-м полком. Происходит ряд захватнических актов. Все они производятся от имени Совета, но на деле этим руководит Московский комитет большевиков.

«Московская городская дума, — закончил Руднев,—может быть, и не располагает физической силой, но она есть единственная верховная власть в городе и не может дать санкции тому, что сейчас происходит в Петрограде. Кроме того на ней лежит конкретная задача — охрана безопасности населения столицы, перед которым она ответственна»[3].

Руднев предложил создать при городском управлении объединённый орган — «комитет общественной безопасности» — якобы для охраны населения.

Конец доклада был заслушан молча. Никто не хотел брать слово. Кадет Щепкин, впоследствии руководитель одного из крупнейших заговоров против советской власти, пригласил думу выслушать прежде всего «...виновников наступивших в стране грозных событий, сидящих здесь на левых скамьях»[1].

С ответом выступил И. И. Скворцов-Степанов, старый большевик.

Его спокойный, твёрдый голос был слышен во всех углах зала.

«Когда происходило Московское государственное совещание, — говорил он, — профессиональные союзы решили откликнуться на это демонстрацией. Тогда городской голова оспаривал право рабочих на демонстрацию и называл это анархическим выступлением меньшинства. Прошло полтора месяца, и анархическое меньшинство оказалось большинством. Выборы в районные думы это ясно доказали. От чьего имени говорит городской голова? От имени тех, которые выбирали 25 июня, но не от имени теперешнего большинства. Теперь вы меньшинство»[2].

Публика на хорах и большевики в зале встретили это заявление взрывом аплодисментов. Кадеты что-то возмущённо кричали. Эсеры молчаливо переглядывались.

«Дума, — продолжал Степанов, резко повышая голос, — не представляет сейчас населения. Во имя будущего страны мы говорим смело и решительно. Власть захватывает не ничтожное меньшинство, а представители большинства страны. Это показывают и факты: заняты телеграф, Смольный институт, вокзалы, Государственный банк и целый ряд учреждений, и этому противится только несколько десятков человек. Это значит, что народ не с Временным правительством. Это Временное правительство не волей народа, а помазанники милостью Родзянко. Принимайте свою резолюцию. Мы не будем участвовать в её голосовании. Но помните ответственность, которую берёте на себя»[3].

Речь Скворцова-Степанова вызвала растерянные возражения со стороны социал-соглашателей. Представитель эсеров заявил, что «всё крестьянство против выступления», что «большевики не имеют большинства в Совете солдатских депутатов», что «Советы рабочих депутатов — не весь пролетариат»...

От второй по численности фракции городской думы — кадетов — выступил Астров. Он требовал безоговорочной поддержки Временного правительства. Сам сторонник монархии, вместе с Милюковым хлопотавший о сохранении самодержавия Романовых, теперь он сравнивал захват власти Советами с... возвращением к монархии.

Меньшевики в длинных, путаных речах обвиняли Совет ра-

бочих депутатов в неправильном и ложном шаге. Они обещали отстаивать тот орган, куда войдут все представители демократических организаций. Но если он выступит с репрессиями против рабочих, они выйдут из него.

И. И. Скворцов-Степанов.

На этом совещании меньшевики представляли крайнюю степень растерянности и распада. Одни из них говорили, что выступят против Временного правительства, если оно начнёт применять расстрелы. Другие требовали, как и кадеты, полной поддержки Временного правительства, хотя бы для этого пришлось покинуть фракцию меньшевиков.

Долго тянулись тусклые речи. Фракции сваливали друг на друга вину; а под шум этих взаимных упрёков большевики поднимались с мест и покидали думу: они спешили в районы, где их ждала срочная работа.

Уход большевиков показал оставшимся, что время ими тратится зря. Прения прекратились. К полуночи приняли, наконец, длинную резолюцию с призывом сплотиться вокруг городской думы и дать отпор большевикам.

По предложению Руднева при думе был создан «комитет общественной безопасности» в составе представителей думы, московского уездного земства, Исполнительных комитетов Советов солдатских депутатов и крестьянских депутатов, в которых имелось эсеро-меньшевистское большинство, штаба округа, почтово-телеграфного и железнодорожного союзов.

Меньшевики вошли и в состав «комитета общественной безопасности» и в состав Военно-революционного комитета.

Эсеры не вошли в состав Военно-революционного комитета, а поддержали полностью «комитет общественной безопасности». Вот разгадка их отказа от голосования и ухода с объединенного заседания Советов: они спешили в контрреволюционную думу.

Тотчас после своего образования «комитет общественной безопасности» обратился с призывом ко всем городским думам России поддержать Временное правительство и организовать на местах думские комитеты.

Главный комитет Союза городов, председателем которого был

Руднев, телеграммой предложил всем городским и земским самоуправлениям немедленно избрать делегатов, которые по первому призыву должны съехаться для организации и поддержки Учредительного собрания.

Цель призыва — противопоставить съезд городских и земских самоуправлений II съезду Советов.

«Комитет» немедленно приступил к работе. Юнкера по приказу полковника Рябцева заняли думу и Манеж. Они хотели было проникнуть в Кремль, но солдаты, охранявшие его, отказались их пропустить.

В то время как в городской думе создавался орган контрреволюции, в полночь 25 октября открылось заседание Военно-революционного комитета. Меньшевики попытались затруднить работу длинными, бесплодными разговорами. Юнкера Рябцева уже проходили по улицам вооружёнными отрядами, нужны были срочные меры. Требовались энергичные действия, а меньшевики в это время предлагали прежде всего пополнить Военно-революционный комитет представителями других учреждений. Военно-революционный комитет отверг предложение меньшевиков. Он послал в Государственный банк, на Неглинном, караул из 56-го пехотного полка. Занятие вокзалов было поручено железнодорожным военно-революционным комитетам. Всем районам было отдано по телефону распоряжение:

«Собраться избрать революционный центр в районе, опреде-

Штаб Военно-революционного комитета — Московский Совет.

Ем. Ярославский.

лить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.), немедленно вооружаться (занимать склады оружия), связаться с революционным центром в Совете и партии»[1].

На охрану Московского Совета вызвали роту самокатчиков. Военно-революционный комитет, согласно указаниям Партийного центра, послал солдат закрыть буржуазные газеты: «Русское слово», «Утро России», «Русские ведомости» и «Раннее утро».

К 4 часам утра все типографии этих газет были опечатаны.

По гарнизону был разослан приказ, в котором сообщалось о восстании в Петрограде и необходимости поддержать его. Военно-революционный комитет объявлял:

«1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведён в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета.

2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скреплённые его подписью, исполнению не подлежат»[2].

Этого было явно недостаточно: нужно было вызвать части к Совету и дать им указание занять Кремль и другие правительственные места. Товарищ Ярославский предлагал немедленно занять Манеж и тем самым обезопасить подступы к Кремлю, но предложение не было принято.

Специально для руководства работой районов была создана комиссия по организации районов. Комиссия предложила всем районным Советам наметить лиц, которые считались бы комиссарами Военно-революционного комитета в районах.

Этим комиссарам предлагалось не ждать инструкций, а сейчас же своей властью назначить комиссаров во все воинские части, утвердить комиссаров милиции и почты, организовать с помощью Красной гвардии охрану района.

Военно-революционный комитет работал непрерывно. Звонили из районов со всех концов города, требовали инструкций, спрашивали, нужно ли и куда направлять части. Но ответы получались неопределёнными. Чувствовалось, что Военно-революционный

ный комитет не имеет плана восстания, не проявляет необходимой решительности.

Больше всего волновал рабочих вопрос об оружии. Рябцев предусмотрительно отобрал у солдат винтовки. Всю ночь 25 октября приходили в Совет делегаты от полков, от Красной гвардии за оружием. Районы присылали своих комиссаров с заданием: не возвращаться без оружия.

Оружие можно было достать в кремлёвском арсенале. Военно-революционный комитет назначил комиссаром Кремля Ем. Ярославского. С почтамта вызвали О. Берзина и утвердили его комиссаром арсенала по выдаче оружия. Комиссарам предложили выехать в Кремль, предупредив, что с утра из районов приедут за оружием.

В Кремле стояли батальон и одна рота (всего пять рот) большевистски настроенного 56-го полка и команда при арсенале.

В Кремле находилась также главная квартира командующего войсками полковника Рябцева, штаб украинских формирований, много офицерства. В их распоряжении было 2 броневика.

Надо было принять какие-либо меры против находившихся в Кремле враждебных сил, а этот вопрос Военно-революционный комитет не решил.

Правда, Военно-революционный комитет совместно с Партийным центром вынес решение об усилении гарнизона Кремля. Выбор пал на 193-й пехотный запасный полк, расквартированный в Хамовниках. Были все основания рассчитывать на его преданность Совету.

Тотчас же, в ночь на 26-е, комиссар Кремля Ем. Ярославский отправился в Хамовники. Ярославский передал приказ Военно-революционного комитета. Дежурные члены полкового комитета тихо, без шума подняли роту. К 5 часам утра рота прибыла в Кремль.

Берзин явился в арсенал. Солдаты команды проводили его на квартиру начальника арсенала генерал-майора Кайгородова. Склад был открыт. Вооружили роту 193-го полка.

Рано утром 26 октября районные партийные центры и военно-революционные комитеты прежде всего позаботились отправить в Кремль красногвардейцев с требованиями на оружие. Но к арсеналу удалось пройти только трём грузовикам, так как Манеж против Троицких ворот, через которые можно было попасть в Кремль, был занят ещё ночью юнкерами. Оказалось, что Рябцев, узнав о вводе роты 193-го пехотного запасного полка, приказал юнкерам оцепить Кремль. Прибывавшие из районов машины были захвачены юнкерами. Три прорвавшихся в Кремль грузовика, получившие оружие, также были перехвачены юнкерами.

Войска Военно-революционного комитета остались без оружия, районы не получили ни одной винтовки из арсенала.

В районах Москвы настороженно ждали приказа о выступлении.

Красногвардейцы у Московского Совета.

Рисунок А. М. Ермолаева.

Ночью 25 октября в Замоскворечье состоялось заседание Исполнительного комитета районного Совета. Избрали военно-революционный комитет из 5 товарищей.

Военно-революционный комитет назначил комиссара в качестве уполномоченного Московского военно-революционного комитета.

Утром 26 октября Замоскворецкий военно-революционный комитет занял районную милицию и сместил комиссаров правительства. В Военно-революционный комитет вызвали Красную гвардию. Заняли электростанцию «Общества 1886 года». Это дало возможность охранять Замоскворечье со стороны Москворецкого моста. Кроме того обладание станцией позволяло прекращать освещение в районах, занятых белыми.

Здание Военно-революционного комитета тщательно охраняли на случай нападения белых. Ждали нападения студентов Коммерческого института. В районном комитете большевиков установили постоянное дежурство.

В Хамовниках 25 октября вечером в студенческой столовой — проезд Девичьего поля № 6 — собрался пленум районного Совета с активными работниками фабрик и заводов. Настроение у всех было приподнятое, боевое. Докладчики с мест сообщали, что массы готовы к восстанию. На этом же собрании поздно ночью избрали военно-революционный комитет. Он приступил прежде всего к

учёту оружия. Налицо оказалось: 15 старых винтовок в районном комитете большевиков; с десяток на фабриках да несколько револьверов. Всё это — на сотню красногвардейцев. Были в запасе ещё ручные гранаты; изготовленные тайком рабочими фабрики «Каучук». Обратились тогда в 193-й полк, но оказалось, что там почти всё оружие отобрано Рябцевым. Удалось получить в «штрафной» роте десяток винтовок и сотни две патронов. По распоряжению военно-революционного комитета на заводах организовали охрану. При студенческой столовой организовали санитарный пункт.

Утром 26 октября Сущевско-марьинский Совет вызвал десятка два красногвардейцев военно-артиллерийского завода. Всё утро в Совет приходили с фабрик и заводов узнать о новостях. После полудня открылось экстренное совещание Совета, на котором избрали военно-революционный комитет.

На Пресне революционный комитет образовался 25 октября, в Сокольническом районе — в ту же ночь; в Железнодорожном — 25 октября. В других районах — 25 и 26 октября.

По районам было организовано изъятие оружия. Бывали случаи, когда красногвардейцы с винтовками без патронов обезоруживали хорошо вооружённых офицеров и юнкеров.

Однако только после занятия комиссариатов милиции районы смогли широко провести конфискацию оружия не только на улицах Москвы, но и по квартирам офицеров и буржуазии. Повсеместный захват комиссариатов произошёл 26 октября почти без сопротивления: дело свелось к смещению старых комиссаров и назначению новых.

Незанятым осталось управление милиции города Москвы.

Впоследствии, при наступлении юнкеров на Московский Совет, оно послужило для них одним из важнейших опорных пунктов.

Московский комитет партии большевиков 26 октября выпустил воззвание к рабочим и солдатам с призывом перейти в наступление.

Но в 4 часа дня того же 26 октября районными военно-революционными комитетами была получена телефонограмма из Московского военно-революционного комитета, предлагающая воздерживаться от наступательных действий. Все терялись в догадках, — что случилось.

2.

ПЕРЕГОВОРЫ С БЕЛЫМИ.

А произошло следующее. Мероприятия московских большевиков застали полковника Рябцева врасплох, как ни тщательно собирал он силы. Телеграф захватили революционные войска,

В Кремле находились большевистские части. 25 октября Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов, — а он находился в руках эсеров, — срочной телефонограммой предложил всем войскам воздержаться от выступлений без призыва Совета солдатских депутатов.

Но части гарнизона выходили по вызову Военно-революционного комитета. 26 октября Рябцев отдал приказ:

«Не поднимать никакой гражданской войны, стоять твёрдо на страже безопасности и порядка, во всех частях и во всех гарнизонах принять все меры к охране национальных ценностей»[1].

А части и гарнизоны избирали свои военно-революционные комитеты. Из городов области в штаб поступали неутешительные сведения. Ставка обещала прислать подкрепления только к 30 октября. Туда послали специального депутата ускорить присылку. Артиллерии у Рябцева не было вовсе. Оставалась одна надежда: оттянуть схватку, выиграть время. Непредвиденное обстоятельство помогло Рябцеву. Утром 26 октября, узнав, что юнкера задерживают грузовики, присланные за оружием в Кремль, Военно-революционный комитет заявил по телефону протест Рябцеву. Полковник, притворившись удивлённым, предложил прислать к нему делегатов для переговоров. Отправился председатель Московского Совета рабочих депутатов Ногин. Он только что приехал из Петрограда. Вместе с ним пошел и представитель Военно-революционного комитета Муралов, видный троцкист. Он был противником восстания и надеялся избежать его путём соглашения с белыми.

Рябцев заявил пришедшим, что он не желает итти против воли демократии, причём объяснил, что

«под волей демократии он подразумевает решения, вынесенные социал-демократами, большевиками и меньшевиками, социалистами-революционерами и партией трудовиков»[2].

Командующий округом намекал на проект резолюции, принятый 25 октября собранием представителей бюро всех фракций Совета.

В результате переговоров; по сообщению Ногина,

«... пришли к выводу, что все действия, которые были произведены обеими сторонами, должны быть ликвидированы. Юнкера будут уведены, а Военно-революционный комитет отведёт свои части из Кремля (т. е. роту 193-го полка. — *Ред.*). Представители Военно-революционного комитета должны послать своего представителя в Ставку.

По вопросу о вооружении рабочих Рябцев просил приехать представителя Военно-революционного комитета, чтобы совместно выработать норму вооружения»[3].

Так удалось Рябцеву видимостью уступок выиграть время. В действительности Рябцев и не думал об уступках. В 2 часа дня 26 октября в городской думе собралось заседание «комитета об-

щественной безопасности». Собрание было закрытым. На него не допустили даже представителей Временного правительства— губернского комиссара и его заместителя. Оба они нервно прохаживались по коридору мимо дверей комнаты, где шло заседание. Временное правительство настолько пало в глазах у всех, что «комитет общественной безопасности» не хотел себя компрометировать связью с правительством.

Слово было предоставлено Рябцеву. Полковник рассказал о переговорах с Военно-революционным комитетом. Подчеркнул, что гарнизон Москвы разложен. Уверенности в решительной победе полковник не высказал.

Руднев предложил без прений решить один вопрос: вступать ли в борьбу с Военно-революционным комитетом. Рябцева снова спросили, надеется ли он на победу. Тот не без колебаний ответил утвердительно, добавив, что рассчитывает на помощь Ставки. Все собравшиеся голосовали за переход к военным действиям. Рябцев снова заявил, что он исполнит свой долг, «борьба будет трудна, но он надеется на победу»[1].

Таким образом, к 5 часам вечера 26 октября Рябцев получил санкцию «комитета общественной безопасности» на открытие боевых действий. Выбор срока наступления целиком предоставлялся Рябцеву. Он покинул заседание.

Аппетит, однако, приходит во время еды. Убедившись, что представители Военно-революционного комитета проявляют нерешительность, Рябцев, в руках которого было согласие «комитета общественной безопасности» на решительные действия, предъявил новые требования к восставшим. Он потребовал не только увода роты 193-го полка, но и замены юнкерами солдат 56-го полка, которые несли караул в Кремле.

На все убеждения оставить охрану Кремля в руках 56-го полка Рябцев сказал, что он будет стоять на своём; а окончательный ответ сообщит по телефону в Московский Совет.

Вечером 26 октября в Кремль снова прибыл Муралов. После нового разговора с Рябцевым Муралов согласился вывести роту 193-го полка из Кремля при условии увода юнкеров.

Солдаты 56-го полка, узнав о требовании Рябцева, пришли в необычайное волнение. Они готовы были расправиться с Рябцевым. Многие требовали его ареста.

Делегаты Военно-революционного комитета уехали из Кремля.

Ем. Ярославский был отозван из Кремля и получил распоряжение Военно-революционного комитета развернуть работу Военного бюро в частях гарнизона, чтобы не позволить противнику овладеть ими, и подготовить весь гарнизон к участию в боях.

26-го вечером состоялось экстренное заседание Московского и окружного комитетов и областного бюро партии большевиков, вызванное резким расхождением между членами Военно-революцион-

ного комитета и Партийного центра по поводу переговоров с Рябцевым. Заседание вынесло категорическое постановление о прекращении всяких переговоров и дало наказ боевым центрам начать решительные действия. 26-го вечером переговоры прекратились.

В. П. Ногин.

В 7 часов вечера 26 октября открылось заседание Исполнительных комитетов обоих Советов. Ногин доложил о событиях в Петрограде. Информация его сводилась к тому; что Петроградский военно-революционный комитет был создан «в составе всех фракций». Эта информация Ногина могла создать впечатление, будто занятая им в переговорах с Рябцевым позиция соответствовала ходу событий в Петрограде. Между тем к моменту Октябрьского переворота представители соглашательских партий вышли из состава Петроградского военно-революционного комитета.

Вся речь Ногина была выдержана в примиренческом тоне. Едва Ногин кончил свою речь, как стали выступать те, которых он призывал к совместной борьбе с контрреволюцией. Эсеры зачитали воззвание старого Центрального исполнительного комитета, объявлявшего II Всероссийский съезд Советов незаконным. Они огласили телеграммы Совета крестьянских депутатов, угрожавшего большевикам вызовом войск с фронта.

В этот момент в зале появились делегаты полков гарнизона. Ещё вчера, 25 октября, Партийный центр поручил Военному бюро организовать новый временный Совет солдатских депутатов, ибо старый послал своих представителей в контрреволюционный «комитет общественной безопасности». Вечером 26 октября Военное бюро созвало гарнизонное собрание ротных комитетов. Незадолго до того по специальному указанию Свердлова, присланному Ем. Ярославскому, они были переизбраны и почти все находились под большевистским влиянием. Гарнизонное собрание 212 голосами против одного при 23 воздержавшихся постановило:

«Ротные комитеты признают единственной властью Советы рабочих и солдатских депутатов. Ротные комитеты будут подчиняться только распоряжениям Военно-революционного ко-

митета Советов рабочих и солдатских депутатов и требуют слияния Советов и перевыборов в кратчайший срок Совета рабочих и солдатских депутатов»[1].

Ротные комитеты постановили послать делегации в Военно-революционный комитет и к полковнику Рябцеву. От последнего потребовать увода юнкеров из-под Кремля и освобождения осаждённых солдат 56-го полка. В случае отказа

«революционный комитет должен принять самые решительные меры для освобождения арсенала и 56-го полка. Рабочие и солдаты должны быть немедленно вооружены»[2].

Гарнизон, таким образом, полностью поддержал большевиков. Но это успешное завоевание гарнизона не было использовано большевиками. Ошибкой было уже то, что колеблющиеся в вопросе о восстании, оппортунистически настроенные члены партии не были отстранены.

Сразу после избрания делегация гарнизонного собрания ротных комитетов явилась на заседание исполнительных комитетов, где Ногин делал своё сообщение. Солдаты выступали с требованием передать власть Советам. Представители полков протестовали против поведения эсеро-меньшевистского Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов.

Ногин побеседовал с солдатской делегацией. Он сообщил, что почти достигнуто соглашение с Рябцевым. Солдатская делегация уже ночью прямо из Совета отправилась к Рябцеву. Её долго продержали в Манеже, издеваясь и угрожая. Один из старших офицеров отдал приказ казакам: пропустить делегатов через строй, т. е. высечь нагайками, но казаки не подчинились и пропустили делегацию к Рябцеву. Сообщив полковнику постановление гарнизонного собрания, делегация возвратилась в Совет.

В общем, итоги дня 26 октября оказались в пользу Рябцева — время решительной схватки ему удалось оттянуть. Но помощи контрреволюция всё же не получила. Напротив, гарнизон Москвы явно оказался на стороне большевиков. Рабочие и солдаты были за восстание, за власть Советов. Этого добилась московская организация большевиков.

3.

УЛЬТИМАТУМ БЕЛЫХ.

Утром 27 октября возобновилась борьба внутри большевистских руководящих органов Москвы. Работники, не согласные с решением Московского комитета, областного бюро и окружного комитета о прекращении переговоров, потребовали его пересмотра. Было созвано совместное заседание наличных членов Партийного

центра и большевистской части Военно-революционного комитета. На заседании боролись две точки зрения. Одни требовали прекратить переговоры с Рябцевым и начать решительное наступление. Другие настаивали на мирном соглашении, чтобы выиграть время для организации сил.

Партийный боевой центр, наделённый диктаторскими полномочиями, не воспользовался своими правами, допустил дискуссию в момент, когда требовалась особая решительность. Некоторые члены Партийного центра сами надеялись переговорами предупредить восстание.

Большинством голосов — девяти против пяти — было решено вступить вновь в переговоры с Рябцевым.

Мотивы, которыми руководилось большинство при этом голосовании, сводились к тому, что у восставших нет оружия и что путём переговоров надо выиграть время.

> «В самый решительный момент, когда Военно-революционный комитет уже организовался, он остался без всяких реальных сил,— докладывал позже, 7 ноября, на Исполнительном комитете Советов Усиевич, председатель Военно-революционного комитета.— Когда он отправился на заседание Советов в 12 часов ночи (на 26 октября.—*Ред.*) в генерал-губернаторский дом, то в его руках была небольшая команда самокатчиков, другой реальной вооружённой силы у него не было. Ясно, что в первый момент для нас необходимо было приложить все усилия, чтобы не дать взять Советы и Военно-революционный комитет врасплох. Мы знали, что юнкера мобилизуются, и для того, чтобы они пошли против Советов, достаточно было приказа их штаба, а нам нужно было ещё собрать силы. Мы знали, что хотя за нами громадное большинство московского гарнизона, что хотя за нас стало громадное большинство рабочих, но это большинство было почти безоружно. Три четверти московского гарнизона не имели оружия. Красная гвардия была в зачаточном состоянии. Поэтому первые действия, которые были предприняты Военно-революционным комитетом, — это вооружение солдат и рабочих» [1].

В районах переговоры с юнкерами вызывали недоумение, а порой и прямое возмущение. Всюду лихорадочно создавали отряды Красной гвардии, готовили продовольствие. На заводах и фабриках рабочие поднимались на восстание. Районные Советы кишели, как муравейники. И вдруг известие о переговорах!

Когда в Замоскворецком районном комитете было доложено о переговорах, присутствующие не хотели верить. Началось собрание. Выступили рабочие. Они говорили, что в городе готовится мятеж, во всех казармах офицеры ведут контрреволюционную агитацию. Юнкеров ротами отправляют в центр, а студентам раздают оружие.

Собрание в районном комитете решило протестовать против переговоров. В Военно-революционный комитет послали делегатов, для того чтобы настаивать на более решительных действиях.

Одновременно направили делегацию по полкам, стоявшим в районе, выяснить их настроение. Солдаты встретили делегатов восторженно. В 55-м полку делегата подняли на руки и носили по ротам. Все обещали поддержать выступление. Такую же встречу оказали делегатам в 196-й дружине.

То же происходило и в других районах. Офицеры исчезли из полков. Они ушли к Рябцеву. Солдаты без командиров шли к Совету. Со всех концов города тянулись отряды солдат.

— Куда? — тревожно спрашивали обыватели.

— К Совету! — отвечали солдаты, шедшие часто без оружия.

Здание Совета было переполнено. В комнатах, коридорах, во дворах — всюду толпились солдаты, а на площади появлялись всё новые группы.

Меньшевики в своей газете «Вперёд» писали, что караульные в Совете пьяны. На следующий день меньшевики вынуждены были принести извинения и напечатать опровержение [1].

На площади перед Советом соглашатели, пользуясь скоплением солдат, устраивали летучие митинги. Уговаривали разойтись, вели среди них контрреволюционную агитацию. Военно-революционному комитету пришлось запретить эти митинги.

Под давлением районов Военно-революционный комитет, в свою очередь, старался использовать переговоры для собирания сил. Развернулась кипучая деятельность. Утром состоялось заседание, принявшее ряд необходимых мер. В остальное время постоянно дежурили члены комитета, принимавшие донесения. Рядом в комнате работал штаб Военно-революционного комитета. Приходили комиссары из районов. Докладывали о работе, получали указания. По ряду вопросов тут же устраивались короткие совещания. Военно-революционный комитет устанавливал связи с воинскими частями. Прикреплял к полкам политических организаторов, «попечителей», как их называли на заседании комитета. Была разработана инструкция районным военным комиссарам. В их подчинение передали милицию и Красную гвардию.

Много внимания было уделено организации продовольственного дела, чтобы не оставить население огромного города без хлеба. Были назначены продовольственные комиссары при районных Советах. В целях борьбы с пьянством Военно-революционный комитет решил конфисковать запасы спирта. Патрули получили приказ обходить ночные чайные. В случае торговли спиртом владельцев арестовывать.

При штабе Военно-революционного комитета был создан стол разведки. Разведчики из солдат и красногвардейцев проникали в думу, в район скопления юнкеров, собирали необходимые сведе-

ния. Много было добровольных разведчиков, доставлявших сообщения о передвижении войск, о настроении в лагере противника. Военно-революционный комитет мобилизовал транспорт, реквизировал много автомобилей. Рабочие завода АМО предоставили 50 машин. 2 и 22-я автомобильные роты отдали себя в распоряжение Военно-революционного комитета.

Эсеры и меньшевики распространяли по Москве клеветнические слухи. Газеты соглашателей лгали о ликвидации восстания в Петрограде.

Связи с Петроградом не было. Решено было связаться со столицей через Викжель. Там ответили, что они сохраняют «нейтралитет» и потому не позволяют разговаривать с Петроградом, но сами могут вызвать кого-нибудь к телефону и спросить, что нужно. Однако на вопросы, каково военное положение в столице, следовал всё тот же ответ: «нейтралитет» не позволяет отвечать. Удалось только выяснить состав Совета народных комиссаров.

После напрасных попыток обойти «нейтралитет» — кстати, он не помешал представителю Викжеля сидеть два дня в «комитете общественной безопасности» — было решено занять силой комнату Викжеля, где стоял телефон. Оказалось, что прямой провод Викжеля из Петрограда идёт через телефонную станцию Северной дороги. Там в главном дорожном комитете руководят большевики. Через некоторое время уже разговаривали с Петроградом. Так была установлена телефонная и телеграфная связь Военно-революционного комитета с Петроградом.

Большевики перехватывали телеграммы Викжеля. Из одной телеграммы узнали, что в Ярославле на пристани «Кавказ и Меркурий» лежат винтовки. Железнодорожный военно-революционный комитет предупредил Партийный центр. Тот немедленно командировал представителя в Ярославль.

Военно-революционный комитет утвердил общий план боевых действий революционной армии:

«1. Все военные действия направляются к одному центру.

2. Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3. Не упускать из виду, что тыл для районов небезопасен и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.

4. Действовать решительно и энергично»[1].

Военно-революционный комитет утвердил этот план, но по настоянию скрытых противников восстания и колеблющихся было сделано следующее дополнение к плану:

«5. Наивозможно меньшее пролитие крови.

6. Охрана безопасности населения»[2].

В течение дня Военно-революционный комитет добился ещё

одного успеха: были переизбраны все комитеты 1-й запасной артиллерийской бригады. На совместном собрании бригадного, батарейных и командных комитетов было решено подчиняться только Военно-революционному комитету. Тут же на собрании артиллеристы избрали свой военно-революционный комитет, который стал фактическим хозяином бригады.

Артиллеристы Москвы остались с большевиками.

Меньшевики, члены Военно-революционного комитета, знали о подготовке Рябцевым выступления. Они ультимативно предложили принять следующие условия совместной работы:

1) подпись всех семи членов Военно-революционного комитета на всех бумагах. При подписи одним-двумя членами меньшевики оставляют за собой право обратиться к населению при помощи газет и листовок;

2) послать от Совета рабочих депутатов представителя в «комитет спасения» при городской думе;

3) выполнение всех соглашений, достигнутых в переговорах с штабом округа.

Меньшевики полагали расстроить работу Военно-революционного комитета, заставить его пойти на уступки. Выступление лакеев буржуазии целиком отвечало интересам контрреволюционного «комитета общественного спасения».

Военный штаб белогвардейцев — Александровское военное училище.

Белогвардейцы на Арбатской площади в дни октябрьских боёв.

Предложение меньшевиков было отвергнуто, и они вышли из состава Военно-революционного комитета.

Тем временем контрреволюционный «комитет общественной безопасности» тоже не дремал. Рябцев вызывал к себе командиров частей. Он пытался вызвать какую-нибудь боевую единицу из окрестностей Москвы или из области. Но командиры приходили и на вопрос — «А солдаты?» — безнадежно махали рукой:

— Там! У Совета.

Рябцев лихорадочно метался по школам прапорщиков, юнкерским училищам. Юнкера активно готовились. Уже второй день они разъезжали, вооружённые, по городу на грузовиках. На Арбате юнкера раздавали винтовки студентам-белогвардейцам, всевозможным добровольцам и направляли их в Александровское военное училище.

Ещё 26 октября Рябцев обратился к студентам с призывом немедленно явиться в Александровское военное училище. По инициативе кадетов студенты стали записываться в дружины. 27 октября в богословской аудитории собрались все факультеты Московского университета. Заслушали доклады Лазаревского и Коммерческого институтов. Без прений, даже не голосуя, приняли резолюцию о вооружённой поддержке штаба округа, городской думы и Временного правительства.

Совет офицерских депутатов ещё утром 27 октября организовал собрание офицеров, сторонников Временного правительства, и разработал подробный план разгрома Советов и разоружения революционных частей. Об этом тайно сообщили штабу Военно-революционного комитета два офицера лекторских курсов, организованных летом 1917 года культурно-просветительным отде-

лом Совета солдатских депутатов. Но больше всего надежд возлагали белые на Ставку. Из Москвы с ней разговаривали несколько раз. Утром 27 октября с фронта пришла телеграмма:

«От имени армий фронта мы требуем немедленного прекращения насильственных большевистских действий, отказа от вооружённого захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного Собрания — хозяина земли русской. Действующая армия силой поддержит это требование.

Начальник штаба
верховного главнокомандующего
Духонин.

Помощник начальника штаба верховного
главнокомандующего
Вырубов.

Временно исполняющий должность
верховного комиссара при Ставке
подполковник Ковалевский.

Председатель армейского комитета
Перекрестов»[1]

Кроме угроз ничего реального в телеграмме не было. Правда, Духонина поддержал своим авторитетом соглашательский армейский комитет.

Вслед за этим главнокомандующий Западного фронта генерал Балуев срочно телеграфировал Рудневу:

«На помощь против большевиков в Москву двигается кавалерия. Испрашиваю разрешения Ставки выслать артиллерию»[2].

Балуев в тот же день сообщил Духонину, что положение в Москве тяжёлое; своими силами не надеются побороть выступление большевиков; очень просят прислать войска и, главное, артиллерию.

Духонину стало ясно, что положение становится угрожающим. Он изменил маршруты частей, двигавшихся в Тулу, Брянск, Орёл, добавил артиллерию и всё послал в Москву.

Днём 27 октября прибыла, наконец, телеграмма Рябцеву, в копии Рудневу:

«Для подавления большевистского движения Ставкой посылается в ваше распоряжение гвардейская бригада с артиллерией с Юго-западного фронта — начнёт прибывать в Москву 30 октября — и с Западного фронта — артиллерия с прикрытием. Необходимо, чтобы части до прибытия в Москву были встречены вашими делегатами. Необходимы решительные

действия совокупными силами для полного подавления мятежников, поднявших смуту в сердце России.

Начальник штаба
верховного главнокомандующего
Духонин»[1].

Рябцев понял, что времени терять нельзя. Большевики всё усиливались. Артиллерия с Западного фронта, если ей не помешают, — об этом пока ещё не думали, — должна прибыть не позже 28 октября. К тому же штаб округа надеялся, что переговоры и разлагающая работа эсеро-меньшевиков внесли неустойчивость в ряды революционных войск.

Рябцев резко изменил позицию. Ещё вчера он соглашался договориться о вооружении рабочих. Под этим предлогом он добился вывода из Кремля большевистской роты 193-го запасного пехотного полка. Потом он категорически потребовал вывода из Кремля и большевистски настроенного 56-го пехотного запасного полка. 27 октября все переговоры велись вокруг вопроса о замене солдат юнкерами. Сейчас, в 7 часов вечера, 27 октября, Рябцев оборвал переговоры с представителями Военно-революционного комитета и предъявил ультиматум о сдаче Кремля; роспуске и предании суду Военно-революционного комитета. Срок ультиматума — пятнадцать минут.

Ультиматум подействовал, как ушат холодной воды. Надежды на мирный исход конфликта исчезли, как дым. Военно-революционный комитет убедился, что Рябцев явно тянул с переговорами, чтобы выиграть время. Ультиматум отвергли. Немедленно стали приводить в действие все меры, намеченные на случай вооружённой борьбы. Районным комиссарам города Москвы разослали приказ быть в полной боевой готовности. Немедленно выслать к Совету отряды.

Воинским частям разослали телефонограмму с требованием выполнять только распоряжения Военно-революционного комитета.

Для защиты Совета Военно-революционный комитет вызвал из Замоскворечья отряд «двинцев».

«Двинцами» в Москве называли солдат Западного фронта, главным образом из V армии. Они были арестованы в разных частях на фронте по обвинению в большевистской агитации и посажены в тюрьму города Двинска; — отсюда их название. Позже их перевели в Москву, в Бутырскую тюрьму. Среди «двинцев» было много членов ротных и полковых комитетов.

«Двинцы» долго сидели без суда, даже без конкретных обвинений. 200 заключённых «двинцев» объявили голодовку, требуя немедленного разбора их дела. Военно-судебные власти находились в большом затруднении и заявили, что документы по делам арестованных «двинцев» якобы утеряны. Большевики подняли кам-

К. П. Сапунов.

панию за освобождение арестованных. Солдаты московского гарнизона дружно требовали выпустить «двинцев».

В Московский Совет и Военное бюро приходили делегации с резолюциями. Солдаты не только требовали освобождения «двинцев», но упрекали Совет в медлительности и нерешительности. «Довольно слов, пора перейти к делу», — требовали солдаты, выражая свою готовность к борьбе.

По требованию московской организации большевиков и настоянию большевистской фракции Московского Совета «двинцы» во второй половине сентября были освобождены из Бутырской тюрьмы. Всех их было около 860 человек, однако 22 сентября удалось добиться освобождения только 593 человек. Остальные были освобождены уже в дни октябрьских боёв.

«Двинцы» рвались в бой; они оказались прекрасными агитаторами и организаторами. Московский комитет большевиков поручал им проведение митингов не только в войсковых частях, но и на фабриках и заводах.

Когда в 10 часов вечера 27 октября вызванный Военно-революционным комитетом к Совету отряд «двинцев» проходил по Красной площади, их остановили юнкера.

— Куда вы? — спросил какой-то полковник.

— На охрану Московского Совета.

— Мы охраняем центр, — ответил полковник и приказал «двинцам» сдать оружие.

Солдаты запротестовали. Полковник выхватил револьвер и уложил на месте командира «двинцев» Сапунова. Помощник убитого успел крикнуть: «В цепь!» Сражение было непродолжительным. Раненые и убитые были с обеих сторон, но «двинцы» пробились к Совету, захватив с собой всех раненых.

Открытые военные действия начались.

В момент получения ультиматума происходило собрание районных дум. Там должно было собраться несколько сот активных большевиков. Военно-революционный комитет поспешил их предупредить об ультиматуме.

Все 17 районных дум, из которых 11 были большевистскими,

Прорыв «двинцев» через Красную площадь.

Рисунок В. В. Щеглова.

собрались в 6 часов 30 минут в Сухаревском народном доме. Большевики решили избрать новый центр из районных дум, чтобы противопоставить его контрреволюционной центральной городской думе. Собралось около 400 человек. Едва открылось совещание, как один из гласных, князь Д. И. Шаховской, кадет, заявил, что «мер к оповещению всех гласных принято не было» и собрание, по его мнению, подобрано [1]. Поднялся шум. Шаховского заставили взять свои слова обратно. Председатель собрания, прерываемый всё время криками протеста со стороны кадетов и соглашателей, рассказал, зачем собрано совещание, и огласил конкретные предложения:

«1. Выразить полное доверие Московскому военно-революционному комитету, как единственному местному органу правительства.

2. Немедленно организовать межрайонный совет районных дум по два гласных от каждой думы и по одному от управы.

3. Совет избирает из своей среды исполнительное хозяйственно-революционное бюро из семи лиц.

4. Вменить в обязанность бюро немедленно выработать проект мероприятий по вопросам продовольственного распределения и снабжения, городских финансов и охране революционного порядка в Москве и окрестностях.

5. Выработанный проект по одобрении его межрайонным советом представить в Московский военно-революционный комитет для немедленного проведения его в жизнь»[2].

Предложение голосовать этот проект без прений вызвало новый взрыв криков. Кто-то требовал слова, другие бурно протестовали. Вдруг на эстраде появился член Военно-революционного комитета М. Ф. Владимирский с внеочередным заявлением:

«Командующий войсками Рябцев предъявил Военно-революционному комитету требование распустить себя в течение пятнадцати минут. Комитет выполнить это требование отказался, и площадь уже обстреливается контрреволюционными частями. Комитет предлагает прекратить разговоры и всем социал-демократам-интернационалистам (большевикам) немедленно отправиться на места и быть готовыми к событиям»[3].

Кадеты и соглашатели — меньшая часть собрания — шумно покинули зал. Оставшиеся утвердили резолюцию и бросились в районы.

Ночью 27 октября на совместном совещании членов Военно-революционного комитета и Партийного центра было решено призвать московский пролетариат к всеобщей забастовке и собрать все силы для разгрома белогвардейцев.

Переулки, ведущие к зданию Совета от Большой Никитской, уже были заняты юнкерами. Учитывая опасность захвата Совета белыми, решили разбиться на два центра: один должен был

остаться в здании Совета, другой — перейти в один из районов. Между 4 и 6 часами утра 28 октября большинство членов Партийного центра перешло из здания Совета в Городской район. В том же районе был создан «запасный штаб» на случай разгрома Военно-революционного комитета.

Нужно было оповестить полки и вызвать верные части к Совету. Члены Военно-революционного комитета разъехались по районам; где ждали только призыва.

Когда сведения об ультиматуме Рябцева разнеслись по Совету, на сцену снова выползли меньшевики, только утром вышедшие из состава Военно-революционного комитета. Политические маклера вновь предложили своё посредничество для переговоров с «комитетом общественного спасения».

Соглашателей удалили из здания Совета.

На месте остались только те, кто был готов победить или умереть за власть Советов.

4.

СДАЧА КРЕМЛЯ.

Рябцев тщательно подготовился к наступлению. Москва и весь округ были объявлены на военном положении. Всем гарнизонам округа было приказано подготовить части и по первому требованию Рябцева выслать в Москву.

Всем командирам полков гарнизона Москвы Рябцев по телефону приказал немедленно сформировать отряды и направлять их в Александровское военное училище в распоряжение полковника Кравчука, помощника командующего войсками округа. Туда же были вызваны студенческие дружины и офицеры.

Отряд юнкеров был послан на Ходынку. Ему было дано задание напасть на 1-ю артиллерийскую бригаду и захватить пушки. Если не удастся — испортить их. Во главе отряда шли артиллерийские офицеры; сбежавшие накануне из бригады.

Поздно ночью 27 октября юнкера, разоружив солдатскую разведку, ворвались во двор 2-го дивизиона. Часть юнкеров стала снимать замки с орудий. Другая группа бросилась в конюшню за лошадьми. Убили дежурного, тяжело ранили дневального. Солдаты заметили юнкеров и открыли огонь. Заслышав выстрелы, из всех казарм и бараков, одеваясь на ходу, с винтовками в руках, выскочили артиллеристы. Юнкера, отстреливаясь, бежали. Они увезли с собой два орудия без снарядов. Несколько пушек успели попортить. Налёт белых вызвал среди артиллеристов негодование.

Они требовали, чтобы их отправили в город для борьбы с юнкерами. Военно-революционный комитет бригады приказал немедленно готовить заграждения.

К утру вокруг бригады появились наспех сделанные укрепления. Утром 28 октября 5-я батарея потянулась к Совету.

Пока юнкера пытались захватить артиллерию, другие белые отряды стали распространяться по радиусам от Кремля, стремясь захватить как можно больше пространства. Передовые отряды белых появились около Совета. Весь Арбат очутился в руках белых. На протяжении от Крымского моста до Смоленского рынка бродили их патрули. На углу Остоженки юнкера заняли огромный интендантский склад, снабжавший гарнизон продовольствием.

Рябцев послал отряд для захвата Бородинского моста. Перед этим в ночь на 28 октября комиссия по изъятию оружия Дорогомиловского революционного комитета арестовала трёх офицеров; отобрала у них оружие и отпустила их, взяв честное слово, что выступать против революции они не станут. Часа через полтора у революционного комитета неожиданно появились белые. Часовой успел предупредить членов революционного комитета. Сопротивляться было поздно. Товарищи потушили свет и в темноте скрылись. По трое членов революционного комитета попали в плен. Среди них была Вангорина. Её вернули в здание Совета. Какой-то офицер насмешливо спросил её:

— Узнаёте меня?

Это был один из тех, кто давал честное слово воздержаться от борьбы. Оказалось, что разоруженные офицеры прибежали в 5-ю школу прапорщиков, где готовилась полурота для захвата моста. Офицеры провели юнкеров в революционный комитет.

Бородинский мост тоже попал в руки белых. Это имело огромное значение, так как через Брянский вокзал должно было итти подкрепление белым с Западного фронта.

«Комитет общественной безопасности» одобрил все мероприятия Рябцева. Руднев обратился к полковым и ротным комитетам, призывая их выполнять только распоряжения штаба округа. Одновременно с объявлением Москвы на военном положении Руднев опубликовал воззвание к гражданам. Он обвинял во всём большевиков: они-де отказались вывести солдат из Кремля, они «расхитили» военное имущество — винтовки, пулемёты, патроны; все попытки соглашения с большевистским Военно-революционным комитетом ни к чему не привели.

Всё это было явной ложью: Руднев ещё сутки тому назад, задолго до срыва переговоров, призвал к активным действиям. Для распространения подобных воззваний при «комитете общественной безопасности» было создано специальное информационное бюро из трёх человек: Руднев, меньшевик поручик В. В. Шер,

помощник военного министра, прибывший из Петрограда после падения Зимнего дворца, и член Московской городской управы Л. К. Рамзин. Бюро издавало «Бюллетени Московского комитета общественной безопасности». Вышло всего 4 номера. Бюро фабриковало ложные сведения, фантастические сводки, которые полностью перепечатывались эсеровской и меньшевистской прессой.

Руднев, неожиданно для этой незначительной серой фигуры, оказался в самом водовороте событий. Временное правительство пало, поручив ему продолжение борьбы.

В Москву примчался освобождённый из-под ареста бывший министр продовольствия Прокопович. Появились оставшиеся на свободе товарищи министров. Представлены были все министерства кроме министерства иностранных дел. Отставленные революцией от работы министры просиживали часами в кабинете Руднева.

«Новый кандидат в Наполеоны... Руднев вообразил себя спасителем страны».

Карикатура Кукрыниксы.

Руднев вообразил себя спасителем страны. Он носился с идеей восстановления правительства в Москве. В честолюбивых мечтаниях он видел себя чуть ли не во главе всероссийского правительства. 27 октября в 11 часов 45 минут вечера Руднев сообщил в Ставку, что

«двухдневные попытки предотвратить гражданскую войну привели только к усилению позиции большевиков и уменьшили наши шансы. Сегодня комитет общественной безопасности

принял решение: опираясь на вооружённую силу, попытаться сломить большевиков. Предъявлен ультиматум в 7 часов вечера»[1].

Настаивая на срочной помощи, ибо борьба будет нелёгкой, Руднев продолжал:

«Помимо задачи борьбы с большевиками перед Москвой встала необходимость организовать Временное правительство. Комитет (общественной безопасности. — *Ред.*) предполагает создать немедленно технический аппарат для обслуживания продовольствия и снабжения фронта и страны, обеспечив в ближайшем же будущем возможность демократии выразить свою волю относительно характера будущего правительства путём созыва съезда общественных организаций, демократического управления и Советов»[2].

Новый кандидат в Наполеоны понимал, что всё зависит от одного: удастся ли подавить большевиков в Москве. Все силы контрреволюции были сосредоточены на взятии Кремля: это отдавало арсенал в руки белых, укрепляя их тыл и развязывая силы для наступления.

Цепь юнкеров, поставленных ещё ночью 26 октября вокруг Кремля, раздалась только на короткий период утром 27 октября: надо было выпустить роту 193-го полка. С той минуты осада не прекращалась: Рябцев нарушил условия, принятые во время переговоров. В самом Кремле был расположен офицерский лазарет; находился окружной суд; некоторые учреждения. В батальоне 56-го полка оставались командиры; многие из них примыкали к эсерам и меньшевикам. Они уговаривали солдат сдаться. Кроме того в Кремле оказалось 2 броневика под командой офицеров. Они объявили себя нейтральными. Всё это ослабляло гарнизон Кремля. К вечеру 27 октября цепи вокруг Кремля стали плотнее. Подошли новые группы юнкеров. Военно-революционный комитет получил телефонограмму от коменданта Кремля ещё до разрыва переговоров с Рябцевым:

«Юнкера Александровского училища и школы прапорщиков во что бы то ни стало хотят занять Кремль, вооружаются, офицеры студентов обучают стрельбе. Они хотят, чтобы полковник уехал из Кремля. Расставить полк у ворот, в крайнем случае на...»[3]

На этом телефонограмма обрывалась. Разведка Военно-революционного комитета в свою очередь доносила:

«Дежурный член Кулешов из союза булочников сделал нам заявление: на состоявшемся собрании юнкеров в Александровском военном училище постановлено сегодня ночью занять Кремль и арестовать революционный комитет. Действия начать немедленно»[4].

Военно-революционный комитет собирался было прислать в Кремль пополнение; — говорили даже об артиллерии; — но не успел: Рябцев предъявил ультиматум.

28 октября около 6 часов утра к прапорщику Берзину, оставшемуся во главе революционного гарнизона Кремля, прибежал солдат из команды броневиков, заявив, что его срочно зовут к телефону. Берзин удивился: связь давно прервана; а у команды броневиков аппарат в исправности. Берзин прошёл в команду. По дороге увидел два броневика. На каждом — пушка и пулемёты. Моторы работают. Едва Берзин вошёл, как офицер команды протянул ему трубку телефона:

— Вас требует командующий войсками.

Рябцев заявил, что восставшие разоружены, в том числе и артиллерийская бригада.

> «Требую немедленной сдачи Кремля, — говорил Рябцев. — Весь город в моих руках. Все члены Военно-революционного комитета арестованы. Даю срок 25 минут для сдачи. В случае неисполнения открою артиллерийский огонь».

Вся внешняя обстановка — затишье в городе, отсутствие связи с центром вследствие перерыва телефонных проводов с Советом — заставила Берзина; по его словам; думать, что всё сообщённое Рябцевым — правда. Колеблющийся прапорщик; лишь недавно вступивший в партию большевиков; не имея никакого революционного опыта, принял провокационное требование Рябцева без малейшего сопротивления. Сдать крепость; имевшую боеспо-

Московская городская дума — опорный пункт «комитета спасения».

собный гарнизон и достаточное количество оружия, даже если бы город действительно находился в руках Рябцева, было явным предательством, ударом в спину революционных войск. Предательская добровольная сдача Кремля неизмеримо ухудшила положение революционных войск. Добившись согласия Берзина на сдачу Кремля, Рябцев потребовал: открыть Троицкие и Боровицкие ворота, оставить у ворот пять заложников, снять все посты и караулы, сложить оружие и выстроить 56-й полк у памятника Александру II. Рябцев повторил угрозу — в случае отказа открыть орудийный огонь. На собрании ротных комитетов солдаты выступали против принятия ультиматума.

— Мы Кремля не сдадим, нам всё равно погибать, так лучше погибнем с оружием в руках.

Берзин всё же убедил солдат сложить оружие. Когда Берзин подошёл к заставе у Троицких ворот и заявил, что Кремль приходится сдать, солдат с винтовкой бросился на него:

— А, изменник!

Солдат замахнулся было на прапорщика, но опустил винтовку, потом отбросил её; схватился за голову и пошёл в сторону. За ним понуро поплелись остальные; оставив посты.

Как только Берзин открыл Боровицкие ворота, на него набросились офицеры, сорвали погоны и оружие и избили. Только после его обращения к какому-то генералу с заявлением, что ещё не все караулы сняты, Берзина отпустили обратно в Кремль.

Обманом ворвавшись в Кремль, белые зверски расправились с солдатами. Юнкера вывели безоружных солдат на площадь, якобы для проверки, а потом неожиданно открыли стрельбу по выстроенным в две шеренги солдатам.

Юнкера одновременно расстреливали из пулемётов солдат в Кремле в двух местах: солдат 56-го полка — у памятника Александру II и солдат арсенала — во дворе арсенала.

Вот что рассказывает о сдаче Кремля юнкерам солдат 56-го полка:

«Около 7 часов утра 28 октября в казармы 56-го полка в Кремле кто-то вбежал и крикнул, что Троицкие ворота открыты. Солдаты быстро вскочили с нар и увидели, что со всех сторон на площадь около казармы вбегают юнкера и офицеры, за ними тащат пулемёты и направляют их прямо на казарму.

Появился броневик и тоже направил свои пулемёты на солдат. Солдаты растерялись и начали кричать, обвиняя командный состав в предательстве. Сопротивление было невозможно»[1].

Через несколько минут в казарму ворвались юнкера с криком:

— Выходи на улицу все до одного без оружия!

Когда все пять рот собрались на площади, юнкера с криками и площадной руганью построили их поротно, лицом к Чудову монастырю.

Тут же юнкера спешно начали устанавливать пулемёты: один — около царь-пушки, другой — около стены Чудова монастыря, третий — около входа в казарму и четвёртый — у стены арсенала.

Кроме этого, окружив солдат, юнкера стали производить тщательный обыск, шаря по карманам, за голенищами и т. д. При обыске солдат беспощадно избивали: кто прикладом, кто кулаком; били по лицу.

Солдатам стало ясно, что они вышли безоружными на улицу, чтобы умереть от рук бешеной белогвардейщины.

После тщательного обыска вся белая банда отошла в сторону. Подали команду открыть огонь по противнику.

Сразу затрещали пулемёты. Послышались крики:

— Спасайтесь! Убивают!

Кто-то крикнул:

— Ложись!

Все солдаты, как один, повалились на мостовую, но это не спасло их: стрельба продолжалась и по лежачим. Часть солдат пыталась спастись в казармах; но это им не удалось: им мешали бежать залёгшие солдаты, среди которых были убитые и раненые, а пулемёт в упор расстреливал их у входа в казармы.

Расстрел продолжался минут пятнадцать.

«Лёжа я слышал, — рассказывает тот же солдат, — как кричат и бьются в предсмертной агонии раненые товарищи. Часы на Спасской башне с перезвоном пробили девять часов утра. Стрельба прекратилась.

— Вставайте, сволочи! Чего лежите, негодяи!

Я поднял голову — чувствую, что жив и даже не ранен. Снял шапку, посмотрел на неё и тоже подумал: жива; одел её обратно. Передо мной открылась жуткая картина: корчащиеся в предсмертных судорогах, стоны и хрип раненых, ползающих по земле...»[1]

Другой солдат из арсенала Кремля дополнил эти воспоминания.

«Арсенальцев юнкера построили во дворе арсенала; произвели проверку по именному списку, а затем вывели на площадь между казармами 56-го полка и арсеналом.

Явился какой-то офицер — начальник. Не поздоровавшись с арсенальцами, он, приняв рапорт от старшего юнкера, прошёл дальше к царь-пушке.

После этого арсенальцы простояли около часу.

Пришёл какой-то офицер. Команда: «Смирно!»

Юнкера вытащили из арсенала два пулемёта и поставили их справа и слева по направлению наших рядов.

Никакой команды никто не подавал.

Вдруг где-то раздался одиночный выстрел, и сейчас же, как по сигналу, заработали пулемёты.

Раненые и убитые стали падать; за ними попадали и все оставшиеся невредимыми.

Пулемёт остановился. Раздалась команда: «Встать!»

Арсенальцы встали и бросились было через калитку железных ворот арсенала обратно в казармы. Но у калитки стояли два юнкера, которые бросили в арсенальцев две ручных гранаты. Произошла паника и давка, во время которой многих затоптали.

В казармах арсенальцы нашли полный разгром: постели были изорваны штыками; сундуки разбиты; все вещи и амуниция разбросаны; в баки для еды нагажено»[1].

Вот ещё одно свидетельство дикого расстрела безоружных солдат. Это — сухой рапорт генерал-майора Кайгородова, отправленный по начальству 8 ноября 1917 года.

«В 8 часов утра 28 октября; — доносил генерал, — Троицкие ворота были отперты прапорщиком Берзиным и впущены в Кремль юнкера. Прапорщик Берзин был избит и арестован. Тотчас же юнкера заняли Кремль; поставили у Троицких ворот два пулемёта и броневой автомобиль и стали выгонять из казарм, склада и 56-го пехотного запасного полка солдат; понуждая прикладами и угрозами. Солдаты склада в числе 500 человек были построены без оружия перед воротами арсенала. Несколько юнкеров делали расчёт. В это время раздалось откуда-то несколько выстрелов; затем юнкера открыли огонь из пулемётов и орудия от Троицких ворот. Выстроенные без оружия солдаты склада падали; как подкошенные; раздались крики и вопли, все бросились обратно в ворота арсенала; но открыта была только узкая калитка; перед которой образовалась гора мёртвых тел, раненых, потоптанных и здоровых, старающихся перелезть в калитку; минут через пять огонь прекратился. Оставшиеся раненые стонали; лежали обезображенные трупы»[2].

Когда солдат перегоняли из казарм во двор окружного суда; юнкера приказали им итти с поднятыми руками. Победители боялись побеждённых, даже безоружных. Озверевшие палачи отказались накормить голодных солдат.

Кремль пал.

Торжествующая контрреволюция, захлебываясь, сообщала «Всем, всем, всем...»:

«Кремль занят. Главное сопротивление сломлено. Но в Москве ещё продолжается уличная борьба. Дабы, с одной стороны, избежать ненужных жертв и чтоб, с другой стороны, не стеснять выполнения всех боевых задач, по праву принадлежащему мне на основании военного положения, запрещающего всякие сборища и всякий выход на улицу без пропуска домовых комитетов»[3].

В радостной спешке Рябцев даже не потрудился отредактиро-

РАССТРЕЛ СОЛДАТ 56-го ПОЛКА В КРЕМЛЕ.

Картина И. М. Лебедева

вать приказ. Соглашатели перепечатали его в своих газетах с ошибками. Впрочем, жители Москвы и без того понимали, чем грозит появление на улицах безоружным: судьба солдат в Кремле стала широко известна.

«Комитет общественной безопасности», признавая «мятеж в Москве подавленным», подтверждал, что по улицам

«будут ездить броневые автомобили с патрулями, которые в случае вооружённого сопротивления или стрельбы откроют огонь»[1].

Зачем броневики, раз мятеж подавлен? Кто будет сопротивляться, раз с восставшими покончено? Эти недоумённые вопросы вставали перед читателями хвастливых приказов.

О победе сообщили в Ставку.

«Мятежники потеряли почву, и восстание приняло неорганизованный характер; — докладывал помощник командующего войсками поручик Ровный. — Есть попытки собраться около здания Совета депутатов в генерал-губернаторском доме. По отношению к мятежникам, засевшим там, тоже предъявлен ультиматум»[2].

Генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего генерал Дитерихс, старый опытный усмиритель, счёл нужным прочитать по проводу более молодому усмирителю целую лекцию:

«Позвольте вам посоветовать в уличном мятеже меньше останавливаться на ультиматумах, так как это даёт время мятежникам оправляться и устраивать новые гнёзда. Уличный мятеж должен подавляться быстрыми, решительными действиями, не дробя своих сил по всему городу. Такой элемент, как вы имеете в юнкерах, исключительно благоприятный, не надо только утомлять их затяжкой дела ультиматумами. Дело ясное — мерзавцы должны быть уничтожены, никаких договоров с ними не может быть. Дитерихс»[3].

В ответ на нотацию из Москвы ответили:

«Командующий войсками в полном согласии с комитетом общественной безопасности до последней минуты хотел избежать кровопролитной гражданской войны и предотвратить события путём мирного разрешения. Когда оказалось это невозможным, приступлено к подавлению мятежа самыми решительными мерами, и с мятежниками расправляются беспощадным образом»[4].

Чтобы облегчить беспощадную расправу, Ставка сообщила, что с Западного фронта выслана батарея Сибирского казачьего артиллерийского дивизиона с прикрытием в один взвод от Кавказской кавалерийской дивизии. Пушки подойдут, возможно, к вечеру 28 октября[5].

Итоги дня: тщательной подготовкой и решительностью контрреволюция добилась значительного успеха.

В Москве в первые дни борьбы руководители восстания допустили ряд ошибок, которые привели к затяжке борьбы.

Вот главные из них:

1. Партийный боевой центр был избран 25 октября — ещё до того, как Московскому комитету большевиков стало известно о переходе в Петрограде власти к Советам. Партийный центр приступил к работе сразу. Он быстро послал занять телеграф, телефонную станцию и Главный почтамт. Но он не принял достаточных мер к тому, чтобы организовать в отряды и как следует вооружить лучших рабочих для наступления и окружения центров врага, как рекомендовал Ленин.

Необходимое для Красной гвардии и солдат гарнизона оружие имелось в кремлёвском арсенале, патроны — на Симоновских патронных и пороховых складах.

Руководители восстания в первый момент не обратили должного внимания на Симоновские склады. Кремль был занят только утром 26 октября. Коммуникации с Кремлём и его арсеналом не были обеспечены.

Между тем ночью юнкера заняли Манеж, находящийся у Троицких ворот Кремля. И когда 26-го утром в Кремль были направлены за оружием грузовики, то юнкера не пропустили их обратно, установив у кремлёвских ворот контроль.

Руководившие занятием почты и телеграфа товарищи не проявили достаточной бдительности. Оказалось, что служащие продолжали поддерживать контрреволюцию. Они доставляли городской думе и штабу военного округа телеграммы, предоставляли для переговоров прямые провода и систематически обслуживали телефонные разговоры врагов.

2. Военно-революционный комитет не арестовал Рябцева и чинов его штаба, не разоружил юнкеров и офицеров, не использовал полностью всех возможностей для приведения в боевой порядок верных революции кремлёвских частей, не назначил своей команды для броневиков, не вызвал невооружённых солдат гарнизона и отрядов Красной гвардии, чтобы, вооружив их, разгромить занявших Манеж юнкеров, — словом, не сделал всего необходимого, чтобы превратить Кремль в опорный центр восстания.

Уполномоченные Военно-революционного комитета, которые вели в течение двух дней — 26—27 октября — переговоры с Рудневым и Рябцевым, поверили заявлениям последнего. Он обещал отозвать юнкеров при условии, что Военно-революционный комитет выведет из Кремля роту 193-го полка. Роту вывели, но Рябцев тотчас же вновь поставил оцепление из юнкеров у кремлёвских ворот. За этой же ошибкой последовала ещё более тяжёлая: комендант Берзин сдал Кремль. Белогвардейцы получили вооружение — винтовки, пулемёты и 2 броневика.

За миролюбие белогвардейцы отплатили обманом: они не только сразу же обезоружили солдат, но и учинили над ними зверскую расправу.

3. Буржуазные газеты были закрыты в ночь с 25 на 26 октября, но были оставлены газеты эсеров, меньшевиков и других соглашателей. Эти газеты обливали грязью большевиков и восставших рабочих и солдат. Они распространяли лживые слухи о поражении большевиков в Петрограде, о победе Керенского.

4. Объединённым пленумом Советов были избраны в Военно-революционный комитет 2 меньшевика и 1 объединенец. И это была серьёзнейшая ошибка. Если они и были избраны, всё же было достаточно поводов для того, чтобы их удалить — они мешали борьбе. Программа предательства и лицемерия, провозглашённая меньшевиками в дни Октября, предопределила и роль их представителей в Военно-революционном комитете. Они вошли для срыва его работы как прямая агентура контрреволюции.

Двуличная политика меньшевиков сыграла известную роль в нерешительности, которую проявило в первые дни руководство вооружённым восстанием в Москве.

5. Военно-революционный комитет, естественно, обосновался в здании Совета. Эсерам и меньшевикам — членам Исполнительных комитетов и президиума Совета рабочих и солдатских депутатов — была предоставлена полная возможность беспрепятственно шнырять по зданию и высматривать, где что делается. Они докладывали обо всём «комитету общественной безопасности». Больше того: когда Военно-революционный комитет или его штаб вызывали части войск к Совету, то меньшевики и эсеры — члены Совета солдатских депутатов — уговаривали солдат не участвовать в «братоубийственной войне». Все эти лазутчики буржуазии покинули здание Совета лишь 27 октября, как только Рябцев предъявил свой ультиматум. Тогда же ушли и 2 меньшевика из состава Военно-революционного комитета.

6. 26 октября утром Военно-революционный комитет предъявил Рябцеву требование о пропуске из Кремля оружия и о возврате захваченных юнкерами грузовых машин. Рябцев предложил начать переговоры о вооружении рабочих. Вместо того чтобы подкрепить свои требования началом военных действий в районах, Военно-революционный комитет начал переговоры. Они были прекращены не Военно-революционным комитетом, а белогвардейцами после того, как последние достигли своей цели. Переговоры не только укрепили противника, но, вселяя иллюзии о возможности передачи власти Советам без вооружённой борьбы, отразились деморализующе на работе в районах. Рябцев нарушил соглашение об удалении юнкеров из Манежа, юнкера напали на «двинцев» вечером 27 октября. Затем Рябцев предъявил наглейший ультиматум о ликвидации Военно-революционного комитета,

путём обмана овладел Кремлём и зверски расправился с солдатами.

Переговоры 26 и 27 октября юнкера использовали следующим образом: а) они сорганизовались и тесным кольцом окружили здание Совета; б) произвели налёты на самокатную роту в Петровском парке, где захватили пулемёты, напали на Симоновские патронные и пороховые погреба, откуда вывезли патроны, и на 1-ю артиллерийскую запасную бригаду, где захватили 2 трёхдюймовых орудия, правда, без снарядов; в) выиграли время для вызова подкрепления. Штаб московской контрреволюции с первого дня юнкерского мятежа широко использовал всякого рода провокационные измышления. Он не раз сообщал о подавлении вооружённого восстания в Петрограде, о прибытии войск с фронта, о ликвидации выступления рабочих Москвы и т. д. Руднев через захваченный юнкерами московский почтово-телеграфный узел забрасывал провинциальные города Московской области множеством вымышленных провокационных сообщений о ликвидации советской власти в Москве, о вновь сформировавшемся Временном правительстве в Москве, требовал от местных городских дум и земских самоуправлений не подчиняться советской власти и организовать борьбу с ней. Особенно широко была распространена белогвардейцами легенда о подавлении восстания большевиков после захвата Кремля. В распространении ложной информации гнусную роль играли «нейтральный» Викжель и почтово-телеграфный союз.

Пробравшиеся в состав боевых центров восстания противники социалистической революции, впоследствии разоблачённые как враги народа, саботировали указания Ленина и Сталина о необходимости активных наступательных действий с самого начала борьбы. Больше того, они сдерживали боевое нетерпение рабочих и солдат, умышленно срывали боевое выступление районов, надеясь переговорами с белогвардейцами предотвратить восстание.

Этим прежде всего объясняется тот факт, что белогвардейский мятеж в Москве не был подавлен сразу же, в начале выступления, хотя для этого были все условия.

5.

НАСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙСК.

Расстрел безоружных солдат в Кремле вызвал глубочайшее возмущение народа.

«Не до работы теперь! 28-го дружно, как один человек, оставим фабрики и заводы и по первому призыву Военно-революционного комитета сделаем всё, что он укажет»[1].

Так гласило воззвание Военно-революционного комитета, Центрального бюро профсоюзов, Московского комитета большевиков, московской организации социал-демократии Польши и Литвы. Они горячо призывали показать

«нашим врагам, что против них подавляющее большинство московского населения»[1].

Пролетариат дружно откликнулся на этот призыв: все московские фабрики и заводы остановились. Рабочие ночных смен прямо от станков спешили в заводской комитет.

— Оружия! — требовали массы.

Дневная смена, не заходя в цеха, отправлялась в военно-революционный комитет. Толпы рабочих осаждали районные Советы.

— К оружию! — взывали массы.

Безоружные красногвардейцы строились в десятки и бегом направлялись в районные военно-революционные комитеты. Они терпеливо простаивали в строю, ожидая оружия. Шли все: мужчины и женщины, большевики и беспартийные. Большевик рабочий военно-артиллерийского завода, узнав о начале боевых действий, позвонил на завод:

— Снимите с работы всех большевиков и направьте в распоряжение революционного комитета.

Члены большевистской ячейки, около 300 человек, построились во дворе завода и стройными рядами двинулись в указанные пункты. Уход красногвардейцев-большевиков вызвал тревогу среди 2 тысяч рабочих, занятых в ночной смене. Они потребовали созвать собрание. Им коротко рассказали о положении дел. Рабочие без долгих разговоров решили итти на баррикады. Работницы тут же записывались в санитарки. Энтузиазм был так велик, что даже меньшевики-рабочие, позабыв о «нейтралитете», вступали в Красную гвардию.

Глубокой ночью в военно-революционный комитет Городского района приехали рабочие какой-то фабрики из уезда. Суровые, с пылающими факелами в руках, некоторые с винтовками, рабочие привлекали всеобщее внимание.

— Кто? Откуда? Зачем? — засыпают их вопросами рабочие и солдаты.

— Услышали, что у вас жарко, и пришли помочь... С нами и работницы![2]

Большинство приехавших — беспартийные.

— За дело! — просили они военно-революционный комитет.

Предательское нападение юнкеров вызвало негодование не только среди рабочих. Представитель Замоскворецкого районного комитета большевиков набирал на Калужской площади добровольцев. Вдруг из темноты выдвинулась какая-то воинская часть, вооружённая винтовками, с двумя офицерами во главе.

«Белогвардейцы», — мелькнула тревожная мысль.

Один из офицеров скомандовал: «К ноге!», подошёл, взяв под козырек, и спросил:

— Кто будет здесь за начальника штаба? Мы из 196-й запасной дружины. Пришли в ваше распоряжение, — заявили оба офицера, оказавшиеся капитаном Шуцким и поручиком Богословским.

В порыве благородного негодования против зверской расправы в Кремле они перешли на сторону восставшего народа.

В штаб Сокольнического военно-революционного комитета явился штабс-капитан Л. И. Лозовский, меньшевик-интернационалист. Он привёл с собой двух взрослых сыновей.

> «...Я не большевик,—заявил он,—но вот, в момент, когда рабочий класс вышел с оружием в руках на баррикады, я не могу стоять в стороне»[1].

Лозовский и один из его сыновей геройски погибли в гражданской войне.

Немало честных интеллигентов в тот день связали свою судьбу с делом рабочего класса. В военно-революционные комитеты приходили инженеры, предлагая свои знания и опыт.

Возбуждение охватило солдат гарнизона. В тот же день, 28 октября, гарнизонное собрание ротных комитетов выделило Временный комитет солдатских депутатов из десяти человек. Собрание объявило старый эсеро-меньшевистский Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов изменником делу революции. «Десятка» немедленно призвала солдат

> «всемерно поддержать Военно-революционный комитет и подчиняться только его распоряжениям; распоряжения же, исходящие от штаба округа и «комитета общественной безопасности», не признавать» [2].

«Десятка» распорядилась стягивать солдатские отряды для защиты Совета, который помещался в доме бывшего московского генерал-губернатора на Скобелевской площади. На том месте, где теперь высится новое здание Совета, был двор со всевозможными службами —конюшнями и т. д. — и два флигеля, выходившие фасадом на Чернышевский переулок.

К вечеру 28 октября Скобелевская площадь перед Советом уже обстреливалась со всех сторон. Юнкера наступали от Охотного ряда и из переулков между Никитской и Тверской.

Военно-революционный комитет и его штаб выработали план прорыва белогвардейского кольца и дальнейшего наступления.

Центр был захвачен противником, что позволяло ему смело маневрировать, легко перебрасывать резервы в слабые места. Телефон находился в руках юнкеров. Это обеспечивало им бесперебойную связь. Телеграф, отбитый белыми утром 28 октября, связывал их со Ставкой, откуда вызывали помощь. На стороне противника было несомненное превосходство в вооружении. Арсенал Кремля с огромным запасом винтовок и пулемётов попал в

руки юнкеров. Интендантский склад снабжал белых продовольствием.

После тщательного ознакомления с обстановкой Военно-революционный комитет принял следующее решение:

«Установить тесную связь с районами, обеспечив себе базу в одном из них. Начать наступательные действия в центре и партизанскую войну в районах» [1].

Сражения в Москве разбились на ряд отдельных стычек в различных районах города. Со всех сторон поступали требования на оружие и патроны.

Военно-революционный комитет Казанской железной дороги приказал проверить все вагоны на путях. Красногвардеец Маркин, осмотрщик вагонов, обнаружил винтовки. Он прибежал в военно-революционный комитет. Вагоны вскрыли. Нашли около 40 тысяч винтовок. К вагонам подогнали паровоз и втащили их в мастерские. Немедленно оповестили Городской и Сокольнический районы. Оттуда срочно прислали грузовики. Доставку оружия в остальные районы организовал Партийный центр. В течение ночи и утра следующего дня винтовки отвезли в город и роздали по районам.

Симоновские пороховые склады были взяты красногвардейцами Симоновского подрайона. Стали оттуда подвозить патроны.

С этого момента начались усиленное вооружение рабочих и солдат и организация их в отряды.

Прежде всего необходимо было обеспечить свой ближайший тыл. На Тверском бульваре в доме № 26 помещалось московское градоначальство. Большое здание выходило сторонами в Большой и Малый Гнездниковские переулки, совсем недалеко от Совета, где работал Военно-революционный комитет.

В градоначальстве собралось около 200 хорошо вооружённых белых. Пришёл отряд конной милиции. Поодиночке и группами 27 и 28 октября непрерывно подходили милиционеры из захваченных большевиками комиссариатов. Рябцев, понимая необходимость сохранения градоначальства как угрозы тылу красных войск, прислал отряд юнкеров с 2 пулемётчиками. Прибыли 2 отряда студентов во главе с прапорщиком.

Тут же во дворе градоначальства помещался союз милиционеров. Он перешёл на сторону Военно-революционного комитета и оказал ему немалую услугу своим телефоном. Белые скоро узнали об этом, членов союза милиционеров арестовали, а по их телефону перехватили несколько распоряжений Военно-революционного комитета.

Для захвата градоначальства был создан отряд специального назначения. Отряду было дано одно орудие, занявшее позицию на Страстной площади. В этот отряд входили «двинцы», самокатчики, солдаты 55 и 85-го полков и красногвардейцы завода

Красногвардейцы завода Густава Листа.

Михельсона и др. Наступление велось по Тверскому бульвару и обоим Гнездниковским переулкам.

Подступы от Никитской по Чернышевскому и Брюсовскому переулкам были заняты пикетами юнкеров. Оттесняли их и вели дальнейшее наступление красногвардейцы и солдаты 56 и 192-го запасных пехотных полков.

Солдат 193-го пехотного запасного полка, несших 27 октября охрану Совета, сменили 2 роты 55-го пехотного запасного полка. К Московскому Совету прибывали вооружённые отряды Красной гвардии и солдат разных полков, направленные Партийным центром из районов. Воздвигались баррикады, рылись окопы. Наступление от Совета развивалось по всем направлениям.

В тот же день, 28 октября, отряд в 50 рабочих завода № 38 получил от Военно-революционного комитета задание занять Газетный переулок и вести наступление к Большой Никитской улице. Другой отряд из солдат 56-го полка был направлен в наступление по Брюсовскому переулку.

В Газетном переулке отряд обосновался в доме № 7, а в Брюсовском — в здании женской гимназии.

Первый отряд выбил юнкеров из дома № 1 на углу Никитской и Газетного, забрав у бежавшего в панике противника 36 винтовок, 24 револьвера и 18 ручных гранат.

Победа воодушевила бойцов.

В Городском районе Садовая улица от Земляного вала до Каретного ряда была занята красногвардейцами и солдатами 56 и 251-го полков. Сухаревский рынок превратился в вооружённый лагерь, подступы к нему были окопаны. На углу Сретенки выросла баррикада. На площади перед районным военно-революционным комитетом скопилась масса грузовых автомобилей. Военно-революционный комитет работал в здании трактира — на углу Сухаревской площади и 1 Мещанской, на втором этаже. Внизу, на лестницах, в коридорах толпились солдаты и рабочие.

Низенькое здание трактира часто обстреливалось взобравшимися на крыши высоких домов юнкерами. Не раз пули попадали в окна, кое-кого ранили. Какой-то солдат из Спасских казарм предложил поставить пулемёт на Сухаревской башне: оттуда можно держать под огнём всю площадь и окружающие дома. Тайком солдаты втащили пулемёт и открыли огонь в ответ на новые выстрелы с чердака соседнего дома. Выстрелы белых прекратились.

Красная гвардия на улицах Москвы.

— И без офицеров стратегию знаем, — с гордостью говорили солдаты, довольные результатом выдумки.

Красногвардейские «десятки», получив в штабе Городского района оружие, отправлялись на грузовиках к месту боёв. Отсюда же шли отряды Красной гвардии на помощь Московскому Совету и 56-му пехотному запасному полку, который отбивал обратно у юнкеров почтамт, телеграф и Междугородную телефонную станцию.

Перед военно-революционным комитетом Городского района стояла задача занять и Центральную городскую телефонную станцию. Однако первое наступление на неё со стороны Большой Лубянки было юнкерами отбито.

Через Сокольнический районный военно-революционный комитет поступали снаряды из огнескладов мызы Раево.

В Сокольнических вагонных мастерских был сорганизован свой заводской военно-революционный комитет. Он взял на себя формирование и питание красногвардейцев. Это был своеобразный «запасный» полк Октябрьской революции в Москве. Он за три-четыре дня пропустил около 3 тысяч рабочих-красногвардейцев. Обучение велось самое упрощённое: знакомство с винтовкой и учебная стрельба на стрельбище, устроенном тут же в мастерских. Питательный пункт при мастерских пропускал в день до полутора тысяч красногвардейцев.

Через этот «запасный» полк прошли почти все отряды, прибывавшие в дни боёв из окрестностей Москвы: мызы Раево, Кольчугина, Мытищ, Коломны и др.

Басманный и Благуше-лефортовский районы имели задачей овладеть Алексеевским военным училищем. Там засело вместе с кадетами около 400 юнкеров с пулемётами. Основной боевой силой района были мастерские тяжёлой осадной артиллерии — «Мастяжарт». На 3 тысячи рабочих там насчитывалось 900 большевиков. Все они были организованы на военный лад: разбиты на взводы и роты. В мастерских стояло несколько десятков орудий, но винтовок и берданок было не больше сотни. Юнкера, хорошо вооружённые, могли отбить пушки. Поэтому приходилось спешить. На подступах к училищу вырыли окопы, заняли позиции. Юнкерам предложили сдаться, обещая неприкосновенность. В ответ юнкера неожиданно открыли огонь; убили 5 и ранили 10 рабочих. Военно-революционные комитеты обоих районов начали правильную осаду училища.

В районе были воинские части: самокатный батальон; 3 роты телеграфно-прожекторного полка, 2-я автомобильная рота; 661-я ополченская дружина, в которой служили солдаты старше сорока лет. Самокатчики в первый же день восстания ушли на охрану Совета. Из остальных частей Благуше-лефортовский район послал к центру несколько отрядов. Приходилось охранять районы, нести

караулы, ставить посты на заводах. В осаде училища приняли участие главным образом мастерские тяжёлой артиллерии и небольшой отряд самокатчиков.

Рабочие и трудящиеся районов целиком поддерживали революционные комитеты. Часто жёны рабочих, жители районов задерживали агитирующих против советской власти и приводили в Военно-революционный комитет со словами:

— Кто против Совета, тот на стороне буржуазии и, значит, враг народа.

Явно на стороне юнкеров были только учащиеся Высшего технического училища. Военно-революционный комитет произвёл обыск в училище и отобрал оружие.

Юнкера превратили Алексеевское училище в крепость: устроили пулемётные гнёзда. Толстые стены корпусов защищали от пуль.

На совместном совещании трёх революционных комитетов — Басманного, Благуше-лефортовского и Рогожского — постановили бомбардировать училище. Военные мастерские тяжёлой осадной артиллерии — «Мастяжарт» — решили бомбить училище из японских гаубиц. Пушки не на чем было подвозить. Нехватало постромок. Рабочие снимали свои ремни, связывали их вместе и на поясах тащили пушки. Стрелять пришлось без прицельных приспособлений — они были спрятаны офицерами. Первый снаряд пролетел мимо цели. Второй снаряд ударил по трубе завода Гужона, третий—по Золоторожскому трамвайному парку. После неудачных выстрелов решили подтащить пушки ближе, чтобы стрелять в упор. Но этому мешал пулемёт, расположенный у главного подъезда. Красногвардейцы под градом пуль, ползком, буквально по метру в час, с неимоверными усилиями вывезли пушку на самый мост, шагах в 400 от подъезда. Поражённые исключительной смелостью, юнкера растерялись. Рабочие вскочили и прямой наводкой стали бить по училищу. После второго снаряда пулемёт смолк. Обыскали все хранилища и нашли панорамы. Начался правильный артиллерийский обстрел училища.

В Рогожско-симоновском районе 28-го утром, когда до рабочих дошёл призыв Военно-революционного комитета к забастовке и загудели тревожные гудки, одна фабрика за другой бросали работу. Рабочие потянулись в районные Советы. Их было два — в Рогожском районе и в Симоновском подрайоне. Первым пришёл отряд Золоторожского парка. За ним бежали, перегоняя друг друга, гужоновцы, рабочие завода Подобедова, фабрик «Марс», «Караван», «Дангауэр» и др. Работницы фабрик Остроумова, Келлера, Сумина целыми группами шли в район и записывались в отряды красных сестёр.

Все спешили на Алексеевскую улицу, где помещались Рогожский Совет, штаб и районный партийный комитет. Оружия не было. Рабочие трамвайного парка ушли, попросив:

— Придут винтовки, скажете нам, — через десять минут прибежим.

Так оно и случилось. Когда была доставлена первая партия винтовок, послали за трамвайными рабочими. Они скоро примчались, вооружились и в числе 50 бойцов пошли занимать позиции на Варварской площади. Такое же оживление было у Симоновского подрайонного Совета.

В Замоскворецком районе, где во главе военно-революционного комитета стоял большевик, профессор астрономии Штернберг, красногвардейцы, взявшие на себя охрану мостов, очистили от юнкеров Каменный мост и заняли Крымский; к последнему со стороны Зубовского бульвара подошёл отряд 193-го полка и соединился с замоскворецкими красногвардейцами. Красная гвардия заняла Коммерческий институт, где засел белогвардейский отряд. Там было арестовано 87 студентов-белогвардейцев.

Помещение районного комитета в Замоскворечье напоминало военный лагерь. Все комнаты были переполнены рабочими. «Двинцы» и солдаты 55-го запасного пехотного полка обучали их обращению с винтовками и револьверами. Рабочие рвались в бой. Ряд фабрик и заводов занимал своими красногвардейцами отдельные участки. Завод Михельсона дал отряд в 200 красногвардейцев и 150 санитаров. Рабочие телефонного завода и электрической станции заняли Чугунный мост и охраняли его от юнкеров. Рабочие станции выключали свет в местах расположения белогвардейцев. С завода «Поставщик» пришёл отряд в 50 человек. Даниловская мануфактура охраняла район от нападения казаков, которые могли притти по шоссе из Каширы.

Большую самоотверженность проявили рабочие трамвая. Они привозили оружие, ездили на разведку. Выделили прекрасный отряд бойцов. Рабочие, обив досками вагон и насыпав в прослойки песок, создали таким образом самодельный бронепоезд. Пытались было наступать по Каменному мосту, но юнкера перебили провода трамвайной линии, и вагон остановился. Когда понадобились инструменты для рытья окопов, рабочие выдали лопаты из своих мастерских. Выдавали по счёту и строго следили за возвращением. Они чувствовали себя хозяевами и крайне бережно относились к имуществу.

В тылу района, в Котлах, стояли казаки. Было их немного: основная часть ушла в центр. Но они могли внести панику неожиданным налётом. Рабочие Даниловской мануфактуры послали к ним агитаторов. После митинга казаки согласились выдать оружие. Район был очищен от небольших групп белых, и все вооружённые отряды были посланы к Москва-реке.

В Хамовническом районе юнкера держались в 5-й школе в 1-м Смоленском переулке, у Смоленского рынка. Арбат был весь в руках юнкеров.

Красногвардейцы трамвайного парка.

В этом же районе находился и центральный интендантский продовольственный склад, на углу Остоженки, снабжавший продовольствием московский гарнизон. Этот склад был занят юнкерами. Задача района состояла в том, чтобы закрепить за собой Брянский вокзал и занять интендантский склад. Нужно было удержать Крымский мост, через который шла связь с Замоскворечьем. Однако главное внимание было сосредоточено на 5-й школе прапорщиков в Смоленском переулке.

Поздно ночью 27 октября, по получении известий об ультиматуме Рябцева, тотчас же выступили солдаты 193-го полка. К солдатам добавили красногвардейцев и двумя отрядами повели наступление на Крымский мост.

Утром 28 октября офицеры полка, занимавшие общежитие против казарм, обстреляли корпуса. Тогда солдаты выскочили с винтовками, ринулись к общежитию и взяли его приступом. Многих офицеров перекололи.

Нападение офицеров вызвало такое возмущение, что солдаты потребовали отправки полка на позиции. К 12 часам три роты ушли через Пресню на Ходынку для прикрытия артиллерии.

Председатель комитета 193-го полка привёл роту на помощь осаждающим интендантский склад. Совместной атакой склад

был взят. Последний юнкерский грузовик увозил продовольствие под обстрелом революционных войск.

Отряды Хамовников и Замоскворечья — последние перешли по Крымскому мосту — оттеснили юнкеров в глубь Остоженки; а по Пречистенке — к самому штабу Московского округа, выходящему на Пречистенку и в переулок на Остоженку. Тут юнкера оказали упорное сопротивление. К ним подоспели подкрепления. К вечеру 28 октября юнкера перешли в наступление и по Остоженке и по Пречистенке. У Смоленского рынка наступление юнкеров поддерживал броневик.

Дорогомиловский революционный комитет после налёта офицеров вновь организовался и быстро сколотил несколько отрядов из рабочих района; железнодорожников и солдат команды выздоравливающих.

Ночью 28 октября по призыву ревкома пришли 200 рабочих трамвайного парка с инструментом. Рабочие вырыли окопы у Бородинского моста; на Плющихе, по Смоленскому бульвару, на Пречистенке.

Замоскворецкий район ночью же подвёз на грузовике громадные тюки с хлопком. Прикрываясь ими, красногвардейцы вырыли окопы на Остоженке. Выросли окопы и в Замоскворечье у Каменного моста, а у Москворецкого—была построена баррикада.

Роль Бутырского и Сущевско-марьинского районов сводилась к охране территории районов от проникновения белых и к пополнению красногвардейцами сил Московского военно-революционного комитета.

Перед Пресней стояли следующие задачи:

1) не пускать белых на Брянский и Александровский вокзалы;

2) не позволить юнкерам захватить Ходынку с её артиллерией.

Часов в 11 утра 28 октября пресненцы послали членов ревкома в Хамовники за отрядом для прикрытия артиллерии. Не прошло и часа, как отряд солдат двинулся на Ходынку. Но оттуда уже выступила к Совету 5-я батарея, осторожно направляясь к центру города. Недалеко от Страстной площади на батарею неожиданно налетели белые. Артиллеристы отогнали их беглым огнём винтовок. На площади артиллеристы нашли солдат 193-го полка. Отослав лошадей в прикрытие, артиллеристы приступили к обстрелу градоначальства. В центре грянули первые выстрелы пушек.

Артиллерийская канонада подняла настроение во всём Пресненском районе. Началось быстрое формирование отрядов. Они наступали на линию Садовой от Каретного ряда и до Новинского бульвара

Военно-революционный комитет железнодорожного района находился в Сокольническом районе, на Николаевском вокзале. В этом районе находились самые крупные дороги — Ярославская, Казанская и Николаевская. Николаевский вокзал имел и имеет прямую связь с Курским вокзалом. На Николаевском вокзале помещалось московское бюро Викжеля.

На территории вокзалов, за исключением Брянского, боёв не было, но военно-революционные комитеты отдельных дорог оказывали московскому восстанию громадную помощь: 1) они заняли вокзалы вопреки «нейтральному» Викжелю; 2) приостановили передвижение белых войск на Москву; 3) установили связь с Петроградом через вокзал Ярославской дороги; 4) нашли на Казанском вокзале около 40 тысяч винтовок; 5) в Московском железнодорожном узле совершенно изолировали организацию Викжеля, а на Курской железной дороге военно-революционный комитет арестовал главный дорожный соглашательский комитет; 6) все свободные отряды со всех дорог военно-революционный комитет железнодорожного района отправлял в центр. Отряды красногвардейцев-железнодорожников тех дорог, которые находились в районе боёв, принимали в них активное участие.

К ночи 28 октября положение Военно-революционного комитета значительно улучшилось. Юнкерам не удалось расширить захваченный ими район. Наоборот, вокруг них образовалось почти сплошное кольцо. Рабочие отряды теснили юнкеров к центру. Все вокзалы были в руках красных. Никто не пришёл на помощь к юнкерам, а к Совету подходили всё новые и новые отряды. Перед зданием Совета стояли пушки, одним своим видом поднимавшие дух бойцов. А главное состояло в том, что развернулось в массовом масштабе формирование отрядов. Военно-революционный комитет просил из района 100 человек — приходило 300. На борьбу поднялись народные массы. Районы гудели, как растревоженные ульи. Творческая инициатива переливалась через край.

Ночью 28 октября поручик Ровный опять говорил со Ставкой. От прежней заносчивости не осталось и следа.

«Центр главным образом в наших руках, — докладывал поручик, — за исключением района, прилегающего к дому генерал-губернатора.

Окраины в руках Красной гвардии и взбунтовавшейся части солдат.

Замоскворечье — не в сфере нашего воздействия...

Ввиду недостатка сил и переутомлённости верных правительству войск не представляется возможным быстрое очищение Москвы от восставших»[1].

Ровный закончил своё унылое сообщение просьбой прислать поскорее помощь.

Ставка, однако, хорошо понимала настроение белых в Москве. Дитерихс закончил беседу с поручиком Ровным угрозой: он сообщил «для личного сведения», что ему приказано в случае надобности

«...устранять от фактического исполнения обязанностей всякого начальника без исключений...»[1]

По окончании беседы с Москвой Дитерихс вызвал Западный фронт и убедительно просил послать в Москву срочную помощь, но обязательно из ближнего района. Западный фронт ответил, что ему не позволяет комитет в Минске.

«— Но ведь вы можете послать не с фронта, а из Минского округа.

— Дело в том, что у нас в тылу всюду выступления большевиков и захват ими власти. Всюду требуются войска. Имеется как бы резерв в Калуге; но начальник округа требует пересылки войск из Калуги в Смоленск, в Ржев и Вязьму. Сейчас доложу главнокомандующему и о последующем сообщу.

— Доложите, что очень нужно. Очень, — повторяю второй раз.

Дитерихс»[2].

С большим трудом удалось найти часть: в Москву приказали отправить три эскадрона нижегородских драгун, которые не то стоят в Калуге, не то идут в Смоленск. Толком не знали, где они находятся.

Утром 29 октября революционные войска перешли в решительное наступление. Отряд самокатчиков в 70 человек занял Малый театр.

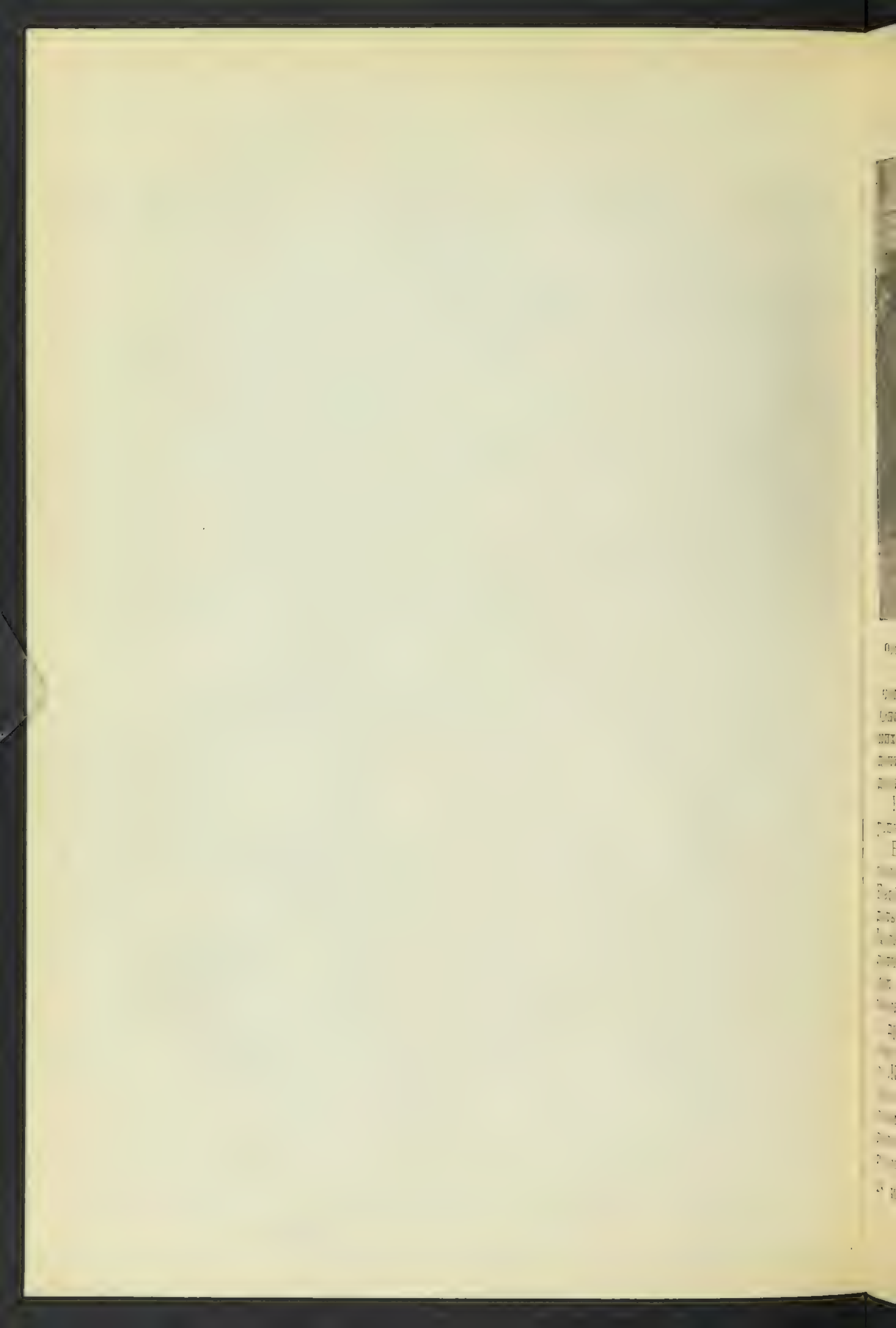
Градоначальство было взято. Осада его встретила серьёзные препятствия, так как подступ к нему со стороны Страстной площади находился под обстрелом юнкеров, занявших Никитские ворота. Над градоначальством высилось огромное здание дома № 10, в Большом Гнездниковском переулке. На башню дома красногвардейцы втащили пулемёт, поливая двор градоначальства дождём пуль. Со Страстной открыли артиллерийский огонь. Против градоначальства был подготовлен комбинированный удар. После одного удачного выстрела из орудия градоначальство было атаковано красным отрядом.

С криком «ура!» бойцы проскочили бульвар, улицу и очутились у окон нижнего этажа градоначальства. Командир отряда приказал залечь за оградой и открыть огонь. Солдаты было залегли, но красногвардейцы бросились вперёд, прикладами вышибли стёкла и ворвались в дом. Солдаты последовали за красногвардейцами. Смелый натиск привёл юнкеров, и без того

БОЙ НА КУДРИНСКОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ.

Картина Г. К. Савицкого.

Орудие у Московского Совета в Октябрьские дни.

напуганных пулемётным и орудийным огнём, в полное смятение. Они прекратили стрельбу и буквально горохом посыпались с верхних этажей. Около 200 превосходно вооружённых юнкеров и студентов сдалось отряду в 50—60 человек. Юнкеров под охраной десятка бойцов отправили в Московский Совет.

Комбинированный удар против градоначальства увенчался успехом.

В смелой атаке погибли организаторы молодёжи в Сокольническом районе — Сергей Барболин, 20 лет, и Жебрунов, 19 лет. Барболин — способный, энергичный, ежеминутно готовый отдать жизнь революции, вёл огромную работу среди молодёжи. Целый день проводил на заводах. Жебрунов — с пятнадцатилетнего возраста был единственным кормильцем семьи. В поисках заработка исколесил почти всю страну. При первой же возможности садился за книгу и назавтра делился прочитанным с другими товарищами. «Хвостики» — так любовно называли неразлучных друзей старшие товарищи. В дни боёв Барболин и Жебрунов выполняли разнообразные поручения. Но им всё казалось мало: они рвались в бой. Вооружившись винтовками, покинули они район и ушли в центр. Их послали к зданию градоначальства. Пулемётная очередь сразила Жебрунова наповал и смертельно ранила Барболина.

Красные части утвердились в переулках, идущих к Совету, и продвинулись до Большой Никитской, которая стала границей между ними и юнкерами.

Революционные войска утром 29 октября с боем вновь заняли почту и телеграф. Красногвардейцы установили, что комитет служащих задерживал телеграммы советской власти. Города, где победила революция, были выключены из телеграфной сети. Караул на телеграфе арестовал часть членов комитета служащих и сообщил об этом Военно-революционному комитету. Последний прислал особого комиссара.

В Лефортове, после того как рабочие мастерских тяжёлой артиллерии нашли панорамы, огонь пушек стал более метким. Снаряды рвались в здании Алексеевского военного училища. Большинство кадет и служащих сдалось, юнкера же и кадеты старших классов продолжали сопротивляться.

В Хамовниках 29 октября красногвардейцы небольшими партиями, в три-пять человек, пробрались домами и дворами в тыл противника. Юнкеров забрасывали гранатами, открывали неожиданный огонь. Солдаты 193-го полка установили на Остоженке бомбомёт в окопе.

Всего в 200 шагах были окопы белых. Огонь частый. Над окопом нельзя было показаться. Красногвардейцы Замоскворечья, на территории которого в это время боёв уже не было, заняли мосты через Москва-реку. Отправляли вооружённые отряды для совместных действий с Хамовническим районом против штаба военного округа. Кроме того одной из важнейших задач Замоскворечья было обеспечить бесперебойную работу электростанции, что и было выполнено.

Особое значение Замоскворецкого района в Октябрьские дни заключалось в том, что там было сосредоточено много фабрик и заводов, которые служили источником для создания красногвардейских отрядов. В здании Коммерческого института с 29 октября обосновался Партийный боевой центр. В Замоскворечье же в дни боёв находились редакции «Социал-демократа» и «Известий» Московского Совета.

В Пресненском районе за 29 октября военно-революционный комитет организовал и вооружил до 600 человек. Были заняты 1 и 2-й комиссариаты милиции и захвачен на Воскресенском поле казачий разъезд.

В ночь на 30 октября в Пресненский район прибыли трёхдюймовые орудия из 1-й артиллерийской запасной бригады. Одно из них, установленное на Кудринской площади, стреляло по Казанской и Девятинской колокольням, занятым юнкерами. Второе было установлено у Зоологического сада, третье — у Горбатого моста.

Важнейшей задачей для района было удержать Александ-

ровский — ныне Белорусский — вокзал, который был занят без всяких столкновений военно-революционным комитетом этой дороги.

Боевые действия вооружённых сил Военно-революционного комитета успешно развивались.

Юнкера и офицеры сдали такую важнейшую позицию в центре города, как градоначальство.

В 9 часов вечера 29 октября штаб округа доносил в Ставку:

«...силы противника увеличиваются, и он становится с каждым часом наглее.

Окраины для нас совершенно недоступны...

...Сегодня большевики заняли уже все вокзалы, а в центре градоначальство, а также почту и телеграф, которые пришлось оставить за переутомлённостью отряда, отбивавшего успешно неоднократные атаки. Отряд пришлось перевести на телефонную станцию.

Алексеевское училище, где осталась рота юнкеров, мужественно защищается, хотя тяжёлая артиллерия большевиков разрушила верхнюю часть здания и вызвала пожары...

...Необходима крайняя помощь, так как положение, не имея в перспективе поддержки, не из блестящих»[1].

Дальнейший успех красных войск казался вполне обеспеченным.

6.

ПЕРЕМИРИЕ.

Обещая помощь Москве, генерал Духонин не учёл одного: в ряде важнейших пунктов по пути следования войск власть уже перешла в руки большевиков. Так, к 28 октября в руках рабочих были: Вязьма, Коломна, Шуя, Казань, Царицын, Минск, Новгород, Торопец, Речица, Витебск, Ржев, Подольск, Брянск, Егорьевск и Рязань.

Керенский отменил распоряжение об отправке драгун из Калуги в Москву. Он приказал отправить этот полк пассажирским поездом в Петроград. То же произошло и с вызванными в Москву из Калуги броневиками.

Вместо драгун из Калуги в Москву отправились две сотни кубанских казаков. Но в тридцати верстах от Вязьмы местный Совет разобрал железнодорожный путь. Казачьи офицеры попытались продвинуться в Москву кружным путём, но в Туле были задержаны.

Направленная с Юго-западного фронта через Гомель, Оршу и Вязьму кавалерийская бригада в Орше встретила неожиданное препятствие: двинутый было в Петроград 623-й пехотный полк занял своими эшелонами станцию и заявил, что ни одной части ни в Петроград, ни в Москву не пропустит.

Попытки Духонина вызвать казаков с Дона тоже потерпели крах. Атаман Каледин ответил, что для посылки казаков в Москву «требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков» [1].

Не помогли клеветнические попытки представителей «комитета общественной безопасности» убедить фронтовых солдат, будто «большевики организовали в Москве погром»; будто «в Москве пьяные банды жгут всё и режут ни в чём неповинных людей».

Бдительность революционных рабочих и солдат не допустила в Москву вызванных контрреволюцией подкреплений; и «комитет общественной безопасности» не получил извне вооружённой помощи. Но помощь всё же шла. К 30 октября должны были прибыть войска с Юго-западного фронта. С часу на час ожидали падения Петрограда, где началось юнкерское восстание. Нужно было выиграть хотя бы один-два дня. В этом «комитету общественной безопасности» помог Викжель.

29 октября Викжель через своё московское бюро предъявил Военно-революционному комитету и «комитету общественной безопасности» ультиматум:

> «Немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционно-социалистического правительства» [2].

Он угрожал всеобщей железнодорожной забастовкой с 12 часов ночи на 30 октября,

> «если к тому времени боевые действия Петрограда и Москвы не будут прекращены» [3].

Московский военно-революционный комитет вновь пошёл на переговоры. В 12 часов ночи 29 октября было объявлено перемирие. О нём сообщили по телефону и разослали специальных гонцов. Красные части не поверили перемирию: победа, казалось, уже в руках, а тут вдруг перемирие! Когда одному артиллеристу вручили приказ о прекращении стрельбы, он прочёл его, скомкал, бросил негодующе в сторону и сказал:

— Пишут что-то непонятное, — и стал продолжать обстрел.

Понадобился второй приказ, чтобы заставить артиллериста прекратить огонь.

С большим трудом удалось добиться временного затишья.

Обстрел телефонной станции не прекращался.

Ультиматум Викжеля шёл навстречу интересам контрреволюции. Один из активных её защитников впоследствии писал:

«Ультиматум «Викжеля» значительно поднял настроение «комитета общественной безопасности»...

И поэтому «комитет общественной безопасности» охотно согласился на перемирие»[1].

Викжель образовал согласительную комиссию в составе представителей Московского военно-революционного комитета, «комитета общественной безопасности», московской организации меньшевиков, Совета солдатских депутатов (старого), совета союза почтово-телеграфных служащих и московского бюро Викжеля и предложил ей следующий проект соглашения:

«1. Образованные специально в связи с вооружённым столкновением сводные части, как солдатские, так и офицерские, распускаются.

2. Обе стороны издают постановление о сдаче оружия, захваченного для организации боевых дружин в период боевых действий.

3. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обеих сторон на паритетных началах и представителей Викжеля.

4. В Москве создаётся орган, объединяющий и руководящий обычной деятельностью всех органов власти и обладающий чрезвычайными полномочиями; этот орган сохраняется впредь до решения центральным правительством вопроса об организации власти на местах. Состав его: от городского управления — 7 представителей, от Московского Совета рабочих и солдатских депутатов—7, от губернского земства—2, от губернских Советов рабочих и крестьянских депутатов — по одному, от Центрального совета профессиональных союзов, от почтово-телеграфного союза и от Викжеля — по одному. При этом Военно-революционный комитет и «комитет общественной безопасности» — упраздняются.

5. Временным комитетом (т. е. органом, предусмотренным предыдущим пунктом) создаётся специальная следственная комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве, и ответственность отдельных лиц и организаций.

6. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям и поступают в распоряжение командующего Московским военным округом, действующего по уполномочию Временного комитета»[2].

Военно-революционный комитет, со своей стороны, внёс в согласительную комиссию свой проект соглашения следующего содержания:

«1. Вся власть в Москве находится в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2. Сводные части (как офицерские, так и солдатские) распускаются.

3. Красная гвардия в интересах защиты революции не уничтожается, белая гвардия распускается. Оказавшееся излишним оружие передаётся в арсенал.

4. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям»[1].

Согласительная комиссия положила, конечно, в основу обсуждения проект Викжеля.

Глубокой ночью на 30 октября в «царском павильоне» Курского вокзала собрались представители двух лагерей.

Обстановка нервная. То и дело раздаются выстрелы. Руднев упрекает большевиков, что красногвардейцы нарушают перемирие. Советские представители удивляются тонкости слуха Руднева, который различает, кому принадлежат выстрелы. Викжелевцы — их присутствовало несколько человек — умоляют прекратить перебранку и приступить к обсуждению.

Приступили. Проект большевиков был признан явно неприемлемым. Руднев и Шер всячески затягивали переговоры. Они настаивали на роспуске Красной гвардии и Военно-революционного комитета.

Пункты 1, 3, 6 соглашения, предложенного Викжелем, были приняты всеми, в том числе и представителями Военно-революционного комитета. Но представители Военно-революционного комитета были против пунктов 2 и 5; а пункт 4 в части, касающейся состава власти, они согласились принять только после ультимативного требования Викжеля. Так как обсуждение вопроса о соглашении не было закончено, согласительная комиссия постановила продлить перемирие ещё на 12 часов.

Переговоры кончились. Делегация Военно-революционного комитета ушла к автомобилю. но в это время подбежали Руднев и Шер, автомобиль которых исчез. Решено было взять их с собой до Совета. Оттуда их в санитарной карете доставили в городскую думу.

В тот же день, 30 октября, условия возможного соглашения стали известны в районах. Благуше-лефортовский военно-революционный комитет совместно с представителями районного штаба Красной гвардии и районного штаба военных частей потребовал включить в соглашение признание власти съезда Советов, временную передачу её Московскому Совету, имея в виду и управление штабом округа, сдачу оружия и арест всех белогвардейцев. Судьба их должна быть решена съездом Советов или особо им уполномоченным правительством.

Такие же постановления выносились и войсковыми частями. Так, ещё 29 октября, по получении сообщения о заключении перемирия, пленарное заседание представителей комитетов батарей 1-й запасной артиллерийской бригады постановило:

«Подчиниться приказу Военно-революционного комитета и прекратить военные действия, но в то же время... указать Военно-революционному комитету, что уступок при переговорах быть никаких не может, ибо спасение России и революции должно стоять выше интересов капиталистов»[1].

Аналогичные постановления выносились во всех районах.

Перемирие, объявленное в 12 часов ночи на 30 октября, в действительности не было соблюдено белогвардейцами.

В 6 часов 30 минут вечера 29 октября Рябцев отдал формальный приказ о прекращении всяких боевых действий. Однако за час до официального начала перемирия, в 11 часов ночи на 30 октября, начальник охраны белогвардейского штаба Никитского района отправил отряд юнкеров под командой прапорщика встретить «батальон смерти», прибывающий с фронта на Брянский вокзал, и очистить от большевиков путь для его следования. Арбат попрежнему находился в руках юнкеров. Отряд без препятствий дошёл до Смоленского рынка. Это совпало уже с началом перемирия. Белогвардейцы послали разведку к Бородинскому мосту, охраняемому двадцатью красногвардейцами. Разведчики выдали себя за солдат 193-го полка, прошли на Брянский вокзал и направились обратно на Смоленский рынок. Охраняющие мост красногвардейцы, захваченные врасплох, встретили белых огнём, но юнкера и офицеры окружили их, двух сбросили в реку, шестерых убили, а двенадцать красногвардейцев взяли в плен. Оставив на мосту пост для встречи ожидаемого «батальона смерти», белогвардейцы напали на 2-й Хамовнический комиссариат милиции, с боем его заняли, забрали здесь 10 человек в плен и захватили 18 берданок.

В 6 часов 25 минут утра на Брянском вокзале высадился ожидавшийся «батальон смерти» — 176 человек. Он беспрепятственно прошёл до Смоленского рынка, где был встречен отрядом юнкеров и направлен в Александровское военное училище.

Известие о налёте юнкеров и о прибытии батальона ударников поставило на ноги весь Хамовнический район.

Районный военно-революционный комитет направил на Брянский вокзал полуроту 193-го пехотного запасного полка под командой прапорщика-большевика Сулацкого. Вокзал был занят 30 октября в 10 часов вечера. Викжелевцы и комендант станции протестовали и угрожали вызвать юнкеров. Председатель полкового комитета приказал солдатам оставаться до распоряжения военно-революционного комитета.

Прибывший в этот день на Брянский вокзал ещё один отряд солдат-ударников сдался занимавшим вокзал красногвардейцам. Солдаты заявили, что их обманули и отправили в Москву под предлогом получения обмундирования. Узнав о том, что здесь идёт борьба между солдатами и юнкерами, ударники передали

себя в распоряжение Хамовнического военно-революционного комитета.

Одновременно с налётом на Хамовники и Брянский вокзал юнкера в районе Никитских ворот начали занимать позиции на так называемой нейтральной зоне, которая была определена специальной комиссией. Они повели наступление на позиции красных от Никитских ворот по Тверскому бульвару. Артиллерийским огнём от памятника Пушкина юнкера были отброшены назад, и Красная гвардия в тот же день, 30 октября, заняла старые позиции.

В Городском районе возмущение красногвардейцев и солдат вероломством белых вылилось в форму решительного наступления на Центральную городскую телефонную станцию. В Лефортове наступление на Алексеевское военное училище закончилось: юнкера сдались 30 октября в 12 часов дня.

В училище были взяты 13 пулемётов, много винтовок и других боевых припасов.

В бою у Алексеевского училища погиб старый большевик — рабочий П. П. Щербаков. В годы войны он был секретарём районного комитета большевиков, в конце 1915 года арестован вместе с товарищем Молотовым, работавшим тогда в Москве, и сослан в Иркутскую губернию. По возвращении из ссылки Щербаков организовывал текстильщиков Лефортовского района. В качестве санитара он ушёл в бой с небольшим отрядом красногвардейцев.

Цель ультиматума Викжеля стала ясна всем: под прикрытием переговоров обмануть бдительность московских рабочих и солдат, чтобы подтянуть резервы, занять выгодные позиции и нанести московскому пролетариату решительный удар.

Попытка белых не увенчалась успехом. Неослабная бдительность и революционная инициатива рабочих и солдатских масс разбили планы контрреволюции. В то же время разоблачение вероломных замыслов соглашателей заставило умолкнуть и сторонников «бескровного» окончания восстания. В дальнейшем последние пытались лишь противодействовать широкому применению артиллерийского огня.

Нарушение перемирия белогвардейцами вызвало возмущение и в провинции. В Москву ежедневно стали прибывать красногвардейские и солдатские отряды, идущие на помощь московскому пролетариату и гарнизону.

Военно-революционный комитет отверг продление перемирия, отказался принять проект соглашения Викжеля и послал в 11 часов 55 минут ночи на 31 октября в «комитет общественной безопасности» следующую телефонограмму:

«Сегодня в 12 часов (ночи) кончается перемирие. Викжель предложил продолжить его на 12 часов. Ввиду того, что то

соглашение, которое было принято (согласительной комиссией), принципиально и по форме (пункты 2, 4, 5 и 6), неприемлемо; перемирие продолжено быть не может. В случае если вами будет признано необходимым и желательным продолжить перемирие, то сообщите по телефону 2-23-14. Переговоры возможны лишь на основании платформы, принятой Советами в последней резолюции. Письменное изложение настоящей резолюции будет прислано сегодняшней ночью через Викжель»[1].

Приводим и резолюцию, о которой идёт речь в этой телефонограмме:

«КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Военно-революционный комитет ставит необходимым условием прекращения боевых действий (мира) следующее:

1. Вся власть в Москве переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые выдвигают полновластный орган в составе: 7 (семи) представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов (пропорционально фракциям) и по одному представителю от Совета крестьянских депутатов (1), губернского Совета рабочих депутатов (1), Московской городской думы (1); земства (1), Совета районных дум (1), Центрального бюро профессиональных союзов (1), союза городских рабочих и служащих (1), Красной гвардии (1), Всероссийского железнодорожного союза (1) и Почтово-телеграфного союза (1), всего 17 (семнадцать).

Этот орган утверждается на первом пленарном собрании Совета рабочих и солдатских депутатов и существует впредь до организации власти Учредительным собранием.

2. Разоружение юнкеров и белой гвардии, причем Военно-революционный комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности. (Принято единогласно.)»[2]

Убедившись в провале своих расчётов, контрреволюция предпринимает ещё одну попытку оттянуть момент своего разгрома.

В ночь на 31 октября, т. е. уже после срыва перемирия, по инициативе «комитета общественной безопасности» состоялось совещание представителей меньшевиков, объединенцев, «левых» эсеров, Бунда, Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов старого состава и меньшевистского областного бюро Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это совещание объявило себя «объединённым инициативным органом». Оно решило воздействовать на борющиеся стороны для прекращения дальнейшего кровопролития и образовать в Москве — вместо «подлежащих немедленной ликвидации» Военно-револю-

ционного комитета и «комитета общественной безопасности» — особый орган власти.

Контрреволюция рассчитывала с помощью соглашателей и «нейтральных» организаций выиграть время, так как она всё ещё не теряла надежды на прибытие подкреплений с фронта.

31 октября этот «инициативный орган» направил своих делегатов — меньшевиков и объединенцев — в Военно-революционный комитет, а «левых» эсеров — в думу с целью «вмешаться в борьбу». Однако Военно-революционный комитет не стал с ними разговаривать.

В тот же день, 31 октября, в Военно-революционный комитет явилась делегация Совета крестьянских депутатов, предложившая свою платформу для заключения соглашения о прекращении боевых действий. Эта платформа была близка к той, которую отстаивал Военно-революционный комитет.

Делегаты Совета крестьянских депутатов заявили, что они не давали своему представителю в «комитете общественной безопасности» мандата на борьбу с советскими войсками.

На Совет крестьянских депутатов решающее влияние оказали декреты II съезда Советов и Совета народных комиссаров о земле и мире. Среди членов Совета произошёл резкий перелом, обеспечивший провал эсеровского влияния.

Пока шли переговоры, штаб округа в поисках помощи принимал лихорадочные меры. Поручик Ровный не по инстанции, вне всякой очереди, умолял выслать из Калуги отряд вместе с броневиками. Если нельзя весь отряд, то хоть часть.

Второй помощник Рябцева, Кравчук, тайком выбрался из Москвы, доехал до Смоленска и отсюда стал допытываться у Ставки, где же кавалерия, которая была обещана к 30 октября. Кравчука связали с Духониным.

«Положение московского отряда тяжёлое, — докладывал Кравчук, — за отсутствием достаточного количества патронов и продовольствия. Настроение твёрдое и устойчивое. Патронные склады и продовольственные заняты большевиками. При моём отъезде формировался отряд для нападения на склады. Мне неизвестно, удалось ли его осуществить. Если нет, долго держаться отряд не может, и, весьма возможно, придётся пробиваться из Москвы...

Комитет спасения революции настоятельно просит самой спешной и энергичной поддержки» [1].

Духонин сообщил в ответ, какие именно части направлены в Москву, и добавил, что на Румынском фронте создаётся специально для Москвы отряд в шесть батальонов с артиллерией. Кроме того вновь послана просьба на Дон срочно выслать казаков.

«С вашей помощью отстоим Москву» [2], — обрадованно заявил Кравчук.

Выстрел по Кремлю. — *Картина В. В. Мешкова.*

Вечером 30 октября в городской думе состоялось многолюдное заседание. Были там: «комитет общественной безопасности», Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов старого состава, Московский комитет партии эсеров, представители фракций думы. Собрание напоминало скорее похороны, чем политическое совещание. В мрачной тишине Руднев сообщил о неудаче переговоров. Дальнейшая борьба неизбежна, и вина за это падает на большевиков. Сам Руднев и некоторые выступавшие отмечали особо роль Викжеля. Представители Викжеля тут же на собрании заявили, что большевики не приняли их условия, а «комитет общественной безопасности» согласился с ними. Ввиду этого Викжель с настоящего момента активно будет выступать против большевиков и начнёт беспрепятственно перевозить войска в Москву[1].

Заявление Викжеля было встречено молчанием: все прекрасно понимали, что перевозка войск зависела вовсе не от этих случайных людей, которые, как пена во время прибоя, оказались на гребне революционной волны.

Вдруг потухло электричество: большевики лишили света районы, занятые белыми. Тусклый огонь свечей ещё более оттенял похоронный характер совещания.

Белогвардейцы не получали помощи, а революционным войскам непрерывно шли подкрепления. Подошли моряки из Петрограда. В разгар юнкерского восстания в Петрограде и наступления на столицу войск Краснова — Керенского Ленин и Сталин нашли возможным выделить помощь Москве. 29 октября Ленин выступил в Петрограде на совещании представителей гарнизона. Рассказав о попытке юнкерского мятежа, Ленин сообщил о положении в Москве: «В Москве они (юнкера. — *Ред.*) взяли Кремль, а окраины, где живут рабочие и вообще беднейшее население, не в их власти».

По указанию Ленина в тот же день — 29 октября — 500 кронштадтских моряков были посланы специальным поездом на помощь московским революционным войскам. К вечеру 30 октября моряки прибыли в Москву и влились в ряды её революционных борцов.

30 октября Свердлов направил из Петрограда в Москву группу специалистов для обслуживания радиостанции.

7.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ.

Боевые действия в 12 часов ночи на 31 октября открылись артиллерийской канонадой.

Два орудия Хамовнического района пытались; — правда, вначале неудачно; — обстреливать штаб округа на Пречистенке.

Три пушки в Пресненском районе начали обстрел Александровского военного училища, Поварской и Никитских ворот.

После сдачи Алексеевского военного училища орудия «Мастяжарта» стали действовать на других участках. Две 42-линейные гаубицы были поставлены у Андроньевского монастыря с заданием обстрелять Кремль. Но по просьбе Рогожского района их отправили к Крутицким казармам для обстрела 6-й школы прапорщиков — георгиевских кавалеров. Стрелять им там не пришлось. Около сотни юнкеров, увидев артиллерию, сдалось в 3 часа 30 минут 31 октября.

Те же два орудия были установлены на Швивой горке.

Отсюда шёл обстрел Малого Николаевского дворца и Спасских ворот в Кремле.

Грохот орудий и рвавшихся снарядов и прибытие подкреплений из провинции влили в красногвардейские и солдатские массы новую энергию.

Никитские ворота громила артиллерия со Страстной площади. Отряд, взявший градоначальство, повёл наступление по Тверскому бульвару. Задача: захватить дом Гагарина в конце бульвара. Прикрытий не было. Сквозь голые деревья бульвара видно, как мечутся и разбегаются юнкера после каждого выстрела из пушки.

Красногвардейцы попросили артиллеристов прекратить стрельбу. Стало тихо. Стрекотал только юнкерский пулемёт. Вдруг красный отряд поднялся и бросился вперёд. Юнкера усилили огонь. Ряды наступавших поредели, но остальные с криками «ура» мчались дальше. Казалось, штурмует не сотня, а тысячи. Юнкера не выдержали атаки. Дом был занят. Часть юнкеров попала в плен. Другие отступили и закрепились в домах на Большой Никитской. Занятый дом юнкера осыпали градом пуль. К окнам нельзя было подступить. Много красногвардейцев оказалось ранеными, а под руками нехватало перевязочных средств. Спустились вниз. Около дома лежало с десяток убитых и раненых. Сидела группа солдат. Одни курили, другие ели шоколад, захваченный у юнкеров, и слушали игру на гармонике. В первом этаже дома красная артиллерия разбила музыкальный магазин, откуда солдаты достали гармонику. Кто-то

запротестовал против игры; но другие, лёжа в цепи и продолжая стрелять, потребовали:

— Играй! Играй! Веселей будет умирать за Советы.

Установив два пулемёта на верхнем этаже, красные удерживали за собой гагаринский дом.

Рождественка была вся занята красногвардейскими отрядами, вплоть до Театрального проезда. Самокатчики, занявшие Малый театр, повели обстрел городской думы, где заседал «комитет общественной безопасности». Большая Дмитровка тоже была в руках красных, засевших в доме № 2 на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда.

Лефортовскому и Рогожскому районам, покончившим с юнкерами, штаб Центрального военно-революционного комитета дал приказ перейти в общее наступление. Лефортовцы отправили около 450 человек на поддержку наступления в центре и на городскую телефонную станцию; рогожско-симоновцы стали наступать по направлению к Лубянской площади.

Продвижение красногвардейских отрядов по улицам происходило под обстрелом засевших в домах белогвардейцев-одиночек и охранных дружин, организованных домовыми комитетами. Приходилось производить обыски подозрительных домов. Всё это очень замедляло продвижение отрядов. Военно-революционный комитет опубликовал приказ, обязывающий домовые комитеты сдать всё имеющееся у квартирантов оружие в районные Советы рабочих депутатов.

По приказу штаба Военно-революционного комитета артиллеристы открыли из стоявшего у Совета орудия огонь по гостинице «Националь». Под прикрытием этого огня были направлены два отряда, по 50 человек каждый: один — с заданием занять гостиницу «Националь», другой — продовольственное отделение городской управы, помещавшееся на углу Тверской и Охотного ряда.

Из Кимр-Савёлова большевистский комитет прислал делегатов с предложением выступить на помощь Москве. Выяснилось, что в Савёлове имеются броневики. За ними немедленно был командирован старый большевик В. В. Артишевский, который 1 ноября привёл оттуда две броневые машины. Требование на два броневика было послано и Казанскому военно-революционному комитету.

В Дорогомилове отряд красногвардейцев 31 октября вновь занял мост. Дорогомиловцы послали в Московский Совет за оружием товарища М. И. Шломина — рабочего-большевика. На Смоленском рынке юнкера задержали грузовик, стащили с него Шломина и расстреляли[1].

Наиболее тяжёлые бои происходили на Остоженке и Пречистенке. Наступать было трудно. Юнкера обстреливали улицы

Бой у Никитских ворот. *Рисунок Г. К. Савицкого.*

из пулемётов. Всё время моросил дождь. Неглубокие окопы залило. Красногвардейцы лежали в грязи и воде. Они по очереди уходили греться в чайную, где были перевязочный пункт и продовольственная база. Уходивших заменял Андреев, мальчик лет 13—14, сын кузнечного мастера завода Михельсона. Он ни за что не хотел уходить из окопа. Небольшого роста; Андреев мог бегать по окопу не сгибаясь. Он стрелял по очереди из оставшихся винтовок, чтобы показать юнкерам, что окопы не пусты. Как-то Андреев уронил винтовку за бруствер окопа. Он мигом вскочил на бруствер. Юнкера заметили его и изрешетили из пулемёта. Три дня боролся маленький герой со смертью. Когда товарищи по окопу навестили его, он встревоженно спросил:

— Ну как? Взяли штаб? Разбили юнкеров?

Ему ответили: «Да». Забыв про раны, мальчик радостно крикнул «ура» и с улыбкой умер.

Юнкера, сжимаемые со всех сторон, пытались прорваться к Брянскому и Александровскому вокзалам через Пресню. Они знали, что на вокзалах высаживаются ударники. После упорного боя юнкера захватили Кудринскую площадь. Белые заняли Садово-Кудринскую и Сенную площадь; создав угрозу обхода. Пресненский военно-революционный комитет решил

перегруппировать отряды и подтянуть свежие силы для нового наступления.

По всем районным штабам Военно-революционный комитет разослал распоряжение прислать всех свободных бойцов.

Из мызы Раево прибыло 500 красногвардейцев и 14 бомбардиров с бомбами. Мыза Раево расположена в 17 километрах от Москвы. Там находились базисные огнесклады. Их обслуживало около 8 тысяч солдат. Как только в Раеве узнали о борьбе в Москве, большевики создали военно-революционный комитет. Рядом, в Перловке, стояла 84-я дружина, охранявшая склады. Группа большевиков приехала в дружину, объявила командиров арестованными и под угрозой окружения раевским гарнизоном потребовала сдать оружие. Командиры поверили и выдали 800 берданок. Ими вооружили солдат мызы Раево. Всего на помощь Москве из Раева пришло до тысячи человек. Отсюда же шло снабжение столицы снарядами.

В тот же день, 31 октября, Военно-революционный комитет приказал Серпуховскому Совету рабочих и солдатских депутатов прислать 300 бойцов, Ржевскому — «сколько возможно» пулемётов и солдат; Подольскому Совету — тысячу красногвардейцев [1]. Нужны были силы для решительной атаки.

31 октября и Ставка проявила исключительную энергию в поисках войск на помощь Москве. Из Черкасс вызвали три батальона ударников, но оказалось, что они уже ушли в Киев на подавление большевистского восстания. Взамен ушедших Ставка потребовала три других батальона, по одному от каждой армии Юго-западного фронта.

Скоро узнали, что в Черкассах стоит какой-то Сибирский революционный батальон. Приказали грузить его. Кто-то сообщил, что при 73-й дивизии есть штурмовой батальон.

Ставка перебирала фронты, армии, даже отдельные дивизии, пытаясь хоть что-нибудь подбросить Рябцеву. Но отовсюду приходили одни и те же сведения: если и можно погрузить, то нельзя протолкнуть эшелоны через Оршу или Вязьму. Гарнизоны узловых станций под Москвой не пропускали войск на помощь Рябцеву. Напротив, отряды красногвардейцев и солдат на помощь восставшим быстро проталкивались вперёд. Угроза Викжеля осталась на бумаге: низы железнодорожников через голову руководителей помогали революции.

8.

РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

С утра 1 ноября боевые действия во всех районах Москвы развивались блестяще. Этот день стал днём решающей победы советских войск.

Прежде всего была взята телефонная станция в Милютинском переулке. Высокое, похожее на крепость здание, с редкими окнами, хорошо было приспособлено к обороне. Белые перегородили улицу баррикадой, забили вход в станцию дровами, железными воротами. Из пулемётов и винтовок юнкера открывали такой частый огонь, что подойти к станции не было возможности. Снабжённые достаточным запасом продовольствия и патронов юнкера могли выдержать многодневную осаду. Внутри станции сотрудники продолжали работать, поддерживая связь с центром.

Усиевич, осаждавший станцию, послал в штаб за артиллерией. На рассвете 1 ноября красногвардейцы установили бомбомёт на церковной колокольне и начали обстрел верхних этажей станции. Первая бомба упала на крышу, вторая — через окно влетела в комнату. Посыпались стёкла. Обрушилась штукатурка. Многие юнкера получили ушибы, были раненые. Юнкера вывесили белый платок. Усиевич предъявил им требование безусловной сдачи, гарантируя личную безопасность.

Через 10 минут юнкера и офицеры стали выходить и складывать оружие.

В 5 часов утра 1 ноября штаб Военно-революционного комитета отправил три отряда по 50 человек на Театральную площадь: один — в Малый театр, второй — в Большой театр и третий — в гостиницу «Централь» на Петровке.

У Большого театра было установлено трёхдюймовое орудие для обстрела городской думы.

Стоявший в Охотном ряду отряд в 5 часов утра, получив подкрепление, занял гостиницу «Континенталь». Это дало возможность установить второе орудие в проезде Большого театра. Из него начали обстрел гостиницы «Метрополь».

Красные части появились уже почти под стенами Кремля. На противоположной стороне Москва-реки отряды Замоскворечья всё время держали под огнём своих пулемётов и винтовок зубцы Кремлёвских стен.

Юнкера за толстыми стенами Кремля были в безопасности.

Большую роль в штабе Замоскворечья играл П. К. Штернберг, крупный, европейски известный учёный, профессор астрономии Московского университета. Штернберг примкнул к большевикам в 1905 году.

Получив назначение в военно-революционный комитет Замоскворечья, Штернберг горячо принялся за работу. Необы-

Юнкера на охране телефонной станции.

чайно мягкий, отзывчивый; он тяжело переживал страдания раненых. Его глубоко штатский вид, общий облик старого интеллигента вызывали удивление, когда он появлялся на позиции. Но под внешней оболочкой мягкости скрывалось мужественное сердце революционера. Личным примером вдохновлял он красногвардейцев на самопожертвование, проявлял исключительную твёрдость и решительность.

В штабе неоднократно обсуждали, как взять Кремль. Был и такой план, предложенный рабочими завода Михельсона: ночью на лодках доплыть до устья речки Неглинки, как известно, протекающей у Кремля в подземной трубе, пробраться по трубе в Кремль и взять его приступом. Всё же остановились на бомбардировке Кремля.

В то же утро в помещении Московского военно-революционного комитета состоялось совещание районных штабов. Совещание требовало использовать против белых все технические средства, вплоть до метания бомб с аэропланов, начать решительные действия против юнкеров в Кремле и Александровском училище. Военно-революционный комитет принял план наступления, запретив, однако, метать бомбы с аэропланов и орудийный обстрел думы. На Воробьёвы горы был отправлен 7-й тяжё-

лый украинский дивизион, который до сих пор занимал нейтральную позицию.

1 ноября к артиллерии, которая бомбила Кремль со Швивой горки, прибавилась тяжёлая артиллерия.

Утром 1 ноября и Пресня перешла в наступление.

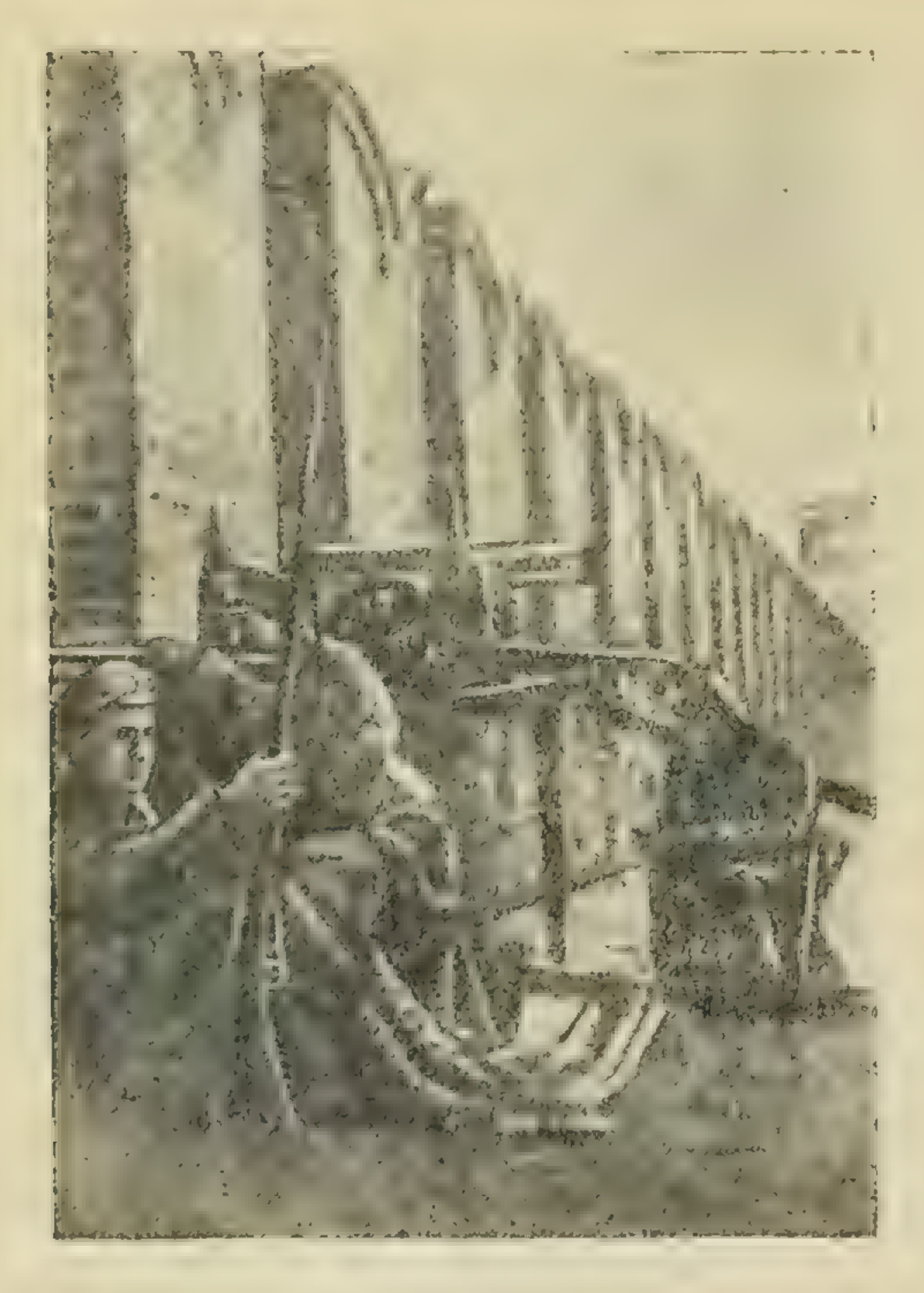
Пресненские артиллеристы стали обстреливать отдельные дома, в которых укрепились белые. Военно-революционный комитет дал распоряжение обстреливать только вполне определившиеся юнкерские базы, чтобы избежать разрушения города и лишних жертв. К 11 часам утра красногвардейцы вернули Сенную и Кудринскую площади. На Кудринской срочно возвели баррикады для защиты от нападений со стороны Новинского бульвара.

От Центрального военно-революционного комитета получено было предписание занять весь район до Никитских ворот и соединиться с отрядом, действующим там.

В районе утром 1 ноября положение осложнилось пожаром в гагаринском доме. Его занимала Красная гвардия. Причина пожара осталась невыясненной. Он начался в находившейся в этом доме аптеке. Юнкера использовали пожар и отбросили

Группа красногвардейцев, сражавшихся у Никитских ворот.

Юнкера на Кремлёвской стене.

красный отряд, заняв пекарню Бартельса на углу Большой Никитской и проезда Тверского бульвара. Бои в этом районе отличались большой напряжённостью. Неоднократно происходили встречные штыковые атаки. Военно-революционный комитет послал отряд в 100 человек. К вечеру 1 ноября красногвардейцы занимали одну сторону Никитской улицы, вправо и влево от горящего здания.

После взятия телефонной станции красногвардейцы Городского района с двумя пулемётами повели наступление на Китай-город и заняли Политехнический музей. Юнкера, охранявшие Никольские, Владимирские, Ильинские и Варварские ворота, не позаботились об охране Проломных ворот в Китай-городе. Заняв Проломные ворота, красногвардейцы фланговым огнём выбили юнкеров первоначально из Владимирских ворот, а затем из Ильинских и Никольских.

В 8 часов вечера продвижение красногвардейцев по Ильинке и Никольской ещё продолжалось.

Рогожско-симоновский район, занявший позиции вдоль Китайгородской стены от Москва-реки до Политехнического музея, взял Варварские ворота и повёл наступление по Варварке.

Хамовнический район, продвинувшись через Плющиху и прилегающие переулки, стал наступать по Смоленскому бульвару и Лёвшинскому переулку. Успешно шёл орудийный обстрел 5-й школы прапорщиков. Однако неожиданное появление на Смоленском рынке блиндированного грузовика с юнкерами заставило красногвардейцев отступить.

На Остоженке и Пречистенке бои шли с прежним упорством: юнкера отчаянно защищали подступы к штабу округа и Александровскому училищу — центру сопротивления. Борьба принимала затяжной, позиционный характер. Красные отряды были

изнурены, устали от бессменных боёв. На красногвардейцев, не привыкших к длительным операциям, затяжка действовала удручающе. Замоскворецкий революционный комитет направлял сюда лучших бойцов. Позицию на Остоженке защищал молодой, 23 лет, Пётр Добрынин, рабочий телефонного завода, большевик. Весёлый, жизнерадостный, он ходил по окопам, внося уверенность в ряды бойцов. Его голову с львиной гривой волос красногвардейцы видели непрерывно. Казалось, он не знал сна. В одном из боёв Добрынин был ранен пулей в плечо навылет, но не покинул позиции. Добрынин продолжал командовать участком, своим упорством и мужеством заражая красногвардейцев. Опасаясь обхода юнкеров, он сам ходил в разведку, проникая в тыл юнкерам. В одной из таких разведок его убили. Тело героя разыскали только после разгрома белых.

Тут же на Остоженке погибла Люсик Лисинова (Лисинян), курсистка Коммерческого института, один из организаторов союза рабочей молодёжи «Третий Интернационал».

Во время боёв в Замоскворецком районе Лисинова перевязывала раненых, под пулями ходила с донесениями, принимала сводки. Узнав о тяжёлом положении на Остоженке, она решительно заявила:

— Я иду к нашим на Остоженку.

В час дня 1 ноября пуля юнкера сразила самоотверженную девушку, полную горячей любви к делу пролетариата.

Белым не удалось выбить красногвардейцев из окопов.

К ночи 1 ноября линия фронта проходила через конец Плющихи и Неопалимовского переулка, захватывала часть Смоленского бульвара от Неопалимовского переулка до Зубовской площади. Дальше она пересекала Пречистенку у каланчи и Остоженку у Коробейникова переулка.

К исходу дня 1 ноября общая картина была такова: продолжалось наступление красногвардейцев на Красную площадь и городскую думу. Юнкера занимали одну сторону Никитской улицы, Никитский бульвар и Арбат. Пречистенка и Остоженка, где находилась их база — штаб округа, — были заняты ими до линии фронта Хамовнического района. Замоскворечье сдерживало попытки юнкеров прорваться на ту сторону Москва-реки и посылало подкрепления своим отрядам, которые дрались с юнкерами штаба военного округа. Красногвардейцы, наступая переулками от Поварской и Пречистенки, пытались занять хотя бы небольшой участок на Арбате, чтобы прервать сообщение между Александровским военным училищем и 5-й школой прапорщиков.

1 ноября Военно-революционный комитет продолжал вызов подкреплений, готовясь к решительной атаке. Шуйскому военно-революционному комитету приказано было выслать 500 солдат

в полном вооружении и снаряжении. Тверскому — грузить 57 и 196-й пехотные запасные полки, а также тяжёлый артиллерийский дивизион.

Из Мытищ прибыл отряд в 90 человек, из Кольчугина — 1:0. Их отправили в Сокольнические мастерские поужинать и отдохнуть, после чего они должны были выйти на позиции.

1-го же ноября на Курский вокзал прибыл эшелон, в котором находились солдаты: из Коврова 400 человек 250-го пехотного запасного полка с десятью пулемётами, из Александрова 300 человек 197-го полка, из Владимира 70 человек 82-го пехотного запасного полка. Из Старицы прибыло 350 сапёр, 100 человек из них направили в Замоскворецкий район.

Пополнения шли непрерывным потоком. Казалось, вся область поднялась против белых!

Сведения о массовом подъёме попадали в лагерь контрреволюции. Звонили по телефонам, прибегали свидетели, наблюдавшие высадку красных, викжелевцы передавали списки прибывших вагонов. Особенно угнетающе действовала на белых тяжёлая артиллерия. Размеренно, через определённые промежутки времени, раздавался пушечный гул, потрясая здания Кремля.

В рядах белой гвардии росло убеждение в своей обречённости, никчёмности борьбы. Офицеры не выдерживали нервного напряжения. О победе уже не мечтали. Старались спасти жизнь. На сцену вновь выползли соглашатели, на этот раз самые «левые». Уже одно появление этих ходатаев по делам белых говорило, что разгром юнкеров близок. Не без ведома «комитета общественной безопасности» в ночь на 2 ноября в комнате Военно-революционного комитета появилась делегация от объединенцев и «левых» эсеров.

Она поставила вопрос о немедленном перемирии и создании временного комитета в составе 40% большевиков, 40% оборонческих партий и 20% меньшевиков-интернационалистов. Эта делегация утверждала, будто бы в Петрограде уже достигнуто такое соглашение между социалистическими партиями.

Военно-революционный комитет предложил соглашение, по которому юнкера должны быть разоружены, вся власть переходит к Советам, создаётся орган власти в составе Военно-революционного комитета, пополненного представителями других организаций, — всего 17 человек.

Делегация ушла с тем, чтобы передать эти условия «комитету общественной безопасности».

Однако последний под влиянием боевых успехов революционных войск и Красной гвардии решил сдаться до прихода посредников.

Положение в «комитете общественной безопасности» и его штабе было безнадёжным. Среди юнкеров произошёл опреде-

«... Кремль был окружён советскими войсками. Артиллерия в упор била по Никольским воротам».

Рисунок Н. П. Христенко.

лённый раскол. Раскол был и в самом штабе белогвардейцев. Там определилось течение против Рябцева, которого обвиняли в нерешительности и соглашательстве с Советами.

С другой стороны, часть юнкеров поняла, что «комитет общественной безопасности» их обманывает. Этому в значительной мере помогла группа из числа сдавшихся в Лефортове юнкеров Алексеевского военного училища. Они явились в Замоскворечье в Партийный центр с предложением отправиться в Александровское военное училище, чтобы убедить юнкеров в бесцельности дальнейшей борьбы. Делегация эта 1 ноября была доставлена в Александровское училище и возвратилась оттуда как раз в момент переговоров Военно-революционного комитета с делегацией объединенцев и «левых» эсеров.

В результате среди юнкеров получился ещё более резкий раскол, чем в руководстве «комитета общественной безопасности».

Решительное наступление красных и артиллерийский обстрел юнкерских гнёзд ускорили этот внутренний развал.

В 6 часов утра 2 ноября Руднев, не дождавшись возвращения «левых» ходатаев, прислал Военно-революционному комитету письмо о капитуляции. «Комитет общественной безопасности» заявлял, что

«при данных условиях он считает необходимым ликвидировать в Москве вооружённую борьбу против политической системы, осуществляемой военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политическим и предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах»[1].

Через час по получении письма Руднева, в 7 часов утра, в Военно-революционный комитет явилась новая делегация от шести «социалистических» партий во главе со Ст. Вольским. Её цель была добиться смягчения условий сдачи. Делегация использовала все средства давления на членов Военно-революционного комитета. Она взывала к милосердию, угрожала судом истории, говорила о каких-то уступках в Петрограде, рисовала картины ужаса, в которых виноваты большевики.

Когда «комитет общественной безопасности» предъявил Военно-революционному комитету свой ультиматум, когда юнкера расстреливали солдат в Кремле, представители этих же «социалистических» партий бежали из Совета в белогвардейский стан. При победе пролетарской революции они явились защищать белогвардейцев.

Под давлением делегации Смирнов, впоследствии оказавшийся врагом народа, от имени Военно-революционного комитета предложил следующий проект:

«1. Комитет общественной безопасности прекращает своё существование.

2. Юнкера и белая гвардия разоружаются.

Офицеры остаются при присвоенном им оружии, причём Военно-революционный комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности.

3. Для вопроса о способе осуществления сдачи организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета и представителей организации, принимавших участие в посредничестве.

4. В случае принятия сторонами вышеуказанных пунктов Военно-революционный комитет немедленно отдаёт приказ о прекращении артиллерийской стрельбы»[2].

2 ноября утром Военно-революционный комитет в неполном составе принял этот соглашательский проект большинством голосов.

Пока в Совете шла разработка условий сдачи, боевые действия не приостанавливались ни на одну минуту. Тяжёлая артиллерия посылала в Кремль снаряд за снарядом. Красногвардейцы с боем гнали юнкеров к Кремлю.

В 10 часов 55 минут утра 2 ноября гостиница «Метрополь» была очищена от юнкеров. Полностью занят Китай-город наступавшими на него красногвардейцами. Освободившиеся после

взятия «Метрополя» отряды в третьем часу дня заняли городскую думу и Исторический музей, откуда юнкера и «комитет общественной безопасности» ещё в 3 часа утра 1 ноября из-за артиллерийского обстрела ушли в Кремль.

В этих операциях принимали деятельное участие и так называемые «волжские» части — свежие подкрепления, прибывшие из Владимира, Шуи, Александрова и Коврова во главе с М. В. Фрунзе, который лично руководил боевыми операциями против белых на Лубянке, при взятии гостиницы «Метрополь», городской думы и Кремля. Для подкрепления революционных сил московского пролетариата из Петрограда был направлен боевой отряд Красной гвардии и революционных матросов во главе с членом военной организации при ЦК РКП(б). 31 октября в распоряжение штаба Красной гвардии и военно-революционного комитета Городского района прибыл отряд петроградских красногвардейцев, которые немедленно по прибытии в Москву заняли боевые позиции в районе Сухаревской площади. 31 октября по распоряжению Ленина и Сталина из Петрограда выехали в Москву 2 000 красногвардейцев и моряков. Рано утром 1 ноября они прибыли в Москву и приняли участие в боевых операциях. Выступая на заседании Центрального Комитета партии большевиков, Ленин говорил: «Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву» [1].

Выступив вторично на этом же заседании, Ленин говорил: «Нужно придти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена» [2].

Прибытие петроградских красногвардейцев и моряков ускорило разгром белогвардейцев в Москве.

Юнкера обстреливали из Кремля пулемётным огнём «Метрополь» и Охотный ряд. Для того чтобы прекратить этот обстрел, орудие с Лубянской площади стало бить по Спасской башне Кремля. Одновременно по башне начали стрелять и орудия «Мастяжарта» с Швивой горки. Один из снарядов попал в башню. Кремлёвские часы остановились. Пулемёт замолчал.

В 2 часа 37 минут 2 ноября Кремль был окружён советскими войсками. Артиллерия в упор била по Никольским воротам.

К 7 часам вечера заняты были Верхние торговые ряды. На Большой Никитской до темноты происходила перестрелка между юнкерами и красногвардейцами, засевшими на противоположных сторонах улицы.

Со стороны Кудринской площади Красная гвардия продвинулась по Поварской и Бронной вплоть до Никитских ворот.

В Хамовническом районе юнкера пытались прорваться к Брянскому вокзалу, но встретили сильный отпор. В переулках по обе стороны Арбата стычки с юнкерами прекратились.

Отряды Замоскворечья перешли в наступление по Каменному мосту и заставили юнкеров отступить. Красногвардейцы

взяли штаб округа на Пречистенке. Перед атакой штаба красногвардеец Николай Сычёв, обвесив себя ручными гранатами, штук до тридцати, взобрался по телефонному столбу на крышу дома. По чердакам и крышам домов он подполз к самому штабу округа и стал сверху кидать гранаты в окна. Паника среди юнкеров ускорила падение штаба.

Бойцы Замоскворечья выбили белых из храма Христа. Юнкера бежали в Александровское училище.

Белый штаб запросил пощады и начал, в свою очередь, переговоры о сдаче.

9.

КАПИТУЛЯЦИЯ БЕЛЫХ.

Военно-революционный комитет поручил Смидовичу и Смирнову ведение переговоров. На свой страх и риск делегаты пошли ещё на ряд уступок по сравнению с теми, что утром были предложены «комитету общественной безопасности». В договор был включён новый пункт — 5-й, который гласил:

«По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются»[1].

Ухудшены были формулировки второго и третьего пунктов: в пункте втором добавлено о сохранении в юнкерских училищах оружия, нужного для обучения, а пунктом третьим представители командного состава белогвардейцев вводились в комиссию по разрешению способа разоружения юнкеров. Вот договор в его окончательном виде:

«2 ноября сего года в 5 часов вечера.

1. Комитет общественной безопасности прекращает своё существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Всё остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в пункте втором, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно дают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий, с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются»[1].

Когда Смидович и Смирнов ознакомили Военно-революционный комитет с окончательным текстом договора, на заседании уже присутствовало большинство членов Партийного центра и те члены Военно-революционного комитета, которых не было на утреннем заседании. Договор вызвал резкие возражения со стороны целого ряда товарищей. Прения длились очень долго. И если договор всё же был утверждён, то только потому, что он содержал в себе главное: признание советской власти в Москве и поражение белогвардейцев.

В 9 часов вечера 2 ноября Военно-революционный комитет издал следующий приказ:

«Всем войскам Военно-революционного комитета.

Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Комитет общественной безопасности распускается. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования.

Вся власть — в руках Военно-революционного комитета.

Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве.

Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции!

Враг сдался.

Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулемётный и орудийный огонь).

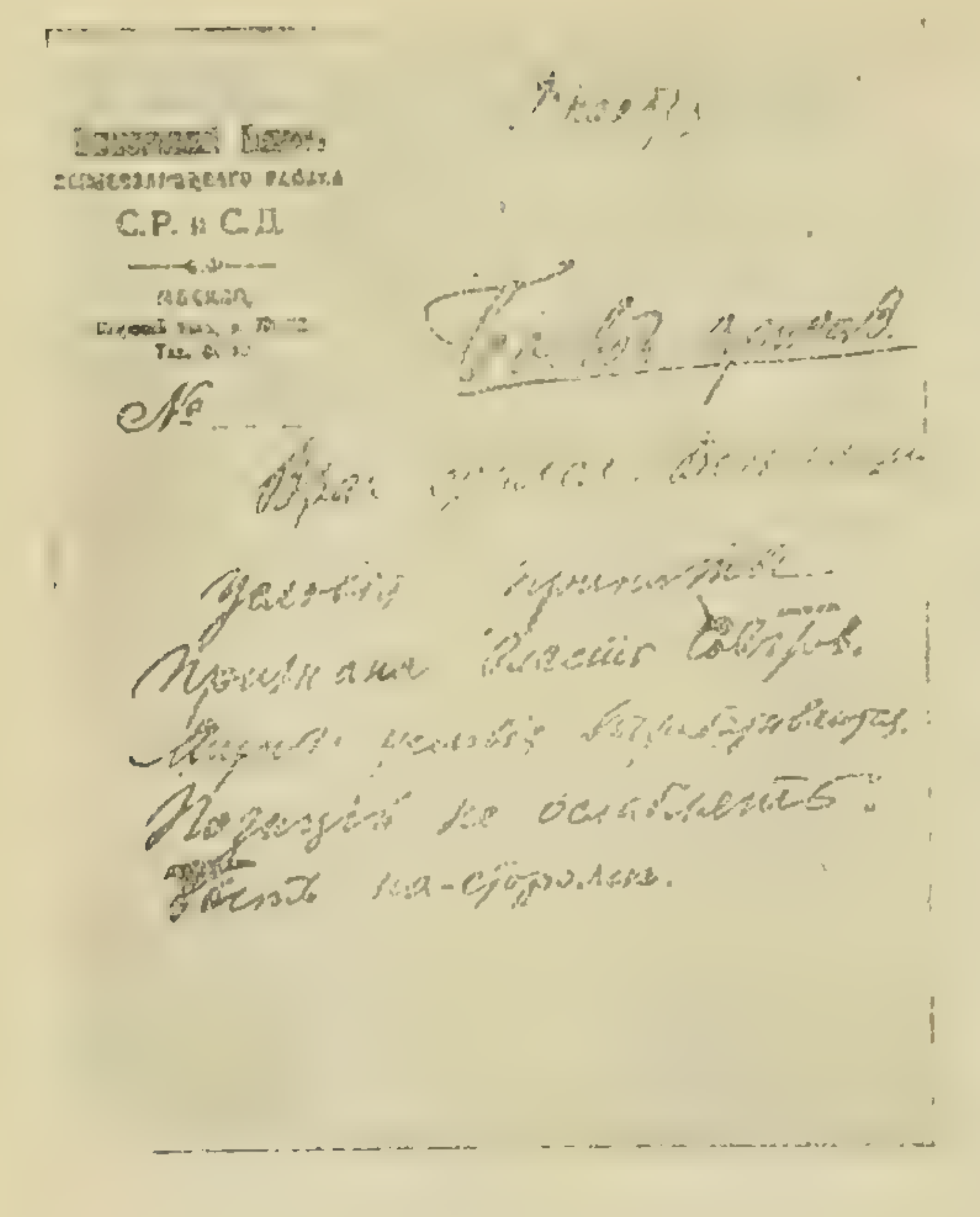
С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией особой комиссии.

Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета»[2].

В районах знали, что идут переговоры о сдаче юнкеров, но массы, наученные опытом перемирия 29—30 октября, не верили в искренность белых. 3 ноября боевые стычки кое-где продолжались.

В каком положении оказались некоторые юнкерские части, разбросанные по всему городу, показывает обращение в штаб белых штабс-капитана Мыльникова. 3 ноября он находился на Арбате и запрашивал о положении дел, возмущаясь тем, что, будучи на позиции, он не имеет сведений об обстановке боя.

В 10 часов 35 минут утра 3 ноября Смоленский рынок цели-

С.Р. и С.Д.

№

Боевой приказ Замоскворецкого штаба.

ком был в руках красногвардейцев. Тут же были устроены засады для задержки юнкеров, пытавшихся после подписания договора о сдаче бежать из Москвы через Брянский вокзал.

3 ноября утром 5-я школа юнкеров сдалась. К рассвету 3 ноября был занят и Кремль.

Его заняли красногвардейцы после прекращения артиллерийского обстрела в 3 часа утра 3 ноября. До этого времени туда проникали только отдельные красногвардейцы.

Взятием Кремля была завершена победа в Москве.

Началась приёмка сдавшихся офицеров и юнкеров.

Массы были возмущены тем, что офицерам оставили оружие, гарантировали свободу и личную безопасность всем контрреволюционерам, т. е. оставили безнаказанными все их действия и освободили всех пленных белогвардейцев и юнкеров.

3 ноября в Военно-революционном комитете собрались представители районных комитетов. Они потребовали аннулирования договора, заключения под стражу юнкеров и белогвардейцев и расстрела главарей контрреволюции.

Рабочие и солдаты, в течение шести суток сражавшиеся на улицах Москвы с юнкерами, сразу же исправили ошибки руководителей восстания: офицеры не только не остались «при присвоенном их званию оружии», но их и юнкеров после разоружения пришлось во избежание самосуда отправлять в тюрьму. Уже оттуда их выпускали на основании договора. При освобождении арестованных приходилось даже переодевать в солдатские шинели, чтобы массы их не растерзали.

В местах разоружения юнкеров и офицеров скопились громадные толпы рабочих и солдат. Они очень враждебно отнеслись к нейтральным комиссарам и даже к уполномоченным Военно-революционного комитета, которые выполняли пункты

Разоружение белогвардейцев у Манежа в Москве.

Рисунок А. М. Ермолаева.

договора о разоружении и освобождении офицеров и юнкеров.

Вот как описывает картину возмущения масс меньшевистский автор в газете «Вперёд»:

«Прибыв в Александровское училище с утра 3 ноября, я застал чрезвычайно серьёзную картину. На улицу стекались группы различных частей, как воинских; так и вольных, чрезвычайно недисциплинированных, которые шумно и страстно требовали немедленного ареста и даже избиения юнкеров и офицеров. Они грозили нам приводом артиллерии, если мы не исполним их требования. Стоящие на площади два орудия (трёхдюймовые) были направлены толпой против училища. На улицах — чрезвычайно нервная обстановка, угрозы против комиссаров с минуты на минуту могли превратиться в действия; была попытка взять нас на мушку».

Классовое чутьё не обмануло рабочих. После капитуляции руководители «комитета общественной безопасности» приступили к организации саботажа во всех учреждениях города Москвы. Офицеры развернули вербовку в контрреволюционную армию и отправляли белогвардейцев на Дон, где сколачивал свои банды Каледин. Основная масса офицеров и юнкеров, сражавшихся против рабочих и солдат в Москве, пошла на пополнение рядов организовавшейся на Дону и Украине контрреволюции.

Уступчивость, и в последнюю минуту ещё проявленная Московским военно-революционным комитетом к вполне выявившимся классовым врагам, не принесла ничего кроме вреда пролетарской революции.

Октябрьское восстание в Москве было подлинным народным восстанием. В борьбу были втянуты широчайшие рабочие и солдатские массы.

Фабрики и заводы были крепостями этого восстания. Рабочие выделяли из своей среды лучших бойцов, доставляли оружие и всё необходимое для победы. Своим революционным порывом и классовой сознательностью они оказывали громадное влияние на солдатскую массу, вовлекали её в борьбу, руководили ею. Рабочие массы и часть гарнизона требовали от районных революционных центров непримиримости, стойкости, решительного наступления. Наступление, а не оборона — стало лозунгом масс. Воспитанные уроками декабрьского восстания 1905 года, московские рабочие знали, что только кровавая, отчаянная борьба, только энергичное наступление обеспечат победу. Районные центры, в свою очередь, настаивали на переходе

центральных руководящих органов восстания к наступательной тактике. Благодаря революционному творчеству и героической решимости рабочих-передовиков в районах был исправлен ряд ошибок руководства. Благодаря самоотверженности масс была достигнута победа.

В Москве, как и в Петрограде, организация восстания и руководство им оставались безраздельно в руках одной партии — партии большевиков.

В Москве не в меньшей степени, чем в Петрограде, действительным вдохновителем восстания был Ленин, за которым без всяких колебаний шла московская организация большевиков.

С начала октябрьских боёв в Москве великий гений социалистической революции Ленин внимательно следил за ходом борьбы в Москве, оказывая московскому пролетариату и его большевистской организации всестороннюю помощь.

На помощь московским рабочим Петроградский военно-революционный комитет, возглавляемый Сталиным, послал значительные вооружённые силы.

Отряды, посланные Лениным и Сталиным, с величайшим энтузиазмом вместе с пролетарскими отрядами московских рабочих громили белогвардейских мятежников. Прибытие революционных подкреплений из Петрограда, Иваново-Вознесенска и других городов неизмеримо укрепило позиции революционных сил и, наоборот, вносило деморализацию в ряды мятежников.

Серьёзные ошибки, допущенные в Октябрьские дни в Москве, были следствием того, что «главные правила искусства восстания», о которых настойчиво напоминал в своих письмах Ленин, нарушались ведущими боевыми органами, как при организации восстания, так и в руководстве вооружённой борьбой. Как бы предвидя возможность этих ошибок, Ленин напоминал в своих письмах, что

> «...вооружённое восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчинённый особым законам, в которые надо внимательно вдуматься» [1].

Допущенные в Октябрьские дни в Москве ошибки явились результатом того, что эти *особые* законы вооружённого восстания были недостаточно поняты, нередко их игнорировали, забывали о них.

В Петрограде контрреволюционное выступление юнкеров было беспощадно раздавлено в одну ночь. В Москве же руководство обнаружило медлительность и нерешительность, а кое-кто из состава руководящих органов — и предательское колебание, приведшие к затяжке борьбы. Вопреки указаниям Ленина: «начиная его (восстание. — *Ред.*), знать твёрдо, что надо *идти до конца*»[2], — московские большевики уже при органи-

зации руководящих органов допустили ошибки, затруднившие победу. В добавление к ошибкам, совершённым в первые дни борьбы, следует отнести ещё следующие:

1. Технической подготовки восстания не было. Боевые органы были созданы поздно. Приводные ремни от партии большевиков к солдатам оказались к началу восстания недостаточно крепкими.

2. Военно-революционный комитет по указанию Партийного центра ввёл в свою среду меньшевиков и объединенцев. В Петрограде *оборона*, в том числе и приглашение других партий в состав Военно-революционного комитета, была прикрытием *наступления*. В Москве введение эсеро-меньшевиков в Военно-революционный комитет было принято всерьёз.

3. В военно-революционных комитетах, как в центре, так и в районах, в начале боевых действий не было товарищей, хорошо знавших военное дело. В известной мере военно-технической слабостью Военно-революционного комитета можно объяснить тот факт, что руководство восстанием не обеспечило немедленного и прочного захвата арсенала и пороховых погребов для вооружения рабочих и солдат.

4. В Петрограде восстание отличалось исключительной организованностью. В Москве, особенно в первый период, преобладал самотёк. «Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооружённого восстания»[1], — так учил Ленин.

В составе Военно-революционного комитета, как и Партийного центра, в Москве оказались люди, не верившие в силы пролетарской революции, отрицавшие возможность победы социализма в России. Они были против вооружённого восстания. Они рассчитывали предупредить восстание. Они вступили и до и в процессе восстания в предательские переговоры с классовым врагом. Но этими-то переговорами и воспользовался противник. Он выиграл время, чтобы сорганизоваться. Обманом он захватил Кремль, окружил здание Совета и предъявил ультиматум Военно-революционному комитету.

Московская организация большевиков, руководствуясь указаниями Ленина и Сталина, отбросила колеблющихся, сломила сопротивление противников восстания и добилась решающей победы над контрреволюцией в Москве.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ФРОНТЕ.

1.

В СТАВКЕ.

ночь на 26 октября главнокомандующий Западного фронта генерал Балуев запросил Ставку, как быть с поступающими телеграммами об аресте Временного правительства:

«Я прошу дать указания Ставки — и немедленно, так как телеграммы Военно-революционного комитета скрыть от войск не могу»[1].

Наутро генерал Духонин сообщил Балуеву, какие меры принимает Ставка:

«Так как начинают проникать телеграммы с разными распоряжениями большевиков, то мы установили в Ставке, Могилёве и на станции дежурство членов комитета для задержки телеграмм»[2].

Ставка пыталась скрыть от солдат известие о свержении Временного правительства. Расположенная в тылу Западного фронта, в захолустном губернском городке Могилёве, Ставка верховного главнокомандующего была средоточием монархических

генералов и офицеров, составлявших её многолюдный штаб. На охране этого контрреволюционного гнезда стояли наиболее «благонадёжные» войсковые части, как, например, 1-й Ударный полк, батальон георгиевских кавалеров и др. При Ставке находились и многочисленные центральные учреждения военизированных буржуазных организаций — Земгора (союза земств и городов) и Военно-промышленного комитета.

Ставку возглавлял начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин. На деле он же был главковерхом, так как формально занимавший эту должность Керенский по сути дела был подставным лицом, «политической фигурой».

Духонин ещё только начинал большую карьеру. В начале войны он командовал полком, затем был генерал-квартирмейстером штаба Юго-западного фронта и лишь в сентябре 1917 года получил назначение на должность начальника штаба верховного главнокомандующего. Духонин был монархистом. Учитывая сложившуюся обстановку, он, как говорит генерал Деникин, «скрепя сердце шёл по пути с революционной демократией»[1]. Духонин надеялся с помощью соглашательских комитетов восстановить в армии палочную дисциплину и продолжать войну до «победного конца». Но расчёты его не оправдались.

Ограниченный и недалёкий, Духонин всецело руководствовался советами и указаниями такой крупной фигуры в стане контрреволюции, как генерал Алексеев — бывший начальник штаба верховного главнокомандующего при Николае II, а затем при Керенском.

> «Алексеев настолько давил на личность Духонина, — говорит генерал М. Д. Бонч-Бруевич, — что Духонин, прежде чем дать какое-либо распоряжение, всегда по прямому проводу разговаривал с Алексеевым»[2].

При Ставке находился общеармейский комитет, состоявший из 25 членов — по одному представителю от каждого фронта, от отдельных армий, флота и т. д. Как и во всех армейских и фронтовых комитетах, избранных ещё весной или летом, большинство составляли здесь меньшевики и эсеры. Комитет не играл никакой самостоятельной роли, он лишь штемпелевал распоряжения Ставки. Характерный в этом отношении случай приводит находившийся в то время в Ставке белогвардеец А. А. Дикгоф-Деренталь:

> «Незадолго до большевистского восстания образовавшийся при Ставке общеармейский комитет послал как-то Керенскому «очередную бумажку», начинающуюся словами:
>
> «Мы требуем...»
>
> Керенский вернул её обратно с пометкой:
>
> «Общеармейский комитет не имеет права «требовать» у своего верховного главнокомандующего... Он может только «обращаться с просьбой».

История эта сделалась достоянием печати. Генерал Духонин был вне себя:

— Разве можно рассказывать о таких вещах журналистам?

Но... время шло... Никакого землетрясения по случаю оскорбления демократического величества не произошло, и, успокоившись, генерал Духонин уже сам своим размашистым почерком синим карандашом делал отметки на «требующих» телеграммах:

«Требовать не имеют права!»[1]

Председателем общеармейского комитета был штабс-капитан С. Н. Перекрестов, решительный противник советской власти, ревностно поддерживавший позицию Духонина.

Могилёвский Совет рабочих и солдатских депутатов находился под влиянием меньшевиков, бундовцев и эсеров, а Совет крестьянских депутатов полностью шёл за эсерами. Самостоятельной большевистской организации в Могилёве до Октябрьских дней не существовало, была лишь фракция в объединённой социал-демократической организации.

Армия не любила Ставку, относилась к ней недоверчиво, считая её одним из главных виновников неудачных операций.

«Восстание Корнилова вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия *ненавидит Ставку*»[2], — писал Ленин.

Недоверие солдатских масс полностью оправдалось в Октябрьские дни: Ставка первая пыталась помешать советской власти в борьбе за мир. Больше того, Ставка вступила в борьбу с советской властью.

26 октября Духонин обратился с телеграммой к командующим фронтами и другим лицам высшего командного состава. Он излагал точку зрения Ставки:

«Ставка, комиссарверх и общеармейский комитет разделяют точку зрения правительства и решили всемерно удерживать армию от влияния восставших элементов, оказывая в то же время полную поддержку правительству»[3].

Это была программа действий Ставки и находившихся при ней высших армейских организаций.

Всю неделю — с 25 октября по 1 ноября — Духонин провёл в переговорах по прямым проводам с командованием различных фронтов, нащупывая возможность мобилизации надёжных частей для подавления революции и делая распоряжения в этом направлении. В разговоре по прямому проводу с начальником штаба Северного фронта генералом Лукирским 28 октября Духонин указывал:

«С Юго-западного фронта высланы части в Киев, дабы заставить притихнуть большевиков»[4].

В телеграмме на имя главковерха от 31 октября он говорил, что для подкрепления правительственных войск в Москве «при-

нимаются все меры». В то же время он старался занять надёжными частями наиболее важные в оперативном отношении пункты на путях к Петрограду и Москве. В разговоре с генералом Лукирским Духонин сообщал:

> «Мною сделано распоряжение о прочном занятии войсками XVII корпуса станции Дно и Орша. Вероятно, это распоряжение приведено в исполнение; посланный на паровозе офицер, чтобы установить и проверить, ещё не вернулся»[1].

Председатель комитета по формированию ударных батальонов Аристов по заданию Ставки сообщил 31 октября о готовности ударных батальонов, разбросанных по разным фронтам, выступить на усмирение большевиков.

Общеармейский комитет в телеграмме на имя Викжеля, опубликованной 31 октября, заявлял: «Все меры, предпринимаемые Ставкой, проводятся под нашим контролем»[2]. Таким образом, соглашатели из общеармейского комитета брали Ставку под своё покровительство.

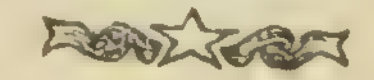
Со стороны Ставки не было недостатка и в угрозах. Ставка рассылала приказы прекратить большевистское выступление, в противном случае вся действующая армия силой поддержит это требование.

31 октября Духонин обратился с телеграммой в Новочеркасск к М. Богаевскому, помощнику атамана Каледина — вождя организующейся монархической контрреволюции на Дону. Духонин отвечал на предложение Богаевского организовать карательную экспедицию против большевиков:

> «Готовность казачества стать на стражу государственного спасения для нас всех является поддержкой в эти трудные минуты... До последнего предела будем бороться для восстановления в данное время Временного правительства и Совета республики, а с ним и порядка в стране»[3].

Развёрнутая Ставкой широкая мобилизация контрреволюционных сил внезапно оборвалась 1 ноября. К этому времени Духонин получил известие о капитуляции Краснова под Петроградом и о бегстве Керенского. 1 ноября генерал опубликовал приказ о своём вступлении в должность верховного главнокомандующего. Этим же приказом он приостанавливал движение войск к Петрограду.

После грозных заявлений о сокрушении большевиков это было равносильно полному признанию неудачи задуманного им «крестового похода». Духонин занял выжидательную позицию, подтягивая к Ставке «благонадёжные» части.

2.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ.

По Северному фронту весть о революции в Петрограде распространилась, как огонь по сухой соломе.

Утром 25 октября в редакцию газеты «Латышский стрелок» зашёл солдат-телеграфист. Озираясь, он спросил редактора. Тот отозвался. Солдат отвёл редактора в сторону и секретно передал ему телеграмму. Она поступила из Петрограда окольным путём через Ревель и Юрьев. Оказалось, что соглашательский армейский комитет XII армии — Искосол — установил дежурства своих членов на телеграфе и не пропускал телеграмм, идущих в адрес революционных организаций. Телеграфист снял копию с задержанной телеграммы и принёс её в редакцию большевистской газеты с предложением «довести до сведения масс».

Телеграмма гласила:

«Враги народа ночью перешли в наступление... Замышляется предательский удар против Петроградского Совета. Газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты»[1].

Дальше в телеграмме давались указания не допускать отправки в Петроград воинских частей на поддержку контрреволюции.

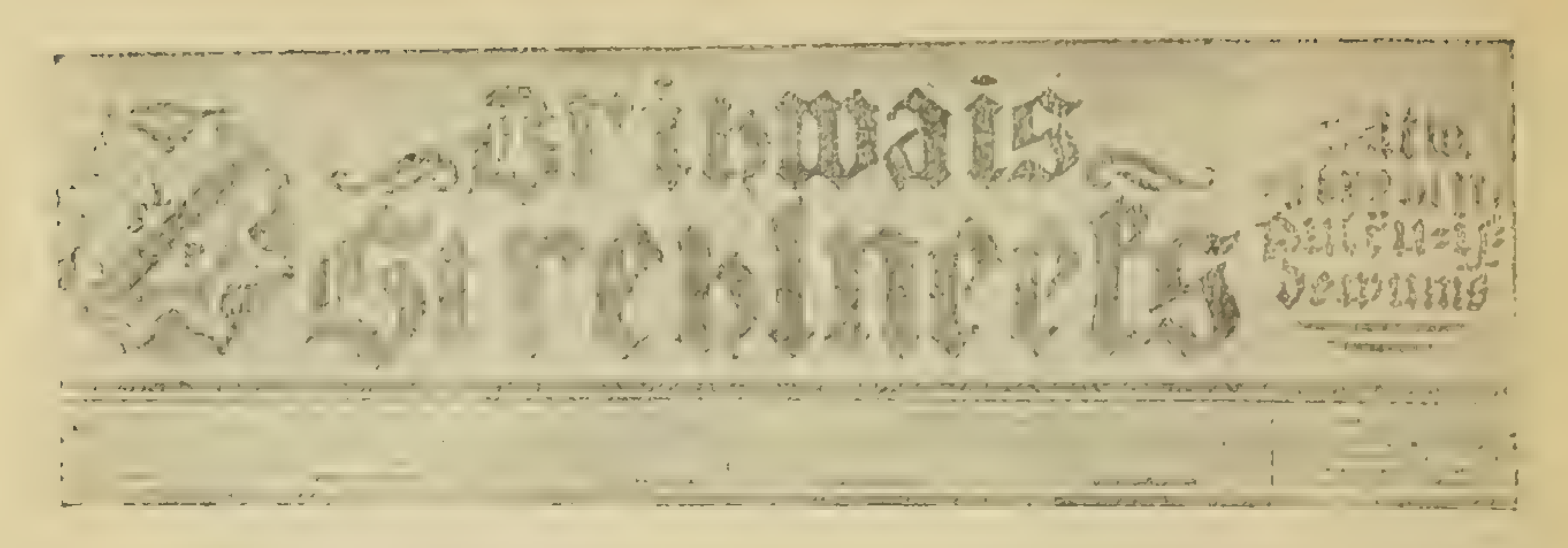
Вскоре затем стало известно, что Временное правительство пало и вместо него образуется новая власть.

В состав Северного фронта входили три армии: XII, I и V. Из них наибольшее значение имела XII армия, расположенная в непосредственной близости к столице.

Узнав о восстании в Петрограде, возникший нелегально военно-революционный комитет XII армии тотчас же выступил открыто. Он находился в городе Вендене, в непосредственной близости к окопам.

Утром 26 октября военно-революционный комитет оповестил части армии и население Вендена о своём образовании. В выпущенном им воззвании говорилось, что по примеру красного Петрограда в районе XII армии возник военно-революционный комитет, задачей которого было объединить все революционные силы XII армии.

В состав военно-революционного комитета вошли представители Центрального Комитета большевиков, революционной социал-демократии Латвии, военной организации большевиков XII армии, Исполнительного комитета латышских стрелков, Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов XII армии, а также Советов солдатских, рабочих и безземельных депутатов Вендена, Вольмара и Юрьева.

Газета «Латышский стрелок».

«Нужно, чтобы ни один солдат XII армии не был направлен в Петроград на позорное «усмирение» [1],—говорилось в воззвании.

Опираясь на военную организацию большевиков и Исколастрел — Исполнительный комитет Советов депутатов латышских стрелков, — военно-революционный комитет объявил себя органом власти XII армии. Немедленно было утверждено постановление Исколастрела о вызове с фронта нескольких латышских полков, которым было предписано занять города Венден, Вольмар и Валк. Находившемуся в Юрьеве запасному латышскому полку был отдан приказ перейти в распоряжение местного военно-революционного комитета и занять станцию, чтобы предупредить возможность продвижения частей с фронта в сторону Петрограда.

Все эти распоряжения были немедленно выполнены. 27 октября 1 и 3-й латышские стрелковые полки вступили в Венден. Военно-революционный комитет получил в своё распоряжение необходимую вооружённую силу.

«Больше всего хлопот и наиболее скверное положение с латышами, — сообщал командующий XII армией генерал Я. Д. Юзефович главнокомандующему Северного фронта генералу Черемисову в разговоре по прямому проводу 28 октября.— Пришедшие вчера в Венден 1 и 3-й полки не ушли, захватили железнодорожную и телеграфную станции, арестовали много офицеров в двух полках 1-й бригады» [2].

Латышские стрелковые полки принадлежали к числу тех отрядов революции, которые не только сразу, без колебаний, перешли на сторону советской власти, но и активно, с оружием в руках, встали на её защиту.

В тылу XII армии, в городе Валке, на расстоянии 80 километров от Вендена, события развёртывались несколько иначе. Кроме штаба армии здесь находился Искосол — Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов XII армии, — занявший непримиримо враждебную позицию по отношению к совет-

ской власти. Искосол, не переизбиравшийся с самой весны, сохранил эсеро-меньшевистский состав. Он повёл ожесточённую борьбу против большевиков: рассылал воззвания и обнадёживал Ставку и Керенского в полной поддержке со стороны XII армии.

Искосол рассылал «отряды смертников» срывать плакаты военно-революционного комитета. Его ударники нагрянули даже в редакцию газеты «Латышский стрелок», но, встретив здесь охрану из вооружённых латышей, быстро ретировались.

Но сил для отпора революции Искосол не имел. Соглашатели решили вступить в переговоры с большевиками, чтобы выиграть время, пока командование найдёт войска для обороны города Валка и дальнейшей борьбы с большевиками.

Вечером 26 октября Искосол предложил большевикам вступить в переговоры. Переговоры тянулись всю ночь. Позиция большевиков была ясна — власть должна перейти к Советам. Наконец Искосол дал слово активно не выступать, а наутро организовал «комитет спасения родины и революции» района XII армии и повёл ещё более ожесточённую кампанию против большевиков.

Одновременно под прикрытием переговоров с большевиками командующий армией генерал Юзефович начал стягивать к Валку наиболее надёжные части. 28 октября в разговоре по прямому проводу с Черемисовым он сообщал:

В окопах за чтением газеты «Латышский стрелок».

Латышские стрелки.

«С первого же момента начавшейся смуты я счёл необходимым ввиду серьёзности обстановки придвинуть к Валку 20-й драгунский полк и кроме того отдал распоряжение о приближении к району Валка остальных полков 17-й кавалерийской дивизии... Дать же захватить Валк латышам невозможно»[1].

Однако это делу не помогло. 29 октября 6 и 7-й латышские стрелковые полки вступили в город Вольмар, лежавший на полпути между Венденом и Валком. Революционные полки шли к Валку, где помещался штаб армии. Через два-три дня Юзефович докладывал Черемисову:

«У меня нет реальной силы... 17-я кавалерийская дивизия — более надёжная, но вынесла резолюцию: сохранение нейтралитета и выступление только для прекращения бесчинств и грабежей»[2].

Пока революционные полки шли к Валку, эсеро-меньшевики собрали в последних числах октября в городе Вендене съезд XII армии. Выборы на этот съезд происходили под сильным влиянием эсеров ещё до начала октябрьских событий. Голоса на съезде разделились почти поровну между большевиками и «левыми» эсерами, с одной стороны, и меньшевиками и правыми эсерами — с другой. Из 7 мест в президиуме 3 получили большевики. Председателем съезда вначале был избран большевик С. М. Нахимсон, а затем, после переголосования, — правый эсер М. А. Лихач,

впоследствии один из руководителей белого правительства в Архангельске. Огромные толпы солдат местного гарнизона и многочисленные делегации с фронта окружили здание, где заседал съезд. Демонстранты бурно выражали свою солидарность с большевиками и требовали передачи всей власти Советам.

Почти по всем вопросам голосование дало большинство так называемым «кучинцам» — правым, которыми руководил комиссар армии, меньшевик Кучин. Но по вопросу об отношении к Октябрьской революции, несмотря на присутствие на съезде «самого» Чернова, победил левый блок: он получил 248 голосов против 243.

Новый армейский комитет был избран на паритетных началах — по 22 человека от правого и левого блоков.

При выборах большевики выдвинули следующие требования, принятые съездом:

1. Через две недели должен состояться новый съезд и перевыборы армейского комитета.

2. В новый состав армейского комитета не должен войти ни один из старых «искосольцев» — кучинцев.

3. Деятельность «комитета спасения» прекращается.

Во вновь избранном армейском комитете было два председателя: оборонец и большевик. Деловой работы комитет, естественно, вести не мог.

Тем временем латышские полки приближались к Валку.

4 ноября Юзефович вновь сообщал Черемисову:

«Сегодня утром 6-й Туккумский полк самовольно снялся из Вольмара и, при четырёх офицерах, выступил походным порядком в Валк, предполагая ночевать в Стакельне; где к ним должна присоединиться 1-я батарея 42-го тяжёлого дивизиона... Есть слух, что вслед за 6-м тронется в Валк и 7-й полк» [1].

Юзефович жаловался, что у него нет средств противодействовать этому передвижению большевистски настроенных полков. Черемисов ему отвечал:

«Чем же я могу тебе помочь? Если у тебя нет надёжных войск, на которые ты мог бы опереться, то у меня тем более таких войск нет» [2].

Частей, верных царским генералам, действительно не находилось, хотя Северный фронт был насыщен войсками более плотно, чем какой-либо другой. Этим и определялась крайне растерянная и нерешительная позиция командования и, в частности, Черемисова.

5 ноября 6-й латышский полк с музыкой вступил в город Валк. Фактическое руководство армией перешло в руки большевиков.

На состоявшемся 14 — 15 ноября чрезвычайном съезде XII

армии большевики имели уже подавляющее большинство. Левый блок, возглавляемый большевиками, провёл в состав армейского комитета 48 кандидатов из 60, а так называемый «социалистический» блок — меньшевики, правые эсеры и трудовики — получил только 12 мест.

Центр Северного фронта занимала I армия; штаб которой находился в местечке Альтшванненбург. Здесь октябрьские события развивались более сложно, чем в XII армии.

Армейский комитет I армии с самого начала Октябрьской революции высказался против поддержки Временного правительства.

> «I и V армии заявили; что они за правительством не пойдут, а пойдут за Петроградским Советом. Это я вам сообщаю решение армейских комитетов»[1]. — докладывал генерал Лукирский Духонину в разговоре по прямому проводу 26 октября.

Однако в дальнейшем позиция, занятая армейским комитетом I армии, испытала значительные колебания, которые отражали тактику «левых» эсеров, имевших большое влияние в армейском комитете. Отказав в какой бы то ни было помощи правительству Керенского, армейский комитет вместе с тем не решался твёрдо заявить о признании новой власти. Эта нерешительность была понята враждебной стороной как симптом перемены в позиции комитета. 29 октября генерал Лукирский говорил по прямому проводу начальнику штаба I армии генералу Н. В. Пневскому:

> «Сейчас мне главкосев указал... что комитет I армии постановил поддержать Временное правительство»[2].

Основываясь на этом, Лукирский предлагал немедля избрать из состава армии «соответствующие пехотные части, в полной мере надёжные, для посылки в состав войск Керенского, собранных под Петроградом»[3].

Пневский удивлённо ответил Лукирскому, что произошло какое-то недоразумение, ибо армейский комитет «отнюдь не склонен поддерживать Временное правительство». К этому он добавил: «Безусловно надёжных полков в армии нет вовсе»[4].

31 октября из Гатчины за подписью Керенского в I армию поступило требование о посылке войск под Петроград. На другой день, 1 ноября, генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта Барановский телеграфировал Керенскому и Духонину:

> «Докладываю следующую телеграмму: Нейшванненбург 31 октября 13 часов. По содержанию телеграммы номер 174 от 0 часов 20 минут 31 октября из Гатчинского дворца за подписями Керенского, Авксентьева, Гоца, Войтинского, Станкевича и Семёнова, доношу, что съезд I армии единогласно постановил ни одного полка не посылать. Н о т б е к»[5].

Так окончились все попытки врагов революции получить

какое-либо подкрепление из I армии. Командование самостоятельно уже не решалось и заикнуться об отправке войск.

30 октября в Альтшваненбурге открылся II армейский съезд I армии. На съезде присутствовало 268 делегатов, из которых 134 примыкали к большевикам, 112 — к «левым» эсерам и остальные — к меньшевикам-интернационалистам. Но среди большевиков недоставало на этом съезде партийных руководителей.

> «Среди большевиков не замечалось партийных работников-лидеров, и даже сам докладчик — офицер — заявил, что, хотя он и выступает от большевиков, сам — не большевик, а лишь пропитан настроением масс»[1], —

так характеризовал работу съезда заместитель комиссара I армии поручик С. А. Себов.

По основному вопросу порядка дня — о текущем моменте — съезду были предложены две резолюции: большевиков и «левых» эсеров. Резолюция, предложенная большевиками, требовала безоговорочного признания советской власти и немедленной поддержки её вооружённой силой. Эсеровская резолюция, не отрицая в принципе признания советской власти, предлагала отложить вопрос о вооружённой помощи до «выяснения положения». К эсерам присоединились меньшевики-интернационалисты. Голоса разделились поровну. Выбрали «согласительную комиссию», предложение которой и было принято съездом в такой формулировке:

> «В случае получения сведений о контрреволюционном движении двинуть на Петроград половину армии, другая половина остаётся на фронте»[2].

Съезд выработал воззвание, которое он разослал по телеграфу: «Всем, всем, всем». В воззвании говорилось:

> «Власть Керенского считаем низложенной, просим присоединиться к I армии и оказать поддержку Военно-революционному комитету»[3].

В то же время на съезде была принята резолюция с требованием создания «однородной социалистической власти». К этому добавлялось, что партии должны быть представлены «пропорционально представительству на II съезде Советов»[4]. Против этой резолюции голосовали 25 человек и воздержались 30.

Таким образом, съезд скатился на позиции соглашательских партий, хотя солдатская масса стояла на стороне большевиков.

Меньшевики и эсеры хвастали, что провели на съезде «нейтральные» резолюции. Однако нейтрализовать этими резолюциями солдатские массы было невозможно.

> «Успех большевистского движения даёт им много радости,— с горечью отмечал тот же поручик Себов, говоря о солдатах I армии. — Никакое правительство кроме большевистского,

вернее, правительства мира, не может пользоваться успехом» [1], — добавлял он.

Съезд избрал новый армейский комитет, в состав которого вошло 60 членов. Часть из них была выделена в порядке фракционного представительства, часть утверждена съездом из числа представителей от дивизий. Большевики имели в новом армейском комитете 35 мест, эсеры — 19 и меньшевики — 6. Председателем был избран большевик, товарищами председателя — «левый» эсер и меньшевик. Кроме того в президиум были введены два секретаря — один большевик, другой «левый» эсер. Таким образом, уже самый состав президиума нового армейского комитета I армии, где двум большевикам противостояла тройка опытных в политической борьбе соглашателей, не давал большевикам возможности проводить свою партийную линию.

Позиция армейского комитета оставалась неустойчивой до середины ноября, когда состоялся новый армейский съезд, обеспечивший более твёрдое большевистское руководство. Но несомненно, что и в начальный период Октябрьской революции I армия в целом стояла на стороне большевиков. Отдельные её части готовы были поддержать советскую власть с оружием в руках. Все попытки контрреволюции подкрепить свои силы за счёт I армии провалились.

Левый фланг Северного фронта занимала V армия, штаб которой находился в Двинске. Выехавший в Петроград на II съезд Советов председатель армейского комитета большевик Э. М. Склянский в ночь с 24 на 25 октября уведомил большевиков V армии о начавшемся в Петрограде восстании. Получив это извещение, большевистская фракция армейского комитета V армии немедленно приступила к организации военно-революционного комитета. 27 октября военно-революционный комитет известил Петроградский Совет, что из V армии могут быть отправлены в Петроград вооружённые части для поддержки восстания.

Между тем Ставка настойчиво требовала переброски войск на помощь Керенскому. Командование V армии готово было выполнить это требование, но, как передавал начальник штаба V армии генерал Попов генералу Лукирскому в разговоре по прямому проводу, дело осложнялось «большевистским настроением арміскома (армейского комитета) и других вновь переизбранных комитетов». Затем Попов довёл до сведения Лукирского, что армейский комитет получил телеграмму от II съезда Советов с предложением отправить из V армии части на поддержку восставшего петроградского гарнизона. Телеграмма обсуждалась на заседании армейского комитета, и лишь «случайным большинством вопрос был провален», — добавлял Попов.

На следующий день Попов сообщал в штаб Северного фронта генералу Барановскому:

Захват большевиками бронедивизиона в Режице.

Рисунок В. В. Щеглова.

«В армии создаётся острое положение... Вчера ночью армейский комитет большинством всего 3 голосов вынес постановление послать в Петроград 12 батальонов, 24 пулемёта с кавалерией, артиллерией, инженерными частями якобы с нейтральной целью для улаживания петроградского конфликта. Сегодня, 30 октября, представители большевистской части армискома предъявили командарму требование об осуществлении этого постановления. Командарм категорически отказал и принял решение помешать осуществлению этого намерения армискома, чего бы это ни стоило, применив все имеющиеся средства с полной решительностью, для чего в Двинске, на Двинском железнодорожном узле, собран особый отряд трёх родов оружия, кроме того приказано частям 1-й кавалерийской дивизии закрыть дорогу у станции Рушоны... Армейский комитет, по полученным сведениям, принял решение арестовать командарма, штаб и комиссаров»[1].

Эти разговоры по прямым проводам отражали ту острую борьбу, которая разгорелась в V армии вокруг вопроса: кому оказать поддержку — революции или контрреволюции. Командо-

вание попыталось оказать реальную помощь Керенскому[1]. 29 октября из штаба Северного фронта поступил приказ срочно отправить 1-й броневой дивизион в распоряжение Керенского.

Командующий V армией генерал В. Г. Болдырев (будущий участник боевой контрреволюционной организации «союз возрождения» и член Уфимской директории, подготовившей в Сибири власть Колчака) 30 октября в 3 часа 40 минут дня начал приводить в исполнение распоряжение об отправке на помощь Керенскому броневого дивизиона. Однако соотношение сил было таково, что Болдырев вынужден был хитрить. Чтобы об отправке дивизиона не узнали большевики, дежурившие на вокзалах, отряд в составе 6 бронемашин отправили из Двинска по шоссе в Режицу, находившуюся в 85 километрах от Двинска. Здесь машины предполагалось погрузить в поезд для дальнейшего следования в сторону Петрограда.

«В Двинске посадка была невозможна»[1], — сообщал по этому поводу генерал Барановский Духонину.

На другой день рано утром большевики узнали об отправке дивизиона. Немедленно был сформирован из надёжных частей небольшой отряд, человек в 30, при 5 пулемётах. Отряд отправился по железной дороге в Режицу, чтобы задержать броневые машины и вернуть их обратно в Двинск.

По прибытии в Режицу командир отряда увидел, что грузят броневики на платформы. Чтобы эшелон не мог уйти, отряд разобрал путь недалеко от станции. В большевистском отряде было немного людей. Они не могли тотчас же вступить в бой с хорошо вооружённым дивизионом броневых машин. Разобрав путь и оставив на станции несколько солдат для наблюдения, командир отряда со своими людьми отправился в город искать подкрепления. Но кроме караульной роты никаких воинских частей в Режице не оказалось, если не считать около 150 человек заключённых, сидевших на гауптвахте за выступление против Временного правительства.

Недолго думая, солдаты большевистского отряда отправились на гауптвахту и освободили заключённых. Снабдили их оружием и обмундированием из гарнизонного склада, достали десять пулемётов.

Общая численность отряда выросла до 200 бойцов при десяти пулемётах. Большевистский отряд внезапным ударом атаковал броневой дивизион, успевший уже погрузиться на платформы и готовый следовать дальше. Часть команды дивизиона перешла на сторону большевиков. Командир и офицеры, оказавшие сопротивление, были арестованы и отправлены на ту же гауптвахту, откуда только что вышли выступавшие против них солдаты. Эшелон с броневыми машинами вернулся в Двинск.

А Духонин, говоривший в это время по прямому проводу с Барановским, спрашивал:

— Скажите, пожалуйста, пойдёт ли броневой дивизион? Он должен быть отправлен немедленно... Я приказываю это от имени верховного главнокомандующего и об исполнении прошу телеграфировать, ибо это крайне необходимо.

— Сию минуту передам ваше приказание, — поспешил ответить Барановский.

В конце разговора он сообщил Духонину, что дивизион «погрузился в Режице, но потом был задержан с арестом начальника эшелона»[1].

Это был решающий момент. Большевики показали, что они имеют реальную опору в армии. Командование почувствовало, что оно стоит на зыбкой почве и не может оказать никакого сопротивления грозной народной силе.

К 1 ноября все наиболее важные армейские учреждения в центре расположения V армии—Двинске—находились в руках большевиков. Войска в основной массе были на стороне советской власти. Но командующий армией генерал Болдырев всё ещё не сознавал, что утратил прежнюю власть. 31 октября в разговоре по прямому проводу с генералом Черемисовым, отвечая на вопрос, верно ли, что военно-революционный комитет препятствует передаче некоторых телеграмм, Болдырев пренебрежительно заявил:

«Нечто наподобие комитета, который фактической роли не играет. Первый день пытался стать на точку зрения руководства и даже контрассигнования моих распоряжений, но, получив категорический отпор, от этих попыток отказался»[2].

А на другой день, 1 ноября, в разговоре по прямому проводу с тем же Черемисовым Болдырев упавшим голосом говорил:

«Произошло следующее. Двинск фактически во власти армискома... Вопрос об аресте командного состава не исключается. Хотя председатель армискома мне сейчас заявил, что с этой стороны опасений быть не может, так как вопрос оперативной части и прочности фронта всецело признаётся и ими, но при отсутствии в своих руках фактической силы, конечно, приходится допускать всякие возможности»[3].

«Всё руководство пока в руках большевиков армискома»[4], — закончил он свой доклад Черемисову.

Так проходили Октябрьские дни в V армии, которая одна из первых полностью стала на сторону советской власти.

В тылу Северного фронта в это время также развёртывались сложные события. Контрреволюция, пытавшаяся собрать силы, чтобы начать решительные действия против Петрограда, встречала сопротивление на каждом шагу. Борьба велась главным образом в узловых пунктах железнодорожных линий, в центре

которых находился Псков — местопребывание штаба Северного фронта с многочисленными тыловыми учреждениями.

Псков — небольшой провинциальный город — почти не имел рабочего населения. Наличие в нём штаба фронта и других армейских учреждений с огромным количеством офицерства создавало неблагоприятную обстановку для широкой организации революционных сил. В местном Совете к началу октябрьских событий преобладали меньшевики и эсеры.

Большевики имели прочную опору в отдельных частях гарнизона и в ряде предприятий. Однако исход борьбы определялся здесь не только соотношением местных сил; но и прибывавшими с фронта частями, которые направлялись Ставкой на помощь Керенскому. Перед местными большевиками стояла задача склонить эти войска на сторону пролетарской революции, а если это не удастся, то хотя бы нейтрализовать их; а в крайнем случае остановить их дальнейшее продвижение на Петроград вооружённой силой.

В самом начале октябрьских событий на одном из заседаний Псковского Совета большевикам удалось провести предложение об организации военно-революционного комитета. Растерявшиеся соглашатели пропустили в него кандидатов, выставленных большевиками. После этого, по предложению большевиков, Псковский Совет был переизбран. Меньшевики и эсеры согласились на переизбрание под давлением вооружённых рабочих и солдат, явившихся на заседание Совета и потребовавших немедленного его переизбрания. Вновь избранный Совет обеспечивал большевикам полную поддержку.

Керенский, пробравшийся в Псков после своего бегства из Петрограда, нашёл там такую обстановку, при которой он счёл за благо открыто не показываться. То же самое советовал ему и Черемисов — главнокомандующий Северного фронта.

В разговоре по прямому проводу генерал Лукирский так характеризовал Духонину положение в Пскове на 27 октября:

«В гарнизоне Пскова пока спокойно, настроение удовлетворительное. Ночью было бурное заседание Искоборсева (Исполнительный комитет объединённых организаций Северного фронта. — *Ред.*). Постановлено арестовать комиссарсева и взять под своё наблюдение все правительственные учреждения. Рано утром революционный комитет забрал 200 человек из пехотного гарнизона в своё распоряжение. Несколько минут тому назад ими введён караул на телеграфную станцию штасева для учреждения контроля над всей корреспонденцией. Я говорю с вами по аппарату, находящемуся в доме главкосева»[1].

Этот разговор происходил в то время, когда военно-революционный комитет начал уже занимать почту, телеграф и другие

учреждения. Но в этот момент вдруг появились казаки, шедшие на помощь Керенскому. Они захватили вокзал, артиллерийские склады, казармы и арестовали некоторых членов военно-революционного комитета. Повидимому, это были две сотни, специально задержанные генералом Лукирским по приказанию Ставки, чтобы овладеть положением в таком важном узле, как станция Псков, в ближайшем тылу «армии» Краснова.

Оставшиеся на свободе члены военно-революционного комитета экстренно мобилизовали запасный батальон и автороту. Ночью революционные части напали на казаков. Произошла перестрелка, в результате которой оказалось несколько раненых. Казаки были окружены. Они дали обещание не принимать участия в подавлении революции.

В дальнейшем положение в Пскове менялось в зависимости от подхода к нему тех или иных воинских частей.

28 октября Лукирский сообщал Духонину, что посты военно-революционного комитета на телеграфе сняты. Об этом же говорил Черемисов командующему XII армией генералу Юзефовичу:

> «У нас в Пскове революционный комитет сегодня ночью безболезненно ликвидировался, контроль над аппаратом был снят ещё вчера»[1].

Но 29 октября генерал Лукирский по приказанию Черемисова уже торопил V армию поскорее прислать в Псков части 3-го Уральского казачьего полка.

> «Это необходимо, — говорил он, — ввиду назревающих беспорядков в Пскове возле тюрьмы и распределительного пункта... Вместе с тем крайне необходимо в состав псковского гарнизона направить в полной мере надёжную пехотную часть: полк или ударный батальон»[2].

«Надёжные» части с фронта не подходили. Тщетными оставались все старания штаба Северного фронта найти их. Большевики к этому времени освободили из Псковской тюрьмы свыше 300 солдат и несколько офицеров, арестованных при Керенском за выступление против Временного правительства. Освобождённые значительно подкрепили силы военно-революционного комитета, который, вопреки уверениям Черемисова, и не собирался ликвидироваться.

Главнокомандующий Северного фронта генерал Черемисов, может быть, лучше, чем кто-либо другой из генералитета, понимал настроение солдатских масс. Молодой генерал, считавшийся «демократически настроенным», начал выдвигаться с Февральской революции. В июньском наступлении Керенского он командовал XII корпусом, прорвавшим позиции противника. После ухода Корнилова с поста верховного главнокомандующего — с ним у Черемисова были натянутые отношения — Че-

ремисов был назначен главнокомандующим армиями Северного фронта. С первых же дней Октябрьской социалистической революции, взвесив обстоятельства, Черемисов проявил отрицательное отношение к идее посылки войск с фронта на помощь Керенскому. Конечно, это делалось не по доброй воле, а в силу убеждения, что осуществить это невозможно. Сказывалась, по-видимому, и некоторая доля личной неприязни Черемисова к мелкобуржуазным партиям, которые он считал главными виновниками подрыва доверия к командному составу. Это ярко сказалось в его разговоре по прямому проводу с генералом Юзефовичем 4 ноября.

«Пресловутый «комитет спасения революции», — говорил Черемисов, — принадлежащий к партии, которая около 8 месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их. В то время как большевики успешно пропагандируют в войсках, эти господа ограничиваются только тем, что ссорятся между собой и требуют помощи от командного состава. Картина безусловно возмутительная»[1].

Этой характеристике нельзя отказать в меткости.

Иную позицию занимал комиссар Северного фронта Войтинский.

Примыкавший одно время к большевикам, он в начале Февральской революции был исключён из партии, перекочевал в меньшевистский лагерь и в Октябрьские дни выступил непримиримым врагом советской власти. В противовес военно-революционному комитету он организовал в Пскове в помещении комиссара фронта «комитет спасения родины и революции», который мало-помалу начал обрастать многочисленными разветвлениями на фронте и в тылу.

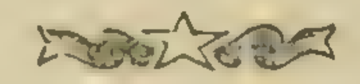
Сопровождая Керенского в походе на Петроград, Войтинский непрерывно требовал от штаба фронта присылки подкреплений.

Но все эти требования не влекли за собой никаких реальных последствий. Силы большевиков крепли с каждым днём. Дальнейшие попытки продвижения казачьих эшелонов севернее Пскова встречали вооружённый отпор со стороны военно-революционного комитета.

3 ноября в разговоре с Духониным по прямому проводу Черемисов передал ему рапорт начальника псковского гарнизона генерала Н. С. Триковского, который так характеризовал положение в Пскове:

«Доношу, что местный гарнизон города Пскова полностью находится во власти революционных организаций крайнего направления и в контакте с Военно-революционным комитетом Петрограда»[2].

Таким образом, революция одержала победу и в тылу Северного фронта — самого важного по отношению к революционному Петрограду. Попытки контрреволюционной Ставки укрепиться в тылу Северного фронта и создать здесь плацдарм для нападения на Петроград были отбиты. По отношению к другим фронтам, где контрреволюция ещё пыталась мобилизовать свои силы, Северный фронт превратился в аванпост пролетарской революции.

5.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ.

После Северного фронта крупнейшее значение для успешного завершения пролетарской революции имел Западный фронт. Он лежал ближе других фронтов к Москве и — после Северного фронта — к Петрограду. В тылу Западного фронта находился центр генеральской контрреволюции — Ставка верховного главнокомандующего.

Окопы Западного фронта тянулись от Двинска до Пинска. Штаб фронта находился в Минске. Так же как и на Северном фронте, здесь стояли три армии: III, X и II.

II армия занимала крайний левый фланг Западного фронта— Пинские болота. Штаб армии находился в Слуцке, но наиболее жизненным центром её являлся Несвиж, расположенный ближе к окопам. В Несвиже находился и армейский комитет.

26 октября фракция большевиков армейского комитета получила известия о восстании в Петрограде. Большевики немедленно предъявили комитету требование о признании новой власти. Комитет, состоявший на две трети из соглашателей, отклонил это требование. Тогда большевики вышли из его состава. Многие из них разъехались по фронту поднимать на борьбу за советскую власть солдат-окопников. А большевики, оставшиеся в Несвиже вместе с товарищами, прибывшими из Минска, развернули работу военно-революционного комитета.

Ещё до начала октябрьских событий, в противовес казакам 2-й Уральской казачьей дивизии, стоявшим в Несвиже, большевики вызвали туда 32-й Сибирский полк. 26 октября сибирцы подошли к Несвижу. В частях II армии большевики — члены армейского комитета — боролись за немедленные перевыборы дивизионных и корпусных комитетов, за выборы делегатов на армейский съезд, который должен был собраться 1 ноября, за контроль над штабами и телеграфом и за захват корпусных газет.

Полковые комитеты в большинстве полков были уже большевистскими. Исключение представляли лишь некоторые полки IX и III сибирских корпусов: в первом сильны были украинские националисты, во втором — эсеры. Захват власти в полках совершился очень быстро. Командный состав оказался настолько изолированным, что не мог оказать никакого сопротивления.

О настроении большинства частей II армии можно судить по резолюции, принятой 27 октября на объединённом заседании полкового, ротных и командных комитетов 18-го гренадерского Карсского полка.

> «Мы только что пережили авантюру Корнилова, — говорится в этой резолюции, — теперь снова предатель Керенский двигается на Петроград, чтобы задушить свободу и залить её кровью пролетариата, умирающего теперь в бою на улицах. Карсский полк заявляет, что пусть знают предатели-палачи, мы умрём за рабочих и крестьян. Мы стоим за передачу власти Советам, за мир и землю. Да здравствует Военно-революционный комитет»[1].

Гренадеры были настроены особенно революционно. В двух дивизиях гренадерского корпуса, занимавших линию окопов вблизи Несвижа, большевики повели усиленную кампанию за перевыборы дивизионных комитетов. Съезд 2-й дивизии был назначен явочным порядком на 28 октября. Дивизионный комитет вначале пытался игнорировать требования о созыве съезда, но когда увидел, что делегаты собираются помимо него, вынужден был считаться с совершившимся фактом.

На съезд прибыло около 250 делегатов. Был серый, слякотный день. Не переставая лил дождь. Всюду стояла непролазная грязь. Для проведения съезда был отведён наскоро сколоченный барак — столовая штаба дивизии. На столах, сдвинутых к стене, кое-как разместились делегаты. Провести фракционное заседание большевикам было негде, поэтому ограничились лишь выяснением партийной принадлежности делегатов. Сделали это так: перед открытием съезда делегатам — большевикам и сочувствующим предложили отойти налево, всем остальным — направо. Подавляющее большинство делегатов выстроилось налево. С другой стороны осталась кучка людей во главе со старыми комитетчиками.

Съезд стал целиком на позиции большевиков. Почти без прений была принята резолюция о недоверии соглашателям, о поддержке советской власти и перевыборах комитетов. За резолюцию большевиков голосовали 210 человек, резолюция эсеров собрала только 35 голосов. Обескураженные соглашатели прибегли тогда к демагогии. Они потребовали:

> «Пусть большевики скажут здесь прямо — гарантируют ли они, что завтра будет заключён с немцами мир?»[2]

Съезд гренадерского корпуса. Рисунок С. С. Бойм.

Большевики не успели ответить. С задних скамей поднялся солдат, рядовой 5-го Киевского полка, беспартийный. Он заговорил просто, образно, убедительно.

— Не надо думать, — сказал он, — что большевики возьмут из кармана да и выложат перед нами мир, хлеб и землю, как кисет с махоркой. Нет, за мир и за землю надо ещё бороться. И мы будем бороться за них вместе с большевиками![1]

Эсеры отказались участвовать в выборах нового дивизионного комитета «за невозможностью совместной работы с большевиками». В новый дивизионный комитет вошли только большевики и сочувствующие им. Съезд постановил отозвать прежних представителей дивизии из корпусного комитета и послать вместо них новых — большевиков.

За большевиками пошла и 1-я гренадерская дивизия. 27 октября на общем собрании её полковых и бригадных комитетов обсуждался вопрос о созыве армейского съезда. Собрание заявило:

«Находя действия армейского комитета не отвечающими воле и требованиям масс... требуем роспуска членов — эсеров и социал-демократов-меньшевиков. Фракции большевиков встать в исполнение обязанностей революционного комитета II армии до созыва армейского съезда... Своё тре-

бование поддержим силой оружия... Будем исполнять распоряжения, санкционированные фракцией, которой доверяем свои силы. В их распоряжение пойдём по первому требованию»[1].

Вслед за дивизионными съездами был назначен общекорпусной съезд гренадеров. Прямо с дивизионного съезда ночью, пешком, большевики — делегаты 2-й дивизии — направились в штаб корпуса, находившийся верстах в восьми от дивизии.

Утром 29 октября делегаты занялись подготовкой съезда. Они овладели небольшой корпусной типографией, в которой печатались «Известия исполнительного комитета гренадерского корпуса». Один из делегатов, бывший наборщик, встал за наборную кассу. Печатание соглашательских «Известий» тотчас же было прекращено, вместо них стали набираться большевистские листовки.

Открытие съезда назначили на 30 октября. Ожидали ещё некоторых запоздавших представителей. Разбившись на группы, делегаты оживлённо обсуждали вопросы предстоящего съезда. Было около 3 часов дня. Вдруг, перебивая гул спорящих голосов, раздался тревожный звук телефона. Звонили из штаба 2-й гренадерской дивизии. Взволнованный голос сообщил, что на участке дивизии неожиданно началось наступление немцев. Пользуясь попутным ветром, немцы пустили газы. В течение часа было выпущено три волны. Однако ветер скоро изменил направление, и газы отнесло в сторону. В 4 часа дня началась сильная артиллерийская перестрелка. По приблизительным подсчётам в ней участвовало до 150 орудий с каждой стороны. Снаряды непрерывно прорезали воздух. Орудия грохотали в непосредственном соседстве с помещением, где собирались делегаты съезда. Немецкие снаряды, разрываясь, выбрасывали облака удушливых газов. В пятом часу вечера из штаба корпуса сообщили, что под прикрытием артиллерии немцы пошли в атаку. Немецкая пехота ворвалась в окопы на участке 7-го гренадерского Таврического полка.

Настроение стало тревожным. У многих возникло подозрение: не провокация ли это? Не сговорились ли с немцами генералы и Временное правительство о сдаче фронта, чтобы подавить революцию?

Большевики, собрав фракционное заседание, постановили: провести съезд во что бы то ни стало.

Съезд открылся в 5 часов вечера в обширной землянке — штабном клубе. Были приняты все меры предосторожности: на столах лежали груды противогазовых масок, в землянку доставили воду. У входа наложили кучу соломы для костров. Орудийная пальба не прекращалась, над полями стоял непрерывный гул, толстый бревенчатый настил землянки сотрясался от ударов. Но заседание проходило организованно.

Съезд открыл председатель корпусного комитета. Он тут же сложил свои полномочия и скрылся. Но меньшевики и эсеры не хотели сдавать свои позиции. Ссылаясь на «тяжёлое положение фронта» и запугивая делегатов немецким наступлением, они предложили создать Объединённый корпусный комитет «на паритетных началах». Съезд решительно отверг это предложение. В принятой резолюции он горячо приветствовал совершившийся в Петрограде переворот и заявил о своей готовности в любой момент выступить на защиту советской власти. Со специально выделенным делегатом съезд послал горячий привет вождю пролетарской революции Ленину.

Вновь избранный большевистский корпусный комитет немедленно взял власть в корпусе в свои руки. Он подчинил себе командование, овладел радиостанцией и организовал контроль над штабом.

Вскоре после того как разошлись делегаты, утихла и артиллерийская канонада. Немцы, очевидно, рассчитывали на то, что переворот в Петрограде расшатает, ослабит фронт, и хотели этим воспользоваться. Однако их нападение встретило решительный отпор. Бой носил ожесточённый характер, закончился он только ночью. Гренадеры упорно защищались. Они потеряли до 1 500 человек убитыми и ранеными, но все немецкие атаки были отбиты. Особый порядок, боеспособность и упорство проявили полки, раньше других совершившие у себя большевистский переворот.

Даже генеральская секретная сводка вынуждена была отметить:

«30 октября обнаружилось, что боевая устойчивость частей всё же даёт им возможность упорно оборонять позиции и предпринимать короткие местные удары. Бой 30 октября вызвал даже известное воодушевление и подъём духа у большинства солдат»[1].

Сколько бумаги было испорчено для доказательства, что большевики разложили армию, что большевики виноваты в повальном бегстве солдат с фронта! На большевиков клеветали кадеты. Ушаты похабной брани выливали эсеры. Неистовствовали меньшевики.

Ещё раз повторилось то, что имело место под Ригой в августе 1917 года. Тогда солдатские большевистские газеты, издававшиеся в Риге — «Окопная правда», «Окопный набат», — были предметом подлой травли, которую обрушивали кадеты, меньшевики и эсеры в течение ряда месяцев. Большевиков обвиняли в том, что они работают на немецкие деньги, проповедуют дезертирство, измену и пр., а когда дело дошло до защиты Риги от немцев, то именно полки, воспитанные на «Окопной правде» и «Окопном набате», — большевистские полки дрались мужественнее всех. Этого никак нельзя было скрыть.

Все газеты (за исключением эсеровского «Дела народа») напечатали сообщение — доклад управляющего военным министерством Савинкова, одного из руководителей эсеров, ярого врага большевиков — о доблести и мужестве большевистских полков, оборонявших Ригу.

«Были полки (под Ригой. — *Ред.*)... большевистские, которые сражались с исключительным мужеством и потеряли до трёх четвертей своего состава, в то время, когда другие такие же полки не выдерживали ни малейшего натиска противника»[1].

Наступая на Ригу, немцы бросили свои лучшие части. Части Северного фронта вынуждены были принять на себя тяжёлый удар. В огне гибли целые дивизии. Небезызвестный Войтинский, помощник комиссара Северного фронта, вынужден был заявить в печати, что солдаты дерутся стойко, неся огромные потери, они задерживают продвижение противника[2]. Особенно героически сражались под Ригой латышские стрелки. Несмотря на полное изнеможение, они снова и снова бросались в бой.

Не только Войтинский, но и другие комиссары Временного правительства на фронтах вынуждены были выступить с публичными опровержениями буржуазных клеветников.

Помощник комиссара одной из армий Румынского фронта Лунчинский опубликовал сообщение о том, что газеты неправильно освещали отход наших частей в районе Новоселицы, представленный газетами как сознательное открытие фронта.

Лунчинский, как и Войтинский, вынужден был признать, что наступление противника, предпринятое после сильной артиллерийской подготовки, несоизмеримо более крупными силами, было задержано. Полки и роты, несмотря на то, что противник стрелял химическими снарядами, смело бросались в контратаки, проявляя высокую доблесть и геройство[3]. И это были полки, среди которых было сильно влияние большевиков.

Так было в те августовские дни, задолго до Октябрьской революции, и на других фронтах.

Но вот в октябре из армии прогнали защитников буржуазии. У власти стали большевики. Солдаты получили ясное, чёткое представление о целях борьбы. И солдаты, вчера отказывавшиеся итти в наступление за интересы буржуазии, сегодня умирали за власть Советов. Переход власти в руки народа поднял боевое настроение, воодушевил солдат на борьбу за приобретённую советскую родину.

Победу Великой Октябрьской социалистической революции народные массы, армия и флот правильно восприняли — как гарантию от полного разгрома страны германским империализмом. Откровенное предательство буржуазии и помещиков, совершавших один предательский акт за другим, отдавших Ригу,

СОЛДАТЫ 7-го ГРЕНАДЕРСКОГО ТАВРИЧЕСКОГО ПОЛКА ИДУТ В КОНТРАТАКУ ПРОТИВ НЕМЦЕВ 30 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Рисунок А. И. Малиновского и В. Баюскина.

Эзель и Даго, явно собиравшихся отдать немцам Петроград, лишь бы расправиться с революцией, открыло всем глаза. Народные массы смотрели на большевиков как на единственную силу, способную организовать защиту родины и кончить войну. Ленинское положение: «Мы оборонцы с 25 октября», выражало чаяния всего народа; собиравшегося всеми силами защищать полученные в результате пролетарской революции землю и свободу. Бесчисленное количество опубликованных и неопубликованных резолюций воинских частей всех фронтов, армий, корпусов, дивизий и т. д. подтверждает; что армия и флот, предаваемые корниловскими генералами, были готовы защищать свою свободную страну. Не было случая, чтобы и до победы Октябрьской социалистической революции и в особенности после её победы какая-либо воинская часть не выполнила своего долга. Больше того, армия старалась уберечь и командный состав, способный ещё искренне встать на защиту страны. И советское правительство шло полностью навстречу этим стремлениям.

Одним из первых мероприятий советской власти явилось создание более крепкого военного аппарата. Для этой цели было решено использовать военных специалистов, не исключая и самых высоких, но лишь в том случае, если бывшие офицеры действительно честно встанут на защиту родины.

Так; через два дня после ареста Временного правительства были освобождены из Петропавловской крепости бывшие военный и морской министры последнего состава Временного правительства — генерал Маниковский и адмирал Вердеревский. Обоим была предложена работа по обороне страны. Генерал Маниковский согласился взять на себя работу по военному ведомству. Впоследствии генерал Маниковский работал в Красной армии.

30 октября Военно-революционный комитет Петроградского Совета предписал всем чинам штаба Петроградского военного округа, Военного и Морского министерств немедленно явиться к месту своей работы[1].

10-й Особый полк петроградского гарнизона, приветствуя 27 октября победу революции и власть Советов, заявил:

«Только такая власть, в среде которой не было бы внутренних разногласий и которой верило бы население (демократия), способна вывести страну из хозяйственной разрухи и разгрома германского империализма»[2].

Солдаты понимали, что Октябрьская социалистическая революция направлена против империализма русского и германского. Они вели борьбу против русской буржуазии, которая их гнала на несправедливую войну, и германской военщины, с которой они сражались в продолжение трех с половиной лет.

Уже в дни борьбы за победу пролетарской революции солдаты инстинктивно чувствовали тайный сговор между российской буржуазией и немецким империализмом, боявшимся революции народных масс в России не меньше русских империалистов. Эта боязнь сговора русских и германских империалистов после победы революции ещё более возросла. Нападения империалистов на молодую Советскую республику можно было прежде всего ожидать со стороны Германии. И солдатские массы на фронте требовали не только мира, но и сохранения жизнедеятельной и боеспособной армии на случай попыток борьбы против Советской России.

Так, только что организовавшийся военно-революционный комитет II армии в первом своём приказе потребовал, чтобы все учреждения и лица командного состава армии оставались на своих местах. Военно-революционный комитет принял все меры для того, чтобы нормальная жизнь армии не нарушалась и ее боеспособность не понизилась[1]. Через некоторое время армейский съезд II армии ещё раз подтвердил в декларации, что оперативно-боевая и хозяйственная деятельность в частях армии ведётся прежними органами под контролем комиссаров армейского военно-революционного комитета[2]. Когда начались переговоры о перемирии с немцами, советское правительство в приказе по армии и флоту потребовало:

> «Стойте крепко в эти последние дни, напрягите все силы и, несмотря на лишения и голод, держите фронт. От вашего революционного упорства зависит успех»[3].

Армия и флот в большинстве своём хорошо понимали, что впредь до заключения мира нужно крепко стоять с оружием в руках, защищая страну от всяких неожиданностей.

В IX и L корпусах II армии большевики взяли власть так же быстро, как и в гренадерском. Лишь в 5-й дивизии IX корпуса вышла небольшая заминка: здесь переходу власти в руки большевиков пытались помешать украинские националисты.

В III Сибирском корпусе 27—28 октября происходил корпусный съезд, выборы на который были произведены ещё до октябрьских событий. Голоса разделились здесь поровну — между большевиками и соглашателями. Съезд избрал совершенно неработоспособный «паритетный» комитет, который большевики были вынуждены распустить. Фактически и в этом корпусе власть перешла в руки большевиков.

31 октября в Несвиж начали съезжаться делегаты — большевики, избранные солдатами на армейский съезд. Соглашательский армейский комитет пытался помешать открытию съезда, но ни у комитета, ни у комиссара, ни у командующего армией не было реальной силы для этого. Съезд открылся 1 ноября в замке князя Радзивилла. Был избран военно-революционный

комитет II армии. Он принял особую декларацию о революционном правопорядке в армии.

Всю полноту власти в армии съезд передал своему исполнительному органу — армейскому комитету. Контрреволюционные выступления пресекались немедленным отстранением виновных от должности и арестом. Аресту подлежал всякий, кто открыто не признавал власти нового правительства.

Декларацией отстранялся от должности комиссар Временного правительства, а фронтовой «комитет спасения» объявлялся изменником родины и революции. Члены этого комитета подлежали задержанию. Всем войсковым комитетам предоставлялось право выдвигать кандидатов на соответствующие командные должности с утверждением их вышестоящими комитетами. В исключительную компетенцию комитетов передавались всё политическое руководство, культурно-просветительная работа и вопросы использования вооружённой силы для выполнения всякого рода гражданских задач.

Так завершился Октябрьский переворот во II армии, давшей при этом крупные подкрепления большевикам.

X армия занимала центр Западного фронта. Её штаб находился в местечке Молодечно. О том, как было встречено здесь известие о восстании в Петрограде, рассказывают в «Правде» от 4 ноября 1917 года делегаты 107-го Троицкого полка.

> «Весть о перевороте, — пишут они, — пришла 26 октября. Встречена она была с восторгом, криками «ура». Состоялось собрание всего полка, который вынес резолюцию за полную поддержку новой власти... 27-го была получена другая телеграмма о взятии Петрограда Керенским с призывом не верить Военно-революционному комитету и об аресте большевиков. Этой телеграмме никто не поверил»[1].

Несколькими днями раньше в 107-м Троицком полку была принята резолюция о передаче всей власти в руки Советов. С этой резолюцией делегаты 107-го полка объездили несколько полков своей дивизии: 105, 106 и 108-й. Всюду солдаты единогласно присоединились к резолюции 107-го полка. Даже в ударном батальоне подавляющее большинство солдат присоединилось к резолюции, и лишь небольшая кучка протестовала, требуя ареста делегатов.

Резолюция была доставлена в комитет 27-й дивизии с тем, чтобы делегат от дивизии доставил её на II Всероссийский съезд Советов. Дивизионный комитет сначала отказывался принять эту резолюцию. Когда же делегаты пригрозили, что они сами доставят её на съезд, комитет принял, но на съезд её не доставил, а положил под сукно.

Так было накануне Октябрьского переворота не только в 27-й дивизии, но и в других частях X армии. Разрыв между сол-

датской массой и соглашательскими войсковыми комитетами стал к этому времени совершившимся фактом.

Армейский комитет X армии, получив первые известия о восстании в Петрограде, совместно с правительственным комиссаром обратился к армии с воззванием, пророча гибель революции. 28 октября в Молодечно состоялось армейское совещание представителей полковых, дивизионных и корпусных комитетов, вернее, представителей соглашательских; по преимуществу, верхушек этих комитетов. Но и при таком положении около 50 человек высказались на совещании за большевиков. Эсеры и меньшевики насчитывали на своей стороне около 100 человек. Небольшая группа представителей заняла «нейтральную» позицию, воздерживаясь при всех голосованиях.

Совещание было бурным. Большевики требовали полного признания советской власти и созданного II съездом Советов правительства. Эсеры и меньшевики, осуждая восстание, предлагали признать источником власти петроградский «комитет спасения родины и революции», которому и поручить формирование правительства. Большевики отказались участвовать в согласительной комиссии по выработке резолюции и ушли с совещания; после этого соглашатели провели свою резолюцию и ввели в армейский комитет ещё 14 своих единомышленников из числа участников совещания. Армейскому комитету они предложили выделить «комитет спасения свободы и революции» и войти «в тесный контакт с подобным комитетом Западного фронта».

Задержать развитие революционных событий в X армии всё же не удалось. Секретная сводка Западного фронта отмечала:

> «29 октября комитетом штаба 2-й Сибирской стрелковой дивизии установлен контроль телефонной и телеграфной станций штаба. Телеграммы за подписями комиссаров и комитета уничтожались. Начальник дивизии и комендант штаба вначале были арестованы, но вскоре освобождены»[1].

События на местах — в полках и дивизиях — развивались ускоренным темпом. 7 ноября в Молодечно открылся III армейский съезд X армии. На нём присутствовало около 600 делегатов, из которых почти две трети шли за большевиками. Когда выбирали президиум, за список большевиков было подано 326 голосов, за список эсеров и меньшевиков — 183. В президиум вошли 8 большевиков и только 4 соглашателя.

На открытии съезда выступил председатель старого армейского комитета меньшевик Печерский. Он пытался запугать делегатов:

— Чувствуете ли вы, что мы уже у последней черты, что страна гибнет?.. Впереди приостановка железнодорожного движения, оторванность от центра, голод, разбой... анархия и гибель, черная гибель страны[2].

Но запугивания уже не действовали. Докладчики с мест один за другим оглашали наказы, говорившие о полной поддержке новой власти. В наказах выражалось единодушное требование о немедленном отстранении от дел старого состава армейского комитета. Ещё до избрания нового комитета старый комитет был вынужден передать все дела президиуму съезда.

Съезд постановил признать советскую власть и безоговорочно поддержать Совет народных комиссаров.

Съезд закончился избранием нового армейского комитета, в котором большевикам была обеспечена руководящая роль. Был образован военно-революционный комитет, немедленно приступивший к ликвидации контрреволюционных проявлений в армии. Борьбу приходилось вести главным образом с соглашателями, сопротивление которых было здесь сильнее, чем в других армиях Западного фронта. Командный состав армии, не имея опоры в войсках, оставался сравнительно пассивным.

Положение в III армии напоминало октябрьские события в I армии Северного фронта. Армейский комитет III армии состоял в большинстве из эсеров левого крыла. Как только были получены вести о восстании в Петрограде, комитет обратился к солдатам, призывая их к спокойствию. Но комитеты многих частей уже выносили большевистские резолюции.

> «Окраска этих резолюций — ярко большевистская, что указывает на то, что агитация большевиков, об усилении которой единогласно доносили все командиры корпусов, не была напрасна и подготовка большевистского восстания в войсках велась достаточно интенсивно»[1], —

отмечала секретная сводка военно-политического отделения штаба Западного фронта.

В другой сводке отмечалось особенно революционное настроение в XV корпусе III армии:

> «Слухи о текущих событиях, только что дошедшие до солдатских масс, грозят серьёзными осложнениями: массы развращены агитацией большевиков и могут оказаться весьма восприимчивыми ко всякого рода агитации. Корпусный и дивизионный комитеты настроены против Временного правительства, Керенского и буржуазии»[2].

Одной из первых перешла на сторону пролетарской революции 6-я дивизия XV корпуса. 29 октября на общем собрании войсковых комитетов 6-й дивизии была принята резолюция, приветствовавшая переход власти в руки Советов.

За эту резолюцию единогласно голосовали 22, 23 и 24-й полки дивизии, инженерная рота и артиллерия.

Ещё более бурно развивались октябрьские события в XXXV корпусе III армии. С первых же дней Октябрьской социалистической революции в корпусе образовался большевистский воен-

но-революционный комитет. Он сразу порвал всякую связь с соглашательским корпусным комитетом и взял под контроль штаб корпуса. Над командирами установили контроль. Начальник 55-й пехотной дивизии работал в присутствии приставленных к нему солдат. Телеграммы Керенского задерживались или сопровождались примечаниями, опровергающими их содержание.

Командующий армией генерал Д. П. Парский пытался двинуть против восставшего корпуса карательную экспедицию. Для этого намечались три полка и две бригады 2-й Туркестанской казачьей дивизии. Казаки стояли в тылу III армии. Дивизия считалась более или менее надёжной. С её помощью командование надеялось навести «порядок», но привести в исполнение свою угрозу оно оказалось не в силах.

2 ноября в Полоцке, где находился штаб III армии, открылся II армейский съезд. Он был созван соглашательским армейским комитетом с целью нащупать опору в армии. Но и на этом съезде в большинстве оказались большевики. В президиум были избраны 4 большевика, 3 эсера, 2 меньшевика и 1 эсер-максималист.

Еще до открытия съезда, 1 ноября, была избрана согласительная комиссия для выработки общей декларации. В неё вошли по четыре представителя от каждой фракции — большевиков, меньшевиков, эсеров и эсеров-максималистов. Комиссия работала почти всю ночь с 1 на 2 ноября и весь следующий день. В конце концов эсеры-максималисты ушли из комиссии, заявив, что они выступят на съезде с самостоятельной резолюцией. Остальные фракции достигли соглашения на основе признания декретов о мире, о земле и других постановлений II съезда Советов, а также законодательных актов Совета народных комиссаров. Но наряду с этим выработанная согласительной комиссией резолюция говорила о создании «объединённой социалистической власти на почве соглашения между обоими лагерями демократии».

Затем выступившие на съезде докладчики с мест огласили свои наказы. Ни один из них не говорил о защите Временного правительства. Армия была на стороне большевиков. Понятной была та «уступчивость», которую проявили соглашатели в переговорах с большевиками. Не имея никакой опоры в армии, они вынуждены были лавировать, ища «соглашения между обоими лагерями демократии». Однако большевики III армии, вступив на путь такого «соглашения», не обольщались объединительными тенденциями. Докладчик от фракции большевиков говорил:

> «Наша программа — власть Советам. Мы готовы идти на уступки перед правым крылом демократии, но ни шагу не отступим в деле дальнейшего углубления и расширения революции»[1].

Всё же за выработанную согласительной комиссией резолюцию голосовали все фракции съезда за исключением небол-

ной группы эсеров-максималистов. Затем съезд вынес постановление о переходе всей власти в армии в руки армейского комитета.

В новом армейском комитете большевики получили 30 мест, эсеры — 22, меньшевики — 4, максималисты — 4 и беспартийные социалисты — 6. Председателем комитета был избран большевик, товарищами председателя — эсер (председатель старого армейского комитета), меньшевик и большевик. Кроме того в президиум комитета были введены 4 секретаря: большевик, эсер, меньшевик и эсер-максималист. По постановлению съезда при армейском комитете был создан военно-революционный комитет, в состав которого вошли представители всех фракций пропорционально их численности на съезде.

Военно-революционный комитет известил командующего армией, что ни одно его распоряжение не будет исполнено без санкции комитета. У командующего не оказалось возможности противиться этому контролю.

Но достигнутое на съезде межпартийное соглашение скоро рухнуло. Когда на одном из первых же заседаний армейского комитета был поставлен вопрос о посылке революционных подкреплений в Минск, меньшевики и эсеры выступили с яростными возражениями. При голосовании за посылку подкреплений было подано 33 голоса, против — 24. Меньшевики и эсеры заявили протест, ссылаясь на то, что решение о посылке войск «противоречит постановлению армейского съезда» и вызывает ту самую гражданскую войну, для избежания которой они «приложили все усилия». Вскоре соглашатели и совсем ушли из военно-революционного комитета, проводившего твёрдую революционную линию.

Большевизация армии шла быстрыми шагами. 18 ноября за отказ приступить к мирным переговорам с немцами военно-революционный комитет отстранил от должности командующего армией генерала Парского. Вместе с ним были устранены начальник штаба Лебедев и начальник полоцкого гарнизона Нечаев. Командующим армией был назначен председатель армейского комитета большевик, подпоручик Анучин, начальником гарнизона — солдат-автомобилист Чудков. В отделы штаба были введены комиссары военно-революционного комитета. Так завершился Октябрьский переворот в III армии.

В центре Западного фронта — в Минске, где находился штаб фронта, известия о событиях в Петрограде были получены в тот же день — 25 октября. Президиум Минского Совета, состоявший из одних большевиков, немедленно выпустил приказ № 1, которым объявил о переходе к нему всей власти в городе.

К 2 часам дня приказ был расклеен по городу. Одновремённо были освобождены из тюрем и гауптвахт арестованные больше

вики. Они начали собираться на Петроградской улице, у здания Совета. Ещё в тюрьме они организовались в боевую единицу; им нехватало только оружия. Вскоре из артиллерийских складов привезли пулемёты, винтовки и необходимую амуницию. Из освобождённых большевиков составили 1-й революционный имени Минского Совета полк. Им были заняты все караулы в городе. На почту, телеграф и в другие учреждения Совет послал комиссаров.

Никто не решался оспаривать власть Минского Совета. Фронтовой комитет, городская дума и другие учреждения бездействовали. Даже штаб фронта, внушавший наибольшие опасения, спокойно принял комиссаров, назначенных Советом.

Минский Совет, ставя своей задачей не нарушать оперативную работу штаба фронта, издал 26 октября постановление, в котором он заявлял:

«Исполнительный комитет доводит до сведения всех частей фронта и местного гарнизона, что все боевые приказы оперативного характера, исходящие от главнокомандующего Западного фронта генерала Балуева, должны беспрекословно исполняться. Политическая сторона деятельности штаба Западного фронта фактически находится в руках Минского Совета рабочих и солдатских депутатов» [1].

В тот же день вечером в Минске был образован большевистский военно-революционный комитет Западной области. Председателем комитета был избран А. Мясников.

Поход Керенского на Петроград явился сигналом для выступления минских агентов контрреволюции. Центром её стал фронтовой комитет Западного фронта. 27 октября под руководством комиссара фронта и члена фронтового комитета меньшевика Колотухина в Минске был создан «комитет спасения родины и революции Западного фронта».

Вскоре после создания «комитета спасения» в городе показались его вооружённые патрули. Они потребовали от караулов военно-революционного комитета сдачи постов. Эсеры отпечатали свои воззвания и расклеивали их по городу. В 3 часа дня на улицах Минска появились казаки. Дворы и площади были заняты кавалерийскими частями. На площади Свободы расположились артиллерия и пулемёты. Кровавое столкновение казалось неизбежным.

Вооружённые силы контрреволюции исчислялись предположительно в 20 тысяч человек. В распоряжении «комитета спасения» находились Кавказская кавалерийская дивизия, стоявшая неподалеку от Минска, корпус польских легионеров и другие части. Большевики могли им противопоставить 1-й революционный полк имени Минского Совета, насчитывавший около 2 тысяч человек, да небольшой отряд Красной гвардии преиму-

Выступление Мясникова при вооружении 1-го революционного имени Минского Совета полка.

Рисунок С. И. Волуцкого.

щественно из железнодорожных рабочих. Из частей местного гарнизона целиком на стороне большевиков были лишь команды зенитных батарей. Получить же помощь с позиций, отстоявших от города за 100 километров, Минский Совет не успел.

Дальнейшие события показали, что силы «комитета спасения» были значительно меньше, но несомненный перевес был всё же на его стороне. «Комитет спасения» предъявил военно-революционному комитету ультиматум с требованием полного подчинения.

Немедленно было созвано совещание областного большевистского центра. Выбирать приходилось из двух возможностей: отклонить ультиматум и, опираясь на наличные силы, вступить в неравный бой или завязать переговоры с «комитетом спасения», чтобы выиграть время и подтянуть революционные части с фронта.

Минские большевики решили использовать вторую возможность. В результате переговоров соглашение с «комитетом спасения» было достигнуто на следующих условиях:

1) «Комитет спасения» отказывается от посылки вооружённых частей на Петроград и Москву и не пропускает таковых через Минск.

2) «Комитет спасения» признаёт амнистию политических арестованных, произведённую Минским Советом, но находит необходимым их разоружить.

3) Минский Совет посылает в «комитет спасения революции» двух представителей Минского Совета.

4) «Комитету спасения» временно принадлежит вся власть в районе Западного фронта [1].

Орудия и пулемёты были убраны с площадей. Караулы военно-революционного комитета передали посты частям 2-й Кавказской кавалерийской дивизии и разместились в казармах недалеко от Совета. Город оказался во власти «комитета спасения». Однако ни одна сторона не соблюдала полностью взятых ею на себя обязательств. «Комитет спасения», обязавшийся препятствовать переброске войск с фронта на Петроград и Москву, при малейшей возможности нарушал это условие. В то же время известия, приходившие с фронта, не радовали членов «комитета спасения». Дивизия за дивизией, корпус за корпусом высказывались против Временного правительства и утверждали советскую власть. Почва ускользала из-под ног соглашателей. 1 ноября на заседание «комитета спасения» явился представитель съезда гренадерского корпуса II армии.

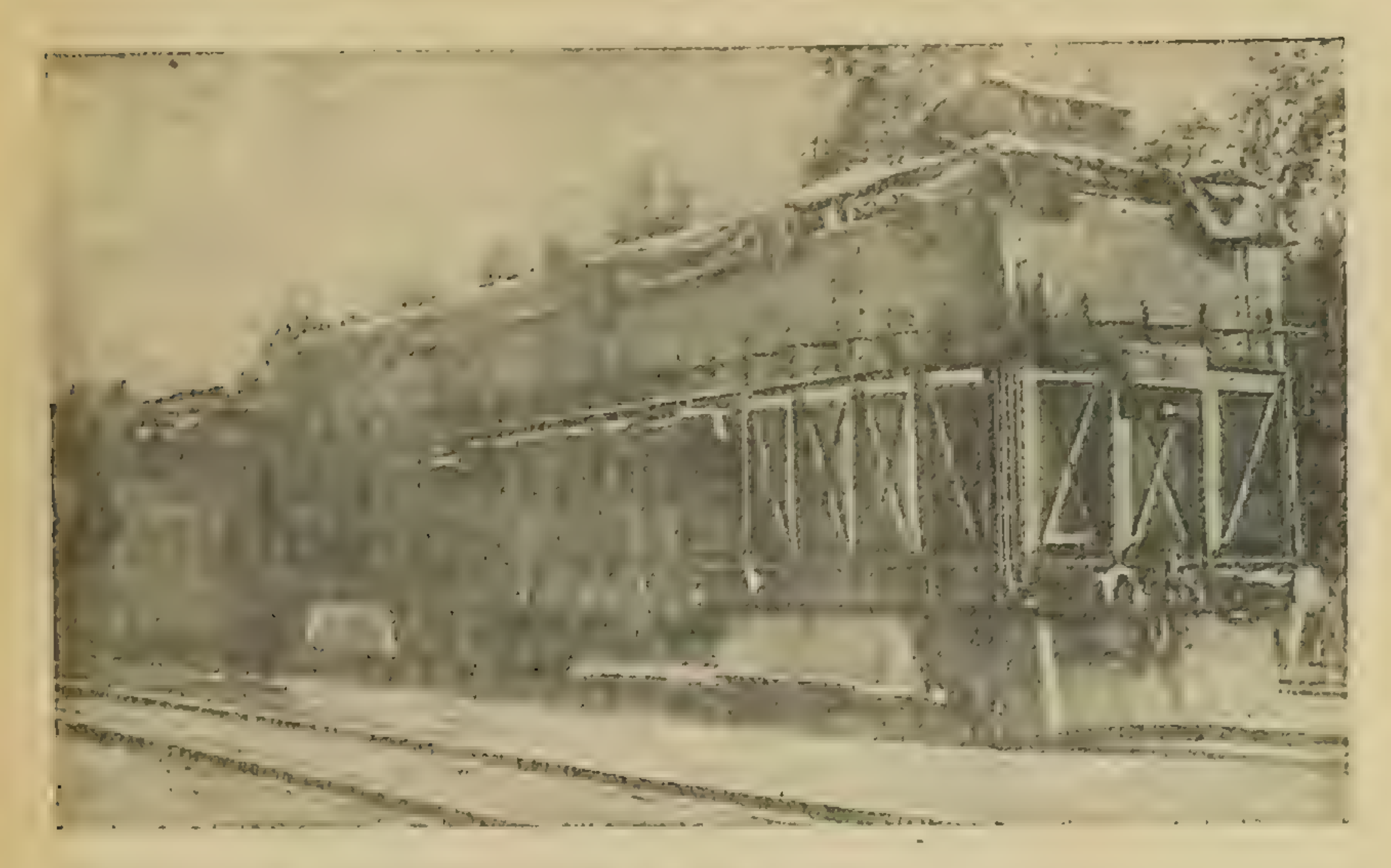
— Гренадеры осуждают деятельность «комитета спасения» на Западном фронте, — заявил он. — Они требуют, чтобы «комитет спасения» признал совершившуюся революцию и подчинился новому правительству. В случае отказа съезд потребовал насильственного разгона «комитета спасения». Для проведения в жизнь этих требований корпус примет все меры [2].

Фронт пришел на помощь минским большевикам не только резолюциями. Как только во II армии было получено требование Минского Совета о помощи, военно-революционный комитет армии решил двинуть на Минск бронированный поезд, стоявший на разъезде Хвоево в расположении гренадерского корпуса. Вывести поезд было поручено одному из членов комитета — железнодорожнику Пролыгину, служившему в армии фельдфебелем.

Утром 29 октября товарищ Пролыгин явился на разъезд и договорился с командой о выступлении в сторону Минска. Офицеры и машинисты, отказавшиеся подчиниться, были арестованы. Поезд повёл сам Пролыгин.

Шли медленно, ощупью, опасаясь подрыва пути. На станции Негорелое навстречу поезду вышла делегация минского «комитета спасения». Она безуспешно пыталась «уговорить» солдат. Бронепоезд двинулся дальше.

Тогда навстречу ему из Минска по приказу «комитета спасения» отправлен был поезд с рабочими для разборки пути. По дороге, узнав, в чём дело, рабочие арестовали своих руководи-

Бронепоезд, прибывший из II армии в Минск.

телей, а на станции Фаниполь, встретив возвращавшуюся делегацию «комитета спасения», арестовали и её.

Обе попытки задержать бронепоезд провалились. Тогда председатель «комитета спасения» меньшевик Колотухин вместе с офицером штаба Западного фронта Завадским помчался на автомобиле навстречу бронепоезду. На 712-й версте автомобиль остановился. Колотухин и Завадский направились к железнодорожному полотну. Белое облачко взрыва показалось над насыпью. Рабочие, заметившие взрыв, побежали к месту происшествия. Колотухин и Завадский, бросив автомобиль и инструменты, кинулись в лес. Подоспевшие рабочие обнаружили на месте взрыва развороченные рельсы. Но замысел контрреволюционеров вызвать крушение бронепоезда не удался: поезд уже прошёл.

В ночь на 2 ноября бронепоезд прибыл в Минск. Вслед за ним подошёл к городу батальон 60-го Сибирского полка, направленный тоже из II армии. Прибытие этих частей положило конец господству «комитета спасения» в Минске.

В городском театре собрался Минский Совет. С докладом выступил товарищ Мясников. Он предложил резолюцию, утверждавшую советскую власть. Тысячи рук поднялись за неё.

Опираясь на реальную вооружённую силу, большевистский военно-революционный комитет вновь объявил себя органом власти на фронте.

Главнокомандующий фронта генерал Балуев, при поддержке которого «комитет спасения» утверждал своё кратковременное

господство в Минске, вынужден был заявить о своей «готовности» работать вместе с большевиками. Участник этих событий в Минске товарищ Каменщиков рассказывает по этому поводу:

«В ответ на письмо Балуева военно-революционный комитет решил предъявить ему требования: кавалерия должна быть немедленно выведена из Минска; командующим войсками Минска и окрестностей, а также комендантом города должен быть назначен полковник Каменщиков... Балуев всё это принял кроме одного: он отказался отдать приказ о моём назначении командующим войсками Минска и его окрестностей. Я вступил в эту должность по приказу военно-революционного комитета» [1].

Соотношение сил в Минске изменилось. Под влиянием большевистской агитации Кавказская кавалерийская дивизия отказалась поддерживать контрреволюцию. Попытка председателя «комитета спасения» меньшевика Колотухина вызвать крушение бронепоезда дискредитировала «комитет спасения». 4 ноября комиссар фронта был арестован.

Так победила советская власть в центре Западного фронта — в Минске..

Ещё несколько пунктов в тылу Западного фронта сыграло значительную роль в утверждении пролетарской революции— Орша, Смоленск, Вязьма.

Орша — крупный железнодорожный узел на прямом пути между Ставкой и Петроградом, с одной стороны, и между Минском и Москвой — с другой. Ставка крепко держалась за Оршу. В окрестностях Орши неспроста стояла 2-я Кубанская казачья дивизия: казаки должны были обеспечить исполнение приказов Ставки в этом важном пункте. С первых же дней Октябрьской социалистической революции сюда стали двигаться воинские эшелоны, предназначавшиеся для подавления восстания пролетариата в Петрограде и Москве. Оршанский Совет рабочих и солдатских депутатов был в руках соглашателей: здесь господствовали эсеры, меньшевики и бундовцы.

Положение большевиков в Орше в Октябрьские дни было крайне тяжёлое. 26 октября на заседании исполнительного комитета Оршанского Совета комендант города полковник Шебалин заявил:

— Восстание большевиков в Петрограде скоро будет ликвидировано. Все главные пункты уже захвачены юнкерами. В Орше мы подавим всякое выступление.

В ответ раздались протесты большевиков:

— Вон его! Снять!..

Полковника сменил начальник милиции меньшевик Иванов. Бросая злобные взгляды в сторону большевиков, он начал:

— По моему приказанию милиция сегодня заняла вокзал.

Там, где нужно, установлены пулемёты. Я не допущу большевистских бесчинств...

Казачий офицер из Кубанской дивизии уверял соглашателей, что казаки целиком на их стороне.

Совет принял постановление организовать «комитет спасения». В него вошли и представители городской думы. Городской голова, старый большевик П. Н. Лепешинский, сложил свои полномочия.

Большевики развили энергичную деятельность на предприятиях и в частях гарнизона. Они потребовали перевыборов Совета. Соглашатели о перевыборах не хотели и говорить. Перевыборы начались явочным порядком.

Вечером 27 октября состоялось заседание Совета. Большевики были представлены на нём уже гораздо полнее. Заседание прошло очень бурно. Соглашатели не хотели признавать вновь избранных депутатов.

Весь день 28 октября большевики провели на предприятиях и в частях гарнизона. Попытки соглашателей помешать перевыборам потерпели крах. В артиллерийском парке против большевиков выступил было один офицер, но солдаты его едва не растерзали. Спасли офицера большевики.

Вновь избранный Совет рабочих и солдатских депутатов заседал в этот же день. В нём не было ни одного соглашателя. Меньшевики, эсеры и бундовцы заседали в старом Совете.

На первом же заседании нового Совета был образован военно-революционный комитет.

Военно-революционный комитет немедленно установил связь со всеми частями гарнизона и назначил в них комиссаров, а на железнодорожной станции создал военный пункт для наблюдения за прибывающими эшелонами.

Узнав о возникновении в Орше военно-революционного комитета, минский «комитет спасения» направил туда правого эсера Макаревича в качестве комиссара Оршанского узла. Макаревич прибыл в Оршу 29 октября, где немедленно был арестован.

К этому времени в Оршу прибыли 2 эшелона большевистски настроенных солдат 623-го пехотного полка. Военно-революционный комитет задержал их на станции и привлёк к охране города. С помощью этих солдат удалось парализовать Кубанскую казачью дивизию. А затем большевики привлекли на свою сторону рядовых казаков.

Почва горела под ногами контрреволюционеров. 31 октября начальник Кубанской казачьей дивизии Николаев, в задачи которого входило обеспечение свободного продвижения на север войск, идущих на помощь Керенскому и Краснову, телеграфировал в Ставку:

«Комитет большевиков ввёл в город роту 623-го пехотного полка, 2 эшелона которого до сих пор остаются на станции. Большие вооружённые патрули от этой большевистской роты ходят по городу, особенно мимо телеграфа, занятого 10 казаками. Завтра они предполагают занять все учреждения, мне предъявить силой требования, которые я сегодня категорически отклонил. У меня силы для противодействия нет, эскадроны из Минска еще не прибыли, желательна присылка броневиков»[1].

Солдаты 623-го полка задержали 300 сибирских казаков, следовавших из Минска в Смоленск[2].

1 ноября комендант города полковник Шебалин, хвастливо заявлявший 26 октября, что он «подавит всякое выступление», телеграфировал прямо в адрес Духонина:

«Положение Орше критическое. Утром 1-го станция Узловая и город будут во власти большевиков. Всем властям предъявлены ультиматумы. Драгуны не прибыли, противодействовать нечем. Целый пехотный полк стоит в эшелонах на станции, из них рота вечером вошла в город. Чтобы спасти положение, вышлите к 8 часам 4 броневика и батарею. Телеграфирую не по команде, не стерпела душа»[3].

Но телеграммы не помогали. Большевики полностью овладели городом. Оршанский военно-революционный комитет стал на пути движения контрреволюционных сил с фронта.

Задерживали эшелоны разными способами: одних солдат большевики склоняли на свою сторону, других разоружали. Если применение силы угрожало кровопролитием, эшелон отводился в карьер версты за две от станции и ставился так, что не только разгружаться, но и выйти из вагонов было очень трудно. Простояв сутки, прибывшие начинали упрашивать коменданта отправить их «в каком угодно направлении».

Смоленск лежит на прямой дороге из Минска к Москве. В Смоленске находился штаб Минского военного округа. Командовал округом генерал Лещ, комиссаром Временного правительства был Галин. Последний незадолго перед тем разогнал Калужский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Город был переполнен воинскими частями и тыловыми учреждениями Западного фронта. При штабе округа были сосредоточены наиболее надёжные части. Однако большая часть гарнизона была настроена большевистски.

26 октября, тотчас по получении известий о восстании в Петрограде, собрался Смоленский Совет. Меньшевики и эсеры потребовали, чтобы Совет осудил восстание. Но предложенная ими резолюция была отвергнута подавляющим большинством голосов. Меньшевики и эсеры ушли с заседания Совета в городскую думу, где собирались все контрреволюционные силы. В этот же

день дума объявила о создании в Смоленске «комитета спасения». Большевики, оставшиеся в Совете, создали военно-революционный комитет, в который вошли 4 большевика, 2 «левых» эсера и 1 анархист.

Вскоре военно-революционный комитет получил сведения, что по приказу штаба округа казаки готовятся напасть на Совет. Большевики начали укреплять здание Совета — бывший губернаторский дом. В саду поставили два бомбомёта и миномёт. Не надеясь на служащих городской телефонной станции, провели полевой телефон в артиллерийский дивизион — наиболее преданную Совету часть. В здании Совета был установлен воинский караул. В окна выставили пулемёты.

«Комитет спасения» объявил в городе военное положение. По улицам стали разъезжать патрули казаков, появились броневики. На окраинах были выставлены заставы.

Меньшевики и эсеры из «комитета спасения», подделав подпись председателя военно-революционного комитета, отобрали в авиационном парке 41 пулемёт. Этот «успех» окрылил соглашателей. Они бросились в другие воинские части. Но всюду встречали отпор. В лёгком артиллерийском дивизионе выступление эсеров и меньшевиков кончилось... арестом офицеров. Тогда начались попытки разложить наиболее преданные большевикам части. С этой целью в тяжёлый артиллерийский дивизион неизвестно кем была прислана цистерна спирта. Вмешательством большевиков начавшаяся попойка скоро была прекращена.

В городе обстановка становилась все напряжённее. Приближалась неминуемая развязка.

30 октября в 8 часов вечера открылся пленум Совета. С докладом выступил вернувшийся из Петрограда делегат II съезда Советов «левый» эсер М. И. Смоленцев. Переполненный зал жадно ловил каждое слово докладчика. Рассказ о героической борьбе питерского пролетариата был встречен с восторгом. Вдруг в зале появился правый эсер Казаков в сопровождении двух военных. Казаков подошёл к трибуне и прервал докладчика. Он предъявил ультиматум:

— «Комитет спасения» требует, чтобы члены Совета сдали оружие и немедленно очистили помещение. Для выполнения даётся срок — 30 минут. Если это не будет выполнено, по зданию Совета будет открыт огонь[1].

Наступило замешательство. «Левые» эсеры рекомендовали разойтись. Представители рабочих и делегаты воинских частей предложили отвергнуть ультиматум, но группа «левых» эсеров уже потянулась к дверям. На улице все они были арестованы контрреволюционерами. В здании Совета осталось человек сорок большевиков, решивших не подчиняться ультиматуму. Они стали готовиться к обороне. Представителей артиллерийского

дивизиона отрядили за помощью в свои части, выпустив их незаметно из здания. В комнатах и коридорах погасили свет.

Стоявшим у окон большевикам были видны мелькавшие в саду тени белогвардейцев. Перебегая за деревьями, белые приближались к зданию Совета. Вскоре с их стороны раздались выстрелы. Из окон Совета последовал ответ. Завязалась горячая перестрелка. Казаки бросились к дому, но вынуждены были отхлынуть. Атаки повторялись несколько раз, все они были отбиты. Но силы осаждённых были незначительны по сравнению с нападавшими. Из Совета пробовали связаться по телефону с воинскими частями. Но все телефоны оказались выключены. Вдруг зазвонил полевой телефон, которым Совет был связан с лёгким артиллерийским дивизионом. Посланный за помощью представитель дивизиона сообщил, что принимаются меры к защите Совета.

Около 2 часов ночи стрельба внезапно оборвалась. К зданию Совета подошла делегация «комитета спасения». Впереди шёл в качестве заложника арестованный казаками «левый» эсер Смоленцев. Делегация предложила защитникам Совета сдаться. Но большевики и на этот раз ответили решительным отказом.

Снова началась перестрелка. Под огнём белогвардейцев один из защитников Совета выбежал во двор и навёл миномёт на здание городской думы, где заседал «комитет спасения». Раздался выстрел. Мина ударила в крышу думы и причинила значительные разрушения. Спустя немного времени по думе и штабу Минского военного округа начала бить лёгкая артиллерия. Около 4 часов утра караульный полк двинулся к центру города, перестреливаясь с отрядами «комитета спасения».

«Комитет спасения» переполошился. Он снова направил делегацию в Совет. Но вид у делегатов был теперь совершенно иной. Они предложили прекратить стрельбу и явиться в думу для переговоров.

Военно-революционный комитет потребовал: 1) распустить «комитет спасения», 2) прекратить военные действия со стороны штаба округа и немедленно вывести из города казачьи части, 3) освободить всех арестованных.

После долгих переговоров эти требования военно-революционного комитета были приняты. Но на другой день «комитет спасения» и штаб военного округа нарушили соглашение. При помощи казаков они попытались захватить артиллерийские батареи. Снова завязался бой. На помощь к артиллеристам подоспели отряды автомобильной школы, караульного полка и сапёрного батальона. Белогвардейцы бежали.

Весь день 31 октября в разных частях города происходили стычки с отрядами «комитета спасения». Наконец воинские части штаба округа были разоружены. Казаки покинули город, часть

из них была обезоружена. 1 ноября, после ухода казаков, из Смоленска бежал Галин, комиссар Временного правительства.

Одержав победу в городе, военно-революционный комитет прочно занял железнодорожный узел. Несколько воинских эшелонов, следовавших в Москву на подавление восстания, были задержаны и разоружены.

Немалую роль в задержании эшелонов; следовавших в Москву на подавление восстания, сыграл и Вяземский военно-революционный комитет. Власть в Вязьме в Октябрьские дни без сопротивления перешла в руки военно-революционного комитета. Боевые стычки разыгрались здесь позднее.

29 октября комитет получил сообщение о приближении к Вязьме эшелона; направлявшегося в Москву. Немедленно были мобилизованы для задержания эшелона воинские части и красногвардейские дружины. Поздно ночью военно-революционный комитет получил телеграмму от командира эшелона с требованием сложить оружие.

Три казачьих эшелона уже стояли на станции Редякино, в нескольких верстах от Вязьмы. В военно-революционном комитете возникли разногласия. Незначительным большинством голосов было решено начать переговоры и послать делегатов на станцию Редякино. Казаки воспользовались этим для того, чтобы продвинуть эшелоны к самому городу, а затем от переговоров отказались. Лишь после этого военно-революционный комитет двинул против них пулемётную команду и пехотные части. Завязался бой, в котором казаки понесли значительные потери. Чтобы выиграть время, они предложили военно-революционному комитету возобновить переговоры. От них потребовали безоговорочной сдачи оружия. Казачьи офицеры было заупрямились. Опять началась перестрелка. Она продолжалась до тех пор, пока казаки не сдали оружия.

В Вязьме были разоружены и другие эшелоны, пытавшиеся прорваться к Москве на помощь белогвардейцам. В их числе были броневые отряды; ударники и пулемётные части.

В закреплении успехов Великой пролетарской революции Западный фронт и его тыл сыграли большую роль.

4.

ХОД РЕВОЛЮЦИИ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ, РУМЫНСКОМ И КАВКАЗСКОМ ФРОНТАХ.

На Юго-западном, Румынском и Кавказском фронтах Великая пролетарская революция развивалась в более сложной обстановке, чем на Северном и Западном.

Развернувшаяся здесь борьба за советскую власть велась не только против генералитета и контрреволюционных организаций, но и с враждебными советской власти националистическими объединениями, по территории которых проходили фронты. Это были: Украинская центральная рада, буржуазные организации Закавказья и румынские власти.

Фронтовый комитет Юго-западного фронта, получив известия о событиях в Петрограде, решил оказать сопротивление выступлению большевиков.

Однако настроение комитета далеко не отражало настроения солдатских масс фронта и тыла. Известия о восстании в Петрограде дошли до солдат Юго-западного фронта позднее, чем на других фронтах. Но как только солдатская масса и на этом фронте узнавала о великих событиях в Петрограде, она спешила выразить свою солидарность с петроградскими рабочими и солдатами. 31 октября начальник штаба VII армии генерал Гришинский доносил в штаб Юго-западного фронта:

«В XXII корпусе усиленная большевистская агитация ведётся солдатами 6-го полка, где вынесена резолюция о поддержке большевиков... В I гвардейском корпусе на соединённом заседании полковых, дивизионных и корпусного комитетов после бурных прений вынесена следующая резолюция: соединённое заседание заявляет о полной солидарности с петроградским гарнизоном и Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в их борьбе за создание твёрдой революционной власти...»[1]

2 ноября командующий XI армией генерал Промотов телеграфировал в штаб фронта:

«В V армейском корпусе настроение крайне нервное, симпатии к большевизму растут особенно в пехоте, сильно ухудшилось отношение к офицерскому составу в 7-й пехотной дивизии. В XXXII армейском корпусе 403-й Польский полк за исключением пулемётной и других мелких команд вынес большевистскую резолюцию с протестом против снятия войск с фронта. 48-й тяжелый артиллерийский дивизион вынес подобную большевистской резолюцию... Большевистское настроение в частях корпуса растёт»[2].

Центром революционного движения в тылу Юго-западного фронта явилась Винница. Там была сильная большевистская

организация. Местный Совет рабочих и солдатских депутатов целиком находился на стороне большевиков. За большевиками шёл и местный, значительный по численности, гарнизон.

События в Виннице начали назревать ещё до восстания в Петрограде. В воинских частях происходили митинги, собрания, принимались резолюции о немедленной передаче власти в руки Советов. Ввиду «опасного настроения» власти решили в трёхдневный срок вывести из Винницы на фронт наиболее большевизированные части. В числе их был 15-й запасный полк. Узнав об этом, полк в полном составе подошёл к зданию Винницкого Совета. Делегаты полка заявили, что без распоряжения Совета солдаты на фронт не выступят. После митинга у Совета полк в полном порядке вернулся в казармы. Действия полка вызвали сочувствие других частей гарнизона. Был создан военно-революционный комитет. Отправку 15-го полка на фронт решили задержать. Оружия без ведома военно-революционного комитета не выдавать. Авиационной части поручили под видом учебных полётов следить за подходом к Виннице правительственных войск.

Комиссар Юго-западного фронта меньшевик Н. Н. Иорданский, получив 24 октября сведения о выступлении 15-го полка, послал в Винницу отряд с броневиками под руководством своего помощника Т. Д. Костицына и полковника Авраамова. Попытка отряда Костицына, прибывшего в Винницу 25 октября, вывезти оружие из складов успеха не имела. Караул заявил, что без разрешения военно-революционного комитета и Совета он оружия не выдаст. Костицыну пришлось вступить в переговоры с последними. На совместном заседании военно-революционного комитета и Исполнительного комитета Совета Костицын предложил: немедленно выдвинуть 15-й полк на фронт, выдать оружие и арестовать большевиков, вносящих смуту в войска. Обсуждение предложений Костицына было перенесено на пленум Совета. Почти единогласно (при 4 против) принято постановление не выполнять предъявленных требований. В свою очередь Совет потребовал немедленной смены в городе всех комиссаров Временного правительства, ареста Костицына и разоружения его отряда. Костицын вызвал себе помощь. В тот же день в его распоряжение прибыли юнкера с броневиками и артиллерией.

Получив донесение, что Костицын направляет к зданию Совета броневики, а юнкера готовятся к нападению, военно-революционный комитет отдал распоряжение частям винницкого гарнизона о выступлении. Юнкера неожиданно открыли огонь по зданию Совета; — начался бой.

Со стороны восставших в действие были введены примкнувшие к ним броневики и авиачасть.

Перевес был на стороне восставших. Юнкера отступили. Утром 29-го, получив новые подкрепления, они открыли артиллерийский огонь по городу и начали наступление со стороны вокзала. Винницкий гарнизон и рабочие оказывали упорное сопротивление; однако противник имел теперь превосходство. Восставшим пришлось отступить. Поздно ночью 29 октября они заявили, что хотят вступить в переговоры. Костицын запросил у Иорданского по прямому проводу инструкций. Иорданский потребовал безусловной сдачи революционных войск. После этого часть восставших рассеялась по окрестностям, часть была разоружена, отдельные отряды ещё долго оказывали упорное сопротивление, но и они в конце концов вынуждены были сдаться.

События в Виннице привлекли внимание Ставки. Исход боя, повидимому, сильно беспокоил Духонина. 29 октября в разговоре по прямому проводу с Балуевым, информируя последнего о событиях в Виннице, он сообщил: «Поле борьбы осталось за нами, несмотря на то, что большевики бомбардировали с аэропланов войска, верные правительству»[1].

Однако 30 октября он вновь запрашивал по прямому проводу штаб Юго-западного фронта: «Окончательно ли ликвидировано дело в Виннице?»[2]

Начальник штаба генерал Стогов ответил, что «пока таких определённых донесений нет, но уже передано, что бой кончился, мятежники бегут, но верные войска столь утомлены, что преследовать не могут»[3].

Ставку недаром тревожило восстание в Виннице.

В окрестностях Жмеринки был расположен II гвардейский корпус. Представитель Винницкого военно-революционного комитета обратился за помощью к ближайшей артиллерийской бригаде этого корпуса. На собраниях бригады рассказали о боях в Виннице. Тут же была выбрана тройка для организации выступления. Соседний пехотный полк также принял решение выступить вместе с бригадой. Большевистские делегаты Винницы продолжали объезжать полки корпуса. В некоторых полках собирать солдат приходилось самим делегатам, так как полковые комитеты, в большинстве состоявшие из эсеров, заявляли, что собраний и выступлений они не допустят.

На другой день корпус был готов к выступлению. Собрались делегаты всех частей. Обсудили план выступления. Решили двинуться по трём направлениям: Жмеринка — Винница — Киев— Бар. Руководство выступлением возложили на избранный тут же военно-революционный комитет. В части назначили комиссаров. На следующий день по намеченному плану корпус выступил. Часть командного состава, отказавшегося следовать вместе с солдатами, арестовали. Кексгольмский полк шёл с командиром во главе и всеми офицерами.

Артиллерийская бригада, Кексгольмский и Волынский полки вошли с развевающимися знамёнами — «Вся власть Советам!» и с оркестром в Жмеринку, заняли вокзал, сменили караул, прекратили движение эшелонов с войсками Временного правительства на Москву, отправили свои части в Киев, а артиллерию — в Винницу. Железнодорожники оказали восставшим помощь.

Но выступление II гвардейского корпуса опоздало. Восстание в Виннице было уже подавлено. В Винницу направилась для расправы следственная комиссия. Представители городской управы 30 октября благодарили помощника комиссара Костицына за «твёрдость и отсутствие колебания, столь редкие у представителей власти в наше время»[1].

Фронт не успел притти на помощь винницким большевикам.

Соглашатели на Юго-западном фронте приняли все меры к тому, чтобы задержать победное шествие пролетарской революции. Они создавали «комитеты спасения», действовавшие в согласии с Украинской радой, как, например, в Особой армии. «Комитеты» фактически передоверяли политическую власть командующим армиями царским генералам.

В середине ноября назначен был чрезвычайный съезд армий Юго-западного фронта. Соглашатели верхушечных армейских организаций созывали съезд с целью поддержки создаваемого в Ставке правительства во главе с Черновым. Однако в ходе подготовки съезда эта затея лопнула, как мыльный пузырь. Ярким свидетельством провала этой затеи являются наказы, данные делегатам съезда. Сводка этих наказов дала такую картину: за власть Советов и признание Совета народных комиссаров высказались 150 частей, 2 армии, 2 корпуса, 1 гарнизон и 1 штаб дивизии; за однородную социалистическую власть всех социалистических партий — 102 части, 3 корпуса, 1 дивизия и 1 гарнизон. Все наказы требовали немедленной передачи земли земельным комитетам и немедленного заключения перемирия и мира.

Съезд открылся 18 ноября в Бердичеве. На нём присутствовало около 700 человек с решающим голосом и около 100 с совещательным. Из числа делегатов с решающим голосом большевиков было 267, эсеров — 213, из них около 50 «левых», меньшевиков — 47, украинцев, среди которых были националисты, — 73 и часть беспартийных.

Придавая особое значение съезду, эсеровский центр мобилизовал для участия в нём свои лучшие силы. До открытия съезда на заседании эсеровской фракции присутствовал специально приехавший Авксентьев. Встретив явное несочувствие части фракции, он не осмелился выступить на самом съезде. От меньшевиков прибыл член Центрального комитета Вайнштейн.

Первыми в порядке дня съезда стояли доклады с мест. Доклады ещё раз показали, что большинство солдатской массы и на Юго-западном фронте стоит на стороне совершившейся революции. Из 25 докладчиков, выступавших с наказами в руках, 14 требовали организации советской власти на местах и поддержки Совета народных комиссаров. За однородное социалистическое правительство на платформе II съезда Советов и его решений высказалось 11. Подавляющее большинство докладчиков с мест настаивало на переизбрании общеармейского, фронтового и армейских комитетов.

Многие наказы требовали предания суду организаторов и руководителей контрреволюции, в том числе Керенского, упразднения войскового правительства на Дону, расформирования ударных батальонов. Горячие прения вызвала телеграмма Румчерода (Исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области); тогда ещё находившегося в руках соглашателей. Румчерод призывал съезд оказать помощь общеармейскому комитету, готовившему вооружённый отпор революционным войскам, продвигавшимся к Ставке. Невзирая на усилия эсеров и меньшевиков добиться поддержки общеармейского комитета, съезд тем не менее нашёл, что «общеармейский комитет не отвечает настроению широких масс»[1], и потребовал немедленного сложения им своих полномочий.

Вопрос о власти обсуждался три дня. От меньшевиков выступил Вайнштейн, заявивший, что большевики «ведут Россию в пропасть». От Центрального комитета эсеров — Булат, который возводил на большевиков такие небылицы, что вызвал своей речью дружный смех всего зала. Резкая борьба развернулась вокруг резолюций, которых было три: 1) эсеров и меньшевиков, 2) блока «левых» эсеров, украинских националистов и беспартийных и 3) большевиков. Эсеро-меньшевистская резолюция провалилась первой. Тогда эсеро-меньшевистский блок, не желая допустить принятие резолюции большевиков, поддержал своими голосами резолюцию «левых» эсеров и украинцев. Она и была принята в основу. Большевики категорически отказались от участия в дальнейшем её обсуждении. «Левые» эсеры оказались в меньшинстве; пользуясь этим, правые эсеры и меньшевики внесли в резолюцию несколько своих поправок.

Колебания «левых» эсеров поставили под угрозу дальнейшую работу съезда. При голосовании резолюции, с внесёнными в неё эсеро-меньшевистскими поправками, она была отвергнута голосами большевиков, присоединившихся к ним беспартийных и самих её авторов — «левых» эсеров. Договориться об общей резолюции оказалось невозможным. Апеллируя к своим избирателям, большевики покинули съезд. К ним присоединились «левые» эсеры и беспартийные. Ушли также многие солдаты и

из эсеро-меньшевистского блока. Съезд оказался сорванным. Однако на следующий день, 24 ноября, между фракциями было достигнуто соглашение об организации временного военно-революционного комитета как высшей власти на фронте. Через три недели предполагалось созвать новый фронтовый съезд. В состав военно-революционного комитета, избранного в тот же день, вошли 18 большевиков, 9 правых эсеров, 5 «левых» эсеров, 2 меньшевика и 1 беспартийный. Председателем был избран большевик. Украинцы заявили, что они подчиняются только Украинской центральной раде, и войти в состав военно-революционного комитета отказались.

Через день военно-революционный комитет издал приказ № 1, который объявлял, что высшей властью в стране является Совет народных комиссаров. Приказ предписал освободить всех политических заключённых и прекратить все дела по обвинению в политической пропаганде против наступления и невыполнения боевых приказов.

Попытки противников советской власти найти опору на Юго-западном фронте рухнули. Однако в ходе дальнейших событий на этом фронте, как и на соседнем с ним Румынском, пришлось выдержать большой напор контрреволюции.

На Румынском фронте ещё больше, чем на Юго-западном, соглашатели чувствовали себя хозяевами положения. При получении первых же известий о восстании в Петрограде они совместно с генералитетом приложили все старания к организации контрреволюционных сил для противодействия надвигающимся событиям. Штаб фронта, возглавляемый монархически настроенным генералом Щербачёвым, находился в Яссах. Здесь по инициативе комиссара фронта Тизенгаузена возник своеобразный «военно-революционный комитет» Румынского фронта. В состав этого комитета вошли: сам Тизенгаузен — правый эсер, его помощник Андрианов — тоже правый эсер, затем от фронтового отдела Румчерода два правых эсера и три меньшевика.

Прикрываясь названием, которое для солдатской массы означало борьбу за утверждение советской власти, соглашатели начали поспешно организовывать свои силы. По примеру других военно-революционных комитетов, именем которых он прикрывался, соглашательский «военно-революционный комитет» прежде всего объявил, что вся полнота власти на фронте переходит к нему. Затем он предложил немедленно создать подобные комитеты в армиях, корпусах и дивизиях всего Румынского фронта. На них он возлагал контроль над телеграфом и всеми поступающими распоряжениями, а также обязанности «не допускать самочинных выступлений». Для решительного же подавления «всякого рода бесчинств и анархии» решено было сформировать «сводную революционную дивизию из трёх родов ору-

жия, из надёжнейших и преданнейших делу революции товарищей» [1].

Задумав организовать карательный отряд для борьбы с попытками восстания, каким по существу должна была явиться «революционная дивизия», соглашатели хотели опереться в своих действиях на более активную поддержку фронта. Для этой цели они решили созвать экстренный фронтовый съезд, который и был назначен на 30 октября в румынском городке Романе, местопребывании штаба IV армии.

Формированию «революционной дивизии» было уделено особое внимание. 26 октября всем командирам и комиссарам армий и корпусов была разослана срочная телеграмма от имени генерала Щербачёва и «военно-революционного комитета» с предложением немедленно приступить к формированию «революционной дивизии». Порядок формирования должен был обеспечить дивизию таким составом, который являлся бы «надёжнейшим и преданнейшим делу борьбы с перекатывающимся к фронту восстанием». Снабжённую в изобилии всеми боевыми средствами дивизию преполагалось сосредоточить к вечеру 30 октября в особо указанных пунктах.

Однако формирование бронированного кулака контрреволюции задержалось. Как ни старались соглашатели помешать проникновению на фронт сведений о революционных событиях в Петрограде, они все же просачивались в полки. Некоторые части, стоявшие ближе к Юго-западному фронту, сравнительно рано были осведомлены об этом. Так, например, 32-я дивизия VIII армии ещё 26 октября на объединённом заседании полковых комитетов вынесла постановление отправить на имя Петроградского Совета такую телеграмму:

> «32-я дивизия приветствует истинных борцов за волю, за землю и мир, сообщает, что в случае если Временное правительство задумает на этот раз устроить трудовому народу кровавую бойню, то все вооружённые силы 32-й дивизии в распоряжении большевиков» [2].

В этот же день 165-я дивизия той же армии послала Петроградскому Совету телеграмму, не оставлявшую никаких сомнений относительно истинного настроения солдатской массы.

Экстренный фронтовый съезд открылся 31 октября. На нём присутствовало около 80 эсеров, 40 меньшевиков и 15 большевиков. В порядке дня стояло только два вопроса: текущие события и формирование «революционной дивизии». От эсеров с «программной» речью выступил на съезде помощник комиссара Андрианов. Он заявил, что выступление большевиков бросило вызов остальным партиям. «Кто к ним присоединится, тот подлежит ответственности, как за тягчайшее государственное преступление» [3], — говорил Андрианов по поводу большевиков.

Выступивший затем представитель большевиков отметил необходимость восстания против Временного правительства. «Если же эсеры и эсдеки-меньшевики будут это движение подавлять, то им грозит опасность оказаться на той стороне баррикады, где находится и буржуазия»[1], — подчеркнул он в заключение своей речи. В таком же духе выступал и другой делегат-большевик.

Последовавшие затем сообщения с мест свидетельствовали, что настроение и сочувствие солдатских масс далеко не в пользу организаторов съезда.

В отдельных случаях даже эсеро-меньшевистские докладчики вынуждены были признать; что сочувствие солдатской массы на стороне большевиков. Представитель 3-й Туркестанской дивизии, меньшевик; заявил; что он был избран на съезд только потому, что в дивизии находится 3 года. Сама дивизия сплошь большевистская. Разложили её; по его мнению, «царицынские пополнения». Другой представитель этой дивизии в своей речи подчеркнул; что выступление петроградского пролетариата есть борьба «за свои права, за освобождение от ига капитала. Никакой поддержки Временному правительству дивизия не окажет»[2].

В предложениях; принятых съездом за основу для резолюции по текущему моменту, значился пункт: «Фронтовый съезд считает выступление большевиков актом революционным; но несвоевременным и недопустимым»[3].

Председатель съезда Лордкипанидзе внёс от имени эсеров поправку по этому вопросу с осуждением выступлений большевиков. После бурных прений поправка была принята. Тогда большевики покинули съезд.

В состав «военно-революционного комитета»; утверждённого съездом, от эсеров и меньшевиков вошли прежние лица. Большевики и украинцы своих представителей не дали.

Вопрос о «революционной дивизии» был решён в положительном смысле; и «военно-революционному комитету» поручено было её формировать.

Фронтовый съезд в Романе, задуманный эсерами как орган мобилизации сил против готовящегося восстания солдатских масс на фронте, не достиг своей цели. Несмотря на видимое большинство, съезд показал шаткость позиций эсеров и меньшевиков и на Румынском фронте. Солдатская масса и здесь большевизировалась всё больше и больше. Нажим её на армейские комитеты заставил последние отказаться от участия в формировании «революционной дивизии».

«Считаем сохранение в армии спокойствия и единства лучшим залогом её верности революции, а участие в формировании может вызвать недовольство и эксцессы в солдатских массах»[1],— заявил, например, армейский комитет VI армии.

Состоявшийся затем съезд крестьянских депутатов Румынского фронта также осудил эту затею.

«Съезд, получив известие о формировании на Румынском фронте дивизии для посылки в Петроград, находит такое явление недопустимым и решительно протестует»[1], — говорилось в его постановлении.

«Революционная дивизия» так и осталась несформированной.

Вопреки соглашательским резолюциям армейских и корпусных комитетов, отдельные корпуса и дивизии, а затем и целые армии начинали переходить на сторону советской власти.

Яркую картину нарастания революционных событий на Румынском фронте представлял чрезвычайный съезд 48-й дивизии IV армии.

Контрреволюционных офицеров провожали с трибуны шиканьем, свистом, руганью. Когда дело дошло до уничтожения знаков различия и полетели кокарды и нашивки, — офицерство потянулось из залы под гул улюлюканья и свиста.

В день окончания съезда был арестован начальник дивизии генерал Е. Ф. Новицкий. Движение, начавшееся на съезде 48-й дивизии, закончилось переворотом во всей IV армии. Командующий армией генерал А. Ф. Рагоза был арестован, комиссар армии эсер Алексеевский дал обязательство выехать за пределы Румынского фронта. Освобождённый через несколько часов генерал Рагоза опубликовал в «Вестнике IV армии» заявление, в котором просил освободить его от командования армией. «Никакой новый начальник сейчас с армией не справится»[2], — заявил он.

В армии был создан большевистский военно-революционный комитет. Старый армейский комитет, скрывавший от солдатской массы распоряжения новой власти, был разогнан. На последнем заседании этого комитета, в присутствии огромной солдатской аудитории были оглашены скрытые телеграммы:

— Известна ли вам, товарищи, вот эта телеграмма? — спросил солдат-большевик, оглашая телеграмму с предложением начать мирные переговоры.

— Нет; не знали. Мерзавцы! Долой их; вон!

— А известна ли вам вот эта телеграмма? — И солдат прочёл распоряжение главковерха о приостановке на всём фронте военных действий.

— Нет, не знали. Скрыли; предатели! Пулю им в лоб, довольно подурачили!

Меньшевик председатель упал в обморок.

Старый комитет кончил своё существование.

Так подходила к Октябрьскому перевороту на Румынском фронте солдатская масса. Её сочувствие было целиком на стороне советской власти. Но тем не менее здесь, как и на Юго-за-

Заседание полкового комитета на фронте в Октябрьские дни.

Рисунок С. С. Бойм.

падном фронте, в силу указанных выше обстоятельств, окончательное торжество советской власти задержалось. Выступления Украинской центральной рады и румынских властей создали на этих фронтах сложную обстановку гражданской войны.

На Кавказском фронте находилось 5 армейских корпусов: I Кавказский, IV Кавказский, V Кавказский, VI Кавказский и II Туркестанский. Вместе с мелкими подразделениями к октябрю 1917 года здесь было в общей сложности около 200 тысяч человек.

Эта армия стояла на Турецком фронте.

Кроме неё в Персии находился особый экспедиционный корпус.

Весть о Великой пролетарской революции быстро всколыхнула солдатские массы и на этом далёком фронте. С первых же дней восстания в Петрограде секретные сводки штаба Кавказского фронта с тревогой начали отмечать это.

«Выступление большевиков Петрограда большинством частей на фронте и в тылу встречено спокойно», —

сообщали сводки за время с 21 по 28 октября. Но те же сводки с тревогой указывали:

«Настроение 4-й Кавказской стрелковой дивизии в связи с выступлением большевиков и последним приказом о дис-

циплинарной власти резко ухудшилось. 25-й Кавказский стрелковый полк под влиянием агитации отдельных лиц быстро разлагается... В 6-й Кавказской стрелковой дивизии настроение возбуждённое»[1], — и т. д.

Затем сводки штаба Кавказского фронта начали отмечать усиленный рост влияния большевиков. Влияние большевиков особенно заметно в Кавказской армии в 506-м Почаевском и 508-м Черкасском полках, — говорилось в сводке за время с 28 октября по 4 ноября. О значительном усилении влияния большевиков, лозунги которых приобретают в солдатской среде всё больше и больше симпатий, отмечалось в последующей сводке. В более поздних сводках ещё определённее подчёркивалось растущее влияние большевиков.

Об этом же говорили и донесения начальников отдельных частей и укреплённых районов. Командир 5-й Туркестанской стрелковой дивизии доносил в штаб фронта, что в полках преобладает большевизм. Начальник эрзерумского укреплённого района генерал-майор Зигель, характеризуя влияние политических партий в подчинённых ему частях, сообщал об увеличении числа большевиков. Это увеличение шло с такой скоростью, что в следующей сводке, в графе «влияние политических партий», генерал Зигель уже отмечал: преобладают большевики.

В тылу Кавказского фронта события развёртывались с той же последовательностью. Секретная сводка штаба Кавказского военного округа от 27 октября отмечала:

«В Туапсе 26 октября Совет солдатских депутатов вынес резолюцию о захвате власти».

Дальше в сводке говорилось, что в остальных гарнизонах Кавказского военного округа солдатские комитеты работают «в контакте с войсковыми начальниками» и что «наибольшим влиянием пользуются социалисты-революционеры»[2].

Однако «влияние» социалистов-революционеров скоро начало выдыхаться. В сводке от 18 ноября говорилось:

«В Пятигорске, Ботлихе, Темир-Хан-Шуре, Кутаисе, Туапсе и Новороссийске наибольшим влиянием пользуются большевики».

В той же сводке указывалось, что в Баку большевики назначили своих комиссаров во все военные учреждения. «Последнее мероприятие, — говорилось в сводке, — вызвало сочувствие среди большинства солдат»[3].

В дальнейшем сводки штаба Кавказского военного округа регистрировали усиливающееся влияние большевиков в гарнизонах Тифлиса, Владикавказа, Георгиевска, Петровска, Эривани, Сарыкамыша и других городов. Великая пролетарская революция и здесь находила горячий отклик. Как отмечает одна

из сводок, солдаты чутко прислушивались к происходящим в столицах событиям.

Вместе с тем особенности Кавказского фронта налагали свой отпечаток на развитие здесь революционных событий. Обстановка, в которой находились русские солдаты на этом фронте, была иная, чем на других фронтах. Население прифронтовой полосы и глубокого тыла принадлежало к разным национальностям. Быт и язык этого населения были чужды русским солдатам. В прошлом самодержавие разжигало вражду как среди национальностей этого края, так и русских к ним. Русские солдаты чувствовали себя здесь чужими. Да и местное население не питало к ним доверия. В лице русской военщины оно видело лишь гнёт и порабощение. Среди солдат Кавказской армии родилось требование: «Скорее домой!» — в Россию, где шёл последний бой с помещиками и другими эксплоататорскими классами. Туда спешили и солдаты. Даже нестроевые части вооружались. «В армии появился новый вид психоза, — сообщал командующий Кавказской армией генерал Одишелидзе главнокомандующему фронта генералу Пржевальскому, — повальное требование оружия всеми нестроевыми частями и командами»[1].

11 ноября в Тифлисе образовался «Закавказский комиссариат» — контрреволюционное объединение грузинских меньшевиков и других мелкобуржуазных партий Закавказья. С помощью большевиков солдаты фронта быстро разобрались в классовом характере комиссариата. «Требующими оружие командами обыкновенно выставляется следующий мотив: закавказское правительство отделилось от России, оружие же русское, а потому его нужно вывозить в Россию»[2], — так говорили со слов солдат офицеры. Командующий VI Кавказским корпусом доносил в штаб фронта, что 18-й Кавказский стрелковый полк явно стал на сторону большевиков. Он постановил:

> «Не признавать Кавказский краевой Совет (Закавказский комиссариат), а подчиняться Ленину; которому итти на помощь»[3].

Таково было настроение солдат Кавказского фронта. Контрреволюция и здесь не могла найти себе опоры.

5.

ЛИКВИДАЦИЯ СТАВКИ.

Ставка принимала лихорадочные меры, чтобы приостановить победное шествие революции на фронте. В Ставку стекались руководители разбитых в Петрограде соглашательских партий.

4 ноября в Могилёв прибыли бывший военный министр Временного правительства Верховский и члены Центрального комитета партии эсеров Чернов, Фейт, Шохерман. Несколько позднее сюда же явились Гоц, Скобелев и др. К этому времени «Ставка кишмя кишела разного рода бывшими, будущими и жаждущими быть...» государственными деятелями. Непрерывно являлись то члены общеармейского комитета, то представители организаций, то всякие прочие «люди с планом»[1].

Там же находились и представители иностранных миссий. Союзные дипломаты диктовали свои условия Ставке. Отказавшись признать советское правительство, они начали сноситься непосредственно с Духониным, подчёркивая этим, что Ставка является для них единственным органом власти.

Общеармейский комитет и приехавшие в Ставку эсеро-меньшевистские главари в единении с контрреволюционным генералитетом решили противопоставить Совету народных комиссаров новое правительство, организованное в Ставке.

В ночь на 8 ноября из Ставки от имени общеармейского комитета армейским организациям фронта была разослана телеграмма с предложением «действующей армии в лице её фронтовых и армейских комитетов взять на себя инициативу создания власти»[2]. Комитет предлагал наметить кандидата на пост министра-председателя.

> «Со своей стороны, — говорилось в телеграмме, — общеармейский комитет выдвигает на этот пост кандидатуру вождя партии социалистов-революционеров Виктора Михайловича Чернова»[3].

Вечером 8 ноября Чернов уже выступал в здании Могилёвского Совета как кандидат на пост премьера. Могилёв готовился стать вторым Версалем.

Но без поддержки армии нечего было и думать о борьбе с советской властью. Солдатские массы не хотели воевать за чужие интересы. Они готовы были продолжать борьбу с немцами, если этого потребуют интересы народа. Они готовы были грудью стать за советскую власть, но не продолжать войну за интересы капиталистов. Контрреволюция решила сыграть на этой жажде солдат кончить антинародную войну. Ставка попыталась взять в свои руки инициативу заключения мира с Германией. Дело, таким образом, шло вовсе не об удовлетворении народных

чаяний, а о том, чтобы, обманув солдат обещанием близкого мира, свалить советскую власть.

Контрреволюционная кампания на фронте развернулась под лозунгом, уже потерпевшим крушение в Петрограде, — организации «однородной социалистической власти», которая-де одна только в состоянии дать немедленный мир.

Из армейских комитетов отдельных армий Юго-западного и Румынского фронтов в Ставку потекли требования о скорейшем заключении перемирия. А как предпосылка к этому должно было быть создание «социалистического правительства».

«Министерский».

Карикатура В. Н. Дени.

«Комитет спасения» Особой армии Юго-западного фронта обратился в Ставку с требованием немедленного перемирия и образования «социалистического правительства». Общеармейский комитет демагогически заявил, что единственным препятствием на пути к миру является правительство Ленина.

Таким языком заговорили вдруг те, кто ещё вчера кричал, что нужно продолжать войну совместно с Антантой. Смысл их слов был ясен: нужно было выбить почву из-под ног большевиков, перехватив у них лозунг мира. Да и сам Духонин непрочь был начать переговоры о перемирии при другой политической обстановке.

> «Учитывая всю сложность нашей современной политической жизни, — говорил он, — я бы, быть может, принял на себя тяжесть и ответственность в данную минуту и приступил бы к выполнению задачи привести Россию к миру путём соглашения с союзниками и враждебными государствами, но я был поставлен в невозможность даже думать об этой работе»[1].

Духонин с солдатской откровенностью высказал то, что прожжённые политиканы старались прикрывать цветистыми фразами: мирные переговоры можно было начать от имени какого угодно правительства, только не от большевистского. Об этом «невозможно» было «даже думать». Но перехватить у большевиков лозунги мира непрочь были и генералы.

10 ноября представители союзных миссий вручили Духонину официальный протест «против всякого нарушения условий договора от 5 сентября 1914 года», которым Россия торжественно обязалась не заключать отдельно перемирия и не приостанавливать военных действий. Но одновременно союзные послы за кулисами предлагали своим правительствам разрешить России начать мирные переговоры с Германией. Разумеется, это делалось не с целью поддержать начатую большевиками борьбу за мир, а с намерением «выбить из рук большевиков оружие». Английский посол Бьюкенен телеграфировал своему правительству в Лондон:

«По моему мнению, единственно правильный путь, оставшийся для нас, состоит в том, чтобы возвратить России её слово и сказать её народу, что, понимая, как истощён он войной и дезорганизацией, неразрывно связанной с великой революцией, мы предоставляем ему самому решить, захочет ли он добыть себе мир на условиях, предложенных Германией, или продолжать борьбу вместе с союзниками... Я вовсе не защищаю какого-либо соглашения с большевистским правительством. Напротив, я думаю, что принятие указанного мною курса выбьет из их рук оружие, так как они уже не будут в состоянии упрекать союзников в том, что они гонят русских солдат на убой ради своих империалистических целей»[1].

А затем в Ставке была получена телеграмма за подписью итальянского атташе. В ней говорилось, что союзники в принципе ничего не будут иметь против, если Россия, не выдержав тяжести войны, одна заключит мир с Германией.

Таким образом, представители Антанты поддержали Ставку, надеясь таким путём свалить советскую власть. Однако слетевшиеся в Ставку соглашатели не смогли договориться. Шли непрерывные заседания общеармейского комитета. Последний никак не мог принять окончательного решения по вопросу о создании «общесоциалистического» правительства и о вооружённом сопротивлении большевикам.

В конце концов общеармейский комитет вынужден был заявить, что попытка немедленно создать власть в Ставке провалилась.

Решили: 1) власти Совета народных комиссаров не признавать; 2) власть должна быть создана из представителей партий от народных социалистов до большевиков; 3) охранять нейтралитет Ставки вооружённой силой и не допускать туда ввода большевистских войск.

Не ограничиваясь выпуском декларации, комитет по прямому проводу сообщил Викжелю, что «во избежание гибельного для дела революции столкновения выдвигает на пост верховного главнокомандующего лицо, пользующееся доверием обеих сторон». Викжель одобрил это предложение и обещал внести его

В. И. ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН У ПРЯМОГО ПРОВОДА
ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ С ГЕНЕРАЛОМ ДУХОНИНЫМ

Картина П. М. Шухмина.

на обсуждение Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов.

Кстати, как только представители Антанты убедились, что соглашатели вместе со Ставкой не в состоянии организовать власть, они взяли телеграмму итальянского атташе обратно. Представители Антанты объявили телеграмму подложной.

Советской власти необходимо было прежде всего разбить контрреволюционный замысел Ставки и её советников. Ещё 27 октября советское правительство обратилось к воюющим державам с предложением мира. Не получив ответа на это обращение в течение 12 дней, Народный комиссариат по иностранным делам 8 ноября передал послам союзных стран ноту, в которой предлагал немедленно заключить перемирие на всех фронтах и приступить к мирным переговорам.

Одновременно верховному главнокомандующему генералу Духонину было предписано:

> «Тотчас же по получении настоящего извещения обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров» [1].

Генерал Духонин оставил это предписание без ответа.

Тогда Ленин вместе со Сталиным в ночь с 8 на 9 ноября связались по прямому проводу со Ставкой. Около 4 часов утра они вызвали Духонина к проводу. В ультимативной форме ему было предъявлено требование немедленно приступить к переговорам о перемирии. Духонин отказался.

Стало очевидным, что царский генералитет — Ставка и подчинённые ей армейские штабы — начинает борьбу против пролетарской революции. Гражданская война на фронте вступила в новую фазу.

Ленин и Сталин сместили Духонина с поста главнокомандующего, а утром 9 ноября обратились к солдатам фронта по радио, призвав их сорвать контрреволюционный замысел Ставки.

> «Солдаты! — говорил Ленин. — Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.
>
> Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.
>
> Совет народных комиссаров даёт вам права на это.
>
> О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет народных комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!»[1].

Сопротивлению генералов были противопоставлены революционные действия масс. Это был единственно правильный путь в сложной обстановке контрреволюционной борьбы против советской власти. Ленин подчёркивал, что к борьбе за мир Советом народных комиссаров призвана вся солдатская масса. Перед ней поставлена задача — не дать контрреволюционным генералам сорвать дело мира. Генералы должны быть окружены революционной бдительностью.

«Солдаты получили предостережение: стеречь контрреволюционных генералов, — говорил Ленин. — ...Если момент, когда солдаты пойдут на переговоры о перемирии, будет использован для измены, если во время братания будет произведено нападение, то обязанность солдат — расстрелять изменников тут же без формальностей»[2].

В то же время Ленин указывал, что никакое дело мира не было возможно, пока во главе действующей армии стоял такой человек, как Духонин:

«Когда мы шли на переговоры с Духониным, — говорил он, — мы знали, что мы идём на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий»[3].

Обращение Ленина к армии с призывом взять в свои руки дело мира усилило влияние советской власти на фронте, увеличило число её сторонников. Солдатская масса даже отсталых фронтов, как Юго-западный и Румынский, начала энергично втягиваться в революционную борьбу за мир.

Одновременно были приняты меры для ликвидации контрреволюционного гнезда в Ставке. Для занятия Ставки из Петрограда по распоряжению Ленина был отправлен сводный отряд. В него входили два эшелона Литовского полка и команда матросов Балтийского флота.

Началось также формирование отрядов для занятия Ставки и на фронте. С этой целью из Петрограда был направлен на Западный фронт Тер-Арутюнянц.

10 ноября назначенный Советом народных комиссаров верховный главнокомандующий специальным поездом выехал из Петрограда на фронт. Вечером 11 ноября он прибыл в Псков. Главнокомандующему Северного фронта генералу Черемисову по телефону предложено было явиться к главковерху. Черемисов отказался этому подчиниться. Распоряжение было подтверждено в письменной форме. Черемисов отвечал уклончиво. Признать нового главковерха открыто он не хотел, но и от сношений с ним не отказывался.

Черемисов был снят с должности главнокомандующего Северного фронта.

Генералу было приказано вести оперативную работу до назначения преемника. Однако 13 ноября Черемисов сбежал из Пскова в Петроград, где и был задержан.

12 ноября поезд главковерха прибыл в Двинск — центр V армии. Командующий V армией генерал Болдырев, так же как и Черемисов, отказался явиться к главковерху. Он вызвал по прямому проводу Ставку и сообщил Духонину о своём отказе. Духонин ответил:

«Считаю, что вы поступили совершенно правильно... Да хранит вас господь»[1].

Болдырев заверил Ставку, что он будет твёрдо вести свою линию до конца. Но конец этот наступил неожиданно скоро. В тот же день Болдырев был отстранён от должности и арестован. Вместо него командующим армией был назначен генерал Антипов.

В ночь на 12 ноября в штаб фронта в Минске явились представители Военно-революционного комитета в сопровождении значительного вооружённого отряда. Генералу Балуеву было предложено подчиниться директиве советского правительства о перемирии. Балуев отказался. Тогда ему было объявлено об отстранении от должности и о назначении вместо него главнокомандующим Западного фронта большевика — полковника Каменщикова. Балуев вынужден был сдать свою должность.

Духонин тотчас же известил Балуева телеграммой, что подобная сдача должности недопустима. Но было уже поздно. Ставка попыталась передать командование войсками Западного фронта начальнику снабжения фронта генералу М. П. Ярошевскому. На его имя Духонин дал телеграмму:

«Ввиду болезни генерала Балуева предлагаю вам вступить в командование Западным фронтом»[2].

Однако генерал Ярошевский не рискнул выполнить предписание Духонина. Предприимчивее его оказался генерал Б. С. Малявин. Ссылаясь на статью 112 Положения о полевом управлении войск, он объявил себя временно исполняющим должность главнокомандующего Западного фронта. Но дальше подписания приказа о самоназначении дело не пошло. По предписанию нового главнокомандующего фронта Малявин был арестован.

Сопротивление генералов на других фронтах и Ставки ещё не было окончательно сломлено. На другой день после смещения генералов Болдырева и Балуева Духонин в разговоре по прямому проводу с главнокомандующим Румынского фронта генералом Щербачёвым подтвердил:

«Ставка продолжает держаться взгляда, изложенного мною вам в телеграмме от 9 ноября. Буду бороться против насильников до образования правительственной власти, признанной всей страной»[3].

Открыто мятежнические выступления Духонина вызвали приказ советской власти об объявлении его врагом народа. Распоряжения Духонина ни передаче, ни исполнению не подлежали. Все лица, поддерживающие Духонина, объявлялись подлежащими суду.

Честные, преданные родине офицеры подчинялись законному советскому правительству. Так, например, командующий II армией генерал Н. А. Данилов целиком подчинился действиям советской власти.

14 ноября комиссар Военно-революционного комитета прибыл в Полоцк в штаб III армии. Вопрос о занятии Ставки был обсуждён на заседании армейского комитета. Последний принял решение немедленно выделить соответствующие части для выполнения этой задачи. К формированию отряда приступили в XXXV корпусе, отличавшемся наибольшей революционностью в Октябрьские дни. На разведку в Могилёв отправили надёжных людей из числа военных. Им поручили выяснить состояние сил противника, постараться перетянуть, кого можно, на свою сторону. Если удастся, — сколотить хотя бы небольшой отряд, который смог бы в нужный момент выступить с оружием в руках изнутри Ставки.

Отряд, сформированный в XXXV корпусе III армии, должен был наступать на Могилёв с севера через Оршу. Он предназначался в помощь сводному отряду, подходившему к Орше из Петрограда.

Формирование второго отряда для занятия Ставки происходило в Минске. В отряд входили: 1-й имени Минского Совета революционный полк, 60-й Сибирский стрелковый полк, бронепоезд под командой Пролыгина, две бронемашины, рота пехоты и сапёры. Минский отряд был двинут на Могилёв с юга через Жлобин.

Узнав об этих приготовлениях, Ставка поспешно начала вызывать с Юго-западного фронта казаков и ударные батальоны. Но казаки уже не являлись той опорой, которую они представляли раньше. Большевистские идеи проникли в их среду. Прибывший в Ставку 4-й Сибирский казачий полк начал колебаться. Воинственнее держались ударники.

17 ноября в Ставке стало известно о движении на Могилёв сводного отряда.

— Матросы идут! — разнеслось по Ставке.

В ночь на 18 ноября было созвано совещание общеармейского комитета. В порядке дня стоял вопрос об образовании «центральной государственной власти». На совещании были представлены Кавказский, Румынский и Юго-западный фронты. Западный и Северный отсутствовали. Эти фронты даже не ответили на приглашение общеармейского комитета. Здесь же находились Ду-

хонин, верховный комиссар Станкевич, чины штаба и представители прибывших на защиту Ставки ударных частей.

Но вместо вопросов «государственной власти» совещанию пришлось заняться более скромными делами. Всех волновало известие о приближении к Ставке советского отряда. Говорили долго. В конце концов незначительным большинством при огромном количестве воздержавшихся постановили: 1) Ставку по мере возможности сохранить в прежних руках; 2) немедленно принять меры к переводу её в Киев; 3) начать с Советом народных комиссаров переговоры, которые должны предотвратить борьбу; 4) в подкрепление своих доводов угрожать вооружённой силой; 5) вооружённой силы ни в коем случае не применять; 6) главковерх должен быть назначен с согласия общеармейского комитета и Всероссийского центрального исполнительного комитета; 7) из компетенции Ставки изъять вопросы о мире и перемирии.

Принятые решения уже не имели никакого практического значения.

Присутствовавший на совещании полковник Грейм заявил, что в случае бездействия Ставки неминуема гибель всей армии. Он предложил «во что бы то ни стало остаться на местах и продолжать работу»[1].

«Настроение штабных офицеров было — бежать»[2], — говорил один из работавших в Ставке, генерал М. Д. Бонч-Бруевич. Штабные офицеры так и начали поступать.

Но Ставке уже угрожала опасность с другой стороны. Могилёвский Совет рабочих и солдатских депутатов, бывший до сих пор послушным орудием в руках соглашателей, начал менять свои позиции. Под влиянием событий стоявшие в Могилёве части проникались революционным настроением. Агитация большевиков, прибывавших сюда на разведку, как, например, из Полоцка, завершила дело. Депутаты Совета переизбирались. И, наконец, на заседании Исполнительного комитета Могилёвского Совета вечером 18 ноября большевики одержали окончательную победу над соглашателями. Когда в Ставке шло совещание общеармейского комитета и принимались грозные решения, на заседании Исполнительного комитета Могилёвского Совета был избран военно-революционный комитет. В состав его вошли также представители от военно-революционного комитета Западного фронта и от армий.

Около 5 часов утра 19 ноября Духонин позвонил по телефону Станкевичу. Он просил верховного комиссара немедленно притти к нему: «были получены весьма важные известия». Когда пришёл Станкевич, в комнате у Духонина уже собрались высшие чины Ставки. «Сведения» заключались в том, что ещё недавно «надёжные» части отказывались защищать Ставку.

Станкевич, поручик сапёрных войск, очень хитрый, «настоящий иезуит», по характеристике генерала Бонч-Бруевича, в этот последний момент предложил Духонину бежать. Автомобиль для побега был подготовлен Станкевичем заранее. Духонин один вышел из Ставки и направился в условленное место, где его должен был ожидать Станкевич. Автомобиль запоздал. Духонин раздумал и вернулся к себе в Ставку. «Вскоре прибывший автомобиль увёз из Могилёва одного Станкевича»[1], — рассказывает Бонч-Бруевич.

Когда исчезла всякая возможность вооружённого сопротивления, Ставка решила перебросить свою резиденцию в другое место. Одни предлагали для этого Киев, другие — центр Румынского фронта — Яссы. Но осуществить и это не удалось: перед помещением Ставки появились возбуждённые толпы солдат. Они заявили, что не выпустят никого из Ставки.

Созванное затем оперативное совещание Ставки предложило общеармейскому комитету прекратить своё существование, а членам его вместе с участниками совещания — разъехаться. Но и уехать было невозможно. В распоряжении Ставки уже не было никаких средств передвижения. Затруднительным становился даже самый выход из помещения Ставки. Духонин говорил своим приближённым, что «его собственный денщик следил за ним».

19 ноября Могилёвский военно-революционный комитет объявил:

> «Во исполнение приказа правительства народных комиссаров, волею Октябрьской революции поставленных, Могилёвский военно-революционный комитет, состоящий из представителей Исполнительного комитета Могилёвского Совета рабочих и солдатских депутатов и представителей военно-революционного комитета Западного фронта и армий, объявляет себя высшей властью в городе Могилёве и окрестностях и берёт на себя контроль над деятельностью Ставки»[2].

Духонин, отстранённый от должности, был объявлен находящимся под домашним арестом. Объявлено было также о роспуске общеармейского комитета и заключении его членов под домашний арест.

С севера и юга к Ставке приближались революционные войска. С севера к Орше подходили эшелоны петроградского отряда, с юга к Жлобину — отряд, сформированный в Минске. Из-под Орши в Могилёв был отправлен на отдельном паровозе генерал С. И. Одинцов с поручением выяснить положение в Ставке. Была твёрдая уверенность, что Ставка окажет сопротивление. Прибыв в Могилёв и выяснив положение в Ставке, генерал Одинцов в 5 часов 10 минут вечера 19 ноября по прямому проводу изве-

стил, что Ставка никаких мер к сопротивлению принимать не может.

В ночь с 19 на 20 ноября при непосредственном участии Ставки под Могилёвом развернулись события, имевшие большое значение впоследствии. Из местечка Быхова, расположенного в 20 километрах от Могилёва, бежали генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский, Марков, Эрдели и другие руководители подавленного в августе контрреволюционного мятежа. Корнилов и его единомышленники содержались в Быховской тюрьме под «охраной» Текинского полка и георгиевских кавалеров. В последний момент Духонин предупредил «заключённых» о необходимости побега и сделал распоряжение освободить их.

«Утром 19-го, — рассказывает один из бежавших, генерал Деникин, будущий вождь южной контрреволюции, — в тюрьму явился полковник генерального штаба Кусонский и доложил генералу Корнилову:

— ...Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключённым необходимо тотчас же покинуть Быхов.

Генерал Корнилов пригласил коменданта, подполковника Текинского полка Эргардта, и сказал ему:

Участники августовского мятежа во главе с генералом Корниловым в Быховской тюрьме.

— Немедленно освободите генералов. Текинцам изготовиться к выступлению к 12 часам ночи. Я иду с полком.

Поздно вечером 19 ноября комендант Быховской тюрьмы сообщил георгиевскому караулу о полученном распоряжении освободить генерала Корнилова, который уедет на Дон... В полночь караул был выстроен, вышел генерал, простился с солдатами, поблагодарил своих «тюремщиков» за исправное несение службы, выдал в награду 2 тысячи рублей...

В час ночи сонный Быхов был разбужен топотом коней: Текинский полк во главе с генералом Корниловым шёл к мосту и, перейдя Днепр, скрылся в ночной тьме»[1].

Деникин, Лукомский и другие генералы, содержавшиеся в Быховской тюрьме, переодевшись в штатское платье, уехали на Дон по железной дороге.

В ту же ночь из Могилёва бежали представители иностранных миссий, члены общеармейского комитета и часть чинов штаба, в том числе генерал-квартирмейстер Дитерихс, заведующий оперативной частью полковник Кусонский, начальник связи Сергиевский и почти все офицеры оперативного отдела. Они оставили армию даже без оперативного руководства.

20 ноября утром отряд матросов вступил в Ставку. В лохматых шапках, в чёрных шинелях, с ружьями через плечо, медленно проходили моряки по опустевшим городским улицам. Духонин был арестован и помещён в поезде главковерха. У вагона собралась громадная толпа, возбуждённая известием о бегстве Корнилова и других контрреволюционных генералов. Толпа требовала выдачи ей Духонина. Солдат удалось успокоить заявлением: советская власть будет судить Духонина за его преступления.

Но вскоре под окнами вагона вновь зашумели солдаты, и ещё более густая толпа всё плотнее и плотнее окружала вагон. Несмотря на увещания и сопротивление караула, Духонин был вытащен толпой из вагона и убит.

Текинский полк под командой генерала Корнилова, покинув в ночь на 20 ноября Быхов, взял направление на юго-восток. Опасаясь погони, Корнилов спешил выйти из могилёвского района. Заметая следы, он гнал полк по глухим просёлочным дорогам, делая переходы главным образом ночью. «В попутных деревнях жители разбегались или с ужасом встречали текинцев»[2], — рассказывает генерал Деникин.

Наступавший на Ставку с юга отряд революционных войск под Жлобином встретил сопротивление ударников, уходивших из Ставки. 20 ноября у 22-го разъезда между Жлобином и станцией Красный Берег завязался бой, продолжавшийся несколько часов. Ночью ударники скрылись. 21 ноября отряд вступил в Жлобин. Дальнейшее движение его было приостановлено ввиду

Матросы из отряда, занявшего Ставку.

занятия Ставки петроградским отрядом. Когда обнаружилось бегство Корнилова, для задержания его из отряда были выделены бронепоезд под командой Пролыгина и два батальона 266-го Поречинского полка, переброшенного на усиление отряда из XXXV корпуса III армии. 22 ноября части эти были двинуты в сторону Гомеля.

На седьмой день бегства, 26 ноября, Корнилов подошёл к железнодорожной линии Гомель — Брянск в районе станции Унеча. Из села Красновичи, где полк имел последний привал, Корнилов направился к деревне Писаревке, намереваясь восточнее станции Унеча пересечь железнодорожную линию. Встретившийся по дороге крестьянин предложил провести полк в наиболее безопасном месте. Но когда проводник подвёл текинцев к опушке ближайшего леса, внезапно раздался ружейный залп. Стреляли почти в упор. Оказалось, крестьянин умышленно навёл Корнилова на засаду преследовавших его частей.

Полк отошёл обратно, к селу Красновичи. Оттуда Корнилов бросился в другую сторону, намереваясь перескочить железнодорожную линию западнее станции Унеча. Но едва он приблизился к полотну железной дороги около станции Песчаники, как из-за крутого поворота показался бронепоезд и огнём всех

своих орудий обрушился на текинцев. Попадали убитые и раненые. Под Корниловым свалилась лошадь. Полк рассыпался. Головной эскадрон круто повернул в сторону и ускакал, окончательно оторвавшись от полка. Впоследствии он был разоружён в местечке Павличи за городом Клинцами.

После того как полк был отброшен от железной дороги, Корнилов кое-как собрал небольшие остатки текинцев.

Бросив остатки полка и переодевшись в штатское платье, Корнилов бежал на юг по железной дороге.

Так закончилась ликвидация Ставки. В её лице был разрушен главный очаг контрреволюции на фронте, откуда исходили многочисленные попытки задушить пролетарскую революцию. Впереди ещё предстояла борьба с контрреволюцией на других фронтах — Юго-западном, Румынском и Кавказском, куда стекались остатки разбитых сил противника, но эта борьба уже не была страшна. И там поднимались волны народного гнева против вековых поработителей. Солдатские массы чутко прислушивались к тому, что делалось на наиболее революционных фронтах, и начинали следовать их примеру. Силы новой власти росли. Два передовых фронта, наиболее мощных — Северный и Западный — целиком стояли на её защите.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ.

РАЗГРОМ КАПИТУЛЯНТСКОГО БЛОКА.

естники восстания — делегаты II съезда Советов — разъехались по местам. Из Смольного института, где помещался штаб революции, потянулись нити во все уголки страны.

Начался «период Смольного». На первом этапе диктатуры пролетариата Смольный был центром кипучей деятельности большевиков — строителей нового государственного аппарата.

Враг ещё не был разбит: Керенский бросил войска против революционной столицы, подняли мятеж юнкера, в Москве происходили жестокие бои за власть.

В то время как под Пулковом и на улицах Москвы силой оружия решалась судьба революции, эсеро-меньшевики пытались взорвать революцию изнутри. Центром этой деятельности эсеро-меньшевиков стал Викжель.

Ещё 29 октября, в разгар наступления Краснова — Керенского под Гатчиной, Викжель вынес решение о создании однородного «социалистического» правительства.

Для большевиков было ясно, что Викжель, выступивший со своим заявлением в момент, когда «политический вопрос теперь

вплотную подходит к военному»[1], стоит на стороне Корниловых и Калединых. Требование прекращения боевых действий, когда осталось только добить керенщину, означало прямую поддержку контрреволюции.

Прикрываясь флагом «нейтралитета», Викжель мог увлечь за собой некоторые слои колеблющихся железнодорожников. Кроме того в руках Викжеля был аппарат управления железными дорогами. Надо было его обезвредить, не допустить перевозок войск Керенского и добиться свободного передвижения революционных отрядов для помощи Москве и другим центрам. Центральный Комитет большевиков на заседании 29 октября решает послать своих представителей для переговоров с Викжелем. По определению Ленина, переговоры должны были быть дипломатическим прикрытием военных действий. Основным условием переговоров об изменении состава правительства Центральный Комитет большевиков поставил ответственность правительства перед Всероссийским центральным исполнительным комитетом, признание единственным источником власти II съезда Советов и подтверждение декретов о земле и мире.

29 и 30 октября состоялись первые заседания комиссии при Викжеле «по выработке соглашения между партиями и организациями»[2]. На этих совещаниях присутствовали виднейшие представители меньшевиков и эсеров различных групп и группок. Тут были и меньшевики-оборонцы Дан и Эрлих, и меньшевики-интернационалисты Мартов и Мартынов, и «левые» эсеры Малкин и Колегаев, и правые эсеры Якобин и Гендельман. Наряду с представителями от «комитета спасения» на совещании присутствовал один из руководителей саботажа чиновников А. Кондратьев. Официально он представлял союз служащих. Были также представители Всероссийского Совета крестьянских депутатов, союза служащих государственных учреждений и прочих организаций.

Позиция совещания была предопределена его составом. На разные голоса, более или менее откровенно и правые и «левые» эсеро-меньшевики требовали одного и того же: ликвидации революции.

На заседании 29 октября представитель Центрального комитета партии эсеров Гендельман, напомнив Викжелю, что он «бросает последнюю гирю на весы борющихся групп», потребовал ликвидации «авантюры» и создания министерства без большевиков.

«Левый» Мартов предлагал организовать власть,

> «опирающуюся на все демократические организованные элементы, не только на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но и на учреждения, вышедшие из всеобщего избирательного права»[3].

Более откровенно говорил Дан:

«Вот первое условие соглашения: ликвидация заговора, роспуск Военно-революционного комитета, признание съезда (II съезда Советов. — *Ред.*) несостоявшимся... Если это условие будет выполнено, тогда мы все соединёнными усилиями будем бороться против грядущей контрреволюции»[1].

Это заседание закончилось избранием комиссии, перед которой была поставлена задача подготовить предложение о составе власти и мерах прекращения гражданской войны.

Поздно вечером Викжель телеграфно приостановил начало железнодорожной забастовки ввиду переговоров «о примирении», но стачечные комитеты было предложено не распускать, сохранив их в «полной готовности».

Рано утром 30 октября собралась так называемая «особая комиссия по выработке соглашения между партиями и организациями». На заседании комиссии присутствовали Дан, Вайнштейн, Посников, Каменев, Рязанов и др. От имени «комитета спасения» выступил Дан. Он перечислил требования к большевикам:

«Разоружить рабочих и отказаться от сопротивления войскам Керенского. Передать войска в распоряжение городской думы. Освободить арестованных членов правительства...[2].

Рабочие должны отказаться от боя с войсками, — неистовствовал Дан. — Это обязанность каждого социал-демократа, так как сопротивление буржуазным войскам немыслимо для пролетариата»[3].

Дана поддержал Вайнштейн. Меньшевики уже предвкушали сладость победы. Им казалось, что они могут диктовать свои условия, так как войска Керенского вот-вот вступят в Петроград.

После Дана и Вайнштейна выступил Каменев. Он предательски умолчал о решении Центрального Комитета большевиков от 29 октября. Вчерашнему штрейкбрехеру казалось, что наступил удобный момент для ликвидации пролетарского восстания: Каменев предложил издать обращение к пролетариату и войскам с призывом... разоружиться.

В 11 часов утра открылось объединённое заседание Викжеля с представителями политических партий. К этому времени делегация Викжеля, ездившая к Керенскому, вернулась в Петроград и доложила на совещании о своих переговорах.

«Дисциплина в лагере Керенского ниже дисциплины в лагере Петрограда, в котором рядом с солдатами стоят рабочие»[4], — вынужден был заявить представитель Викжеля Плансон.

Узнав о начале сражения под Пулковом, викжелевцы явно стали затягивать переговоры. Дан то грозил кровавой расправой с рабочими Петрограда, то обещал просить Керенского «по

вступлении в город воздерживаться от насилий и репрессий». Было решено объявить перерыв до вечера: к этому времени, полагали, Керенский справится с революционными войсками под Пулковом.

Вечером 30 октября войска Керенского под Пулковом потерпели полное поражение. Рухнули надежды викжелевцев на вступление войск Керенского — Краснова в революционную столицу. В третий раз в этот день собирается совещание Викжеля. Контрреволюция цепко хватается за викжелевцев, надеясь при помощи штрейкбрехеров-каменевцев ликвидировать большевистское правительство. На этом вечернем заседании Викжеля снова выступил Каменев. Он подбодрил растерявшихся было эсеро-меньшевиков, буквально повторив своё утреннее заявление о необходимости создания нового правительства. Совещание при Викжеле приняло следующее решение:

> «Немедленное заключение перемирия и обращение к обеим враждующим сторонам с воззванием о прекращении военных действий»[1].

В ночь на 1 ноября в здании министерства путей сообщения вновь собралась комиссия Викжеля по вопросу о выработке соглашения. Она заседала всю ночь, обсуждая состав «Временного народного совета», перед которым будет ответственно правительство. Каменев, Сокольников и Рязанов изменнически нарушили на этом совещании прямую директиву Центрального Комитета большевиков. По решению Центрального Комитета правительство могло быть ответственно только перед Всероссийским центральным исполнительным комитетом, выбранным на II съезде Советов. Предательски откинув это решение, Каменев, Рязанов и Сокольников дали своё согласие на создание нового Предпарламента. Обнаглевшие от уступчивости Каменева эсеро-меньшевики резко возражали против введения в правительство Ленина.

Каменев и Сокольников не только приняли участие в обсуждении этого вопроса, но не сочли даже нужным настаивать на необходимости введения Ленина в правительство.

Каменев, Сокольников и Рязанов принимали активное участие в обсуждении кандидатуры Чернова и Авксентьева в... премьеры. Заседание кончилось под утро. Каменев в конце заседания заверил викжелевцев, что Советы рабочих депутатов согласятся с условиями, выработанными совещанием.

Он обещал принять меры для приостановки военных действий на Петроградском фронте. В момент разгрома контрреволюционных войск под Пулковом это обещание являлось прямой помощью Керенскому — Краснову, которым нужно было перемирие для того, чтобы сохранить и вновь собрать свои силы.

1 ноября Центральный Комитет партии большевиков обсуждал вопрос о поведении Каменева на совещаниях при Викжеле.

«Викжель». *Карикатура Кукрыниксы.*

> «...политика Каменева должна быть прекращена... — заявил Ленин. — Разговаривать с Викжелем теперь не приходится»[1].

Дзержинский резко обрушился на Каменева. Дзержинский обвинял Каменева и Сокольникова в том, что они не выполнили поручения Центрального Комитета, предложил выразить им недоверие и заменить другими членами Центрального Комитета. Каменев двурушнически скрыл от членов Центрального Комитета свои обещания эсеро-меньшевикам разоружить петроградских красногвардейцев. Он пытался скрыть от Центрального Комитета, что несколько часов назад обсуждался вопрос об исключении Ленина из правительства. «Делегация не обсуждала кандидатур», — вилял Каменев. Троцкий в очень тонкой, завуалированной форме поддержал Каменева. Он предложил включить в верховные советские организации представителей от дум. Допустить во Всероссийский центральный исполнительный комитет и, следовательно, в правительство представителей Петроградской и Московской дум, которые в это время были центрами контрреволюции, — это значило отказаться от основного принципа большевиков: «Вся власть Советам!» Ленин резко

выступил против каких бы то ни было уступок в вопросе о власти Советов. Владимир Ильич обрушился на предательскую линию Каменева, линию отказа от диктатуры пролетариата.

«Викжель в Совет не входит, и его туда впускать нельзя;— заявил Ленин, — Советы — органы добровольные, а Викжель не имеет опоры в массах» [1].

В двух других выступлениях на этом заседании Центрального Комитета Ленин требовал «уничтожить колебания колеблющихся».

«Ясно, что Викжель на стороне Калединых и Корниловых, — говорил Ленин. — Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих и крестьян и армии. Здесь никто не доказал, что низы против нас; либо с агентами Каледина, либо с низами. Мы должны опираться на массы, должны послать в деревни агитаторов. Викжелю было предложено доставить войска в Москву, он отказал, мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят» [2].

На этом заседании Центральный Комитет принял следующую резолюцию:

«Считая на основании опыта предшествующих переговоров, что соглашательские партии ведут эти переговоры не с целью создания объединённой советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва советской власти и окончательного закрепления левых эсеров за политикой соглашательства с буржуазией, Центральный Комитет постановляет: разрешить членам нашей партии ввиду уже состоявшегося решения Центрального исполнительного комитета принять сегодня участие в последней попытке левых эсеров создать так называемую однородную власть с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти» [3].

Центральный Комитет выработал условия для переговоров о соглашении. Большевики требовали признания декретов II съезда Советов, беспощадной борьбы с контрреволюцией и признания II съезда Советов единственным источником власти.

В ночь с 1 на 2 ноября Рязанов докладывал на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета о результатах работы комиссии при Викжеле. Снова и снова выступали Крушинский от Викжеля, Камков от «левых» эсеров с истерическими речами о необходимости немедленного прекращения кровопролития.

В ответ на эти крики о близкой гибели, о крови, льющейся на улицах, выступил любимый оратор петроградских рабочих Володарский.

В. И. ЛЕНИН в СМОЛЬНОМ В ДНИ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Картина П. Соколова.

«Кровь, говорили здесь, нужно беречь, — сказал Володарский, обращаясь к эсерам и меньшевикам. — Да, это правда, но нужно помнить и о той крови, которая была пролита во имя основных требований рабочего класса и крестьян. Если бояться крови, то нужно сделать всё необходимое для того, чтобы не были сданы те позиции, в защиту которых боролись сотни тысяч рабочих, крестьян и солдат.

Нам предлагают создать Временный народный совет — нечто вроде Предпарламента. Хотят создать этот орган без всякого определённого принципа. Мы на создание нового ублюдочного органа ни в коем случае не согласимся.

Восстание рабочих и солдат было совершено под лозунгом «Вся власть Советам!», и никаких уступок здесь быть не может» [1].

От имени большевистской фракции Володарский предложил принять резолюцию о соглашении, выработанную за несколько часов до этого на заседании Центрального Комитета большевиков.

Резкое и прямое выступление Володарского внесло смятение в ряды «левых» эсеров и меньшевиков-объединенцев. В. А. Базаров поспешил возложить на большевиков ответственность за продолжение гражданской войны. Продолжая линию на блок с Каменевым, Рязановым и другими, Базаров не забыл упомянуть, что резолюция, предложенная Володарским, противоречит и порывает с теми началами, которые были приняты Каменевым, Сокольниковым и Рязановым на заседании комиссии Викжеля.

Карелин заявил, что фракцию «левых» эсеров резолюция большевиков не удовлетворяет, потому что в ней очень много категоричности и формальной непримиримости. От имени своей фракции Карелин прочитал резолюцию, в которой предлагалось создать «конвент» из 275 человек. В этом «конвенте» 150 мест предоставлялось Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 50— городским думам, 50— губернским крестьянским Советам и 25— Всероссийскому Совету крестьянских депутатов. Резолюция признавала необходимым положить в основу деятельности созданного таким образом конвента декреты II съезда Советов.

Тактика Карелина полностью совпадала с тактикой Троцкого. Для «левых» эсеров, как и для Троцкого, не так важно было признание программы II съезда Советов, как изменение состава правящих органов, отказ от власти Советов. От программы-де всегда можно будет отказаться.

При поименном голосовании резолюция большевиков получила 38 голосов, резолюция «левых» эсеров — 29. Смущённые эсеры попросили объявить перерыв. Голосование против больше-

вистской резолюции могло изолировать «левых» эсеров от масс. Боязнь остаться в одиночестве и потерять всякое влияние заставила «левых» эсеров отказаться от своей резолюции. После часового перерыва Всероссийский центральный исполнительный комитет единогласно принял резолюцию, предложенную Володарским.

Между тем раскол в мелкобуржуазных партиях всё углублялся. Лидеры «левых» эсеров не были уверены, что в борьбе, которую они подняли против Совета народных комиссаров, им будет оказана поддержка рядовыми членами партии. Так и произошло. Петроградская конференция «левых» эсеров 1 ноября призвала членов своей партии к полному подчинению Совету народных комиссаров и к работе в Военно-революционном комитете. Центральный комитет партии эсеров объявил петроградскую организацию распущенной.

Не надеясь на поддержку рядовых членов партии, «левые» эсеры торопились закрепить блок с каменевцами. Карелин открыто выражал надежду, что в ближайшие дни каменевцы будут голосовать с «левыми» эсерами, образуя большинство во Всероссийском центральном исполнительном комитете.

Поражение Керенского ускорило совместное выступление «левых» эсеров и правых капитулянтов во Всероссийском центральном исполнительном комитете.

2 ноября Центральный Комитет большевиков вновь принял решение по вопросу о переговорах с Викжелем. Обстановка к этому времени резко изменилась. Керенский был окончательно разбит, в Москве революционные войска занимали одну позицию за другой. В этих условиях Центральный Комитет по предложению Ленина вынес резолюцию, которая, подтверждая прежнее решение о соглашении, ещё более резко разоблачала викжелевское торгашество.

> «...не изменяя лозунгу власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, нельзя перейти к мелкому торгашеству за присоединение к Советам организаций несоветского типа, т. е. организаций не добровольного объединения революционного авангарда борющихся за свержение помещиков и капиталистов масс.
>
> ...Центральный Комитет подтверждает, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать своё большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства»[1].

Ленин закончил резолюцию пунктом о победе социализма в России, об условиях, обеспечивающих эту победу:

«...вопреки всем трудностям, победа социализма и в России и в Европе обеспечивается только неуклоннейшим продолжением политики теперешнего правительства. Центральный Комитет выражает полную уверенность в победе этой социалистической революции и приглашает всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства»[1].

Эта резолюция разоблачала каменевско-зиновьевскую политику, которая была основана на отрицании возможности победы социализма в одной стране.

Резолюция, предложенная Лениным, была принята против голосов Каменева, Зиновьева, Рыкова, Ногина и Милютина.

Правые капитулянты ушли с заседания Центрального Комитета с твёрдым намерением провалить резолюцию во время её обсуждения во Всероссийском центральном исполнительном комитете.

Поздно ночью 2 ноября на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета Малкин от имени «левой» эсеровской фракции зачитал ультимативное требование пересмотра «вопроса о платформе соглашения всех социалистических партий».

После Малкина выступил Зиновьев. Штрейкбрехер пролетарской революции решил использовать испытанный метод буржуазного парламентаризма — противопоставление парламентской фракции всей партии в целом.

Он прочитал резолюцию Центрального Комитета большевиков по вопросу о соглашении с социалистическими партиями и тут же заявил, что эта резолюция фракцией большевиков ещё не обсуждалась.

«Левые» эсеры и меньшевики охотно согласились с предложением Зиновьева объявить на час перерыв для обсуждения резолюции. После «обсуждения» Каменев внёс от имени фракции другую резолюцию, которая явно была направлена против решения Центрального Комитета. Резолюция требовала продолжать переговоры о власти со всеми партиями, входящими в Советы, при условии предоставления не менее половины мест в правительстве большевикам. Половина мест, следовательно, отдавалась эсеро-меньшевикам. По этому решению Всероссийский центральный исполнительный комитет должен был быть расширен за счёт Викжеля, крестьянских Советов и войсковых частей без указания о необходимости перевыборов этих Советов и комитетов. «Левые» эсеры с удовлетворением приняли резолюцию, предложенную Каменевым.

«Резолюция большевиков является шагом в сторону соглашения, — заявил Карелин. — Мы поэтому голосуем за эту резолюцию»[2].

Интересы революции, интересы незаконченного ещё восстания требовали немедленного разгрома правых капитулянтов. Соглашательской возне кучки каменевцев и «левых» эсеров нужно было противопоставить твёрдую линию пролетарской диктатуры.

Заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета, на котором Каменев и Зиновьев так позорно, предательски выступили против решения Центрального Комитета большевиков, закончилось ранним утром 3 ноября.

Как только Ленин узнал об очередном предательстве, он написал от имени большинства Центрального Комитета ультиматум Каменеву и Зиновьеву.

Написав ультиматум, вождь революции ознакомил отдельно каждого из членов Центрального Комитета с текстом заявления и приглашал подписать его.

В этом документе Ленин разоблачал капитулянтов, решительно требовал строгого соблюдения партийной дисциплины и выполнения решений партии.

Став на путь борьбы с партией и соглашения с эсеро-меньшевиками, группка капитулянтов под одобрительные крики мелкобуржуазных партий пошла по этому пути дальше.

В кулуарах Викжеля в это время происходила беззастенчивая торговля по вопросу о составе так называемого «Временного народного совета».

3 ноября снова собралось совещание при Викжеле. На этот раз Центральный Комитет большевиков послал на совещание Сталина. Эсеро-меньшевики послали своих лидеров, намереваясь добиться того, что им не удалось сделать под Пулковом силой оружия. Тут были меньшевики Абрамович и Мартов, Ерманский и Мартынов, Розенталь и Строев, «левые» эсеры Карелин, Шрейдер, Спиро, Прошьян и др.

Предательская политика Каменева и Зиновьева придала смелости лидерам эсеро-меньшевиков. Абрамович и Мартов яростно выступают против Совета народных комиссаров.

> «Море братской крови, — кричал Абрамович. — В России нет правительства... Газеты не выходят... Осадное положение...» [1]

От имени Центрального комитета меньшевиков Абрамович предложил резолюцию, в которой говорилось:

> «Ни захват власти большевиками, ни передача её Советам ни в коем случае не могут быть признаны другими частями демократии» [2].

Мартов истерически вопил о системе террора, об арестах железнодорожных комитетов. Он забыл добавить, что викжелевцев арестовывают сами железнодорожники, требующие активной борьбы с контрреволюцией.

Мартов, Абрамович и другие потребовали гарантий прекращения террора.

Тогда поднялся Сталин и, обращаясь к Абрамовичу, насмешливо спросил:

«Может ли кто-нибудь поручиться за то, что войска, стоящие под Гатчиной, не будут наступать на Петроград?»[1]

Совещание при Викжеле 3 ноября ни к каким результатам не пришло. Объединённая вылазка эсеро-меньшевиков и каменевцев произошла на следующий день, 4 ноября, на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета.

«Левые» эсеры в это время уже открыто говорили о своём блоке с каменевцами. «Левый» эсер Малкин радостно кричал, что Ленин оказался «в победоносном одиночестве»[2].

«Умеренные большевики окажут своё воздействие на Всероссийский центральный исполнительный комитет и Петроградский Совет»[3], — высказывал свои сокровенные мысли Карелин.

В это же время начались переговоры между Бухариным и «левыми» эсерами о совместном выступлении против Совета народных комиссаров, имеющем целью восстановление капиталистических порядков и организацию убийства вождей революции — Ленина, Сталина и Свердлова.

Инициатива нападок на Совет народных комиссаров теперь перешла в руки правых капитулянтов при шумном одобрении эсеров.

Первым на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета 4 ноября выступил Ларин. Он предложил отменить декрет Совета народных комиссаров о печати. Не выделяя вопроса о печати «из всех остальных стеснений, применяемых революционной властью»[4], Ларин заодно предлагал создать трибунал, которому дать право пересмотра всех уже произведённых арестов, закрытия газет и т. д.

Такое выступление сводилось к открытому выражению недоверия Совету народных комиссаров. «Левые» эсеры не замедлили поддержать предложение Ларина. Вся эта «демократическая» шумиха, поднятая вокруг декрета о печати, была частью общего похода против молодой диктатуры пролетариата. Краснов, юнкера и белогвардейцы предприняли его с оружием в руках, а Викжель с эсеро-меньшевиками и правыми капитулянтами — в качестве подрывников и дезорганизаторов в тылу. Группа Зиновьева — Каменева включалась в этот общий фронт контрреволюции.

«Ничтожная кучка начала гражданскую войну, — отвечал Ленин поборникам «свободы печати». — Она не кончена. К Москве подступают калединцы, к Питеру — ударники...

Мы вполне допускаем искренность социалистов-революционеров, но за их спинами стоят, тем не менее, Каледин и Милюков.

Чем твёрже будете вы, солдаты и рабочие, тем больше мы достигнем. Наоборот, нам скажут: «они не крепки ещё, если выпустят Милюкова». Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмём власть в руки. Терпеть существование этих газет значит перестать быть социалистом...

Какая свобода нужна этим газетам? Не свобода ли покупать массу бумаги и нанимать массу писак? Мы должны уйти от этой свободы печати, зависящей от капитала... Если мы идём к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи»[1].

Рабочие и солдаты уже успели узнать, что означает «свобода печати». Ежедневно со страниц контрреволюционных газет лились потоки самой грязной клеветы. Красногвардейцев обвиняли в изнасиловании ударниц, — сами ударницы писали из Петропавловской крепости опровержения. Рабочих и солдат обвиняли в разрушении исторических памятников — Зимнего дворца, Кремля и др. Иностранные корреспонденты опровергали этот дикий вымысел. Газеты контрреволюции продолжали лгать, клеветать, натравливать на рабочих и солдат самые отсталые слои населения. Рабочие типографий отказывались набирать эти лживые, клеветнические статейки.

Резолюция Ларина, несмотря на дружную поддержку «левых» эсеров, была отвергнута.

Тогда выступил с заявлением от имени «группы народных комиссаров» В. Ногин. Каменевско-троцкистские капитулянты ещё раз потребовали включения в правительство эсеров и меньшевиков и заявили о выходе из состава Совета народных комиссаров.

Это заявление подписали кроме Ногина народные комиссары: А. Рыков, В. Милютин, И. Теодорович; присоединились к нему: комиссар путей сообщения Рязанов и комиссар по делам печати Н. Дербышев, комиссар государственных типографий И. Арбузов, комиссар Красной гвардии Юренев, заведующий отделом конфликтов в министерстве труда Г. Фёдоров, Г. Ларин и комиссар труда Шляпников.

Вслед за Ногиным немедленно выступает представитель фракции «левых» эсеров. Он обращается с запросом к председателю Совета народных комиссаров В. И. Ленину:

«1. На каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение Центрального исполнительного комитета.

2. Намерено ли правительство отказаться от произвольно установленного им совершенно недопустимого порядка — декретирования законов»[2].

С. М. Урицкий.

Во всех выступлениях «левых» эсеров и каменевско-зиновьевской группы был определённый план. Они хотели превратить Всероссийский центральный исполнительный комитет в буржуазный орган, противопоставленный Совету народных комиссаров. Атаки, предпринятые предателями на заседании 4 ноября, — выступление и резолюция Ларина, заявление группы народных комиссаров и, наконец, запрос «левых» эсеров — свидетельствовали о том, что капитулянты сговорились выразить на Всероссийском центральном исполнительном комитете недоверие Совету народных комиссаров, а затем свалить советское правительство.

«Новая власть, — отвечал Ленин на запрос эсеров, — не могла считаться в своей деятельности со всеми рогатками, которые могли ей стать на пути при точном соблюдении всех формальностей. Момент был слишком серьёзным и не допускал промедления. Нельзя было тратить время на то, чтобы сглаживать шероховатости, которые, придавая лишь внешнюю отделку, ничего не изменяли в существе новых мероприятий»[1].

От фракции «левых» эсеров член Центрального исполнительного комитета Спиро предложил принять резолюцию, выражающую недоверие Совету народных комиссаров.

Урицкий внёс другую резолюцию, в которой говорилось:

«Советский парламент не может отказать Совету народных комиссаров в праве издавать без предварительного обсуждения Центрального исполнительного комитета неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов»[2].

Во время голосования Рыков, Ногин, Каменев, Зиновьев и другие ушли с заседания. Этот двурушнический, предательский шаг был рассчитан на то, что большинство получат «левые» эсеры.

За резолюцию Урицкого было подано 25 голосов, против — 23 голоса. Была принята резолюция Урицкого.

Попытка блока «левых» эсеров и правых капитулянтов свалить советское правительство потерпела крушение. Момент был чрезвычайно тяжёлый. Контрреволюция ликовала и предсказывала неизбежный крах в ближайшие дни и часы.

«Победители уже в состоянии полного разложения! — вопили меньшевики в своей газетке. — Один за другим уходят народные комиссары, не успев ещё ни разу побывать во «вверенных» им министерствах»[1].

Министерская партия меньшевиков видела в дезертирстве нескольких лидеров «начало конца». Партия, не связанная с массами, иначе не могла рассуждать.

> «Уход столь многих лидеров открывает возможность на соглашение и организацию правительства без Ленина»[2], — записал в своих мемуарах Бьюкенен.

Вся буржуазия приготовилась если не к моментальному развалу диктатуры пролетариата, то к большим уступкам, ведущим к этому развалу. Требование предоставить половину мест в правительстве эсеро-меньшевикам было равносильно ликвидации диктатуры пролетариата.

Но большевики не проявляли ни малейшей растерянности. В ответ на эти требования партия ответила непоколебимым голосом вождя:

> «...*только* большевистское правительство может быть теперь, после II Всероссийского съезда Советов... *только* большевистское правительство может быть теперь признано *советским* правительством»[3].

Предательство нескольких дезертиров не поколебало единства масс, идущих за партией, по выражению Ленина, «ни на минуту и ни на волос»[4].

Спокойствие, с которым принял Ленин удар, нанесённый предателями, было спокойствием всей большевистской партии. Именно в эти дни, когда Даны и Черновы с минуты на минуту ждали краха большевиков, Ленин пишет предисловие ко второму изданию своей брошюры «Удержат ли большевики государственную власть».

> «Теоретические доводы против большевистской власти, — писал Ленин, — слабы до последней степени. Эти доводы разбиты.
>
> Задача теперь в том, чтобы *практикой* передового класса — пролетариата — доказать жизненность рабочего и крестьянского правительства»[5].

Вся партия большевиков поддержала Центральный Комитет против штрейкбрехеров.

Ряд местных партийных организаций в ультимативной форме предлагал ушедшим вернуться на свои посты. С такими же требованиями выступали рабочие и солдаты. 9 ноября солдаты

Я. М. Свердлов.

Финляндского полка послали делегацию в Смольный. От имени солдат делегаты потребовали, чтобы комиссары немедленно вернулись на свои посты и разделили ответственность вместе с другими народными комиссарами, «не уступая ни пяди из всех завоеваний и решительно проводя в жизнь объявленные декреты».

Штрейкбрехеры были заменены новыми людьми. В Совет народных комиссаров вошли Г. И. Петровский, А. Г. Шлихтер, М. Т. Елизаров. Работа Совета народных комиссаров ни на минуту не остановилась. Председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета вместо Каменева был выбран Я. М. Свердлов. Соучастники капитулянтского блока высказали своё сожаление по поводу освобождения Каменева от обязанностей председателя. 14 «левых» эсеров голосовали против кандидатуры Свердлова на пост председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Уход Каменева положил конец колебаниям некоторой части большевистской фракции Всероссийского центрального исполнительного комитета и надеждам «левых» эсеров на раскол большевиков.

6 ноября Викжель постановил снова перебраться в Москву. Тем самым викжелевцы признали, что все их маневры провалились. Ближайшие дни полностью подтвердили ленинскую характеристику Викжеля как организации, за которой нет масс.

4 ноября рабочие Николаевской железной дороги отправили четыре воинских поезда в помощь Москве, в том числе один поезд с матросами и один бронированный. Железнодорожники сделали это помимо своего комитета и вопреки указаниям Викжеля. Железнодорожники Харьковского узла выразили недоверие Викжелю. 13 — 14 ноября на объединённом заседании представителей главных дорожных комитетов были подведены итоги викжелевскому «нейтралитету». На этом совещании сквозь голоса бюрократической верхушки пробивались голоса масс:

«Платформа Викжеля была единогласно поддержана,— заявил представитель Екатерининской железной дороги и тут же добавил: — мастерские выносили порицание Викжелю за его деятельность»[1]. Представитель Курской железной дороги должен был признать, что «войска большевиков» по Курской дороге провозились, несмотря на запрещение Викжеля.

Вихрь революции откинул прочь викжелевцев.

2.

БОРЬБА С ГОЛОДОМ И САБОТАЖЕМ.

На площади перед Смольным горели костры, у входа стояли красногвардейцы и проверяли пропуска. Беспрерывной вереницей тянулись люди в Смольный. Войдя в здание, человеческий поток разделялся на две части: направо — к Военно-революционному комитету, налево — в комнату, где разместился Совет народных комиссаров.

В Смольный приезжали делегаты из далёких районов страны за директивами об организации власти Советов. В Смольный приходили крестьяне-ходоки за ленинским декретом о земле. Делегаты с фронта приходили за декретом о мире. Из Смольного выходили командиры отрядов с назначениями Военно-революционного комитета и, вызвав из ночной темноты красногвардейцев, отправлялись на фронт.

На улицах революционной столицы у хлебных лавок стояли огромные хвосты.

Саботажники хотели задушить рабочих рукой голода. Голод организовывали планомерно ещё накануне Великой революции. В Петрограде запаса хлеба к 25 октября 1917 года было только на один-два дня.

Ещё за несколько дней до октябрьской победы пролетариата

меньшевики угрожали применить в борьбе с большевиками оружие саботажа.

«У них нет работоспособных сил, — говорил 20 октября министр внутренних дел меньшевик А. М. Никитин. — Если бы им и удалось захватить власть, мы не будем с ними работать. Они останутся изолированными» [1].

В самый день образования Совета народных комиссаров кадеты, меньшевики и эсеры призвали чиновников не подчиняться новой власти.

26 октября ответственные работники Петроградского особого по продовольствию присутствия отказались работать совместно с представителями советской власти. Во главе с эсером Дедусенко они покинули свои посты. Забастовали чиновники министерства продовольствия и Петроградской продовольственной управы.

Положение революционного Петрограда было исключительно тяжёлым. 27 октября в столице было всего 30 тысяч пудов хлеба. Голодная же норма в полфунта требовала 48 тысяч пудов в сутки. К хлебу уже подмешивали не ячмень, а овёс. Контрреволюционная печать злорадствовала. «Обещали хлеб, на деле ведут к голоду» [2], — провокаторски вопило меньшевистское «Единство».

Вся работа по снабжению столицы продовольствием проходила под непосредственным руководством Ленина и Сталина. Опираясь на право реквизиции частных запасов, большевики-продовольственники начали действовать. Отряды красногвардейцев производили тщательные розыски продовольственных грузов на складах, баржах и станционных путях. Там были обнаружены и конфискованы значительные запасы зерна и муки.

Путём реквизиции революционная столица получила 300 тысяч пудов хлеба. В результате были созданы запасы хлеба на десять дней.

Декреты по продовольствию развязали революционную инициативу широких масс трудящихся. Уже в момент контрреволюционного выступления Краснова — Керенского удалось значительно смягчить продовольственный кризис в столице. Принимались меры к дальнейшему усилению погрузки хлеба на местах для революционной столицы.

В начале ноября Совет народных комиссаров послал в провинцию 10 отрядов революционных матросов по 50 человек в каждом для сопровождения в Петроград маршрутов с хлебом. В хлебные южные губернии были посланы десятки агитаторов и комиссаров для усиления подвоза хлеба. Ежедневно Военно-революционный комитет формировал отряды революционных матросов и красногвардейцев для проведения реквизиции хлеба у помещиков и агитации за подвоз хлеба среди крестьян в производящих губерниях. Специальные эмиссары были посланы Народным комиссариатом по продовольствию для розыска хлебных запасов по всей Советской

России. Группа эмиссаров выехала в Архангельск и Мурманск, откуда хлеб во время войны вывозился за границу. 50 эмиссаров народный комиссар по продовольствию направил в Котлас (пункт соединения водного пути по Северной Двине с Пермо-котласской железной дорогой), где хранилось на складах несколько миллионов пудов хлеба. Запасы хлеба в провинции были очень значительны. На Северном Кавказе и в Сибири они измерялись десятками миллионов пудов.

Заготовкам хлеба на местах сильно вредили мешочники и ходоки из потребляющих губерний. Мешочники покупали хлеб по спекулятивным ценам и тем самым срывали хлебозаготовки. Но главной причиной ухудшения заготовок хлеба после Великой пролетарской революции был саботаж губернских продовольственных комитетов, заполненных эсеро-меньшевистскими контрреволюционерами.

Представители революционной столицы помогали провинции в борьбе с саботажем на продовольственном фронте. В начале ноября 1917 года каждый день поступало в столицу не больше полутора десятков вагонов хлеба. Вот почему, несмотря на наличие десятидневного запаса, созданного путем реквизиции, пришлось 7 ноября уменьшить хлебный паёк до $^3/_8$ фунта в день. В середине ноября прибытие грузов, несмотря на усиление транспортной разрухи, значительно увеличилось.

С 1 по 30 ноября прибыло 916 614 пудов хлебных грузов. В середине ноября в пути находилось 1 200 вагонов хлеба. В связи с этим с 15 ноября паёк был увеличен до полуфунта в день.

Итоги по снабжению столицы продовольствием в первый месяц советской власти были вполне удовлетворительны. 30 ноября 1917 года было решено увеличить хлебный паёк до $^3/_4$ фунта в день и кроме того выдать дополнительно по 1 фунту муки на каждую продовольственную карточку. Со второй половины ноября Петроградское особое по продовольствию присутствие ввело дополнительную выдачу продовольственных продуктов для детей младшего возраста.

Значительное улучшение продовольственного снабжения столицы было обеспечено не только увеличением подвоза хлеба извне, но и рядом мероприятий по изысканию новых запасов в самой столице и экономии имеющегося хлеба. В этом вопросе большую помощь продовольственным органам оказал Военно-революционный комитет.

В начале ноября Военно-революционный комитет создал разгрузочную комиссию. Преступные саботажники из различных учреждений оставляли невостребованными тысячи пудов различных продовольственных грузов. Разгрузочной комиссии были даны широкие полномочия, вплоть до конфискации грузов, по её усмотрению.

Комиссары Военно-революционного комитета в Смольном у Ф. Э. Дзержинского.

Рисунок В. В. Щеглова.

Комиссия в своей работе опиралась на содействие широких масс столицы. 8 ноября только на одной станции Петроград Николаевской железной дороги комиссия обнаружила 16 тысяч пудов пшеничной муки, 86 тысяч пудов пшеницы, 17 тысяч пудов ржаной муки, 6 тысяч пудов ржи, 45 тысяч пудов рыбы, тысячу пудов коровьего масла, 9 тысяч пудов сахарного песку и т. д.

9 ноября на станции Наволочная Николаевской железной дороги в составах поездов и в пакгаузах было обнаружено 5 вагонов хлеба и 920 пудов сахарного песку. Подобные открытия комиссия делала ежедневно.

В трудной работе по разгрузке вагонов и вывозе грузов комиссии помогали добровольцы из рабочих, матросов и солдат. 8 ноября несколько тысяч матросов и солдат разгружало вагоны. Все автомобили и трамваи были мобилизованы для перевозки грузов. 14 ноября 1917 года только на одной станции Наволочная Николаевской железной дороги работало около 400 человек. Всё это были рабочие с Обуховского, Трубочного и других петроградских заводов, безвозмездно выполнявшие погрузочно-разгрузочные работы.

Большевики требовали экономить хлеб. Продовольственные органы боролись с таким злом, как двойные, тройные пайки. Запрещался частный вывоз продуктов для кооперативов, столовых и

воинских частей. Все рестораны были превращены в общественные столовые. Обеды выдавались только по карточкам.

В своём обращении к трудящимся комиссия при народном комиссаре по продовольствию писала:

> «Никто не должен захватывать себе больший кусок; чем имеют его товарищи и ближние. Пусть встретит самое суровое осуждение всякая попытка частного и группового захвата (продовольствия.— *Ред.*)... под какими бы то ни было предлогами»[1].

Военно-революционный комитет беспощадно расправлялся со спекулянтами. В обращении Военно-революционного комитета ко «Всем честным гражданам» от 10 ноября спекулянты объявлялись врагами народа. Военно-революционный комитет предлагал «трудящимся о случаях хищения и спекуляции доводить до его сведения». «В преследовании спекулянтов и мародёров, — говорило обращение, — Военно-революционный комитет будет беспощаден»[2].

В середине ноября Совет народных комиссаров принял специальное решение «О борьбе со спекуляцией». Оно было опубликовано в печати за подписью Ленина.

> «Совет народных комиссаров, — говорилось в постановлении, — предлагает Военно-революционному комитету принять самые решительные меры искоренения спекуляции и саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр. Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-революционного комитета немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта впредь до предания Военно-революционному суду»[3].

Отряды красногвардейцев задерживали спекулянтов, штрафовали их и реквизировали продукты продовольствия.

Так в борьбе со спекуляцией и саботажем создавались новые революционные органы по продовольствию.

Первые же шаги советской власти обеспечили значительное улучшение продовольственного снабжения столицы в ноябре. Контрреволюционный саботаж чиновников и эсеро-меньшевиков в области продовольствия был сломлен органами диктатуры пролетариата.

Эсеры бросились в деревню, организовывая кулацкий саботаж, срывая заготовки хлеба.

К саботажу продовольственников примкнули чиновники министерств — финансов, земледелия, внутренних дел, путей сообщения, труда, государственного призрения, торговли и промышленности и др. Саботаж проводился организованно.

К саботажу присоединились не только высшие привилегированные слои чиновников, но и почтово-телеграфные служащие, мелкие канцелярские работники, телефонистки и учителя. Все

На телефонной станции в Петрограде. Революционные работницы и рабочие заменяют саботирующих телефонисток.

эти люди, экономически не заинтересованные в сохранении буржуазного строя, твёрдо верили в его незыблемость.

Эсеро-меньшевики сумели вселить в чиновников крепкую уверенность в недолговечности советской власти.

Чиновники так были уверены, что советская власть продержится не более двух-трёх дней, что, уходя из министерства, оставляли в столах сахар в коробочках. Большевики-де не успеют выпить чаю, как вернётся Керенский. Эсеро-меньшевики считали, что именно здесь, в вопросе о государственном аппарате, рабочие сломят голову:

«Керенского можно арестовать,— писали чиновники в своём журнале, — юнкеров расстрелять из пушек; но самая хорошая пушка не может заменить плохой пишущей машинки, и самый храбрый матрос — скромного писца из какого-нибудь департамента»[1].

К чиновникам министерств присоединились профсоюзы, руководимые кадето-меньшевиками. В первый же день создания Совета народных комиссаров Центральный комитет почтово-телеграфного союза, угрожая забастовкой, потребовал удаления комиссаров Военно-революционного комитета из почтово-телеграфного союза. Правление Всероссийского союза служащих кредитных уч-

реждений не разрешило Менжинскому (народному комиссару финансов) принять участие в заседании правления союза.

Правление заявило, что для него авторитетны лишь указания «комитета спасения родины и революции».

26 октября меньшевики поспешили подвести первые итоги саботажа.

«Сутки всего прошли со дня «победы большевиков», — писали они в своей газете, — и исторический рок уже начинает жестоко мстить им... Они... попросту не могут взять государственную власть, она ускользает из их рук... они изолированы от всех, потому что весь служебный и технический аппарат государства отказывается им служить...»[1]

Видную роль в организации саботажа сыграл так называемый «союз союзов» — объединение служащих государственных учреждений Петрограда. Первые шаги по созданию «союза союзов» были предприняты в июле 1917 года, но организация окончательно оформилась накануне Октября. Инициатором объединения служащих различных ведомств и министерств были крупные кадетствующие чиновники — А. М. Кондратьев, Н. Н. Харьковцев, М. Н. Лаппо-Старженецкий и др. Это была организация привилегированной верхушки петроградских чиновников. В первые же дни после пролетарской революции «союз союзов» связывается с контрреволюционным «комитетом спасения», подпольным Временным правительством и стачечными комитетами отдельных министерств. «Союз союзов» берёт на себя руководство саботажем в министерствах.

Другой крупной саботажнической организацией, связанной с «союзом союзов», был так называемый «совет депутатов трудовой интеллигенции». Этот совет из представителей буржуазной интеллигенции корниловской ориентации был создан в мае 1917 года. На Государственное совещание в Москве «совет трудовой интеллигенции» послал 29 своих представителей. Так же как и «союз союзов», эта организация руководилась кадетами, да и по своему составу была по преимуществу кадетской.

Наряду с такими организациями, как союзы врачей, инженеров, работников сельского хозяйства, «совет депутатов трудовой интеллигенции» поддерживал связь с такими «интеллигентными» объединениями, как союз казачьих войск, выступивший против советской власти исполнительный комитет совета офицерских депутатов и общество фабрикантов и заводчиков[2]. «Трудовые интеллигенты» ежедневно выпускали бюллетени, в которых повторяли обильную клевету со страниц «Речи», «Воли народа», «Дела народа», «Петроградской газеты» и других контрреволюционных листков. Эти бюллетени распространялись среди бастующих чиновников.

«Большевики продержатся только три дня».

Карикатура Кукрыниксы.

«Опасность надвигается не только политическая, но и материальная, — клеветнически писали руководители этого «интеллигентного совета» в своём бюллетене. — Уплата жалованья интеллигентным труженикам часто зависит от каприза вахтера»[1].

А между тем «вахтеры» мужественно выступали против саботажников. Сторож Волжско-камского банка в Петрограде Герасим Огур отказался подчиниться решению саботажников и вышел на работу. Для того чтобы помочь красногвардейцам овладеть аппаратом банка, Герасим Огур привёл в банк свою дочь, учительницу Марию Огур. Герасиму Огуру и его дочери был объявлен бойкот. Их внесли в списки «штрейкбрехеров» и вывесили списки на дверях банка. Но они продолжали работать.

Почти во всех министерствах низшие служащие охотно изъявили согласие помочь рабочим и красногвардейцам в строительстве нового аппарата. Сплошь и рядом оказывалось, что курьеры, по десятку лет работающие в учреждениях, могут быть использованы на ответственной работе. В министерстве финансов курьеры указали комиссару на наиболее нуждающуюся часть служащих, которых можно было оторвать от саботажников. Вопреки настояниям саботажников приступили к работе 10 сотрудников особой кредитной канцелярии Народного комиссариата финансов, из которых 8 ранее исполняли обязанности курьеров.

Саботажники в банках и в министерстве финансов рассчитывали, что рабочие на заводах, оставшись без заработной платы, поднимут голодные бунты. Этим чёрным делом руководил управляющий Государственным банком И. П. Шипов, старый бюрократ, ставленник Дурново, сотрудник Столыпина-Вешателя и Штюрмера. Но около тысячи низших служащих в Государственном банке продолжало работу вопреки всем заклинаниям саботажников. С фронта приезжали солдаты и матросы, ранее работавшие в государственном аппарате, и заменяли саботажников. Вместе с рабочими они принимали участие в строительстве нового аппарата.

Наиболее демократическая часть чиновничества выступала против саботажников.

Партия кадетов была душой саботажнической контрреволюции. Вожди кадетской партии — Кутлер, Гессен, Хрущёв, Кизеветтер и др. — стояли во главе саботажнических организаций.

Один из активных деятелей кадетской партии, инженер, крупный чиновник Лаппо-Старженецкий, бегал в эти дни из одного министерства в другое, создавал стачечные комитеты, инструктировал руководителей саботажа. Перед чиновниками Лаппо-Старженецкий выступал как поборник демократии. «Почему надо бастовать?» — спрашивал Старженецкий запуганных чиновников, которые не привыкли к столь милостивому обращению и к «демо-

кратическим» речам высокопоставленных сановников. Кадет Лаппо-Старженецкий призывал чиновников к забастовке, ссылаясь на то, что советские «декреты означают лишение свобод и бесконтрольное хозяйничание» [1].

Чиновники не совсем ясно понимали, кого лишают свободы и от какого контроля отказываются большевики, но они голосовали за стачку, так как уверенность, что большевики недолго продержатся, подкреплялась получением из рук саботажников жалованья за полтора-два месяца вперёд.

Руководители саботажников были связаны с крупнейшими капиталистическими организациями страны, оказывавшими финансовую поддержку бастующим чиновникам. Сам Лаппо-Старженецкий был связан с фирмой Эриксон, с представителем французских торговых фирм М. Ферраном, с Акционерным обществом соединённых кабельных заводов, акционерным обществом Сименс-Шуккерт и другими организациями [2]. Саботажники получали также финансовую поддержку от торгового дома Ивана Стахеева в Москве, от Кавказского банка, Тульского поземельного банка, Московского народного банка и целого ряда частных лиц, представителей крупной промышленности и торговли.

Хозяева не скупились, так как вопрос стоял о самом существовании буржуазно-помещичьего аппарата. По свидетельству бывшего товарища министра юстиции Демьянова, министры свергнутого Временного правительства захватили из Государственного банка 40 миллионов рублей и из этих сумм финансировали саботажников. Комитет саботажников частных банков создал двухмиллионный фонд для поддержки забастовки чиновников. Руководитель этого комитета Л. В. Теслер передал председателю «союза союзов» А. М. Кондратьеву полтора миллиона рублей [3]. Поддерживала саботажников также и французская миссия через Русско-азиатский и другие банки. [4]

Активно собирались деньги членами саботажнического центра и по подписным листам. Один из руководителей «союза союзов» Л. В. Урусов, бывший служащий министерства иностранных дел, собрал довольно крупную сумму по подписным листам.

Руководители саботажа тщательно скрывали от массы служащих, из какого источника они получают деньги. Когда на съезде почтовиков был сделан запрос, из какого источника служащим министерства почт и телеграфа выплачено 200 тысяч рублей, эсеро-меньшевистские руководители отказались отвечать.

Борьба с диктатурой пролетариата принимала не только форму открытого саботажа. Старый буржуазный аппарат пытался приспособиться к новым условиям и застраховать себя от неизбежной ломки. И это происходило именно в тех частях старого аппарата, которые подлежали немедленной, первоочередной ломке. «Союз судей» на заседании Центрального стачечного комитета

заявил, что для судей нужно сделать исключение, разрешив им продолжать работу вопреки распоряжению большевиков о роспуске.

«Суд не должен бастовать... ибо тогда появятся самозванные трибуналы» [1], — заявил председатель «союза судей» на заседании стачечного комитета. Члены стачечного комитета горячо приветствовали тактику судебного аппарата. Чиновники прекрасно понимали, что саботаж не только ускоряет ломку старого аппарата, но и будит инициативу масс в строительстве новых органов власти. Появление «самозванных» трибуналов было уже фактом.

Также не хотели бастовать чиновники министерства двора. Когда была ликвидирована канцелярия министерства двора, к Луначарскому явились начальник канцелярии князь Гагарин и его заместитель барон фон дер Штакельберг. Они заявили свой протест против ликвидации канцелярии: «Мы готовим докладные записки для министра, бастовать не собираемся, и ликвидировать нас не нужно» [2].

Протесты князя и барона не помогли. Канцелярия была ликвидирована. Ставка чиновников на сохранение старых кадров и старого аппарата была совершенно очевидна.

Старый аппарат был сохранён правительством Керенского вплоть до самых мелких винтиков. Когда Луначарский и работники Народного комиссариата просвещения пришли в Зимний дворец, их встретил лакей в сером костюме и заискивающим полушопотом пригласил завтракать. В бывшей столовой царя на столе — различные сорта рыб, изысканные блюда, соусы. В Петрограде голод, рабочие сидят без хлеба — здесь всё осталось попрежнему. Гофмаршальская часть министерства двора имела в своём распоряжении огромный штат лакеев и официантов. При Керенском всё это было сохранено в полной неприкосновенности. Вернись царь — он нашёл бы всё своё хозяйство в полном порядке, ему не пришлось бы даже менять свои привычки.

Бюрократы царского и Временного правительства подсказали эсеро-меньшевикам тактику борьбы за сохранение старого аппарата. Демократическая часть чиновничества, низшие служащие министерства прекрасно понимали эту линию сановной бюрократии.

Викжель после своих неудач в деле создания нового правительства пытался захватить в свои руки управление министерством путей сообщения. Такую же попытку захвата министерства по прямому указанию «комитета спасения» сделал союз почтово-телеграфных служащих.

Провал и этих попыток толкнул саботажников на переход от пассивного сопротивления к активному вредительству. В Государственном банке всё делопроизводство и книги банка были сознательно перепутаны чиновниками. Даже в адресном столе путали

карточки, прятали материалы, создавали хаос. Делая вид, что они отказались от забастовки, саботажники старались скомпрометировать новый аппарат. Группа служащих Народного комиссариата труда в декабре 1917 года разоблачила эту новую тактику саботажников.

«Саботаж мнимых друзей народа,— писали служащие Народного комиссариата труда, — тактика которых заключается в том, чтобы являться на заседания, принимать участие в дебатах, расхолаживать, запугивать и стремиться к тому, чтобы не было никаких практических результатов, дабы можно было бы потом указать массам, что прошло столько-то времени, а большевики ничего не дали, они обманули массы, такой саботаж, — заключали служащие, — должен быть преодолён беспрерывной практической деятельностью»[1].

Саботирующим чиновникам оказали финансовую помощь старый Всероссийский центральный исполнительный комитет и подпольное Временное правительство.

Эсеро-меньшевистский Всероссийский центральный исполнительный комитет продолжал собираться на заседания и после II съезда Советов. Часть Всероссийского центрального исполнительного комитета первого созыва укрылась в Ставке и оттуда пыталась продолжать свою деятельность. В Петрограде было составлено бюро из 25 человек. На деньги, которые первый Всероссийский центральный исполнительный комитет не сдал своему законному преемнику, избранному II съездом, эсеро-меньшевики организовали саботаж и помощь «комитету спасения». Сотрудники «комитета спасения» получали жалованье от подпольного Всероссийского центрального исполнительного комитета. В подпольных заседаниях принимали участие И. Г. Церетели, Абрамович, Дан, Бройдо, Вайнштейн и др.

Всероссийский центральный исполнительный комитет даже пытался выпустить газету, но рабочие-печатники отказались её печатать. Это отжившее учреждение влачило жалкое существование. Эсеро-меньшевики обсуждали на своих заседаниях, как получить автомобили из гаража Центрального исполнительного комитета, как добиться бесплатных билетов в ложи Мариинского театра.

Также пыталось продлить своё существование сверх положенного ему историей времени и низложенное Временное правительство.

Шесть бывших министров и двадцать один товарищ (заместители) министра составляли так называемое правительство. Заседания происходили с 6 по 16 ноября. Состав участников часто менялся. Побывали на заседаниях бывшие министры: Никитин, Малянтович, Ливеровский, Гвоздев, Прокопович и несколько товарищей министров. Большинство министерств было представлено

либо товарищами министров, либо управляющими министерств. Такой состав «правительства» делал его неправомочным даже по нормам буржуазного права.

В. Д. Набоков, присутствовавший на одном из заседаний подпольного «правительства», писал:

> «Было обычное нестерпимое многословие, бесконечные речи, которых никто не слушает. Настроение в общем было отвратительное, а у иных, в особенности у Гвоздева, просто какое-то паническое. В качестве конкретных *мер борьбы* обсуждалась, кажется, только *одна чиновничья забастовка*» [1].

«Это уже было не существование, а прозябание, и прозябание довольно позорное» [2], — записал в своих воспоминаниях товарищ министра юстиции А. Демьянов.

3.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ СОВЕТОВ.

Твёрдая, уверенная политика Ленина взорвала манёвры агентов контрреволюции.

Потеряв надежду на успех комбинации «Керенский — Краснов—Викжель», Чернов рекомендует при организации центральной власти опереться на созданные краевые правительства Украины, Дона, Кубани, Туркестана.

Одновременно эсеры перенесли борьбу с большевиками на крестьянский съезд. Ещё в дни вооружённой борьбы за власть, 27 октября, Исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов постановил созвать съезд 10 ноября. Но как только стало выясняться революционное настроение в низовых организациях, эсеровский Исполнительный комитет крестьянских Советов сделал всё, чтобы сорвать съезд. На места давались самые противоречивые указания о времени созыва, норме представительства и пр. Многие делегаты возвращались с дороги, некоторые Советы отказались послать своих представителей, сбитые с толку указаниями эсеровского Исполнительного комитета.

8 ноября Исполнительным комитетом Советов крестьянских депутатов 27 голосами против 23 постановлено перенести съезд крестьян в Могилёв, где находилась Ставка. В качестве мотивов были выдвинуты: требования Чернова и Гоца, чтобы съезд протекал в «благоприятствующей» обстановке, чего нет в Петрограде, необходимость тесного участия фронта «в создании новой власти» [3].

Правые эсеры повторяли попытку Временного правительства, которое собиралось несколько недель тому назад бежать из революционного Питера в спокойную, как им казалось, Москву. Эсеры искали спасения в контрреволюционной Ставке. Но эсеры опоздали. 9 ноября частное совещание 120 делегатов Всероссийского крестьянского съезда постановило созвать съезд в Петрограде.

10 ноября съехались делегаты съезда. По предварительным данным было ясно, что большинство делегатов принадлежит к «левым» эсерам и большевикам. Не ожидавший такого состава Исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов начинает лавировать. Днём он устраивает заседание совместно с делегатами от губернских и армейских комитетов, т. е. верхушечных организаций, где проводит решение об отсрочке съезда до 30 ноября. Собравшимся делегатам решено предоставить право узкого совещания, притом лишив права решающего голоса уездных и волостных делегатов и делегатов от дивизий. Вечером собрались делегаты съезда. Большинством голосов решение Исполнительного комитета было провалено. Всем прибывшим делегатам было дано право решающего голоса, а самый съезд решили объявить чрезвычайным.

На следующий день, 11 ноября, правые эсеры предложили избрать в президиум съезда всех членов президиума Исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов, пополнив его представителями всех фракций. Но съезд решил избрать президиум пропорционально численности фракций. Правые эсеры демонстративно покинули съезд. Вместе с ними ушло несколько представителей губернских Советов и армейских комитетов. На этом заседании собрание объявило себя чрезвычайным съездом.

12 ноября съезд начал обсуждать вопрос о власти. «Левые» эсеры проявили те же бесконечные колебания из стороны в сторону. Они всё ещё пытаются протащить викжелевскую формулу организации правительства «от народных социалистов до большевиков». От Викжеля выступил Крушинский, заявив:

> «Источниками власти должны быть представительные органы революционной демократии. II съезд (Советов. — *Ред.*) недостаточно авторитетен, и Всероссийский центральный исполнительный комитет должен быть пополнен представительством от крестьян, армии, профессиональных союзов и городских самоуправлений. Мы войдём во Всероссийский центральный исполнительный комитет, если Вы, крестьянский съезд, решите туда войти» [1].

Используя метания «левых» эсеров, правые снова пытаются увлечь за собой съезд. От имени 150 делегатов член Исполнительного комитета правый эсер В. Я. Гуревич заявил, что они считают раскол преступлением, возвращаются на съезд и просят ввести в президиум представителей своей группы. В этот момент

на съезде появился Чернов. Правые эсеры предложили избрать его почётным председателем съезда. Против этого резко выступили большевики, поддержанные рядовыми делегатами. Матрос Киселёв, представитель гельсингфорсского гарнизона, выступил с резкой критикой контрреволюционной политики Чернова и руководителей крестьянского Исполнительного комитета. Он призывал крестьян к единому революционному фронту с рабочими и солдатами.

> «Я зову настоящих, а не авксентьевских мужиков к единению с солдатами и рабочими»[1], — заявил Киселёв.

«Землеробы из Смольного!» — злобно кричали в ответ кулацкие депутаты. Правые эсеры снова покинули заседание, и съезд перешёл к обсуждению вопроса о власти. Вносятся три резолюции: большевиков, «левых» эсеров и эсеров-максималистов. Перед обсуждением правые эсеры снова появились в зале, заявив, что возвращаются на съезд ввиду важности вопроса. Съезд принял по предложению «левых» эсеров резолюцию о создании правительства из социалистических партий «от народных социалистов до большевиков». По настоянию большевиков в резолюцию вошёл пункт об ответственности правительства перед Советами.

«Левые» эсеры явно маневрировали, пытались протащить черновские резолюции, но открыто выступить против большевиков не решались. Рядовые крестьяне и делегаты армии поддерживали большевиков. 13 ноября правые эсеры потребовали пересмотра резолюции, но съезд отказался обсуждать их заявление. Правые эсеры окончательно покинули съезд и постановили продолжать свои работы параллельно со съездом.

В результате предательской политики «левых» эсеров большинство съезда отказалось выслушать доклад председателя Совета народных комиссаров.

> «Если мы дадим слово народным комиссарам, — заявил Колегаев, — мы этим самым предрешим вопрос о власти»[2].

Ленин выступил на съезде как представитель фракции большевиков. Это не уменьшило значения его речи по аграрному вопросу. Ленин разоблачил политику эсеров, которые, «проповедуя конфискацию помещичьих земель на словах»[3], отказывались осуществлять её на деле.

В конце своей речи Ленин огласил резолюцию, в которой говорилось:

> «...осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 25 октября рабочей социалистической революции, ибо только социалистическая революция в состоянии обеспечить и безвозмездный переход земли к трудящемуся крестьянству...

Необходимым условием победы социалистической революции... является полный союз трудового, эксплоатируемого и трудящегося крестьянства с рабочим классом...» [1]

«Помещичье землевладение является основой крепостнического гнёта, и конфискация земель помещиков — это первый шаг революции в России, — сказал в своём докладе Владимир Ильич. — Но вопрос о земле не может быть решён независимо от других задач революции» [2].

Ленин резко обрушился на соглашательскую, колеблющуюся политику «левых» эсеров.

«Ошибка левых эсеров в том, что они... не выступали против политики соглашения, ссылаясь на то, что массы недостаточно развиты, — говорил Ленин. — Партия — это авангард класса, и задача её вовсе не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой. Но, чтобы вести колеблющихся, надо перестать колебаться самим» [3].

Прямые слова Ильича били «лево»-эсеровских лидеров.

«...но левые эсеры и до сих пор подают свою руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец, — продолжал Ленин. — Если соглашательство будет продолжаться, то революция погибла» [4].

Задача революции — порвать с соглашательством; а порвать с соглашательством — это значит стать на путь социалистической революции. Выступая перед крестьянами, Ленин смело разоблачал буржуазную ограниченность людей, претендовавших на руководство революцией.

«Если социализм может осуществиться лишь тогда, когда все до конца будут развиты, тогда, может быть, мы и в пятьсот лет не доживём до социализма» [5], — говорил Ленин.

«Левые» эсеры в один голос со своими союзниками — каменевцами и троцкистами — говорили о невозможности победы социализма в России.

В газете «левых» эсеров стремление советского правительства к осуществлению социализма называлось «воспалённой мечтой фантазёров и утопистов».

«Нет, товарищи, — отвечал на это Ленин на крестьянском съезде, — в России началась социалистическая, пролетарская революция. Народные массы желают распоряжаться своей судьбой... Рабочие и крестьяне покрыли Россию своими Советами, они распоряжаются своей судьбой, и это не фантазия, не утопия «воспалённого мечтателя...» [6].

И, обращаясь к «левым» эсерам, Ленин заключает:

«Наше соглашение возможно только на социалистической платформе, иначе оно не соглашение» [7].

Организованность большевистской фракции, работа большевиков среди делегатов съезда, особенно выступление Ленина, создали

перелом в настроениях съезда. Подавляющее большинство делегатов являлось представителями от армии, окопниками, деревенской беднотой. На съезде были оглашены 32 наказа армейских организаций с требованием перехода власти к Советам. Под давлением этой части делегатов «левые» эсеры вынуждены были пойти на большевистские условия объединения Советов. 15 ноября состоялось объединённое заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета и Чрезвычайного крестьянского съезда. С большим подъёмом был проведён первый шаг к объединению центральных органов рабочих, солдатских и крестьянских Советов.

Перед объединённым заседанием с Всероссийским центральным исполнительным комитетом делегаты крестьянского съезда собрались на чрезвычайное собрание. Одно только слово «соединение» вызвало шумные одобрения представителей крестьянских Советов. Бурными аплодисментами встретил зал делегатов из Смольного и от Красной гвардии. Представитель американской социалистической рабочей партии, приветствовавший съезд, заявил:

> «День соглашения съезда Советов крестьянских депутатов и Советов рабочих и солдатских депутатов — один из самых важных дней революции. Он откликнется глубоким эхом по всему миру: и в Париже, и в Лондоне, и за океаном — в Нью-Йорке»[1].

От Всероссийского центрального исполнительного комитета приветствовал крестьян Я. М. Свердлов.

> «Вашим соединением с Советами рабочих и солдатских депутатов вы закрепили дело всемирной революции. Это соглашение — один из самых выдающихся фактов революции»[2], — закончил свою речь председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета товарищ Свердлов.

У Смольного делегатов встретила Красная гвардия. Под развёрнутым красным знаменем с надписью «Да здравствует единство революционного трудового народа» крестьяне и красногвардейцы стройными рядами вошли в зал заседания Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Президиум соединённого заседания был составлен из президиумов Всероссийского центрального исполнительного комитета и крестьянского съезда. Выступавшие крестьяне с восторгом приветствовали объединение.

> «Я —представитель уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов, — заявил старик-крестьянин Р. И. Стаников. — Мне поручено передать, что вся власть должна принадлежать Советам. Жили мы не на воле, не на свете, но в каких-то гробах. Но наши борцы за народ страдали больше нас. Скованных сажали их и гноили в тюрьмах. Сегодня великий день. От Фонтанки (где проходил крестьянский съезд. — *Ред.*) до Смольного я не шёл, а летел. Не могу описать своей радости»[3].

В заключение Я. М. Свердлов предложил резолюцию, единогласно принятую собранием. Резолюция подтверждала декреты о мире и земле, принятые II съездом Советов.

Объединение Центрального исполнительного комитета крестьянских Советов с Всероссийским центральным исполнительным комитетом имело огромное значение. Это был важный шаг по пути укрепления союза пролетариата и трудящегося крестьянства.

Этот шаг значительно облегчил эмиссарам Всероссийского центрального исполнительного комитета и Военно-революционного комитета работу по объединению на местах рабочих и крестьянских Советов.

18 ноября Ленин выступил на заседании крестьянского съезда с заключительным словом.

Ленин прямо подчеркнул, что большевики идут на соглашение с «левыми» эсерами потому, что им «сейчас доверяют многие крестьяне»[1]. Блок с «левыми» эсерами был особой формой единого фронта, при проведении которого большевики получали возможность изолировать «левых» эсеров, оторвать от них крестьянские массы.

Большевики шли на этот блок, не поступаясь ни единым пунктом своей программы. Для большевиков чрезвычайно важно было вырвать колеблющихся из лагеря контрреволюции, присоединить к себе всех временных союзников.

> «... в войне, — говорил Ленин, — нельзя пренебрегать никакой помощью, даже косвенной. В войне даже положение колеблющихся классов имеет громадное значение. Чем более остра война, тем больше мы должны приобрести влияния на колеблющиеся элементы...»[2].

Эта тактика дала большевикам победу на крестьянском съезде. Рядовые делегаты крестьянского съезда полностью одобрили декреты большевиков о земле и мире. Представители мест рассказали, что крестьяне отвернулись от партии эсеров и с восторгом приняли декреты советской власти. Каждый день приносил новые известия о победе советской власти в стране. По неполным сведениям власть Советов утвердилась кроме столиц в Харькове, Нижнем-Новгороде, Одессе, Екатеринославе, Самаре, Саратове, Казани, Ростове, Владимире, Ревеле (Прибалтика), Пскове, Минске, Красноярске, Орехово-Зуеве, Царицыне, Уфе. 19 ноября Чрезвычайный крестьянский съезд избрал Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов. Все 108 избранных вошли в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

4.

ВЫСТУПЛЕНИЕ КАДЕТСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

Успехам победившего народа контрреволюция противопоставила не только саботаж.

Контрреволюция пыталась превратить в один из центров антисоветской борьбы Петроградскую городскую думу. Дума имела опыт такой борьбы. Петроградская дума пыталась созвать в Петрограде «Собор» городских и земских самоуправлений с тем, чтобы противопоставить местные думы и земства Советам. «Собор» не состоялся, так как в Петроград приехали представители не более 20 городов. Петроградская дума руководила саботажем во всех коммунальных учреждениях, связывалась с иностранными послами, собирала силы.

15 ноября вопрос о Петроградской думе обсуждался на заседании Совета народных комиссаров. «Центральная городская дума явно и окончательно утратила право на представительство петроградского населения, придя в полное противоречие с его настроениями и желаниями», — гласило постановление Совета народных комиссаров. Совет народных комиссаров отметил, что дума пользуется своими правами «для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва планомерной общественной работы». Совет народных комиссаров постановил распустить контрреволюционную Петроградскую думу.

Правые эсеры и меньшевики пытались игнорировать постановление Совета народных комиссаров. После декрета о роспуске Петроградской думы последняя продолжала функционировать.

20 ноября в здании думы стали собираться гласные. Здание было заполнено вооружёнными красногвардейцами и матросами. Матросы вступали с гласными думы в политические споры и дискуссии. В 7 часов 30 минут городской голова и председатель думы, надев знаки своего звания, направились в зал заседания. За ними толпой шли гласные и служащие. Матросы не пустили думцев в зал заседания, но гласные сумели проникнуть в зал другим ходом... Началось заседание думы. Вооружённые красногвардейцы и матросы ворвались в зал заседания и потребовали от думы немедленно удалиться из Александровского зала.

Для ответа думе было дано 5 минут.

Тут же городская дума принимает решение:

«Заслушав через председателя думы заявление гражданина матроса о прекращении ею работ по требованию военно-революционного комитета, городская дума протестует против насилия...»[1]

Матрос, принесший приказ, нетерпеливо поглядывал на часы.

— Осталось всего две минуты, — предупредил он.

Второпях гласные принимают резолюцию, в которой заявляют, что не прекращают своей деятельности и используют первую возможность, чтобы вновь собраться.

Пять минут закончились. Составляется протокол о разгоне думы, который подписывается гласными и матросами.

24 ноября на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета «левые» эсеры пытались дать бой по вопросу о роспуске думы. Карелин предложил от имени «лево»-эсеровской фракции резолюцию, в первой части которой отменялось решение Совета народных комиссаров о роспуске думы, а во второй части дума объявлялась распущенной, так как она «пошла против настроений и мнений широких масс населения»[1]. В этой резолюции как нельзя лучше проявился характер «лево»-эсеровских болтунов. Выступить в защиту думы «левые» эсеры не решались. Но они сочли этот момент удобным для того, чтобы ещё раз противопоставить Всероссийский центральный исполнительный комитет Совету народных комиссаров.

Но эта попытка не удалась. Всероссийский центральный исполнительный комитет большинством голосов утвердил декрет Совета народных комиссаров о роспуске Петроградской думы.

Потерпев неудачу с Петроградской городской думой, кадетские руководители контрреволюции попытались организовать новый антисоветский заговор.

Выполняя волю кадетов, эсеры и меньшевики призвали население Петрограда выйти 28 ноября на демонстрацию против советского правительства. В этот день по решению Совнаркома в Таврическом дворце должно было открыться Учредительное собрание при условии, если в Петроград прибудет не менее 400 депутатов. Оставшиеся на свободе члены свергнутого народом Временного правительства и незаконного Всероссийского центрального исполнительного комитета первого созыва призвали депутатов явиться 28 ноября к 2 часам дня в Таврический дворец. Эсеры и меньшевики призывали рабочих в этот день объявить забастовку. Разрабатывались планы антисоветских демонстраций. Ясно было, что под прикрытием Учредительного собрания готовится заговор, имеющий целью свержение советской власти.

20 ноября на заседании Совнаркома выступил Сталин с предложением частичной отсрочки созыва Учредительного собрания. Совнарком вынес решение, в котором предлагал Сталину и Петровскому взять в свои руки комиссию по созыву Учредительного собрания, взять на учёт все документы комиссии с тем, чтобы правильно ориентироваться в положении вещей.

В это же время Ленин разработал декрет о праве отзыва из Учредительного собрания. Декрет предоставлял Советам право

отзывать депутатов Учредительного собрания. 21 ноября Всероссийский центральный исполнительный комитет принял ленинский декрет. Ряд Советов вынес решения об отзыве из Учредительного собрания депутатов — членов партии эсеров: Авксентьева, Гоца, Лихача, Аргунова, Брешко-Брешковской, Булата и др.

Центральный комитет кадетской партии усиленно готовил на 28 ноября вооружённое выступление против Советов. Всем членам московской организации кадетов было предложено выехать в Петроград для участия в выступлении.

Партия кадетов являлась политическим штабом всех контрреволюционных организаций. За период 1917 года кадеты накопили большой опыт организации контрреволюционных выступлений. После Октябрьской революции кадеты старались оставаться в тени, выдвигая на первый план эсеров и меньшевиков (главным образом первых). Лидеры кадетов перешли на нелегальное положение.

17 ноября все антисоветские газеты поместили воззвание подпольного Временного правительства с призывом сплотиться вокруг Учредительного собрания. Кучка бывших министров торжественно назначала открытие Учредительного собрания на 28 ноября, в 2 часа дня, в здании Таврического дворца. На следующий день Военно-революционный комитет издал приказ об аресте оставленных на свободе членов Временного правительства.

Совершенно ясно, что кадеты, задумавшие эту комедию, не могли рассчитывать на немедленный успех. Сводки о ходе выборов свидетельствовали, что к 28 ноября в Петроград сумеет прибыть не более 100 делегатов.

Расчёт кадетов был прост: несомненно большевики не допустят незаконного созыва Учредительного собрания; тогда действия большевиков можно будет представить как насилие над Учредительным собранием; тем самым лозунг созыва Учредительного собрания превратится в лозунг защиты уже созванного Учредительного собрания. Вокруг этого лозунга можно было бы объединить контрреволюцию окраин страны и антисоветские элементы центра.

Кадеты и эсеро-меньшевики деятельно готовились ко дню «открытия» Учредительного собрания. Подпольный ВЦИК первого созыва отпустил средства на организацию демонстрации. Съезд партии эсеров, заседавший в эти дни в Петрограде, решил целиком принять участие в демонстрации.

Все эти приготовления были известны органам диктатуры пролетариата. 20 ноября на заседании Совнаркома было принято решение об усилении петроградского гарнизона и принятии энергичных мер для вооружения матросов. Предполагалось сосредоточить в Петрограде к 27 ноября 10—12 тысяч матросов, использовав для этого матросский съезд, заседавший в Петрограде.

«Антисоветская демонстрация». *Карикатура Кукрыниксы.*

Утром 28 ноября, по приказу Военно-революционного комитета, на квартире у графини Паниной были арестованы члены Центрального комитета кадетской партии — Шингарёв, Кокошкин, кн. П. Д. Долгоруков и товарищ министра путей сообщения Константинов.

28 ноября в Петрограде собралось всего 172 депутата Учредительного собрания. Но отсутствие кворума не смущало контрреволюцию. Кадеты, эсеры и меньшевики организовали в этот день контрреволюционную демонстрацию. Перед Таврическим дворцом проходила толпа возбуждённых буржуа, чиновников, офицеров. Контрреволюционеры подняли белые и зелёные знамёна с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию». Жидкий оркестр бесконечно тянул «Марсельезу». Гимн некогда революционной буржуазии должен был вдохновить демонстрантов. Контрреволюция рядилась в одежды, давно забытые на буржуазном Западе. «Марсельеза», конвент, «комитет общественной безопасности», «комитет общественного спасения» — все эти названия имели широкое хождение среди партий контрреволюции в 1917 году.

У решётки Таврического дворца петроградский городской голова Шрейдер обратился к толпе с речью. Патетическим тоном Шрейдер провозгласил, что день 28 ноября является величайшим

днём в истории России. Указывая на Таврический дворец, Шрейдер кричал:

«Поклянёмся, что мы не допустим никого посягать на это последнее прибежище России. Поклянёмся, что будем защищать Учредительное собрание до последней капли крови».

И люди в тяжёлых дорогих шубах, офицерских и чиновничьих шинелях нестройно, на разные голоса кричали: «Клянёмся!»

Вслед за этим Шрейдер подошёл к боковым воротам. За ним хлынула толпа. Охрана дворца не могла устоять против натиска контрреволюционных демонстрантов. Несколько тысяч вооружённых белогвардейцев, юнкеров, буржуа и саботажников-чиновников прорвали охрану Таврического дворца. Кучка эсеро-кадетских депутатов объявила себя частным совещанием членов Учредительного собрания. Всё это произошло не только как результат применения белогвардейщиной силы. Некоторые солдаты из охраны Таврического дворца под влиянием контрреволюционной агитации стали тут же разряжать винтовки. Лозунг Учредительного собрания ещё не потерял силы.

Вечером 28 ноября, после кадетской демонстрации, в Смольном собрался Совет народных комиссаров. После демонстрации и попытки кадетов «открыть» Учредительное собрание план контрреволюции был ясен. Разрозненные выступления калединцев, дутовцев и украинских националистов политически объединялись контрреволюционной демонстрацией в столице и «открытием» Учредительного собрания. Но нужна была гениальность Ленина, чтобы за всеми этими планами разглядеть политический штаб, руководивший всей контрреволюционной затеей, — кадетскую партию. На поверхность всплыли эсеры и меньшевики, взявшие на себя роль бешеных псов контрреволюции. Кадеты скромно отодвигались в тень, руководя всеми действиями эсеров и меньшевиков. Удар нужно было направить в политический центр контрреволюции. Таким центром была партия кадетов.

«Когда говорят, что кадетская партия не сильная группа, — говорят неправду, — заявил Ленин. — Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее кадетов»[1].

Партия, которая была сильна экономической мощью буржуазии, политической выучкой в хлеве третьеиюньской монархии, связью с кадрами государственного аппарата, — эта партия, глубоко враждебная народу, была крайне опасной для революции. Это разгадал Ленин.

В 10 часов 30 минут вечера 28 ноября по предложению Ленина Совнарком принимает «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции».

«Члены руководящих учреждений партии кадетов, как нар-

тии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов, — гласил декрет. — На местные Советы возлагается обязанность особого надзора за партией кадетов ввиду её связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции. Декрет вступает в силу с момента его подписания»[1].

Декрет был подписан Лениным, Сталиным, Петровским, Менжинским, Шлихтером и др.

В это время лидеры кадетов — Шингарёв, Кокошкин, Долгоруков находились под арестом в 56-й комнате Смольного, где помещалась канцелярия следственной комиссии.

Пользуясь недостаточной организованностью нового аппарата, кадеты проникали в Смольный и поддерживали связь с арестованными.

«Целый день заходило к нам много посетителей, — записал Шингарёв в дневнике. — Приходили гласные городской думы; представители «комитета общественной безопасности» и другие».

Около 12 часов ночи в комнату к арестованным кадетам вошёл комиссар Военно-революционного комитета и прочитал им декрет. Кадеты были немедленно окружены вооружёнными красногвардейцами. В эту же ночь Шингарёв, Кокошкин и Долгоруков были отправлены в Петропавловскую крепость.

Кадеты и эсеро-меньшевики после июльских дней 1917 года грозили объявить большевиков врагами народа.

«Мы им говорили тогда: — рассказывал Ленин на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета 1 декабря. — «Да, если вы это можете сделать, то попробуйте. Попробуйте сказать народу, что партия большевиков, как партия, как направление, враг народа»[2].

Но кадеты и эсеры не посмели это сделать. Они направили свою классовую ненависть против отдельных членов большевистской партии.

Большевики же смело и открыто объявили партию «Народной свободы» партией врагов народа. В представлении масс «кадет» и «корниловец» слились в одно понятие ещё в августовские дни 1917 года. Декрет Ленина закрепил в государственном порядке эту народную ненависть. На весь период гражданской войны за красновцами, деникинцами, колчаковцами, врангелевцами прочно сохранилась единая кличка «кадеты».

Народная ненависть к кадетской партии накапливалась издавна, задолго до Октябрьской революции. Кадет Милюков, кадет Шингарёв, кадет Львов были олицетворением антинародной политики Временного правительства. Кадеты, организаторы саботажа, вдохновители калединщины, стояли на дороге могучего народного движения и грозили вернуть ненавистное прошлое.

«Все завоевания народа, и в том числе — близкий мир, поставлены на карту,— гласило правительственное сообщение. — На Юге — Каледин, на Востоке — Дутов; наконец, в политическом центре страны; в Петрограде — заговор Центрального комитета кадетской партии, которая непрерывно направляет на Юг помощь Каледину — корниловцев-офицеров. Малейшая нерешительность или слабость народа может закончиться крушением Советов, крушением дела мира, гибелью земельной реформы, новым всевластием помещиков и капиталистов».

«Совет народных комиссаров; — говорится далее в сообщении, — обязуется не слагать оружия в борьбе против кадетской партии и её калединских войск. Политические вожди контрреволюционной гражданской войны будут арестованы. Буржуазный мятеж будет подавлен, чего бы это ни стоило»[1]. 30 ноября отряд матросов прекратил незаконные «частные совещания» депутатов Учредительного собрания в Таврическом дворце.

5.

СЛОМ БУРЖУАЗНОГО АППАРАТА ВЛАСТИ И СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА.

Во всех комиссариатах борьба с саботажем ускоряла создание нового аппарата и слом старого. Введённый сначала контроль над банками как переходная мера к национализации был встречен в штыки чиновниками банков. Для того чтобы получить по требованию Совета народных комиссаров из Государственного банка 10 миллионов рублей, понадобилось арестовать директора банка Шипова и пригрозить чиновникам Красной гвардией. Саботаж заставил ускорить переход к национализации банков. На заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета 8 ноября по докладу товарища Менжинского была вынесена резолюция, предлагающая «Совету народных комиссаров принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа контрреволюционеров Государственного банка»[2].

Такое же положение было и в Наркомпочтеле. Эсеро-меньшевистский Центральный комитет союза почтово-телеграфных служащих возглавил саботаж в министерстве. По его инициативе была создана «деловая» тройка по руководству министерством из чиновников-монархистов. Чтобы сломить саботаж почтовиков, из Кронштадта были вызваны матросы-телеграфисты. Овладев теле-

графом, матросы к середине ноября выгнали саботажников из министерства.

В министерстве труда саботаж возглавлялся меньшевиками. В Мраморном дворце, где помещалось министерство труда, было совершенно пусто—столы все заперты, чиновников нет. По коридорам, как тени, ходили князья — сыновья Константина Константиновича. При Скобелеве и Гвоздёве они оставались хозяевами дворца. Спустя несколько дней после Октябрьской революции князей выгнали, ибо они начали растаскивать ценности дворца. Чиновники-гвоздёвцы не отставали от них, они украли кассу и отчётность. Несмотря на саботаж, комиссариат взялся за осуществление социального страхования и рабочего контроля. В Народный комиссариат труда были направлены рабочие петроградских заводов.

Одной из важнейших задач советской власти было создание революционного порядка в столице. Народный комиссариат внутренних дел создал комитет по охране порядка. Во главе комитета стал К. Е. Ворошилов.

Контрреволюция пыталась организовать в столице погромные; анархические выступления. Организация Пуришкевича разбрасывала по городу листовки с указанием адресов винных складов. По улицам Петрограда шмыгали специальные наводчики, переодетые «под рабочих», и организовывали анархиствующие элементы на разгром винных складов. «Допьём романовские остатки» — под этим лозунгом контрреволюция пыталась внести дезорганизацию и анархию в революционный Петроград.

У разгромленных винных складов образовались очереди. В Зимнем дворце были замурованные погреба, в которых хранились ценные вина. Чиновники нарочито указывали охране Зимнего местонахождение этих погребов, желая споить части. Солдаты, стоящие на посту, штыками вытаскивали кирпич за кирпичом и проникали в погреба Зимнего и Эрмитажа. Вокруг Зимнего стояли огромные толпы людей, пытавшихся проникнуть в погреба. Очередь за вином тянулась от Зимней канавки до Литейного моста и по Миллионной улице до Марсова поля. Почти одновременно было разгромлено более двадцати винных складов. Пьяные погромы, происходившие в разных концах города, серьёзно угрожали революционному порядку столицы. В некоторых местах пьяные погромы превращались в антисоветские демонстрации. В Зимнем ставили одну охрану за другой — солдаты спивались. Порядок удалось восстановить, создав отряды из коммунистов, революционных матросов и красногвардейцев.

В деле охраны революционного порядка большую роль сыграла рабочая милиция.

Милиция Временного правительства носила в себе все черты старой царской полиции.

В первые же дни Октябрьской революции эта важнейшая часть старого государственного аппарата была разрушена. Декрет от 28 октября установил, что все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию, состоящую в полном ведении Советов.

Ни меньшевики, ни их вдохновители в своих расчётах на саботаж, о который должны были обязательно споткнуться большевики и «провалиться в пропасть», не были оригинальны. В 1871 году, во время восстания французских рабочих, этот же приём употребил руководитель контрреволюции министр Тьер. Коммунары, пришедшие в думу и мэрии, застали пустые помещения. Когда Артур Арну пришёл в министерство иностранных дел, единственными его проводниками были сторож и полотёр.

Но российские саботажники просчитались. Они полагали, что пролетарская революция поступит с буржуазным государством так же, как и все предшествующие революции.

Большевистское отношение к государственному аппарату было построено на гранитной теории Маркса — Ленина; теории, проверенной в дни Парижской коммуны и революции 1905 года. Опыт Февральской революции 1917 года ещё раз подтвердил непоколебимость этой теории.

«Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: — писал Ленин, — чиновничьи места... стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьёзных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учредительного собрания» — а Учредительное собрание оттягивать помаленьку до конца войны! С дележом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного собрания не ждали! Игра в комбинации насчёт состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого дележа и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всём центральном и местном управлении»[1].

Незадолго до пролетарской революции, в послеиюльском подполье, Ленин изложил взгляды большевиков на государство в книге «Государство и революция».

Ленин прозорливо видел, что в наступающих революционных боях пролетариату, штурмующему твердыни капиталистического строя, потребуется отточенная теория. Именно поэтому Ленин использовал свой вынужденный отход от открытой политической деятельности для работы над книгой «Государство и революция».

Книга ещё не была закончена, когда с наступлением холодов, в начале сентября, Ленину пришлось переехать в Финляндию. Садясь на паровоз, Владимир Ильич передал сопровождавшему

Арест саботажников Государственного банка.

Рисунок А. М. Ермолаева.

его рабочему синюю тетрадку и несколько раз повторил, чтобы эту тетрадь он берёг пуще глаза, а в случае ареста его, Ленина, передал тетрадь Сталину.

Паровоз благополучно проехал границу. Ленин первым делом спросил, цела ли тетрадь, и, получив драгоценную рукопись, спрятал её.

Тетрадка в синей обложке с заголовком «Марксизм о государстве» содержала ленинские выписки из произведений Маркса, Энгельса и др., над которыми Ленин работал ещё в начале 1917 года в Швейцарии, в читальном зале Цюрихской библиотеки.

Работа над книгой была закончена уже в Финляндии в сентябре 1917 года.

В этой блестящей работе Ленин восстановил гениальные идеи Маркса, извращённые оппортунистами, скрытые под спудом русскими и международными меньшевиками.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс сделал вывод о необходимости установления господства пролетариата, о том, что государство пролетариату необходимо как особая организация насилия против буржуазии. Но в «Коммунистическом манифесте» ещё не было сформулировано, как должен относиться пролетариат к государственной машине буржуазии. Маркс и Энгельс приходят

к этому выводу в результате обобщения опыта революции 1848—1851 годов.

Ленин приводит выдержку из работы Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта»:

«...парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. *Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать её*»[1].

«В этом замечательном рассуждении, — подводит итог Ленин, — марксизм делает громадный шаг вперёд по сравнению с «Коммунистическим манифестом». Там вопрос о государстве ставится ещё крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определённый, практически осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а её надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве»[2].

«*Разбить* эту машину, *сломать* её — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование»[3], — подчёркивал Ленин.

В своей книге «Государство и революция» Ленин впервые развил и обосновал учение о Республике Советов как государственной форме диктатуры пролетариата.

Вплоть до второй русской революции в феврале 1917 года марксисты всех стран считали парламентарную демократическую республику наиболее целесообразной формой политической организации общества в переходный период от капитализма к социализму. Маркс в 70-х годах указывал, что политическая организация типа Парижской коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата. Но это указание не получило дальнейшего развития в трудах Маркса.

В «Критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Энгельс снова заявил, что

«...наша партия и рабочий класс могут притти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата...»[4].

Это положение Энгельса стало потом руководящим началом для всех марксистов, в том числе и для Ленина.

Правда, на основании опыта революции 1905 года Ленин пришёл к выводу, что Советы являются зачатком революционной вла-

сти в период свержения царизма. В 1915 году Ленин указывает, что «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти»[1]. Но ни в 1915 году, ни позже — вплоть до Февральской революции 1917 года — Ленин не знал ещё «объединённую в государственном масштабе советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата...»[2](*Сталин*).

Основываясь на учении марксизма, на опыте Парижской коммуны, революции 1905 года и особенно на опыте первого этапа революции 1917 года, Ленин приходит к выводу о Республике Советов как государственной форме диктатуры пролетариата. Уже в Апрельских тезисах Ленин формулирует своё учение о Республике Советов, но подробно Ленин развил и теоретически обосновал этот вывод осенью 1917 года в книге «Государство и революция».

Ленин формулирует необходимость слома старой государственной машины и замены её не демократической республикой, а Советами рабочих депутатов. К этому же выводу пришёл Сталин, выступивший в марте 1917 года в «Правде» с требованием повсеместного объединения Советов и создания Центрального Совета рабочих и солдатских депутатов. Ленин и Сталин так же, как и Маркс, не сочиняли форм новой власти, а изучали, «*как* сами революции «*открывают*»... её, как само рабочее движение *подходит* к этой задаче, как *практика* начинает решать её»[3].

Перед самым Октябрьским восстанием гениальный руководитель революции пишет брошюру: «Удержат ли большевики государственную власть?» В ней Владимир Ильич с исключительной смелостью и простотой намечает и разрешает те практические вопросы, с которыми встретится победившая революция. Особое место в этом конкретном плане Ленин уделяет одной «из самых серьёзных, самых трудных задач, стоящих перед победоносным пролетариатом», — отношению к государству.

> «Под государственным аппаратом, — писал Ленин, — разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество... А Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить её в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить её новой... Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[4].

Ленин учил не только тому, что сделает пролетариат с буржуазным аппаратом власти, но и как он поступит с теми учреждениями, которые не выполняют угнетательских функций.

«Кроме преимущественно «угнетательского» аппаратапостоян-

ной армии, полиции, чиновничества, — писал Ленин, — есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учётно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать*, *отсечь*, *отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным»[1].

Под таким аппаратом Ленин имел в виду банки, почту, телеграф, потребительские союзы. Но и этот аппарат можно использовать, только разгромив буржуазное государство, только «отрезав, отрубив» капиталистов. Мало того, Ленин прямо подчёркивал, что и в самом неугнетательском аппарате пролетариату придётся столкнуться с сопротивлением высших служащих.

«А с высшими служащими, которых очень немного, но которые тянут к капиталистам, — писал Ленин, — придётся поступить, как с капиталистами, «по строгости». Они, как и капиталисты, окажут *сопротивление*. Это сопротивление надо будет *сломить*...»[2]

Саботаж чиновников затруднял использование отдельных частей старого сломанного аппарата. Но вместе с тем сопротивление чиновников ускоряло сроки окончательного слома старой машины и создания новой. В борьбе с саботажем создавался новый государственный аппарат, выраставший из Советов.

Советское правительство, составленное решением II съезда Советов, немедленно приступило к работе. Однако новые комиссариаты были без аппарата. Они не имели даже помещений. Народные комиссары расположились в Смольном. В комнатах Смольного появились небольшие столики с надписями: «Народный комиссариат...» Большевики, назначенные комиссарами, утомлённые бессонными ночами восстания, немедленно приступали к работе.

Товарищ Менжинский 30 октября был назначен народным комиссаром финансов.

Для того чтобы немедленно выполнить постановление правительства, товарищ Менжинский с одним из товарищей принёс в комнату управления делами Совнаркома большой диван и укрепил над ним надпись: «Комиссариат финансов». Затем уставший от бессонных ночей товарищ Менжинский тут же улёгся спать.

Владимир Ильич прочитал надпись над спящим комиссаром и, смеясь, сказал: «очень хорошо, что комиссары начинают с того, что подкрепляются силами»[3].

В эти дни после Октябрьской революции народные комиссары почти не появлялись в старых министерствах. Эсеры, меньшевики и кадеты расценивали этот факт как слабость большевиков.

Постановление Совета Народных Комиссаров, написанное И. В. Сталиным, о реквизиции типографии буржуазной газеты для надобностей Балтфлота.

«Никто их торжеству, — писал Демьянов, — всерьёз не верил, да и сами большевики не были уверены, что властью они завладели по-настоящему. Это сказывалось между прочим в том, что на ту отрасль правления, которая выражалась в государственной деятельности министерства, они в первое время почти совсем не обращали внимания»[1].

Старые бюрократы так же, как и меньшевики, не представляли себе возможности организации государственного аппарата помимо министерств. Старый аппарат по инерции продолжал работать. Попрежнему чиновники являлись в министерства, попрежнему министерства рассылали во все концы России бесчисленные бумаги. В тех случаях, когда народные комиссары пытались начать свою работу с принятия дел в соответствующем министерстве, они встречали пассивное сопротивление чиновников.

Стоило народному комиссару появиться в здании министерства, как залы министерства моментально пустели. На местах оставались технический персонал и служащие, сочувствующие большевикам.

В первые дни существования советской власти народные комиссары пытались использовать обломки старого государственного аппарата. Это были обломки, ибо власти у этого аппарата уже не было. Но в то же время эти обломки нужно было подчинить себе, овладеть связями, отобрать живых людей. В этот короткий промежуток времени после Октябрьской революции некоторые народные

комиссары подписывали декреты как «комиссары министерств». А. В. Луначарский в первой декларации о принципах организации народного просвещения писал:

«Текущие дела должны итти пока своим чередом через министерство народного просвещения» [1].

Но развернувшийся саботаж показал, что сломать в старом аппарате нужно как можно больше, а возможностей использования старого, даже обломков, оказалось очень мало. Саботаж чиновников принимал самые разнообразные формы — от открытого отказа работать до наивных попыток запутать представителей Советов в канцелярском делопроизводстве. Когда члены коллегии при комиссариате почт и телеграфа пришли в министерство, чиновники потребовали документ, подтверждающий полномочия коллегии на управление министерством. Такой документ был составлен и дан на подпись Ленину.

Чиновники, рассмотрев документ, пошушукались и заявили, что мандат недействителен, так как бумага без исходящего номера и на документе нет печати. Ленину рассказали о случившемся. Владимир Ильич, внимательно рассмотрев бумагу, рассмеялся, заметив:

«Они правы. Подобный официальный документ должен быть за печатью и исходящим номером. Ну, а в министерстве вы крепко сидите! Стало быть, революцию можно делать и без исходящего» [2].

Контрреволюция рассчитывала, что у большевиков не найдётся людей для работы в новом государственном аппарате.

Но Военно-революционный комитет ещё 29 октября обратился ко всем районным военно-революционным комитетам со следующим предписанием:

«Сообщите всем фабрично-заводским комитетам, районным правлениям профессиональных обществ, больничным кассам, партийным комитетам и прочим пролетарским организациям, чтобы они немедленно выявили лиц, желающих работать в революционных организациях в качестве бухгалтеров, машинисток, писцов, артельщиков, посыльных служителей и пр. (независимо от пола) на постоянных или временных должностях» [3].

Несколько позже, 17 ноября, когда полностью развернулся саботаж чиновников, с таким же постановлением выступил Петроградский Совет.

«1...Порвать решительно и немедленно, — гласит это постановление, — с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники.

2. Разделить без всякой оттяжки районные и общегородской Советы на отделы, из которых каждый берёт на себя ближай-

шее участие в той или иной области государственного управления.

3. Привлечь к каждому такому отделу наиболее сознательных и способных в организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить полученные таким образом силы на помощь каждому народному комиссару.

Пусть всякий сознательный рабочий и солдат поймёт, что только самостоятельность, энергия, энтузиазм трудящихся могут упрочить победу начавшейся социальной революции. Пусть каждая группа рабочих и солдат выделяет таящиеся в народе и придавленные до сих пор гнётом капитала и нужды организаторские силы»[1].

Народные комиссариаты первоначально создавали небольшое ядро работников, при помощи которых можно было приступить к ломке старого аппарата и строительству новой государственной машины. Эти люди, приходящие на работу в советские органы, были в подлинном смысле слова новыми людьми, людьми нового класса, поднявшимися из глубочайших пластов народных масс.

«...пролетарская революция сильна именно глубиной своих источников»[2], — говорил не раз Ленин.

На руководящую государственную работу направляли людей Центральный Комитет большевистской партии, Военно-революционный комитет, лично Ленин, Сталин и Свердлов. Выделяли лучших людей районные Советы, комитеты большевистской партии, профессиональные союзы, заводские комитеты, Красная гвардия и другие организации.

Одним из важнейших комиссариатов был Народный комиссариат по делам национальностей. В условиях многонациональной страны этот новый орган государственного аппарата должен был сыграть исключительную роль. В первые же дни советской власти вопрос о том, за кем пойдут массы угнетённых национальностей — за «своей» национальной буржуазией или за рабочим классом,— был вопросом существования и дальнейшего развития революции. Именно поэтому во главе Народного комиссариата по делам национальностей партия поставила Сталина. Лучший ученик Ленина — руководитель и вождь большевистских организаций Сталин был известен и как теоретик большевизма по национальному вопросу.

Так же, как и другие комиссариаты, Народный комиссариат по делам национальностей начинал свои первые шаги в Смольном. В одной из комнат Смольного, в которой уже помещалось несколько учреждений, появился столик и над ним надпись: «Народный комиссариат по делам национальностей».

До конца 1917 года аппарат Народного комиссариата по делам национальностей состоял из трёх человек. «Управляющим канцелярией» Народного комиссариата по делам национальностей

был большевик Феликс Сенюта, который сменил молоток сапожника на портфель государственного деятеля.

Сталин развернул огромную деятельность по сплочению масс угнетённых национальностей Востока и Запада вокруг революционной России.

В эти первые дни советской власти народный комиссар по делам национальностей пишет программные документы, определившие политику советской власти в национальном вопросе.

2 ноября за подписью Ленина и Сталина была опубликована «Декларация прав народов России».

Декларация была написана Сталиным. Она простым, сильным языком говорила о стремлениях и чаяниях сотен миллионов угнетённых трудящихся масс всего мира.

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются *крестьяне* от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются *солдаты и матросы* от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются *рабочие* от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Всё живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только *народы России*, терпевшие и терпящие гнёт и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой *добровольного и честного* союза народов России.

В период империализма, после Февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придирок и провокации, прикрывающейся словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к *полному взаимному доверию* народов России...

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу,

способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии.

Исходя их этих положений, I съезд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

II съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определённо.

Исполняя волю этих съездов; Совет народных комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп; населяющих территории России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по делам национальностей»[1].

В этих четырёх пунктах определена программа действий первого в мире пролетарского государства по национальному вопросу.

22 ноября было опубликовано написанное Сталиным воззвание «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Это воззвание было опубликовано от имени Совета народных комиссаров за подписями Ленина и Сталина. Воззвание призывало:

«Товарищи! Братья!

Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир; мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит рабочее и крестьянское правительство России; Совет народных комиссаров...

Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России; татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, тюрки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа; все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновен-

ными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и её органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и её полномочное правительство!»[1]

Воззвание от имени Совета народных комиссаров заявляло о полном уничтожении тайных договоров о захвате Константинополя, о разделе Персии и Армении.

Классовые враги пролетариата в борьбе с Октябрьской революцией распространяли слухи о преследовании большевиками религии. Эти слухи особенно действовали на отсталые национальности, которым раньше насильно навязывали православие и для которых борьба за сохранение религии отождествлялась с мыслью о борьбе за сохранение своей национальности. «Воззвание» решительно пресекало клеветнические вымыслы врагов пролетарской революции. Новая, советская власть громогласно заявила о прекращении всяких национальных и религиозных преследований.

Воззвание к мусульманам наглядно показало, какая огромная пропасть лежит между империалистской и советской национальной политикой.

Царская Россия являлась пугалом для своих более слабых восточных соседей. Мусульманские народы Турции, Персии и других стран жили под постоянным страхом, что их может постигнуть участь Туркестана и Закавказья, превращённых царизмом в колонии.

И вот пришла новая, революционная власть, которая заявляет самым решительным образом, что она покончила раз навсегда с империалистской политикой царской России.

Эти заявления были претворены Советами в жизнь.

Когда Финляндский сейм высказался за отделение от России, Совет народных комиссаров 18 декабря 1917 года опубликовал декрет о признании независимости Финляндской республики. Вслед за этим 22 декабря Всероссийским центральным исполнительным комитетом была принята по докладу Сталина «Декларация революционного правительства о независимости Финляндии».

Вековая политика царизма воспитала в трудящихся массах Финляндии недоверие ко всему русскому. Подтвердив отделение Финляндии, советское правительство показало, что оно ни в какой степени не стремится к угнетению народов. Финляндский рабочий класс убедился, что союз с Советской Россией не грозит ему национальным порабощением.

Бурный отклик вызвало среди зарубежных угнетённых народов решение советского правительства по вопросу о Турецкой Армении.

В декабре 1917 года народный комиссар по делам национальностей Сталин опубликовал следующее обращение:

«Турецкая Армения — единственная, кажется, страна, занятая Россией «по праву войны». Это самый «райский уголок», который долгие годы служил (продолжает служить) предметом алчных дипломатических вожделений Запада и кровавых административных упражнений Востока. Погромы и резня армян с одной стороны, фарисейское «заступничество» дипломатов всех стран, как прикрытие новой резни, с другой стороны. В результате же окровавленная, обманутая и закабалённая Армения... Становится явным, что путь освобождения угнетённых народов лежит через рабочую революцию, начатую в России в октябре. Теперь ясно для всех, что судьбы народов России, особенно же судьбы армянского народа, тесно связаны с судьбами Октябрьской революции. Октябрьская революция разбила цепи национального угнетения. Она разорвала царские тайные договоры, сковывавшие народы по рукам и ногам. Она, и только она, сможет довести до конца дело освобождения народов России»[1].

Вскоре за обращением Сталина последовал декрет Совета народных комиссаров от 29 декабря 1917 года «О Турецкой Армении». В нём объявлялось, что

«...Рабочее и Крестьянское правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией Турецкой Армении на свободное самоопределение...»[2]

Огромное, всемирно-историческое значение имело опубликование советским правительством тайных грабительских договоров, заключённых царским и Временным правительствами.

В Комиссариат иностранных дел, как и в другие народные комиссариаты, пришли рабочие, матросы, красногвардейцы — подлинные хозяева страны.

Рабочие завода Сименс-Шуккерта создали первоначальное ядро сотрудников Народного комиссариата иностранных дел. Благодаря им были сохранены архивы министерства иностранных дел. Матрос Маркин взялся за издание тайных дипломатических документов. Не зная языков, он сумел найти переводчиков и издать шесть номеров «Сборника секретных документов». Сборники выходили необычайно быстро—всё издание закончили в полтора месяца. Маркин сам наблюдал за печатанием. Документы сборников разоблачали хищническую политику царского правительства и всю систему тайных договоров. Дипломатический корпус в Петрограде и иностранные корреспонденты набрасывались на каждый вновь выходивший сборник. Забастовочный комитет чиновников министерства иностранных дел скупал сборники и уничтожал их.

В министерстве иностранных дел находилось большое количест-

во зашифрованной корреспонденции. Шифры были предусмотрительно выкрадены чиновниками министерства и бежавшим министром Нератовым. Маркин вместе с несколькими красногвардейцами ночами просиживали в шифровальной. Большинство этой корреспонденции было расшифровано. Так появились новые специалисты по шифровке.

«Пусть знают трудящиеся всего мира, — писал Маркин в предисловии к «Сборнику секретных документов», — как за их спинами дипломаты в кабинетах продавали их жизнь... Заключали позорные договоры.

Пусть знает всякий, как империалисты росчерком пера отхватывали целые области. Орошали поля человеческой кровью. *Каждый открытый документ есть острейшее оружие против буржуазии»* [1].

Опубликование тайных договоров явилось первым актом международной политики советской власти, решительно отвергшей грабительскую политику буржуазно-помещичьего правительства.

Люди, ставшие во главе органов диктатуры, готовили себя к большой государственной деятельности ещё в годы партийной работы, подполья, ссылки и эмиграции. Уже первые дни Октябрьской революции показали, какие огромные таланты, каких многочисленных организаторов не только партийной, но и государственной работы таил в себе авангард российского пролетариата. Рабочие-металлисты М. И. Калинин, взявший в свои руки городские дела столицы, Г. И. Петровский, ставший народным комиссаром внутренних дел, профессиональные революционеры Свердлов, Менжинский — вот образцы талантливых организаторов, государственных деятелей, воспитанных большевистской партией. Характеристика Свердлова, написанная Лениным, даёт все черты, свойственные руководителям нового государства.

«...глубоким, постоянным свойством этой революции, — писал Ленин, — и условием её побед являлась и остаётся организация пролетарских масс, организация трудящихся... Эта черта пролетарской революции и выдвинула в ходе борьбы таких вождей, которые всего больше воплотили эту невиданную раньше в революции особенность— организацию масс... его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы...этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, переживши и испытавши различные эпохи в наиболее тяжёлых условиях деятельности революционера... долгий путь нелегальной работы больше всего характерен для человека, который, постоянно участвуя в борьбе, никогда не отрывался от масс, никогда не покидал России, действовал всегда с лучшими из рабочих и умел, несмотря на ту оторванность от жизни, на которую осуждали революционера преследования, — умел

выработать в себе не только любимого рабочими вождя, не только вождя, который шире всего и больше всего знал практику; но и организатора передовых пролетариев» [1].

Деятельность комиссариатов в «период Смольного» охватывала самые различные стороны жизни молодой республики — от выдачи пособия крестьянину за лошадь, отнятую самодержавием, до национализации банков, от организации первых продовольственных отрядов до создания сложнейшего аппарата по регулированию и управлению народным хозяйством.

Уже в воззвании II Всероссийского съезда Советов, сообщавшем о победоносном восстании рабочих и солдат, Ленин писал, что советская власть немедленно установит рабочий контроль над производством. 29—30 октября, когда под Гатчиной раздавалась канонада пушек Керенского — Краснова, а в самом Петрограде шло восстание юнкеров, Ленин набросал проект положения о рабочем контроле.

По предложению Ленина, во всех промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных, транспортных и прочих предприятиях, имевших наёмных рабочих и служащих или же дававших работу на дом, вводился рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов или сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной деятельности предприятий.

Контроль осуществлялся рабочими данного предприятия через их выборные организации с привлечением представителей от служащих и технического персонала. Коммерческая тайна отменялась. Владельцы обязаны были предъявлять органам контроля все книги и отчёты. В проекте подчёркивалось, что учреждения рабочего контроля являются органами Советов, т. е. органами диктатуры пролетариата.

14 ноября проект Ленина был рассмотрен и утверждён во Всероссийском центральном исполнительном комитете, а 15 ноября утверждён Совнаркомом. Рабочий контроль был крупнейшим социалистическим мероприятием. Он дал в руки пролетарского государства орудие, позволявшее поближе познакомиться с характером каждого конкретного предприятия. Рабочий контроль лишил буржуазию возможности использовать свою экономическую мощь в целях контрреволюции, сыграл роль переходной меры к национализации промышленности.

В это же время Советская республика создаёт аппарат по управлению народным хозяйством.

26 и 27 октября группа работников Центрального совета фабрично-заводских комитетов обсуждала вопрос о создании органа, руководящего народным хозяйством страны. Через несколько дней В. И. Ленин вместе с работниками Центрального совета фабрично-заводских комитетов рассматривали проект создания Высше-

го совета народного хозяйства — органа по регулированию и управлению всем хозяйством.

Ленин принял работников фабрично-заводских комитетов в своей рабочей комнате в Смольном. На маленьком круглом столике фабзавкомовцы разложили схему проектируемого аппарата. Ленин расспрашивал о мельчайших подробностях схемы и особое внимание обратил на состав нового органа по управлению хозяйством страны[1].

Рабочему правительству, заявил Ленин; такой аппарат нужен. При задаче обобществления средств производства нужен орган, через который рабочий класс может управлять своим хозяйством.

10 ноября вопрос о создании совета по управлению хозяйством обсуждался на совещании представителей рабочих организаций Петрограда.

На этом совещании были отвергнуты предложения анархо-синдикалистского толка о передаче управления хозяйством профессиональным союзам. Товарищи из Центрального совета фабрично-заводских комитетов, получившие указания от Ленина; твёрдо проводили линию на создание государственного органа управления и регулирования хозяйства. Для разработки положения о Высшем совете народного хозяйства была выделена группа членов Центрального совета фабрично-заводских комитетов. Проект создания Высшего совета народного хозяйства разрабатывался в борьбе с капитулянтскими предложениями Бухарина. Выступая против решительной ломки старого государственного аппарата, Бухарин предлагал создать Высший совет народного хозяйства из оставшихся учреждений правительства Керенского (Осотоп, Экономический комитет и др.), которые, как известно; являлись штабами корниловщины в экономической области.

По этой же линии шли предложения Ларина о введении в Высший совет народного хозяйства большого количества капиталистов и так называемых «общественных организаций». По этому проекту рабочим организациям отводилась одна треть мест в Высшем совете народного хозяйства.

Эти предложения на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета были поддержаны меньшевиком Катель.

> «...Высший совет народного хозяйства не может быть сведён к парламенту, — отвечал на это Ленин, — а должен быть таким же боевым органом для борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким Совет народных комиссаров является в политике»[2].

1 декабря 1917 года Всероссийский центральный исполнительный комитет принял декрет о создании Высшего совета народного хозяйства. Декрет был опубликован за подписями Ленина, Сталина, Свердлова.

Одним из первых комиссариатов, приступивших к работе, был

В. И. Ленин, И. В. Сталин и В. М. Молотов в Смольном.

Рисунок В. В. Щеглова.

Народный комиссариат просвещения. Рабочие и солдаты дрались с войсками Керенского на подступах к Петрограду, Военно-революционный комитет организовывал борьбу против контрреволюции внутри столицы. В эти же дни Народный комиссариат просвещения начал работу по ликвидации неграмотности. Отделы, созданные при Народном комиссариате просвещения, говорили о характере его деятельности. Руководство внешкольным отделом взяла на себя Н. К. Крупская, отделом по подготовке преподавательского персонала — Л. Р. Менжинская. Были созданы отделы политехнического образования, искусства и др. В музеи и дворцы столицы были назначены комиссары, которые организовали охрану ценностей. Уже 25 октября была установлена охрана у музея Александра III. Через два дня рабочие и солдаты взяли на себя охрану Зимнего дворца и Эрмитажа. Народный комиссариат просвещения организовал издание сочинений классиков большим тиражом. Книги Толстого, Пушкина, Горького, отпечатанные на плохой разноцветной бумаге, расходились в десятках тысяч экземпляров.

Совет народных комиссаров в своих декретах последовательно проводил принцип уничтожения всякого подобия барьера между государственным аппаратом и населением.

Декретом от 10 ноября 1917 года упразднялись все сословные

деления граждан и связанные с ними сословные привилегии и организации, все гражданские чины и звания и устанавливалось «одно общее для всего населения России наименование граждан Российской республики».

Декрет от 18 ноября предлагал всем местным Советам провести «революционные меры по особому обложению всех высших служащих» и «урезать все непомерно высокие жалования».

Таковы первые шаги Великой пролетарской революции по организации новой власти.

Декреты пролетарской революции не были обычными законодательными актами. Это были программные документы революции, провозгласившие в форме государственных актов программу действия для масс; программу действия большевистской партии.

> «У нас была полоса; — указывал Ленин; — когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счёт, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте» [1].

В эту, по характеристике Ленина; историческую полосу «первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач» [2] наиболее отдалённые от центра местности всё ещё переживали некоторое недоверие в прочность и долговременность новых порядков. В ряде мест наряду с Советами продолжали существовать старые учреждения; городские и земские самоуправления. 5 ноября Ленин от имени Совета народных комиссаров написал обращение «К населению».

> «Помните, что *вы сами* теперь управляете государством,— писал Ленин.—Никто вам не поможет; если вы сами не объедините и не возьмёте *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие; органы» [3].

Для инструктирования местных Советов в провинцию направлялись эмиссары Всероссийского центрального исполнительного комитета и Военно-революционного комитета, главной задачей которых было претворить в жизнь декреты Совета народных комиссаров на местах.

6.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ.

Выполнив задачу боевого руководства восстанием, Военно-революционный комитет не прекратил своей деятельности. Он превратился из органа Петроградского Совета в орган Всероссийского центрального исполнительного комитета. Победоносно закончившись в центре, восстание продолжало шагать по стране, в своём бурном огне уничтожая на местах старую власть и создавая новую.

Военно-революционный комитет рассылал в провинцию своих эмиссаров, заслушивал доклады о ходе восстания на местах; укрепляя слабые места, а в опасные направляя отряды, сформированные на заводах революционного Петрограда. За первые две недели после Октябрьской революции Военно-революционным комитетом было назначено 72 комиссара в провинцию, 85 — в военные части и 184 — в гражданские учреждения. Но основная задача Военно-революционного комитета в первые дни после пролетарской революции была уже другой. На заседании 30 октября Военно-революционный комитет так определил свои функции:

«1. Военно-революционный комитет выполняет дела, порученные ему Советом народных комисаров. 2. В ведении Военно-революционного комитета находится охрана революционного порядка. 3. Борьба с контрреволюцией. 4. Охрана пунктов Советов рабочих и солдатских депутатов и Совета народных комиссаров. Для выполнения этих задач при Военно-революционном комитете создаются отделы»[1].

Всего по решению заседания комитета (в ночь с 30 на 31 октября) было создано семь отделов. Важнейшие из них: следственно-юридический, отдел реквизиций, внутренней и внешней связи, информации и др.

Самый перечень отделов Военно-революционного комитета говорит, как широк был круг его деятельности. Но даже и в эти разнообразные отделы не вмещалась работа Военно-революционного комитета. Комитет принуждал капиталистов платить рабочим-красногвардейцам за дни Октябрьского восстания, взялся за организацию борьбы с безработицей, спекуляцией, саботажем. Военно-революционный комитет руководил созданием органов продовольственного дела. Выполнив функции организатора и руководителя восстания в центре, продолжая их выполнять в отношении всей остальной страны, Военно-революционный комитет активно способствовал организации власти. Эту роль Военно-революционного комитета как организатора восстания и органов новой власти в стране хорошо поняли эсеро-меньшевики. Одним из первых и главных требований, которые выдвигали «примирители»,

был роспуск Военно-революционного комитета. И это понятно: роспуск Военно-революционного комитета в период незаконченного ещё восстания означал капитуляцию и разоружение революции.

Огромную работу проделал агитационный отдел Военно-революционного комитета, возглавлявшийся товарищем Молотовым. Ежедневно в агитационный отдел приходило по 50—70 человек, требовавших литературы, информации и направления в провинцию. Товарищ Молотов направлял сотни преданнейших и энергичнейших агитаторов-организаторов на места. Они уходили в самую гущу трудящихся масс, принося с собой революционную организованность и порядок.

Начиная со второй декады ноября, в Военно-революционном комитете происходит всё большая кристаллизация основной, направляющей линии его деятельности. К этому времени начали оформляться отделы Всероссийского центрального исполнительного комитета, становились на ноги комиссариаты, развернул работу Совет народных комиссаров. В этих условиях существование многочисленных отделов при Военно-революционном комитете является уже излишним параллелизмом. 9 ноября Военно-революционный комитет по предложению товарища Молотова принимает решение о необходимости совместной работы комиссий Военно-революционного комитета с комиссиями Всероссийского центрального исполнительного комитета. Начиная с 18 ноября, происходит передача отделов Военно-революционного комитета во Всероссийский центральный исполнительный комитет. Однако это ещё не означало ликвидации Военно-революционного комитета. В работе комитета всё более явственно обозначается основная его функция— борьба с контрреволюцией.

21 ноября на заседании Военно-революционного комитета Ф. Э. Дзержинский вносит предложение организовать комиссию по борьбе с контрреволюцией. С организацией такого органа существование Военно-революционного комитета становилось излишним, так как все его основные функции переходили к вновь создаваемой комиссии. Спустя несколько дней Совет народных комиссаров вынес решение о разгрузке Военно-революционного комитета и передаче его отделов различным комиссариатам.

В начале декабря Военно-революционный комитет сумел уже подвести итоги своей славной деятельности и указать преемника.

«Выполнив свои боевые задачи в дни петроградской революции, — пишет Военно-революционный комитет в обращении от 5 декабря,—и считая, что дальнейшие работы Военно-революционного комитета должны быть переданы отделу по борьбе с контрреволюцией при Центральном исполнительном комитете Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Военно-

революционный комитет постановляет: ликвидировать все отделы, работающие при Военно-революционном комитете, а все дела передать в соответствующие отделы Центрального исполнительного комитета, Совету народных комиссаров, Петроградскому и районным Советам рабочих и солдатских депутатов»[1]. Военно-революционный комитет закончил свою работу.

На его месте возникла грозная для всех врагов революции Чрезвычайная комиссия во главе с железным Феликсом.

Таковы были первые шаги Великой пролетарской революции по организации новой власти.

Победа революции в Петрограде, Москве и в армии определила победу советской власти по всей стране. Разумеется, в ряде областей, в зависимости от национальных, классовых и других местных особенностей или международных отношений, рабочим и трудящимся крестьянам приходилось ещё долго с боем завоёвывать власть. Местами борьба затягивалась на несколько месяцев. Но это не могло изменить общее положение: Октябрьская социалистическая революция победила в стране. Совет народных комиссаров, избранный II съездом Советов, представлявшим подавляющее большинство Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, стал законным народным правительством всей страны.

Революция, как могучий вихрь, смела на своём пути плотину саботажа, ликвидировала первые мятежи, подавила сопротивление врагов народа.

Великая революция подняла к активной политической жизни миллионные народные массы.

Ни одна революция в истории человечества не провела с такой последовательной беспощадностью разрушение всего старого, стоявшего на пути создания нового, социалистического общества, как Октябрьская революция. И вся эта гигантская работа расчистки родной земли от крепостнических пут была проделана за несколько первых недель диктатуры пролетариата.

Государственная машина буржуазии была разрушена, основы чиновничества были подорваны в самом корне. Народ уничтожил вековые сословные перегородки, разрушил помещичье господство — феодальное землевладение, развеял впрах обветшалые сословные учреждения.

Но революция не ограничилась разрушением старого. Разрушая, народ тут же созидал — с огромным размахом и творческой энергией.

В огне революционной борьбы создавался совершенно новый государственный аппарат. Вместо развалившейся старой армии были заложены основы новой, рабоче-крестьянской армии. Заново были созданы органы по управлению народным хозяйством.

Так в первые дни существования Советской республики началось строительство фундамента социалистического общества.

Успешное завершение Октябрьской социалистической революции спасло страну от полуколониальной зависимости. Русская буржуазия и помещики всё более и более превращались в агентуру иностранного империализма. Они готовили народам России участь Китая, долгие годы бывшего игрушкой в руках более сильных держав. Великая пролетарская революция открыла возможность свободного, независимого развития для народов России.

Октябрьская революция была совершена рабочими и трудящимися крестьянами всех национальностей России. Большевики готовили революцию во всех национальных областях и республиках — и на Украине, и в Белоруссии, и в Прибалтике, и на Кавказе, и в Средней Азии. Это обеспечило быстрый и почти бескровный успех революции. Пролетарская революция разбила цепи национального угнетения и заложила основы союза народов. Было полностью ликвидировано вековое национальное неравенство и созданы государственные органы по руководству национальным движением, строительству национальной культуры, национальной государственности.

Великая пролетарская революция создала действительные и прочные основы обороны страны. Революция положила начало ликвидации вековой отсталости России, открыла невиданные возможности для роста социалистической промышленности и переустройства сельского хозяйства. Победивший народ взял в свои руки судьбу родины и оборону отечества.

«...чтобы сделать Россию обороноспособной, — писал Ленин накануне Октябрьской революции, — чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести всё старое и обновить, переродить Россию *хозяйственно!*»[1]

В сентябре 1917 года Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть» говорил о том, что враги пролетариата, враги трудящихся ещё не видели, ещё не знают, ещё не представляют всей силы сопротивления трудящихся тогда, когда они возьмут власть в свои руки.

«А силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян *мы ещё не видали*, — писал Ленин, — ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата...»[2]

Когда пролетариат возьмёт власть, подчёркивал Ленин, — «тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы

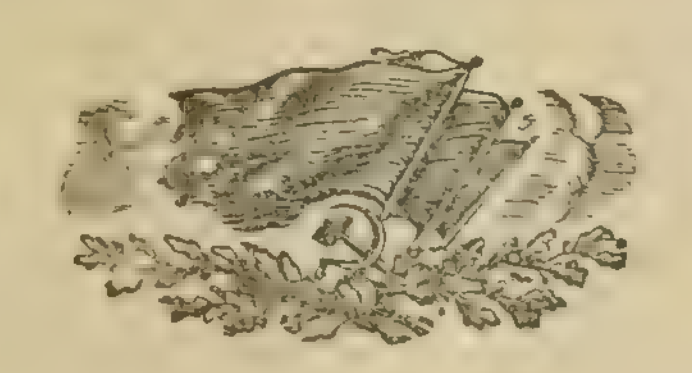
ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции...»[1]

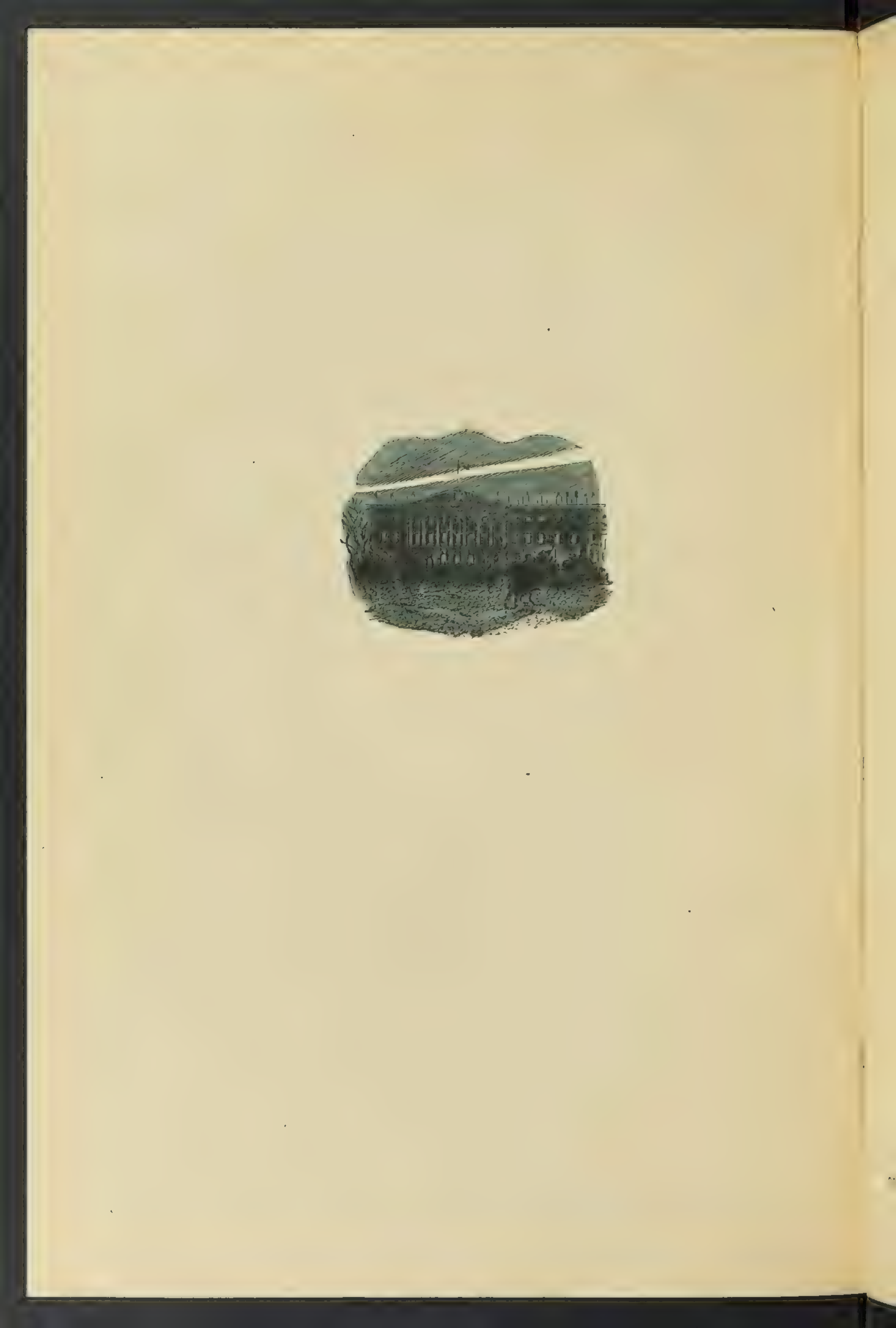
Пролетариат в октябре 1917 года взял власть в свои руки, чтобы разрушить старое, капиталистическое общество и под руководством большевистской партии построить новое, социалистическое общество.

Октябрьская социалистическая революция, как указывал Сталин, *принципиально* отличалась от всех предшествующих ей революций. Впервые в мире на территории огромной страны была поставлена и разрешена задача ликвидации эксплоатации человека человеком.

«История народов, — говорил Сталин на I съезде колхозников-ударников,— знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплоатации трудящихся другой формой эксплоатации, но сама эксплоатация оставалась. Сменялись одни эксплоататоры и угнетатели другими эксплоататорами и угнетателями, но сами эксплоататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила целью — уничтожить *всякую* эксплоатацию и ликвидировать *всех* и *всяких* эксплоататоров и угнетателей»[2].

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла собой новую эпоху в мировой истории, эпоху строительства социализма на одной шестой части земного шара. Началась новая полоса в истории России. Пролетариату и крестьянству России под руководством большевистской партии, партии Ленина — Сталина, предстояла важнейшая историческая задача — организовать социалистическое производство и в грядущих боях с врагами диктатуры пролетариата отстоять всемирно-исторические завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

УКАЗАТЕЛИ

КО ВТОРОМУ ТОМУ

ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
в СССР.

К ПОЛЬЗОВАНИЮ УКАЗАТЕЛЯМИ.

Цифры (полужирный шрифт), стоящие впереди текста в колонках Указателя источников, означают страницы тома, к которым относятся библиографические источники. Цифры, стоящие над строкой (мелкий шрифт), означают порядковые сноски к соответствующим страницам.

Условные обозначения, допущенные в Указателе источников: ЦАОР — Центральный архив Октябрьской революции; ЦВИА — Центральный военно-исторический архив; ИМЭЛ — Институт Маркса, Энгельса, Ленина; МАОР — Московский архив Октябрьской революции.

Цитаты из сочинений Ленина даны по 3-му изданию.

Города, улицы, заводы и пр. в тексте тома имеют наименования, существовавшие до 1917 года.

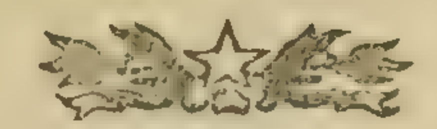
Все даты в тексте тома, в Датах важнейших событий и в Указателе источников даны по старому стилю.

В Указателе источников место издания центральных и военных газет не обозначено. Оно дано в предметно-географическом указателе.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРИЗИС НАЗРЕЛ.

10 [1] *Аллилуев С. Я.* Встречи с Лениным и Сталиным. В сборнике: В дни великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. «История гражданской войны», 1937 г., стр. 80.

11 [1] *Орджоникидзе С.* Ильич в июльские дни. В книге: Последнее подполье Ильича. Москва, «Старый большевик», 1934 г., стр. 27.

17 [1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* 23—24 июня в Париже. Сочинения, том VI. Москва — Ленинград, Госиздат, 1930 г., стр. 211—212.

17 [2] *Ленин В. И.* Русская революция и гражданская война. Сочинения, том XXI, стр. 201.

18 [1] *Ленин В. И.* Большевики должны взять власть. Сочинения, том XXI, стр. 193.

19 [1] *Ленин В. И.* Марксизм и восстание. Сочинения, том XXI, стр. 195.

19 [2] *Там же*, стр. 196.

19 [3] *Там же.*

20 [1] *Francis D. R.* Russia from the American Embassy. April 1916—November 1918. New York, Charles Schribners sons, 1921, pp. 291—292.

21 [1] *Ленин В. И.* Марксизм и восстание. Сочинения, том XXI, стр. 197.

21 [2] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917 — февраль 1918. Москва — Ленинград, Госиздат, 1929 г., стр. 81.

22 [1] *Ленин В. И.* Марксизм и восстание. Сочинения, том XXI, стр. 198.

23 [1] *Там же*, стр. 199.

23 [2] *Ленин В. И.* Большевики должны взять власть. Сочинения, том XXI, стр. 194.

24 [1] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917— февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 65.

24 [2] *Сталин И. В.* Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 19.

25 [1] *Сталин И. В.* Вся власть Советам. В его книге: На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март— октябрь 1917. Издание 2. Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 168, 170.

26 [1] *Сталин И. В.* О революционном фронте. В его книге: На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март — октябрь 1917. Издание 2. Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 170—171.

26 [2] *Ленин В. И.* Большевики должны взять власть. Сочинения, том XXI, стр. 194.
26 [3] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП*. Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 69.
26 [4] *Ленин В. И.* Из дневника публициста. Сочинения, том XXI, стр. 215.
28 [1] *Там же*, стр. 219.
28 [2] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП*. Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 73.
28 [3] *Там же*, стр. 81.
29 [1] *Сталин И. В.* Правительство буржуазной диктатуры. В его книге: На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март — октябрь 1917. Издание 2. Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 178.
31 [1] *Ленин В. И.* Кризис назрел. Сочинения, том XXI, стр. 239.
32 [1] *Там же*, стр. 240.
32 [2] *Там же*, стр. 240—241.
34 [1] *Сталин И. В.* Контрреволюция мобилизуется— готовьтесь к отпору. В его книге: На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март—октябрь 1917. Издание 2. Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 200—201.
36 [1] *Ленин В. И.* Заседание Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. 23 (10) октября 1917 г. Сочинения, том XXI, стр. 326.
37 [1] *Там же*, стр. 329.
37 [2] *Там же*, стр. 330.
37 [3] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП*. Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 100.
38 [1] *Там же*, стр. 107.
38 [2] *Рахья Э.* Ленин в 1917 году. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
39 [1] *Ленин В. И.* Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области. Сочинения, том XXI, стр. 324.
39 [2] *Там же*, стр. 325.
40 [1] *Там же*, стр. 324.
40 [2] *Съезд Советов Северной области.* «Рабочий путь» № 35, 13 октября 1917 г.
41 [1] *Там же.*
41 [2] *Северный областной съезд Советов.* «Речь» № 240, 12 октября 1917 г.
41 [3] *Там же*
42 [1] *Там же.*
42 [2] *Съезд Советов Северной области.* «Рабочий путь» № 35, 13 октября 1917 г.
42 [3] *Областной съезд Советов Р. и С. Д.* «День» № 187, 12 октября 1917 г.
43 [1] *Северный областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.* «Речь» № 241, 13 октября 1917 г.
43 [2] *Голос фронта.* Наказ делегатам XXXIII корпуса. «Рабочий путь» № 37, 15 октября 1917 г.
43 [3] *Съезд Советов Северной области.* «Рабочий путь» № 35, 13 октября 1917 г.
44 [1] *Там же.*
44 [2] *Съезд Советов Северной области.* «Рабочий путь» № 37, 15 октября 1917 г.
44 [3] *Там же.*
45 [1] *Кризис советской организации.* «Известия Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов» № 195, 12 октября 1917 г.
45 [2] *Там же.*
45 [3] *Смерть Советов.* (Передовая). «Русская воля» № 243, 13 октября 1917 г.
46 [1] *В Смольном институте.* «Утро России» № 247, 14 октября 1917 г.
46 [2] *Кливанский С.* Подготовка вооруженного восстания. «День» № 189, 14 октября 1917 г.

☆

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШТУРМА.

47 [1] *Ленин В. И.* Кризис назрел. Сочинения, том XXI, стр. 240.

48 [1] *Сталин И. В.* Троцкизм или ленинизм. Речь на пленуме фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г. В его книге: Об оппозиции. Статьи и речи. 1921—1927 гг. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 113.

49 [1] *Перед съездом Советов.* «Рабочий путь» № 24, 30 сентября 1917 г.

50 [1] *1917 год во Владимирской губернии.* Хроника событий. Владимир, 1927 г., стр. 106.

54 [1] *Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г.* Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского Комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. с речами В. И. Ленина. Москва — Ленинград, Госиздат, 1927 г., стр. 302.

54 [2] *Там же*, стр. 303.

55 [1] *Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года.* Протоколы и материалы. Москва — Ленинград, Госиздат, 1927 г., стр. 119.

56 [1] *Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г.* Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского Комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. с речами В. И. Ленина. Москва — Ленинград, Госиздат, 1927 г., стр. 313.

56 [2] *Там же*, стр. 314.

56 [3] *Там же*, стр. 315.

58 [1] *Сталин И. В.* Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 20.

61 [1] *Вера Слуцкая.* (По материалам Истпарта). В сборнике: В боях. Сборник воспоминаний, посвящённый героической обороне василеостровцев, за 15 лет (1917—1932). Ленинград, издательство Василеостровского райсовета, 1932 г., стр. 68.

61 [2] *Резолюция, вынесенная на общем собрании рабочих завода «Старый Парвиайнен» 12 октября.* «Рабочий путь» № 39, 18 октября 1917 г.

64 [1] *Ленин В. И.* Большевики должны взять власть. Сочинения, том XXI, стр. 194.

64 [2] *Ленин В. И.* Кризис назрел. Сочинения, том XXI, стр. 240.

65 [1] *Ленин В. И.* Письмо в Ц.К., М.К., П.К. и членам Советов Питера и Москвы большевикам. Сочинения, том XXI, стр. 294.

66 [1] *Соединённое заседание Советов рабочих и солдатских депутатов.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 156, 6 сентября 1917 г.

70 [1] *Соединённое заседание Исполнительного комитета С. Р. и С. Д.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 192, 20 октября 1917 г.

70 [2] *Там же.*

71 [1] *Там же.*

71 [2] *Постановление московских Советов о захвате власти.* «Русское слово» № 240, 20 октября 1917 г.

71 [3] *В. В. Руднев о выступлении московских Советов.* «Русское слово» № 240, 20 октября 1917 г.

71 [4] *ЦВИА.* Связка 14, лист 1385, приказ по Московскому военному округу № 148, 24 октября 1917 г.

73 [1] *Заседание Исполнительного комитета С. Р. Д. 23 октября.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 195, 24 октября 1917 г.

73 [2] *Гражданская война началась.* «Социал-демократ» № 191, 24 октября 1917 г.

74 [1] *Московский партархив.* Фонд Московского областного бюро ЦК, стр. 88.

74 [2] *Там же.*

74 [3] *Там же.*

75 [1] *1917 год в Иваново-вознесенской губернии.* Хроника событий. Иваново-Вознесенск, 1927 г., стр. 250.

76 [1] *«Утро России»* № 254, 22 октября 1917 г.

67 [2] *Шуйский Совет рабочих и солдатских депутатов.* Протоколы, листы 87—90.

79 [1] *Сталин И. В.* Статьи и речи об Украине. Сборник. Киев, Партиздат, 1936, стр. 83.

84 [1] *Анархия и контрреволюция в Царицыне.* «Речь» № 128, 3 июня 1917 г.

86 [1] *ЦАОР.* Фонд 406, опись 69, дело № 306, листы 42—44.

87 [1] *Областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.* «Пролетарий Поволжья» № 116, 18 октября 1917 г.

87 [2] *Соединённое заседание бюро губернского комитета и общегородского комитета с.-д. большевиков с представителями районов.* «Приволжская правда» (Самара) № 145, 22 октября 1917 г.

87 [3] *Там же.*

88 [1] *1917 год в Сталинградской губернии.* (Хроника событий). Составил Г. Г. Гаврилов. Сталинград, 1927, стр. 90.

90 [1] *Ленин В. И.* Русская революция и гражданская война. Сочинения, том XXI, стр. 204.

92 [1] *Пролетарская революция на Дону.* Сборник 2. Ростов-на-Дону, Госиздат, 1922 г., стр. 61.

96 [1] *Рабочий класс Урала в годы войны и революции.* Том II. 1917 г. (февраль—октябрь). Свердловск, издание Уралпрофсовета, 1927 г., стр. 331.

97 [1] *Свердловский областной архив ВКП(б).* Фонд 3, дело № 67, стр. 231.

97 [2] *Политическая стачка 1 сентября.* «Уральский рабочий» № 1, 6 ноября 1917 г.

98 [1] *Свердловский областной архив ВКП(б).* Фонд 3, дело № 67, стр. 231.

98 [2] *Моисеев.* Воспоминания. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

99 [1] О социалистах-революционерах. «Вперёд» (Уфа) № 151, 28 сентября 1917 г.

100 [1] *В.-Исетский завод.* «Уральский рабочий» № 22. 25 октября 1917 г.

104 [1] *Жизнь провинции* (г. Томск). «Рабочий путь» № 16, 21 сентября 1917 г.

104 [2] *Томская губернская конференция представителей организации РСДРП.* «Знамя революции» (Томск) № 87, 16 сентября 1917 г.

105 [1] *Заседание объединённого Совета рабочих и солдатских депутатов 20 сентября 1917 г.* «Знамя революции» (Томск), 22 сентября 1917 г.

106 [1] *Тов. Лобков.* Издание Истпарта Омского губкома РКП(б), 1925 г., стр. 20.

110 [1] *Съезды.* Общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Сибирь» (Иркутск) № 231, 22 октября 1917 г.

110 [2] *Абов А.* Накануне Красного Октября. «Известия Енисейского губернского комитета РКП(б)» (Красноярск) № 8, 1922 г., стр. 46.

112 [1] *Сталин И. В.* Октябрьский переворот и национальный вопрос. В его книге: Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 6.

115 [1] *Передовая.* «Пролетарий» (Харьков), экстренный вечерний выпуск № 1, 29 августа 1917 г.

117 [1] *Завод Гартмана.* «Донецкий пролетарий» (Луганск) № 65, 31 августа 1917 г.

118 [1] *Ворошилов К.* Из недавнего, бесконечно далёкого прошлого. В книге: Октябрь 1917 г. Ростов-на-Дону, Госиздат, 1921 г., стр. 65—66.

118 [2] *Партийная жизнь.* (Из писем в ЦК). «Рабочий путь» № 13, 17 сентября 1917 г.

122 [1] *Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов 12 сентября.* «Пролетарий» (Харьков) № 129, 14 сентября 1917 г.

122 [2] *Там же.*

122 [3] *Ворошилов К. Е.* Удары сыплятся. «Донецкий пролетарий» (Луганск) № 58, 22 августа 1917 г.

122 [4] *Там же.*

125 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.

125 [2] *Там же.*

126 [1] *Центральный архив революции.* Харьков, $\frac{353}{С.94}$, лист 2.

136 [1] *ЦАОР.* Фонд 1235, опись 40, дело № 55, лист 7.
133 [2] *Там же.*
137 [1] *Мясников А.* Подготовка Октября. «Бальшавік Беларусі», № 3, 1927 г., стр. 33.
138 [1] *Привет «Звезде» от арестованных солдат.* «Звезда» (Минск) № 3, 1 августа 1917 г.
138 [2] *ЦВИА.* Дело № 185, листы 57—60.
139 [1] *Отчёт о II крестьянском съезде г. Минска 30 июля 1917 г.* «Звезда» (Минск) № 6, 6 августа 1917 г.
139 [2] *Там же.*
140 [1] *Белорусский партархив.* Фонд 640, дело № 1063, лист 1.
141 [1] *ИМЭЛ.* Из переписки большевистских организаций Белоруссии и Западного фронта с ЦК РСДРП(б) № 1108.
142 [1] *ИМЭЛ.* Из переписки большевистских организаций Белоруссии и Западного фронта с ЦК РСДРП(б) № 1111.
142 [2] *Там же.*
143 [1] *ИМЭЛ.* Из переписки большевистских организаций Белоруссии и Западного фронта с ЦК РСДРП(б) № 1108.
144 [1] *КП(б)Б у рэзолюцыях.* Частка I (1903—1921 гг.). Менск, Партвыдавецтва, 1934 г., стр. 60.
144 [2] *ЦВИА.* Дело № 155—109 и 515.
146 [1] *КП(б)Б у рэзолюцыях.* Частка I (1903—1921 гг.). Менск, Партвыдавецтва, 1934 г., стр. 71.
146 [2] *Там же.*
152 [1] *Дауге П.* Прибалтика в 1917—1940 годах. «Историк-марксист», № 1, 1941 г., стр. 10.
153 [1] *Берия Л.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Издание 3. Москва, Партиздат, 1937 г., стр. 133.
154 [1] *Сталин И. В.* Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма. «Правда» № 55, 26 марта 1918 г.
154 [2] *Там же.*
155 [1] *Там же.*
157 [1] *Приветствие.* «Рабочий путь» № 29, 6 октября 1917 г.
160 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд XII тома ИГВ.
164 [1] *ЦАОР.* Фонд 1235, дело № 26, опись 40, серия Д/8.
164 [2] *«Красная Летопись Туркестана».* № 1—2. Ташкент, 1923 г.
166 [1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Издание 10. Москва, Партиздат, 1937 г., стр. 89, 91, 93, 95, 98.
166 [2] *Сталин И. В.* Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 67.

☆

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЁННОГО ВОССТАНИЯ В ПЕТРОГРАДЕ.

171 [1] *К моменту.* (Передовая). «Уральский рабочий» № 24, 29 октября 1917 г.
171 [2] *Ленин В. И.* Сочинения, том XXI, стр. 229.
172 [1] *Рабочая гвардия.* «Рабочий путь» № 45, 25 октября 1917 г.
174 [1] *Ленин В. И.* Заседание Центрального Комитета РСДРП 29 (16) октября 1917 г. Сочинения, том XXI, стр. 331.
174 [2] *Там же*, стр. 332.
175 [1] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 114.
175 [2] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 117.
175 [3] *Там же*, стр. 118.
175 [4] *Ленин В. И.* Письмо в Центральный Комитет РСДРП. Сочинения, том XXI, стр. 355.

176 [1] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 118.
176 [2] *Там же*, стр. 119.
177 [1] *Сталин И. В.* Речь на заседании ЦК 16 октября 1917 года. В его книге: На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март — октябрь 1917. Издание 2. Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 211.
178 [1] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 120.
178 [2] *Там же.*, стр. 121.
178 [3] *Ленин В. И.* Заседание Центрального Комитета РСДРП 29 (16) октября 1917 г. Сочинения, том XXI, стр. 332.
178 [4] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 123.
179 [1] *Ленин В. И.* Заседание Центрального Комитета РСДРП 29 (16) октября 1917 г. Сочинения, том XXI, стр. 333.
179 [2] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 125.
179 [3] *Ленин В. И.* Письмо в Центральный Комитет РСДРП. Сочинения, том XXI, стр. 355.
180 [1] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918 Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 136.
181 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
181 [2] *Приказ по штабу ПВО.* «Солдатское слово» № 171, 20 октября 1917 г.
182 [1] *Из бесед.* «Речь» № 246, 19 октября 1917.
182 [2] *К выступлению большевиков.* Тревожные дни. «Рабочая газета» № 190, 19 октября 1917 г.
182 [3] *Там же.*
182 [4] *Заявление министра вн. дел А. М. Никитина.* «Рабочая газета» № 191, 20 октября 1917 г.
183 [1] *К выступлению большевиков.* Тревожные дни. «Рабочая газета» № 190, 19 октября 1917 г.
183 [2] *План большевиков.* «День» № 192, 18 октября 1917 г.
183 [3] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
184 [1] *В солдатской секции Центрального исполнительного комитета.* «Известия Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов» № 207, 26 октября 1917 г.
184 [2] *Собрание полковых комитетов.* «Известия Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов» № 204, 22 октября 1917 г.
184 [3] *Ленин В. И.* Письмо к товарищам. Сочинения, том XXI, стр. 334.
185 [1] *Ленин В. И.* Письмо к членам партии большевиков. Сочинения, том XXI, стр. 350—351.
185 [2] *Там же*, стр. 351—352.
186 [1] *Там же*, стр. 352.
186 [2] *Ленин В. И.* Письмо в Центральный комитет РСДРП. Сочинения, том XXI, стр. 354—355.
186 [3] *Там же*, стр. 355.
188 [1] *Совещание петроградского гарнизона.* «День» № 194, 20 октября 1917 г.
190 [1] *Резолюция военно-гарнизонного комитета г. Петрограда.* «Рабочий путь» №43, 22 октября 1917 г.
191 [1] *Гарнизону города Петрограда и его окрестностей.* «Рабочий путь» № 44, 24 октября 1917 г.
192 [1] *Совещание петроградского гарнизона.* «День» № 196, 22 октября 1917 г.
193 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
194 [1] *Суханов Н.* Записки о революции. Книга VII. Берлин — Петербург — Москва, 1923 г., стр. 44, 88
195 [1] *Последние известия.* «Речь» № 243, 15 октября 1917 г.
195 [2] *Накануне.* «Речь» № 246, 19 октября 1917 г.
196 [1] *К выступлению большевиков.* «Речь» № 246, 19 октября 1917 г.
196 [2] *Передовая.* «Речь» № 247, 20 октября 1917 г.

197 [1] *Во Временном правительстве.* «День» № 191, 17 октября 1917 г.
197 [2] *Сталин И. В.* Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 64.
199 [1] *Львов Л.* В Зимнем дворце. «День» № 197, 24 октября 1917 г.
199 [2] *К населению Петрограда.* «Рабочий путь» № 44, 24 октября 1917 г.
202 [1] *Центрофлот.* Резолюция Центрофлота. «Известия Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов» № 177, 21 сентября 1917 г.
202 [2] *Собрание полковых комитетов.* «День» № 197, 24 октября 1917 г.
203 [1] *Заседание Петроградского Совета Р. и С. Деп.* «Рабочий путь» № 45, 25 октября 1917 г.
204 [1] *Петроградский Совет и правительство* «Новая жизнь» № 161, 24 октября 1917 г.

☆

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ.

206 [1] *Сталин И. В.* Что нам нужно? В его книге: На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март — октябрь 1917. Издание 2. Ленинград, Госиздат, 1925 г., стр. 214—216.
208 [1] *Временный совет Российской республики.* «Речь» № 251, 25 октября 1917 г.
208 [2] *Там же.*
208 [3] *Там же.*
208 [4] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва, Госиздат, 1929 г., стр. 141.
210 [1] *О закрытии «Рабочего пути» и «Солдата».* «Рабочий путь» № 45, 25 октября 1917 г.
210 [2] *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 1, дело № 3, лист 46 в.
212 [1] *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 1, дело № 39, лист 1.
212 [2] *Ленин В. И.* Советы постороннего. Сочинения, т. XXI, стр. 320.
213 [1] *Там же.*
214 [1] *Документы Великой пролетарской революции.* Том 1. Составители: Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон. Под редакцией И. И. Минца. Москва, Госиздат, «История гражданской войны», 1935 г., стр. 42.
214 [2] *Паллин И. И.* Путиловский завод в 1917 году. «Красная летопись», № 5—6, 1932 г., стр. 169, 170.
218 [1] *Приказы по Петроградскому военному округу.* «Речь» № 251, 25 октября 1917 г.
218 [2] *Приказы комиссаров.* «Речь» № 251, 25 октября 1917 г.
219 [1] *ЦАОР.* Фонд 380, дело № 26, лист 33.
219 [2] *Настроение в городе.* «День» № 198, 25 октября 1917 г.
222 [1] *ЦАОР.* Фонд 336, дело № 29, 1917, листы 19, 20.
223 [1] *Временный совет Российской республики.* «Речь» № 251, 25 октября 1917 г.
224 [1] *Там же.*
224 [2] *Выступление большевиков.* Во Временном правительстве. «Речь» № 251, 25 октября 1917 г.
225 [1] *Дан Ф.* К истории последних дней Временного правительства. «Летопись русской революции». Книга 2. Берлин, 1923 г., стр. 174.
225 [2] *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920 г., стр. 260.
226 [1] *Последние часы Временного правительства в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 1(56), стр. 137.
226 [2] *Керенский А. Ф.* Издалека. Сборник статей (1920—1921). Париж, 1922 г., стр. 201.
226 [3] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 149.
227 [1] *Чрезвычайное заседание думы.* «Речь» № 251, 25 октября 1917 г.

228 [1] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. Части I и II. Москва, Партиздат, 1932 г., стр. 288.
228 [2] *Фофанова М. В.* Последняя конспиративная квартира Ленина. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
229 [1] *Ленин В. И.* Письмо членам ЦК. Сочинения, т. XXI, стр. 362—363.
229 [2] *Фофанова М. В.* Последняя конспиративная квартира Ленина. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
230 [1] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. Часть III. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 8.
230 [2] *Рахья Э.* Мои предоктябрьские и послеоктябрьские встречи с Лениным. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
240 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
240 [2] *Там же.*
242 [1] *Керенский А. Ф.* Издалека. Сборник статей (1920—1921). Париж, 1922 г., стр. 203.
243 [1] *Документы.* «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922 г., стр. 286.
244 [1] *Там же*, стр. 287.
244 [2] *Там же*, стр. 288.
244 [3] *Там же*, стр. 290.
245 [1] *Ход событий.* «Новая жизнь» № 163, 26 октября 1917 г.
246 [1] *Керенский А. Ф.* Издалека. Сборник статей (1920—1921). Париж, 1922 г., стр. 202.
246 [2] *Рассказ защитника Зимнего дворца.* «Рабочая газета» № 197, 27 октября 1917 г.
246 [3] *Керенский А. Ф.* Издалека. Сборник статей (1920—1921). Париж, 1922 г., стр. 203.
246 [4] *Там же*, стр. 204.
247 [1] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2. Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 280—281.
248 [1] *К гражданам России.* «Рабочий путь» № 46, 26 октября 1917 г.
249 [1] *За день.* «Новая жизнь» № 163, 26 октября 1917 г.
251 [1] *В Мариинском дворце.* «Речь» № 252, 26 октября 1917 г.
254 [1] *Документы.* «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922 г., стр. 293.
254 [2] *Рассказ А. М. Никитина.* «Рабочая газета» № 198, 28 октября 1917 г.
255 [1] *Последние часы Временного правительства в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 1 (56), стр. 137.
255 [2] *Синегуб.* Защита Зимнего дворца в день 25 октября 1917 г. «Архив русской революции». Том IV. Берлин, 1922 г., стр. 139.
257 [1] *Телеграмма Военно-революционного комитета.* «Рабочий путь» № 46, 26 октября 1917 г.
258 [1] *Ленин В. И.* Заседание Петроградского Совета Р. и С. Д. 7 ноября (25 октября) 1917 г. Сочинения, том XXII, стр. 4.
258 [2] *Там же*, стр. 6.
263 [1] *Рассказ А. М. Никитина.* «Рабочая газета» № 198, 28 октября 1917 г.
264 [1] *Фронт.* «Новая жизнь» № 164, 27 октября 1917 г.
264 [2] *ЦВИА.* Фонд штаба верховного главнокомандующего. Управление генерал-квартирмейстера. Дело № 813, лист 41.
264 [3] *Последние часы Временного правительства в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 1(56), стр. 137.
264 [4] *ЦАОР.* Фонд 1052, дело № 343, 1917.
266 [1] *Малянтович П. Н.* Революция и правосудие. (Несколько мыслей и воспоминаний). Москва, «Задруга», 1918 г., стр. 202—204.
266 [2] *Там же*, стр. 208—209.
267 [1] *Последние часы Временного правительства в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 1 (56), стр. 137.
271 [1] *В городской думе.* «Речь» № 252. 26 октября 1917 г.
271 [2] *Там же.*
272 [1] *Там же.*
272 [2] *Там же.*
274 [1] *Документы.* «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922 г., стр. 299.
277 [1] *Кукольник Н. В.* Сооружение Зимнего дворца в царствование императрицы Елисаветы (1753—

1762). «Русский вестник». С.-Петербург, 1841 г., том IV, стр. 15.
279 [1] *Малянтович П. Н.* Революция и правосудие. (Несколько мыслей и воспоминаний). Москва, «Задруга», 1918 г., стр. 215.
281 [1] *Ленин В. И.* Марксизм и восстание. Сочинения, том XXI, стр. 196.
282 [1] *Ленин В. И.* Сочинения, том XXI, стр. 230.
282 [2] *Ленин В. И.* Советы постороннего. Сочинения, том XXI, стр. 319.
283 [1] *Ленин В. И.* Две тактики. Сочинения, том VII, стр. 112.
283 [2] *Ленин В. И.* Советы постороннего. Сочинения, том XXI, стр. 320.
283 [3] *Там же*, стр. 319.
284 [1] *Там же*, стр. 320.
284 [2] *Там же.*
284 [3] *Там же.*
285 [1] *Там же.*

☆

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

288 [1] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. LIII (от редакции).
290 [1] *К съезду Советов.* «Рабочий путь» № 46, 26 октября 1917 г.
290 [2] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 32.
291 [1] *Там же*, стр. 32.
292 [1] *Там же*, стр. 33.
292 [2] *Там же*, стр. 34.
292 [3] *Там же.*
292 [4] *Там же*, стр. 35.
293 [1] *Там же.*
293 [2] *Там же*, стр. 36.
294 [1] *Там же*, стр. 39.
294 [2] *Там же*, стр. 38.
295 [1] *Там же*, стр. 37.
295 [2] *Там же*, стр. 38.
296 [1] *Там же*, стр. XXXV и XXXVI.
296 [2] *Там же*, стр. 41.
296 [3] *Там же*, стр. 44—45.
297 [1] *Там же*, стр. 45.
297 [2] *Там же*, стр. 42.
297 [3] *Там же*, стр. 49—50.
298 [1] *Там же*, стр. 50.
298 [2] *Там же*, стр. 52.
298 [3] *Там же*, стр. 53.
298 [4] *Там же*, стр. 53—56.
299 [1] *Приказы Военно-революционного комитета Петроградского Совета Р. и С. Д.* «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 208, 27 октября 1917 г.
300 [1] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 57.
301 [1] *Ленин В. И.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. 7—8 ноября (25—26 октября) 1917 г. Доклад о мире 8 ноября (26 октября). Сочинения, том XXII, стр. 13.
301 [2] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 59.
301 [3] *Там же.*
301 [4] *Там же.*
301 [5] *Там же*, стр. 60.
301 [6] *Там же*, стр. 61—62.
303 [1] *Ленин В. И.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. 7—8 ноября (25—26 октября) 1917 г. Доклад о мире 8 ноября (26 октября). Сочинения, том XXII, стр. 16.
303 [2] *Там же*, стр. 15.
303 [3] *Там же*, стр. 15—16.
303 [4] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 65.
303 [5] *Ленин В. И.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. 7—8 ноября (25—26 октября) 1917 г. Доклад о мире 8 ноября (26 октября). Сочинения, том XXII, стр. 17.
304 [1] *Там же.*
304 [2] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.

Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 17—18.

304 [3] *Там же*, стр. 18.

305 [1] *Там же*, стр. 21.

305 [2] *Ленин В. И.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. 7—8 ноября (25—26 октября) 1917. г. Доклад о земле 8 ноября (26 октября). Сочинения, том XXII, стр. 20—21.

305 [3] *Там же*, стр. 21.

305 [4] *Там же*.

305 [5] *Там же*.

306 [1] *Там же*, стр. 23.

306 [2] *Там же*, стр. 21.

309 [1] *Ленин В. И.* Пересмотр аграрной программы. Сочинения, том IX, стр. 74.

309 [2] *Там же*.

309 [3] *Ленин В. И.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. 7—8 ноября (25—26 октября) 1917 г. Доклад о земле 8 ноября (26 октября). Сочинения, том XXII, стр. 23.

310 [1] *Ленин В. И.* Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Сочинения, том XXIV, стр. 640.

310 [2] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 74.

311 [1] *Ленин В. И.* К четырёхлетней годовщине Октябрьской революции. Сочинения, том XXVII, стр. 26.

311 [2] *Центрархив.* Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 79—80.

311 [3] *Там же*, стр. 83.

312 [1] *Там же*, стр. 92.

☆

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РАЗГРОМ АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА.

315 [1] *Керенский А. Ф.* Издалека. Сборник статей (1920—1921). Париж, 1922 г., стр. 206.

315 [2] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 131.

315 [3] *Там же*, стр. 136.

316 [1] *ЦВИА.* Фонд штаба I армии. Дело № 378—245, листы 1—2.

316 [2] *Там же*, лист 3.

316 [3] *ЦАОР.* Фонд 380, дело № 26, 1917, лист 18.

317 [1] *Там же*.

317 [2] *ЦВИА.* Фонд штаба I армии. Дело № 379—245, лист 5.

318 [1] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 151.

318 [2] *Там же*.

318 [3] *Документы.* «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922 г., стр. 304—305.

319 [1] *Там же*, стр. 306.

319 [2] *Там же*, стр. 307.

320 [1] *Там же*, стр. 308.

320 [2] *Там же*, стр. 309.

320 [3] *ЦАОР.* Фонд 543, дело № 10, 1917, лист 45.

322 [1] *ЦАОР.* Фонд 336, дело № 286, 1917, лист 6.

322 [2] *Организация «комитета спасения».* «Рабочая газета» № 198, 28 октября 1917 г.

322 [3] *Там же*.

323 [1] *Там же*.

324 [1] *Греков А. Н.* Союз казачьих войск в Петрограде. «Донская летопись», 1923 г., № 2, стр. 272—277.

324 [2] *ЦАОР.* Фонд 336, дело № 328, часть 1, 1917, лист 82 оборота.

325 [1] *Там же*, лист 21.

325 [2] *Там же*, лист 82 оборота.

326 [1] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2. Москва, Госиздат, 1924 г., стр. 282.

327 [1] *Телеграмма Керенского главнокомандующему Северным фронтом.* «Рабочая газета» № 198, 28 октября 1917 г.

328 [1] *Документы.* «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922 г., стр. 310 — 311.

328 [2] *Там же*, стр. 315.
329 [1] *ЦАОР*. Фонд 543, дело № 10, 1917, лист 44.
329 [2] *ЦАОР*. Фонд 1052, дело № 343, 1917, лист 1.
329 [3] *ЦАОР*. Фонд 380, дело № 26, 1917, лист 8.
330 [1] *Там же*, листы 1, 2.
330 [2] *ЦАОР*. Фонд 380, дело № 26, 1917, лист 22.
330 [3] *Там же*, листы 25, 26.
330 [4] *ЦАОР*. Фонд 1052, дело № 343, 1917, лист 4.
330 [5] *Там же*, лист 2.
331 [1] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 158.
332 [1] *Подвойский* Н. В Октябрьские дни. В книге: Ленин в первые месяцы советской власти. Москва, Партиздат, 1933 г., стр. 64.
333 [1] *Ленин В. И.* Разговор с Гельсингфорсом по прямому проводу 9 ноября (27 октября) 1917 г. Сочинения, том XXII, стр. 27—28.
334 [1] *ЦАОР*. Фонд 1236, опись 1, дело № 4, лист 4.
334 [2] *ЦАОР*. Фонд 1236, опись 1, дело № 12, лист 5.
336 [1] *Станкевич В. Б.* Воспоминания (1914—1919). Берлин, 1920 г., стр. 269.
336 [2] *Там же*.
336 [3] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 161.
336 [4] *ЦАОР*. Фонд 1052, дело № 343, лист 42.
337 [1] *Там же*, лист 8.
337 [2] *Там же*, лист 7.
337 [3] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 161.
338 [1] *Там же*.
338 [2] *ЦАОР*. Фонд 1052, дело № 343, 1917, лист 10.
339 [1] *Там же*.
339 [2] *Там же*, лист 12.
339 [3] *Там же*, лист 13.
339 [4] *Там же*, лист 15.
340 [1] *Приказ*. «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 210, 29 октября 1917 г.
341 [1] *Ко всему населению*. «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 210, 29 октября 1917 г.
341 [2] *ЦАОР*. Книгохранилище. Фонд листовок, инвен. № 9283.
341 [3] *ЦАОР*. Фонд 1236, опись 1, дело № 3, лист 9.
342 [1] *Там же*, лист 11.
342 [2] *ЦАОР*. Фонд 1052, дело № 341, лист 38.
342 [3] *ЦАОР*. Фонд 1236, опись 1, дело № 4, лист 6.
343 [1] *Там же*, лист 1 в.
344 [1] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 284, 1917, лист 49 оборота.
344 [2] *Станкевич В. Б.* Воспоминания (1914—1919). Берлин, 1920 г., стр. 270.
345 [1] *Владимирова В.* Год службы социалистов капиталистам. Москва — Ленинград, Госиздат, 1927 г., стр. 26.
345 [2] *Военно-революционный комитет*. «Новая жизнь» № 167, 30 октября 1917 г.
346 [1] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 284, 1917, лист 33.
346 [2] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 72, 1917, листы 5, 8.
347 [1] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 328, часть 1, 1917, лист 13.
347 [2] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны»*. Фонд II тома ИГВ.
348 [1] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 284, 1917, лист 24.
348 [2] *Там же*, лист 26.
349 [1] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 139, 1917, листы 58, 59.
349 [2] *Владимирова В.* Год службы социалистов капиталистам. Москва — Ленинград, Госиздат, 1927 г., стр. 29.
351 [1] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 328, часть 1, 1917, лист 4.
353 [1] *Что выставили путиловцы на защиту революции*. «Бюллетени бюро военных комиссаров» № 2. В книге: Бюллетени бюро военных комиссаров. Орган бюро военных комиссаров Наркомвоена № 1—8, 1917—1918 гг.

Ленинград, Ленпартиздат, 1933 г., стр. 6.

355 ² *Путиловец в трёх революциях.* Сборник материалов по истории Путиловского завода. Москва, «История заводов», 1933 г., стр. 408.

356 ¹ *Ленин В. И.* Советы постороннего. Сочинения, том XXI, стр. 320.

356 ² *Дневницкий П.* Библейское преступление. «Единство» № 174, 29 октября 1917 г.

358 ¹ *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 2, дело № 15, лист 12.

358 ² *Там же*, лист 11.

358 ³ *Там же*, лист 46.

358 ⁴ *Там же.*

358 ⁵ *Там же*, лист 44.

358 ⁶ *Там же*, лист 12.

358 ⁷ *Там же*, лист 14.

359 ¹ *Там же*, лист 14 оборота.

359 ² *Там же*, лист 21.

359 ³ *Там же.*

359 ⁴ *Там же*, лист 41.

360 ¹ *Там же*, лист 20.

360 ² *Там же*, лист 26.

360 ³ *Там же*, лист 20.

360 ⁴ *Там же*, лист 16.

362 ¹ *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 1, дело № 59а, лист 153.

362 ² *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 1, дело № 21, лист 8.

362 ³ *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 1, дело № 60, лист 5.

362 ⁴ *Там же*, лист 2.

363 ¹ *Приказ по Петроградскому военному округу.* «Правда» № 174, 31 октября 1917 г.

363 ² *Ленин В. И.* Совещание полковых представителей петроградского гарнизона 11 ноября (29 октября) 1917. Сочинения, том XXII, стр. 31.

364 ¹ *ЦАОР.* Фонд 336, дело № 49, 1917, лист 20.

364 ² *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 162.

364 ³ *Там же*, стр. 163.

365 ¹ *Ленин В. И.* Совещание полковых представителей петроградского гарнизона 11 ноября (29 октября) 1917. Сочинения, том XXII, стр. 30—31.

365 ² *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 163.

366 ¹ *Съезд Советов.* Железнодорожники не признают власти большевиков. «Рабочая газета» № 198, 28 октября 1917 г.

366 ² *Вомпе П.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники. Москва, издание ЦК железнодорожников, 1924 г., стр. 22.

367 ¹ *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917—февраль 1918. Москва —Ленинград, Госиздат, 1929 г., стр. 145.

367 ² *Там же*, стр. 146.

368 ¹ *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 2, дело № 14, часть 2, лист 48.

370 ¹ *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 165.

371 ¹ *Бюллетень Военно-революционного комитета.* «Новая жизнь» № 170, 2 ноября 1917 г.

372 ¹ *ЦАОР.* Фонд 543, дело № 10, 1917, лист 26 оборота.

372 ² *ЦАОР.* Фонд 1052, дело № 343, 1917, лист 25.

372 ³ *Там же.*

372 ⁴ *ЦВИА.* Фонд кабинета военного министра. Дело № 1592/с, лист 53.

373 ¹ *ЦВИА.* Фонд XVII армейского корпуса. Дело № 424—095, листы 423, 424.

373 ² *Там же*, лист 367.

374 ¹ *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 165.

374 ² *ЦАОР.* Фонд 336, дело № 102, 1917, листы 4, 5.

374 ³ *ЦАОР.* Фонд 1052, дело № 343, 1917, листы 27, 28.

374 ⁴ *Там же*, лист 33.

375 ¹ *Красносельский отряд.* «Правда» № 175, 1 ноября 1917 г.

376 ¹ *Станкевич В. Б.* Воспоминания (1914—1919). Берлин, 1920 г., стр. 279.

376 ² *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 171.

376 ³ *Там же.*

377 ¹ *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 2, дело № 14, часть 1, лист 14.

377 [2] *Там же.*
377 [3] *Заседание Петроградского Совета Р. и С. Д.* «Новая жизнь» № 169, 1 ноября 1917 г.
379 [1] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. «Архив русской революции». Том I. Издание 2. Берлин, 1922 г., стр. 172.
379 [2] *ЦАОР.* Фонд 1052, дело № 343, 1917, лист 35.
379 [3] *Там же,* лист 36.
379 [4] *Там же,* лист 39.
380 [1] *ЦВИА.* Фонд верховного главнокомандующего. Управление генерал-квартирмейстера. Дело № 816, лист 152.

☆

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ.

382 [1] *Московский партархив.* Протоколы МК РСДРП(б).
384 [1] *МАОР.* Фонд 94 Моссовета, опись 1, дело № 25, лист 15.
384 [2] *Совет рабочих депутатов.* Заседание Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.
384 [3] *Там же.*
385 [1] *Там же.*
385 [2] *МАОР.* Фонд 94 Моссовета, опись 1, дело № 25, лист 24.
386 [1] *Там же.*
387 [1] *Заседание городской думы 25 октября.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.
387 [2] *Там же.*
387 [3] *Там же.*
388 [1] *Вознесенский А. Н.* Москва в 1917 году. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 151.
388 [2] *Заседание городской думы 25 октября.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» №197, 26 октября 1917 г.
388 [3] *Там же.*
391 [1] *ЦАОР.* Фонд № 1, дело № 2, стр. 530.
391 [2] *От военно-революционного комитета Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.
395 [1] *ЦВИА.* Связка 14, лист 1395. Приказ № 1481.
395 [2] *Соединённое заседание Исполнительных комитетов Сов. раб., солд. и крест. деп. 26 октября.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 198, 27 октября 1917 г.
395 [3] *Там же.*
396 [1] *Вознесенский А. Н.* Москва в 1917 году. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 161.
398 [1] *Последний час.* «Социал-демократ» № 194, 27 октября 1917 г.
398 [2] *Там же.*
399 [1] *ЦАОР.* Дело копий. 1917, том II.
400 [1] *«Настроение в Москве...».* «Вперёд» (Москва) № 194, 28 октября 1917 г.
401 [1] *МАОР.* Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 495/163, лист 1.
401 [2] *Там же.*
404 [1] *Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 6(61), стр. 29.
404 [2] *Там же,* стр. 30.
405 [1] *Там же.*
408 [1] *Шлихтер А.* Памятные дни в Москве. «Пролетарская революция», 1922 г., № 10, стр. 194.
408 [2] *Общее собрание гласных районных дум.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» №199, 28 октября 1917 г.
408 [3] *Шлихтер А.* Памятные дни в Москве. «Пролетарская революция», 1922 г., № 10, стр. 197.
412 [1] *Ставка и Московский комитет общественной безопасности в*

1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6(61), стр. 30—31.

412 [2] *Там же*, стр. 31.

412 [3] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.

412 [4] *Московский военно-революционный комитет.* «Красный архив», 1934 г., том 4—5 (65—66), стр. 181.

414 [1] *Воспоминания о взятии московского Кремля юнкерами.* Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

415 [1] *Там же.*

416 [1] *В Кремле.* Воспоминания. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

416 [2] *Документы.* Октябрь в Москве. «Борьба классов», 1931 г., № 6—7, стр. 99.

416 [3] *Приказ по Москве.* «Труд» № 180. 29 октября 1917 г.

417 [1] *Объявление.* «Труд» № 180, 29 октября 1917 г.

417 [2] *Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 6(61), стр. 33.

417 [3] *Там же.*

417 [4] *Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 6(61), стр. 33—34.

417 [5] *Там же*, стр. 32.

420 [1] *К рабочим.* «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 199, 28 октября 1917 г.

421 [1] *Там же.*

421 [2] *Ася.* Октябрь 1917 г. в Городском районе. В книге: Октябрьские дни в Москве и районах. Москва, «Московский рабочий», 1922 г., стр. 61.

422 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.

422 [2] *«Социал-демократ»* № 195, 28 октября 1917 г.

423 [1] *Московский военно-революционный комитет.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 70.

431 [1] *Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 6(61), стр. 35.

432 [1] *Там же*, стр. 35—36.

432 [2] *Там же*, стр. 37.

435 [1] *Там же*, стр. 38.

436 [1] *Там же*, стр. 39.

436 [2] *Очерки по истории союза 1917 г.* Сборник комиссии по изучению истории профессионального движения на транспорте. Москва, Истпрофтран, 1924 г., стр. 80.

436 [3] *Там же*, стр. 80.

437 [1] *Вознесенский А. Н.* Москва в 1917 году. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 172.

437 [2] *Очерки по истории союза 1917 г.* Сборник комиссии по изучению профессионального движения на транспорте. Москва, Истпрофтран, 1924 г., стр. 86—87.

439 [1] *Из истории Октябрьской революции в Москве.* «Пролетарская революция», 1923 г., № 9(21), стр. 226.

439 [1] *МАОР.* Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 48/48, лист 1.

441 [1] *МАОР.* Фонд Моссовета. «Бюллетень комитета общественной безопасности» № 4, 31 декабря 1917 г.

441 [2] *Очерки по истории союза 1917 г.* Сборник комиссии по изучению истории профессионального движения на транспорте. Москва, Истпрофтран, 1924 г., стр. 115—116.

442 [1] *Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.* «Красный архив», 1933 г., том 6(61), стр. 41.

442 [2] *Там же*, стр. 42.

444 [1] *В Москве.* Совещание. «Труд» № 181, 31 октября 1917 г.

446 [1] *Братская могила.* Биографический словарь умерших и погибших членов московской организации РКП. Выпуск I. Москва, 1922 г., стр. 188.

448 [1] *К истории Московского военно-революционного комитета.* «Красный архив», 1932 г., том 5—6 (54—55), стр. 133.

456 [1] *ЦАОР.* Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 643/46д, лист 1.

456 [2] *ЦАОР. Там же.*
457 [1] *Ленин В. И.* Выступления на заседании ЦК РСДРП(б) 14(1) ноября 1917 г. Протокольная запись. Сочинения, том XXII, стр. 35.
457 [2] *Там же.*
458 [1] *ЦАОР.* Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 643/46, лист 1.
459 [1] *Там же.*
459 [2] *ЦАОР.* Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 239/239, лист 1.
463 [1] *Ленин В. И.* Советы постороннего. Сочинения, том XXI, стр. 319.
463 [2] *Там же.*
464 [1] *Там же*, стр. 320.

☆

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ФРОНТЕ.

465 [1] *Документы.* «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922 г., стр. 305.
465 [2] *Там же*, стр. 315.
466 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II. Париж, 1922 г., стр. 144.
466 [2] *Бонч-Бруевич М. Д.* Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
467 [1] *Дикгоф-Деренталь А.* Силуэты Октябрьского переворота. В книге: Пережитое. (В год революции). Книга I. Москва, «Верфь», [1918], стр. 53—54.
467 [2] *Ленин В. И.* Проект резолюции о современном политическом моменте. Сочинения, том XXI, стр. 139.
467 [3] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 156.
467 [4] *Там же*, стр. 170.
468 [1] *Там же.*
468 [2] *Обращение общеармейского комитета к Всероссийскому исполнительному комитету железнодорожников.* «Бюллетень общеармейского комитета» № 4, 31 октября 1917 г.
468 [3] *Революция 1917 г. в исторических документах.* Тифлис, 1930, стр. 160—161.
469 [1] *В военно-революционном комитете при Петроградском Совете Р. и С. Д.* «Рабочий путь» № 45, 25 октября 1917 г.
470 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
470 [2] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 180.
472 [1] *Там же*, стр. 180—181.
472 [2] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 5(24), стр. 74.
473 [1] *Там же*, стр. 75.
473 [2] *Там же.*
474 [1] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 161.
474 [2] *Там же*, стр. 186.
474 [3] *Там же*, стр. 186—187.
474 [4] *Там же*, стр. 187.
474 [5] *ЦВИА.* Фонд штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. Дело № 222—092, лист 348.
475 [1] *Там же.* Дело № 222—778, листы 123, 124.
475 [2] *Отчёт представителя 88-го Петровского пехотного полка.* «Правда» № 181, 5 ноября 1917 г.
475 [3] *Там же.*
475 [4] *Там же.*
476 [1] *ЦВИА.* Фонд штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. Дело № 222—778, лист 114.
477 [1] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 190.
478 [1] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 5(24), стр. 90.
479 [1] *Там же*, стр. 88, 89, 90.

479 [2] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 192.
479 [3] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 5(24), стр. 71.
479 [4] *Там же*, стр. 72.
480 [1] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 164.
481 [1] *Там же*, стр. 178—179.
481 [2] *Там же*, стр. 189.
482 [1] *Октябрь на фронте.* «Красный архив», 1927 г., том 5(24), стр. 78.
482 [2] *Там же*, стр. 99.
484 [1] *ЦВИА.* Фонд 85-го пехотного запасного полка. Полковой комитет. Дело № 448—051, лист 27.
484 [2] *Октябрьские дни в действующей армии.* «Пролетарская революция», 1925 г., № 3, стр. 217.
485 [1] *Там же.*
486 [1] *ЦВИА.* Фонд 85-го пехотного запасного полка. Полковой комитет. Дело № 448—051, лист 25.
487 [1] *ЦВИА.* Фонд штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. Дело № 157—792, лист 344.
488 [1] *Как сражались большевики под Ригой.* «Рабочий» № 4, 28 августа 1917 г.
488 [2] *На Рижском фронте.* Последние известия. «Рабочий» № 1, 25 августа 1917 г.
488 [3] *К клевете на солдат.* Последние известия. «Рабочий» № 2, 26 августа 1917 г.
489 [1] *Чинам штаба Петроградского округа.* «Правда» № 173, 30 октября 1917 г.
489 [2] *Резолюции.* Голос с фронта. «Правда» № 181, 5 ноября 1917 г.
490 [1] *От армейского военно-революционного комитета 2-й армии.* «Правда» № 182, 7 ноября 1917 г.
490 [2] *Декларация армейского съезда 2-й армии.* Армия и революция. «Правда» № 188, 13 ноября 1917 г.
490 [3] *Приказ по армии и флоту № 2.* «Правда» № 190, 15 ноября 1917 г.
491 [1] *С фронта.* 107-й пехотный Троицкий полк. «Правда» № 180, 4 ноября 1917 г.
492 [1] *ЦВИА.* Фонд штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. Дело № 157—792, лист 243.
492 [2] *Третий армейский съезд.* «Голос X армии» № 99, 8 ноября 1917 г.
493 [1] *ЦВИА.* Фонд штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. Дело № 157—792, лист 247.
493 [2] *Там же*, листы 241, 242.
494 [1] *Второй армейский съезд.* (Заседание 3 ноября). Речь тов. Царева (большевика). «Голос III армии» № 155, 4 ноября 1917 г.
496 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
498 [1] *Там же.*
498 [2] *Там же.*
500 [1] *Каменщиков В. В.* 1917 год на Западном фронте. (Отрывки воспоминаний). Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
502 [1] *ЦВИА.* Фонд штаба верховного главнокомандующего. Управление генерал-квартирмейстера. Дело № 815, лист 178.
502 [2] *Там же*, лист 179.
502 [3] *Там же.*
503 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
506 [1] *Там же.*
506 [2] *Там же.*
508 [1] *Октябрьский переворот и Ставка.* «Красный архив», 1925 г., том 1(8), стр. 166.
508 [2] *Октябрьский переворот и Ставка.* «Красный архив», 1925 г., том 2(9), стр. 163.
508 [3] *Там же.*
509 [1] *«Известия армейского комитета 8-й армии»* № 170, 6 ноября 1917 г.
510 [1] *Чрезвычайный съезд Юго-западного фронта.* «Солдатская правда» № 93, 1 декабря 1917 г.
512 [1] *Военно-революционный комитет Румынского фронта.* «Известия фронтового отдела «Румчерод» № 33, 27 октября 1917 г.
512 [2] *ЦВИА.* Фонд штаба верховного главнокомандующего. Управление помощника начальника штаба. Военно-политический отдел. Дело № 2075, листы 223, 224.
512 [3] *Экстренный фронтовой съезд.* «Известия фронтового отдела «Румчерод» № 37, 1 ноября 1917 г.

513 [1] *Там же.*
513 [2] *Экстренный фронтовой съезд.* «Известия фронтового отдела «Румчерод» № 38, 2 ноября 1917 г.
513 [3] *Там же.*
513 [4] *ЦАОР.* Фонд 347 военно-революционного штаба VI армии Румфронта. Дело № 12, лист 371.
514 [1] *Резолюция II съезда крестьянских депутатов Румынского фронта.* «Известия фронтового отдела «Румчерод» № 44, 9 ноября 1917 г.
514 [2] *От командующего 4-й армией.* «Вестник 4-й армии», 2 ноября 1917 г.
516 [1] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
516 [2] *Там же.*
516 [3] *Там же.*
517 [1] *Там же.*
517 [2] *Там же.*
517 [3] *Там же.*
518 [1] *Дикгоф-Деренталь А.* Силуэты Октябрьского переворота. В сборнике: Пережитое. (В год революции). Книга 1. Москва, «Верфь» [1918 г.], стр. 54.
518 [2] *Телеграмма общеармейского комитета.* «Голос X армии» № 100, 9 ноября 1917 г.
518 [3] *Там же.*
519 [1] *Накануне перемирия.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 205.
520 [1] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2. Москва, Госиздат, 1924 г., стр. 292—293.
521 [1] *Правительственное предписание г. Духонину.* «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 221, 10 ноября 1917 г.
521 [2] *Ленин В. И.* Радио всем. Сочинения, том XXII, стр. 72—73.
522 [1] *Ленин В. И.* Заседание ВЦИК 10 ноября 1917 г. Сочинения, том XXII, стр. 76.
522 [2] *Там же.*
523 [1] *Из разговора по прямому проводу.* «Бюллетень общеармейского комитета» № 17, 13 ноября 1917 г.
523 [2] *Каменщиков В. В.* 1917 год на Западном фронте. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
523 [3] *Накануне перемирия.* «Красный архив», 1927 г., том 4(23), стр. 230.
525 [1] *Совещание членов Ставки.* «Могилёвская жизнь» № 104, 20 ноября 1917 г.
525 [2] *Бонч-Бруевич М. Д.* Воспоминания. Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.
526 [1] *Там же.*
526 [2] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.
528 [1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том II. Париж, 1922 г., стр. 144.
528 [2] *Там же*, стр. 153.

☆

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ.

532 [1] *Ленин В. И.* Совещание полковых представителей петроградского гарнизона 11 ноября (29 октября) 1917 г. Сочинения, том XXII, стр. 30.
532 [2] *Архив профсоюзов.* Фонд 25, дело № 202, 1917, лист 12.
532 [3] *Там же*, лист 6.
533 [1] *Там же*, лист 9.
533 [2] *Там же*, лист 11.
533 [3] *Там же.*
533 [4] *Там же*, лист 14.
534 [1] *Совещание социалистических партий.* «Новая жизнь» № 168, 31 октября 1917 г., стр. 3.
535 [1] *Ленин В. И.* Выступления на заседании ЦК РСДРП(б) 14(1)

ноября 1917 г. Сочинения, том XXII, стр. 35.

536 [1] *Там же.*

536 [2] *Там же.*

536 [3] *Протоколы Центрального Комитета РСДРП.* Август 1917— февраль 1918. Москва — Ленинград, 1929 г., стр. 155—156.

537 [1] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва.* Москва, издательство ВЦИК 1918 г., стр. 12.

538 [1] *Ленин В. И.* Резолюция ЦК РСДРП(б) по вопросу о соглашении с социалистическими партиями 15(2) ноября 1917 г. Сочинения, том XXII, стр. 36.

539 [1] *Там же*, стр. 37.

539 [2] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва.* Москва, издательство ВЦИК, 1918 г., стр. 22.

540 [1] *Архив профсоюзов.* Фонд 25, дело № 202, лист 43.

540 [2] *Там же.*

541 [1] *Там же*, лист 46.

541 [2] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва.* Москва, издательство ВЦИК, 1918 г., стр. 26.

541 [3] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны».* Фонд II тома ИГВ.

541 [4] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва.* Москва, издательство ВЦИК, 1918 г., стр. 23.

542 [1] *Ленин В. И.* Заседание ВЦИК 17(4) ноября 1917 г. Речь по вопросу о свободе печати. Сочинения, том XXII, стр. 43—44.

542 [2] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва.* Москва, издательство ВЦИК, 1918 г., стр. 28.

543 [1] *Ленин В. И.* Заседание ВЦИК 17(4) ноября 1917 г. Ответ на запрос левых эсеров. Сочинения, том XXII, стр. 45.

543 [2] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва.* Москва, издательство ВЦИК, 1918 г., стр. 31.

544 [1] [*Передовая статья*]. «Рабочая газета» № 205, 6 ноября 1917 г.

544 [2] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Издание 2. Москва, Госиздат, 1925 г., стр. 288.

544 [3] *Ленин В. И.* От Центрального Комитета Российской социал-демократической партии (большевиков). Сочинения, том XXII, стр. 59.

544 [4] *Там же.*

545 [1] *Ленин В. И.* Предисловие ко второму изданию брошюры: «Удержат ли большевики государственную власть». Сочинения, том XXII, стр. 66.

546 [1] *Архив профсоюзов.* Фонд 25, дело № 34, лист 3.

547 [1] *Беседа с А. М. Никитиным.* «Известия Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов» № 202, 20 октября 1917 г.

547 [2] *Обещали хлеб — на деле ведут к голоду.* «Единство» № 178, 3 ноября 1917 г.

550 [1] *От комиссии по продовольствию.* «Правда» № 195, 21 ноября 1917 г.

550 [2] *Всем истинным гражданам.* «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 224, 13 ноября 1917 г.

550 [3] *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства* № 3, 8 декабря 1917 г., стр. 38.

551 [1] *«Трибуна государственных служащих»*, 1917 г., № 19, стр. 3.

552 [1] *Без власти.* «Рабочая газета» № 198, 28 октября 1917 г.

552 [2] *ЦАОР.* Фонд 336, дело № 314, листы 41—44.

554 [1] *ЦАОР.* Фонд 336, дело № 114, лист 13.

555 [1] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 2..3, лист 3.

555 [2] *Там же*.

555 [3] *ЦАОР*. Фонд 336, дело № 228, том II, лист 30.

555 [4] *Там же*, лист 39.

556 [1] *Там же*, лист 45(7).

556 [2] *Материалы Секретариата главной редакции «Истории гражданской войны»*. Фонд II тома ИГВ

557 [1] *ЦАОР*. Фонд 130, связка Б, опись 6, дело № 6, лист 45.

558 [1] *Набоков В.* «Архив русской революции». Том IV. Берлин, 1922 г., стр. 91.

558 [2] *Там же*, стр. 120.

558 [3] *Съезд крестьянских депутатов*. «Дело народа» № 204, 9 ноября 1917 г.

559 [1] *2 Всероссийский съезд крестьянских депутатов*. «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 225, 14 ноября 1917 г.

560 [1] *Гайсинский М.* Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. Москва, Партиздат, 1933 г., стр. 190.

560 [2] *Там же*, стр. 189.

560 [3] *Ленин В. И.* Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов 25 ноября — 8 декабря (10—25 ноября) 1917 г. Речь по аграрному вопросу 27(14) ноября. Сочинения, том XXII, стр. 81.

561 [1] *Ленин В. И.* Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов 25 ноября — 8 декабря (10—25 ноября) 1917 г. Проект резолюции. Сочинения, том XXII, стр. 83—84.

561 [2] *Ленин В. И.* Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов 25 ноября — 8 декабря (10—25 ноября). 1917 г. Речь по аграрному вопросу 27(14) ноября. Сочинения, том XXII, стр. 81.

561 [3] *Там же*.

561 [4] *Там же*.

561 [5] *Ленин В. И.* Крестьянский съезд. Речь Ленина. «Новая жизнь» № 181, 15 ноября 1917 г.

561 [6] *Ленин В. И.* Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов 25 ноября — 8 декабря (10—25 ноября) 1917 г. Доклад об условиях соглашения с левыми эсерами 1 декабря (18 ноября). Сочинения, том XXII, стр. 87—88.

561 [7] *Там же*, стр. 88.

562 [1] *Слияние Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*. «Правда» № 191, 16 ноября 1917 г.

562 [2] *Там же*.

562 [3] *Первое пленарное заседание ЦИК Всероссийских съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 15 ноября*. «Правда» № 192, 17 ноября 1917 г.

563 [1] *Ленин В. И.* Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Сочинения, том XXII, стр. 89.

563 [2] *Ленин В. И.* Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Сочинения, том XXIII, стр. 323.

564 [1] *«Утро России»* № 267, 21 ноября 1917 г.

565 [1] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва*. Москва, издательство ВЦИК, 1918 г., стр. 83.

568 [1] *Ленин В. И.* Выступление на заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.(б) 12 декабря (29 ноября) 1917 г. Речь по вопросу об Учредительном собрании и арестах членов кадетской партии. Протокольная запись. Сочинения, том XXII, стр. 109.

569 [1] *Декреты Октябрьской революции*. (Правительственные акты, подписанные или утверждённые Лениным, как председателем Совнаркома). 1. От Октябрьского переворота до роспуска Учред. собрания. Москва, Партиздат, 1933 г., стр. 210.

569 [2] *Ленин В. И.* Выступление на заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.(б) 12 декабря (29 ноября) 1917 г. Речь по вопросу об Учредительном собрании и арестах членов кадетской партии. Протокольная запись. Сочинения, том XXII, стр. 110.

570 [1] *Ко всем трудящимся и эксплуатируемым.* Правительственное сообщение. «Правда» № 202, 30 ноября 1917 г.
570 [2] *Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. депутатов II созыва.* Москва, издательство ВЦИК, 1918 г., стр. 44.
572 [1] *Ленин В. И.* Государство и революция. Сочинения, том XXI, стр. 389.
574 [1] *Там же*, стр. 387.
574 [2] *Там же*, стр. 387—388.
574 [3] *Там же*, стр. 396.
574 [4] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. В книге: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, том XVI, часть II. Москва, Партиздат, 1936 г., стр. 109.
575 [1] *Ленин В. И.* Несколько тезисов. От редакции. Сочинения, том XVIII, стр. 312.
575 [2] *Сталин И. В.* Ещё раз о социал-демократическом уклоне. В его книге: Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг. Москва — Ленинград, Госиздат, 1924 г., стр. 520.
575 [3] *Ленин В. И.* Маркс: «Гражданская война во Франции». Ленинский сборник XIV. Москва — Ленинград, Госиздат, 1930 г., стр. 311.
575 [4] *Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? Сочинения, том XXI, стр. 256—257.
576 [1] *Там же*, стр. 260.
576 [2] *Там же*, стр. 261.
576 [3] *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. Издание 2. Москва, «Федерация», 1931 г., стр. 134.
577 [1] *Демьянов А. С.* Записки о подпольном Временном правительстве. «Архив русской революции». Том VII. Берлин, 1922 г., стр. 34.
578 [1] *От народного комиссара по просвещению.* «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства» № 3, 1 ноября 1917 г.
578 [2] *Зеликман М.* Без исходящего номера. «Прожектор», 1924 г., № 3 (25), стр. 10.
578 [3] *ЦАОР.* Фонд 1236, опись 2, дело № 27, лист 40.
579 [1] *Заседание Петроградского Совета.* «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 229, 18 ноября 1917 г.
579 [2] *Ленин В. И.* Речь памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г. Сочинения, том XXIV, стр. 83.
581 [1] *Декреты Октябрьской революции.* (Правительственные акты, подписанные или утверждённые Лениным, как председателем Совнаркома). 1. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. Москва, Партиздат, 1933 г., стр. 28—30.
582 [1] *Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока.* «Правда» № 196, 22 ноября 1917 г.
583 [1] *Сталин И. В.* О Турецкой Армении. «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 264, 31 декабря 1917 г.
583 [2] *Декреты Октябрьской революции.* (Правительственные акты, подписанные или утверждённые Лениным, как председателем Совнаркома). 1. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. Москва, Партиздат, 1933 г., стр. 393.
584 [1] *Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел № 2.* Издание 2. Петроград, издательство НКИД, 1917 г., стр. 1.
585 [1] *Ленин В. И.* Речь памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г. Сочинения, том XXIV, стр. 79—81.
586 [1] *Ленин В. И.* Выступление по вопросу о создании Высшего совета народного хозяйства. Сочинения, том XXII, стр. 108.
588 [1] *Ленин В. И.* XI съезд РКП(б). Политический отчёт Центрального Комитета РКП(б) 27 марта

1922 г. Сочинения, том XXVII, стр. 255.

588 [2] *Ленин В. И.* Очередные задачи советской власти. Сочинения, том XXII, стр. 464.

588 [3] *Ленин В. И.* К населению. Сочинения, том XXII, стр. 55.

589 [1] *ЦАОР.* Фонд 1232. Чарнолусский В. И. Опись 2, дело 14, часть 1, лист 8.

591 [1] *Там же*, лист 109.

592 [1] *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Сочинения, том XXI, стр. 189.

592 [2] *Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? Сочинения, том XXI, стр. 276.

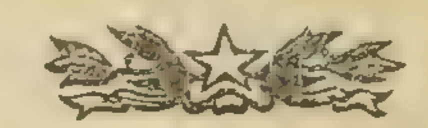
593 [1] *Там же*, стр. 277.

593 [2] *Сталин И. В.* Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. В его книге: Вопросы ленинизма. Издание 11. Москва, Огиз, 1939 г., стр. 412.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А.

Б.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

ПРЕДМЕТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Заводы и фабрики Петрограда.

Большевистские партийные и советские организации Петрограда.

МОСКВА.

Пригороды, районы, улицы, вокзалы, здания Москвы.

Заводы и фабрики Москвы.

Большевистские партийные и советские организации Москвы.

АРМИЯ.

Военные округа.

Фронты.

Военно-политические организации.

Красная гвардия.

Армии.

Корпуса.

Военные училища и школы.

Флот.

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ.

Съезды.

Конференции.

Большевистские местные организации.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

СОВЕТЫ.

Местные Советы и ВРК.

СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ СОВЕТОВ.

БУРЖУАЗНЫЕ, МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИИ.

КРАЯ, ОБЛАСТИ, ОКРУГА.

ГОРОДА *).

*) В скобках даны важнейшие переименования.

ГАЗЕТЫ *

* Названия газет без указания страниц относятся только к Указателю источников.

ДАТЫ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

1917 г.

30—31 августа.

Ликвидация корниловского мятежа.

31 августа.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую резолюцию, требующую создания советского правительства.

Рабочие Франко-русского, Новоадмиралтейского, Трубочного и целого ряда других заводов Петрограда на общезаводских собраниях и митингах приняли резолюции с требованием перехода власти к Советам и немедленного вооружения рабочих.

1 сентября.

Опубликованы резолюции собраний рабочих на заводах и фабриках Москвы с требованием перехода власти к Советам и вооружения рабочих.

В Минске открылось совещание большевиков Западной области и Западного фронта.

Революционный штаб Царицына отдал приказ о вооружении рабочих.

3 сентября.

Ленин написал «Проект резолюции о современном политическом моменте».

Закрытая Временным правительством в июльские дни «Правда» (выходившая с тех пор под разными названиями: «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», «Пролетарий» и «Рабочий») после очередного запрещения вышла под новым названием: «Рабочий путь». В первом номере опубликована статья Сталина «Кризис и директория».

5 сентября.

В Красноярске открылся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Средней Сибири. Съезд принял большевистскую резолюцию с требованием перехода власти к Советам.

Московский Совет рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую резолюцию с призывом к борьбе за завоевание власти революционным пролетариатом и крестьянством. Вынесено постановление об организации Красной гвардии.

6 сентября.

В газете «Рабочий путь» опубликованы статьи Сталина «Своим путём» и «О разрыве с кадетами».

8 сентября.

Рабочая секция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов избрала большевистский президиум.

[illegible]

В [illegible] «Рабочий путь» опубл[illegible]вана статья Сталина «Вторая волна».

Общее собрание рабочих Путиловского завода приняло большевистскую резолюцию, требующую введения рабочего контроля над производством, отмены частной собственности на землю, вооружения рабочих.

В Томске состоялась губернская конференция большевиков. Конференция вынесла резолюцию о передаче всей власти Советам.

10—12 сентября.

Состоялась конференция военной организации большевиков Юго-западного фронта в Киеве. Конференция приняла решение о передаче всей власти Советам.

10—14 сентября.

Ленин написал брошюру «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

12—14 сентября.

Ленин написал директивное письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам партии большевиков «Большевики должны взять власть».

13—14 сентября.

Ленин написал письмо Центральному Комитету партии большевиков «Марксизм и восстание», в котором ещё раз категорически подчеркнул необходимость вооружённого восстания.

14 сентября.

Опубликована статья Ленина «Один из коренных вопросов революции».

Во всех районах Петрограда закончено создание штабов Красной гвардии.

Открытие Демократического совещания в Петрограде.

15 сентября.

На заседании Центрального Комитета партии большевиков обсуждались исторические письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». По предложению Сталина принимается решение — размножить эти письма и разослать их важнейшим организациям. Отвергнуто предательское предложение Каменева скрыть от партии письма Ленина.

В Минске открылась I Северо-западная областная конференция большевиков.

16 сентября.

Омский Совет вынес постановление, в котором настаивал на немедленном созыве Всероссийского съезда Советов. Принято решение о создании Красной гвардии.

В газете «Рабочий путь» опубликованы статья Ленина «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной» и статья Сталина «Две линии».

17 сентября.

Ленин переехал из Гельсингфорса в Выборг.

В газете «Рабочий путь» опубликована статья Сталина «Вся власть Советам».

19 сентября.

В газете «Рабочий путь» опубликована статья Сталина «О революционном фронте».

20 сентября.

Заседание Центрального Комитета партии большевиков признало линию газеты «Рабочий путь», редактируемой Сталиным, правильной, полностью соответствующей линии Центрального Комитета, и отвергло заявления оппортунистов, выразивших недовольство решительной большевистской линией газеты.

21 сентября

Одесский Совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление об организации Красной гвардии.

22—24 сентября.

Ленин написал статью «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии».

23 сентября.

Собрание команды крейсера «Аврора» потребовало передачи власти Советам.

24 сентября — 1 октября.

Ленин написал брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?»

25 сентября.

Образование третьего коалиционного Временного правительства.

27 сентября.

Пермская окружная конференция большевиков вынесла постановление о немедленной организации Красной гвардии.

29 сентября.

Ленин написал статью «Кризис назрел».

1 октября.

В Петрограде открылась первая окружная конференция большевиков.

1—2 октября.

Ленин написал обращение «К рабочим, крестьянам и солдатам» с призывом к свержению контрреволюционного Временного правительства Керенского и завоеванию власти Советами.

1—7 октября.

Ленин написал «Тезисы для доклада на конференции 8 октября петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд».

2—7 октября.

Состоялся первый краевой съезд кавказской организации большевиков в Тифлисе. На съезде был избран Кавказский краевой комитет большевиков.

3 октября.

На заседании Центрального Комитета партии большевиков принято решение о вызове Ленина в Петроград.

II съезд Балтийского флота принял резолюцию с требованием немедленного удаления Керенского из правительства как авантюриста, «позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажем в пользу буржуазии великую революцию».

Собрание солдат I Сибирского армейского корпуса приняло большевистскую резолюцию о переходе всей власти к Советам.

3—7 октября.

Ленин написал «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам».

5 октября.

Съезд латышских стрелков XII армии в Вендене, поддержанный пятитысячным митингом солдат и рабочих, единогласно постановил решительно бороться с контрреволюционным Временным правительством под лозунгом «Вся власть Советам!»

В Минске состоялась II областная конференция большевиков Белоруссии и Западного фронта.

6 октября.

Съезд VI армейского корпуса потребовал немедленного созыва съезда Советов и установления советской власти.

Конференция Советов рабочих и солдатских депутатов Петроградской губернии, состоявшаяся в Кронштадте, приняла резолюцию об отказе в поддержке Временному правительству и о борьбе за власть Советов.

7 октября.

Ленин написал «Письмо Питерской городской конференции. Для прочтения на закрытом заседании».

Ленин нелегально приехал из Финляндии в Петроград.

8 октября.

Ленин написал статью «Советы постороннего» и «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области».

Опубликовано воззвание II съезда Балтийского флота к угнетённым всех стран, рассказывающее о героической борьбе революционных моряков Балтийского флота с германским флотом.

Состоялась демонстрация гарнизона и рабочих в Уфе под лозунгом «Вся власть Советам!»

9 октября.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов по предложению большевиков решил создать Военно-революционный комитет по обороне Петрограда.

Многотысячный митинг рабочих Обуховского завода в Петрограде принял резолюцию с требованием свержения буржуазного правительства и создания советской власти.

10 октября.

В газете «Рабочий путь» опубликована статья Сталина «Контрреволюция мобилизуется, — готовьтесь к отпору».

Состоялось заседание Центрального Комитета партии большевиков с участием Ленина. Принята резолюция Ленина о начале в ближайшие дни вооружённого восстания. На этом заседании Центральный Комитет избрал Политбюро.

11 октября.

На митинге путиловских рабочих единогласно была принята резолюция с требованием о переходе всей власти к Советам и о вооружении рабочего класса.

11—13 октября.

В Петрограде состоялся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Северной области, прошедший под руководством большевиков.

12 октября.

На закрытом заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета принято положение о Военно-революционном комитете.

13 октября.

В газете «Рабочий путь» опубликована статья Сталина «Власть Советов».

В газете «Рабочий путь» опубликовано извещение об организации при Петроградском Совете отдела рабочей гвардии.

На заседании Бакинского Совета рабочих и военных депутатов принята отставка меньшевистско-эсеровского Исполкома. Избран Временный исполнительный комитет рабочих и военных депутатов под председательством большевика Шаумяна.

13—15 октября.

В Екатеринбурге состоялся II окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Екатеринбургского округа. Съезд потребовал немедленного перехода власти к Советам и созыва II Всероссийского съезда Советов в назначенный срок.

14 октября.

В Минске в президиум Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов избраны исключительно одни большевики.

15 октября.

Состоялось закрытое заседание Петроградского комитета партии большевиков. Намечены мероприятия по подготовке вооружённого восстания в связи с постановлением Центрального Комитета от 10 октября.

16 октября.

Состоялось заседание Центрального Комитета партии большевиков с представителями партийных организаций. Обсуждался вопрос о вооружённом восстании. Принята резолюция, предложенная Лениным, о подготовке вооружённого восстания.

Избран Партийный центр по руководству восстанием во главе со Сталиным.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов вынес решение об организации 22 октября «Дня Петроградского Совета».

Областной съезд Советов Поволжья в Саратове принял резолюцию о переходе власти к Советам.

Съезд Советов Владимирской губернии избрал большевистский Исполком. Фактически власть перешла к Советам.

16—17 октября.

Ленин написал «Письмо к товарищам», в котором подвергнул уничтожающей критике предательские выступления Зиновьева и Каменева против вооружённого восстания.

16—24 октября.

Состоялся I Общесибирский съезд Советов в Иркутске. Принята резолюция о переходе власти к Советам. На съезде был выбран первый Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь).

17 октября.

Открылась Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов в Петрограде. Конференция высказалась за переход власти к Советам и приняла все резолюции, предложенные партией большевиков.

Областным совещанием Советов рабочих и солдатских депутатов Юго-западного края в Киеве принята резолюция о передаче власти Советам.

18 октября.

В газете «Новая жизнь» № 156 опубликовано заявление предателей — Зиновьева и Каменева о том, что они «в данных обстоятельствах» высказываются «против всякой попытки брать на себя инициативу вооружённого восстания».

Предупреждённое предателями, Временное правительство постановило принять меры против ожидающегося выступления большевиков.

Ленин написал «Письмо к членам партии большевиков» с разоблачением предательства Зиновьева и Каменева.

Собрание солдат Измайловского гвардейского полка заявило о готовности полка поддержать Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в борьбе за переход всей власти к Советам.

Закрытое собрание представителей полковых и ротных комитетов петроградского гарнизона в Смольном, на котором присутствовали представители почти всех воинских частей Петрограда и его окрестностей, высказалось за вооружённое восстание.

19 октября.

Ленин написал «Письмо в Центральный комитет РСДРП (большевиков)» с требованием исключить из партии Зиновьева и Каменева.

Собрание Егерского гвардейского резервного полка заявило об отказе подчиниться Временному правительству, о признании власти только Петроградского Совета и потребовало передачи власти Советам.

Разгром Калужского Совета войсками Временного правительства. Большевистски настроенный калужский гарнизон оказал вооружённое сопротивление.

20 октября.

Ленин написал статью «Новый обман крестьян партией эсеров».

Конференция промыслово-заводских комитетов Балаханского района Бакинских промыслов приняла резолюцию с требованием передачи власти Советам и немедленного сформирования Красной гвардии.

В ночь на 21 октября Военно-революционный комитет назначил комиссаров во все части петроградского гарнизона.

20—26 октября.

Состоялся I Дальневосточный краевой съезд профсоюзов во Владивостоке. Съезд высказался за переход власти к Советам, за поддержку в Петрограде II съезда Советов.

21 октября.

Собрание представителей полковых комитетов петроградского гарнизона приняло резолюцию о полной поддержке Военно-революционного комитета и созыве II съезда Советов. Собрание предложило в «День Петроградского Совета» (22 октября) провести смотр сил петроградских солдат и рабочих.

Совет рабочих и солдатских депутатов в Ташкенте вместе с ротными и полковыми комитетами по докладу о наказе делегату на II Всероссийский съезд Советов принял предложение большевиков о передаче всей власти Советам.

На заседании Центрального Комитета партии большевиков по докладу Дзержинского решено усилить Исполком Петроградского Совета группой товарищей во главе со Сталиным и Дзержинским.

22 октября.

В Петрограде был проведён «День Петроградского Совета». В воинских частях, на фабриках и заводах состоялись грандиозные митинги, проходившие под влиянием большевиков.

Крейсер «Аврора» получил распоряжение Совета остаться в Петрограде.

В Царицыне под руководством большевиков состоялась демонстрация рабочих под лозунгом «Вся власть Советам!»

На съезде V армии в Двинске избран Исполком армии, возглавляемый большевиками.

23 октября.

Обращение Военно-революционного комитета Петроградского Совета «К населению Петрограда» о назначении комиссаров в воинские части и особо важные пункты столицы и окрестностей.

24 октября.

Члены Партийного центра по руководству вооружённым восстанием Сталин и Свердлов совместно с бюро Военно-революционного комитета разрабатывают подробный план восстания.

По приказу Военно-революционного комитета все воинские части приведены в боевую готовность.

Временное правительство торопится предупредить восстание.

Все юнкерские училища приведены в боевую готовность. Юнкерские караулы занимают важнейшие пункты города.

Временным правительством постановлено закрыть газеты «Рабочий путь» и «Солдат» и немедленно арестовать большевиков, участников событий 3—4 июля.

Штаб военного округа опубликовал приказ об отстранении и предании суду комиссаров Военно-революционного комитета, назначенных в воинские части.

Главнокомандующий Петроградского военного округа приказал в экстренном порядке выключить телефоны Петроградского Совета и развести мосты, чтобы отрезать пролетарские районы от центра.

В 10 часов утра по указанию Сталина красногвардейцы и революционные солдаты оттеснили броневики Временного правительства и установили усиленную охрану у типографии и редакции «Рабочего пути».

В 11 часов утра газета «Рабочий путь» вышла с передовой Сталина «Что нам нужно?»

Гарнизон Петропавловской крепости перешёл на сторону восставших. В течение всего дня шла выдача оружия воинским частям и Красной гвардии из арсенала Петропавловской крепости.

Крейсер «Аврора» получил приказ Военно-революционного комитета о наводке мостов через Неву.

Вечером Ленин пишет «Письмо членам ЦК», в котором требует немедленно начать вооружённое восстание.

Ночью Ленин прибыл в Смольный.

25 октября.

В 10 часов утра Петроградский военно-революционный комитет обратился с воззванием «К гражданам России», написанным Лениным. Воззвание извещало о свержении буржуазного правительства Керенского и о переходе власти к Военно-революционному комитету.

В 2 ч. 35 м. дня открылось экстренное чрезвычайное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором было заслушано сообщение о свержении Временного правительства и о переходе власти в руки Советов. Ленин сделал доклад о победе революции и о задачах власти Советов.

В 2 часа ночи на 26 октября отрядами Красной гвардии, революционными матросами и солдатами был взят Зимний дворец. Временное правительство арестовано.

25—27 октября.

25 октября в 10 ч. 40 м. вечера в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд принял воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», написанное Лениным. В ночь с 26 на 27 октября съезд

утвердил декреты о мире, земле и образовании рабоче-крестьянского правительства — Совета народных комиссаров. Председателем Совнаркома избран Ленин, народным комиссаром по делам национальностей — Сталин.

25 октября.

Московский комитет партии большевиков принял решение создать боевой центр для руководства восстанием.

Объединённое заседание Московского Совета рабочих и солдатских депутатов приняло резолюцию большевиков об организации революционного комитета для всемерной поддержки Петрограда.

В Москве отряды Красной гвардии заняли почту, телеграф и телефон.

В Москве меньшевики, эсеры, кадеты и представители других контрреволюционных партий создали центр контрреволюции — «комитет общественной безопасности».

Установление советской власти в Минске, Владимире, Иваново-Вознесенске, Луганске, Орехово-Зуеве, Кронштадте, Юрьеве.

В Пскове образовался Северо-западный военно-революционный комитет из представителей Петроградского и Псковского Советов, армии, железнодорожников и ряда других организаций.

26 октября.

Московский военно-революционный комитет отдал приказ по гарнизону о приведении всех воинских частей в боевую готовность.

Московский окружной комитет и областное бюро партии вынесли постановление о прекращении всяких переговоров с белогвардейцами и дали наказ боевым центрам продолжать решительные действия.

Московский военно-революционный комитет по указанию Партийного центра закрыл буржуазные газеты «Русское слово», «Утро России», «Русские ведомости» и «Раннее утро».

Установление советской власти в Казани, Ростове-на-Дону, Уфе, Рязани, Екатеринбурге, Каменец-Подольске, Ревеле, Вендене.

27 октября.

Возобновлён выход центрального органа большевиков — газеты «Правда» (вместо газеты «Рабочий путь»).

Советское правительство обратилось по радио к воюющим державам с предложением мира.

В Петрограде распущен Центрофлот, поддерживавший контрреволюционный комитет «спасения родины и революции». Военно-морской революционный комитет выпустил воззвание с призывом оказать поддержку власти Советов.

Московский военно-революционный комитет отклонил ультиматум командующего войсками Московского военного округа и призвал рабочих и солдат к борьбе.

Первое вооружённое столкновение революционных войск с юнкерами на Красной площади в Москве.

Установление советской власти в Самаре, Саратове, Витебске, Ярославле.

27—31 октября.

Установление советской власти в Ташкенте.

28 октября.

Установление советской власти в Нижнем-Новгороде, Твери.

Юнкера предательски захватили Кремль в Москве, жестоко расправившись с революционным гарнизоном.

29 октября.

Подавление контрреволюционного мятежа юнкеров в Петрограде.

Установление советской власти в Красноярске.

30 октября.

Установление советской власти в Воронеже и Гомеле.

В Москве юнкера нарушили перемирие и возобновили военные действия.

30—31 октября.

Установление советской власти в Смоленске.

31 октября.

Представители от I, II, III, V, VIII, X, XII армий сообщили Петроградскому военно-революционному комитету о полной поддержке власти Советов.

У Пулковских высот разгромлены войска генерала Краснова. Советские войска заняли Царское Село. Белоказаки отступили к Гатчине.

1 ноября.

Советские войска заняли Гатчину. Генерал Краснов и штаб Керенского арестованы. Казаки перешли на сторону революционных войск.

Установление советской власти в Орле.

2 ноября.

Совнарком опубликовал «Декларацию прав народов России», подписанную Лениным и Сталиным.

В 9 часов вечера Московский военно-революционный комитет в приказе войскам сообщил о победе социалистической революции в Москве.

Установление советской власти в Пскове.

Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил установление советской власти в Баку.

3 ноября.

В 3 часа утра красногвардейцы заняли Кремль. Взятием Кремля была завершена победа революции в Москве.

4 ноября.

Установление советской власти в Царицыне.

Молотов утверждён заместителем председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов.

5 ноября.

От имени Совнаркома Ленин написал воззвание «К населению» об окончательной победе пролетарской революции в Петрограде и Москве и о задачах борьбы за власть Советов на местах.

7 ноября.

В Молодечно открылся III съезд X армии. Съезд избрал новый армейский комитет, в котором большинство принадлежало большевикам, и Военно-революционный комитет.

8 ноября.

По предложению Ленина Я. М. Свердлов избран председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета.

9 ноября.

Ленин от имени Совета народных комиссаров написал «Радио всем», в котором сообщалось о снятии главковерха Духонина, отказавшегося подчиниться советскому правительству, и о назначении нового главковерха.

10 ноября.

Всероссийский центральный исполнительный комитет утвердил «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов».

10—25 ноября.

Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в Петрограде.

14 ноября.

Всероссийский центральный исполнительный комитет принял «Положение о рабочем контроле».

Установление советской власти в Новгороде.

15 ноября.

Слияние Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских депутатов с Всероссийским центральным исполнительным комитетом.

15—21 ноября.

Третий краевой съезд Советов в Ташкенте избрал Совнарком и ЦИК Советов Туркестанского края. Принята резолюция о переходе власти на местах к Советам и об организации Советов мусульманских рабочих депутатов.

18 ноября.

Установление советской власти во Владивостоке и Могилёве.

В Бердичеве открылся Чрезвычайный съезд армии Юго-западного фронта. На съезде был избран Военно-революционный комитет, который издал приказ № 1 о том, что высшей властью в стране является Совет народных комиссаров.

18—20 ноября.

В Минске состоялся III съезд Советов крестьянских депутатов Минской и Витебской губерний. Съезд прошёл под руководством большевиков и признал Белоруссию неразделькой частью революционной России.

19 ноября.

Установление советской власти в Иркутске.

20 ноября.

Ликвидация контрреволюционного мятежа в Ставке старой армии в Могилёве. Занятие Ставки советскими войсками.

22 ноября.

Совет народных комиссаров опубликовал обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное Лениным и Сталиным.

Установление советской власти в Кишинёве (Бессарабия).

25 ноября.

Обращение Совета народных комиссаров к трудовым казакам о завоеваниях Октябрьской революции и о борьбе с контрреволюцией.

Обращение Совета народных комиссаров «Ко всему населению» с призывом к борьбе с контрреволюционными мятежами генерала Каледина и атамана Дутова.

Установление советской власти в Вятке.

26 ноября.

Установление советской власти в Курске.

27 ноября.

Установление советской власти в Самарканде.

28 ноября.

По предложению Ленина Совет народных комиссаров принял «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции».

Установление советской власти в Калуге.

29 ноября.

Установление советской власти в Харбине.

30 ноября.

Установление советской власти в Омске.

1 декабря.

Всероссийский центральный исполнительный комитет утвердил декрет об организации Высшего совета народного хозяйства.

Установление советской власти в Новороссийске.

2 декабря.

Установление советской власти в Костроме.

Захват Ростова-на-Дону белоказачьими бандами атамана Каледина.

3—5 декабря.

В Киеве состоялся первый областной съезд большевиков Украины.

4 декабря.

Совнарком РСФСР опубликовал манифест к украинскому народу с признанием его прав на самоопределение и с требованием прекращения контрреволюционной деятельности Украинской центральной рады.

5 декабря.

Установление советской власти в Ашхабаде.

Ликвидация Военно-революционного комитета Петроградского Совета с передачей его функций Отделу по борьбе с контрреволюцией при Всероссийском центральном исполнительном комитете.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1.

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ИЗДАНИЯ ВТОРОГО ТОМА «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР».

☆

2.

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ПОДОБРАННЫЕ В МУЗЕЯХ И АРХИВАХ СОЮЗА ССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава первая.

КРИЗИС НАЗРЕЛ.

☆

Глава вторая.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШТУРМА.

☆

Глава третья.

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЁННОГО ВОССТАНИЯ В ПЕТРОГРАДЕ.

☆

Глава четвёртая.

ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ.

Глава пятая.

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

☆

Глава шестая.

РАЗГРОМ АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА.

☆

Глава седьмая.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ.

☆

Глава восьмая.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ФРОНТЕ.

☆

Глава девятая.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ.

★

УКАЗАТЕЛИ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ ВТОРОГО ТОМА:

Александров Г. Ф., Минц И. И., Поспелов П. Н., Ярославский Ем.

Художественное оформление издания и наблюдение за полиграфическими процессами на производстве художников

ЮРКЕВИЧА Л. Н. и СЕДЕЛЬНИКОВА Н. А.

111

Подпись к печати — с 8 ноября по 23 декабря 1943 года. Объём издания — 41 печатный лист и 18 иллюстраций-вклеек на отдельных страницах, из них 4 иллюстрации, отпечатанные четырёхцветной автотипией; 10 иллюстраций, отпечатанные способом глубокой печати; 3 карты и 1 документ, воспроизведённые в красках литографским способом.

Заказ № 4010. Л96046. Тираж 100 000 экземпляров. (Третий завод 16—65 000 экземпляров). Цена 20 рублей.

Первая Образцовая типография треста «Полиграфкнига», Огиза при СНК РСФСР. Москва, Валовая, 28.

